This is a digital copy of a book that was preserved for generations on library shelves before it was carefully scanned by Google as part of a project to make the world's books discoverable online.

It has survived long enough for the copyright to expire and the book to enter the public domain. A public domain book is one that was never subject to copyright or whose legal copyright term has expired. Whether a book is in the public domain may vary country to country. Public domain books are our gateways to the past, representing a wealth of history, culture and knowledge that's often difficult to discover.

Marks, notations and other marginalia present in the original volume will appear in this file - a reminder of this book's long journey from the publisher to a library and finally to you.

Usage guidelines

Google is proud to partner with libraries to digitize public domain materials and make them widely accessible. Public domain books belong to the public and we are merely their custodians. Nevertheless, this work is expensive, so in order to keep providing this resource, we have taken steps to prevent abuse by commercial parties, including placing technical restrictions on automated querying.

We also ask that you:

+ *Make non-commercial use of the files* We designed Google Book Search for use by individuals, and we request that you use these files for personal, non-commercial purposes.
+ *Refrain from automated querying* Do not send automated queries of any sort to Google's system: If you are conducting research on machine translation, optical character recognition or other areas where access to a large amount of text is helpful, please contact us. We encourage the use of public domain materials for these purposes and may be able to help.
+ *Maintain attribution* The Google "watermark" you see on each file is essential for informing people about this project and helping them find additional materials through Google Book Search. Please do not remove it.
+ *Keep it legal* Whatever your use, remember that you are responsible for ensuring that what you are doing is legal. Do not assume that just because we believe a book is in the public domain for users in the United States, that the work is also in the public domain for users in other countries. Whether a book is still in copyright varies from country to country, and we can't offer guidance on whether any specific use of any specific book is allowed. Please do not assume that a book's appearance in Google Book Search means it can be used in any manner anywhere in the world. Copyright infringement liability can be quite severe.

About Google Book Search

Google's mission is to organize the world's information and to make it universally accessible and useful. Google Book Search helps readers discover the world's books while helping authors and publishers reach new audiences. You can search through the full text of this book on the web at `http://books.google.com/`

Google

Это цифровая коиия книги, хранящейся для иотомков на библиотечных иолках, ирежде чем ее отсканировали сотрудники комиании Google в рамках ироекта, цель которого - сделать книги со всего мира достуиными через Интернет.

Прошло достаточно много времени для того, чтобы срок действия авторских ирав на эту книгу истек, и она иерешла в свободный достуи. Книга иереходит в свободный достуи, если на нее не были иоданы авторские ирава или срок действия авторских ирав истек. Переход книги в свободный достуи в разных странах осуществляется ио-разному. Книги, иерешедшие в свободный достуи, это наш ключ к ирошлому, к богатствам истории и культуры, а также к знаниям, которые часто трудно найти.

В этом файле сохранятся все иометки, иримечания и другие заииси, существующие в оригинальном издании, как наиоминание о том долгом иути, который книга ирошла от издателя до библиотеки и в конечном итоге до Вас.

Правила использовапия

Комиания Google гордится тем, что сотрудничает с библиотеками, чтобы иеревести книги, иерешедшие в свободный достуи, в цифровой формат и сделать их широкодостуиными. Книги, иерешедшие в свободный достуи, иринадлежат обществу, а мы лишь хранители этого достояния. Тем не менее, эти книги достаточно дорого стоят, иоэтому, чтобы и в дальнейшем иредоставлять этот ресурс, мы иредириняли некоторые действия, иредотвращающие коммерческое исиользование книг, в том числе установив технические ограничения на автоматические заиросы.

Мы также иросим Вас о следующем.

- Не исиользуйте файлы в коммерческих целях.
  Мы разработали ирограмму Поиск книг Google для всех иользователей, иоэтому исиользуйте эти файлы только в личных, некоммерческих целях.

- Не отиравляйте автоматические заиросы.
  Не отиравляйте в систему Google автоматические заиросы любого вида. Если Вы занимаетесь изучением систем машинного иеревода, оитического расиознавания символов или других областей, где достуи к большому количеству текста может оказаться иолезным, свяжитесь с нами. Для этих целей мы рекомендуем исиользовать материалы, иерешедшие в свободный достуи.

- Не удаляйте атрибуты Google.
  В каждом файле есть "водяной знак" Google. Он иозволяет иользователям узнать об этом ироекте и иомогает им найти доиолнительные материалы ири иомощи ирограммы Поиск книг Google. Не удаляйте его.

- Делайте это законно.
  Независимо от того, что Вы исиользуйте, не забудьте ироверить законность своих действий, за которые Вы несете иолную ответственность. Не думайте, что если книга иерешла в свободный достуи в США, то ее на этом основании могут исиользовать читатели из других стран. Условия для иерехода книги в свободный достуи в разных странах различны, иоэтому нет единых иравил, иозволяющих оиределить, можно ли в оиределенном случае исиользовать оиределенную книгу. Не думайте, что если книга иоявилась в Поиске книг Google, то ее можно исиользовать как угодно и где угодно. Наказание за нарушение авторских ирав может быть очень серьезным.

О программе Поиск кпиг Google

Миссия Google состоит в том, чтобы организовать мировую информацию и сделать ее всесторонне достуиной и иолезной. Программа Поиск книг Google иомогает иользователям найти книги со всего мира, а авторам и издателям - новых читателей. Полнотекстовый иоиск ио этой книге можно выиолнить на странице `http://books.google.com/`

Slav 1391.15

Harvard College
Library

THE GIFT OF
Archibald Cary Coolidge
Class of 1887
PROFESSOR OF HISTORY

Фототипія Шереръ, Набгольцъ и К° въ Москвѣ.

84.

ФЕЛЬДМАРШАЛЪ

КНЯЗЬ АЛЕКСАНДРЪ ИВАНОВИЧЪ БАРЯТИНСКІЙ.

1815—1879.

ТОМЪ ВТОРОЙ.

А. Л. Зиссермана.

МОСКВА.
Университетская типографія, Страстной бульваръ.
1890.

Slav 1391.15

HARVARD COLLEGE LIBRARY
COOLIDGE FUND
APR 29 1939

1038
4

ОГЛАВЛЕНІЕ ВТОРАГО ТОМА.

Стран.

Глава I-я. Назначеніе состоять при особѣ Императора.— Два письма князя Воронцова. — Выѣздъ въ свитѣ Государя въ Москву и Крымъ. — Письмо къ князю Воронцову.—Разговоръ съ барономъ Ливеномъ объ унтеръ-офицерахъ.—Возвращеніе въ Петербургъ.—Назначеніе командиромъ резервнаго гвардейскаго корпуса.—Эпизодъ съ провинившимся офицеромъ.—Предположеніе о предстоявшихъ дѣйствіяхъ на Кавказѣ и требованіе по этому мнѣнія разныхъ лицъ. — Опроверженіе княземъ Барятинскимъ взглядовъ генерала Муравьева.—Письмо къ князю Воронцову и отвѣтъ его.—Назначеніе на Кавказъ главнокомандующимъ и намѣстникомъ ..... 1—35

Глава II-я. Поздній отъѣздъ на Кавказъ.—Пребываніе въ Москвѣ.—Путешествіе по Волгѣ и Каспійскому морю.—Прибытіе въ Петровскъ и Темиръ-Ханъ-Шуру.—Рекогносцировка къ Гимринскому спуску.—Предположенія о Закаспійскомъ краѣ и письмо къ Великому Князю Константину Николаевичу. — Отвѣтъ Его Высочества.—Пріѣздъ въ Тифлисъ.—Письмо къ Государю.—Второе письмо къ Великому Князю ..... 36—83

Глава III-я. Положеніе наше на Кавказѣ въ 1856 году.— Реорганизація военнаго управленія.—Выборъ главныхъ начальствующихъ лицъ.—Очеркъ начавшейся, послѣ назначенія князя Барятинскаго главнокомандующимъ, военной дѣятельности..... 84—118

Глава IV-я. Политика Англіи и экспедиція авантюристовъ къ восточному берегу Чернаго моря.—Взгляды по этому поводу князя Барятинскаго.—Объѣздъ Сѣвернаго Кавказа.—Устройство Военно-Грузинской дороги.—Поѣздка по Лѣвому крылу до Хасавъ-Юрта.—Рекогносцировка въ Аухъ.—Посѣщеніе Ставрополя, Праваго крыла, Пятигорска.—Возвращеніе въ Тифлисъ.—Безпрерывность и настойчивость военныхъ дѣйствій.—Дѣла въ Чечнѣ и Салатавіи.—Овладѣніе Аргунскимъ ущельемъ.—Дѣйствія Лезгин-

скаго отряда.—Смерть барона Вревскаго и приказъ объ этомъ по арміи.—Взятіе Веденя.—Письмо князя къ Евдокимову и отвѣтъ его.—Предположенія на 1859 годъ ..... 119—203

Глава V-я. О значеніи предпринятыхъ на Кавказѣ дѣйствій.—Поѣздка въ Петербургъ.—Увѣренность окончить войну съ Шамилемъ въ 1859 г.—Возвращеніе на Кавказъ.—Поѣздка въ Аргунское ущелье, по Ичкеріи, въ Чеченскій отрядъ.—Переписка о Н. И. Евдокимовѣ.—Эпизодъ съ противорѣчивыми приказаніями.—Ходъ дѣлъ въ Дагестанскомъ отрядѣ. — Громадный результатъ перехода чрезъ Койсу.—О поводахъ къ противорѣчивымъ приказаніямъ ..... 204—263

Глава VI-я. Прибытіе въ лагерь Чеченскаго отряда. — Предположенія о предстоящихъ дѣйствіяхъ.—Пріѣздъ барона Врангеля.—Попытка Шамиля завести переговоры о мирѣ.—Переписка по этому поводу.— Пожалованіе Георгія 2-й ст.—Достигнутые важные успѣхи.—Возстановленіе Аварскаго ханства.—Отъѣздъ изъ Чеченскаго отряда. — Посѣщеніе вновь покорившихся обществъ.—Депеша Государя и приказъ по арміи ..... 264—282

Глава VII-я. Прибытіе подъ Гунибъ.— Опасенія за результатъ штурма. Предложенія Шамилю сдаться и переговоры съ съ нимъ.—Предположенія о правильной осадѣ Гуниба и отъѣздѣ князя.—Разговоръ съ княземъ Мирскимъ.—Измѣненіе предположеній объ осадѣ.—Расположеніе войскъ вокругъ Гуниба.—Удачное движеніе ихъ на Гунибъ.—Извѣстіе, что Шамиль окруженъ, и отъѣздъ князя на Гунибъ.—Переговоры предъ сдачею Шамиля.—Сдача его на волю побѣдителя.— Сцена свиданіи съ княземъ. — Отправленіе Шамиля въ лагерь.—Депеша объ этомъ Государю и приказъ по арміи. — Отъѣздъ князя въ Тифлисъ. — Торжественныя встрѣчи. — Пожалованіе ордена Андрея Первозваннаго.—Дѣло о постройкѣ тріумфальной арки..... 283—308

Глава VIII-я. Причины успѣшности дѣйствій съ 1856 г.— Обзоръ дѣйствій на Западномъ Кавказѣ.—Результаты достигнутые въ теченіе трехъ лѣтъ. — Положеніе дѣлъ въ Кутаискомъ генералъ-губернаторствѣ. — Рѣшеніе перевести войска и средства съ Восточнаго на Западный Кавказъ.—Переписка съ Государемъ.—Появленіе отряда Филипсона въ Хашкеты и изъявленіе Абадзехами съ Магометъ-Эминомъ покорности.—Письмо объ этомъ къ Государю. — Производство въ фельдмаршалы.— Поздравленія и торжества по этому случаю. — Оцѣнка заслугъ князя Барятинскаго..... 309—338

Глава IX-я. Планъ дѣйствій въ 1860 г. — Положеніе дѣлъ въ Дагестанѣ.—Положеніе въ Чечнѣ. — Возникшія тамъ волненія.—Усмиреніе возстанія. — Стремленія горцевъ къ выселенію въ Турцію.—Письмо по этому поводу къ Государю.—Мѣры къ избѣжанію волненій въ будущемъ.—Ходъ дѣлъ на Западномъ Кавказѣ.—Положеніе въ Кутаисскомъ генералъ-губернаторствѣ.—Необходимость заселенія Закубанскаго края казаками. — Противорѣчія въ Петербургской коммиссіи. — Усиленное наступленіе ген. Филипсона противъ горцевъ. - Недовольство фельдмаршала результатами дѣйствій. — Назначеніе гр. Евдокимова на Правое крыло. - Пріѣздъ главнокомандующаго во Владикавказъ и совѣщаніе.—Результаты совѣщанія ..... 339—369

Глава X-я. Упраздненіе особаго Черноморскаго казачьяго войска.—Возбужденное этимъ неудовольствіе. Стремленіе выселить горцевъ въ Турцію и заселить край казаками.—Предположеніе переселять цѣлыми станицами.—Неожиданное препятствіе къ исполенію этого.—Волненіе среди казаковъ.—Причины волненій.—Опасенія по этому поводу. — Болѣзнь фельдмаршала и его письмо къ Государю.—Выѣздъ его за границу.—Прекращеніе безпорядка между казаками.—Письмо къ Д. А. Милютину.—Три письма къ Государю..... 370—393

Глава XI-я. Военныя дѣйствія по указаніямъ фельдмаршала.—Возстаніе Абадзеховъ.—Борьба съ ними и Убыхами.—Вытѣсненіе горцевъ къ морю.—Уходъ ихъ въ Турцію. — Усиленіе болѣзни фельдмаршала и остановка на пути въ Вильнѣ.—Письмо къ Государю о Польскихъ дѣлахъ и перенесеніи столицы въ Кіевъ.—Просьба объ увольненіи съ Кавказа.—Рескриптъ при увольненіи отъ должностей.—Благодарственное письмо къ Государю..... 394—458

ПРИЛОЖЕНІЯ.

1. Записка князя Барятинскаго о покореніи Кавказа..... 13
2. Докладъ военнаго министра о новомъ военномъ раздѣленіи Кавказскаго края и распредѣленіи въ ономъ войскъ..... 18
3. Докладъ военнаго министра о нѣкоторыхъ административныхъ мѣрахъ въ отношеніи къ покорнымъ племенамъ Кавказа 26
4. Записка военнаго министра отъ 5-го Мая 1856 г. № 257. Объ общемъ планѣ дѣйствій на Кавказѣ..... 30
5. Новое устройство Восточнаго берега Чернаго моря..... 30
6. Письма статсъ-секретаря В. П. Буткова къ князю А. И. Барятинскому ..... 54 и 229
7. Письма генералъ-адъютанта Коцебу..... 58 и 246
8. Письма А. В. Головнина..... 59, 111, 178 и 307
9. Переписка военнаго министра генер.-адъют. Н. О. Сухозанета съ княземъ А. И. Барятинскимъ..... 61, 184 и 249
10. Переписка великаго князя Константина Николаевича съ княземъ А. И. Барятинскимъ..... 106, 169, 173 и 305
11. Переписка (графа) Д. А. Милютина съ княземъ А. И. Барятинскимъ..... 103, 142 и 386
12. Переписка князя Барятинскаго съ министромъ иностранныхъ дѣлъ княземъ А. М. Горчаковымъ..... 200
13. Письма генер.-лейт. Милютина къ генер.-адъютанту барону Врангелю 255
14. Записка князя А. И. Барятинскаго о внутреннемъ состояніи Кавказа 277
15. Письмо графа П. Д. Киселева къ князю Барятинскому..... 308
16. Письмо Н. В. Ханыкова 331
17. Письмо Донскаго атамана генер.-адъют. Хомутова 332
18. Стихи князя П. А. Вяземскаго..... 332
19. Изъ письма М. П. Погодина. 1860 334
20. Приказы по Кавказской арміи 338
21. Письма начальника главнаго штаба Кавказской арміи А. П. Карцова къ князю А. И. Барятинскому 418

ФЕЛЬДМАРШАЛЪ
КНЯЗЬ А. И. БАРЯТИНСКІЙ.

ЧАСТЬ ВТОРАЯ.

Глава I.

Назначеніе состоять при особѣ Императора.—Два письма князя Воронцова.—Выѣздъ въ свитѣ Государя въ Москву и Крымъ.—Письмо къ князю Воронцову.—Разговоръ съ барономъ Ливеномъ объ унтеръ-офицерахъ.—Возвращеніе въ Петербургъ.—Назначеніе командиромъ резервнаго гвардейскаго корпуса.—Эпизодъ съ провинившимся офицеромъ.—Предположеніе о предстоявшихъ дѣйствіяхъ на Кавказѣ и требованіе по этому мнѣнія разныхъ лицъ.—Опроверженіе княземъ Барятинскимъ взглядовъ генерала Муравьева.—Письмо къ князю Воронцову и отвѣтъ его.—Назначеніе на Кавказъ главнокомандующимъ и намѣстникомъ.

Съ прибытіемъ въ Петербургъ, князь Барятинскій былъ назначенъ состоять при особѣ Императора Александра Николаевича. Если мы вспомнимъ, что это было въ Іюнѣ 1855 г., то легко себѣ представить положеніе, въ которомъ находился Государь, три только мѣсяца передъ тѣмъ вступившій на престолъ. Каждый день приносилъ скорбныя извѣстія о страшной борьбѣ, происходившей въ Севастополѣ, о громадныхъ кровавыхъ жертвахъ, поглощаемыхъ этою борьбою, исходъ которой, увы! не могъ возбуждать большихъ надеждъ въ нашу пользу. Въ такія минуты присутствіе близкаго человѣка, давно испытаннаго въ преданности, къ тому же въ послѣднія нѣсколько лѣтъ умудреннаго опытомъ, не могло не быть отраднымъ и ободряющимъ для новаго Государя.

Князь Барятинскій никогда не велъ дневника, не оставилъ почти никакихъ записокъ или черновыхъ писемъ, и

только акуратно сохранялъ всѣ получаемыя письма. Задача біографа, поэтому, крайне затруднена: приходится ограничиваться письмами разныхъ лицъ, небольшимъ числомъ писемъ самого князя Александра Ивановича и то лишь найденныхъ въ архивѣ князя Воронцова, да частью у графа Милютина и у покойнаго статсъ-секретаря Крузенштерна, оффиціальными документами, нѣкоторыми сообщеніями близкихъ ему лицъ и собственными воспоминаніями (біографа) о періодѣ Кавказской дѣятельности князя.

За время отъѣзда съ Кавказа въ Маѣ 1855 г., въ теченіе почти года, свѣдѣнія о дѣятельности князя Барятинскаго весьма скудны: переписка съ княземъ Воронцовымъ хотя и продолжалась, но уже не такъ часто; къ тому же не всѣ письма сохранились.

Вотъ два изъ писемъ князя Михаила Семеновича.

Изъ Дрездена отъ 18 Февраля (2 Марта) 1855 года.

„Цѣлый вѣкъ мы съ вами не переписывались; мое послѣднее письмо было отъ 27 Декабря, ваше отъ 14 Ноября. Въ этотъ промежутокъ времени я хотѣлъ вамъ писать, но каждую минуту ожидалъ извѣстій о томъ, что́ вы рѣшите послѣ перваго свиданія съ новымъ вашимъ начальникомъ. Его отъѣздъ изъ Петербурга былъ задержанъ. Хотя первыя же письма изъ Тифлиса вѣроятно извѣстятъ насъ о прибытіи генерала Муравьева и принятыхъ имъ на первыхъ порахъ мѣрахъ, но я на всякій случай пишу вамъ нѣсколько словъ, потому что долгое молчаніе между нами мнѣ весьма тягостно; нужно и о нашихъ новостяхъ вамъ разсказать.

„Благодаря Бога, дѣла у васъ на Кавказѣ были хороши, и непріятель на Азіятской границѣ скорѣе ослабленъ, чѣмъ усиленъ. Судя по газетамъ, Курды, надѣлавшіе намъ въ 1853 году столько хлопотъ и дѣйствовавшіе противъ насъ наступательно, въ настоящее время скорѣе на нашей сторонѣ, чѣмъ на сторонѣ Турокъ, и оказываютъ намъ много услугъ. Съ другой стороны, союзникамъ столько дѣла въ Крыму и нужно побороть столько затрудненій, что едвали они могутъ подумать о чемъ нибудь серьезномъ въ пользу Анатолійской Турецкой арміи, или о сильныхъ высадкахъ на Кавказѣ.

„На Кавказской линіи и въ Дагестанѣ Шамиль, безъ сомнѣнія, долженъ былъ возымѣть большія надежды, въ виду войны западныхъ державъ противъ насъ; однако въ теченіе двухъ лѣтъ ожиданія его не сбылись, и онъ видитъ Россію на обоихъ склонахъ хребта также сильною, какъ и всегда.

„Судя по рѣчамъ новыхъ Англійскихъ министровъ, возможно, что совѣщанія въ Вѣнѣ склонятся на сторону всеобщаго примиренія. Лордъ Джонъ-Россель прибылъ третьяго дня въ Берлинъ и долженъ былъ немедленно уѣхать въ Вѣну; а въ самой Англіи, какъ въ министерствѣ, такъ и въ странѣ, партія мира усиливается. Пилисты, присоединившіеся къ министерству лорда Пальмерстона, почти всѣ на сторонѣ мира, а тѣ которые не вошли въ составъ министерства поддержатъ его только въ такомъ случаѣ, если онъ выкажетъ себя миролюбивымъ. Если же, не смотря на все это, Англійское правительство требуетъ въ ослѣпленіи и раздраженіи противъ насъ, также какъ г-нъ Луи-Наполеонъ, войны: то, я думаю, мы достаточно сильны, чтобы защищаться противъ нихъ всѣхъ, и Богъ поможетъ нашему правому дѣлу.

„Положеніе Пруссіи и Союза кажется благопріятнымъ; можно предполагать, что и Австрія не разъ подумаетъ прежде чѣмъ рѣшится объявить себя совсѣмъ противъ насъ и не поддержать нашу, столь умѣренно-справедливую программу, по которой Государь рѣшился согласиться на условія, нѣсколько мѣсяцевъ тому назадъ нашими же врагами предложенныя.

„Мы все прозябаемъ здѣсь въ Дрезденѣ въ ожиданіи событій и весны. Я акуратно продолжаю предписанный курсъ лѣченія, но кромѣ отсрочки скверныхъ симптомовъ моей болѣзни, другаго результата не вижу. Нѣсколько недѣль тому назадъ со мною приключилась еще новая болѣзнь, въ родѣ вашей, ревматическая подагра въ лѣвой ногѣ. Нѣсколько дней я былъ не въ состояніи выходить изъ дому, что́ мнѣ было крайне тяжело, такъ какъ движеніе на воздухѣ мнѣ необходимо; теперь, хотя и съ болью, я хожу, и доктора говорятъ, что я долженъ скорѣе выносить эту боль, чѣмъ оставаться безъ движенія. Въ случаѣ заключенія мира, я могъ бы въ Маѣ мѣсяцѣ отправиться въ Карлсбадъ; но если наши отно-

шенія съ Австріею еще болѣе омрачатся, мнѣ было бы очень тягостно находиться въ подвластной ей мѣстности. Останется удовольствоваться курсомъ лѣченія искусственными водами здѣсь, или еще лучше въ Кіевѣ, гдѣ я имѣлъ бы по крайней мѣрѣ утѣшеніе быть посреди своихъ, слышать одно общее мнѣніе и видѣть одинъ общій энтузіазмъ".

Слѣдующее письмо было отъ 15 (27) Мая, тоже изъ Дрездена.

„Я получилъ ваше милое письмо отъ 20 Марта ст. стиля въ отвѣтъ на мое, посланное нѣсколько ранѣе. Я очень радъ, что вы продолжаете служить Кавказу и находите вообще военное положеніе края усилившимся, не только для обороны, но и для наступленія.

„Надежды на миръ съ каждымъ днемъ становятся все слабѣе; но наши враги такъ заняты своими настоящими и будущими операціями въ Европѣ, что я не боюсь, чтобы они могли предпринять что нибудь серьезное въ Азіи.

„Генералъ Муравьевъ очень хорошо сдѣлалъ, что довѣрилъ Лезгинскую линію князю Андроникову, подчинивъ ему всѣ прилегающія съ Сѣвера и Юга мѣстности: Левану Меликову было бы невозможно нести отвѣтственность въ одно и тоже время за все, что́ могло бы случиться между Закаталами и Нухой и на лѣвомъ флангѣ Лезгинской линіи, въ случаѣ, если бы непріятель вздумалъ серьезно атаковать эти пункты.

„Вы можете судить, какую радость мы испытали, узнавъ объ освобожденіи интересныхъ Цинондальскихъ плѣнницъ и что онѣ, а равно и всѣ дѣти, такъ чудесно сохранились. Было бы любопытно узнать, что́ будетъ дѣлать молодой Шамиль у своего отца, войдетъ ли онъ во вкусъ и привычки страны, какъ будетъ встрѣченъ и принятъ разными наибами и членами собственной семьи?

„Хорошо сдѣлали, что призвали Бакланова командовать кавалеріею въ Кахетіи; это очень полезный резервъ, если только можно безъ него обойтись на Лѣвомъ флангѣ. Я хотѣлъ бы имѣть втораго Бакланова для Крыма, гдѣ у насъ прекрасная многочисленная кавалерія, до сихъ поръ ничего не сдѣлавшая.

„Сердечно вамъ благодаренъ за все, что̀ вы говорите о моемъ здоровьи. Безпокойства и тревоги послѣднихъ шести мѣсяцевъ парализовали всякій успѣхъ моего лѣченія; нервы мои сильно разстроены. Хочу пробовать здѣсь, въ Дрезденѣ, Карлсбадскія воды, подъ присмотромъ доктора Геденіуса; здѣсь я буду спокойнѣе чѣмъ въ Карлсбадѣ, гдѣ нельзя избѣжать большаго свѣта и встрѣчи со многими иностранцами. Наши планы: сейчасъ же послѣ лѣченія, т. е. около 10-го Іюля н. ст., уѣхать прямо въ Петербургъ, гдѣ я чувствую обязанность и необходимость представиться нашему новому Монарху. Тамъ мы рѣшимъ, гдѣ будемъ искать отдыха; но во всякомъ случаѣ на осень и зиму останемся въ Россіи“.

Между тѣмъ, князь Барятинскій находился въ Петербургѣ безъ всякой опредѣленной дѣятельности. Какъ провелъ онъ эти лѣтніе мѣсяцы, Іюнь и Іюль 1855 года, принималъ ли участіе въ какихъ-нибудь совѣщаніяхъ по поводу тогдашнихъ военныхъ событій, неизвѣстно; только изъ приводимаго ниже письма его къ князю Воронцову оказывается, что онъ выѣхалъ въ свитѣ Государя изъ Петербурга.

„Отрада *), 4 Августа 1855 года. Поручаю брату моему Анатолію доставить вамъ это письмо. Онъ самъ поѣдетъ въ Царское Село, чтобы передать вамъ извѣстія о Семенѣ, котораго онъ видѣлъ въ проѣздъ чрезъ Симферополь. Такимъ образомъ я убѣжденъ, что это письмо попадетъ по адресу безъ огласки.

„Императоръ, по прибытіи въ Кремль, совершилъ всѣ обычныя церемоніи; какъ и должно было ожидать, онъ былъ принятъ всѣми съ великимъ энтузіазмомъ.....

„Вчера я получилъ приказаніе Государя сопровождать его въ путешествіи. Его Величество измѣнилъ свое предположеніе и вмѣсто Варшавы ѣдетъ въ Николаевъ. Признаюсь, эта перемѣна мнѣ не нравится; исполненіе этого намѣренія можетъ стать затруднительнымъ. Вчера Государь пригласилъ меня присутствовать при чемъ-то въ родѣ военнаго совѣщанія; тамъ были: Ливенъ, Долгоруковъ и я. Разбирался вопросъ объ оставленіи Крыма. Государь и эти господа скло-

*) Имѣніе графа Орлова-Давыдова, въ Серпуховскомъ уѣздѣ.

нялись на то, чтобы удержать эту страну, сосредоточивъ войска въ самомъ центрѣ Крыма. Я высказалъ свое мнѣніе, которое впрочемъ и ваше, что слѣдуетъ отодвинуть главную часть арміи къ Перекопу, а на дорогѣ къ Симферополю оставить сильный авангардъ; за тѣмъ переобразовать армію и создать ее къ веснѣ сильною и грозною,—безъ чего мы потеряемъ остальное, и намъ будутъ предписывать законы. Я имѣлъ также случай подать голосъ относительно Кавказа и передать ваше мнѣніе о Баязетѣ. Императоръ вполнѣ раздѣляетъ эту мысль и приказалъ написать объ этомъ Муравьеву.

„Вотъ въ нѣсколькихъ словахъ событія, которыя могутъ васъ интересовать. Братъ мой можетъ передать вамъ подробности, которыя вы захотѣли-бы имѣть относительно Крыма; онъ весьма развитой офицеръ и, по отзывамъ всѣхъ, служилъ послѣднее время примѣрно. P. S. Васъ можетъ удивить помѣта этого письма:—испросивъ у Государя на нѣсколько дней отпускъ, я пріѣхалъ сюда для свиданія съ родными“.

Во время поѣздки съ Государемъ въ Крымъ, князь Барятинскій съ 27 Сентября по 15 Октября командовалъ всѣми войсками, собранными въ Николаевѣ и его окрестностяхъ.

Во время этой же поѣздки былъ случай, характеризующій взгляды князя Барятинскаго, какъ истинно-военнаго человѣка. Баронъ Ливенъ щеголялъ тѣмъ, что особенно удачно отличалъ унтеръ-офицеровъ отъ рядовыхъ, а въ то время на шинеляхъ между ними никакихъ отличій не было. Ѣхавши вмѣстѣ въ одномъ экипажѣ, князь, какъ бы не понимая въ чемъ суть, просилъ Ливена объяснить, какъ это ему дается.

— Очень просто: я вижу солдата—молодецъ собой, и я увѣренъ, что это унтеръ-офицеръ.

— У насъ на Кавказѣ, замѣтилъ князь, люди выбираются въ унтеръ-офицеры не по наружности. Молодецъ собой можетъ быть дрянной человѣкъ, между тѣмъ какъ въ унтеръ-офицерахъ вся сила полка. Унтеръ-офицеры должны быть молодцами въ нравственномъ отношеніи, они должны соеди-

нять всѣ моральныя качества солдата; выбирать же ихъ по наружности—значитъ деморализовать армію.

Отвѣтъ не совсѣмъ понравился барону, привыкшему къ другой системѣ, особенно въ гвардіи, гдѣ въ тѣ времена, бывало, осмотрятъ солдата и, если наружность понравится, назначатъ къ производству въ унтеръ-офицеры: но князь Барятинскій продолжалъ развивать свою мысль.

— Полковому командиру предоставлено право давать и снимать галуны; право это весьма важно, потому что оно даетъ возможность поддерживать въ полку военный духъ и дисциплину, качества, дѣлающія людей храбрыми, послушными при удачѣ, терпѣливыми при неудачѣ, безъ чего нѣтъ хорошихъ войскъ. Если у насъ принята другая система производства въ унтеръ-офицеры, особенно въ гвардіи, то это потому, что высшія лица обращаютъ главное вниманіе на смотры, на внѣшность войска. Система Фридриха Великаго имѣть большія массы, движущіяся съ точностью часоваго механизма, отжила свой вѣкъ и принесла намъ уже довольно вреда. Между тѣмъ смотры, какъ ихъ теперь дѣлаютъ, не болѣе какъ остатокъ этой системы. Требуютъ отъ солдата щегольской наружности и церемоніальнаго марша, а другія моральныя и болѣе важныя качества оставляютъ въ сторонѣ.

Разсказывая впослѣдствіи объ этомъ случаѣ, князь добавилъ, что „теперь (т.-е. послѣ Крымской войны) хотя уже дознано, что стрѣльба въ пѣхотѣ, ловкость и легкость въ кавалеріи суть важнѣйшія качества, и командиры уже стали наблюдать за этимъ, однако когда дѣло доходитъ до царскаго смотра требуютъ одной лишь внѣшности. Въ одномъ комитетѣ происходили на эту тему пренія, и старый усердный генералъ Офенбергъ въ раздраженіи крикнулъ однажды: „У меня два глаза; одинъ видитъ по новому, а другой по старому. Обоими я ничего не вижу; ну, выколите мнѣ одинъ, чтобы я могъ видѣть“. Нельзя было не согласиться съ генераломъ, что двухъ цѣлей преслѣдовать нельзя: или нужно идти съ вѣкомъ, или придерживаться тактики Фридриха II. Стоитъ только посмотрѣть, какъ у насъ дѣлаютъ инспекторскіе смотры, чтобы убѣдиться, до какой степени нравственная сторона въ войскахъ упускается изъ вида“.

До возвращенія въ Петербургъ, князь Барятинскій получилъ еще одно письмецо отъ князя Воронцова, отъ 12-го Октября, изъ Петербурга, посланное чрезъ графа Андрея Шувалова, ѣхавшаго курьеромъ къ Государю. Князь Михаилъ Семеновичъ выражалъ всеобщее безпокойство, что Императоръ такъ долго остается среди всей этой сумятицы, тогда какъ полагали, что если онъ уже рѣшился ѣхать туда, то не болѣе какъ на два, на три дня. Старикъ молитъ Бога, чтобы Онъ сохранилъ и поддержалъ Монарха въ томъ запутанномъ положеніи, въ которомъ онъ находился. О себѣ писалъ онъ, что по волѣ Государя присутствуетъ въ комитетѣ по защитѣ береговъ и былъ бы очень счастливъ, если бы могъ оказать тамъ хоть нѣсколько пользы. Княгиня Воронцова приписала, по обыкновенію, нѣсколько словъ, полныхъ любви и добрыхъ пожеланій. „Молю Бога, прибавляетъ она, чтобы Онъ благословилъ тамъ всѣ ваши дѣйствія и предпріятія, отъ которыхъ Россія ожидаетъ всего“.

Вскорѣ Государь, а съ нимъ и князь Барятинскій возвратились въ Петербургъ. Севастополь уже палъ, исходъ войны не подлежалъ сомнѣнію; близость мира, на тѣхъ или другихъ условіяхъ, предвидѣлась всѣми. Однако складывать оружія пока не приходилось, и въ числѣ мѣръ могущей возобновиться борьбы, было сформированіе резервнаго гвардейскаго корпуса. 1-го Января 1856 года командиромъ этого корпуса назначенъ князь Барятинскій.

Князь былъ доволенъ своимъ положеніемъ и не жалѣлъ о томъ, что не принималъ участія въ военныхъ дѣйствіяхъ конца Восточной войны. Въ гвардіи были тоже имъ довольны, хотя иногда и вызывалось недоумѣніе нѣкоторыми особенностями его командованія и обращеніемъ съ подчиненными. Одинъ подобный случай князь Александръ Ивановичъ разсказывалъ очень забавно, со свойственнымъ ему юморомъ.

„Какъ-то разъ, гуляя пѣшкомъ, я встрѣтилъ на Николаевскомъ мосту гвардейскаго офицера, который велъ на смѣну караулъ, а самъ ѣхалъ на извощикѣ. Я его подозвалъ и спросилъ, узнаётъ ли онъ меня?—Нѣтъ, ваше превосходительство, былъ отвѣтъ. — Ну, такъ послѣ смѣны вашей съ караула, явитесь къ полковому командиру и разскажите, что,

ведя караулъ, вы ѣхали на извощикѣ и встрѣтили командующаго корпусомъ князя Барятинскаго, который вамъ приказалъ доложить объ этомъ вашему командиру. — Я забылъ объ этомъ случаѣ, но замѣтилъ, что мой начальникъ штаба, являясь съ докладомъ, былъ всё какъ-то разстроенъ. Такъ продолжалось нѣсколько дней. Наконецъ я спросилъ Г. . . . . что̀ съ нимъ, не боленъ ли онъ?—Нѣтъ, не боленъ, отвѣчалъ онъ; но мы находимся всѣ въ большомъ затрудненіи: уже нѣсколько разъ совѣщались съ начальникомъ дивизіи и не знаемъ что̀ дѣлать. Вы изволили встрѣтить офицера, который ѣхалъ на извощикѣ, ведя караулъ, и приказали ему явиться съ докладомъ объ этомъ къ командиру полка. — Ну, такъ что же?—Вы не опредѣлили, какому взысканію подвергнуть этого офицера.—Конечно, не опредѣлилъ: это не мое дѣло. Я этого офицера не знаю; можетъ быть, онъ хорошій офицеръ, и достаточно сдѣлать ему замѣчаніе; а можетъ быть, онъ дрянной; въ такомъ случаѣ можно воспользоваться этимъ происшествіемъ и выгнать его изъ полка. Это дѣло полковаго командира: онъ одинъ въ этомъ судья".

Такихъ пріемовъ, которыхъ князь Барятинскій придерживался во время всей своей службы, пріемовъ совершенно правильныхъ и полезныхъ, въ гвардіи не понимали.

Съ началомъ переговоровъ о мирѣ, само собою, рѣшалась и участь резервнаго гвардейскаго корпуса: онъ вскорѣ долженъ былъ быть расформированъ. Но предъ княземъ Барятинскимъ уже открывался другой, болѣе обширный, свѣтлый горизонтъ, давно судьбою ему предназначенный *).

Съ А. П. Ермоловымъ князь постоянно поддерживалъ самыя дружественныя отношенія. Привожу здѣсь двѣ записки нашего славнаго героя Отечественной войны. Первая, отъ 14-го Марта 1856 года, собственноручная: „Не устрашилъ бы меня морозъ и желалъ бы видѣть много для меня любопытнаго; но вы, почтенный князь Александръ Ивановичъ, угадали настоящую причину и меня заставили лучше постигнуть ее. Искренно уважающій Ермоловъ". О чемъ шла здѣсь рѣчь,

*) За время командованія резервнымъ гвардейскимъ корпусомъ князь Барятинскій награжденъ орденомъ Бѣлаго Орла.

что можно было видѣть любопытнаго въ Мартѣ 1856 года въ Москвѣ, остается загадкой. Вторая записка, отъ 30-го Мая 1856 года, начата собственною рукою: „Почтеннѣйшій князь Александръ Ивановичъ (чужою рукою) далѣе глазъ не допускаетъ писать собственною рукою и потому сокращаю. Въ послѣднее пребываніе ваше здѣсь, я не напоминалъ о извѣстныхъ обѣщанныхъ мнѣ тетрадкахъ. Не можете ли теперь, пополнивъ ихъ, поручить подателю моего письма? Меня сбиваютъ съ толку иностранныя происшествія; хочу отдохнуть на домашнихъ улучшеніяхъ, особливо давно и совершенно отставши отъ всего военнаго“.

Однимъ изъ важнѣйшихъ военныхъ вопросовъ, поднятыхъ тотчасъ же послѣ заключенія Парижскаго мира, былъ вопросъ: не воспользоваться ли находившимися на Кавказѣ, прибывшими туда на время войны съ Турціею, 13 и 18 пѣхотными дивизіями, съ ихъ артилерію и другими подкрѣпленіями, для рѣшительныхъ дѣйствій къ окончательному покоренію Кавказа. Заявленіе о томъ принадлежало Д. А. Милютину. Еще въ Ноябрѣ 1854 года онъ представилъ императору Николаю записку, главная мысль которой заключалась въ томъ, что въ 1828—29 году, послѣ окончанія войны въ Азіатской Турціи, возникло предположеніе воспользоваться присутствіемъ на Кавказѣ войскъ, прибывшихъ туда на время войны, и предпринять рѣшительныя дѣйствія противъ горцевъ; возникла переписка, соображенія, возраженія, время уходило напрасно, а между тѣмъ событія въ Польшѣ заставили поспѣшить возвращеніемъ войскъ изъ-за Кавказа. Теперь опять, по случаю войны, за Кавказъ двинуты значительныя силы, не принадлежащія къ составу постоянныхъ Кавказскихъ войскъ, и слѣдовало бы заблаговременно подумать обо всемъ, относящемся до важнаго и сложнаго вопроса на счетъ установленія системы дѣйствій и употребленія этихъ вспомогательныхъ войскъ, съ наибольшею пользою для довершенія Кавказскихъ дѣлъ, дабы, по окончаніи войны съ Турціей, не теряя времени, приступить къ дѣйствіямъ, какія будутъ предположены. Но тогда, въ самый разгаръ войны, Николай Павловичъ былъ слишкомъ озабоченъ нависшими надъ Россіею тучами, чтобы посвятить свое вниманіе этому вопросу: записка была

оставлена безъ послѣдствій. Когда же миръ былъ почти уже рѣшенъ, императоръ Александръ Николаевичъ, 5-го Марта 1856 года, передалъ записку Д. А. Милютина военному министру, съ тѣмъ, чтобы потребовать мнѣній князя М. С. Воронцова, генерала Муравьева и князя А. И. Барятинскаго: министръ отъ себя прибавилъ И. Е. Коцебу. Кромѣ того генералъ-маіоры Вольфъ и Невѣровскій тоже представили свои соображенія.

Всѣ записки, безъ означенія фамилій авторовъ, были отосланы генералу Муравьеву, который и прислалъ свои соображенія; онъ съ нѣкоторыми пунктами согласился, многое отвергалъ, многое считалъ фантазіями. Его же собственныя предположенія давали поводъ заключать, что покореніе Кавказа въ его рукахъ потребовало бы еще очень и очень многихъ лѣтъ. Полученныя отъ генерала Муравьева представленія были переданы князю Барятинскому, и онъ опровергъ ихъ самымъ категорическимъ образомъ. Лѣтомъ 1856 года онъ былъ особенно этимъ занятъ и, какъ разсказывалъ мнѣ генералъ Ив. Мих. Старицкій (бывшій тогда при князѣ Барятинскомъ въ качествѣ дежурнаго штабъ-офицера резервнаго гвардейскаго корпуса) сильно налегалъ на него, торопя скорѣйшимъ составленіемъ отвѣтовъ. Нѣтъ сомнѣнія, что они должны были ускорить и самое увольненіе Муравьева, а слѣдовательно и назначеніе князя. (Записки князя Барятинскаго и доклады по нимъ военнаго министра помѣщены въ приложеніи).

Къ этому времени относится слѣдующее письмо князя Барятинскаго къ М. С. Воронцову, отъ 15-го Іюля 1856 года изъ Царскаго Села. „Часто получая отъ Семена извѣстія объ васъ, я лишаю себя счастія быть въ прямой перепискѣ съ вами. Мои письма были бы наполнены мыслями о Кавказѣ; да невозможно и не говорить о странѣ, которая такъ интересуетъ насъ обоихъ. Впрочемъ, вы сами знаете, было ли бы пріятно вашему сердцу все то, что̀ я сталъ бы говорить объ этомъ краѣ.

„Горизонтъ, кажется, хочетъ проясниться: говорятъ, что фельдъегерь привезъ вчера письмо къ Государю, въ которомъ М. проситъ объ отставкѣ; но такъ какъ Государь

на нѣсколько дней въ отлучкѣ, то раньше 16 — 17 объ этомъ навѣрное не узнаемъ. Вслѣдъ за симъ я вамъ объ этомъ сообщу. Весьма благодаренъ вамъ и княгинѣ за любезное и внимательное письмо. Я готовъ вамъ объяснить тайну моего молчанія: много разъ я начиналъ письма, гдѣ невольно говорилъ о странѣ, которую вы такъ долго олицетворяли и будете еще долго олицетворять для всѣхъ любящихъ Кавказъ. Я буду очень счастливъ попасть туда, чтобы возобновить ваши учрежденія и мудрыя мѣры, вами заведенныя; твердою цѣлью моей службы будетъ поддерживать духъ вашего управленія, стараясь уничтожить всѣ слѣды того, который насъ разлучилъ. Жду также съ нетерпѣніемъ увидѣть васъ; надѣюсь, вы не оставите меня вашими совѣтами и наставленіями, на случай если я вскорѣ получу извѣстное вамъ назначеніе".

Въ постскриптумѣ прибавлено: „Ихъ Величества спрашивали меня, не имѣю ли отъ васъ извѣстій, и я сообщилъ имъ о полученномъ отъ васъ изъ Вильдбада письмѣ... Я увѣренъ, что смерть славнаго графа Ридигера печально отразилась на васъ: однимъ хорошимъ совѣтникомъ меньше у Государя, который былъ очень огорченъ этимъ".

На это письмо князь Воронцовъ отвѣчалъ изъ Дрездена отъ 5 Августа. „Пишу вамъ всего нѣсколько словъ, такъ какъ можетъ случиться, что мы сами раньше письма будемъ въ Петербургѣ. Не могу отказаться отъ желанія высказать вамъ еще разъ, кромѣ маленькой телеграфной депеши, посланной вчера, какъ сильно мы обрадовались тому, о чемъ вы насъ извѣстили и какъ мы вамъ благодарны, что вы тотчасъ вспомнили насъ и прислали намъ добрыя вѣсти по телеграфу. Радуюсь отъ глубины души во имя той дружбы, которую я къ вамъ питаю, за благо страны, передаваемой въ ваше управленіе. Живо представляемъ себѣ радость, которая повсюду распространится, въ особенности въ Грузіи и Тифлисѣ. Да поддержитъ Господь ваше здоровье для прекраснаго поста, который вы займете и для котораго вы такъ прекрасно подготовлены! Я теперь еще съ бо̀льшимъ нетерпѣніемъ тороплюсь прибытіемъ въ Петербургъ, чтобы обнять васъ, узнать всѣ подробности, сопровождавшія ваше назна-

ченіе и о томъ, что̀ сдѣлаютъ съ Муравьевымъ. Вамъ будетъ пріятно узнать, что наша дорогая Императрица отлично воспользовалась своимъ путешествіемъ и ваннами въ Вильдбадѣ: она совершенно неузнаваема, если вспомнить ея состояніе до выѣзда изъ Петербурга".

22-го Іюля 1856 года князь Барятинскій назначенъ командующимъ отдѣльнымъ Кавказскимъ корпусомъ и исправляющимъ должность намѣстника Кавказскаго, со всѣми правами, какія были присвоены предмѣстнику его.

Осуществились пророчества князя Воронцова; осуществились несомнѣнныя, затаенныя издавна мечты князя Барятинскаго. На 23-мъ году службы, сорока одного года отъ роду, онъ занялъ постъ, могущій удовлетворить самое пылкое честолюбіе.

Оставалось доказать на дѣлѣ, заслужилъ ли онъ такое быстрое возвышеніе.

ПРИЛОЖЕНІЯ.

А. Записка князя Барятинскаго о покореніи Кавказа

По моему убѣжденію, можно весьма счастливо воспользоваться настоящимъ усиленіемъ войскъ на Кавказѣ, чтобы окончить тѣ изъ предположеній, которыя, основываясь на давно и правильно начертанной системѣ, постепенно уже приводились въ исполненіе, но, при несомнѣнной пользѣ ихъ, не могли получить полнаго и энергическаго развитія, собственно по недостатку военныхъ средствъ.

Вмѣстѣ съ тѣмъ, дабы на будущее время стать въ такое положеніе, чтобы съ меньшими силами можно было постоянно держать горскія племена въ страхѣ и спокойствіи, необходимо, не ограничиваясь довершеніемъ однихъ только полезныхъ прежнихъ предположеній, окончательно устранить тѣ невыгоды и недостатки, которые ясно обнаруживаются въ самомъ порядкѣ и развитіи принимаемыхъ доселѣ мѣръ къ занятію края.

Слѣдуетъ начать съ тѣхъ предметовъ, которые, въ настоящемъ положеніи дѣлъ, представляютъ особенную важность и потому требуютъ поспѣшности: возобновленіе пунктовъ Черноморскаго прибрежья, Абхазіи и Цебельды, которые рѣшено будетъ возстановить, и рѣши-

тельное преобразованіе системы обороны Кахетіи и мусульманскихъ провинцій; ибо Лезгинская кордонная линія, по ошибочному своему образованію, весьма дурно удовлетворяетъ этой цѣли.

За тѣмъ, наиболѣе настоятельныя занятія для войскъ будутъ: въ Прикаспійскомъ краѣ истребленіе лѣсовъ Табасарани и вольнаго Кайтаха; на Лѣвомъ флангѣ Кавказской линіи и во Владикавказскомъ округѣ перенесеніе нѣкоторыхъ укрѣпленій, упраздненіе другихъ, производство новыхъ просѣкъ, прочищеніе старыхъ и вообще усиленныя работы по главнымъ путямъ сообщенія.

Къ этому должно присовокупить, что, если представленное мною предположеніе о новой дислокаціи войскъ Кавказскаго корпуса удостоится утвержденія, въ такомъ случаѣ водвореніе новыхъ полковъ и штабовъ на Правомъ флангѣ и въ Центрѣ Кавказской линіи доставитъ, вмѣстѣ съ вышеизложенными предметами, войскамъ, нынѣ тамъ находящимся, достаточно занятій.

Для наиболѣе успѣшнаго исполненія всѣхъ сихъ предположеній слѣдуетъ, прежде всего, распредѣлить занятія войскъ сообразно мѣстнымъ климатическимъ условіямъ и переводить части изъ одной мѣстности въ другую соотвѣтственно времени года; это дастъ наибольшія средства быстрѣе исполнять предположенія, сосредоточивая временно значительныя силы въ необходимыхъ пунктахъ.

Дѣйствія и работы на Лезгинской кордонной линіи могутъ производиться только въ лѣтнее время, тогда какъ дѣйствія въ Чечнѣ непремѣнно должны быть совершаемы зимой и въ теченіе весенняго времени; слѣдовательно, они мѣшать одни другимъ не могутъ. Я считаю необходимымъ удержать сборъ войскъ весною въ Чечнѣ съ тою цѣлію, дабы воспрепятствовать обработыванію и посѣву полей и тѣмъ самымъ принудить непокорныхъ Чеченцевъ, для пропитанія себя и семействъ, просить нашего покровительства, или рѣшиться бѣжать въ чащи Черныхъ горъ и Ичкеріи. Въ первомъ случаѣ ослабляются значительно военныя силы Шамиля, и плодородная плоскость Большой Чечни, питающая Дагестанъ, останется необработанною; во второмъ случаѣ, стѣсненное народонаселеніе въ лѣсахъ Черныхъ горъ и Ичкеріи принуждено будетъ постепенно оголивать этотъ лѣсистый край, чтобы образовать новыя поля для своего пропитанія.

Въ заключеніе долгомъ поставляю выразить убѣжденіе, что занятія войскъ, распредѣленіе оныхъ и время дѣйствій могутъ быть указаны только на мѣстѣ и должны зависѣть отъ полнаго и послѣдовательнаго соображенія главнокомандующаго, опредѣляющаго общій планъ всѣхъ дѣйствій на Кавказѣ. Чтобы планъ этотъ имѣлъ надлежащую полноту, слѣдовало бы, по мнѣнію моему, потребовать

частныя соображенія отъ мѣстныхъ начальниковъ или людей знающихъ хорошо разнородныя мѣста Кавказа; ибо этимъ способомъ для главнокомандующаго облегчился бы трудъ и представилась бы возможность сдѣлать общее соображеніе, а затѣмъ распредѣленіе и полезное употребленіе предлагаемыхъ ему военныхъ средствъ. Съ этою цѣлію было бы полезно въ отношеніи Праваго фланга, Центра Кавказской линіи и Черноморіи спросить мнѣнія генераловъ: Козловскаго, князя Эристова, Граматина, Дебу, Капгера, Филипсона, Волоцкаго и отставнаго генерала Кусакова. Въ отношеніи Лѣваго фланга и Владикавказскаго округа: Козловскаго, барона Вревскаго, Евдокимова, барона Николаи и Ольшевскаго. Относительно Лезгинской кордонной линіи: князя Андроникова, князя Л. Меликова, князя Гр. Орбеліана, князя Гр. Мухранскаго и полковника Услара. Относительно Прикаспійскаго края: князя Гр. Орбеліана, Индреніуса, Суслова, Капгера, Манюкина, Евдокимова и полковниковъ Колосовскаго, Мищенко и Асѣева. И, наконецъ, въ отношеніи Черноморской береговой линіи: Серебрякова, Вагнера, Дебу, Карлгофа и полковника Колюбакина.

Б. Вторая записка князя Барятинскаго о покореніи Кавказа.

Предположивъ въ моей запискѣ раздѣлить Кавказскую линію на два фланга, я имѣлъ въ виду порядокъ, силою обстоятельствъ уже водворившійся въ томъ краѣ и хотя еще не опредѣленный, но ожидающій правильной организаціи; мнѣніе свое я основалъ на настоящей дислокаціи Кавказскихъ войскъ, которая не скоро еще можетъ измѣниться, такъ какъ она образовалась сама собою по военнымъ и нынѣ вполнѣ существующимъ мѣстнымъ требованіямъ; а потому необходимо учредить для войскъ и для занимаемаго ими края соотвѣтственное настоящимъ условіямъ управленіе.

Легко убѣдиться, что и теперь нѣтъ единства въ управленіи Кавказской линіи. Временно-командующій войсками, который командуетъ и 19-ю пѣхотною дивизіею, управляетъ въ самомъ дѣлѣ только Черноморіею, Правымъ флангомъ и Центромъ линіи, и своимъ значеніемъ совершенно соотвѣтствуетъ предположенію о раздѣленіи Кавказской линіи на двѣ, независимыя другъ отъ друга, части. Начальники Владикавказскаго округа и Лѣваго фланга только одною формою отъ него зависятъ; но, вынужденные обстоятельствами, они большею частію получаютъ приказанія прямо отъ главнокомандующаго и сообщаютъ оныя въ Ставрополь только для свѣдѣнія.

Существующій нынѣ порядокъ для охраненія Военно-Грузинской дороги будетъ, по мнѣнію моему, вполнѣ удовлетворителенъ тогда

только, когда Владикавказскій округъ и Лѣвый флангъ соединятся въ одно управленіе. Дорога теперь находится въ вѣдѣніи начальника Владикавказскаго округа, который располагаетъ весьма малымъ числомъ подвижныхъ войскъ, тогда какъ начальникъ Лѣваго фланга будетъ имѣть для защиты дороги болѣе войскъ, и, по взаимному сношенію съ начальникомъ Праваго фланга, Военно-Грузинская дорога будетъ непремѣнно лучше обезпечена, чѣмъ теперь. Въ важныхъ случаяхъ сношеніе смежныхъ начальниковъ образуется само собою, ибо оно основано на обязанности и отвѣтственности помогать другъ другу; оно существуетъ и теперь, въ чрезвычайныхъ случаяхъ, между всѣми смежными военными управленіями Кавказа и составляетъ предметъ священнаго долга каждаго. Такъ точно по защитѣ Военно-Грузинской дороги начальникъ Владикавказскаго округа сносился всегда съ начальникомъ Центра, и потому вмѣшательство третьяго, хотя и начальственнаго лица, когда уже для общихъ военныхъ начертаній существуетъ главнокомандующій, будетъ только безъ пользы замедлять дѣйствія: ибо командующій войсками, по отдаленности своего пребыванія отъ Военно-Грузинской дороги, не можетъ и теперь уже распоряжаться ея защитою, и еслибы онъ находился и ближе, то ему не могутъ быть извѣстны постоянныя измѣненія въ числѣ свободныхъ войскъ по всѣмъ частямъ его управленія; а слѣдовательно онъ не въ состояніи распоряжаться подвижными резервами, размѣры коихъ образуются временными обстоятельствами въ каждомъ изъ подвѣдомственныхъ ему управленій.

Что касается до управленія линейнымъ Кавказскимъ и Черноморскимъ войсками, то я полагалъ бы весьма удобнымъ устроить, чтобы наказные атаманы по всѣмъ предметамъ, ихъ управленія касающимся, относились бы прямо къ главнокомандующему и чтобы управленія кордонными линіями Черноморскаго и Кавказскаго линейнаго войска зависѣли бы отъ дивизіонныхъ командировъ, подобно тому, какъ это существуетъ и теперь между частными начальниками Кавказской линіи въ отношеніи кордонной службы линейнаго казачьяго войска, безъ всякаго притязанія со стороны наказныхъ атамановъ. Такъ напр. Гребенской, Моздокской и 2-й Сунженскій полки находятся по кордонной службѣ въ прямомъ вѣдѣніи начальника Лѣваго фланга, а Владикавказскій и 1-й Сунженскій — начальника Владикавказскаго округа. Остается соблюсти тотъ же порядокъ касательно начальника 19-й дивизіи въ отношеніи къ казакамъ, состоящимъ въ вѣдѣніи его кордона, и раздѣленіе такимъ образомъ установилось бы безъ особенныхъ затрудненій или препятствій. Штабъ-квартиру атамана линейнаго казачьяго войска весьма удобно было бы перенести въ Екате-

ринградъ, въ центръ линіи, занимаемой линейнымъ казачьимъ войскомъ, что̀ вмѣстѣ съ тѣмъ приблизило бы эти управленія къ Тифлису.

За тѣмъ, относительно устройства провіантскаго управленія на Кавказской линіи, я полагаю, что какъ раіонъ провіантскихъ управленій на Кавказѣ можетъ быть измѣняемъ различно, смотря по мѣстнымъ обстоятельствамъ, и какъ канцелярія генералъ-интенданта въ Тифлисѣ занимается общимъ направленіемъ дѣлъ и разрѣшеніемъ всѣхъ представленій по провіантской части: то къ раздѣленію Ставропольскаго коммиссіонерства на двѣ части не можетъ быть никакихъ препятствій, и это раздѣленіе не потребуетъ новыхъ расходовъ сверхъ тѣхъ, какіе нынѣ ассигнуются.

Раздѣленіе инженерной части, равнымъ образомъ, будетъ весьма удобоисполнимо, особенно когда строительная часть военныхъ поселеній Имперіи присоединится къ инженерному корпусу подъ однимъ начальствомъ генералъ-инспектора инженерной части. Въ то время командира VII-го округа военныхъ поселеній можно было бы назначить старшимъ инженеромъ на Правомъ флангѣ, куда онъ перешелъ бы съ половиною своего окружнаго управленія, которое и составило бы его канцелярію и чертежную; а другая половина этого округа перешла бы на Лѣвый флангъ, для сформированія такой же канцеляріи и чертежной при управленіи Лѣваго фланга. За тѣмъ инженерныя отдѣленія: штаба командующаго войсками на Кавказской линіи и начальниковъ фланговъ, вовсе упразднить. Оба старшіе инженера должны быть подчинены на общемъ основаніи начальнику инженеровъ отдѣльнаго Кавказскаго корпуса.

Подобное управленіе инженерною частію на Кавказской линіи не можетъ представить никакого затрудненія, а напротивъ будетъ служить лишь къ упрощенію настоящаго хода дѣлъ и не потребуетъ увеличенія денежныхъ расходовъ и личнаго состава въ общей сложности: ибо отдаленность фланговъ линіи отъ Тифлиса, гдѣ находится начальникъ инженеровъ, требуетъ и при теперешнемъ управленіи назначенія старшихъ инженеровъ, съ тою лишь разницею, что ни права̀, ни кругъ дѣйствій этихъ инженеровъ не были точнымъ образомъ опредѣлены.

Обращаясь затѣмъ къ коммисаріатскому управленію, я не нахожу никакихъ препятствій, чтобъ часть эта, при предполагаемомъ раздѣленіи Кавказской линіи, перешла въ непосредственное завѣдываніе главнаго управленія въ Тифлисѣ, равно какъ и Георгіевскій арсеналъ.

Впрочемъ я уже выразилъ въ запискѣ своей, сколько я считаю полезнымъ, чтобы главнокомандующій предоставилъ мѣстнымъ начальникамъ изложить ближайшія и подробныя ихъ соображенія по всѣмъ

этимъ предметамъ; безъ содѣйствія этихъ лицъ, имѣющихъ ближайшія и подробныя данныя какъ о дальнѣйшемъ ходѣ нашихъ военныхъ дѣйствій, такъ и о развитіи административныхъ распоряженій, нельзя, по мнѣнію моему, и приступать къ составленію полнаго соображенія: ибо тогда утратилась бы общая связь различныхъ мѣстныхъ условій и требованій, до каждой части относящихся.

Что̀ касается до устройства Черноморской береговой линіи, то соображенія мои по сему предмету представлены будутъ вслѣдъ за симъ, въ особой запискѣ.

В. Докладъ военнаго министра

о новомъ военномъ раздѣленіи Кавказскаго края и распредѣленіи в. ономъ войскъ.

Въ запискѣ генералъ-адъютанта князя Барятинскаго, сообщенной по Высочайшему Вашего Императорскаго Величества повелѣнію на заключеніе генералъ-адъютанта Муравьева, относительно новаго распредѣленія по дивизіямъ полковъ, на Кавказѣ расположенныхъ, предложена также мысль о новомъ раздѣленіи этого края въ военномъ отношеніи.

Предположеніе это заключается въ томъ, чтобы взамѣнъ существующаго общаго управленія Кавказской линіи, съ пятью частными управленіями: Черноморіи, Праваго фланга, Центра, Владикавказскаго округа и Лѣваго фланга, раздѣлить Кавказскую линію на двѣ части: *правый флангъ* и *лѣвый флангъ*, такъ чтобы весь Кавказскій край въ военномъ отношеніи былъ раздѣленъ на четыре отдѣла:

I. Черноморія, Правый флангъ и Центръ Кавказской линіи, съ присоединеніемъ бывшаго 1-го отдѣленія Черноморской береговой линіи.

II. Владикавказскій округъ и Лѣвый флангъ Кавказской линіи.

III. Прикаспійскій край.

IV. Закавказскій край.

Въ каждомъ изъ этихъ четырехъ отдѣловъ состояло бы въ прямомъ вѣдѣніи мѣстнаго начальника по одной дивизіи пѣхоты, а именно:

Въ I-мъ отдѣлѣ 19-я пѣхотная дивизія.

Во II-мъ отдѣлѣ 20-я « «

Въ III-мъ « 21-я « «

Въ IV-мъ « гренадерская (полагая дивизіи въ новомъ ихъ составѣ).

При такомъ распредѣленіи войскъ не было бы надобности въ особыхъ начальникахъ дивизій, и слѣдовательно устранились бы невыгоды двойственнаго подчиненія войскъ. Каждый изъ начальниковъ

четырехъ главныхъ частей Кавказа, прямо подчиненный главнокомандующему, получилъ бы необходимую для успѣха дѣйствій самостоятельность.

При томъ отъ упраздняемыхъ управленій сберегались бы, по разсчету князя Барятинскаго, такія суммы, которыя съ незначительнымъ добавленіемъ были бы достаточны для уравненія окладовъ жалованья войскъ, какъ на Кавказской линіи, такъ и въ Закавказскомъ краѣ расположенныхъ.

Генералъ-адъютантъ Муравьевъ, раздѣляя мнѣніе князя Барятинскаго о неудобствахъ существующаго распредѣленія войскъ въ отношеніи подчиненія ихъ разнымъ начальникамъ и происходящаго отъ сего недостатка ближайшаго за благоустройствомъ частей надзора, соглашается и съ основною мыслью изложеннаго выше раздѣленія края, но съ своей стороны предлагаетъ слѣдующій новый проектъ:

1) Всѣ войска, на Кавказѣ расположенныя, раздѣлить на три корпуса; командиры сихъ корпусовъ были бы вмѣстѣ съ тѣмъ и главными мѣстными начальниками: одинъ въ правой сторонѣ Кавказской линіи (отъ Чернаго моря до Военно-Грузинской дороги), другой въ лѣвой сторонѣ (къ Востоку отъ этой дороги, со включеніемъ Сѣвернаго Дагестана) и третій въ Закавказскомъ краѣ, съ присоединеніемъ къ нему и Южнаго Дагестана.

2) Всѣ пѣхотные полки на Кавказѣ имѣть въ 4-хъ баталіонномъ составѣ; изъ остающихся отъ всѣхъ полковъ лишнихъ баталіоновъ образовать новую 22-ю пѣхотную дивизію и такимъ образомъ имѣть всего пять пѣхотныхъ дивизій 19, 20, 21, 22 и гренадерскую.

3) Распредѣлить всѣ войска по корпусамъ, имѣя при этомъ въ виду, чтобы нѣкоторая часть ихъ въ каждомъ корпусѣ составляла подвижной резервъ, совершенно свободный отъ обязанности охранять линіи и пункты, и располагаемый не на передовыхъ линіяхъ и не въ постоянныхъ штабъ-квартирахъ, а внутри края, по обывательскимъ квартирамъ. При этомъ генералъ-адъютантъ Муравьевъ замѣчаетъ, что необходимость такихъ резервовъ выказывается при каждой войнѣ съ Турціею или Персіею и при всякомъ внезапномъ событіи на Кавказѣ, требующемъ немедленной высылки новыхъ войскъ изъ дальнихъ мѣстъ Россіи.

4) Въ сихъ видахъ предложено генераломъ Муравьевымъ слѣдующее распредѣленіе войскъ.

А. Въ корпусѣ правой стороны Кавказскаго края.

2-я бригада 19-й пѣхотной дивизіи въ нынѣшнемъ Центрѣ и на Правомъ флангѣ.

1-я бригада 19-й пѣхотной дивизіи въ резервѣ этого отдѣла.

В. Въ корпусѣ лѣвой стороны Кавказскаго края.

20-я пѣхотная дивизія въ нынѣшнемъ Владикавказскомъ округѣ и на Лѣвомъ флангѣ.

2-я бригада 21-й пѣхотной дивизіи въ Сѣверномъ Дагестанѣ.

1-я бригада 21-й пѣхотной дивизіи въ резервѣ этого отдѣла.

В. Въ корпусѣ Закавказскомъ.

22-я пѣхотная дивизія въ Южномъ Дагестанѣ и на Лезгинской кордонной линіи.

2-я бригада Кавказской гренадерской дивизіи—въ резервѣ, въ Карабахѣ или въ другихъ мѣстахъ южной части Закавказскаго края (чтобы имѣть ближайшій резервъ на случай войны съ Персіею и Турціею, или для подкрѣпленія Южнаго Дагестана).

1-я бригада Кавказской гренадерской дивизіи—въ резервѣ около Тифлиса, гдѣ отъ нея же занимаются караулы.

Линейные баталіоны и другія части Кавказскихъ войскъ также распредѣляются по означеннымъ тремъ корпусамъ. Изъ числа остающихся шести Черноморскихъ линейныхъ баталіоновъ, три предназначаемые для занятія Новороссійска были бы причислены къ Кавказскимъ линейнымъ баталіонамъ и подчинены начальнику Черноморіи, а другіе три баталіона переименовываются въ Грузинскіе и могутъ занять Сухумъ.

5) При такомъ распредѣленіи войскъ, непосредственные ихъ начальники могли бы командовать:

а) Начальникъ 19-й пѣхотной дивизіи—нынѣшнимъ Правымъ флангомъ и Центромъ.

б) Наказной атаманъ Черноморскаго казачьяго войска—кордонною линіею своей области и Закубанскимъ поселеніемъ, которое причисляется къ тому же Черноморскому войску.

в) Начальникъ 20-й пѣхотной дивизіи—нынѣшнимъ Лѣвымъ флангомъ и Владикавказскимъ округомъ.

г) Начальникъ 21-й пѣхотной дивизіи Сѣвернымъ Дагестаномъ.

д) Начальникъ 22-й пѣхотной дивизіи—Южнымъ Дагестаномъ и Лезгинскою кордонною линіею.

е) Начальникъ Кавказской гренадерской дивизіи, которую въ полномъ составѣ можно считать резервомъ Закавказскаго края, не будетъ имѣть никакого спеціальнаго назначенія для мѣстной обороны.

6) Корпусные командиры, имѣя пребываніе въ центрѣ своихъ войскъ, были бы посредствующею властію между начальниками диви-

зій и главнокомандующимъ. На нихъ были бы возложены не только распоряженія чисто-военныя, но и другія важныя обязанности въ раіонѣ ихъ корпусовъ, какъ то: наблюденіе за госпиталями, повѣрка строительныхъ и дорожныхъ работъ, заподряды всякаго рода, разборы сношеній дивизіонныхъ начальниковъ съ губернаторомъ или атаманомъ, инспектированіе дивизій, линейныхъ баталіоновъ и другихъ войскъ, входящихъ въ составъ корпуса. Впрочемъ кругъ дѣйствій корпусныхъ командировъ опредѣлился бы подробнѣе по зрѣломъ обсужденіи этого важнаго предмета, сообразно мѣстнымъ потребностямъ края.

7) Со введеніемъ предполагаемаго новаго устройства упразднились бы слѣдующія должности, управленія и штабы:

а) Командующаго войсками на Кавказской линіи и Черноморіи, пребываніе котораго въ Ставрополѣ оказывается неудобнымъ для военныхъ распоряженій.

б) Управленіе гражданскою частію въ Ставропольской губерніи, которое и нынѣ уже перешло временно въ завѣдываніе гражданскаго губернатора.

в) Главное управленіе Черноморской береговой линіи съ тремя ея отдѣленіями.

г) Званіе и штабъ командующаго войсками въ Прикаспійскомъ краѣ.

и д) Управленія Центра Кавказской линіи и Владикавказскаго округа.

Управленія же линейнымъ Кавказскимъ и Черноморскимъ войсками остались бы на прежнемъ основаніи; но наказные атаманы, по всѣмъ предметамъ военнаго и гражданскаго управленія, относились бы прямо къ главнокомандующему. Только по управленію кордонною линіею Черноморскій наказной атаманъ зависѣлъ бы отъ командира корпуса.

8) Относительно драгунскихъ полковъ генералъ-адъютантъ Муравьевъ, находя излишнимъ имѣть этотъ родъ кавалеріи въ Чиръ-Юртѣ и вообще въ Восточной части Кавказа, предлагаетъ оставить всѣ четыре полка въ резервѣ, не отдавая ихъ въ распоряженіе частныхъ кордонныхъ начальниковъ, а именно: одну бригаду на сѣверной сторонѣ Кавказа по квартирамъ, а другою—усилить резервъ въ Грузіи, на случай войны съ Персіею или Турціею.

9) Что же касается до предположенія князя Барятинскаго уровнять оклады жалованья войскъ Кавказской линіи съ Закавказскими, то генералъ Муравьевъ полагаетъ вопросъ этотъ оставить безъ послѣдствій, дабы эта мѣра не повлекла за собою новыхъ ходатайствъ объ усиленіи окладовъ Закавказскихъ войскъ на томъ основаніи, что

дороговизна на всѣ жизненныя потребности хотя и дѣйствительно возвысилась вездѣ, однакоже въ Закавказскомъ краѣ еще значительнѣе, чѣмъ на Кавказской линіи.

10) Въ заключеніе генералъ-адъютантъ Муравьевъ замѣчаетъ, что, какая бы ни была принята система для переформированія войскъ Кавказскаго корпуса, во всякомъ случаѣ неудобно приступить къ этому ранѣе осени нынѣшняго года.

Соображенія.

Доставленное намѣстникомъ Кавказскимъ предположеніе изложено только въ общихъ чертахъ, такъ что весьма многіе даже изъ существенныхъ предметовъ остаются еще необъясненными.

Такъ, напримѣръ, генералъ-адъютантъ Муравьевъ самъ указываетъ, что остается еще опредѣлить: на комъ изъ двухъ корпусныхъ командировъ Сѣверной части Кавказа будетъ лежать надзоръ за провіантскою и коммиссаріатскою коммиссіями и инженернымъ округомъ въ Ставрополѣ, кому должны быть подчинены крейсирующія вдоль восточнаго берега суда? и пр.

При томъ, по сознанію самого намѣстника Кавказскаго, сказанное имъ относительно Дагестана и Лезгинской кордонной линіи не можетъ быть принято какъ безусловное его убѣжденіе; ибо, не видѣвъ еще лично этихъ частей края, онъ не могъ оцѣнить степень связи, которая можетъ существовать въ военномъ отношеніи между Сѣвернымъ Дагестаномъ и Южнымъ, а равно между симъ послѣднимъ и Лезгинскою кордонною линіею. Посему генералъ-адъютантъ Муравьевъ предусматриваетъ, что, посѣтивъ эти мѣста, онъ можетъ найти нужнымъ предложить въ своемъ проектѣ значительныя измѣненія.

Слѣдовательно, въ настоящемъ положеніи дѣла не представляется еще возможности сдѣлать какое-либо по оному заключеніе. По чрезвычайной обширности и важности предметовъ, до которыхъ касаются эти предположенія, необходимо, устранивъ всякую поспѣшность въ рѣшеніи сего дѣла, обсудить оное со всею основательностію и во всѣхъ подробностяхъ.

Въ сихъ видахъ признавалось бы полезнымъ предложить генералъ-адъютанту Муравьеву, по ближайшемъ и окончательномъ разсмотрѣніи всѣхъ предметовъ, доставить подробный проектъ предполагаемыхъ преобразованій въ военномъ управленіи Кавказскаго края.

Образованіе предполагаемыхъ резервовъ, конечно, было бы полезно съ точки зрѣнія стратегической; но въ какой степени оно возможно въ исполненіи—рѣшить теперь нельзя, пока еще не опредѣлено,

гдѣ можетъ быть уменьшено количество войскъ, необходимыхъ собственно для охраненія края. Что же касается до расположенія сихъ резервовъ на обывательскихъ квартирахъ, то предположеніе это не встрѣтило бы препятствія на Кавказской линіи; но въ Закавказскомъ краѣ оно признано весьма неудобнымъ, а потому доселѣ всѣ принимаемыя правительствомъ мѣры клонились къ тому, чтобы неудобства этого избѣжать. При томъ должно полагать, что въ обыкновенное время, когда мы не находимся въ войнѣ ни съ Турціею, ни съ Персіею, означенные резервы не оставались бы праздными, а употреблялись бы то для работъ на передовыхъ линіяхъ, то для движеній въ горы, то для зимнихъ экспедицій и рубки просѣкъ; слѣдовательно они могли бы, такъ сказать, только урывками и на самое короткое время возвращаться въ свое квартирное расположеніе. Такъ было и въ прежнее время до устроенія постоянныхъ полковыхъ штабъ-квартиръ, которыя имѣли ту именно цѣль, чтобы избавить войска отъ напрасныхъ передвиженій назадъ на линію послѣ каждаго предпріятія и чтобы доставить имъ удобное размѣщеніе на самомъ театрѣ дѣйствій.

Наконецъ, будетъ ли справедливо и выгодно имѣть постоянно одну и туже часть войскъ въ резервѣ, въ спокойномъ помѣщеніи по казачьимъ станицамъ, тогда какъ другія войска будутъ постоянно же на передовыхъ линіяхъ?

Предлагаемое генералъ-адъютантомъ Муравьевымъ распредѣленіе пѣхотныхъ дивизій не устраняетъ тѣхъ невыгодъ, которыя онъ самъ указываетъ въ настоящемъ размѣщеніи войскъ: начальникъ 21-й пѣхотной дивизіи, будучи вмѣстѣ съ тѣмъ и начальникомъ Сѣвернаго Дагестана, имѣлъ бы въ своемъ распоряженіи только одну бригаду своей дивизіи и не видѣлъ бы другой бригады, которую предполагается расположить въ резервѣ всей лѣвой половины Кавказской линіи, т.-е. гдѣ - нибудь на Терекѣ. Равномѣрно и начальникъ 22-й пѣхотной дивизіи будетъ неизбѣжно находиться при одной которой либо изъ двухъ своихъ бригадъ, изъ коихъ одна назначается для Южнаго Дагестана, а другая для Лезгинской линіи. Слѣдовательно, главная цѣль проекта поставить войска подъ ближайшій надзоръ прямыхъ своихъ начальниковъ не будетъ достигнута.

Раздѣленіе Дагестана на двѣ части съ подчиненіемъ ихъ двумъ разнымъ начальникамъ не можетъ быть признано удобнымъ. Многолѣтній опытъ и неоднократныя по этому предмету соображенія убѣдили вполнѣ въ пользѣ и необходимости соединенія всего Дагестана подъ одно общее начальство. Единство это еще важнѣе въ настоящее время по той причинѣ, что главная наша забота должна быть теперь обращена на утвержденіе нашего положенія въ Среднемъ Дагестанѣ,

тѣмъ болѣе, что съ 1845 года занятіе линіи по Казыкумыкскому Койсу уже связало Сѣверный Дагестанъ съ Южнымъ. Напротивъ того, между симъ послѣднимъ и Лезгинскою кордонною линіею не можетъ быть такого соединенія, чтобы обѣ эти части находились подъ непосредственнымъ начальствомъ одного лица. Можно полагать, что генералъ-адъютантъ Муравьевъ, по ближайшемъ ознакомленіи съ положеніемъ Прикаспійскаго края, самъ убѣдится въ невозможности предполагаемаго имъ раздѣленія.

Даже и основная мысль о раздѣленіи Кавказской линіи между двумя независимыми другъ отъ друга начальниками требовала бы еще внимательнѣйшаго обсужденія въ разныхъ отношеніяхъ. Хотя настоящее мѣстопребываніе въ Ставрополѣ командующаго войсками этой линіи дѣйствительно слишкомъ удалено отъ Лѣваго фланга и Владикавказскаго округа, однакоже, съ другой стороны, нельзя отвергнуть, что соединеніе въ одномъ лицѣ военнаго управленія всею линіею доставляетъ значительныя выгоды въ отношеніи единства распоряженій. Командующій войсками, имѣя въ непосредственномъ своемъ вѣдѣніи Коммисаріатскую и Провіантскую Коммиссіи, Инженерный Округъ, Арсеналъ, Линейное, Кавказское и Черноморское войска и всѣ вообще военныя средства въ Сѣверной части Кавказа, имѣлъ полную возможность, смотря по обстоятельствамъ, подкрѣпить ту или другую часть линіи. По проекту генерала Муравьева пришлось бы всѣ названныя части и средства подчинить одному изъ корпусныхъ командировъ, что очевидно неудобно и будетъ поводомъ къ безпрерывнымъ столкновеніямъ между сими начальниками. Прямое подчиненіе наказныхъ атамановъ главнокомандующему, помимо корпусныхъ командировъ, нарушаетъ существовавшее доселѣ единство военнаго управленія и вводитъ то именно раздвоеніе властей, которое самъ генералъ Муравьевъ старался устранить въ своемъ проектѣ въ отношеніи регулярной пѣхоты. Черноморскій наказной атаманъ, подчиненный по дѣламъ кордоннымъ корпусному командиру, относился бы по *военному управленію* войскомъ прямо къ главнокомандующему.

При томъ должно замѣтить, что распредѣленіе войскъ на Кавказѣ не можетъ почитаться неизмѣннымъ: обстоятельства заставляютъ усиливать то одну часть линіи, то другую. Въ этомъ отношеніи чрезвычайно было полезно имѣть значительное число войскъ въ Центрѣ и Владикавказскомъ округѣ, откуда, по распоряженію командующаго всею линіею, быстро направлялись части на подкрѣпленіе или Праваго франга, или Лѣваго, смотря по тому, откуда угрожалъ непріятель, или гдѣ мы намѣревались усилить дѣйствія. Этотъ общій центральный резервъ гораздо выгоднѣе, чѣмъ предполагаемые генераломъ Муравье-

вымъ два частные резерва, отдѣльно предоставленные въ распоряженіе каждаго изъ корпусныхъ командировъ. Весьма неудобно было бы и даже опасно положить черту разграниченія между двумя независимыми начальствами по Военно-Грузинской дорогѣ, т. е. именно въ той точкѣ, твердое занятіе которой всегда будетъ особенно необходимо какъ для обезпеченія нашего сообщенія съ Грузіею, такъ и для воспрепятствованія всякому покушенію враждебныхъ намъ горцевъ Лѣваго фланга войти въ связь съ Закубанскими ихъ союзниками.

Относительно распредѣленія резервовъ можно еще замѣтить слѣдующее неудобство въ предположеніи генералъ-адъютанта Муравьева. Для Сѣвернаго Дагестана резервъ предполагается на Терекѣ, для Южнаго Дагестана въ Карабахѣ: сомнительно, чтобы эти резервы подоспѣли въ минуту крайней надобности на угрожаемые пункты, особенно въ Средній Дагестанъ. Напротивъ того, въ сей послѣдней части края расположенныя войска могутъ быть истиннымъ резервомъ и для Сѣвернаго Дагестана, и для Южнаго.

Хотя по проекту генералъ-адъютанта Муравьева упраздняются нѣкоторыя управленія и должности, однако же трудно еще изъ доставленнаго очерка сдѣлать положительное заключеніе, будетъ ли въ общемъ результатѣ сокращеніе въ штатахъ управленій, или, напротивъ того, не окажется ли приращенія и въ личномъ составѣ, и въ суммахъ на содержаніе управленій? Въ этомъ отношеніи проектъ генералъ-адъютанта Муравьева существенно разнится отъ предположеній генералъ-адъютанта князя Барятинскаго, который положительно указывалъ сокращеніе въ издержкахъ.

Генералъ-адъютантъ Муравьевъ отвергаетъ предположеніе о томъ, чтобы означенныя сбереженія обратить на уравненіе окладовъ жалованья всѣхъ Кавказскихъ войскъ, не опровергая однакоже показанія о значительномъ возвышеніи дороговизны на Сѣверной сторонѣ Кавказа. Если, не смотря на то, цѣны въ Закавказскомъ краѣ и нынѣ превышаютъ существующія цѣны на линіи, то едва ли можно изъ сего положительно заключить, что расположенныя на линіи войска не имѣютъ надобности въ усиленіи окладовъ. Кажется, главный вопросъ здѣсь состоитъ въ томъ, чтобы опредѣлить: имѣются ли для подобнаго усиленія издержекъ достаточные источники.

Всѣ изложенныя соображенія убѣждаютъ въ томъ, что предлагаемыя важныя преобразованія далеки еще отъ зрѣлости и требуютъ внимательнаго и многосторонняго разсмотрѣнія. А потому необходимо ожидать отъ генерала Муравьева новыхъ по сему предмету представленій.

Между тѣмъ, кажется, не было бы препятствій къ исполненію того переформированія Кавказскаго корпуса, которое уже Высочайше утверждено и которое не требуетъ никакихъ измѣненій ни въ настоящемъ составѣ полковъ, ни въ расположеніи ихъ. Если впослѣдствіи и было бы рѣшено переформировать полки согласно предположенію генералъ-адъютанта Муравьева въ 4-хъ баталіонный составъ, съ образованіемъ новой дивизіи, то исполненію этого проекта нисколько не помѣшаетъ предписанное нынѣ распредѣленіе полковъ по дивизіямъ.

На этомъ докладѣ военнаго министра собственною Его Величества рукою написано карандашемъ:

«Согласенъ, и не вижу никакой необходимости отходить отъ утвержденнаго мною новаго состава войскъ Кавказскаго корпуса, и требую, чтобы онъ былъ приведенъ въ исполненіе въ самомъ скорѣйшемъ времени. Тоже относится и до формированія и распоряженія новыхъ драгунскихъ полковъ. « » Мая 1856 года».

Г. Докладъ военнаго министра

о нѣкоторыхъ административныхъ мѣрахъ въ отношеніи къ покорнымъ племенамъ Кавказа.

Во всѣхъ почти запискахъ, по Высочайшему повелѣнію сообщенныхъ генералъ-адъютанту Муравьеву, относительно предстоящаго образа дѣйствій на Кавказѣ, выражается съ большею или меньшею опредѣлительностію мысль о томъ, что для покоренія и усмиренія Кавказскихъ племенъ, кромѣ силы оружія, необходимы и другія мѣры административныя, дабы достигнуть того нравственнаго вліянія, которое составляетъ основаніе истинной и полной покорности народовъ.

Мѣры сего рода въ особенности указываются, съ замѣчательнымъ единогласіемъ, въ запискахъ генералъ-адъютантовъ Коцебу, князя Барятинскаго и отставнаго генералъ-маіора Вольфа.

Однакожъ генералъ-адъютантъ Муравьевъ, касаясь этого важнаго предмета, только въ отвѣтѣ своемъ на записку князя Барятинскаго находитъ, что всѣ изложенныя въ оной предположенія, какъ то о системѣ управленія покорными горцами, объ утвержденіи между ними поземельной собственности, о поддержаніи мѣстной аристократіи, о развитіи торговли и промышленности, суть только «общія сужденія объ отвлеченностяхъ», относящихся къ отдаленной будущности. По словамъ намѣстника Кавказскаго, «можно достигнуть желаемой цѣли только трудомъ, избраніемъ людей способныхъ и временемъ; но неудобно стѣснять мысль правящихъ формами и предначертанными дѣйствіями тамъ,

гдѣ сама природа представляется въ тысячѣ разнообразныхъ видовъ». Къ этому генералъ Муравьевъ присовокупляетъ: «Начертать общее правило управленія горскихъ народовъ я нахожу невозможнымъ, а слѣдуетъ заняться каждымъ предметомъ исключительно, обсудить его и дѣйствовать съ постоянствомъ, клонясь къ предначертанной цѣли и не предаваясь мечтамъ».

Соображенія.

Нельзя дѣйствительно не признать, что для управленія краемъ необходимъ выборъ способныхъ людей, умѣющихъ благоразумно примѣняться къ обстоятельствамъ и мѣстнымъ условіямъ. Однакоже, съ другой стороны, всѣ дѣйствія частныхъ начальниковъ оставались бы безплодными, если бы главное начальство и правительство не указывали имъ общей цѣли и не давали имъ надлежащаго направленія, не стѣсняя тѣмъ нисколько ихъ ближайшихъ частныхъ распоряженій. Нельзя допустить, чтобы ходъ администраціи былъ предоставленъ случайному теченію, и самъ генералъ Муравьевъ признаётъ, что во всѣхъ дѣйствіяхъ управленія слѣдуетъ неуклонно стремиться къ извѣстной, предначертанной цѣли. Для того именно, чтобы начертать эту цѣль, возникла и настоящая переписка съ намѣстникомъ Кавказскимъ, отъ котораго ожидались точнѣйшія указанія самыхъ способовъ достиженія желаемыхъ результатовъ. Отъ него зависѣло не оставлять предложенныхъ на его обсужденіе вопросовъ въ сферѣ общихъ сужденій и отвлеченностей, а дать имъ направленіе практическое, сообразное съ настоящимъ ходомъ дѣлъ, ближе всего ему извѣстнымъ.

Впрочемъ, и въ сообщенныхъ генералъ-адъютанту Муравьеву запискахъ заключаются не одни умозрительныя сужденія, но многія указанія положительныя на такія мѣры, которыя непосредственно опредѣляютъ образъ дѣйствій мѣстнаго начальства.

1. *Относительно управленія покорными племенами* вопросъ возникъ еще въ 1849 году; многія относящіяся къ сему дѣлу предположенія хранятся въ штабѣ Кавказскаго корпуса и другихъ частныхъ управленіяхъ. Генералъ-адъютантъ Коцебу и генералъ-маіоръ Вольфъ, которымъ близко извѣстно это дѣло, свидѣтельствуютъ, что нѣкоторыя изъ имѣющихся предположеній заслуживаютъ полнаго вниманія и что весьма было бы полезно поспѣшить разсмотрѣніемъ оныхъ, дабы постановить правила, коими должны руководствоваться власти, поставляемыя правительствомъ надъ покорными племенами.

Само собою разумѣется, что правила эти не могутъ и не должны быть общія для всего Кавказскаго населенія; цѣль состоитъ не въ томъ, чтобы всѣ части края подвести подъ одну нормальную форму

управленія, а напротивъ того въ благоразумнѣйшемъ примѣненіи правилъ къ разнообразнымъ правамъ, обычаямъ и духу племенъ, въ ограниченіи произвола и злоупотребленій мѣстныхъ начальниковъ или приставовъ, и въ постепенномъ водвореніи между покорнымъ населеніемъ Кавказа первыхъ началъ гражданственности.

2. *Относительно поземельной собственности* предлагаются также не предположенія умозрительныя, но мѣры уже испытанныя съ успѣхомъ. Произведенные опыты убѣждаютъ, что, не смотря на всѣ трудности, представляющіяся при размежеваніи земель покорныхъ горцевъ, операція эта не можетъ почитаться предпріятіемъ невозможнымъ, если будетъ продолжаема съ благоразуміемъ, осторожностію и твердою волею. Излишнимъ было бы прибавлять, что подобная мѣра предлагается не въ отношеніи «полудикихъ горцевъ», а для той части Кавказскаго населенія, которая вполнѣ уже покорна и постигла выгоды осѣдлости. Что же касается до средствъ къ исполненію этого предположенія, то въ этомъ отношеніи можно положиться на свидѣтельство генералъ-маіора Вольфа, къ которому и самъ генералъ Муравьевъ относитъ честь учрежденія въ Тифлисѣ многочисленнаго и отлично образованнаго корпуса межевщиковъ и топографовъ. Если же учрежденныя на линіи двѣ межевыя коммисіи, по отзыву генералъ-адъютанта Муравьева, доселѣ мало принесли пользы, по причинѣ ошибочной ихъ организаціи: то замѣчаніе это можетъ только служить подтвержденіемъ необходимости дѣятельныхъ мѣръ со стороны начальства, дабы дать этому дѣлу надлежащее движеніе.

3. *Торговыя сношенія съ горцами* также не могутъ быть предоставлены случайности и произволу; они требуютъ нѣкоторыхъ общихъ правительственныхъ распоряженій. Недостатокъ положительныхъ по сему предмету постановленій былъ доселѣ поводомъ ко многимъ несообразностямъ, вредившимъ нашему вліянію на горцевъ: начальники двухъ сосѣднихъ частей края, въ сношеніяхъ съ одними и тѣми же племенами, слѣдовали совершенно противуположнымъ системамъ; что запрещалъ одинъ, то поощрялъ другой. Нельзя отвергать, что, для устраненія подобныхъ несообразностей, необходимо прямое вмѣшательство высшаго начальства, которое установляетъ общія правила, основанныя на видахъ политическихъ. При томъ надо замѣтить, что виды сіи часто побуждаютъ правительство поддерживать, съ нѣкоторыми даже пожертвованіями, такія торговыя сношенія, которыя часто въ экономическомъ отношеніи вовсе не выгодны. Если въ благоустроенномъ государствѣ признаются необходимыми въ извѣстныхъ случаяхъ преміи и покровительственныя мѣры, то несравненно еще въ большей степени потребно участіе правительства, дабы завязать

торговыя сношенія съ полупокорными племенами, которыя мы хотимъ привязать къ себѣ силою интересовъ вещественныхъ и вліянія нравственнаго.

4. Еще одно весьма важное орудіе для будущаго успѣха нашего владычества на Кавказѣ указывается въ запискѣ генералъ-маіора Вольфа: именно, учрежденіе мѣстныхъ *школъ* для дѣтей покорныхъ горцевъ. Предположенія по этому предмету также давно уже составлены и хранятся вѣроятно въ штабахъ безъ движенія.

5. Наконецъ, и самъ генералъ Муравьевъ въ своихъ предположеніяхъ относительно Центра Кавказской линіи, признаётъ, что между нѣкоторыми племенами необходимо, для окончательнаго утвержденія нашего вліянія, прибѣгнуть къ проповѣди христіанской. Намѣстнику Кавказскому извѣстно предположеніе, которому уже и положены были первыя начала, о водвореніи миссіонеровъ въ Абхазіи, при древнемъ храмѣ Пицундскомъ. Могутъ быть предложены и другія подобныя мѣры для постепеннаго обновленія въ Кавказскихъ горахъ древняго христіанства, оставившаго и доселѣ глубокіе слѣды, не смотря на вѣковое отчужденіе племенъ отъ всего образованнаго міра.

Однимъ словомъ, по всѣмъ исчисленнымъ предметамъ, которыхъ первостепенная государственная важность признаётся и самимъ намѣстникомъ Кавказскимъ, не слѣдуетъ нынѣ оставлять дѣла безъ движенія, а напротивъ того желательно принять новыя мѣры для успѣшнѣйшаго его хода въ будущемъ.

Испрашивается разрѣшеніе.

Благоугодно ли будетъ Вашему Императорскому Величеству, чтобы генералъ-адъютанту Муравьеву сообщено было высочайшее повелѣніе по всѣмъ объясненнымъ выше предметамъ пересмотрѣть: на чемъ остановилась прежняя переписка и, сообразивъ вновь, что можно теперь сдѣлать полезнаго въ отношеніи покорныхъ племенъ Кавказа, войти въ свое время съ особыми по каждому предмету представленіями *)?

На этомъ докладѣ собственною Его Величества рукою написано карандашомъ: «Согласенъ. Мая 1856 года».

---

*) Изъ записки этой можно видѣть, что предположенія Н. Н. Муравьева, не только по чисто-военной, но и по административной частямъ, не подавали особыхъ надеждъ на успѣшность его главнаго начальствованія на Кавказѣ. Само собою, это главнѣйшимъ образомъ облегчало князю Барятинскому проводить свои соображенія, и мнѣніе, преобладавшее въ обществѣ того времени, что увольненіе Муравьева и назначеніе князя исключительно мотивированы личными чувствами Государя, оказывается несостоятельнымъ.

д. Записка военнаго министра отъ 5 Мая 1856 г. № 257.

Объ общемъ планѣ дѣйствій на Кавказѣ.

При всеподданнѣйшемъ докладѣ 2-го сего Мая, предварительно доведено до Высочайшаго Вашего Императорскаго Величества свѣдѣнія объ отзывахъ, полученныхъ въ то время отъ намѣстника Кавказскаго, по содержанію нѣсколькихъ сообщенныхъ ему записокъ, относительно общаго плана дѣйствій на Кавказѣ, нѣкоторыхъ предложенныхъ въ военномъ устройствѣ края преобразованій и въ особенности предстоящаго назначенія 13 и 18 пѣхотныхъ дивизій.

Нынѣ, по разсмотрѣніи въ общей связи всѣхъ означенныхъ отзывовъ генералъ-адъютанта Муравьева, всеподданнѣйше повергаются при семъ на высочайшее Вашего Величества воззрѣніе подробные по каждому предмету доклады.

Доклады эти предварительно сообщены были на разсмотрѣніе генералъ-адъютанта князя Барятинскаго, который представилъ свое по онымъ заключеніе въ особой запискѣ.

Хотя я не раздѣляю вполнѣ его мнѣнія и остаюсь при прежнемъ моемъ заключеніи, изложенномъ въ представляемыхъ вмѣстѣ съ симъ докладахъ, тѣмъ не менѣе долгомъ считаю записку князя Барятинскаго повергнуть также при семъ въ подлинникѣ на высочайшее Вашего Императорскаго Величества воззрѣніе.

Рукою Государя написано карандашомъ: «Я, напротивъ, того, вполнѣ раздѣляю мнѣніе князя Барятинскаго. 6 Мая 1856 года».

е. Отъ генерала-адъютанта князя Барятинскаго.

Новое устройство Восточнаго берега Чернаго моря.

Въ запискѣ, мною представленной, я изложилъ уже, что Черноморская береговая линія, отъ неправильнаго ея устройства, не приносила ожидаемой пользы и что нѣтъ никакой выгоды возобновлять ее на прежнемъ основаніи. Оставляя пункты бывшаго 2-го отдѣленія вовсе незанятыми нашими войсками, я полагаю, что относительно устройства сѣверной и южной части, т. е. бывшихъ 1 и 4-го отдѣленій, должно быть принято въ соображеніе общее, мною предложенное правило, чтобы войска въ строевомъ и хозяйственномъ отношеніи и самый край, ими занятый, состояли подъ главнымъ начальствомъ одного лица.

На этомъ основаніи и имѣя при томъ въ виду, что эти отдѣленія береговой линіи не имѣютъ между собою никакой связи, не зависятъ одно отъ другаго, а потому не представляютъ никакой надобности находиться подъ однимъ общимъ управленіемъ, я полагалъ бы: изъ 3-го отдѣленія бывшей Черноморской береговой линіи и Кутаиской губерніи образовать, какъ и было прежде, военную область съ наименованіемъ Имеретинской, подъ управленіемъ одного лица, непосредственно подчиненнаго намѣстнику Кавказскому.

При такомъ устройствѣ гораздо легче будетъ одному начальнику согласовать безпрестанныя и разнородныя домогательства владѣтелей этой части Закавказскаго края.

Для постояннаго занятія пунктовъ бывшаго 3-го отдѣленія, достаточно будетъ шести Черноморскихъ линейныхъ баталіоновъ, оставшихся изъ числа 16-ти, за сформированіемъ двухъ полковъ въ составъ 19-й дивизіи, которые могли бы расположиться:

Въ Сухумѣ	12	ротъ
» Марамбѣ	2	»
» Пицундѣ	1	»
» Гаграхъ	2	»
» Редутъ-Кале	1	»
» Озургетахъ съ Николаевскимъ постомъ и Поти	6	»
Итого	6	баталіоновъ.

Сѣверная часть береговой линіи, т. е. бывшее 1-е отдѣленіе должна быть присоединена къ Черноморіи и вмѣстѣ съ нею подлежать управленію начальника вновь предполагаемаго Праваго фланга Кавказской линіи.

Для постояннаго занятія пунктовъ сѣверной части береговой линіи достаточно назначить одинъ полкъ 1-й бригады 19-й пѣхотной дивизіи, расположивъ его такимъ образомъ:

Въ Анапѣ	7	ротъ
» Фортѣ Раевскій	1	»
» стан. Суворовской	1	»
» стан. Витязевой	1	»
» Николаевской	1	»
» Александровской съ Джеметеевскимъ укрѣпленіемъ, Нашебургскимъ редутомъ и вновь возведеннымъ на рѣкѣ Джигѣ по	1	»
» Новороссійскѣ	2	бат.
Итого	5	баталіоновъ.

Съ подчиненіемъ по этому предположенію всей Черноморіи и Сѣвернаго отдѣленія береговой линіи, подъ управленіемъ генералъ-лейтенанта Козловскаго, и при послѣдовавшемъ уже переименованіи частей войскъ Кавказской линіи, представилась бы полная возможноть установить правильное раздѣленіе мѣстныхъ управленій, при которомъ военные начальники разныхъ частей края, были бы, вмѣстѣ съ тѣмъ, и прямыми начальниками по внутреннему управленію войскъ, подчиненныхъ имъ въ военномъ отношеніи.

Для скорѣйшаго достиженія этой цѣли, начальнику 20-й пѣхотной дивизіи слѣдуетъ подчинить Лѣвый флангъ и Владикавказскій округъ, сравнивъ генераловъ Козловскаго и Евдокимова во всемъ относительно управленія, такъ какъ въ вѣдѣніи каждаго будетъ находиться по цѣлой боевой дивизіи, равное число линейныхъ баталіоновъ и другія войска.

По устройствѣ сѣвернаго и южнаго отдѣленій Черноморской береговой линіи, необходимо возстановить усиленный надзоръ нашъ за пространствомъ между Новороссійскомъ и Гаграми, чего можно достигнуть съ успѣхомъ, учредивъ постоянное крейсерство изъ судовъ малаго ранга съ винтовыми двигателями, числомъ, сколько найдено будетъ возможнымъ, согласуясь съ послѣднимъ договоромъ. Суда эти должны быть снабжены и полнымъ парусным вооруженіемъ, чтобы они могли ходить на парусахъ и поднимать пары только для преслѣдованія и поимки контрабанднаго судна.

Эскадра эта, командированная отъ Черноморскаго флота, должна дѣлиться на двѣ части и состоять въ подчиненіи: одна часть у начальника сѣвернаго прибрежья Чернаго моря, а другая у начальника южнаго прибрежья. Крейсерство ея отъ крайнихъ сѣвернаго и южнаго пунктовъ, т. е. отъ Новороссійска и Гагры должно простираться до средины бывшаго 2-го отдѣленія, или, примѣрно, форта Лазарева.

Вмѣстѣ съ тѣмъ слѣдуетъ возстановить, на прежнемъ основаніи, крейсерство вооруженныхъ баркасовъ по берегамъ, кои предполагаются нынѣ къ занятію. Абхазскій берегъ преимущественно долженъ быть подъ бдительнымъ наблюденіемъ сихъ крейсеровъ, для преслѣдованія и поимки контробандныхъ кочермъ, такъ какъ Абхазскій берегъ особенно заманчивъ для контробандистовъ. Между Анапою и Новороссійскомъ не потребуется въ этомъ отношеніи усиленнаго наблюденія, потому что мы всегда будемъ имѣть возможность заставить горцевъ, живущихъ въ тѣхъ краяхъ, исполнять наши требованія.

Способъ занятія Восточнаго берега Чернаго моря.

Важнѣйшимъ и неотлагательнымъ дѣйствіемъ нашимъ на восточныхъ берегахъ Чернаго моря должно быть занятіе, до закрытія на-

вигаціи въ нынѣшнемъ году, бывшихъ 1-го и 3-го отдѣленій Черноморской береговой линіи, имѣя при томъ въ виду, чтобы оно не было сопряжено съ новыми жертвами, или покрайней мѣрѣ съ наивозможно меньшею потерею людей.

Для сего я полагалъ бы необходимымъ: не теряя времени, войти въ сношеніе съ Турецкимъ правительствомъ касательно правильной передачи крѣпостей и военныхъ пунктовъ, ими занятыхъ по восточному берегу, что̀ имѣло бы весьма выгодное для насъ вліяніе на умы горцевъ, показавъ имъ миролюбивыя отношенія наши съ султаномъ Турецкимъ и погасивъ тѣмъ воспламененныя надежды ихъ на помощь и сочувствіе главнаго покровителя исламизма.

Занятіе Анапы и Новороссійска весьма не трудно; ибо военныя средства, находящіяся въ Черноморіи, весьма достаточны, дабы безъ большой потери въ людяхъ и времени занять тотчасъ же главные пункты означеннаго пространства и водворить въ немъ тоже вліяніе и тотъ же порядокъ, которые существовали до войны.

Одновременно съ этимъ, слѣдовало бы употребить часть войскъ, находящихся въ Мингреліи, для занятія съ морской стороны сперва Гагръ однимъ баталіономъ пѣхоты *). Пунктъ этотъ необходимо возобновить и укрѣпить прежде всего, чтобы замкнуть Убыхамъ ворота для вторженія въ Абхазію, такъ какъ Гагринское ущелье служитъ имъ единственнымъ удобнымъ для сего путемъ **). Потомъ вторымъ десантомъ въ два баталіона занять Сухумъ. Отрядъ въ четыре баталіона долженъ въ тоже время подходить къ послѣднему пункту сухимъ путемъ.

По водвореніи войскъ нашихъ въ Сухумѣ, слѣдовало бы тотчасъ вступить въ сношеніе съ вліятельными людьми въ Цебельдѣ и затѣмъ уже занять Марамбу, безъ чего занятіе Цебельды можетъ стоить намъ потери людей.

Для лучшаго и удобнѣйшаго осуществленія этой мысли и для устраненія потери, я полагалъ бы поручить экспедицію владѣтелю Абхазіи, что̀ возстановитъ его въ общемъ мнѣніи и возстановитъ, въ глазахъ его, собственное его достоинство. Нѣтъ сомнѣнія, что онъ исполнитъ ее хорошо, потому что въ порученіи этомъ будетъ видѣть двоякую для себя пользу: возстановить честь свою и власть надъ краемъ. Это предположеніе тѣмъ основательнѣе, что и выводъ войскъ

---

*) Съ окончательнымъ возстановленіемъ укрѣпленій, двѣ роты должны быть оттуда выведены, согласно вышеизложенной дислокаціи.

**) Это мнѣніе, впрочемъ, было ошибочно и держалось долго у высшихъ властей. Впослѣдствіи, при болѣе подробномъ знакомствѣ съ этими мѣстами, оказалось, что Гагры можно было обходить. А. З.

нашихъ изъ Абхазіи былъ возложенъ на него, и ему обязаны мы полнымъ успѣхомъ этого труднаго дѣла, въ которомъ не потеряно ни одного человѣка.

Значеніе главныхъ пунктовъ 1-го и 3-го отдѣленій бывшей Черноморской береговой линіи.

Изложивъ мнѣніе мое относительно военнаго занятія сѣверной и южной части прибрежья Чернаго моря, обращаюсь къ соображеніямъ: какого устройства потребуютъ важнѣйшіе пункты этого прибрежья, немедленно по занятіи ихъ.

Анапа составляетъ опорный пунктъ нашъ въ сѣверной части береговой линіи. Поэтому необходимо укрѣпить ее какъ съ моря, такъ и съ сухаго пути, замѣнивъ крѣпостныя сооруженія прежней Турецкой постройки сооруженіями по системѣ новѣйшей фортификаціи. Недостатокъ въ Анапѣ хорошей прѣсной воды составляетъ второстепенное неудобство: она дѣйствительно пользуется водою извнѣ, хотя и не въ дальнемъ отъ города разстояніи; но въ ней есть множество колодцевъ, которыми, несмотря на соленогорькій вкусъ воды, гарнизонъ можетъ пользоваться при новѣйшемъ открытіи приборовъ для очистки такой воды, коими и должна быть снабжена крѣпость.

Новороссійскъ долженъ быть возобновленъ преимущественно какъ торговый городъ; укрѣпленіе его необходимо только для защиты отъ горцевъ. Онъ отстоитъ отъ Анапы въ 42-хъ верстахъ; на половинѣ этого разстоянія слѣдуетъ возобновить бывшій *Фортъ - Раевскій* *), прикрывающій дорогу отъ Анапы до Новороссійска и служащій для очереднаго выступленія колоннъ по сообщенію между этими двумя пунктами. Затѣмъ, вмѣсто бывшихъ укрѣпленій Абинскаго и Гостогая, необходимо построить укрѣпленіе на *Адагумѣ*, по пути отъ Новороссійска къ бывшему Абинскому укрѣпленію. По направленію этому, отъ Новороссійска чрезъ горный хребетъ, проложена уже дорога, названная Константиновскою. Пунктъ этотъ будетъ служить намъ, во время движеній во внутрь края, для сбора войскъ, помѣщенія больныхъ и раненыхъ и помогать непосредственному военному сообщенію между Новороссійскомъ и Черноморіею.

Для сообщенія сѣверной части береговой линіи съ землею Черноморскаго казачьяго войска есть нѣсколько переправъ. Первая переправа чрезъ Бугазскій лиманъ должна быть возстановлена для одиночнаго слѣдованія изъ Черноморіи въ Анапу, съ возобновленіемъ

---

*) У родника, въ $1^1/_2$ верстахъ отъ бывшаго укрѣпленія сего имени, по причинѣ дурной тамъ воды.

для сего башни, бывшей на Джеметеѣ. Какъ путь, отъ нея идущій въ Анапу берегомъ по косѣ, легко можетъ быть прерванъ со стороны моря, то для движенія, въ нужномъ случаѣ, войскъ изъ Черноморіи существуетъ болѣе удаленная отъ моря другая переправа, устроенная на р. Джигѣ, гдѣ есть для прикрытія ея небольшая батарея. Переправа эта, какъ удобная по открытой мѣстности своей и ближайшая къ Анапѣ, представляетъ въ этомъ отношеніи преимущество предъ Варениковою пристанью и переправою у Ольгинскаго укрѣпленія.

На Абхазскомъ берегу необходимо укрѣпить прежде всего *Гагры*, чтобы замкнуть, какъ я сказалъ, Убыхамъ ворота для вторженія въ Абхазію.

Бомборы занимать и укрѣплять вновь нѣтъ никакой надобности; но надо улучшить сухопутное сообщеніе отъ Сухума до Бомборъ, чтобы войска наши легко могли проникать въ Бзыбскій округъ.

Укрѣпленіе Марамбу въ Цебельдѣ слѣдуетъ возобновить потому, что Цебельдинцы, хотя и считаются покорными намъ, могутъ еще предаваться волненіямъ.

Затѣмъ дальнѣйшіе пункты до самаго Николаевскаго форта, въ военномъ отношеніи не имѣли и прежде никакого значенія, служа намъ только карантинно-таможенными постами, для надзора за Абхазскимъ берегомъ. Посты эти, для той же цѣли, я нахожу необходимымъ возобновить на всемъ пространствѣ между Гаграми и Азіатско-Турецкою границею.

Сухумъ-Кале замѣчателенъ преимущественно по обширности и удобству своей бухты, дающей ему первое мѣсто между портами восточнаго берега.

*

На этой запискѣ князя Барятинскаго собственною Его Величества рукою написано карандашемъ:

«Мысли изложенныя въ сей запискѣ нахожу весьма основательными и совершенно согласенъ съ ними».

«Снестись съ Его Высочествомъ генералъ-адмираломъ о способѣ исполненія по морской части».

„12 Іюня 1856 года".

Скрѣпилъ генералъ отъ артилеріи Сухозанетъ.

Глава II.

Поздній отъѣздъ на Кавказъ.—Пребываніе въ Москвѣ.—Путешествіе по Волгѣ и Каспійскому морю.—Прибытіе въ Петровскъ и Темиръ-ханъ Шуру.—Рекогносцировка къ Гимринскому спуску. — Предположенія о Закаспійскомъ краѣ и письмо къ Великому Князю Константину Николаевичу.—Отвѣтъ Его Высочества.—Пріѣздъ въ Тифлисъ.—Письмо къ Государю.—Второе письмо къ Великому Князю.

После состоявшагося 22 Іюля 1856 г. назначенія князь Барятинскій еще не скоро уѣхалъ на Кавказъ. Разрѣшеніе многихъ вопросовъ удерживало его въ Петербургѣ. Затѣмъ онъ долженъ былъ находиться въ Москвѣ при коронаціи Императора Александра II. Такъ прошло время до Октября.

Само собою, разъ высокій постъ Кавказскаго намѣстника и главнокомандующаго былъ князю довѣренъ, всѣ вопросы, имъ возбужденные, за весьма рѣдкими исключеніями, разрѣшались согласно его желанію, хотя не было недостатка въ болѣе или менѣе сильныхъ противникахъ, какъ по гражданскимъ, такъ и по военнымъ дѣламъ. Это и понятно: зависть—одинъ изъ слишкомъ сильно привитыхъ человѣчеству пороковъ, и чѣмъ выше по общественной лѣстницѣ, тѣмъ сильнѣе она обуреваетъ людей, особенно не отличающихся достаточными умственными качествами. Въ отношеніи князя Барятинскаго это тѣмъ сильнѣе должно было проявиться, что онъ достигъ назначенія на одинъ изъ высшихъ государственныхъ постовъ въ чинѣ генералъ-лейтенанта и въ такомъ возрастѣ, когда рѣдкіе достигаютъ званія начальника дивизіи.

Въ числѣ сильныхъ противниковъ князя Барятинскаго оказался и новоназначенный военный министръ Сухозанетъ. При каждомъ удобномъ случаѣ, дѣлались имъ разныя задержки или вовсе отказы въ разрѣшеніи представленій и т. п. Основываясь на бѣдственномъ финансовомъ положеніи Россіи

Фотогравюра Шерера, Набгольца и К° въ Москвѣ

...ИНСКАГО ВЪ ТИФЛИСЪ (8 НОЯБРЯ 1856 Г.)

и необходимости сокращать до крайности издержки, *не вѣря въ возможность рѣшительныхъ успѣховъ въ дѣлѣ покоренія Кавказа*, генералъ Сухозанетъ не пропускалъ случаевъ тормозить удовлетвореніе ходатайствъ главнокомандующаго и особенно объ оставленіи 13-й и 18-й пѣхотныхъ дивизій на Кавказѣ. Если бы не личное согласіе Государя съ мнѣніями князя Барятинскаго, то, очень быть можетъ, Петербургскія канцеляріи настояли бы на своемъ и затянули бы дѣло опять на неопредѣленное время.

Былъ ли образъ дѣйствій генерала Сухозанета слѣдствіемъ личнаго нерасположенія или искренняго убѣжденія, для сущности дѣла безразлично и, повторяю, только воля Государя устранила неизбѣжно-неудачный результатъ. (Изъ значительнаго количества писемъ между княземъ Барятинскимъ и генераломъ Сухозанетомъ нѣсколько особенно выдающихся, рисующихъ характеръ ихъ взаимныхъ отношеній, помѣщены въ приложеніи). О сокращеніи расходовъ, объ экономіи постоянно напоминалъ и самъ Государь; пререканія же князя Барятинскаго съ военнымъ министромъ привели даже къ довольно чувствительному внушенію Государя въ частномъ письмѣ, при чемъ выражался взглядъ, что министръ обязанъ доводить обо всемъ до высочайшаго свѣдѣнія и что онъ отвѣтственъ за военную часть, что Государь находитъ столкновенія эти несоотвѣтствующими характеру князя и его всегда благоразумному образу дѣйствій, наконецъ надѣется, что это прекратится и не будетъ больше повода возвращаться къ этому предмету. Въ результатѣ было примиреніе князя съ министромъ и письмо къ Государю, съ обѣщаніемъ исполнить его повелѣніе.

Когда по Кавказу разнеслась вѣсть о назначеніи князя Александра Ивановича, со всѣхъ сторонъ раздавалось: „слышали, знаете?“ и всѣ были рады, веселы, какъ бы торжествуя какую-то личную побѣду. Надъ кѣмъ, надъ чѣмъ побѣду,—большинство едва ли съумѣло бы объяснить. Какое-то инстинктивное чутье лучшаго будущаго, послѣ недовольства настоящимъ, увѣренность, что съ Кавказа снимается, если можно такъ выразиться, тягость монастырской, аскетической атмосферы, что вмѣсто мертвящей, суровой тишины, постоян-

наго дрожанія въ ожиданіи каръ, настанетъ прежняя, дѣятельная жизнь, прежнія надежды на щедрыя награды за самоотверженные труды, что судьба края попала въ руки истаго Кавказца, участника Даргинской экспедиціи, взятія Гергебиля, бывшаго командира Кабардинцевъ, начальника Лѣваго фланга, иниціатора первыхъ рѣшительныхъ дѣйствій противъ Чечни, помощника любимаго вождя князя Воронцова, однимъ словомъ, въ руки князя Барятинскаго, молодаго, энерическаго, щедраго, привѣтливаго, пользующагося полнымъ расположеніемъ и довѣріемъ Государя. Все это и было причиной общей радости, общаго праздничнаго настроенія и какъ бы торжества надъ Н. Н. Муравьевымъ—вводителемъ уже несовременной Спартанской системы, налагающей тяжелую печать суровости и мертвенности на всѣхъ и вся.

Второй разъ приходилось пишущему эти строки быть свидѣтелемъ восторженнаго общественнаго настроенія по случаю полученія извѣстій о назначеніи новаго главнаго начальника на Кавказъ. Въ началѣ 1845 года извѣстіе о назначеніи князя Воронцова произвело чрезвычайный эффектъ; отъ мелкаго чиновника до высшихъ начальствующихъ лицъ, отъ Тифлисскихъ дамъ до Армянскихъ коммерческихъ людей, всѣ пришли въ восторгъ. Почему, главнымъ образомъ, радость была такая общая? Потому, что предшествовавшее управленіе было не по душѣ Кавказу. Не говоря о печальныхъ неудачахъ нашихъ въ войнѣ съ Шамилемъ, вся манера предмѣстника князя Воронцова,—хотя и умнаго и весьма почтеннаго человѣка,—была не въ духѣ Кавказскаго населенія, ни Русскаго, ни туземнаго. Совершенно тоже повторилось и при назначеніи князя Барятинскаго, тѣже причины повели къ тѣмъ же послѣдствіямъ; да кромѣ того, на сторонѣ князя Александра Ивановича было еще и его недавнее прошлое на Кавказѣ.

Въ особенности въ Грозной и на всемъ Лѣвомъ флангѣ ликованіямъ не было конца. Здѣсь князя Барятинскаго считали совсѣмъ своимъ: здѣсь онъ командовалъ полкомъ, здѣсь жилъ начальникомъ дивизіи и фланга, здѣсь водилъ отряды въ Чечню и достигалъ блестящихъ успѣховъ; здѣсь онъ, такъ сказать, окавказился, свыкся и полюбилъ край, усво-

илъ особенности, выработалъ систему военныхъ и административныхъ дѣйствій; здѣсь всѣ были его приверженцами, не исключаяя самихъ Чеченцевъ, уважавшихъ храбраго, рѣшительнаго, щедраго человѣка.

Вотъ что́ по поводу назначенія князя писали изъ Грозной въ газету „Кавказъ“ (№ 75, 23 Сент. 1856 г.). „Въ началѣ Августа, въ крѣпости Грозной узнали о назначеніи генералъ-адъютанта князя Барятинскаго командующимъ отдѣльнымъ Кавказскимъ корпусомъ. Между передовыми Кавказскими укрѣпленіями почта ходитъ нескоро; мы получили только нѣсколько спѣшныхъ строкъ съ нарочнымъ изъ Тифлиса. Въ нѣсколько часовъ эта вѣсть облетѣла весь Лѣвый флангъ. Каждый офицеръ здѣшняго гарнизона, имѣвшій родственника или друга внѣ Грозной, торопился сію же минуту извѣстить его объ этомъ. Частные люди порознь, или сложившись вмѣстѣ, нанимали нарочныхъ и разсылали ихъ во всѣ концы края. Однополчане отправляли гонцовъ къ своимъ баталіонамъ или ротамъ, занимавшимъ отдѣльные пункты. Въ каждой офицерской квартирѣ гремѣли заздравные клики князю Александру Ивановичу. На улицѣ, на базарѣ шелъ радостный говоръ между солдатами, казаками, поселянами; вся эта толпа считала себя военною семьею, родною дружиной князя Барятинскаго, съ первыхъ шаговъ его поприща. Лица сіяли удовольствіемъ какъ въ первыя минуты, вѣнчающія выигранное сраженіе. Не прошло и часа, какъ толпы Чеченскаго населенія стали уже тѣсниться передъ домомъ своего управленія. Сначала они слушали эту вѣсть недовѣрчиво, какъ будто принимая ее за уловку; но когда она была объявлена начальникомъ, для аула насталъ такой же праздникъ, какъ и для крѣпости. Въ первый разъ съ тѣхъ поръ, какъ Русская нога стала на Терекѣ, взаимное сочувствіе связало насъ съ фанатическимъ населеніемъ Чечни; общая довѣренность къ одному человѣку изглаживала въ сердцахъ на эти минуты слѣды пятнадцати-лѣтней борьбы на смерть. Общая радость Кавказскаго войска, безграничная довѣренность его къ новому полководцу естественны. Онъ для насъ не новый; онъ, какъ воинъ, воспитанникъ Кавказской семьи; онъ съ молоду дѣлилъ нашу жизнь, полную заботъ и самопожертвованія,

былъ два раза раненъ и до сихъ поръ носитъ въ груди горскую пулю. Онъ прошелъ на Кавказѣ всѣ ступени службы, командовалъ казачей сотней, батальономъ, полкомъ, бригадой, дивизіею, былъ начальникомъ главнаго штаба и дѣйствительно заслужилъ на этихъ мѣстахъ уваженіе всѣхъ и всѣхъ любовь къ себѣ. Это именно такой случай, когда одинъ человѣкъ можетъ говорить отъ лица общества. Гулъ ста тысячъ голосовъ, считая одно только войско, когда солдаты поздравляли другъ друга съ назначеніемъ князя Барятинскаго, какъ съ Господнимъ праздникомъ, несомнѣнно свидѣтельствуетъ о настроеніи общаго чувства. На Лѣвомъ флангѣ радость войскъ выражалась еще громче, если можно, чѣмъ гдѣ-нибудь: здѣсь и самое дѣло виднѣе. Въ 1851 году князь Барятинскій принялъ начальство въ этомъ краѣ и командовалъ всего два года. Тогда глубина Чечни была точно завѣшена отъ насъ покрываломъ, такъ она была дика и непроходима; въ дебряхъ ея гнѣздилось самое кровожадное изъ непокоренныхъ племенъ. Въ два года управленія князя Барятинскаго данъ былъ такой могучій оборотъ, что теперь съ 15 казаками можно ѣздить по передовымъ укрѣпленіямъ, гдѣ четыре года тому назадъ нельзя было пройти иначе, какъ съ баталіономъ и артиллеріею, и то самое населеніе, которое рѣзалось съ нами, не прося и не давая пощады, теперь мирное, стекается въ улицѣ Грозной, чтобы привѣтствовать радостными кликами назначеніе новаго *сардаря*, покорителя страны ихъ. Сто тысячъ Кавказскихъ солдатъ считаютъ назначеніе князя Барятинскаго царскою наградой за свою службу. Они столько трудились и столько трудятся для отечества, что имъ позволено считать себя достойными награды, и нынѣ Кавказъ имѣетъ право гордиться, что онъ доросъ, наконецъ, до такой степени возмужалости, когда изъ его же среды выбранъ ему главный начальникъ; что онъ въ своей семьѣ, въ своемъ быту воспиталъ себѣ полководца, который знаетъ, что́ такое Кавказъ, и которому нечего уже учиться цѣнить его. Занимающій край, совершенно не похожій на остальную Россію, поставленный въ исключительныхъ обстоятельствахъ, Кавказскій корпусъ по неволѣ долженъ былъ выдѣлать себѣ своеобразную личность, и, конечно, никто объ

этомъ не пожалѣетъ, когда въ этой личности есть такія черты, напримѣръ, что Кавказскій солдатъ на царской службѣ не считаетъ смерть или побѣду „послѣдней энергіей воина“, что онъ своему полководцу поклянется побѣдить и исполнитъ клятву, хотя бы противъ въ четверо сильнѣйшаго непріятеля, потому что онъ „не считаетъ никого въ свѣтѣ сильнѣе себя, пока оружіе у него въ рукахъ“, какъ говорилъ Эвменъ Антигону. Но чѣмъ развитѣе и чѣмъ своеобразнѣе личность Кавказскаго воина, тѣмъ важнѣе для него быть подъ рукою начальника, который его понимаетъ. Вотъ отчего, когда разнеслась вѣсть о назначеніи князя Барятинскаго командующимъ нашимъ корпусомъ, на всѣхъ концахъ Кавказа старые служивые снимали шапки и говорили молодымъ товарищамъ: „смотрите, за Богомъ молитва, за Царемъ служба никогда не пропадаютъ!“

Одинъ изъ первыхъ, извѣстившихъ князя Барятинскаго о впечатлѣніи, произведенномъ его назначеніемъ въ Тифлисѣ, былъ владѣтель Абхазіи. Князь Михаилъ Шервашидзе 1-го Августа 1856 г. изъ Тифлиса писалъ между прочимъ: „Мнѣ бы хотѣлось еще много написать и разсказать вашему сіятельству, но пока ограничусь однимъ извѣщеніемъ васъ, что 31-го Іюля вечеромъ весь городъ ликовалъ и торжествовалъ; событіе тѣмъ пріятнѣе для всѣхъ насъ, что оно совершилось неожиданно и такъ скоро“. Подобныхъ, вполнѣ искреннихъ изъявленій было получено княземъ немало; но были, само собою, и обычныя, искусственныя.—Кстати приведу примѣръ: въ Пятигорскѣ, жена генерала, въ завѣдываніи котораго состояло управленіе минеральныхъ водъ, на бульварѣ, среди кружка знакомыхъ, съ бокаломъ въ рукахъ, кричала: „à bas Mouravieff, vive le prince Bariatinsky“, въ полной увѣренности, что это дойдетъ по адресу и послужитъ ей ко благу. Увы, дошло-то оно дошло; но только результатъ оказался другой: тотчасъ по пріѣздѣ на Кавказъ, князь назначилъ строгую ревизію хозяйственной части управленія водами, и генералъ былъ вынужденъ оставить мѣсто и Кавказъ....

Для гражданскихъ дѣлъ Кавказа существовалъ въ Петербургѣ особый Кавказскій комитетъ, которымъ управлялъ извѣстный въ свое время статсъ-секретарь В. П. Бутковъ;

чрезъ его руки проходили всѣ дѣла и, само собою, ему приходилось быть въ частыхъ сношеніяхъ съ намѣстникомъ. Письма его къ князю Барятинскому, кромѣ прямаго отношенія къ дѣятельности князя, имѣютъ и общій интересъ. Большинство ихъ приводятся почти вполнѣ въ приложеніяхъ.

Въ Москвѣ, во время коронаціи (по словамъ г-на Николаева, бывшаго у князя Барятинскаго адъютантомъ) князь жилъ на Тверскомъ бульварѣ, въ домѣ Вырубова. Едва ли помѣщеніе Англійскаго вице-короля Индіи или даже дворецъ самого Типпо-Саиба могли быть великолѣпнѣе. Собственно говоря, самое помѣщеніе не представляло ничего особеннаго; это былъ большой барскій домъ, высокія комнаты, хорошая мебель, и больше ничего. Правда, что въ этихъ комнатахъ, какъ бы волшебствомъ, вслѣдъ за назначеніемъ князя Александра Ивановича намѣстникомъ Кавказскимъ, появились коллекціи дорогаго оружія и дорогихъ Азіатскихъ кубковъ по стѣнамъ, вышитыя золотомъ подушки по диванамъ, громадные дорогіе ковры и масса экзотическихъ растеній; но поражала не эта обстановка, а люди, вращавшіеся въ домѣ и пріѣзжавшіе къ князю Барятинскому.

Какъ изъ-подъ земли выросли какіе-то постоянные тѣлохранители съ загорѣлыми лицами, увѣшанные орденами и сверкавшіе различными костюмами Закавказья: то были старые подчиненные князя, пріѣхавшіе въ Москву съ депутаціями и переселившіеся къ нему въ домъ, и среди нихъ, начиная съ 10 часовъ утра до 7 вечера, все, что было знатнаго и почетнаго въ Москвѣ, толпилось въ комнатахъ дома Вырубова. Тамъ видѣли и митрополита Филарета, и фельдмаршала князя Воронцова *), и лорда Гренвиля, и князя Де-Линя, и шамхала Тарковскаго, и владѣтеля Абхазіи, и владѣтельницу Мингреліи, и множество разныхъ Азіатскихъ почетныхъ лицъ въ ихъ дорогихъ одѣяніяхъ, съ ихъ Азіатскимъ привѣтомъ, похожимъ на поклоненіе божеству. Для человѣка, любящаго блескъ аттрибутовъ власти, хотя и

*) Князь Михаилъ Семеновичъ Воронцовъ былъ пожалованъ въ фельдмаршалы въ день коронаціи, 26 Августа 1856 года.

пустой, но заманчивый, трудно было найти положеніе болѣе пріятное, чѣмъ то, въ которомъ находился князь Барятинскій въ описываемую эпоху: онъ былъ молодъ, красивъ, носилъ громкое имя, надъ нимъ сіялъ ореолъ героя Кюрюкъ-Дара, у ногъ его съ Азіятскимъ раболѣпствомъ пресмыкалась пестрая, раззолоченная толпа изъ приближенныхъ Царя; выше себя онъ не видѣлъ никого, сверстники ему завидовали, а всѣ нижестоящіе наперерывъ искали случая поступить къ нему подъ команду. Да и прекрасная половина рода человѣческаго не совсѣмъ равнодушно глядѣла на молодаго намѣстника, потому уже, что никогда не могла и не можетъ оставаться равнодушной ко всякому блеску и побрякушкамъ.

А между тѣмъ, на другой же день послѣ коронаціи *), новый намѣстникъ надѣлъ красные чулки, объявилъ, что у него припадокъ подагры, не выѣзжалъ ни на какія торжества, и послѣ утренняго пріема осаждавшей его толпы садился въ 7 часовъ обѣдать въ небольшомъ кругу адъютантовъ, гдѣ являлся простымъ смертнымъ и радушнымъ хозяиномъ, невольно внушавшимъ къ себѣ симпатію.

Наступила половина Сентября, празднества окончились, и Москва опустѣла.

Князь Барятинскій поѣхалъ по Волгѣ черезъ Астрахань въ Закавказскій край.

Чрезвычайно бурная погода на морѣ задержала князя Барятинскаго въ Астрахани, и пріѣздъ въ Петровское состоялся десятью днями позже, чѣмъ ожидали. О парадныхъ встрѣчахъ тамъ, въ Темиръ-Ханъ-Шурѣ и вообще на пути нечего распространяться: все было обставлено съ возможною торжественностью и шумными оваціями. Первыя минуты уже были разительнымъ контрастомъ съ только что минувшимъ временемъ, когда встрѣчи сопровождались могильнымъ молчаніемъ и сугубымъ страхомъ.

Въ первый же вечеръ пребыванія на Кавказской землѣ, новый главнокомандующій отдалъ слѣдующій приказъ по арміи:

---

*) 26 Августа князь былъ произведенъ въ генералы отъ инфантеріи.

„Воины Кавказа! Смотря на васъ и дивяся вамъ, я взросъ и возмужалъ. Отъ васъ и ради васъ я осчастливленъ быть вождемъ вашимъ, и трудиться буду, чтобы оправдать такую милость, счастье и великую для меня честь.

„Да поможетъ намъ Богъ во всѣхъ предпріятіяхъ на славу Государя!“.

Достаточно сравнить этотъ приказъ съ извѣстнымъ письмомъ генерала Муравьева къ А. П. Ермолову, чтобы видѣть, кто изъ двухъ главнокомандующихъ лучше понималъ духъ войскъ, духъ времени и вообще тѣ струны, изъ которыхъ умѣлая рука можетъ съ успѣхомъ извлекать желательные звуки.

Въ Темиръ-Ханъ-Шурѣ князь пробылъ сутки; здѣсь происходили продолжительныя совѣщанія съ генераломъ Евдокимовымъ, пріѣхавшимъ изъ Грозной, и мѣстнымъ командующимъ войсками княземъ Орбельяни о предстоявшихъ военныхъ дѣйствіяхъ. Первый долженъ былъ вскорѣ открыть ихъ на Мичикѣ, чтобы довершить то, что въ началѣ 1853 года осталось недоконченнымъ княземъ Барятинскимъ, вслѣдствіе неоставленія ему нужнаго числа войскъ (о чемъ разсказано въ XVIII главѣ I-го тома).

На другой день князь предпринялъ поѣздку чрезъ Ишкарты на высоты къ Гимринскому спуску. Благодаря прекрасной осенней погодѣ, всѣмъ удобствамъ, какія только по мѣстнымъ условіямъ можно было доставить, благодаря всеобщему оживленію и радостному настроенію, поѣздка оказалась одною изъ самыхъ пріятнѣйшихъ. Въ свитѣ князя Барятинскаго былъ флигель-адъютантъ князь Эмиль Витгенштейнъ съ молодою прелестною супругою, урожденною Кантакузенъ, графъ Сологубъ, извѣстный писатель, и художжникъ отъ редакціи Парижской Иллюстраціи Бланшаръ. Всѣ восторгались грозно-величественною картиною, развертывающеюся съ Гимринскихъ высотъ; художникъ, бойко дѣйствовавшій карандашомъ въ своемъ альбомѣ, набрасывалъ то виды грозныхъ ущелій, то типы воинственныхъ туземцевъ, то полукомическія сцены ухаживаній за княгиней Витгенштейнъ, единственнымъ женскимъ лицомъ среди нѣсколькихъ тысячъ воиновъ.

Послѣ ночлега въ Шурѣ, князь выѣхалъ чрезъ Дербентъ и Шемаху въ Тифлисъ, куда и прибылъ 3 Ноября. Изъ прилагаемаго рисунка можно видѣть, какъ его тамъ встрѣтили. При поднесеніи хлѣба-соли, городской голова Сараджевъ, безъ особой напыщенности, выразилъ дѣйствительныя чувства населенія Тифлиса: „Еще недавно съ прискорбіемъ глядѣли мы на выѣздъ вашъ отсюда. Мы знали, что Кавказъ терялъ въ васъ и одного изъ доблестнѣйшихъ своихъ защитниковъ, и человѣка, любящаго здѣшній край. Нынѣ вы возвращаетесь къ намъ намѣстникомъ Императора, и мы уже знаемъ, что̀ можетъ ожидать весь Кавказъ и отъ вашихъ доблестей, и отъ извѣстнаго вашего къ намъ сочувствія. Нашъ городъ встрѣчаетъ васъ съ особенною радостью. Дѣлаясь вашимъ мѣстопребываніемъ, онъ гордится удѣломъ быть вмѣстѣ съ тѣмъ и предметомъ вашего непосредственнаго вниманія и заботъ. Я отъ лица согражданъ моихъ могу только слабо выразить эти живыя, одушевляющія насъ чувства и искреннюю готовность, по мѣрѣ силъ нашихъ, соотвѣтствовать вашимъ цѣлямъ и преданіямъ. Да хранитъ васъ и да поможетъ вамъ Богъ“. За тѣмъ иллюминаціи, фейерверки, восторженные клики, шумныя ликованія и проч. и проч.

Путешествіе по Волгѣ до Астрахани и по Каспійскому морю не осталось безъ результата для дѣлъ государственныхъ. Князь Барятинскій съ замѣчательною прозорливостью обратилъ вниманіе на Закаспійскій край; отъ него не скрылась важность упроченія нашего въ этихъ мѣстахъ какъ для развитія торговли съ дальнимъ Востокомъ, такъ и для политическаго вліянія въ Азіи. Онъ воскрешалъ великую идею Петра Перваго.

На пути въ Тифлисъ изъ Шемахи, онъ представилъ Великому Князю генералъ-адмиралу записку о выгодахъ соединенія Волги съ рѣками Сыръ-Дарья и Аму-Дарья, посредствомъ проведенія желѣзной дороги на пространствѣ между заливомъ Каспійскаго моря „Мертвый Култукъ“ и Аральскимъ моремъ, чрезъ Усть-Уртъ, всего около 250 верстъ. Цѣлью этого предпріятія было водворить въ самой глубинѣ Азіятскаго материка Русскую торговлю и Русское вліяніе. Для начала предлагалось назначить экспедицію изъ специа-

листовъ, чтобы изслѣдовать мѣстныя условія. Вмѣстѣ съ запиской, князь Александръ Ивановичъ написалъ Его Высочеству, изъ Шемахи же, слѣдующее письмо отъ 25 Октября 1856 года:

„Я совершилъ весьма интересное путешествіе по Волгѣ и убѣдился болѣе чѣмъ когда въ необходимости подчинить собственно плаваніе по ней морскому вѣдомству, которому только одному знакомо это дѣло. Раздѣливъ рѣку на участки и подчинивъ каждый изъ нихъ морскому офицеру (которыхъ, сколько мнѣ кажется, у васъ въ изобиліи) скорѣе всего можно будетъ обезпечить мели и опредѣлить фарватеръ; онъ обстановится вѣхами и баканами и т. п.; установятся маяки; всѣ теперь существующія препятствія къ плаванію скорѣе и положительнѣе обозначатся, и тогда Министерство Путей Сообщенія положительно будетъ поставлено въ извѣстность о томъ, чѣмъ именно ему слѣдуетъ заняться. Устья Волги составляютъ вопросъ совершенно отдѣльный, требующій большихъ изслѣдованій и денежныхъ пожертвованій“.

„Адмиралъ Васильевъ *) сопутствовалъ мнѣ по всему Каспійскому прибрежью, и тутъ увидѣли мы рѣшительную и настоятельную необходимость устроить порты въ Баку и Петровскомъ. Оба сіи пункта весьма важны, и я имѣлъ счастіе такъ часто говорить о нихъ съ Вашимъ Императорскимъ Высочествомъ, что здѣсь считаю повторенія излишними. Вамъ извѣстны и вся важность, и вся неотлагательность настоящаго предмета; но дѣло въ томъ, что надобно скорое рѣшеніе и что этимъ осуществится въ весьма непродолжительномъ времени великая польза и для ввѣреннаго мнѣ края, и для всей Россіи.

„Въ этомъ же путешествіи я еще болѣе убѣдился въ тѣсной и неизбѣжной связи между Астраханской губерніей и Кавказскимъ краемъ. До рѣшенія этого вопроса Кавказъ останется какъ бы безъ рукъ, и хотя я еще не могъ собрать полныхъ свѣдѣній для составленія дополнительной моей записки, но въ весьма скоромъ времени надѣюсь исполнить

*) Астраханскій военный губернаторъ.

это и прислать вамъ ее на ваше высокое и просвѣщенное вниманіе.

„Мнѣ кажется, необходимо также подчинить укр. Ново-Петровское адмиралу Васильеву. Онъ одинъ имѣетъ способъ навѣщать часто это укрѣпленіе и имѣть надъ нимъ постоянный надзоръ. Будущность и развитіе сего пункта въ прямой зависимости отъ частаго сообщенія его съ Астраханью, которое, при подчиненіи его Астраханскому губернатору, само собою установится“.

Записку князя Барятинскаго и Государь, и Великій Князь нашли весьма дѣльною, какъ видно изъ слѣдующаго письма Его Высочества къ князю *):

„Ганноверъ, 4 (16) Февраля 1857 года. Посылаю вамъ копію съ доклада, полученнаго мною сегодня отъ адмирала Врангеля и выписку изъ письма ко мнѣ Государя Императора по тому же предмету. Вы увидите искреннее расположеніе Его Величества къ вашему предположенію и встрѣченныя нашими министрами препятствія. Я чрезвычайно сожалѣю, что не присутствовалъ при обсужденіи этого дѣла, и прошу васъ вѣрить, что столь же сильно какъ и прежде желаю успѣха этому предпріятію“.

Выписка изъ собственноручнаго письма Государя Императора Великому Князю генералъ-адмиралу изъ Петербурга отъ 24 Января (5 Февраля) 1857 года:

„Врангель вручилъ мнѣ, по твоему приказанію, любопытное письмо Барятинскаго. Я вполнѣ раздѣляю его мнѣніе о пользѣ сей изыскательной экспедиціи и приказалъ Врангелю, не теряя времени, условиться съ военнымъ министромъ, Чевкинымъ и Горчаковымъ, для доставленія отсюда всѣхъ нужныхъ пособій“.

А на письмо отъ 25 Октября Великій Князь отвѣчалъ 25 Декабря 1856 года слѣдующее:

„Князь Александръ Ивановичъ. Письмо ваше отъ 25-го Октября изъ Шемахи я представлялъ Государю Императору, и Его Величество, вполнѣ сочувствуя вашему желанію общей пользы, приказалъ мнѣ: 1) войти въ сношеніе съ генераломъ

*) Вся переписка съ Великимъ Княземъ по-русски.

Чевкинымъ о подчиненіи плаванія по Волгѣ морскому вѣдомству, и съ Оренбургскимъ генералъ-губернаторомъ о передачѣ Ново-Петровскаго укрѣпленія въ вѣдѣніе главнаго командира Астраханскаго порта и Каспійской флотиліи, и 2) ожидать отъ васъ подробнаго представленія объ устройствѣ портовъ въ Баку и Петровскомъ и о присоединеніи Астраханской губерніи къ Кавказскому намѣстничеству, для возобновленія дѣла по сему послѣднему предмету. Я немедленно озаботился исполненіемъ помянутыхъ высочайшихъ повелѣній и увѣдомлю васъ о послѣдующемъ. По случаю предстоящаго отъѣзда моего 25-го Декабря за границу на 4 мѣсяца, прошу васъ сноситься съ управляющимъ Морскимъ Министерствомъ по дѣламъ обыкновеннымъ, а въ важныхъ случаяхъ писать мнѣ, адресуя пакеты въ Инспекторскій Департаментъ Морскаго Министерства съ надписью: „для отправленія въ мѣсто пребыванія Его Высочества“.

Объ этомъ же еще ранѣе, 3-го Декабря, извѣщалъ князя Александра Ивановича статсъ-секретарь Головнинъ, прибавивъ, что онъ приготовилъ письмо отъ Великаго Князя по настоящему предмету, но „Его Высочество желаетъ вмѣсто офиціальнаго сообщенія послать вамъ собственноручное письмо, какъ отъ друга, но не отъ министра“. Письма А. В. Головнина къ князю Барятинскому полны такого интереса, что мы обращаемъ на нихъ особое вниманіе читателей.

Государь, для разсмотрѣнія предположеній, изложенныхъ въ вышеозначенной запискѣ, учредилъ особый комитетъ, который, въ засѣданіи 27 Января 1857 года (составъ: министры—военный Сухозанетъ, путей сообщенія—Чевкинъ, морской—баронъ Врангель, иностранныхъ дѣлъ—князь Горчаковъ, директоръ Азіят. Департ. Ковалевскій и баронъ В. Ливенъ), принявъ во вниманіе возраженія Оренбургскаго генералъ-губернатора графа Перовскаго, замѣчанія кн. Горчакова и Брунова, постановилъ: экспедицію для обслѣдованія пространства между Каспійскимъ и Аральскимъ морями, по случаю взволнованнаго состоянія степныхъ племенъ, сомнительнаго политическаго положенія дѣлъ на Востокѣ и недостатка времени для изготовленія ея въ значительномъ составѣ, отложить до болѣе благопріятныхъ обстоятельствъ“.

Гг. дипломаты, при этомъ случаѣ, съ особою ироніею указывали, что прежде исполненія такихъ проэктовъ не подумать ли о завоеваніи Хивы и Кокана, и говорилось это въ томъ тонѣ, какъ если бы дѣло шло о путешествіи на луну... И все это изъ-за страха предъ Англіей, въ сравненіи съ которой Россія, въ глазахъ Брунова, конечно была ничтожествомъ. Но исторія двигается не по указаніямъ гг. дипломатовъ такого сорта: то, о чемъ они говорили съ ироніей, вскорѣ совершилось самымъ серьезнымъ образомъ. Заключеніе комитета утверждено Государемъ 8-го Февраля.

Къ сожалѣнію, Его Высочество генералъ-адмиралъ былъ тогда за границей и не могъ принять участія въ обсужденіи этого дѣла; можетъ быть, результатъ былъ бы другой. Ниже изъ письма князя Барятинскаго къ Его Высочеству видна будетъ слабая мотивировка комитетскаго постановленія. Не прошло, какъ извѣстно, и 12-ти лѣтъ, мысль князя Барятинскаго, съ измѣненіями лишь въ подробностяхъ, стала осуществляться занятіемъ Красноводска, а еще чрезъ двѣнадцать разгромъ Ахалъ-Теке привелъ насъ въ Мервъ; еще чрезъ пять лѣтъ желѣзная дорога уже опоясала степи и, перейдя Аму-Дарью, вступила въ Бухару....

Не нужно быть особенно глубокомысленнымъ политикомъ, чтобы понять, какое вліяніе на ходъ исторіи могло бы имѣть подобное положеніе наше въ тѣхъ странахъ, если бы оно осуществилось по мысли князя Барятинскаго ранѣе двѣнадцатью годами, до послѣдней Восточной войны...

По этому же поводу много различныхъ лицъ обращалось къ князю Барятинскому съ своими, письмами, записками и предположеніями; все это составитъ цѣнный матеріалъ для будущихъ историковъ. Между прочимъ писалъ князю и адмиралъ Бутаковъ.

Изъ Тифлиса 9 Декабря князь Барятинскій написалъ покойному Государю слѣдующее письмо:

Sire!

Je m'empresse de venir rendre compte à Votre Majesté du très intéressant voyage, que je viens de faire sur le Wolga. J'ai acquis plus que jamais la conviction que ce fleuve est de-

stiné à servir de véritable communication de la Russie avec le Caucase. Il est certainement malheureux que cette communication ne dure que six mois; mais dans cet espace de temps, l'on peut alimenter la plus grande partie du pays et, en cas de besoin, y transporter avec une facilité extraordinaire des troupes de réserve. Le Wolga se trouve, sans aucun doute, dans un état assez primitif; mais je crois aussi que ce que l'on dit des difficultés de la navigation est exagéré et qu' avec des moyens très simples, on pourrait établir une navigation sûre et constante jusqu'aux embouchures mêmes du fleuve, exigeant des travaux spéciaux dont le général Tchevkine s'occupe déjà. D'après les conversations que j'ai eues durant mon voyage avec les experts, je crois que le moyen le plus prompt pour arriver au but serait de confier la navigation, proprement dite, aux soins du ministère de la marine: les marins, mieux que personne, peuvent voir ce qu'il faut pour l'assurer de façon que tous les inconvénients se dessineraient aussitôt. Le cours du Wolga, divisé en sections, dont chacune serait confiée à un officier de marine, aurait bientôt son chenal marqué de bouée; tous les écueils et bas-fonds seraient précisés par une scrupuleuse et constante surveillance et des phares placés et entretenus avec soin.

Voilà, Sire, ce que j'ai pu résumer de tout ce que j'ai entendu dire et observer pendant cette traversée. Après être resté un jour à Astracan, j'ai continué en bateau à vapeur mon voyage jusqu'à Petrovsk, et le 12 de ce mois j'ai mis pied à terre sur le sol Caucasien. J'ai rencontré, aussitôt débarqué, entre autres, les généraux prince Orbelian, Indrénius, Ewdokimoff, Nicolaï, et suis venu avec eux à Temirhanschoura; là j'ai combiné avec le général Ewdokimoff les opérations de cet hiver dans la *Чечня*. J'ai tout lieu d'espérer qu'avec les moyens que Votre Majesté a bien voulu me donner et avec l'intelligence éprouvée du général Ewdokimoff, l'expédition de cette année dans la *Чечня* lui portera un coup mortel, vu qu'en la continuant jusqu'au 15 mai, j'espère pouvoir entièrement empêcher de labourer et d'ensemencer les champs. Après avoir passé deux jours à Temirchanschoura, j'ai pris le chemin que Votre Majesté avait suivi l'année 1850 et je me suis fermement persuadé que la côté occidentale de la mer Caspienne serait toujours destinée à

servir de base aux opérations qui auraient pour but de consolider nos possessions du Caucase. Bakou est sans aucun doute le point principal pour nos possessions transcaucasiennes, tandis que Petrowsk n'est pas moins important pour toute la ligne du Caucase. L'amiral Wassilieff, qui a fait ce voyage avec moi, va combiner le plan pour l'établissement de ces deux ports, qui, comme je viens de le dire, sont d'une importance urgente pour le pays. J'ai eu le temps de voir sur mon passage les dragons du prince de Wurtemberg, quelques bataillons de ligne et une partie des régiments d'Apchérons, du Daghestan, de Chirvan et de Riasan. Je les ai tous trouvés en parfait état, de bonne santé, animés d'un excellent esprit. On est généralement très enchanté ici des grandes sections nouvellement établies pour la division des troupes et du pays *).

---

*) Спѣшу отдать отчетъ Вашему Величеству объ очень интересномъ путешествіи, совершенномъ мною по Волгѣ. Болѣе чѣмъ когда либо я удостовѣрился въ томъ, что этой рѣкѣ суждено быть настоящимъ путемъ сообщенія между Россіею и Кавказомъ. Къ несчастію это сообщеніе длится всего 6 мѣсяцевъ въ году; но въ теченіи этого времени можно всѣмъ снабдить большую часть края и, въ случаѣ надобности, перевести легко резервы. Безъ сомнѣнія, Волга находится въ довольно первобытномъ состояніи; но мнѣ кажется, что толки о трудности навигаціи преувеличены и что самыми простыми средствами можно бы учредить постоянное и вѣрное сообщеніе до самыхъ истоковъ рѣки, и что это требуетъ спеціальныхъ работъ, которыми ген. Чевкинъ уже занимается. Изъ разговоровъ съ экспертами во время пути, я заключилъ, что лучшее средство скоро достигнуть этой цѣли было-бы поручить дѣло навигаціи Морскому Министерству. Моряки лучше чѣмъ кто-либо могутъ обсудить, что́ нужно сдѣлать, чтобы обезпечить ее и сейчасъ-бы увидѣли, какія при этомъ представляются неудобства. Въ Волгѣ, раздѣленной на части, изъ которыхъ каждая была-бы ввѣрена морскому офицеру, скоро точно опредѣлили-бы баканами (спасительными бочками) фарватеръ; всѣ мели и подводные камни были-бы обозначены тщательнымъ и постояннымъ наблюденіемъ и хорошо содержимыми маяками.

Вотъ, Ваше Величество, все что́ я могу вкратцѣ изложить изъ того, что̀ я слышалъ и наблюдалъ во время этого переѣзда. Пробывъ одинъ день въ Астрахани, я продолжалъ свое путешествіе на пароходѣ до Петровска, и 12 с. м. ступилъ на Кавказскую землю. Высадившись, я былъ встрѣченъ, между прочимъ, генералами кн. Орбеніани, Индреніусомъ, Евдокимовымъ и Николаи и отправился съ ними въ Темиръ-Ханъ-Шуру; тамъ

3-го Марта 1857 года, по поводу приведеннаго выше постановленія комитета, собиравшагося для обсужденія вопроса объ экспедиціи въ Закаспійскій край, князь Барятинскій писалъ Его Высочеству генералъ-адмиралу:

„Я имѣлъ счастіе получить вчера письмо Вашего Императорскаго Высочества, въ которомъ изволите, такъ одобрительно для меня, выражаться въ отношеніи предложенной мною экспедиціи на Усть-Уртъ и о сожалѣніи вашемъ, что не изволили участвовать въ засѣданіи, порѣшившемъ это дѣло.

„Возраженія коммиссіи, обсуждавшей этотъ предметъ, состоятъ: *во первыхъ*, въ невозможности купить или нанять къ предполагаемому сроку достаточнаго числа верблюдовъ; *во вторыхъ*, что къ этому слѣдовало испросить предварительнаго согласія графа Перовскаго; *въ третьихъ*, что въ нынѣшнихъ политическихъ обстоятельствахъ экспедиція эта не своевременна, и наконецъ, *въ четвертыхъ*, что нельзя допустить такую малочисленность отряда, не подвергая его явной опасности отъ непріятеля.

„Я полагаю, что къ опроверженію первыхъ двухъ замѣчаній не слѣдуетъ и искать объясненій. На восточномъ бе-

---

я обсуждалъ съ генер. Евдокимовымъ военныя дѣйствія, предполагаемыя въ эту зиму въ Чечнѣ. Я имѣю полное основаніе надѣяться, что со средствами, предоставленными мнѣ Вашимъ Величествомъ, и съ испытанными способностями генер. Евдокимова экспедиція сего года въ Чечню нанесетъ ей смертельный ударъ, такъ какъ, продолжая ее до 15-го Мая, я надѣюсь совершенно воспрепятствовать обработкѣ и посѣву полей. Пробывъ два дня въ Темиръ-Ханъ-Шурѣ, я отправился по пути, по которому вы слѣдовали въ 1850 году, и твердо убѣдился въ томъ, что западный берегъ Каспійскаго моря всегда будетъ предназначенъ служить базисомъ для военныхъ операцій, цѣль которыхъ будетъ закрѣплять за нами наши Кавказскія владѣнія. Безъ сомнѣнія, Баку самый главный пунктъ для нашихъ Закавказскихъ владѣній, тогда какъ Петровскъ не менѣе важенъ для всей Кавказской линіи. Адмиралъ Васильевъ, ѣхавшій со мною, обсудитъ планъ для устройства этихъ двухъ портовъ, необходимыхъ, какъ выше сказано, для страны. По пути я успѣлъ осмотрѣть драгунъ принца Виртембергскаго (Нижегородцы), нѣсколько линейныхъ батальоновъ и части полковъ Апшеронскаго, Дагестанскаго, Ширванскаго и Рязанскаго. Я всѣхъ нашелъ въ отличномъ состояніи; духъ войска превосходный. Вообще, здѣсь очень восхищены новыми раздѣленіями войскъ и страны.

регу Каспійскаго моря, даже и по прибытіи отряда на мѣсто, тотчасъ можно будетъ купить или нанять верблюдовъ сколько понадобится; даже не трудно было бы перевести такое ничтожное количество изъ Астрахани или отъ западнаго берега Каспійскаго моря, гдѣ ихъ пасутся цѣлыя стада. Но какъ я эту экспедицію полагалъ снарядить для ученыхъ изысканій и совершенно независимо отъ графа Перовскаго, то не находилъ и надобности просить его согласія о наймѣ верблюдовъ.

„Что же касается до третьяго пункта, объ опасеніяхъ породить этою экспедиціею политическія неудобства, то я, именно въ предвидѣніи этого, просилъ придать ей характеръ собственно ученый, а потому и предлагалъ сдѣлать ее въ самыхъ малыхъ размѣрахъ, чтобы этимъ освободить ее отъ всякой формы воинственнаго предпріятія.

„Ежели потеря этого года не приведетъ насъ къ позднему раскаянію, то я буду весьма счастливъ; но, къ сожалѣнію, Англичане времени не теряютъ, и я опасаюсь, что послѣдняя война не послужитъ намъ урокомъ и что мы опять будемъ застигнуты въ расплохъ тамъ, гдѣ для насъ всего будетъ непростительнѣе“ *).

„Скажу въ заключеніе, что ежели Усть-Уртъ, какъ говоритъ графъ Перовскій, такъ безплоденъ, что трудно найти мѣсто гдѣ бы можно было до сыта накормить даже одну лошадь, то для чего же графъ Перовскій предпринималъ походъ въ Хиву въ 1839 году чрезъ Усть-Уртъ, по которому надобно было пройти около 400 верстъ съ 10 тыс. верблюдами и 3 тыс. лошадей? Но если это возраженіе графа Перовскаго справедливо, то отъ кого же намъ опасаться нападеній; потому что непріятелю также надобно будетъ кормить своихъ лошадей и верблюдовъ?

„Къ этому письму смѣю просить позволенія Вашего Высочества приложить требуемую вами записку, съ мнѣніемъ

---

*) Въ этомъ смыслѣ писалъ князь и военному министру Сухозанету 4 Іюня 1857 года: „Я уступилъ большинству голосовъ комитета, но тѣмъ не менѣе остаюсь въ томъ убѣжденіи, что, отлагая дѣло на неопредѣленное время, мы не облегчаемъ себѣ успѣха въ будущемъ, и даемъ волю врагамъ нашимъ усиливать вліяніе и владычество свое въ Азіи“. Слова пророческія. А. З.

моимъ на возраженія графа Перовскаго, относительно подчиненія Ново-Петровскаго укрѣпленія Астраханскому губернатору".

Въ Петербургѣ возраженія послѣдовали на все, и присоединеніе Астраханской губерніи къ Кавказскому намѣстничеству тоже не состоялось. Даже одобреніе Государя и Великаго Князя ни къ чему не повело.

ПРИЛОЖЕНІЯ.

А. Письма статсъ-секретаря В. П. Буткова къ князю А. И. Барятинскому.*)

1.

5 Августа 1856 г. изъ Москвы. „Письмо это вручитъ вашему сіятельству отправляемый по желанію вашему, къ вамъ, въ Петербургъ, переводчикъ Арцу. Тотчасъ по пріѣздѣ въ Москву, я поспѣшилъ осмотрѣть всѣ квартиры, нанятыя для помѣщенія Кавказскихъ депутатовъ. Не всѣ изъ нихъ размѣщены какъ прилично; а потому я вчера же разрѣшилъ нанять для нѣкоторыхъ изъ нихъ новыя, болѣе удобныя помѣщенія. Болѣе всего изъявляетъ претензій княгиня Дадьянъ: кажется, она думала, что ее примутъ за такую принцессу, для которой нуженъ и особый дворецъ, и особая ливрея, и даже особое мѣсто въ царскомъ въѣздѣ и шествіи. Впрочемъ ей все объяснено, и она, кажется, успокоивается.

Вы не повѣрите, какъ я вамъ благодаренъ за то, что вы приняли на себя представленіе депутатовъ и владѣтелей ко двору и всѣ хлопоты объ ихъ церемоніальныхъ обязанностяхъ. Мнѣ съ ними не совладать бы. Представьте себѣ, что ихъ всего пріѣхало съ 50 человѣкъ разныхъ званій и состояній; не упомнишь ихъ даже и названій. Вы почти всѣхъ ихъ лично знаете, и они всѣ васъ чрезвычайно любятъ. Поэтому вамъ, только вамъ однимъ и можно представлять ихъ Государю и всей царской фамиліи. Что бы было, еслибы вы не были назначены намѣстникомъ! Сѣдла, чепраки и всѣ принадлежности для въѣзда, когда депутаты будутъ верхомъ, уже найдены. Блескъ ихъ при этомъ будетъ чудесный; одежда и вооруженіе ихъ превосходны. Я увѣренъ, что глаза иностранцевъ разбѣгутся, когда они увидятъ эту чудесную когорту. Между тѣмъ, вашему сіятельству необходимо испросить разрѣшеніе Государя Императора по слѣдущимъ предметамъ:

1) Въ числѣ депутатовъ есть владѣтели: шамхалъ Тарковскій, ханъ Мехтулинскій (молодой человѣкъ въ мундирѣ поручика л. гв. казачьяго

*) Всѣ письма Буткова по-русски.

полка), правитель Кюринскаго ханства генералъ-маіоръ Юсуфъ-бекъ и племянникъ правителя Казикумыкскаго ханства корнетъ (тоже въ мундирѣ л.-гв. казачьяго полка) Галатъ-ханъ. Неужели они должны при въѣздѣ Государя въ Москву быть вмѣстѣ съ прочими депутатами спереди кортежа, и не приличнѣе ли будетъ, если они поѣдутъ верхомъ за Государемъ, вмѣстѣ съ его свитою?

2) Въ прежнее время всѣ вообще Азіатцы, имѣющіе военный чинъ, носили эполеты. Нынѣ предоставлено это право только тѣмъ изъ нихъ, кои считаются по кавалеріи и состоятъ въ кавалерійскихъ полкахъ. Прочіе эполетъ не имѣютъ вовсе; погоны для нихъ также еще не утверждены; они ходятъ такъ, съ одними погончиками. Эполеты для нихъ необходимы, чтобы можно было видѣть различіе въ чинахъ, имъ Царемъ пожалованныхъ. Они почти всѣ единогласно просили дозволить имъ, хотя во время коронаціи, употреблять по прежнему эполеты.

Знакомство мое съ депутатами убѣдило меня въ томъ, что вашему сіятельству необходимо имѣть здѣсь приличную квартиру. Ихъ всѣхъ здѣсь такъ много, они всѣ такъ важны и значительны, что вамъ принять ихъ у себя въ плохихъ комнатахъ генералъ-адъютанскаго дома, право, будетъ совѣстно. Моя квартира нѣсколько лучше вашей; но, я зная Азіятцевъ и ихъ взглядъ на вещи, рѣшительно стыжусь принять ихъ у себя. Право, не знаю, какъ приметъ ихъ графъ А. Ѳ. Орловъ въ его тѣсной квартирѣ; но онъ живетъ во дворцѣ: это значитъ многое; между тѣмъ какъ вы живете Богъ знаетъ въ какомъ переулкѣ и въ какомъ домѣ.

Если вы будете здѣсь 14, то надо будетъ 15 или 16 Августа вамъ сдѣлать смотръ всѣхъ депутатовъ верхомъ. Для этого можно будетъ собрать ихъ въ манежѣ экзерциргауза. Увѣдомьте меня благовременно, дабы я могъ распорядиться и истребовать лошадей и все, что нужно".

2.

Отъ 23 Октября 1856 г.. „Хотя я до сихъ поръ рѣшительно не имѣю никакого извѣстія о путешествіи вашего сіятельства, но зная, что вы думали быть въ Тифлисѣ 15-го Октября, и полагая, что, если вы нѣсколько и опоздали, то все-таки это письмо найдетъ васъ уже тамъ, я рѣшился писать къ вамъ.

Прежде всего позвольте мнѣ поблагодарить ваше сіятельство за все то дружеское расположеніе, которое вы мнѣ оказывали во время послѣдняго пребыванія вашего и въ Петербургѣ, и въ Москвѣ. Вѣрьте, что я разстался съ вами съ грустью въ сердцѣ и никогда не забуду вашего ко мнѣ вниманія.

Какъ Русскаго, поздравляю васъ съ желѣзными дорогами. Дѣло это на сихъ дняхъ кончено въ Комитетѣ Министровъ, который для обсужденія его собирался въ присутствіи Государя. Чевкинъ велъ дѣло прекрасно. Построеніе дорогъ отдано компаніи Беринга и Гопе. Полагая, что вамъ будетъ любопытно знать нѣкоторыя подробности этого дѣла, посылаю вамъ,

собственно для васъ и по секрету, списокъ съ журнала Комитета Министровъ, удостоеннаго уже высочайшаго утвержденія.

Другихъ важныхъ новостей пока нѣтъ; по крайней мѣрѣ ихъ не слышно.

На дняхъ я получилъ двѣ выписки изъ журнала Комитета Министровъ по отчетамъ Кутаисскаго и Ставропольскаго губернаторовъ. На сихъ отчетахъ Государь сдѣлалъ собственноручныя резолюціи, которыя совершенно уничтожаютъ всѣ постановленія о правахъ и отношеніяхъ намѣстника Кавказскаго. Онъ поручилъ министру внутреннихъ дѣлъ обратить вниманіе на нѣкоторые предметы управленія и даже потребовать отъ васъ разныя объясненія и свѣдѣнія. Вы не повѣрите, сколько удовольствія сдѣлали для Ланскаго и его окружающихъ эти резолюціи; потому что онѣ, происходя отъ самого Царя, показали желаніе Его Величества подчинить Кавказскія дѣла Министерству, хотя я по совѣсти убѣжденъ, что Государь это сдѣлалъ безъ всякаго умысла, при множествѣ работы. Тѣмъ не менѣе дѣло сдѣлано. Посылаю вамъ, собственно для вашего свѣдѣнія, эти выписки. Оффиціальныя по нимъ бумаги вы получите отъ Ланскаго и тогда только можете отвѣчать и возражать, какъ будетъ слѣдовать. Впередъ по отчетамъ губернаторовъ подобныхъ резолюцій нельзя будетъ и ждать, потому что отчеты сіи будутъ идти уже черезъ васъ.

Боюсь я только, чтобы эти резолюціи не были послѣдствіемъ разныхъ толковъ по случаю послѣднихъ высочайшихъ повелѣній о разныхъ поясненіяхъ въ правахъ намѣстника. Повелѣнія сіи возбудили уже нѣкоторую переписку. Напримѣръ, военный министръ спросилъ меня, относится ли исключеніе ст. 195 ст. Гражд. Свода до званія главнокомандующаго; конечно я отвѣчалъ, что объ этомъ не было и рѣчи. Государственный контролёръ спрашиваетъ меня: слѣдуетъ ли его департаментамъ сноситься съ подвѣдомственными вамъ мѣстами на Кавказѣ; я ему отвѣчалъ, что вопросъ этотъ можетъ быть только рѣшенъ вами, и потому я передамъ оный вашему сіятельству.

Между тѣмъ, отступленіе отъ правилъ о сношеніяхъ подчиненныхъ вамъ мѣстъ съ министерствами, только чрезъ намѣстника, имѣло непріятныя послѣдствія по одному дѣлу. Генералъ-губернаторъ графъ Строгоновъ хлопоталъ о запрещеніи, по случаю неурожая, вывоза хлѣба изъ южныхъ портовъ. Дѣло это въ прошедшій Вторникъ разсматривалось въ Комитетѣ Министровъ и конечно было отвергнуто; но при этомъ Брокъ сказалъ въ комитетѣ, что онъ получилъ донесеніе начальника Ейской таможни о такомъ запрещеніи, предписанномъ Филипсономъ. Военный министръ взялъ на себя доложить объ этомъ Государю, и вѣроятно вы получите отъ него по этому предмету не совсѣмъ пріятную бумагу; но при этомъ совѣтую вамъ обратить вниманіе на поступокъ начальника Ейской таможни, который не долженъ былъ доносить министру финансовъ *).

*) Вскорѣ за это было объявлено чрезъ Сенатъ высочайшее повелѣніе, воспрещавшее кому бы то ни было входить, помимо намѣстника Кавказскаго, въ сношенія съ подвѣдомственными ему мѣстами и лицами. А. З.

На дняхъ я получилъ отъ Нерсеса *) копію съ послѣдняго письма его къ Ланскому. Я говорилъ съ симъ послѣднимъ, и онъ обѣщалъ мнѣ оставить это письмо безъ послѣдствій, такъ какъ Государь сказалъ ему, что изслѣдованіе поступковъ Нерсеса онъ предоставилъ вашему сіятельству.

3.

Отъ 7-го Декабря 1856 года. Насъ удивляетъ ваша дѣятельность: въ короткое время вы успѣли такъ много тронуть дѣлъ, вамъ переданныхъ, что просто завалили насъ работою. Впрочемъ и мы не уступаемъ вамъ. Третьяго дня, 4-го Декабря, было у насъ засѣданіе Кавказскаго Комитета; мы рѣшили до 28 дѣлъ и рѣшили согласно вашимъ мнѣніямъ, не взирая на разные толки и разсужденія. Впрочемъ, всѣ дѣла большею частью были неважны; но въ числѣ ихъ кончены два важныя дѣла:

1) О вознагражденіи бековъ за поступившихъ въ казну безземельныхъ крестьянъ. Не взирая на многія рѣчи, Комитетъ утвердилъ вполнѣ ваше мнѣніе, чтобы бекамъ въ теченіе 25 лѣтъ давать въ видѣ вознагражденія по 5 рубл. сер. изъ казны за каждый дымъ отобранныхъ у нихъ безземельныхъ крестьянъ; и

2) О пенсіи дѣтямъ Грузинской царицы Маріи, царевичамъ Ильѣ, Окропиру, Ираклію и Михаилу. Записку по этому дѣлу ваше сіятельство представили въ Москвѣ Государю и выпросили тогда высочайшее повелѣніе вновь разсмотрѣть его въ Кавказскомъ Комитетѣ. Комитетъ, не смотря на упорство Брока, рѣшилъ: пенсію въ 10 тыс. рубл. сер., получаемую покойною царицею, производить четыремъ ея сыновьямъ и ихъ наслѣдникамъ потомственно, начавъ производство оной съ 1 Января 1857 года.

Журналъ Кавказскаго Комитета еще не составленъ, поэтому бумаги до сихъ двухъ дѣлъ относящіяся вы не получите ранѣе мѣсяца.

Кромѣ Комитета нѣкоторыя изъ поступившихъ отъ васъ бумагъ были представлены Государю, и онъ разрѣшилъ все. Высочайшее повелѣніе вслѣдъ за симъ будетъ къ вамъ прислано. Впрочемъ вы будете получать ихъ каждую недѣлю, такъ какъ доклады князя А. Ѳ. Орлова бываютъ всякую недѣлю.

Государь, утвердивъ проэкты грамотъ жителямъ Кавказскаго и Закавказскаго края за ихъ усердіе во время послѣдней войны, приказалъ, чтобы грамоты сіи были изготовлены такъ, какъ изготовлены грамоты данныя Новороссійскимъ губерніямъ. По этому случаю приступлено къ разрисовкѣ и хромолитографіи ихъ, а также къ изготовленію ящиковъ и т. п. Когда все это будетъ готово, на что потребуется не менѣе мѣсяца, тогда всѣ грамоты съ надлежащими оттисками отправимъ къ вашему сіятельству. Я отправлю съ ними отсюда двухъ чиновниковъ канцеляріи Кавказскаго Комитета: князя Волконскаго (сына бывшаго государственнаго преступника, брата Молчановой, родившагося и прежде служившаго въ Сибири) и кня-

*) Армянскаго патріарха или католикоса. А. З.

зя Эристова, сына Евстафія Эристова. По всей вѣроятности грамоты прибудутъ къ вамъ въ первыхъ числахъ Февраля. Въ Новороссійскомъ краѣ ихъ торжественно читали и клали на храненіе въ соборъ. Вамъ надо будетъ также озаботиться церемоніаломъ ихъ объявленія, взявъ свѣдѣніе о томъ, что дѣлалось въ Одессѣ, Херсонѣ и другихъ городахъ, и что вѣроятно извѣстно изъ „Одесскаго Вѣстника".

Меня чрезвычайно порадовалъ послѣдній полученный здѣсь № газеты „Кавказъ": въ немъ нѣтъ уже иностранныхъ извѣстій, и онъ уже весь посвященъ мѣстному интересу. Дай Богъ, чтобы всегда было такъ.

Въ Ноябрѣ мѣсяцѣ обыкновенно поступало отъ главныхъ на Кавказѣ начальниковъ общее по краю представленіе о наградахъ. До сихъ поръ его еще нѣтъ; но ваше сіятельство вѣроятно его сдѣлаете. За что же бѣднымъ чиновникамъ-труженикамъ лишаться наградъ потому только, что край перемѣнилъ своихъ главныхъ начальниковъ?

Вашъ предшественникъ, Н. Н. Муравьевъ, теперь здѣсь; но принятъ довольно холодно, особенно публикою. Онъ уволенъ въ годовой отпускъ съ сохраненіемъ содержанія, объяснивъ впрочемъ, что если военныя обстоятельства будутъ требовать, то онъ готовъ употребить свои силы и способности на пользу Россіи и прежде этого срока. Дай Богъ, чтобы до этого не дошла бѣдная Россія.

Б. Письмо генералъ-адъютанта Коцебу.

Изъ Варшавы, отъ 26 Декабря 1856 года (переводъ съ Французскаго).

Газеты насъ извѣстили о вашемъ прибытіи въ Тифлисъ. До сего времени я воздерживался вамъ писать, не желая, чтобы мое письмо смѣшалось въ той массѣ посланій, которыя, по всей вѣроятности, сыпались къ вамъ со всѣхъ сторонъ, посланій, идущихъ отъ лицъ, которыя, не умѣя оцѣнить важность вашего назначенія, видятъ въ этомъ лишь блестящую сторону. Льщу себя убѣжденіемъ, что принадлежу къ маленькому числу понимающихъ всю важность вашего присутствія на Кавказѣ и знающихъ, какъ вы смотрите на эту обширную страну въ военномъ и административномъ отношеніи, страну, могущую полагать свои надежды на крѣпкихъ основахъ вашего характера и вашихъ принциповъ.

Три мѣсяца тому назадъ я писалъ моему брату *), что считаю ваше назначеніе самымъ счастливымъ для страны, такъ какъ вы не только хотите, но и можете, лучше чѣмъ кто-либо другой, принести ей благо. Эти мысли не результатъ того ореола, который васъ окружаетъ, но слѣдствіе глубокаго чувства, необъяснимаго банальными фразами. Помните ли вы мои слова, когда, отправляясь съ вами на Бѣлый Ключъ осматривать гренадеровъ, я предсказывалъ вамъ ваше будущее?

---

*) Братъ генерала Коцебу, Ѳедоръ Евстафьевичъ, былъ членомъ совѣта намѣстника Кавказскаго.

Съ глубокимъ интересомъ я читалъ описаніе вашего тріумфальнаго въѣзда въ Тифлисъ. Страна и войско встрѣтили васъ съ радостными криками; да это и не могло быть иначе. Какъ для первой, такъ и для втораго, въ особенности же для первой, вы представитель прогресса. Каждый надѣется увидать начало новой эры счастія общественнаго и личнаго; это дѣлаетъ ваше положеніе наиболѣе тяжелымъ, и я думаю, что вы не обманываетесь на этотъ счетъ; но вы человѣкъ способный понести такое бремя и, съ Божьею помощью и съ поддержкою нашего Монарха, вы кончите тѣмъ, что выполните вашу тяжелую задачу. Теперь я буду слѣдить съ двойнымъ интересомъ за дѣлами Кавказа. Говорятъ, что вы имѣете въ виду большія реформы, начало которыхъ выразилось въ новомъ распредѣленіи начальства. Я нахожу это совершенно согласнымъ съ положеніемъ вещей, но не понимаю, какимъ образомъ вы устроитесь съ гражданскимъ управленіемъ на Кавказской линіи. Что касается до выбора начальниковъ, вы взяли все, что́ было лучшаго и согласно съ обстоятельствами.

Сообщена ли вамъ моя замѣтка, одобренная военнымъ министромъ княземъ Долгоруковымъ, объ употребленіи на Кавказѣ 13-й и 18-й дивизій? Я прибавилъ тамъ нѣсколько мыслей относительно административныхъ и миролюбивыхъ мѣръ, которыя могли бы сгладить дорогу къ умиротворенію

Извѣстія объ Европейской политикѣ прибудутъ къ вамъ навѣрное скорѣе, чѣмъ это письмо, обреченное идти по скверным почтовымъ дорогамъ. Изъ предметовъ—наиболѣе выдающихся для насъ—это закрытіе конференцій въ Парижѣ. Я еще не знаю ихъ постановленій, но знаю, что срокъ очищенія Чернаго моря и княжествъ былъ назначенъ къ 18 (30) Марта. Былъ найденъ предлогъ продолжить это занятіе, и когда окончится этотъ новый срокъ, найдутся другія отговорки. Рѣшительно Англичане хотятъ остаться навсегда въ Черномъ морѣ! Будущее покрыто мракомъ...

В. Письма А. В. Головнина *).

1.

Дрезденъ, 2 (14) Октября 1856 г.

Я только что узналъ о вашемъ выборѣ, павшемъ на одного изъ моихъ друзей, котораго я люблю и особенно уважаю, Дм. Ал. Милютина, назначеннаго начальникомъ вашего главнаго штаба. Поздравляю васъ съ этимъ ото всего сердца; я убѣжденъ, что уже однимъ этимъ выборомъ вы оказали большую услугу Кавказу. Милютинъ имѣетъ большія способности, по истинѣ большой умъ, разнообразныя и глубокія познанія, соединенныя съ благодарствомъ характера и теплымъ сердцемъ. Вѣсть объ его назначеніи меня застала въ Дрезденѣ по моемъ прибытіи изъ Парижа, гдѣ я болѣе мѣсяца очень пріятно провелъ время и гдѣ старался изучить обстоятельства. Слухи на счетъ болѣзни Наполеона преувеличены; но его докторъ

*) Переведены съ Французскаго.

Конно (Conneau) говорилъ Якову Толстому, что на самомъ дѣлѣ его здоровье страдаетъ отъ излишествъ... отъ возбудительныхъ средствъ, имъ употребляемыхъ, въ особенности отъ вина; но что у него какъ будто уже были минуты помѣшательства, это невѣрно. Русскіе, живущіе во Франціи и женатые на Француженкахъ, меня увѣряли, что недовольство народа, вслѣдствіе дороговизны и въ особенности квартиръ въ Парижѣ, чрезвычайно и что къ зимѣ нужно ожидать народнаго движенія, большихъ безпорядковъ, но что войска будутъ послушны Императору, и волненія будутъ подавлены. Въ войскѣ царствуетъ большое недоброжелательство арміи къ гвардіи, которая становится очень многочисленною. Приближенные Наполеона получаютъ громадное содержаніе и обкрадываютъ его самымъ неосторожнымъ образомъ; напримѣръ, въ спискахъ его конюшенъ числится двойное количество лошадей противъ того, сколько ихъ тамъ находится въ дѣйствительности. Онъ это знаетъ и позволяетъ дѣлать, такъ какъ взамѣнъ сего эти воры ему политически преданы, зная, что ихъ благосостояніе зависитъ отъ продолженія его царствованія; они бодрствуютъ надъ нимъ, содержатъ спеціальную полицію и извѣщаютъ его обо всемъ, что̀ можетъ случиться неблагопріятнаго для его могущества. Бенкендорфъ мнѣ разсказалъ въ Парижѣ подробности аудіенціи, которую онъ имѣлъ въ Сенъ-Клу. Чтобы дать вамъ понятіе о приближенныхъ Наполеона, надо вамъ разсказать, что въ то время, когда Бенкендорфъ и Бруновъ съ папскимъ нунціемъ и многими генералами находились въ пріемной, входитъ какой-то господинъ чрезмѣрно толстый, одѣтъ какъ буржуа, съ тростью въ рукѣ и, проводя рукою по подбородку, говоритъ хриплымъ голосомъ: „а я сегодня и не выбритъ; ну тѣмъ хуже для Императора". Оказалось, что эта милая личность былъ принцъ Мюратъ. Аудіенція во всѣхъ отношеніяхъ была приличная. Наполеонъ принялъ нашихъ дипломатовъ въ полной формѣ и въ Андреевской лентѣ, самъ подвинулъ имъ стулья, выразилъ свою благодарность за радушный пріемъ, который былъ оказанъ Французскимъ генераламъ, находившимся во время коронаціи въ Москвѣ, благодарилъ Государя Императора за то, что онъ призналъ правительство Испаніи, много говорилъ объ этой странѣ и шутилъ съ Бруновымъ, напоминая ему, какъ онъ собирался его посѣтить въ Лондонѣ. Аудіенція продолжалась съ полъ-часа. Бенкендорфъ увѣряетъ, что Наполеонъ имѣетъ здоровый видъ, хотя блѣдный, худой и съ тусклыми глазами. Вотъ довольно длинное письмо, чтобы его закончить. Смѣю обратить ваше вниманіе на одну книгу, которую я теперь читаю: „Закавказье" барона Гакстгаузена, Берлинъ 1856 г. Англійскій переводъ этого замѣчательнаго труда уже появился въ Лондонѣ.

2.

Петербургъ, 8 Декабря 1856 г.

Великій Князь Константинъ Николаевичъ, получивъ ваше письмо изъ Шемахи отъ 24 Октября, поспѣшилъ прочесть его Государю, и Его Величество совершенно одобрилъ ваши мысли: 1) относительно пользы пере-

дачи навигаціи по Волгѣ подъ наблюденіе морскихъ офицеровъ въ отношеніи къ вѣхамъ и штурманамъ, 2) относительно выгоды передать Ново-Петровскъ въ вѣдѣніе адмирала Васильева 3) относительно проэкта присоединенія къ вашему управленію Астраханской губерніи и 4-е) проэкта устройства порта не только въ Баку, но также и въ Петровскѣ.

Одобреніе Государя было предварительнымъ. Великій Князь немедленно же написалъ генералу Чевкину и графу Перовскому, прося сообщить ему ихъ взгляды на счетъ № 1 и 2. Его Высочество переговорилъ словесно съ Чевкинымъ и нашелъ его очень желающимъ осуществленія вашего проэкта относительно Волжской навигаціи. Его Высочество ожидаетъ оффиціальныхъ отвѣтовъ. Что касается до 3 и 4 пунктовъ, Великій Князь ожидаетъ отъ васъ офиціальнаго представленія. Относительно всего этого дѣла я приготовилъ для васъ письмо Великаго Князя. Что касается до сущности, Его Высочество его одобрилъ; но онъ желаетъ вмѣсто оффиціальнаго сообщенія послать вамъ собственноручное письмо, какъ другъ, но не какъ министръ. Такъ какъ это посланіе заставляетъ себя ждать уже двѣ недѣли, то я спѣшу теперь сообщить нѣкоторыя свѣдѣнія относительно всего этого дѣла. 25 Дек. или 1 Янв. Великій Князь уѣзжаетъ за границу. Онъ пробудетъ три недѣли въ Ганноверѣ съ Великою Княгинею, посѣтитъ союзные дворы Веймара, Альтенбурга, Бадена, Дармштадта и Штутгарта и чрезъ Шамбери и Монсенисъ отправится въ Ниццу.—Е. В. предполагаетъ пробыть тамъ до 18 Февр. и 19-го идти моремъ въ Тулонъ. Остатокъ Февраля и Марта онъ проведетъ во Франціи; въ Апрѣлѣ Е. В возвращается въ Россію, чтобы въ Маѣ уѣхать въ Николаевъ и на Кавказъ. Сопровождая Великаго Князя во всемъ этомъ путешествіи, я надѣюсь имѣть честь представиться князю, намѣстнику царскому, въ его княжествѣ.

Г. Письма военнаго министра генералъ-адъютанта Н. О. Сухозанета къ князю А. И. Барятинскому.

1.

При разсмотрѣніи въ Аудиторскомъ Департаментѣ извлеченій по военно-суднымъ дѣламъ отдѣльнаго Кавказскаго корпуса, представляемыхъ о лицахъ, изъятыхъ отъ тѣлеснаго наказанія, на высочайшее усмотрѣніе, неоднократно замѣчаемы были значительныя упущенія, которыя въ послѣднее время въ особенности обнаружились, какъ въ образѣ составленія тѣхъ извлеченій, такъ и въ самомъ примѣненіи военно-уголовныхъ законовъ, при постановленіи приговоровъ. Такимъ образомъ неоднократно было замѣчено, что извлеченія по дѣламъ съ одной стороны содержали въ себѣ совершенно-излишнія подробности, а съ другой — не заключали самыхъ необходимыхъ для полноты дѣла свѣдѣній; переписывались же и составлялись съ такою небрежностью, что не могли быть въ этомъ видѣ представляемы на высочайшее усмотрѣніе. О несогласныхъ съ законами приговорахъ прилагается особая при семъ выписка.

Имѣя въ виду, что подобнаго рода упущенія замѣчены въ дѣлахъ, вносимыхъ на высочайшее утвержденіе, съ достовѣрностію можно заключить, что по дѣламъ, окончательно рѣшаемымъ въ Полевомъ Аудиторіатѣ должны обнаруживаться болѣе значительныя неисправности,

Приписывая это обстоятельство исключительно личному составу производителей дѣлъ Полеваго Аудиторіата, и въ особенности полевому генералъ-аудитору, на отвѣтственности котораго должны оставаться какъ правильность, такъ и порядокъ производства дѣлъ, я съ своей стороны полагаю, что занимающій нынѣ эту должность коллежскій совѣтникъ Невскій (изъ писарей военнаго вѣдомства) по всей вѣроятности не соотвѣтствуетъ по образованію и образу мыслей современнымъ требованіямъ правительства о замѣщеніи, по возможности, высшихъ должностей по военно-судной части людьми получившими юридическое образованіе.

Сообщая о семъ на усмотрѣніе вашего сіятельства, считаю долгомъ присовокупить, что ежели вы, милостивый государь, признаете съ своей стороны нужнымъ, въ личномъ составѣ аудиторскихъ чиновъ ввѣреннаго вамъ управленія, сдѣлать какое-либо измѣненіе, то я съ своей стороны постараюсь оказать по сему предмету зависящее отъ меня содѣйствіе.

16 Ноября 1856 г.

2.

Обращаюсь къ вамъ съ покорнѣйшею просьбою принять строгія мѣры, чтобы существовавшій понынѣ, при пріемѣ въ Астрахани, заготовленный по распоряженію Провіантскаго Департамента, провіантъ не былъ задерживаемъ на неопредѣлительное время у подрядчиковъ, доставившихъ оный изъ Приволжскихъ губерній. При произведенномъ нынѣ заготовленіи для Лѣваго фланга, жалобы по сему были чрезмѣрны, и охотниковъ принять на себя туда поставку, единственно по этой причинѣ, не иначе можно было склонить, какъ съ прибавкою цѣны и съ даннымъ вѣрнымъ обѣщаніемъ, что подобныхъ прежнимъ притязаній не можетъ случиться. Главное состоитъ, что ко времени прибытія въ Астрахани судовъ, не сгружаютъ ихъ мѣсяцъ и даже два будто бы по неприбытію судовъ для поднятія оныхъ по Каспію. Между тѣмъ судоходчики, упуская время судоходства, несутъ значительные убытки и отвѣтствуютъ, сверхъ того, за неминуемую усушку хлѣба въ теченіи лѣтнихъ мѣсяцевъ.

Другая просьба: всѣ подрядчики, имѣющіе дѣла съ Кавказомъ, требуютъ значительную часть уплаты въ звонкой монетѣ; прошу конфиденціально меня увѣдомить, въ какой степени дѣйствительна правда, что въ вашемъ краѣ туземцы не принимаютъ депозитокъ безъ значительныхъ процентовъ: нужно бы это уладить.

Вы поручили мнѣ всегда откровенно вамъ о всемъ говорить, а потому я обращаюсь съ упомянутыми просьбами и прибавлю, что изъ получаемыхъ извѣстій о происшествіяхъ на Кавказѣ, замѣчаются весьма частые, хоть

ничтожные случаи, но доказывающіе хищническую смѣлость горцевъ и едва ли достаточную осторожность въ нашихъ передовыхъ и охранныхъ постахъ.

Бога ради поспѣшите смѣтою на предстоящій 1857 годъ для вашихъ войскъ. Приказъ о Севастопольскомъ и Ставропольскомъ полку замѣните другимъ и сообщите мнѣ причину оставленія Кабарды въ отдѣльномъ завѣдываніи.

У насъ, благодаря Бога, все благополучно. Адмиралъ *) 25-го числа ѣдетъ за границу на 4 мѣсяца и воротиться обѣщаетъ только въ Апрѣлѣ; а въ теченіи лѣта, вѣроятно, какъ вамъ должно быть извѣстно, онъ надѣется съ вами видѣться.

13 (25) Декабря 1856 г. Спб.

3.

До свѣдѣнія дошло, что торгующіе на базарѣ въ Тифлисѣ Армяне дѣлали затрудненіе въ размѣнѣ денегъ нижнимъ чинамъ, покупающимъ у нихъ припасы и тѣмъ подали поводъ къ нѣкоторымъ безпорядкамъ, которые были произведены сими чинами, и что ваше сіятельство изволили уплатить за понесенные торговцами отъ сихъ безпорядковъ убытки около 3 т. рубл. сер. Въ Воскресеніе 25-го минувшаго Ноября, нижніе чины бросились вновь съ крикомъ ура! на припасы, выставленные на базарѣ для продажи, за что уже и были наказаны на мѣстѣ самаго происшествія.

Его Величество изволилъ поручить мнѣ просить ваше сіятельство объ увѣдомленіи: дѣйствительно ли были подобныя происшествія, и въ такомъ случаѣ какія приняты были мѣры, чтобы впредь сего не повторялось, а также какое сдѣлано было взысканіе за безпорядокъ, произведенный 25-го минувшаго Ноября.

10-го Января 1857 г.

4.

Отправляемый фельдъегерь-капитанъ Ѳедотовъ былъ задержанъ для доставленія вамъ, вмѣстѣ съ прочими бумагами, весьма важной экспедиціи министра иностранныхъ дѣлъ. По просьбѣ князя Горчакова, согласно высочайшей волѣ, имѣю честь покорнѣйше просить ваше сіятельство, избравъ по вашему усмотрѣнію нарочнаго, отправить безъ малѣйшаго отлагательства сіи важныя бумаги въ Тегеранъ. Поспѣшное доставленіе ихъ, прежде прибытія въ Тегеранъ трактата Персіи о мирѣ съ Англіею, есть дѣло первостепенной важности.

Князь Горчаковъ отправляетъ вамъ всѣ свѣдѣнія, полученныя отъ нашего посланника въ Константинополѣ Бутенева, изъ которыхъ вы усмотрите, что предвареніе нашего военнаго агента шт.-кап. Франкини о приготовляемой наглымъ образомъ экспедиціи къ восточному берегу Чернаго моря вполнѣ оправдалось. Все сіе комплотировалось подъ покровительствомъ главныхъ лицъ министерства.

---

*) Т. е. Великій Князь Константинъ Николаевичъ.

„*Kengourou*", Англійскій пароходъ, уже туда отправился; другія менѣе важныя суда тоже снаряжались. Пока личнаго состава отправилось нѣсколько сумасбродовъ; но безъ сомнѣнія многія значительныя, матеріальныя средства, оружіе, порохъ, свинецъ и пр., уже посланы. Бутеневъ, видя безплодность и уклончивые отвѣты визиря и министровъ, военнаго и морскаго, вынужденъ былъ обратиться къ самому султану, какъ ваше сіятельство усмотрите изъ телеграфической его депеши. Слабый Махмутъ обѣщалъ многое; что̀ исполнитъ, неизвѣстно; но Woodhouse здѣсь сильно этимъ встревоженъ. Князь Горчаковъ получаетъ чрезъ него самыя положительныя удостовѣренія о дезапробаціи подобныхъ дѣйствій Англійскимъ правительствомъ, и потому разрыва въ нынѣшнемъ году мы не можемъ опасаться.

Принятыя вами предосторожности у генерала Филипсона безъ сомнѣнія будутъ имѣть свои благодѣтельныя послѣдствія.

Ваши мысли, изложенныя въ письмѣ къ Его Величеству и ко мнѣ, относительно Востока, вполнѣ и здѣсь раздѣляемы; но исполненіе оныхъ нынѣ, по случаю мира съ Персіею, должно быть отложено. Къ этому эпизоду приготовляться намъ всѣми силами неизбѣжно; все сіе имѣется въ виду, кромѣ предположенной вами желѣзной дороги къ сѣверной части Аральскаго моря. Важно, конечно, имѣть вѣрное и быстрое сообщеніе между Аральскимъ и Каспійскимъ морями; но едва ли, по безплодности Усть-Юрта, можетъ быть вполнѣ сіе обезпечено. Быть можетъ въ скоромъ времени будетъ возможно осуществить ваши мысли южнѣе Усть-Юрта, въ южную часть Аральскаго моря.

Предположенія вашего сіятельства отсрочить, въ видахъ разрыва съ Англіею, постройку двухъ укрѣпленій и учрежденіе станицъ получены вчера съ фельдъегеремъ; отвѣты на оныя вслѣдъ за симъ отправлены будутъ къ вамъ съ капитаномъ 2-го ранга, Стеценковымъ, нарочно здѣсь задержаннымъ дня на три.

Его Величество вчера вечеромъ уѣхалъ на охоту въ Лугу и потому не могъ написать отвѣта на ваше письмо съ отправляемымъ нынѣ курьеромъ.

Увѣдомьте меня поскорѣе: что̀ предпочтительно вы желаете для Ширвашидзе? Отъѣздъ его съ Кавказа въ Петербургъ Его Величество вполнѣ одобряетъ.

Вашъ отзывъ за № 14, равно и ваше конфиденціальное письмо, повергнуты на благоусмотрѣніе Государя Императора: все заключающее въ оныхъ постараюсь исполнить, по мѣрѣ возможности, и съ Стеценковымъ дамъ вамъ по оному подробный отвѣтъ. Усиленіе запаса въ Астрахани, въ удовлетвореніе отчасти видовъ Васильева, по числу помѣщеній у него имѣющихся, я предписалъ еще усилить 20-ми т. четв.. дабы имѣть всего зимняго запаса 80 т. четвертей.

Представленія вашего сіятельства, даже самыя тяжкія, т. е. удовлетвореніе деньгами, по мѣрѣ возможности исполняются. Его Величество на кормовыя деньги женамъ и дѣтямъ согласился только на сей единственный разъ, въ видѣ особаго изъятія, опасаясь подобнаго примѣра, могущаго дать

такое же право и другимъ отдаленнымъ частямъ войскъ; а это повлекло бы въ большія издержки. Вообще, сколь ни тяжко отказывать необходимаго пособія заслуженнымъ воинамъ, столько же необходимо оказывать правительству услугу, ограничивая его по мѣрѣ возможности въ невыносимыхъ расходахъ.

Графъ Строгоновъ отправляетъ вамъ провіантъ, но по огромной цѣнѣ: это вамъ будетъ стоить по меньшей мѣрѣ 25 т. лишняго расхода.

Ваши бумаги отъ 5-го, 8-го и 9-го ч. Февраля, относительно заготовленія провіанта, сію минуту только получены съ почты. Все будетъ сдѣлано, согласно вашему требованію, и пока вы освободите Подполье отъ огромнаго тамошняго запаса, дополнительное количество, возложенное на Руссова, во время доставлено будетъ туда.

Если ваше сіятельство, сверхъ всякаго ожиданія, затруднитесь послать кого изъ вашихъ въ Тегеранъ, то въ такомъ случаѣ капитанъ Ѳедотовъ, какъ одинъ изъ самыхъ отличныхъ фельдъегерей, въ необходимости можетъ быть на это употребленъ.

Пунктомъ 6-мъ трактата мира Англіи съ Персіею на счетъ консуловъ сказано глухо: le droit égal aux nations les plus favorisées. Чтобы не допустить Персію на согласіе имѣть консуловъ въ Астрабадѣ, мы отказались отъ нашего исключительнаго права имѣть оныхъ вездѣ, гдѣ пожелаемъ; успѣемъ ли симъ оградить себя отъ такого опаснаго сосѣдства, рѣшать посылаемыя теперь бумаги въ Тегеранъ.

27 Февраля 1857 г. Спб.

5.

Давно доходили до меня вѣсти, что всякое дѣло, которое военный министръ по убѣжденію и совѣсти почитаетъ себя въ обязанности подвергнуть разсмотрѣнію и обсужденію, принимается вашимъ сіятельствомъ въ видѣ недоброжелательности или оппозиціи. Признавая это неизбѣжнымъ слѣдствіемъ положенія лица, отвѣтствующаго предъ всѣми и каждымъ за все сдѣланное и несдѣланное, я принималъ это съ терпѣніемъ, въ убѣжденіи, что вы, по благородству характера, не можете, подозрѣвать меня въ поступкахъ намъ одинаково несвойственныхъ. Я вамъ далъ слово (и никогда не измѣню оному) содѣйствовать успѣху дѣла; надѣюсь, что, вы меня довольно знаете, чтобы не допускать мысли о противномъ.

Припомню обстоятельства:

1. Убѣжденіе мое о вѣковой преждевременности желѣзной дороги отъ Каспійскаго къ Аральскому морю.

2. О крайней опасности для Россіи предпринимать теперь что-либо въ Центральной Азіи, не устроивши, послѣ разорительной войны, финансовъ, арміи, запасовъ, а болѣе всего союзниковъ; дѣйствуя въ молчаніи, съ одинаковымъ съ вами убѣжденіемъ, имѣть къ тому готовыя средства, но только не теперь, не возбуждая даже явными приготовленіями вниманія нашихъ враговъ, чтобы не дать имъ повода раздувать ненависть противъ Россіи и

заставлять націю жертвовать огромными денежными средствами для противодѣйствія нашимъ тайнымъ помышленіямъ.

3. Отмѣну вашего предположенія, не занимая Новороссійска, форта Раевскаго и укрѣпленія Гостогаевскаго, учредить на р. Адагумѣ штабъ Крымскаго полка. Испрашивая высочайшаго на сіе утвержденія, я не только почиталъ себя въ правѣ, но и въ обязанности доложить Его Величеству опасеніе мое по этому предмету, однако какъ и всегда, единственно съ тою цѣлью, чтобы обратить ваше вниманіе на мои мысли, съ предоставленіемъ дѣйствовать по ближайшему вашему усмотрѣнію.

4. Касательно временнаго учрежденія порта въ Поти, видя, что вы уже ассигновали 80 т. р. с. и предполагаете даже за недостаткомъ суммъ заимствовать на счетъ смѣты будущаго года, я, стѣсняемый до крайности въ удовлетвореніи самыхъ неизбѣжныхъ потребностей, не могъ по совѣсти не сдѣлать возраженія противъ осуществленія, если не невозможнаго, то конечно несвоевременнаго предположенія. Думаю, что всѣ средства, которыми мы можемъ располагать для прибрежныхъ мѣстъ Кавказа, должны быть обращены къ Каспію и что, пока мы не владѣемъ Чернымъ моремъ, всѣ значительныя сооруженія на восточномъ берегу онаго будутъ не только безполезною тратою денегъ, но и сдѣлаются добычею могущественной морской державы.

5. Перевозку провіанта изъ Новопетровска сухимъ путемъ въ Кутаисъ и Ахалцыхъ, увеличивающую на всей стоимости 223-хъ т. р. с. до 154 т. р. с. расходы, я приписалъ вашему опасенію разрыва съ Англіею, хотя это было явнымъ упущеніемъ Интендантства.

6. Просьбу мою содѣйствовать къ возстановленію порядка въ Астраханскомъ провіантскомъ комитетѣ вы приняли тоже въ видѣ упрека, указавъ, что вѣсти дошедшія до меня не существуютъ, и что вице-адмиралъ Васильевъ до сего допустить не можетъ; а потому испрашиваемое мною конфиденціально отъ вашего сіятельства содѣйствіе ограничилось порученіемъ вице-адмиралу Васильеву, который возложилъ сіе на члена того же комитета.

7. Изрѣдка случающіяся неудовлетворенія вашихъ представленій о наградахъ, и въ особенности о денежныхъ пособіяхъ, въ которыхъ ваше сіятельство чрезвычайно щедры, дѣлаются согласно принятымъ правиламъ, которыя Его Величество нарушать не дозволяетъ. Напротивъ того, назначенія къ командованію частями, хотя мимо сотни кандидатовъ, по мѣрѣ возможности всегда стараюсь удовлетворить, въ убѣжденіи пользы таковаго, сообразно съ мѣстными соображеніями, выбора. На томъ же основаніи я просилъ васъ доставить исключительное засвидѣтельствованіе о заслугахъ провіантскихъ чиновниковъ, которые нынѣ высочайше удостоены испрашиваемыхъ вами наградъ.

8. Переводы офицеровъ, до чина поручика включительно, дѣлаются согласно правилъ въ выпискѣ препровождаемыхъ и вашему сіятельству долженствующихъ быть извѣстными: на этомъ основаніи Кавказскаго сапер-

наго № 2 баталіона поручикъ Сведерусъ, приказомъ Его Императорскаго Высочества генералъ-инспектора по инженерной части отъ 17 Ноября 1856 г. № 101 (при семъ прилагаемымъ) прикомандированъ къ учебному саперному баталіону.

Изъ всего вышеизложеннаго ваше сіятельство можете удостовѣриться, что, исполняя мою обязанность, я не могу слѣдовать вашему желанію и безусловно всегда раздѣлять ваше мнѣніе. Давно хотѣлъ, въ видахъ общей пользы, откровенно съ вами по сему объясниться; но ваши выраженія, въ письмѣ отъ 15 Декабря 1856 г., въ отвѣтъ на мое конфиденціальное письмо о достоинствѣ генералъ-аудитора Невскаго, показали мнѣ, что вы приняли это за вмѣшательство въ предоставленную вамъ однимъ власть, и потому я почелъ за лучшее не затруднять васъ этимъ. Нынѣ, вызванный вашимъ письмомъ отъ 19 Апрѣля, почитаю уже необходимостью, съ полною характеризующею насъ откровенностью, сказать вамъ, что не я нарушаю права вамъ данныя, а вы предполагаете подчинить дѣйствія военнаго министра согласно вашимъ требованіямъ, и хотя признаю пользу и необходимость неограниченной власти во вверенномъ вамъ отдаленномъ управленіи, никакъ не могу согласиться, чтобы она могла простираться на распоряженія лицъ облеченныхъ здѣсь довѣріемъ Его Величества.

Повѣрьте, что я священнѣйшимъ почитаю долгомъ, исполняя мои обязанности, не только не мѣшать, но всѣми мѣрами стараюсь облегчить каждому исполненіе на немъ лежащихъ. И если бы не намѣренно случилось сдѣлать въ этомъ ошибку, подобно высочайшаго прощенія ген.-лейт. Ермоловой ея долга (какъ вы усмотрите изъ особо прилагаемой записки), то достанетъ во мнѣ смѣлости гражданства сознаться въ оной, не считая моего мнѣнія неизмѣннымъ и не будучи рабомъ ни моего самолюбія, ни личныхъ или пристрастныхъ соображеній.

Надѣюсь, что послѣ сего объясненія, ясно и положительно выразившаго мое мнѣніе, какъ относительно сохраненія права исполненія долга моего къ Государю, Россіи и лежащей на мнѣ отвѣтственности, такъ и въ искреннемъ, усердномъ содѣйствіи моемъ ко всему полезному,—ваше сіятельство узнаете во мнѣ человѣка, вамъ подобнаго, равно съ вами преданнаго Царю и Отечеству, равно съ вами неспособнаго ни на какія несоотвѣтствующія дѣйствія. Но при этомъ смѣло вамъ высказываю, что мнѣ теперь ближе, нежели вамъ, извѣстно положеніе нашихъ финансовъ.

Если это письмо убѣдитъ васъ, что я, ни въ преданности, ни въ уваженіи къ вамъ не перемѣнился, то ради любви къ Царю и Россіи примемъ вмѣстѣ одну и единственную для нашего устройства систему:

1. Елико возможно бережливости, допуская расходы только крайне-необходимые.

2. Терпѣніе, приготовляя и обдумывая исподволь способы къ будущей вѣроятно вамъ предстоящей роли; но для сего нужно время, не только для того, чтобы мы устроились, но и для того, чтобы на Западѣ поразстроились, и

3. Снисходительно принимая взаимныя, другъ отъ друга, конфиденціальныя сообщенія.

Если же и за симъ ваше сіятельство будете приписывать моимъ дѣйствіямъ систему оппозиціи ко всему, что́ бы вы ни предприняли, то предоставляю вамъ представить на благоусмотрѣніе Государя указаніе границъ власти намъ имъ данной и всѣхъ причинъ вашего неудовольствія. Надѣюсь, что Его Величество, зная мои отношенія къ намѣстнику Кавказа, найдетъ возможнымъ вполнѣ успокоить ваши противъ меня подозрѣнія.

Затѣмъ, предоставляя выбору вашему форму и степень откровенности и взаимной довѣренности въ сношеніяхъ нашихъ, прошу быть увѣреннымъ въ истинномъ моемъ къ вамъ уваженіи и желаніи елико возможнаго успѣха во всѣхъ для пользы Государя и Россіи вашихъ предпріятіяхъ, и остаюсь душевно преданнымъ вамъ.

15 Мая 1857 года,
С.-Петербургъ.

6.

Отъ 29 Іюня 1857 года.

Принимая письмо ваше, отъ 4 ч., за искреннее выраженіе вашего мнѣнія обо мнѣ, я благодарю васъ за оное и могу увѣрить, что вы во мнѣ не ошибаетесь.

Радуюсь первоначальному успѣху на Адагумѣ, выбору кратчайшаго и безопаснаго отъ нападеній пути, но желаю прочнаго онаго устройства, для удобнаго во всякое время движенія.

На счетъ Поти я признавалъ увлеченіемъ замѣнить онымъ Сухумъ и Редутъ-Кале, ибо сверхъ отпущенныхъ 80 т. рублей вами предполагалось назначить суммы еще бо́льшія въ счетъ смѣты будущаго года.

Конечно теченіе Ріона и географическое положеніе Поти весьма заманчиво, но если къ достиженію цѣли нужны большіе расходы, то остаюсь въ убѣжденіи, что будутъ несвоевременны.

Касательно Астраханскаго комитета повторяю, что я хочу не контролировать в.-а. Васильева, а устранить вмѣшательство нѣкоторыхъ лицъ, препятствующихъ успѣху дѣла. Имѣя ваше согласіе, я пошлю туда довѣренное лицо, чтобы удостовѣриться, какимъ образомъ намъ нужно обезпечить доставку и сдачу хлѣба въ Астрахани. Между тѣмъ, съ прибытіемъ оттуда полковника Тизенгаузена (исполнившаго отлично порученіе съемки устья Волги и розысканія средствъ къ улучшенію форватера оной), убѣждаюсь, что предположенное мѣсто для возведенія магазиновъ рѣшительно ошибочно, и потому необходимо оное пріостановить. Какой бы ни былъ результатъ устройства пароходства по р. Курѣ, магазины должны быть тамъ, куда суда подходить могутъ.

Я весьма далекъ отъ мысли подчинять министру не только главнокомандующихъ, но всякой день стараюсь расширить дѣйствія каждаго изъ отдѣльныхъ начальниковъ, въ особенности же отдаленныхъ, чувствуя всю необходимость сосредоточенія власти въ каждомъ отдѣльномъ управленіи. Въ

министрѣ предполагаю только соглашеніе и уравновѣшеніе разностороннихъ желаній съ тѣмъ, чтобы удовлетвореніе оныхъ не вовлекало насъ въ неизчисленные расходы и совершенную неопредѣлительность правилъ.

Не только касательно переводовъ, назначеній и испрашиваемыхъ наградъ я раздѣляю ваше мнѣніе, но полагаю вообще, что всякое представленіе начальника должно быть уважено: этого требуютъ его достоинство и вліяніе на подчиненныхъ. Однако для сего необходимо, дабы и они согласовали свои представленія съ способами правительства и устраняли желаніе дать своимъ войскамъ предпочтеніе въ правахъ предъ другими, чего Государь Императоръ допустить не можетъ; потому что Его Величеству всѣ войска равно вѣрно и усердно служатъ, тѣмъ болѣе, что у насъ примѣръ влечетъ за собою право домогаться уравненія.

Вы названную мною „щедрость вашу" признаете необходимою справедливостію не оставить безъ помощи несчастныя семейства людей, заплатившихъ кровію за тѣ ничтожныя пенсіи, которыя теперь отказываются ихъ вдовамъ и дѣтямъ. Я желалъ бы быть въ возможности удовлетворить сему великодушному вашему стремленію; но если наше положеніе не доставляетъ способовъ удовлетворенія закономъ опредѣленныхъ пособій, какъ же дѣлать для однихъ только вашихъ представленій изъятія?

Будьте справедливы и къ заслугамъ другихъ, не имѣющихъ счастія пользоваться вашимъ попеченіемъ о нихъ. Для Государя всѣ его подданные одинаково близки сердцу; для его министра всѣ одинаково имѣютъ право на его предстательство. И потому, въ чемъ отказывается заслуженнымъ воинамъ Севастополя, Крыма и другихъ мѣстъ, на то не должны претендовать и Кавказцы; а начальникъ, какъ государственный человѣкъ, казалось, долженъ бы, согласуя свои соображенія съ общими видами, не дѣлать такихъ представленій, которыя поставляютъ Государя въ необходимость отказать, а его самого подвергаютъ мнѣнію, что не всѣ же представленія его уважаются.

Государственная экономія, при недостаткѣ средствъ правительства, давно разрѣшена раздѣленіемъ расходовъ на три категоріи:

1, на неизбѣжно-необходимое.

2. на полезное въ настоящемъ.

3. на полезное въ будущности и, наконецъ, при избыткѣ средствъ, на прихотливое.

Удовлетвореніе первой есть крайность; но когда и въ оной дѣлаются усилія къ сокращенію, то класть капиталъ (на полезное въ будущности) есть задача нынѣ неисполнимая.

Окончаніе дѣлъ на Кавказѣ можетъ быть желаніемъ, но осуществить его вдругъ не предстоитъ возможности, и вы, кажется, *имѣли въ этомъ* полное *убѣжденіе*.

Достигнуть значительнаго *сокращенія* тамъ *войскъ будетъ заслугою выше славныхъ побѣдъ*. Я понимаю пользу и необходимость оставить вамъ до весны 13 и 18 дивизіи, и согласно съ этимъ, въ ожиданіи вашего по сему

увѣдомленія, дѣлаю уже всѣ мои предначертанія; но послѣ того нужно не только ихъ отпустить, но и *постепенно ежегодно уменьшать число войскъ на Кавказѣ.*

На счетъ усиленія вашего штаба, вы лично испросили у Его Величества о назначеніи начальника главнаго штаба; но Государь не разумѣлъ, чтобы при этомъ новомъ назначеніи лица нужно было давать ему товарища и дежурнаго штабъ-офицера.

По вашему выраженію я „обремененъ огромною письменною работою", которой однако нужно же дать основаніе, и потому дозволяю думать, что я судья въ этомъ дѣлѣ и полагаю, что если прежнее управленіе обходилось безъ сказанныхъ лицъ, то нынѣ, а тѣмъ болѣе при *предполагаемомъ скоромъ уменьшеніи войскъ, можно*, и по средствамъ своимъ, должно ограничиться настоящимъ числомъ дѣятелей. Въ избраніи подчиненныхъ вы полный хозяинъ, и я не могу себя упрекать ни однимъ случаемъ, гдѣ бы я былъ съ вами не въ единомысліи.

Заключеніе вашего письма принимаю съ душевною признательностью и прошу вѣрить, что намѣренно ничего не сдѣлаю противъ искреннѣйшаго къ вамъ уваженія и пламеннаго желанія быть полезнымъ общему дѣлу; но не могу не обратить вашего вниманія на крайность нашего финансоваго положенія. Я изъ всѣхъ вашихъ предположеній заключаю, что вы имѣете неполное свѣдѣніе объ этомъ.

7.

Письмо ваше и всѣ бумаги отъ 19 Іюня получены мною 30 ч., послѣ отправленія письма моего, отъ 29 Іюня, и потому въ дополненіе къ оному, хотя вскользь, поспѣшаю увѣдомить:

Желаніе ваше, объ оставленіи 13 и 18 пѣхотныхъ дивизій до весны 1858 года предвидѣлось, и все согласно сему распоряжалось; но возвращеніе оныхъ въ Россію во время навигаціи 1858 г. считалось уже всегда самымъ отдаленнымъ и вами предполагавшимся срокомъ. Число рабочихъ рукъ отъ сего у васъ немногимъ уменьшится, потому что дивизіи уйдутъ въ кадрахъ, оставивъ бо́льшее число людей на пополненіе прочихъ вашихъ войскъ.

Вѣрьте, почтеннѣйшій князь Александръ Ивановичъ, что я принимаю всевозможныя мѣры уменьшить военные расходы по Имперіи, чтобы дать возможность устраиваться намъ на Азіятской границѣ, и всевозможныя сбереженія стараюсь туда направлять; но отъ меня требуютъ существенно невозможнаго. Всѣ вопіютъ противъ содержанія до 300 т. арміи на Кавказѣ, коей одно провіантское довольствіе требуетъ значительную часть всего военнаго бюджета, и потому необходимо принять на будущее время такой планъ дѣйствія, чтобы сколь возможно уменьшить число войскъ на Кавказѣ.

На счетъ Поти никакого не имѣю возраженія, чтобы безъ расходовъ правительства дозволить негоціантамъ возводить тамъ новый городъ и открыть болѣе обширную и удобоисполнимую торговлю съ внутренностію края. Повторяю, что мы для сего никакъ не можемъ нынѣ сдѣлать значительныхъ

пожертвованій; въ этомъ видѣ безъ сомнѣнія вы получите высочайшее разрѣшеніе.

Касательно Астраханскаго провіантскаго комитета, я прошу вашего согласія подчинить его внутреннему провіантскому вѣдомству; этого требуютъ удешевленіе цѣнъ при покупкѣ хлѣба въ верховьяхъ Волги, упрощеніе и и ускореніе сдачи и перегрузки онаго съ бѣлянъ, приходящихъ съ продуктомъ.

Вамъ теперь уже извѣстны всѣ вообще безпорядки, происшедшіе по управленію въ Астрахани; не сомнѣваюсь въ благонамѣренности вице-адмирала Васильева, но окружающіе во зло употребили его довѣріе. Необходимо провіантскій комитетъ удержать подъ предсѣдательствомъ благонамѣреннаго Струве, который устроитъ намъ это дѣло; нужно только рѣшить, гдѣ должно внутреннее вѣдомство окончательно передавать хлѣбъ въ вѣдомство вашего интендантства. Струве, я и Провіантскій Департаментъ полагаемъ, что сдача провіанта прямо въ приморскія ваши пристани, на отвѣтственности внутренняго вѣдомства, уменьшитъ одну инстанцію для неизбѣжныхъ къ несчастію издержекъ, отъ которыхъ, что̀ бы мы съ вами ни дѣлали, совершенно оградить правительство никогда не достигнемъ, ибо есть даже расходы требующіе обезпеченія; слѣдовательно общее наше стремленіе должно быть направлено къ возможному ограниченію зла. Скажите откровенно по сему ваше желаніе: если признаёте нужнымъ, чтобы хлѣбъ окончательно передавался въ Астрахани, – я спорить не буду; изберите только дѣльнаго и благонамѣреннаго человѣка и не на два года, какъ это было принято за правило въ Интендантствѣ; причемъ однако повторяю, что отъ этой лишней инстанціи неизбѣжно хлѣбъ будетъ покупаться дороже.

Къ Государю я отправилъ желаніе ваше о зачисленіи генералъ-маіора Граматина по особымъ къ вамъ порученіямъ; таковыхъ положено имѣть четыре, состоитъ уже 12. Граматинъ будетъ 13-й. Пропуститъ ли это Его Величество, не ручаюсь; между тѣмъ вновь поступило представленіе о генералъ-лейтенантахъ князѣ Андрониковѣ и князѣ Орбеліанѣ и генералъ-маіорѣ Лорисъ-Меликовѣ, что̀ составитъ 16, изъ которыхъ 12 сверхъ смѣтнаго расхода.

Къ назначенію презусомъ коммиссіи военнаго суда при Тифлисскомъ Ордонанзъ-гаузѣ представленъ полковникъ Слинько, но онъ не раненъ и потому не имѣетъ права, при томъ сверхъ-смѣтный расходъ; представляю на благоусмотрѣніе: не признаете ли вы въ подобныхъ случаяхъ за полезное назначать состоящихъ по особымъ порученіямъ, даже генераловъ?

Помощника начальника главнаго штаба и дежурнаго штабъ-офицера въ штатъ вводить невозможно. Пересмотръ смѣтъ, порученный особому комитету, даетъ ему право не допускать никакихъ сверхъ-смѣтныхъ расходовъ, даже предварительно высочайше одобренныхъ.

О вопросѣ на счетъ права блокады не сѣтуйте на кн. Горчакова въ неразрѣшеніи; этотъ вопросъ еще не вполнѣ объяснился. Нужно быть чрезвычайно осторожнымъ, наши шкуны считаются транспортными, а не воен-

ными судами и не имѣютъ права имѣть артиллеріи, а еще менѣе задерживать суда въ морѣ для осмотра; объявить право блокады безъ средствъ осуществленія оной было бы неумѣстнымъ. О порчѣ паровиковъ я говорилъ адмиралу оказать возможное содѣйствіе въ г. Николаевѣ. Онъ приписываетъ сіе частому, безъ отдыха, употребленію оныхъ (чего, кажется, не было) и неопытности въ употребленіи антрацита.

Военные наши фрегаты, посланные изъ Балтики, только къ осени прибудутъ въ Николаевъ.

Разрѣшеніе ваше Филипсону вѣшать шпіоновъ совершенно въ законномъ правѣ; о 14-ти плѣнныхъ Туркахъ повремените еще нѣсколько, до возвращенія князя Горчакова, у котораго я спрошу окончательное его заключеніе по всѣмъ вопросамъ.

Филипсонъ уже оказалъ содѣйствіе по устройству укрѣпленій въ Керченскомъ проливѣ; ему предоставляется право утвержденія цѣнъ на матеріалъ; его вліяніе, какъ общаго начальника, необходимо, но собственно подробности строительства нельзя на его возложить. Повремените съ отмѣною этой мѣры, которую въ послѣдствіи можно будетъ отмѣнить, если вмѣшательство его признаете безполезнымъ. По Мингрельскимъ дѣламъ всѣ ваши распоряженія согласны съ общимъ мнѣніемъ правительственной комиссіи.

Предположенія о переселеніи Азовскихъ казаковъ ожидаю.

Бараки, бывшіе близъ Симферополя, давно уже получили назначеніе; я не имѣю возможности устроить помѣщеніе даже для одного батальона на сѣверной сторонѣ, и потому на нихъ рѣшительно не разсчитывайте.

Прошу меня извѣстить о сушеной квашеной капустѣ, доставленной въ Анапу и Сухумъ; можетъ ли это приносить пользу войскамъ и признаете ли возможнымъ, въ число оной, прислать Французскихъ сушеныхъ овощей? Князь Долгоруковъ передалъ свое право Парижскому фабриканту Шолле, котораго приготовленіе, какъ квашеной капусты, такъ и овощей, оказалось несравненно лучше; цѣна за порцію того и другаго по копѣйкѣ, но собственно для войскъ вашихъ можно удешевить, ибо дальнѣйшее приготовленіе оной княземъДолгоруковымъ было допущено въ видахъ обезпеченія существованія его заведенія; овощи Шолле оказались превосходными для второй порціи въ госпиталяхъ.

4-го Іюля 1857 года.
С.-Петербургъ.

Д. Письма князя А. И. Барятинскаго къ военному министру генералъ-адъютанту Н. О. Сухозанету.

1.

Справки о хлѣбномъ дѣлѣ заставили меня повременить отвѣтомъ на письмо вашего высокопревосходительства отъ 4-го Ноября. Излагая его теперь въ самыхъ большихъ подробностяхъ, я вполнѣ увѣренъ, что объясненія эти васъ удовлетворятъ, и вы изъ нихъ усмотрите, что главное затрудненіе на Кавказѣ состоитъ не столько въ хлѣбѣ, сколько въ недостаткѣ

путей сообщенія, а въ особенности перевозочныхъ средствъ; записка, съ симъ вмѣстѣ отправляемая, ознакомитъ васъ со всѣмъ ходомъ этого дѣла. Кромѣ того, я прилагаю копіи только что полученныхъ мною рапортовъ Астраханскаго военнаго губернатора и командующаго войсками Праваго Крыла, изъ коихъ ваше высокопревосходительство усмотрите, что недостатокъ хлѣба, съ разрѣшеніемъ вывоза его за границу, дѣлается повсемѣстнымъ и что цѣны на него несоразмѣрно возвышаются. Чтобы облегчить участь бѣдныхъ жителей города Астрахани, я поспѣшилъ утвердить распоряженіе вице-адмирала Васильева; что же касается до ходатайства генерала Козловскаго, то, имѣя въ виду недостатокъ хлѣба въ Ставропольской губерніи и Черноморіи, я къ сожалѣнію не нашелъ возможнымъ оказать съ своей стороны облегченія Донскому краю и вынужденъ предоставить распоряженіе по сему предмету усмотрѣнію вашего высокопревосходительства. Въ томъ же письмѣ отъ 4-го Ноября ваше высокопревосходительство пишете мнѣ, что князь Бебутовъ, въ промежуткѣ времени послѣ отъѣзда генерала Муравьева и до моего пріѣзда, съ 22-го Августа по 26-е Сентября, поторопился сдѣлать двадцать одно представленіе о награжденіи 2530 лицъ, и что представленія сіи, по высочайшему повелѣнію, нынѣ возвращаются ко мнѣ съ тѣмъ, чтобы по строгому ихъ разбору сдѣлано было ходатайство въ болѣе ограниченномъ числѣ.

Помянутыя представленія поступали въ корпусный штабъ частью въ прошломъ, а частью въ нынѣшнемъ году и, по случаю пребыванія генерала Муравьева въ прошломъ году подъ Карсомъ, а весною сего года на Кавказской линіи и въ Черноморіи, представленія эти не могли не замедлиться, тѣмъ болѣе, что не рѣдко встрѣчалась необходимость, по нѣкоторымъ неполностямъ представленій, требовать дополнительныя свѣдѣнія. По утвержденнымъ за тѣмъ докладамъ окончательное изготовленіе представленій не могло быть окончено до отъѣзда генерала Муравьева, за множествомъ другихъ спѣшныхъ дѣлъ, а потому представленія эти сдѣланы послѣ выѣзда его и во время командованія корпусомъ князя Бебутова. Такимъ образомъ отправленіе при князѣ Бебутовѣ накопившихся представленій не было слѣдствіемъ какого-либо особаго умысла, а напротивъ сдѣлано съ цѣлью дать ходъ этимъ представленіямъ еще до моего пріѣзда, такъ какъ и безъ того другія особенной важности дѣла по необходимости были оставлены до моего прибытія. Не смотря на столь значительное число представленій, сдѣланныхъ княземъ Бебутовымъ, часть ихъ за прежніе годы остается по настоящее время неисполненною и только теперь приготовляется къ отправленію.

По полученіи здѣсь обратно ожидаемыхъ представленій, высочайшая воля Государя Императора о строгомъ разборѣ ихъ и новомъ ходатайствѣ въ болѣе ограниченномъ числѣ будетъ тотчасъ же исполнена. При этомъ считаю весьма кстати объяснить, что вообще я буду признателенъ, если въ случаяхъ, когда число представляемыхъ лицъ найдено будетъ слишкомъ большимъ, уменьшеніе числа ихъ предоставится мнѣ. При такомъ порядкѣ, въ подобныхъ обстоятельствахъ, я буду требовать отъ частныхъ началь-

никовъ ихъ мнѣнія: кого изъ представленныхъ лицъ они полагаютъ исключить, кого вновь представить; чрезъ это избѣгнутся несправедливости къ заслуженнымъ офицерамъ и нижнимъ чинамъ, а наградъ удостоятся тѣ, которые дѣйствительно ихъ заслужили. При всякомъ другомъ способѣ уменьшенія невольно вкрадутся ошибки и несправедливости.

9 Декабря 1856 г.
Тифлисъ.

2.

Въ письмѣ отъ 16-го минувшаго Ноября, ваше высокопревосходительство сообщаете мнѣ, что въ представляемыхъ на высочайшее воззрѣніе извлеченіяхъ по военно-суднымъ дѣламъ отдѣльнаго Кавказскаго корпуса часто обнаруживаются значительныя упущенія и неисправности, которыя вы приписываете исключительно личному составу Полеваго Аудиторіата, въ особенности же неспособности полеваго генералъ-аудитора, а по тому полагаете, что слѣдовало бы замѣстить коллежскаго совѣтника Невскаго другимъ болѣе достойнымъ чиновникомъ.

Такое сужденіе о цѣлой части управленія, непосредственно мнѣ подчиненной, поставляетъ меня въ необходимость выразить вашему высокопревосходительству мое мнѣніе по этому предмету.

Важнѣйшій изъ доводовъ, заключающихся въ вашемъ письмѣ, состоитъ въ томъ, что приговоры Полеваго Аудиторіата, по мнѣнію вашему, постановляются безъ точнаго соблюденія существующихъ законовъ, чему доказательства указываются въ приложенной къ письму особой запискѣ.

Еслибъ я имѣлъ въ виду только защищать личный составъ Полеваго Аудиторіата, то я ограничился бы однимъ замѣчаніемъ, что приговоры его утверждаетъ самъ главнокомандующій, который слѣдовательно не находитъ ихъ незаконными и неправильными и въ оправданіяхъ не нуждается.

Но, оставляя въ сторонѣ юридическую отвѣтственность и не защищая нисколько непреложности всѣхъ утвержденныхъ высшимъ начальствомъ приговоровъ, я считаю долгомъ сообщить вамъ въ прилагаемой къ сему запискѣ тѣ объясненія, которыя Полевой Аудиторіатъ представилъ мнѣ въ оправданіе своихъ приговоровъ по дѣламъ, указаннымъ въ вашемъ письмѣ.

Еслижъ вы находите, что въ канцеляріи Полеваго Аудиторіата бумаги вообще переписываются не довольно изящно, то я пользуюсь этимъ, чтобы обратить ваше вниманіе на крайне-недостаточный штатъ означенной канцеляріи, которая состоитъ всего изъ 7-ми чиновниковъ и 10-ти писцовъ: числа совершенно несоразмѣрнаго съ количествомъ лежащей на канцеляріи работы. При томъ количество производящихся въ Полевомъ Аудиторіатѣ военно-слѣдственныхъ и военно-судныхъ дѣлъ, въ слѣдствіе увеличенія числа войскъ и постепеннаго распространенія дѣйствій Русскаго законодательства, возрасло до того, что въ 1848-мъ году производилось только 228-мь дѣлъ на 64 т. листахъ, а въ 11-ть мѣсяцевъ текущаго года уже 550 дѣлъ на 132 т. листахъ. Цифры эти служатъ однимъ изъ примѣровъ, доказывающихъ, что вообще штаты моего управленія сдѣлались въ настоящее время

недостаточными въ соразмѣрности возрастающей постепенно работы, и я предвижу, что въ скоромъ времени буду вынужденъ обратить на этотъ предметъ попечительное вниманіе Государя Императора.

Наконецъ, что̀ касается прямо до личности теперешняго состава Полеваго Аудиторіата, то вы замѣтили изъ отзыва моего отъ 30 минувшаго Ноября № 2732, что я самъ полагаю необходимымъ сдѣлать въ этомъ составѣ измѣненія. Но собственно о генералъ-аудиторѣ Невскомъ я долженъ сказать, что этотъ чиновникъ, при своемъ примѣрномъ усердіи, прилежаніи и знаніи дѣла, умѣлъ многолѣтнею здѣсь службою пріобрѣсти репутацію человѣка честнаго и очень добросовѣстнаго. При томъ же опредѣлять, кто именно изъ чиновниковъ достоинъ, или недостоинъ занимать мѣсто можетъ только прямой начальникъ ихъ, и тѣмъ болѣе здѣсь это право предоставлено одному мнѣ въ силу высочайшаго довѣрія, которымъ я, по своему званію и должности, удостоенъ всемилостивѣйшимъ моимъ Государемъ.

15-го Декабря 1856 г.
Тифлисъ.

3.

По высочайшему повелѣнію, сообщенному мнѣ въ отзывѣ вашего высокопревосходительства отъ 8 Декабря прошлаго года № 13159, ассигновано въ мое распоряженіе на экстра-ординарные расходы въ нынѣшнемъ году 140 т. рубл. серебромъ.

Въ исполненіе высочайшей воли, я приложу все стараніе, чтобы сокращать по возможности экстраординарные расходы; но считаю необходимымъ обратить ваше вниманіе на причины, по которымъ признавалось нужнымъ испрашивать ассигнованіе 200 т. рубл. сер. и по которымъ я не могу быть увѣреннымъ, что къ концу года ассигнованная сумма окажется достаточною для покрытія самыхъ неизбѣжныхъ расходовъ.

По случаю послѣдней войны экстраординарная сумма была увеличена до 200 т. рубл., независимо отъ назначенія особой экстраординарной суммы въ 200 рубл. с. по войнѣ съ Турціею, такъ что первая изъ этихъ суммъ расходовалась на предметы собственно относившіеся только до внутреннихъ дѣлъ Кавказскаго края.

Нынѣ, несмотря на прекращеніе войны, взволнованныя ею враждебныя племена еще не успѣли успокоиться. Закубанскіе горцы находятся теперь еще болѣе, чѣмъ прежде въ тревожномъ положеніи, по проискамъ Сеферъ-бея, который обнадеживаетъ ихъ на помощь Турціи. Съ другой стороны, сборъ большаго числа войскъ и приготовленія наши къ усиленнымъ предпріятіямъ, естественно, вызываютъ со стороны горцевъ особенную дѣятельность для сопротивленія нашему оружію. Въ этомъ положеніи дѣлъ я расчитываю, что съ возрастающею предпріимчивостію горцевъ потребуется и болѣе экстраординарныхъ расходовъ для открытія и предупрежденія непріятельскихъ замысловъ.

Независимо отъ настоящаго положенія дѣлъ съ горцами предстоитъ еще продолжать изъ экстраординарной суммы расходы и по минувшей войнѣ.

Большое число изувѣченныхъ военнослужащихъ и туземцевъ, вдовъ, потерявшихъ своихъ мужей въ бояхъ, жителей, лишившихся имущества, всѣ просятъ пособія, въ которомъ невозможно имъ отказать, пока не устроится ихъ положеніе. Необходимо также, изъ видовъ политическихъ, вознаградить разныя лица, оказавшія намъ во время минувшей войны заслуги; наконецъ, встрѣчается и множество другихъ предметовъ расхода, на которые опредѣленныхъ суммъ не назначено.

Обращая вниманіе вашего высокопревосходительства на всѣ изложенныя соображенія, я имѣю честь покорнѣйше просить васъ, милостивый государь, повергнуть оныя на высочайшее воззрѣніе Государя Императора.

11 Января 1857 года.
Тифлисъ.

4.

Имѣя въ виду, что каждый начальникъ части обязанъ отвѣтственностью за всѣхъ подчиненныхъ своихъ и не долженъ быть поставляемъ въ необходимость противъ собственной воли принимать подъ свое начальство офицеровъ или совершенно ему неизвѣстныхъ, или извѣстныхъ съ невыгодной стороны, я поставилъ себѣ неизмѣннымъ правиломъ, по представленіямъ и просьбамъ ко мнѣ поступающимъ, допускать опредѣленіе въ Кавказскій корпусъ офицеровъ и переводъ ихъ изъ одной части здѣшнихъ войскъ въ другую, не иначе, какъ съ согласія командировъ тѣхъ частей, въ которыя они поступить желаютъ.

Мѣра эта тѣмъ болѣе необходима, что во всѣхъ почти частяхъ состоитъ нынѣ значительное число сверхъ-комплектныхъ офицеровъ, такъ что назначеніе вновь офицеровъ въ полки Кавказскаго корпуса должно быть допускаемо только съ крайнею разборчивостью и въ тѣхъ случаяхъ, когда переводъ ихъ можетъ быть признанъ дѣйствительно для службы полезнымъ. Доводя объ этомъ до свѣдѣнія вашего высокопревосходительства, я нахожу необходимымъ, чтобы означенное правило было соблюдаемо и при распоряженіяхъ Инспекторскаго Департамента ввѣреннаго вамъ министерства, съ тѣмъ, чтобы о переводѣ офицеровъ и опредѣленіи изъ отставки въ войска Кавказскаго корпуса каждый разъ было сообщаемо предварительно на моё заключеніе; я же съ своей стороны буду основываться на согласіи командировъ полковъ и другихъ отдѣльныхъ частей, въ которыя офицеры предназначаются. Надѣюсь вполнѣ, что ваше высокопревосходительство раздѣлите мой образъ мыслей и не оставите увѣдомить меня о тѣхъ распоряженіяхъ, какія вы изволите сдѣлать по изложенному предмету.

22 Февраля 1857 года.
Тифлисъ.

5.

Я относился къ вашему высокопревосходительству съ просьбою не переводить въ Кавказскій корпусъ офицеровъ безъ предварительнаго со мною сношенія. Порядокъ этотъ существовалъ издавна; но переводы такіе все еще продолжаются. Кромѣ того начались и откомандированія офицеровъ

безъ вѣдома моего; такъ, въ прошедшемъ Мартѣ мѣсяцѣ, вы сообщали мнѣ, *что вами разрѣшено* прикомандированіе къ Николаевскому инженерному училищу поручика Свидеруса. Полагаю, что при этомъ вамъ не могло быть неизвѣстно, что на командированіе этого офицера не было спрошено, вопреки общаго порядка, согласіе ближайшаго его начальства, ни моего. Вашему высокопревосходительству не безъизвѣстно, что, по званію главнокомандующаго, я получаю разрѣшенія, касательно чиновъ ввѣренныхъ мнѣ войскъ, только отъ Государя Императора. Наконецъ, вы коснулись даже дѣлъ прямо подлежащихъ намѣстнику Кавказскому: вы испросили высочайшее соизволеніе сложить долгъ вдовы генералъ-лейтенанта Ермолова въ сумму на полезныя предпріятія и устройство края, получивши уже мой отвѣтъ, что я нахожу это невозможнымъ. Сумма эта состоитъ въ полномъ моемъ распоряженіи, какъ намѣстника, и потому вмѣшательство ваше въ это дѣло, совершенно для васъ постороннее, я могу отнести лишь къ совершеному невѣдѣнію вами какъ этого обстоятельства, такъ и вообще правъ намѣстника Кавказскаго.

Вполнѣ увѣренъ, что такое откровенное объясненіе устранитъ подобные случаи и что ваше высокопревосходительство, вникнувъ въ права и власть, данныя мнѣ Государемъ, удержите общій порядокъ служебныхъ отношеній и избавите меня также отъ необходимости просить Его Величество поставить насъ въ границы имъ предоставленной каждому власти.

Надѣюсь, что письмо это, установивъ служебныя отношенія, нисколько не измѣнитъ наши личныя отношенія.

19-го Апрѣля 1857 года.
Кр. Грозная.

6.

Отъ 4 Іюня 1857 года.

Письмо в. в. отъ 15 Мая убѣдило меня, что въ сношеніяхъ между нами не можетъ болѣе быть недоразумѣній. Вынужденные на откровенное объясненіе, мы теперь увѣрились, что дальнѣйшія отношенія наши могутъ только утвердиться въ началахъ важныхъ для пользы и общаго блага. Стараясь достигнуть этого, мы пойдемъ рука объ руку, и откровенныя наши письма будутъ впередъ приниматься, я въ этомъ увѣренъ, съ тѣми чувствами взаимнаго уваженія и добросовѣстности, подъ вліяніемъ которыхъ они написаны. Вы ошиблись, Николай Онуфріевичъ, думая, что я вижу недоброжелательство во всѣхъ вашихъ дѣйствіяхъ касательно моего управленія; я не могъ допустить этой мысли, зная вашу благонамѣренность, преданность Государю и стремленіе къ пользамъ; различіе же взглядовъ нашихъ на нѣкоторые предметы могло иногда вести насъ къ недоразумѣніямъ, но я никогда не обижался вашими возраженіями на нѣкоторые вопросы, о которыхъ вы упоминаете, напр. по проекту моему о желѣзной дорогѣ между Каспійскимъ и Аральскимъ морями я тотчасъ же уступилъ большинству голосовъ комитета. Но не менѣе того я остаюсь въ томъ убѣжденіи, что, отлагая дѣло на неопредѣленное время, мы не облегчаемъ себѣ успѣхъ въ будущемъ, а даемъ волю врагамъ нашимъ усиливать вліяніе и владычество

свое въ Азіи. Возраженія сообщаемыя вами на предположеніе объ Адагумской линіи я принялъ съ благодарностію; но я не убѣдился въ необходимости измѣнить прежнее предположеніе, и послѣдствія оправдали мои надежды: успѣшный приступъ къ этому дѣлу показалъ уже, что всѣ опасенія были очень преувеличены. Объ учрежденіи порта въ Поти составится подробный офиціальный отвѣтъ; нелишнимъ считаю однакоже упомянуть здѣсь, что къ устройству города и порта производятся только изслѣдованія, которыя должны доставить данныя для окончательнаго рѣшенія вопроса и что 80 т. р. отпущены г.-а. князю Гагарину на всѣ работы и предпріятія во ввѣренномъ ему краѣ, гдѣ нужно устраивать все заново и возстановить разрушенное войною; на устройство г. Поти издержекъ еще никакихъ не сдѣлано. При томъ в. в. конечно не отвергнете, что удобное сообщеніе по Ріону не есть предпріятіе прихотливое или мечтательное: оно есть изъ дѣйствительныхъ средствъ къ сокращенію издержекъ на транспортировку, а вмѣстѣ къ развитію богатствъ цѣлаго края.

По дѣлу Астраханскаго продовольственнаго комитета остаюсь въ своемъ убѣжденіи, что нѣтъ надобности установлять какой либо новый контроль надъ в.-а. Васильевымъ; затѣмъ отъ в. в. зависитъ принять мѣры, кои найдете необходимыми для огражденія интересовъ министерства. Касательно предположенія совсѣмъ упразднить Астраханскій комитетъ, я полагаю, что, съ устройствомъ пароходства по Каспійскому морю и по р. Курѣ, оно само собою состоится. Вопросъ этотъ будетъ рѣшенъ въ непродолжительномъ времени, по разсмотрѣніи проекта устава. Если же такое предположеніе будетъ отвергнуто, то имѣется въ виду другое соображеніе, о которомъ своевременно буду имѣть честь вамъ сообщить.

До какой степени будетъ возможно ограничить расходъ на категорическое порціонное довольствіе войскъ я также увѣдомлю васъ по пересмотрѣ мною этого дѣла.

Убѣждаю в. в. не относить къ личному моему самолюбію или излишней щекотливости просьбу мою касательно перевода гг. офицеровъ; тутъ вопросъ объ основаніяхъ дисциплины и іерархіи. Можно ли сохранить дисциплину и порядокъ, если офицеры будутъ переводимы безъ вѣдома главнокомандующаго? Если в. в., какъ военный министръ, считаете себя въ правѣ разрѣшать, переводить, перемѣщать, то какъ же согласовать эти права съ правомъ главнокомандующаго, который въ своей арміи представляетъ лицо самого Государя Императора и ни отъ кого не долженъ принимать приказаній кромѣ какъ отъ Его Величества?

Не могло быть у меня мысли о подчиненіи дѣйствій министра; но съ другой стороны, согласитесь, нельзя же подчинить и главнокомандующаго

министру? Каждый долженъ дѣйствовать въ своемъ кругѣ: одинъ какъ орудіе ближайшей верховной воли по дѣламъ военнымъ вообще, другой какъ представитель верховной воли въ арміи и въ краѣ.

По представленіямъ моимъ къ наградамъ и пособіямъ, в. в. выразились въ письмѣ своемъ, что я „чрезвычайно щедръ". Стараясь быть вполнѣ справедливымъ, я, можетъ быть, кажусь чрезвычайно щедрымъ. Все зависитъ отъ взгляда. Я не могу оставить безъ помощи несчастныя семейства тѣхъ людей, которые вѣрно служили Государю въ войну и заплатили уже своею кровью за тѣ ничтожныя пенсіи, которыя теперь отказываются ихъ вдовамъ и дѣтямъ. Представленія эти мною дѣлаются не изъ щедрости, а изъ сознанія долга начальника поддерживать въ народѣ довѣріе къ справедливости и благодарности правительства. Сохрани Богъ, если въ здѣшнемъ краѣ, еще такъ недавно присоединенномъ къ Россіи, западетъ мысль, что заслуги и самая кровь пролитая оставляются безъ вниманія и награжденія, если каждый воинъ не будетъ увѣренъ, что по смерти его несчастная вдова и дѣти не умрутъ съ голода. Никакія финансовыя необходимости, по моему убѣжденію, не могутъ оправдать такую крайность. Равномѣрно и въ другихъ расходахъ, желая сдѣлать сбереженіе, по моему убѣжденію, надо взвѣшивать мѣру потребности. Скажу при этомъ, какъ я понимаю настоящую государственную экономію, въ полной увѣренности, что и вы раздѣлите мое мнѣніе. Сущность этого важнаго дѣла состоитъ въ томъ, чтобы не дѣлать ничего безполезнаго; но гдѣ предвидится выгода въ будущемъ, тамъ нечего бояться класть капиталъ. Если вы находите *вѣковою преждевременностію* устройство желѣзной дороги отъ Каспійскаго моря къ Аральскому, то вѣрно согласитесь, что всякое прочное устройство на Кавказѣ и всякій шагъ къ скорѣйшему окончанію здѣсь дѣлъ нашихъ должны быть современнымъ и живымъ нашимъ стремленіемъ. Упрочивъ скорѣе наше положеніе на Кавказѣ, мы достигнемъ настоящей экономіи въ силахъ и средствахъ, а тогда новая война уже не застанетъ насъ въ расплохъ. Вотъ мои главныя убѣжденія, и я пламенно желаю, чтобы в. в. для пользы общей вполнѣ раздѣляли ихъ. — Отвѣтивъ на тѣ пункты, о которыхъ вы сами упомянули въ вашемъ письмѣ, я коснусь нѣкоторыхъ предметовъ, на которые съ моей стороны нахожу нужнымъ обратить особенное ваше вниманіе, въ полной надеждѣ найти въ васъ искреннее сочувствіе. Не скрою, что меня огорчаютъ иногда отказы полученные на представленія мои о наградахъ или назначеніяхъ лицъ, состоящихъ подъ моимъ начальствомъ. Вы сами вполнѣ согласитесь, что одно изъ основныхъ условій самостоятельности начальника есть предоставленіе ему возможности избирать своихъ подчиненныхъ и оцѣнивать ихъ службу. Въ этомъ отношеніи позвольте мнѣ надѣяться, что вы не будете мнѣ отказывать въ вашемъ ходатайствѣ, съ полною увѣренностію, что мои представленія дѣлаются въ однихъ лишь видахъ пользы службы.

Другой предметъ, который занимаетъ меня съ самаго назначенія на Кавказъ и до прибытія еще моего сюда, есть устройство въ здѣшнемъ краѣ

всѣхъ вообще частей управленія, которыя до сихъ поръ вовсе не устроены. Я уже предувѣдомлялъ васъ, что по распоряженію моему назначены комитеты для составленія проекта новыхъ штатовъ, съ той главною цѣлью. чтобы примѣнить ихъ къ настоящему раздѣленію Кавказа и вмѣстѣ съ тѣмъ дать каждому изъ главныхъ начальствующихъ лицъ необходимыя средства для успѣшнаго дѣйствія въ кругу обязанностей каждаго изъ нихъ. Въ числѣ управленій, крайне нуждающихся въ нѣкоторомъ дополненіи штата, одно изъ первыхъ мѣстъ занимаетъ штабъ ввѣренныхъ мнѣ войскъ. В. в. лучше всякаго другаго можете оцѣнить всю обширность лежащихъ на моемъ штабѣ занятій.

Будучи сами обременены огромною письменною работою, требующею постояннаго и тяжелаго умственнаго напряженія, не смотря на видимую многочисленность окружающихъ васъ помощниковъ, вы безъ сомнѣнія согласитесь со мною, что несоразмѣрность занятій съ числомъ трудящихся, равно какъ и недостаточное ихъ обезпеченіе въ жизни, не только замедляютъ ходъ дѣлъ, но препятствуютъ даже успѣху важнѣйшихъ предпріятій. Вамъ можетъ подробнѣе объяснить составъ моего штаба и занятій на немъ лежащихъ, бывшій нѣкогда помощникомъ начальника штаба г.-л. Вольфъ, который, при всѣхъ его способностяхъ и будучи помощникомъ столь же дѣятельнаго человѣка (ген. Коцебу), долженъ былъ просиживать всѣ ночи за работой. Нынѣ кругъ дѣятельности въ штабѣ еще болѣе увеличился прибавленіемъ числа войскъ и возбужденіемъ множества новыхъ вопросовъ, какъ для организаціи вновь образуемыхъ управленій, такъ и для приведенія въ устройство многихъ частей края послѣ войны. По этимъ соображеніямъ, я весьма сожалѣю, что на представленіе мое о назначеніи начальнику главнаго штаба помощника и деж. шт.-офицера послѣдовалъ нынѣ отказъ, тѣмъ болѣе, что я имѣлъ поводъ считать возстановленіе этихъ должностей на прежнихъ основаніяхъ предметомъ уже рѣшеннымъ. Но если отказъ сей послѣдовалъ исключительно по видамъ экономіи *), то я нынѣ прошу объ одномъ только, чтобы вы увѣрились въ томъ, что предположенія мои объ измѣненіяхъ и улучшеніяхъ въ образованіи штаба и другихъ управленій на Кавказѣ вынуждены крайнею и дѣйствительною необходимостью и чтобы вы не отказали мнѣ помочь въ этомъ настоятельномъ дѣлѣ, по крайней мѣрѣ при первыхъ благопріятныхъ обстоятельствахъ.

Въ заключеніе позвольте сдѣлать вамъ маленькое предложеніе. чтобы устранить на будущее время всякое неумышленное столкновеніе: а именно прошу васъ, каждый разъ, когда вы замѣтите въ моихъ бумагахъ какое-либо неправильное выраженіе, откровенно мнѣ объ этомъ написать, что и я съ своей стороны также вамъ обѣщаюсь. Чрезъ это установится между нами та откровенная и дружеская переписка, которая будетъ поддерживать доброе согласіе, столь необходимое для пользы службы.

---

*) Впрочемъ долженъ сказать, что вся эта экономія для государственнаго казначейства составляетъ менѣе 2 т. р. въ годъ. ибо столовыя дежурнымъ штабъ-офицерамъ положены были изъ суммъ, собственно въ моемъ распоряженіи состоящихъ

7.

Съ прошлаго года я просилъ ваше высокопревосходительство исходатайствовать высочайшее соизволеніе на назначеніе нѣсколькихъ генераловъ штабъ и оберъ-офицеровъ въ число состоящихъ по корпусу. Нѣкоторыя изъ этихъ лицъ, заслужившія извѣстность и оказавшія даже большія услуги, остаются теперь безъ всякаго служебнаго положенія; таковы генералъ-лейтенантъ князь Андрониковъ, котораго имя громко раздавалось въ минувшую войну; генералъ-маіоръ князь Меликовъ, командовавшій съ отличіемъ всею Лезгинскою линіею, одинъ изъ полезнѣйшихъ къ здѣшнемъ краѣ молодыхъ генераловъ и недавно исполнившій весьма успѣшно дипломатическое порученіе въ Персіи; генералъ-маіоръ Лорисъ-Меликовъ, который пользовался особеннымъ вниманіемъ предмѣстника моего генералъ-адъютанта Муравьева и былъ отлично имъ рекомендуемъ. Не стану поименовывать всѣхъ другихъ, изъ коихъ каждый заслуживаетъ вниманія начальства, и по фамильному значенію въ здѣшнемъ краѣ. Не смотря на давность всѣхъ этихъ представленій, я не получаю до сихъ поръ разрѣшеній, ни даже отвѣтовъ, и начинаю опасаться, чтобы представленныя мною лица не подверглись въ опредѣленные сроки жребію людей, не занимающихъ никакого опредѣленнаго штатнаго мѣста.

Пользуясь предложеніемъ вашимъ, установить между нами откровенную переписку, я рѣшаюсь напомнить вамъ, Николай Онуфріевичъ, о забытыхъ моихъ представленіяхъ и просить васъ приказать, кому слѣдуетъ, двинуть залежавшіяся дѣла. При этомъ случаѣ я долженъ предупредить васъ, что я имѣю въ виду еще нѣсколько лицъ, которымъ необходимо дать служебное положеніе, и потому я буду вынужденъ представить ихъ также въ число состоящихъ по корпусу или, по политическимъ видамъ, однихъ на открывшіяся вакансіи, другихъ даже и сверхъ комплекта. Считаю излишнимъ пояснить вашему высокопревосходительству, что въ здѣшнемъ краѣ существуетъ дѣйствительно множество личныхъ соображеній, по которымъ необходимо беречь людей, или за прежнія ихъ заслуги, или для будущей ожидаемой отъ нихъ полезной дѣятельности.

10 Іюля 1857 года.
Каджоры.

8.

Флигель-адъютантъ ротмистръ Чертковъ, отправляемый мною курьеромъ въ С.-Петербургъ съ важными бумагами и съ словесными порученіями, представитъ нѣсколько конвертовъ вашему высокопревосходительству, и вмѣстѣ съ тѣмъ можетъ доставить вамъ поясненія по тѣмъ предметамъ, по которымъ вы пожелаете получить отъ него подробныя свѣдѣнія. Этотъ достойный офицеръ былъ употребляемъ мною въ разныхъ частяхъ края по весьма важнымъ порученіямъ, требовавшимъ полнаго моего довѣрія; онъ участвовалъ въ военныхъ дѣйствіяхъ на линіи, а въ послѣднее время былъ посылаемъ въ Мингрелію и знаетъ хорошо весь ходъ дѣлъ въ этомъ краѣ.

Въ числѣ бумагъ, которыя съ нимъ отправляю, вы безъ сомнѣнія обратите вниманіе на подробное изложеніе происшествій въ Сванетіи. Я надѣюсь, что рѣшительныя мѣры, принятыя мною и въ этой странѣ для прекращенія смутъ и злодѣяній, а равно и для поддержанія достоинства Русскаго правительства, удостоятся высочайшаго одобренія Государя Императора. Но я покорнѣйше прошу васъ принять во вниманіе, что дѣло это требуетъ самаго скораго разрѣшенія; ибо я не могу привести въ полное дѣйствіе установляемаго мною новаго порядка, пока не получу высочайшаго утвержденія на мое представленіе.

Благоволите также оказать ваше содѣйствіе къ скорѣйшему опредѣленію въ одинъ изъ полковъ, въ Россіи расположенныхъ, отправленнаго уже въ Новочеркаскъ князя Александра Дадешкеліани, а вмѣстѣ съ тѣмъ увѣдомить меня, гдѣ именно угодно будетъ Его Императорскому Величеству назначить пребываніе ссылаемымъ отсюда двумъ меньшимъ братьямъ князя Константина, убійцамъ Джансуха.

Обращаюсь съ убѣдительною просьбою къ вашему высокопревосходительству помочь мнѣ въ исходатайствованіи наградъ четыремъ изъ главныхъ начальниковъ въ здѣшнемъ краѣ, коимъ я считаю себя преимущественно обязаннымъ успѣхами въ предпріятіяхъ нынѣшняго года. Благоволите обратить милостивое вниманіе Государя Императора на этихъ достойныхъ слугъ Его Величества, которые своими неутомимыми трудами и опытностью быстро подвигаютъ къ желаемому результату великое дѣло завоеванія Кавказа.

Не скрою отъ васъ, что меня огорчаютъ отказы на нѣкоторыя мои представленія, которыя, повѣрьте, всегда имѣютъ единственно одно побужденіе—пользу края и службы. Между прочимъ вы нашли затрудненіе ходатайствовать о назначеніи по корпусу для особыхъ порученій генералъ-маіора Лорисъ-Меликова и полковника князя Орбеліана, по тому поводу, что они будутъ сверхъ комплекта. Но еслибы эта причина и была достаточна для того, чтобы выкидывать изъ службы офицеровъ хорошо служившихъ и обѣщающихъ еще быть полезными для службы, то во всякомъ случаѣ судьба эта не должна бы пасть на генералъ-маіора Лорисъ-Меликова, который былъ представленъ мною ранѣе всѣхъ другихъ. Что касается до полковника князя Орбеліана, то, огорченный полученнымъ отказомъ, онъ видитъ себя вынужденнымъ покинуть службу, и я уже не возобновляю моего ходатайства о немъ. Относительно же генерала-маіора Лорисъ-Меликова, я считаю долгомъ службы снова повторить мое о немъ представленіе, какъ ни тягостно мнѣ просить послѣ полученнаго отказа. Во всякомъ случаѣ можно помѣстить его въ разрядъ состоящихъ при корпусѣ по политическимъ видамъ. Впрочемъ въ отправляемомъ мною особомъ отношеніи по этому предмету я подробно объясняю нѣкоторыя погрѣшности, вкравшіяся въ доставленномъ вами разсчетѣ, и предлагаю нѣкоторыя измѣненія въ самой нормѣ установленной для чиновъ состоящихъ при корпусѣ, такъ чтобы возможно было руководствоваться ею на будущее время. Прошу васъ убѣдительно вникнуть въ мои доводы и исходатайствовать высочайшее соизволеніе на представляемыя пе-

ремѣны, въ чемъ вы конечно не встрѣтите затрудненія, потому что перемѣны эти не требуютъ почти никакого увеличенія въ общемъ комплектѣ.

Къ 1-му Сентября назначено было доставить въ Военное Министерство мнѣнія всѣхъ главныхъ начальниковъ о средствахъ къ сокращенію переписки, дѣлопроизводства и штатовъ. Задача эта такъ огромна, что рѣшить ее въ столь короткій срокъ было невозможно, и я не получилъ еще ни отъ кого изъ подвѣдомственныхъ мнѣ частныхъ начальниковъ, требованныхъ отъ нихъ соображеній. Впрочемъ вамъ извѣстно, что собственно въ примѣненіи къ здѣшнему краю вопросъ о преобразованіи управленій и самыхъ отношеній между разными мѣстами и лицами давно уже занимаетъ меня. Состояніе новыхъ штатовъ для военнаго управленія на Кавказѣ есть предметъ неотложной необходимости; ибо прошелъ уже годъ со времени введенія новаго раздѣленія края, а управленіе до сихъ поръ еще не организовано, и главные начальники крайне затруднены въ исправномъ веденіи дѣлъ по неимѣнію штатовъ. Производящаяся у нихъ огромная переписка лежитъ на разныхъ прикомандированныхъ или временно состоящихъ офицерахъ, которые несутъ большіе труды безъ всякаго штатнаго содержанія. Особыя части управленія: инженерная, артиллерійская, провіантская—нисколько не согласованы съ существующимъ распредѣленіемъ мѣстныхъ начальствъ. Такое неустройство не можетъ долѣе продолжаться, и я постараюсь какъ можно скорѣе привести къ окончанію обширную работу общаго преобразованія военной администраціи. Когда этотъ трудъ будетъ готовъ, я имѣю въ виду поручить исправляющему должность начальника главнаго штаба лично представить вамъ составленный проектъ. Пріѣздъ его на самое короткое время въ Петербургъ можетъ устранить необходимость продолжительной переписки и многихъ недоразумѣній.

Сейчасъ получилъ я новое весьма пріятное извѣстіе отъ генералъ-маіора Филипсона объ удачномъ дѣлѣ подъ Анапою. Сообщаю вамъ вмѣстѣ съ симъ копію съ донесенія по этому предмету и прошу васъ всеподданнѣйше доложить объ этомъ новомъ успѣхѣ Государю Императору.

18 Августа 1857 года.
Тифлисъ.

III.

Положеніе наше на Кавказѣ въ 1856 году.—Реорганизація военнаго управленія.—Выборъ главныхъ начальствующихъ лицъ.—Очеркъ начавшейся, послѣ назначенія князя Барятинскаго главнокомандующимъ, военной дѣятельности.

Прежде чѣмъ перейти къ разсказу о военной дѣятельности князя Барятинскаго, въ періодъ его главнаго командованія Кавказскою арміею, считаю необходимымъ бросить взглядъ на положеніе наше на Кавказѣ въ это время. Край былъ раздѣленъ, по мысли князя Барятинскаго, на пять главныхъ отдѣловъ. Сѣверная часть Кавказа, омываемая Кубанью съ одной и берегомъ Чернаго моря съ другой стороны, составляла правое крыло Кавказской линіи; другая часть, между Терекомъ и Андійскимъ хребтомъ (значительнѣйшая вѣтвь главнаго хребта) составляла лѣвое крыло. Пространство на Востокѣ отъ послѣдняго, между рѣками Сулакомъ и Самуромъ, омываемое берегомъ Каспійскаго моря съ Сѣвера и простирающееся до главнаго Кавказскаго хребта, составляло Прикаспійскій край (Дагестанъ): а за Кавказомъ, между Нухой и верховьями Алазани и Аргуна, по южному подножью главнаго хребта, тянулась такъ называемая Лезгинская кордонная линія. На Западѣ же Закавказье, по Абхазскому берегу Чернаго моря, включая южные отроги хребта, съ Цебельдой, Сванетіей, Джигетомъ и пр., образовало управленіе Кутаискаго генералъ-губернатора.

На правомъ крылѣ мы занимали линію по всему теченію Кубани и за этой рѣкой по Лабѣ, частью по Урупу, и одинъ передовой пунктъ на Бѣлой: берегъ же Чернаго моря, какъ уже разсказано выше, во время войны съ Турками и ихъ союзниками, отъ нашихъ укрѣпленій былъ очищенъ. Всѣ Черкескія племена, численностью до 400,000 душъ, оставались независимыми: для ихъ покоренія, вообще, рѣшительныхъ мѣръ предпринято еще не было, и дѣйствія 1830-хъ годовъ прочныхъ слѣдовъ не оставили. Все достиг-

нутое нами на Западномъ Кавказѣ, до границъ Абхазіи, можно было назвать лишь стѣсненіемъ горцевъ въ пользованіи значительной полосой земли на плоскости между Кубанью и Лабой, что̀ ограничивало въ нѣкоторой степени возможность крупныхъ набѣговъ на наши поселенія.

На Лѣвомъ крылѣ Затеречное пространство, до подножія Черныхъ горъ, между Владикавказомъ и крѣп. Воздвиженскою на Аргунѣ, было въ нашихъ рукахъ: оно прикрывалось рядомъ казачьихъ станицъ по Сунжѣ и линіею укрѣпленныхъ постовъ вдоль подошвы горъ. Враждебное населеніе этой части страны (Малая Чечня) выселилось за Сунжу въ труднодоступныя ущелья Черныхъ горъ и не переставало постоянно тревожить насъ хищническими вторженіями. На пространствѣ же отъ крѣп. Воздвиженской на Востокъ до предѣловъ Салатавіи въ Дагестанѣ (Большая Чечня), хотя и были достигнуты значительные успѣхи, особенно въ періодъ дѣйствій 1850—1853 годовъ, когда проложеніе въ разныхъ направленіяхъ широкихъ просѣкъ открыло намъ свободный доступъ въ глубь Чечни и на столько стѣснило ея населеніе въ хлѣбопашествѣ и скотоводствѣ, что оно вынуждено было начать выселенія къ намъ; но о полномъ овладѣніи этою обширною частью страны и покорности ея жителей можно было строить предположенія лишь въ болѣе или менѣе отдаленномъ будущемъ. Для связи Лѣваго крыла съ сосѣднимъ Дагестаномъ, чрезъ Кумыкскую плоскость, у подножія Качкалыковскаго хребта, мы имѣли укрѣпленія: Куринское, Герзель-аулъ, Хасавъ-юртъ и Внезапную, построенную еще Ермоловымъ въ 1819 году; а на Сулакѣ—Чиръ-юртъ, входившій уже въ раіонъ Прикаспійскаго края.

Отъ Чиръ-юрта черта, разграничивавшая насъ съ главною массою непокорныхъ племенъ, проходила на укрѣпленія: Евгеніевское, Темиръ-ханъ-шуру, Ишкарты, Аймяки, Ходжалъ-Махи, Казикумухъ до Ахты, на верховьяхъ Самура. Линія эта, весьма слабая по условіямъ мѣстности и необезпеченная ни естественнымъ рубежемъ, ни выдвинутыми впередъ укрѣпленными пунктами, мало прикрывала Прикаспій-

скую плоскость отъ вторженій горцевъ, тѣмъ болѣе при сочувствіи здѣсь сплошнаго мусульманскаго населенія мюридизму, и вызывала въ продолженіи каждаго лѣта сборы особыхъ отрядовъ, для охраненія плоскости. Прежнія нѣсколько-лѣтнія дѣйствія для овладѣнія непріятельскими укрѣпленными аулами (Гергебиль, Салты, Чохъ), стоившія большихъ жертвъ, не имѣли никакого результата.

Что же касается до Лезгинской линіи, цѣль которой была защищать Грузію отъ нападеній Лезгинъ, то, не взирая на всѣ старанія наши, она почти не оправдывала своего назначенія, и еще въ 1854 году (какъ разсказано въ главѣ XX-й I-го тома) вторженіе въ Кахетію Шамиля, плѣненіе княгинь Чавчавадзе и многихъ Грузинъ заставляли иногда опасаться даже за самый Тифлисъ.

Такимъ образомъ, достаточно взгляда на карту непокорной части Кавказа въ 1856 году, чтобы видѣть, какъ далеко мы были не только отъ окончательнаго покоренія враждебныхъ горцевъ, составлявшихъ около милліона душъ, но даже отъ прочнаго обезпеченія нашихъ собственныхъ предѣловъ противъ набѣговъ, разоренія и возмущенія покорнаго мусульманскаго населенія. Горцы были еще слишкомъ слабо стѣснены; они владѣли еще достаточнымъ количествомъ удобныхъ земель, чтобы существовать безъ особой нужды. Наши блокадныя линіи были мало удовлетворительны, и хотя на Кавказѣ содержалась армія въ 250 тысячъ человѣкъ (кромѣ прикомандированныхъ на время войны съ Турціею), но, при линіи передовыхъ укрѣпленій на пространствѣ болѣе 600 верстъ на одномъ восточномъ театрѣ дѣйствій, войскъ не хватало иногда для самыхъ важныхъ, неотложныхъ дѣйствій, примѣромъ чему можетъ служить разсказанный въ главѣ XVIII-й I-го тома эпизодъ, вынудившій кн. Барятинскаго даже оставить свой постъ начальника Лѣваго фланга. Впрочемъ, нельзя умолчать, что не одинъ недостатокъ войскъ и матеріальныхъ средствъ были причиною такого положенія нашего на Кавказѣ: недостатокъ прочно выработанной системы дѣйствій, для достиженія ясно опредѣленной

цѣли, колебанія, непослѣдовательность предпринимаемыхъ мѣръ, были также не меньшимъ поводомъ неудовлетворительности достигнутыхъ въ теченіи 57 лѣтней борьбы результатовъ.

Наиболѣе нужнымъ, послѣ назначенія главнокомандующимъ, князь Барятинскій считалъ — осуществленіе реорганизаціи всего военнаго управленія на Кавказѣ. Это было однимъ изъ наиважнѣйшихъ условій успѣха въ предпринятомъ имъ великомъ дѣлѣ.

Я уже упоминалъ, что, еще бывши начальникомъ Лѣваго фланга [1]), князь Барятинскій установилъ свой взглядъ на систему, которой слѣдовало бы держаться для достиженія цѣли. Еще въ 1852 году составилъ онъ обширную записку объ устройствѣ военныхъ управленій на Кавказѣ, сообразно съ мѣстными условіями, и приписывалъ этому успѣшный ходъ водворенія Русскаго владычества въ краѣ [2]). Записку эту князь, по дружественному расположенію, сообщилъ Слѣпцову, а тотъ доложилъ объ ней князю Воронцову, который и потребовалъ ее отъ князя Барятинскаго. Однако

---

[1]) Покойный генералъ-адъютантъ баронъ А. Е. Врангель разсказывалъ пишущему эти строки, что въ 1853 году, когда баронъ пріѣхалъ на Лѣвый флангъ для замѣщенія кн. Барятинскаго, послѣдній развивалъ предъ нимъ свои мысли о системѣ дѣйствій для покоренія Кавказа, и эта система буквально была примѣнена княземъ по назначеніи его главнокомандующимъ.

[2]) Тогда же онъ составилъ еще и другую записку объ упрощеніи управленія въ арміи вообще. Изъ сохранившейся собственноручной замѣтки фельдмаршала видно, что эта записка послужила гораздо позже основаніемъ той части военной реформы Д. А. Милютина, въ силу которой были упразднены корпуса и бригады. Впослѣдствіи, когда возникли нареканія за упраздненіе корпусовъ, графъ Милютинъ ссылался на то, что это была мысль князя Барятинскаго, а не его. Но дѣло въ томъ, что князь Барятинскій выразилъ свой взглядъ въ общихъ чертахъ, безъ разработки подробностей, полагая, что онъ будетъ еще обсуждаться цѣлымъ комитетомъ компетентныхъ военныхъ людей и можетъ подвергнуться измѣненіямъ,—а главное—князь, находя въ мирное время излишними корпусныхъ командировъ, не упразднялъ однако главнокомандующихъ арміею, т. е. не лишалъ ихъ правъ и значенія, этому высокому званію присущихъ, какъ это было сдѣлано при реорганизаціи арміи въ 60-хъ годахъ (Повторяю слова собственноручной замѣтки фельдмаршала).

хода ей не было дано. Въ 1855 году записку потребовалъ генералъ Муравьевъ, и князь представилъ ее съ нѣкоторыми дополненіями, согласно измѣнившимся обстоятельствамъ. Но опять хода ей дано не было, оба раза, какъ оказалось послѣ, вслѣдствіе недоброжелательныхъ происковъ и зависти.

Съ восшествіемъ на престолъ, императоръ Александръ II самъ потребовалъ эту записку, обратилъ на нее особое вниманіе и передалъ для подробнаго разсмотрѣнія и доклада военному министру. Князь Долгоруковъ, опровергая основательность предположеній князя Барятинскаго, имѣлъ по этому поводу съ нимъ личное совѣщаніе, и когда ему княземъ была доказана несостоятельность его опроверженій, военный министръ долженъ былъ признаться, что руководителемъ его въ этомъ дѣлѣ былъ генеральнаго штаба генералъ-маіоръ Милютинъ. Чтобы облегчить военному министру трудъ по составленію доклада Государю, князь Барятинскій просилъ познакомить его съ генер. Милютинымъ. Послѣ первыхъ же объясненій, Д. А. Милютинъ отказался отъ *внушенной ему генераломъ Вольфомъ* точки зрѣнія, нашелъ предположенія князя непогрѣшимыми и, всѣдъ за назначеніемъ князя Александра Ивановича главнокомандующимъ, принялъ должность начальника главнаго штаба на Кавказѣ. (Переписка князя съ Д. А. Милютинымъ по поводу назначенія помѣщена въ Приложеніи). Такимъ образомъ, осуществились наконецъ предположенія князя Барятинскаго, послужившія краеугольнымъ камнемъ послѣдующаго грандіознаго успѣха.

Существовавшее до того времени военное раздѣленіе Кавказа основывалось на потребностяхъ давно минувшей эпохи, когда цѣлью военныхъ дѣйствій было только охраненіе нашихъ предѣловъ, или наказаніе хищныхъ обществъ, не составлявшихъ еще ничего сплоченнаго Съ тѣхъ поръ мелкія враждебныя племена слились въ одинъ общій союзъ на восточномъ Кавказѣ, а на западномъ образовали нѣсколько конфедерацій; непріятель вездѣ сталъ сильнѣе каждаго изъ противупоставленныхъ ему военныхъ начальниковъ, связанныхъ между собою только властью удаленнаго отъ театра войны главнокомандующаго. Отдѣльные и слабые раіоны подвергались дѣйствительной опасности при вторже-

ніи значительнаго непріятельскаго скопища, возмущавшаго туземное населеніе; потому-что не всегда можно было разсчитывать на своевременность сборовъ и даже на совершенную готовность въ помощи сосѣдняго военнаго начальника, предоставленнаго собственному произволу и занятаго своими мѣстными дѣлами. При наступательныхъ дѣйствіяхъ оказывались тѣже самые недостатки раздробленія власти. Нельзя было предпринять никакой значительной операціи силами одного раіона; надобно было брать войска изъ раіоновъ сосѣднихъ, парализуя совершенно эти послѣдніе на все продолженіе операціи. Мѣстные начальники, располагая недостаточными средствами, никогда не могли пользоваться обстоятельствами. Власть, предоставленная командующему войсками Кавказской линіи, на дѣлѣ оказывалась совершенно безполезною,—во первыхъ, потому, что онъ былъ удаленъ отъ главныхъ театровъ войны столько же, какъ и самъ главнокомандующій; во вторыхъ, потому, что съ того времени, какъ мюридизмъ возжегъ ожесточенную войну на восточномъ Кавказѣ и придалъ ей единство, подставляя нашимъ ударамъ одно слитое тѣло, соединеніе подъ одною мѣстною властью военныхъ дѣйствій за Терекомъ и за Кубанью утратило всякій смыслъ. Война на восточномъ и западномъ Кавказѣ приняла весьма различный характеръ; цѣли наши и образъ дѣйствій въ той и другой странѣ стали совсѣмъ иные. Въ тоже время война въ восточныхъ горахъ требовала единства дѣйствій; а между тѣмъ командующій войсками на линіи, управляя всѣми дѣйствіями на западномъ Кавказѣ, управлялъ только одною третью дѣйствій на восточномъ, потому что Прикаспійскій край и Лезгинская линія не были ему подчинены. Черноморія, вслѣдствіе дурнаго управленія, находилась въ неудовлетворительномъ положеніи; а западные противники наши, не взирая на недавно заключенный въ Парижѣ миръ, сооружали экспедиціи къ восточному берегу Чернаго моря для снабженія горцевъ оружіемъ и порохомъ, для водворенія среди нихъ разныхъ эмиссаровъ и авантюристовъ. Послѣдствіемъ такого положенія вышло, что на практикѣ, при увеличившемся размѣрѣ военныхъ дѣйствій, за командующимъ войсками на Кавказской линіи осталась одна хозяйственная

часть и, кромѣ рѣдкихъ вмѣшательствъ съ его стороны, управленіе войною и краемъ перешло къ начальникамъ раздробленныхъ раіоновъ. Вся группа враждебныхъ горъ окружилась съ нашей стороны поясомъ мелкихъ командованій, не имѣвшихъ никакой самостоятельности. Неудобство такого порядка чувствовалось давно. Еще въ 1847 году нашли необходимымъ соединить подъ одною властью Прикаспійскій край, раздѣленный до того времени между двумя начальниками—южнаго и сѣвернаго Дагестана. Но другія части края, имѣвшія такое же военно-топографическое единство, какъ и Прикаспійскій край, остались раздробленными.

Приступая къ дѣйствіямъ рѣшительнымъ, надобно было, прежде всего, сосредоточить власть въ рукахъ нѣсколькихъ высшихъ начальниковъ, по естественному географическому дѣленію Кавказа, и предоставить въ ихъ распоряженіе всѣ средства подчиненнаго имъ раіона.

Такимъ образомъ, страны и войска вокругъ восточной группы горъ были раздѣлены на три отдѣла: Лѣвое крыло Кавказской линіи, Прикаспійскій край и Лезгинскую кордонную линію. Начальство въ мѣстностяхъ, облегающихъ западный Кавказъ, распредѣлено между двумя главными начальниками: сѣверная сторона, заключающая въ себѣ бассейнъ Кубани, составила Правое крыло Кавказской линіи; изъ земель, лежащихъ на южномъ склонѣ горъ, отъ Сурамскаго хребта до Чернаго моря, образовано Кутаисское генералъ-губернаторство. Каждый изъ этихъ большихъ самобытныхъ раіоновъ имѣлъ свои рѣзко-отличительныя климатическія и мѣстныя условія, особое основаніе военное и продовольственное, и передъ собой — отдѣльный военный театръ, пока, съ дальнѣйшими успѣхами, направленныя съ разныхъ сторонъ наши войска не сошлись въ сердцѣ побѣжденныхъ горъ. Каждый главный начальникъ получилъ достаточныя средства для самостоятельнаго образа дѣйствій. Послѣдствія, какъ теперь очевидно, вполнѣ оправдали эту мѣру.

Необходимость поспѣшить сосредоточеніемъ власти была причиною, что мѣста командующихъ войсками были созданы ранѣе, чѣмъ могла быть обработана полная система учреж-

деній, истекавшихъ изъ новаго раздѣленія Кавказа. По обширности и разнообразію отдѣловъ, ввѣренныхъ командующимъ войсками, надобно было дать имъ помощниковъ, которые состояли бы во главѣ подраздѣленій края, командуя войскомъ и управляя народомъ. Для командующихъ войсками надобно было создать штабы, въ началѣ еще не организованные, и связать ихъ общею системою съ главнымъ военнымъ управленіемъ; устроить, на новыхъ основаніяхъ, части артилерійскую и инженерную; установить народное управленіе, примѣняя къ дѣлу опытъ, пріобрѣтенный нами въ болѣе близкомъ знакомствѣ съ туземцами. Наконецъ, сообразно новому устройству отдѣловъ, слѣдовало уравновѣсить главное управленіе арміей такъ, чтобы силы различныхъ частей его соотвѣтствовали дѣйствительнымъ потребностямъ и теченію дѣлъ въ каждомъ отдѣлѣ, постоянно примѣняясь къ мѣстнымъ условіямъ, которыя столь рѣзко отличали наше военное положеніе на Кавказѣ отъ общаго положенія военныхъ силъ въ Имперіи. Новая система управленія Кавказскою арміею должна была обнять всѣ части, прикосновенныя къ ней, и перестроить ихъ по одному общему плану.

Этотъ обширный трудъ былъ совершенъ въ относительно-небольшой промежутокъ времени, благодаря настойчивости князя Барятинскаго и просвѣщенной энергіи его начальника штаба Д. А. Милютина. Здѣсь, конечно, не мѣсто входить въ мелкія подробности всѣхъ этихъ организацій, требовавшихъ однако много труда и сообразительности; но особенно остается указать на устройство весьма практическаго управленія туземнымъ населеніемъ. Были созданы округа, съ начальниками, которымъ подчинялись и войска; а командующіе войсками въ дѣлахъ, до гражданскаго населенія относившихся, облечены правами генералъ-губернаторовъ. Средства для устройства туземцевъ и устраненія непредвидѣнныхъ неблагопріятныхъ обстоятельствъ имѣлись всегда подъ рукой; наконецъ, въ Тифлисѣ учреждено особое горское управленіе, вѣдавшее всѣми дѣлами, относившимися къ мусульманскимъ покорнымъ племенамъ

Послѣ осуществленія предположеній о новомъ раздѣленіи военнаго управленія, само собою, нужно было озаботиться выборомъ лицъ для главныхъ командованій. Князь Барятинскій выказалъ въ этомъ случаѣ одинъ изъ тѣхъ талантовъ, которые свойственны только дѣйствительно умнымъ государственнымъ людямъ. Умѣніе выбирать себѣ помощниковъ, умѣніе отдавать должное по заслугамъ и кстати награждать, качества неоцѣнимыя, къ сожалѣнію рѣдко встрѣчаемыя. Особенно удачны были первыя два назначенія: Д. А. Милютина начальникомъ главнаго штаба и Н. И. Евдокимова командующимъ войсками Лѣваго крыла. При помощи перваго только и можно было съ такимъ успѣхомъ въ короткое время довести всю организацію до требуемаго обстоятельствами положенія и давать ходъ всѣмъ обширнымъ предначертаніямъ, долженствовавшимъ повести къ быстрому, никѣмъ непредвидѣнному, неожидаемому, блистательному концу. Только при помощи втораго можно было достигнуть тѣхъ изумительныхъ успѣховъ, которые привели, менѣе чѣмъ въ три года, къ прекращенію войны на восточномъ Кавказѣ. Какъ геніальна была мысль вести главные удары противъ непріятеля именно изъ Чечни, предоставивъ другимъ раіонамъ лишь роль вспомогательную, такъ геніальнымъ былъ выборъ для этого ген. Евдокимова, оказавшагося настоящимъ человѣкомъ на настоящемъ мѣстѣ. Всѣ давно знали его за способнаго, изучившаго край и туземцевъ генерала, но никто не оцѣнивалъ его такъ высоко, чтобы считать способнымъ на первенствующую роль въ исполненіи грандіознаго плана; только князь Барятинскій, хотя и очень мало вмѣстѣ служившій съ Евдокимовымъ, угадалъ въ немъ именно того человѣка, какой былъ нуженъ въ данный періодъ дѣйствій. Какъ князь Воронцовъ не ошибся въ назначеніи въ 1851 году на Лѣвый флангъ князя Барятинскаго, такъ въ свою очередь не ошибся князь Барятинскій въ назначеніи туда Евдокимова. Всѣ остальныя назначенія, если не такъ ярко выражались въ результатахъ, какъ вышеприведенныя два, все же были соотвѣтствующими даннымъ потребностямъ и представляли выборъ всего лучшаго, что́ въ то время можно было найти.

Сосредоточеніе власти и устройство систематическаго управленія въ пяти главныхъ отдѣлахъ Кавказа положило начало порядку вещей, при которомъ устранилось главное затрудненіе, препятствовавшее до сихъ поръ достиженію правительственныхъ цѣлей на Кавказѣ, именно чрезвычайное разнообразіе Кавказа, при которомъ никакая мѣра не могла быть одинаково пригодною для всѣхъ его частей; а между тѣмъ въ подраздѣленіяхъ края, при всеобщемъ раздробленіи управленія, не было ни властей, облеченныхъ достаточнымъ авторитетомъ для того, чтобы исходатайствовать исключительныя мѣры, соображенныя съ мѣстными обстоятельствами, ни органовъ для того, чтобъ привести эти мѣры въ исполненіе. Поневолѣ главное управленіе должно было входить въ несвойственныя ему мелочи мѣстной администраціи и, чтобы не спутаться въ своихъ мѣрахъ, должно было держаться однообразной системы, жертвуя дѣломъ формѣ.

Съ самаго прибытія князя Барятинскаго въ Тифлисъ, на всемъ Кавказѣ закипѣла энергическая дѣятельность, не только военная, но и гражданская. Само собою, военной пришлось посвятить болѣе вниманія и времени: она не могла не составлять главной заботы и по самой сущности, и по тому еще, что необходимо было воспользоваться присутствіемъ на Кавказѣ прибывшихъ изъ Россіи на время войны съ Турціею 13-й и 18-й пѣхотныхъ дивизій, пребываніе которыхъ тамъ, и то лишь послѣ настойчивыхъ ходатайствъ князя, было отсрочено Государемъ не далѣе какъ до осени 1859 года *).

Поэтому нахожу болѣе удобнымъ сначала вести разсказъ о военныхъ событіяхъ за время главнаго командованія князя Барятинскаго, а затѣмъ уже обратиться къ гражданской дѣятельности его, какъ намѣстника.

Въ теченіе всего этого времени князь Александръ Ивановичъ, кромѣ офиціальныхъ бумагъ, часто писалъ Государю письма, на которыя покойный Императоръ всегда отвѣ-

---

*) Изъ переписки тогдашняго военнаго министра Сухозанета съ княземъ А. И. Барятинскимъ можно видѣть, съ какимъ трудомъ было достигнуто это разрѣшеніе.

чалъ собственноручно. Переписка эта (по французски)—цѣнный матеріалъ, особенно для характеристики князя Барятинскаго и вообще того времени. Но не слѣдуетъ забывать, что отъ 1856 - 1863 годовъ насъ раздѣляетъ еще слишкомъ незначительный періодъ времени, чтобы подобные документы могли увидѣть свѣтъ. Обстоятельство это ставитъ біографа въ затрудненіе, лишая употребленія самыхъ лучшихъ красокъ для портрета.

Назначеніе князя Барятинскаго состоялось послѣ трехлѣтняго перерыва наступательныхъ дѣйствій въ горахъ, вынужденнаго Восточною войною. Во все это время вниманіе правительства и силы Кавказскаго корпуса были устремлены на внѣшнія дѣла. Главною задачею новаго главнокомандующаго было употребить всѣ усилія, чтобы искоренить внутренняго врага изъ нѣдръ Кавказа.

Предшествовавшая война разъяснила наше положеніе на Кавказѣ и доказала очевидно, что оно всегда будетъ шатко, наши средства для заграничной Азіатской кампаніи недостаточны, законное вліяніе Россіи на сопредѣльныя мусульманскія государства слабо, пока мы не подавимъ образовавшійся въ нашемъ тылу союзъ непокорныхъ горскихъ племенъ и не утвердимъ, посредствомъ прочныхъ удобныхъ путей сообщенія, связи Закавказскаго края съ Россіею. Этому до князя Барятинскаго никто не придавалъ такого важнаго значенія; онъ же настойчиво ходатайствовалъ, какъ уже упомянуто, и у Государя, и у Великаго Князя Генералъ-Адмирала, постоянно развивая мысль, что не только для войны съ горцами, но и для всего нашего положенія на Востокѣ это предметъ первостепеннаго значенія. Съ другой стороны, окончившаяся война произвела замѣтное колебаніе въ умахъ горцевъ, ждавшихъ отъ нея полнаго торжества враговъ Россіи и разочаровавшихся.... Имъ опять приходилось бороться однимъ, не видя конца ряду своихъ жертвъ. Но это впечатлѣніе не могло охладить надолго такихъ воинственныхъ людей, еслибъ имъ дали отдохнуть и собраться съ силами. По обѣимъ причинамъ, надобно было немедленно открыть наступленіе, вести его самымъ рѣшительнымъ образомъ и смотрѣть на

Кавказскую войну не какъ на домашнее дѣло, но какъ на войну.

Въ Петербургѣ какъ будто не хотѣли понять это: ссылаясь на бѣдственное финансовое положеніе, требовали экономіи и крайняго ограниченія расходовъ, достижимаго, конечно, лишь сокращеніемъ числа войскъ; а безъ нихъ опять война длилась бы безконечно и, при первомъ столкновеніи съ Западомъ мы опять очутились бы въ безвыходномъ положеніи. Въ дальнѣйшемъ изложеніи и изъ различныхъ писемъ, которыя читатель найдетъ въ приложеніяхъ, будетъ ясно видно, до чего доходили эти настаиванія и съ какою энергическою твердостью князь Барятинскій ихъ устранялъ, въ чемъ и кроется главнѣйшимъ образомъ его великая заслуга предъ государствомъ. „N'oubliez pas dans la haute position où ma confiance vous a placé, que le pays et les troupes, qui sont sous vos ordres, font partie de la grande patrie, et en ayant en vue leur bien-être, ne perdez pas de vue le bien général“, писалъ между прочимъ Государь, дѣлая князю выговоръ за пререканія съ военнымъ министромъ. И все таки князь Александръ Ивановичъ настоялъ на своемъ и достигъ великой цѣли — упрочить Кавказъ за Россіею.

Первые удары князь Барятинскій считалъ необходимымъ обратить противъ восточной группы непокоренныхъ горъ, наиболѣе угрожавшей нашему тылу. Изъ семи пѣхотныхъ бригадъ, составлявшихъ до 1856 года отдѣльный Кавказскій корпусъ, шесть были постоянно обращены противъ этой части непріятеля, что́ ясно доказывало его относительную важность. Западные горцы не слились еще въ одинъ общій союзъ, и страна ихъ лежала въ углу Кавказа, между Русскимъ населеніемъ линіи и Грузинскимъ населеніемъ, управленія Кутаисскаго генералъ-губернатора. Адыги (Черкесы), занимая морской берегъ, могли имѣть сношенія съ внѣшними врагами, этимъ они были опасны: но за то, окруженные сплошною массою христіанскаго населенія, они не могли никого возмутить вокругъ себя, и для насъ были вредны только ихъ хищническіе набѣги. Восточные же горцы образовали одно политическое тѣло, угрожали ближнимъ сосѣдствомъ Военно-грузинской дорогѣ, нашему единственному

сообщенію чрезъ горы и, своимъ центральнымъ положеніемъ посреди мусульманскаго народонаселенія, составляли для насъ дѣйствительную опасность, которая чувствовалась всего болѣе во время внѣшней войны. Поэтому нужно было направить первый ударъ противъ мюридовъ восточнаго Кавказа, не щадя жертвъ и соразмѣряя усилія съ потребностями войны; а противъ западныхъ горъ оставить, до низложенія Шамиля, только необходимое число войскъ и сообразовать тамъ покуда наступательныя дѣйствія съ ограниченными средствами наличныхъ силъ. Послѣдствія блистательно оправдали такой взглядъ.

Новое раздѣленіе Кавказа, послѣдовавшее въ Августѣ 1856 года, придало главнымъ военнымъ отдѣламъ достаточную самостоятельность для веденія войны своими собственными силами, не занимая ихъ изъ сосѣднихъ отдѣловъ. Прикомандированныя дивизіи 13-я и 18-я были размѣщены слѣдующимъ образомъ: 18-я оставлена за Кавказомъ для усиленія войскъ Лезгинской линіи и для производства дорожныхъ работъ, которыя нужно было вести самымъ спѣшнымъ образомъ, пользуясь наступившимъ миромъ, чтобъ не быть поставленными опять въ то критическое положеніе, въ которомъ находился Кавказскій корпусъ въ 1855 году. Два полка 13-й дивизіи расположились на Правомъ крылѣ, гдѣ мѣстныхъ войскъ было недостаточно для наступленія въ предположенныхъ размѣрахъ; два полка на Лѣвомъ крылѣ, откуда войска должны были проложить себѣ дорогу въ глубь горъ. Затѣмъ баталіоны не передвигались уже ежегодно, какъ бывало прежде, изъ одного конца края въ другой.

Тридцатилѣтняя война противъ мюридизма давно уже уяснила относительное положеніе наше и непріятельское. Надобно было только воспользоваться опытомъ. Князь Барятинскій рѣшился нанести непокорнымъ горцамъ главный ударъ съ сѣверной стороны, наступая на нихъ въ тоже время и изъ другихъ предѣловъ.

На Лезгинской кордонной линіи горцы ограждены становымъ хребтомъ Кавказа, чрезъ который сообщеніе существуетъ только въ лѣтніе мѣсяцы. Забросить нѣкоторыя части войскъ по ту сторону горъ, посреди сплошнаго Лезгинскаго

населенія, было невозможно, пока горскій союзъ не былъ потрясенъ въ основаніи.

Въ Дагестанѣ было настоящее гнѣздо мюридизма. Фанатическое населеніе этой части горъ было совершенно порабощено духовною властью, и потому трудно было ждать, чтобы разложеніе религіознаго союза горцевъ началось съ этой стороны. Покорять же открытою силою одну крѣпость за другою стоило бы чрезмѣрныхъ усилій, какъ это доказали безплодныя экспедиціи десятилѣтняго періода съ 1839 по 1849 годъ. Кромѣ того, чтобы успѣшно наступать въ Дагестанѣ, прежде всего надобно было прочно связать его, для совокупности дѣйствій, съ Лѣвымъ крыломъ, занятіемъ разъединявшей ихъ Салатавіи.

На Лѣвомъ крылѣ, особенно въ пространствѣ, занимаемомъ прежде Лѣвымъ флангомъ, еще при князѣ Воронцовѣ пріобрѣтены были значительные успѣхи. Чеченское племя, населяющее сѣверную сторону горъ и составлявшее половину покорнаго Шамилю народа, хотя самое воинственное изъ горцевъ, далеко не было увлечено въ такой степени, какъ Лезгины, фанатическимъ ученіемъ мюридизма; оно сохраняло гораздо болѣе независимости въ личномъ характерѣ и общественномъ быту и удерживалось въ повиновеніи Имаму больше страхомъ и привычкою, чѣмъ убѣжденіемъ. Успѣхи нашего оружія должны были сильнѣе отозваться въ этомъ шаткомъ населеніи и отторженіемъ Чеченскихъ обществъ одного за другимъ отъ Шамиля глубоко потрясти весь союзъ мюридизма. Посредствомъ методическаго наступленія мы должны были прорубиться сквозь лѣса, составляющіе всю силу Чечни, и выйти, по другой сторонѣ ихъ, въ глубь горъ, гдѣ и жители не такъ воинственны, и искусственныхъ преградъ меньше; этимъ движеніемъ мы заходили въ тылъ крѣпостямъ, которыми горцы оградили свои предѣлы съ восточной стороны.

По этимъ соображеніямъ былъ опредѣленъ планъ дѣйствій: со стороны Прикаспійскаго края прежде всего прочно утвердиться въ Салатавіи, чтобы связать стратегически Дагестанскія и Чеченскія войска и имѣть опорный пунктъ въ самыхъ горахъ; со стороны Лезгинской линіи ежегодно разорять непокорныя общества и довести ихъ къ рѣшительной

минутѣ до безсилія; со стороны Лѣваго крыла овладѣть плоскостью и оттуда, съ значительными силами, ворваться въ глубь горъ; совершать это всякое лѣто и зиму, сколько позволятъ силы наличныхъ войскъ, приготовляя въ каждомъ текущемъ походѣ точку отправленія для слѣдующаго.

Предпринимая покореніе горъ, надобно было отказаться отъ методическихъ привычекъ предшествовавшаго періода: строить города на всякой вновь занимаемой позиціи, послѣдствіемъ чего бывало только продолжительное бездѣйствіе и изнуреніе войскъ, исключительно занятыхъ работами, и создавать искусственные важные пункты, которые потомъ было жаль бросить для новаго движенія впередъ, разсчитывая, чего они стоили. Князь Барятинскій рѣшился принять другой образъ дѣйствій: основываться прочно только на пунктахъ особенно важныхъ, за которыми остается военное и административное значеніе и послѣ покоренія горъ; въ пунктахъ же, занимаемыхъ временно въ военныхъ видахъ, устраивать укрѣпленные лагери, — валъ съ пушками, — и посреди располагать войска въ баракахъ, Алжирскихъ домикахъ, или въ Калмыцкихъ кибиткахъ, вознаграждая неудобства помѣщенія усиленною порціею продовольствія; при первой возможности, занимать новую позицію впереди и, окопавшись на ней, переносить туда подвижныя жилища. Эта система дала намъ возможность ввести въ дѣло массу войскъ, прикованную прежде къ работамъ въ городкахъ и укрѣпленіяхъ и разсчитывать свои шаги впередъ не годами, нужными для устройства прочной осѣдлости, а мѣсяцами.

Князь прибылъ къ арміи глубокою осенью, въ Ноябрѣ 1856 года. Въ Прикаспійскомъ краѣ и на Лезгинской линіи въ этомъ году уже нельзя было предпринять наступленія. Онъ употребилъ войска, занимавшія Лезгинскую линію, на рубку просѣкъ сквозь лѣса, покрывающіе южный склонъ главнаго хребта. Нужно было открыть въ нихъ сообщенія и для движеній въ горы, и для того, чтобы связать между собою оборонительные пункты нашей кордонной линіи, и чтобъ облегчить передовой стражѣ преслѣдованіе качаговъ *). Для

*) Абрековъ, бѣглецовъ-разбойниковъ.

послѣдней цѣли организована вновь, въ большемъ противъ прежняго составѣ, партизанская команда. Въ Прикаспійскомъ краѣ приказано заготовлять матеріальныя средства для устройства въ Салатавіи, будущимъ лѣтомъ, штабъ-квартиры Дагестанскаго пѣхотнаго полка.

Военныя дѣйствія можно было открыть въ теченіи зимы только на Лѣвомъ крылѣ.

Нѣсколькими походами въ глубь Большой Чечни, продолжавшимися съ промежутками отъ начала Декабря до конца Марта 1857 года, генералъ Евдокимовъ докончилъ просѣки, начатыя въ этой странѣ еще въ 1850 году, и раскрылъ Чеченскія дебри широкими путями отъ Воздвиженскаго до Куринскаго и поперекъ—отъ „Русской" дороги къ Бердыкелю и къ устью Сунжи, кромѣ другихъ, менѣе значительныхъ. При выходѣ Басса изъ горъ устроенъ укрѣпленный Шалинскій лагерь, а въ долинѣ Мичика Хоби-Шавдонское укрѣпленіе. Въ тоже время Кумыкскій отрядъ сбилъ непріятельскія укрѣпленія въ Гойтемиръ-Капу, ограждавшія Аухъ *). Населеніе Чечни было еще оставлено на текущее лѣто въ своихъ лѣсныхъ хуторахъ; но съ тѣхъ поръ, какъ просѣки раскрыли страну въ столькихъ направленіяхъ, съ первою же осенью можно было его принудить къ покорности.

Вообще, за лѣто 1857 года, слѣдовательно менѣе чѣмъ въ годъ съ назначенія князя Барятинскаго главнокомандующимъ и за семь мѣсяцевъ съ прибытія его на Кавказъ, были уже достигнуты огромные результаты. Кромѣ вышеуказанныхъ на Лѣвомъ крылѣ, въ Дагестанѣ занята Салатавія, и туда переведена штабъ-квартира Дагестанскаго пѣхотнаго полка; на Правомъ крылѣ занята линія по Адагуму, а Кубанскій пѣхотный полкъ переведенъ на р. Бѣлую въ Майкопъ; водворены три новыя казачьи станицы—одна на Сунжѣ, двѣ на Лабѣ и Урупѣ. На Лезгинской линіи вырублены у подножья хребта широкія просѣки, разработано нѣсколько дорогъ, ближайшіе аулы Лезгинъ въ ущельяхъ главнаго

*) Все это было систематическимъ продолженіемъ тѣхъ дѣйствій, которыя князь Барятинскій осуществлялъ въ 1851—1853 гг. въ бытность начальникомъ Лѣваго фланга. (См. томъ I, гл. XVII-я и д.).

хребта разорены, и спокойствіе въ Кахетіи значительно обезпечено. Въ Кутаискомъ генералъ-губернаторствѣ подробно осмотрѣна Сванетія, и приняты мѣры къ ея административному устройству.

А князь Барятинскій все еще не довольствовался достигнутыми результатами. Онъ желалъ, уже во второй половинѣ зимы 1856—57 г., занять Аргунское ущелье. Генералъ Евдокимовъ, 4 Января 1857 года, писалъ князю, что, по его мнѣнію, прежде нужно обезпечить Большую Чечню и Кумыкскую плоскость постройкою укрѣпленій у Автура и на Хоби-Шавдонѣ: тогда главныя силы могутъ быть свободны для движенія въ Аргунское ущелье.

Главнокомандующій согласился съ этимъ вполнѣ основательнымъ мнѣніемъ; но когда г. Евдокимовъ, вмѣсто Автура, устроилъ укрѣпленный лагерь у Шали, то князь этого не одобрилъ и, не взирая на подробное дополнительное объясненіе, было написано Евдокимову 23 Марта 1857 г., что главнокомандующій не убѣдился его доводами, что это противорѣчитъ личнымъ объясненіямъ самого Евдокимова и что Шалинскій лагерь не есть шагъ впередъ.

Такова была настойчивость князя Барятинскаго съ минуты назначенія главнокомандующимъ, и результаты вполнѣ ее оправдали.

Также точно и въ дѣлѣ управленія покорными горцами, которому князь искони придавалъ особое значеніе, онъ самъ слѣдилъ за ходомъ дѣла и направлялъ его съ замѣчательною проницательностью, рѣдко отступая предъ убѣжденіями и ходатайствами даже лучшихъ своихъ помощниковъ. Напримѣръ, 9 Іюля 1857 г., генералъ Евдокимовъ весьма подробно излагалъ свои мысли объ управленіи Кумыками и проводилъ свою излюбленную мысль ввѣрять управленія туземцамъ. Для Кумыковъ онъ предлагалъ князя Хасая Уцміева.

На этомъ письмѣ князь Александръ Ивановичъ собственноручно написалъ: „Передать ли управленіе совершенно въ руки туземцевъ — вопросъ: ибо этимъ можемъ мы удалиться отъ введенія въ будущемъ Русскихъ порядковъ, долженствующихъ служить къ сліянію этого народа съ Россіей.

Отложить рѣшеніе вопроса до вступленія въ должность князя Мирскаго; но Евдокимову объ этомъ не писать, чтобы не оскорбить, а дать дѣлу проволочку. Что же касается до выбора Хасая, то я его не понимаю; ибо я рѣдко видѣлъ человѣка менѣе уважаемаго своими соотечественниками по безхарактерности и извѣстной всему краю трусости. Кромѣ того, онъ человѣкъ алчный, и его опасно допускать къ управленію".

Жаль только, что въ другомъ случаѣ князь уступилъ и согласился на ходатайство генерала Евдокимова назначить начальникомъ Осетинскаго, а впослѣдствіи Чеченскаго округа ...у Кондухова... Система управленія горцами посредствомъ ...цевъ оказалась вообще несостоятельною.

Однимъ изъ лучшихъ подспорій для яснаго опредѣленія достоинствъ человѣка несомнѣнно служатъ его письма. Въ этомъ отношеніи переписка князя Барятинскаго съ разными лицами—матеріалъ драгоцѣнный: достаточно прочитать ее внимательно, чтобы образъ покойнаго фельдмаршала ожилъ предъ глазами читателя, и вполнѣ обрисовался замѣчательный государственный человѣкъ, съ его, можно сказать, почти непогрѣшимыми взглядами на политическое положеніе государства, на необходимыя для успѣха мѣры, на людей, соотвѣтствовавшихъ въ данное время потребностямъ государственной службы, и т. д.

До какой степени онъ понималъ положеніе Россіи на Востокѣ, какъ онъ предвидѣлъ грядущія событія и указывалъ на важные пункты, требовавшіе особаго вниманія, уже видно отчасти изъ приведенныхъ мною выше указаній его на необходимость развитія пароходства по Волгѣ и Каспійскому морю, на проведеніе рельсоваго пути между Каспійскимъ и Чернымъ морями, на изслѣдованіе Закаспійскаго края и проч. Командировавъ въ 1857 году Д. А. Милютина въ Петербургъ съ проектами военныхъ реформъ, князь Барятинскій возложилъ на него ходатайства и по разнымъ другимъ дѣламъ, въ томъ числѣ и о желѣзной дорогѣ за Кавказомъ. Это дѣло поручалось особой заботливости Дмитрія Алексѣевича.

Постройку вызывался взять на себя В. А. Кокоревъ съ К°, требуя за это объявить весь Закавказскій край porto-franco, а также отвода разныхъ пустопорожнихъ земель и минеральныхъ копей *). Само собою, кн. Барятинскій не могъ знать финансовой стороны дѣла, не могъ знать средствъ г. Кокорева; но въ виду главной цѣли—имѣть желѣзную дорогу, для связи Закавказья съ Россіей, для возможности быстраго передвиженія войскъ и военныхъ средствъ, для развитія благосостоянія края и усиленія вліянія на Востокѣ, князь считалъ требованія г. Кокорева незначительными. Не слѣдуетъ забывать, что это было время ослабленія Турціи, торжественнаго расположенія къ намъ Наполеона III и возмущенія Сипаевъ въ Индіи, когда можно было положить основанія, во многомъ облегчавшія успѣхъ дѣлъ въ Средней Азіи. Въ Петербургѣ появились въ то время по этому предмету два проекта (одинъ принадлежалъ Н. В. Ханыкову, другой г-ну NN), но князь считалъ ихъ „*данью модѣ*“, не только не обѣщающими пользы, но грозящими вредомъ. „По дѣламъ Востока, писалъ князь Д. А. Милютину, чрезвычайно опасаюсь Петербургскихъ умниковъ“. Въ его глазахъ единственнымъ практическимъ проектомъ было: покончить съ Кавказской войной, не жалѣя для этого въ теченіи нѣсколькихъ лѣтъ средствъ, затѣмъ развить пароходство по Волгѣ и Каспію и провести желѣзную дорогу чрезъ Закавказье. Недавнія событія показали всю непреложную основательность такого взгляда.

Въ Петербургѣ отнеслись къ мысли поручить Кокореву постройку желѣзной дороги съ ироніей (правильно или нѣтъ иронизировали, судить не могу; хотя если вспомнить исторію съ учредителями Главнаго Общества, Колиньономъ и К°, то не знаю, надъ кѣмъ слѣдовало смѣяться...) Но вѣдь это была частность: кому отдали бы постройку дороги и на какихъ условіяхъ, не относилось къ сущности дѣла; главное, нужно было скорѣе строить и, во всякомъ случаѣ, предпочесть Закавказскую дорогу другимъ, внутри Россіи, въ родѣ Ряжско-Вяземской и т. п., въ свое время остроумно названнымъ дорогами „отъ Дураковки до Болвановки“...

*) В. А. Кокореву князь Барятинскій писалъ въ 1857 г. въ Парижъ о пріисканіи заграничныхъ капиталовъ для Закавказскихъ желѣзныхъ дорогъ; (см. Экономическіе Провалы, С.-Петербургъ 1887, стр. 108). П. Б.

Бюрократичный міръ вообще врагъ широкихъ взглядовъ, грандіозныхъ проектовъ; его смущаетъ новая мысль, требующая энергіи для осуществленія: это грозитъ нарушеніемъ сонного канцелярскаго порядка... Этому міру даже патріотизмъ, чуть онъ заявляетъ себя довольно громко и настойчиво, уже не милъ и кажется опаснымъ. Неудивительно, что многія предположенія князя Барятинскаго встрѣчали или отпоръ, или подъ часъ полуироническія предложенія. Такъ, вмѣсто Закавказской желѣзной дороги, предлагали отъ *Поти до Тифлиса* построить *конножелѣзную дорогу*. И нужно было еще двадцать лѣтъ времени, пока, наконецъ, при энергической настойчивости Великаго Князя Михаила Николаевича, осуществилась мысль князя Барятинскаго, и два Русскія моря связаны рельсовымъ путемъ.

ПРИЛОЖЕНІЯ.

I. Князь А. И. Барятинскій Д. А. Милютину.

Москва, 25 Августа 1856 г. Домъ Вырубова на Тверскомъ бульварѣ.

Милостивый государь Дмитрій Алексѣевичъ. Вчера къ величайшему и неутѣшному моему горю, узнаю я, что вы не будете въ Москву. Кромѣ удовольствія васъ видѣть, лишенъ я еще возможности сдѣлать вамъ лично предложеніе, которое теперь рѣшаюсь передать бумагѣ, хотя въ этихъ случаяхъ особенно бумага весьма слабо замѣняетъ рѣчь; слѣдовательно, не изощряясь въ личномъ краснорѣчіи, приступаю прямо къ дѣлу. Вы знаете, Дмитрій Алексѣевичъ, сколь высоко я васъ цѣню и сколько бы мнѣ было пріятно сочетать мое военное поприще съ вашимъ. Я на дняхъ просилъ Государя возстановить на Кавказѣ мѣсто начальника главнаго штаба и его помощника, и Государь Императоръ, при изъявленіи согласія, спросилъ меня, кого я желалъ бы имѣть на первомъ изъ этихъ мѣстъ. Я доложилъ Его Величеству, что, не предваривши васъ, не смѣю просить о вашемъ назначеніи, но что буду вамъ тотчасъ же писать объ этомъ. Государь меня сердечно поздравилъ съ выборомъ и сказалъ, что лучшаго сдѣлать не могъ.

Слѣдовательно, остается вамъ теперь рѣшить это дѣло. Я посылаю вамъ нарочнаго курьера, чтобы имѣть скорѣе вашъ отвѣтъ; въ случаѣ вашего согласія, мнѣ бы весьма желательно было видѣть васъ, еще до назначенія, въ Москвѣ. Я отсюда уѣзжаю между 12 и 15 Сентября, и слѣдовательно успѣете до тѣхъ поръ поправиться здоровьемъ. Впрочемъ, я предупредилъ Его Величество о вашемъ здоровьи и о томъ, что я предлагаю вамъ пріѣхать для личнаго объясненія со мною; такимъ образомъ вы

не будете принуждены выѣзжать въ свѣтъ въ случаѣ, ежели бы ваше здоровье еще бы требовало . . . (не разобрано). Буду ждать вашего отвѣта съ нетерпѣніемъ и оставляю васъ самихъ судьею, до какой степени ваше согласіе меня обрадуетъ. Примите съ чувствами особаго уваженія къ вамъ и увѣренія сердечной моей преданности.

II. Д. А. Милютинъ князю А. И. Барятинскому.

Милостивый государь князь Александръ Ивановичъ. Получивъ въ минувшую ночь письмо вашего сіятельства отъ 25 числа, поспѣшаю немедленно же отправить мой отвѣтъ съ тѣмъ же нарочнымъ.

Прежде всего позвольте мнѣ, князь, принести вамъ глубокую признательность за лестное для меня ваше мнѣніе, и вмѣстѣ съ тѣмъ увѣрить васъ, что я всегда съ искреннѣйшею радостію готовъ бы стать подъ непосредственное начальство вашего сіятельства, хотя бы и на мѣстѣ менѣе почетномъ, чѣмъ предлагаемое вами. Повѣрьте, что я умѣю цѣнить ваше благосклонное ко мнѣ расположеніе и употребилъ бы всѣ старанія, чтобъ оправдать ваше довѣріе. Достаточны ли мои силы для занятія столь важной и обширной должности—о томъ судить не мнѣ; могу только сказать, что я всегда проникнутъ истиннымъ желаніемъ быть полезнымъ для службы нашего Государя, и что я приложу неограниченное усердіе къ исполненію своихъ обязанностей, на какое бы мѣсто я ни былъ призванъ монаршею волею.

Но самое это чувство священнаго долга, заставляющее добросовѣстнаго слугу устранять всѣ разсчеты личныхъ выгодъ, побуждаетъ и меня въ настоящемъ случаѣ представить на соображеніе вашего сіятельства обстоятельство, которое весьма важно при выборѣ для васъ ближайшаго помощника. Мѣсто начальника штаба на Кавказѣ требуетъ такого человѣка, который, независимо отъ нравственныхъ качествъ, обладалъ бы и необходимыми силами физическими, чтобы выдерживать и усиленную работу кабинетную, и тяжкіе труды боевой жизни. Вамъ извѣстно, какъ мало я удовлетворяю этому условію. Въ бытность мою на Кавказѣ, я уже имѣлъ случай испытать гибельное на меня вліяніе тамошняго климата; въ послѣдніе же годы усиленной служебной дѣятельности я дошелъ было до такого положенія, что отчаявался въ излеченіи. Только самая регулярная жизнь и строгая во всемъ осторожность могутъ поддерживать мое здоровье. Даже и въ нынѣшнее лѣто, при совершенно спокойной жизни, я постоянно почти боленъ—отъ одного вліянія погоды. Болѣзненное мое состояніе, какъ извѣстно вашему сіятельству, лишило меня счастія пріѣхать въ Москву и къ коронаціи, и къ 30-му Августа; и теперь, при всемъ моемъ желаніи неотлагательно имѣть съ вами свиданіе, я не въ состояніи предпринять этого путешествія. Такого ли человѣка нужно вамъ имѣть помощникомъ? Считаю дѣломъ совѣсти убѣдительнѣйше просить ваше сіятельство, для пользы службы и собственной вашей, обсудить вновь сдѣланный вами выборъ; съ своей стороны я полагаю, что представленное мною соображе-

ніе должно заставить васъ искать другаго человѣка, который могъ бы безъ устали *на многіе годы* оказывать вамъ дѣйствительную подмогу. Безчестно принять на себя званіе и должность, зная впередъ, что не въ силахъ выдержать сопряженнаго съ ними бремени.

Если ваше сіятельство изволите найти себѣ другаго, болѣе надежнаго помощника (въ чемъ я не могу сомнѣваться), то не угодно ли вамъ будетъ поручить кому нибудь (напримѣръ полковнику Карцову) извѣстить меня объ окончательномъ вашемъ рѣшеніи, дабы я не оставался въ тяжкомъ недоумѣніи. Во всякомъ же случаѣ, каково бы ни было это рѣшеніе, я повторяю выраженную мною признательность вашему сіятельству за вниманіе и благосклонность ваши.

1856 года 28 Августа, 9 часовъ утра. Мыза Николаевская.

III. Князь А. И. Барятинскій Д. А. Милютину.

Москва, 31 Августа 1856.

Письмо вашего превосходительства утверждаетъ меня еще болѣе въ томъ глубокомъ убѣжденіи, что лучшаго выбора я сдѣлать не могу. Скромность и совѣстливость составляютъ вѣрнѣйшій залогъ для начальника, который желаетъ имѣть друга въ помощникѣ. Позвольте васъ увѣрить, Дмитрій Алексѣевичъ, что и я съ своей стороны буду всячески стараться облегчить вамъ трудъ и трудность положенія, предоставляя вамъ выбрать себѣ въ помощники людей по вашему усмотрѣнію и представляя себѣ самому, для моего душевнаго спокойствія и сердечнаго удовольствія, устроить ваше положеніе во всѣхъ отношеніяхъ соотвѣтственно вашему слабому здоровью, вашимъ способностямъ, вашимъ заслугамъ и тому положенію, которое вы въ краѣ занимать должны.

Посылаю вамъ, въ видѣ уполномоченнаго посла, капитана Романовскаго, который мнѣ передастъ и получитъ отъ васъ тѣ объясненія, которыя могутъ ускользнуть или трудно передать бумагѣ; онъ довѣренное мнѣ лицо, и смѣю думать, что онъ вполнѣ съумѣетъ заслужить и ваше довѣріе.

IV. Д. А. Милютинъ князю А. И. Барятинскому.

Отъ 18 Октября 1856 г., С.-Петербургъ.

Долгомъ считаю довести до свѣдѣнія вашего сіятельства, что высочайшій приказъ о моемъ назначеніи послѣдовалъ 15-го сего Октября; 20-го же числа полагаю выѣхать изъ Петербурга, и если не встрѣчу въ дорогѣ никакихъ непредвидѣнныхъ остановокъ, то надѣюсь около половины Ноября имѣть честь представиться вашему сіятельству.

При этомъ случаѣ не лишнимъ будетъ доложить вамъ, что относительно генералъ-маіора Индреніуса *) никакого распоряженія въ Военномъ

*) Предмѣстникъ Д. А. Милютина.

Министерствѣ, не дѣлается, и самъ г. министръ, на мой вопросъ по этому предмету, сказалъ мнѣ, что не имѣетъ въ виду никакого о немъ представленія. Поспѣшая явиться къ новой должности, довѣріемъ вашимъ на меня возложенной, я желаю искренно имѣть скорѣе случай заслужить благосклонное ваше ко мнѣ расположеніе и доказать на дѣлѣ глубокое почтеніе и пр.

Переписка Великаго Князя Константина Николаевича съ княземъ А. И. Барятинскимъ.

(Печатается съ разрѣшенія Его Императорскаго Высочества).

1.

(Безъ означенія года и мѣсяца).

Посылаю тебѣ, любезнѣйшій Александръ Ивановичъ, записку, поданную мнѣ барономъ Торнау [1]) о значеніи Баку и Каспійскаго моря и соображенія по этому предмету вице-адмирала Метлина. Прошу тебя потрудиться прочесть то и другое и возвратить мнѣ съ твоимъ мнѣніемъ. При свиданіи поговоримъ подробно объ этомъ дѣлѣ, и тогда рѣшимъ окончательно этотъ важный вопросъ. Я старался здѣсь, сколько могъ, помогать Милютину, въ которомъ видѣлъ твоего полномочнаго, и надѣюсь, что онъ былъ мною доволенъ. Онъ привезетъ тебѣ утвержденное Государемъ въ видѣ опыта на три года положеніе объ устройствѣ морской части на Кавказѣ. Надѣюсь въ будущемъ году въ Августѣ или Сентябрѣ побывать у тебя въ гостяхъ. Ожидаю это время съ нетерпѣніемъ, чтобы имѣть случай тебя снова обнять. Твой вѣрный другъ.

2.

Я передъ тобою кругомъ виноватъ, любезнѣйшій Александръ Ивановичъ, что такъ долго не отвѣчалъ; но, передъ предстоящимъ мнѣ отъѣздомъ за границу, меня до такой степени замучили, что это превосходитъ всякое воображеніе. Съ симъ вмѣстѣ я посылаю тебѣ офиціальный отвѣтъ, который могъ бы пойти гулять обыкновеннымъ порядкомъ по канцеляріямъ [2]). Здѣсь же я тебѣ повторю, что Государь *вполнѣ* раздѣлилъ всѣ твои предположенія, о которыхъ ты мнѣ пишешь. Съ Чевкинымъ мы устроили комиссію изъ весьма дѣльныхъ людей для обсужденія Волжскаго вопроса. Къ Баку мы приступимъ, коль скоро ты пришлешь окончательно одобренный тобою проектъ. Государь сказалъ мнѣ, что онъ впередъ утверждаетъ все то, что́ ты представишь про Баку. Отъ Перовскаго я еще не имѣю отвѣта на счетъ Ново-Петровска.

Крюднеръ получилъ отвѣтъ отъ твоего брата Виктора, въ которомъ онъ, къ сожалѣнію, рѣшительно отказывается отъ должности [3]).

---

[1]) Николай Егоровичъ Торнау, большой знатокъ Кавказа (впослѣдствіи членъ Государственнаго Совѣта).

[2]) Отъ этого же числа другое, офиціальное письмо или отвѣтъ Великаго Князя князю А. И. Барятинскому см. въ „Русскомъ Архивѣ“ 1888, III, 543.

[3]) Завѣдывающаго въ Тифлисѣ морскою частью.

У меня въ головѣ только два имени: 1) капитанъ *Греве*, Черноморскій офицеръ, бывшій въ продолженіе всей кампаніи при Горчаковѣ по особымъ порученіямъ и пріобрѣтшій себѣ репутацію весьма толковаго и дѣльнаго офицера, не смотря на молодость лѣтъ; 2) мой адъютантъ *Стеценко*, котораго ты отчасти узналъ въ Николаевѣ и который долгое время былъ адъютантомъ у Серебрякова. Нынче лѣтомъ онъ былъ моимъ депутатомъ при занятіи Сухума.

Въ заключеніе мнѣ остается тебѣ пожелать отъ души силъ и здоровья для продолженія твоего полезнаго служенія на огромномъ твоемъ поприщѣ. Обнимаю тебя мысленно отъ души и впередъ радуюсь, что, Богъ дастъ, въ Іюнѣ опять увидимся. Сегодня вечеромъ я отправляюсь за границу.

25 Декабря 1856 г.

3.

Ваше Императорское Высочество.

Я имѣлъ счастіе получить милостивое письмо Вашего Императорскаго Высочества отъ 25 Декабря. Извѣстіе объ отъѣздѣ Вашемъ за границу оставило меня подъ двойственнымъ вліяніемъ огорченія и радости: огорченъ я тѣмъ, что отсутствіе Ваше изъ С.-Петербурга всегда вижу съ большимъ сожалѣніемъ; радуюсь поѣздкѣ Вашей за границу, потому что увѣренъ въ пользѣ, которую она во всѣхъ отношеніяхъ принесетъ вамъ и дѣлу общему.

Я до сихъ поръ еще не представляю о портѣ и укрѣпленіяхъ въ Баку, потому что ежедневно по этому предмету ожидаю представленія адмирала Васильева. О Петровскомъ я уже сдѣлалъ представленіе или, лучше сказать, препроводилъ, безъ всякаго сужденія, въ Морское Министерство на разсмотрѣніе нѣсколько проектовъ полковника Тизенгаузена. Морскіе инженеры, по спеціальности своей, лучше обсудятъ этотъ предметъ, нежели здѣсь, гдѣ ихъ нѣтъ вовсе.

Не могу выразить, съ какимъ нетерпѣніемъ ожидаю прибытія Вашего на Кавказъ. Я намѣренъ отправиться отсюда на Лѣвое крыло въ началѣ Апрѣля мѣсяца, Май пробуду на Правомъ крылѣ и въ Черноморіи, и когда только узнаю положительно о времени Вашего прибытія и о мѣстѣ, гдѣ изволите высадиться, то поспѣшу туда, чтобы встрѣтить Ваше Высочество.

Къ тому только времени можетъ быть окончательно приготовлено соображеніе по предмету присоединенія Астраханской губерніи къ Кавказу, и слѣдовательно поступитъ оно на обсужденіе въ Кавказскій Комитетъ уже по возвращеніи вашемъ въ С.-Петербургъ. Ваше Высочество между тѣмъ на мѣстѣ удостовѣритесь еще болѣе, какъ необходима подобная мѣра и сколько для будущаго благоденствія всего Кавказа и Астрахани соединеніе этихъ двухъ управленій неизбѣжно.

21 Января 1857 г.
Тифлисъ.

4.

(Безъ означенія года и мѣсяца.)

Съ любопытствомъ я читалъ твою интересную записку и совершенно раздѣляю твой взглядъ. Я уже получилъ офиціальное приказаніе распорядиться средствами Чернаго моря для занятія береговъ; на семъ основаніи я посылаю туда адъютанта моего Стеценку и желаю, чтобъ онъ заѣхалъ сперва къ тебѣ, чтобъ получить отъ тебя изустныя приказанія и наставленія.

5.

24 Іюня 1857 года (С. П. Б.).

По случаю предстоящихъ путешествій Государя въ нынѣшнемъ году, я принужденъ отложить до будущаго года предлагавшуюся поѣздку мою въ Астрахань, на Кавказъ и въ Черное море. Поспѣшая увѣдомить тебя объ этомъ, любезнѣйшій Александръ Ивановичъ, я искренно сожалѣю, что не буду имѣть удовольствія видѣть тебя, и это тѣмъ болѣе, что при нынѣшнихъ обстоятельствахъ я желалъ поговорить съ тобою о многомъ, по разнымъ важнымъ предметамъ, узнать твое мнѣніе и условиться въ одинаковомъ образѣ дѣйствія. Состояніе нашихъ финансовъ, которое въ высшей степени затруднительно, побуждаетъ неотлагательно сократить по всѣмъ вѣдомствамъ всѣ расходы, безъ которыхъ можно обойтись, и пожертвовать многими прекрасными надеждами на будущее, для того чтобъ выйти изъ настоящаго положенія. Положеніе это становится тѣмъ важнѣе, что теперь явились съ новою силою и требуютъ скорѣйшаго разрѣшенія другіе важные жизненные вопросы внутренней администраціи нашей, а именно: о крѣпостномъ правѣ, о раскольникахъ, о крайней необходимости устроить судопроизводство и полицію нашу такъ, чтобъ народъ находилъ гдѣ-нибудь судъ и расправу, чтобъ приказанія правительства исполнялись, и чтобъ высшія правительственныя лица не были вынуждены для достиженія благихъ цѣлей прибѣгать къ внѣ-законнымъ средствамъ. Въ тоже время необходимо изыскать новые и при томъ колоссальные источники народнаго богатства, дабы Россія сравнялась въ этомъ отношеніи съ другими государствами: ибо мы не можемъ далѣе себя обманывать и должны сказать, что мы и слабѣе и бѣднѣе первостепенныхъ державъ и что при томъ бѣднѣе не только матеріальными способами, но и силами умственными, особенно въ дѣлѣ администраціи. Ты, любезнѣйшій князь, управляешь, какъ намѣстникъ Государя, цѣлымъ царствомъ; мнѣ предоставлено довѣріемъ Государя создать Россіи флотъ, ибо нѣтъ у насъ флота. Соображая важность той и другой исторической роли, мнѣ кажется, что первая обязанность наша должна состоять въ томъ, чтобъ отбросить всякое личное славолюбіе и сказать, что наша жизнь должна пройти въ скромномъ, неблестящемъ трудѣ, не въ подвигахъ, которые могли бы въ настоящемъ возвысить наше имя, но въ работѣ для будущаго, чтобъ дѣти наши получили плоды съ той земли, которую мы, при благословеніи Божіемъ, можемъ вспахать, удобрить и засѣять. Посему не о морскихъ побѣдахъ и не о завоеваніяхъ

на Кавказѣ и сопредѣльныхъ странахъ слѣдуетъ думать, не о созданіи вдругъ большаго числа судовъ при большихъ пожертвованіяхъ и не о содержаніи на Кавказѣ многочисленной арміи, на которую мы рѣшительно не имѣемъ денежныхъ средствъ, но о томъ, чтобы безпрерывными плаваніями небольшаго числа хорошихъ судовъ приготовить цѣлое поколѣніе будущихъ опытныхъ и страстныхъ моряковъ, и о томъ, чтобы усовершенствованіемъ внутренняго управленія вводить на Кавказѣ порядокъ и довольство, не издерживая на то большихъ суммъ, а стараясь сдѣлать изъ управленія Кавказскаго образецъ бережливости и благоустройства. На это нужна не армія, не громкія экспедиціи въ горы, не пышный дворъ падишаха, но выборъ дѣльныхъ людей и скромный образъ дѣйствія. Конечно, блестящій намѣстникъ обратится тогда въ губернатора; но этотъ губернаторъ оставитъ по себѣ имя въ исторіи народовъ, тогда какъ первый присоединится къ ряду тѣхъ предмѣстниковъ, которыхъ имена сохранились только въ званіи улицъ. Глубоко проникнутый этими убѣжденіями, я занимаюсь теперь сокращеніемъ морскаго бюджета и съ грустью предвижу, что придется разстаться съ разными предположеніями на счетъ Каспійской флотиліи и устройства тамъ портовъ. Мы въ состояніи удѣлить туда весьма небольшія суммы, и я думаю, что слѣдуетъ болѣе заботиться о развитіи на Каспіи торговаго судоходства, чѣмъ объ увеличеніи числа военныхъ судовъ.

Вотъ тебѣ, любезный князь, весьма длинное письмо. Не пеняй на меня за нѣкоторыя выраженія и вспомни, что я пишу подъ грустнымъ впечатлѣніемъ всего, что̀ вижу и при горькомъ сознаніи, что я теперь ничто иное, какъ генералъ-адмиралъ безъ флота, и который только что видѣлъ свои глазами гигантскіе флоты и морскіе способы вчерашнихъ враговъ нашихъ.

Прощай, Богъ съ тобою; обнимаю тебя отъ души.

6.

10 Декабря 1857 г., Петербургъ.

Любезнѣйшій Александръ Ивановичъ. Пользуюсь отъѣздомъ Ханыкова, чтобъ написать тебѣ нѣсколько строкъ. По предложенію Государя я вызвалъ Ханыкова къ составленію проекта экспедиціи въ Хорасанъ и пригласилъ его принять на себя начальствованіе оною, въ полной увѣренности, что дѣйствую въ твоихъ именно видахъ и что угадалъ твои намѣренія. Посему прошу тебя убѣдительно оказать этому предпріятію самое горячее содѣйствіе, безъ котораго оно не можетъ удасться. Я убѣжденъ, что оно принесетъ самыя важныя послѣдствія, приготовивъ намъ пути къ дальнѣйшимъ дѣйствіямъ на Востокѣ, и потомство не будетъ въ правѣ сказать, что мы сидѣли сложа руки въ то время, когда несчастная Индія борется, чтобы свергнуть ненавистное иго Англичанъ. Ханыковъ везетъ отъ меня письмо къ Достъ-Магометъ-хану. Надѣюсь, что ему удастся лично ему вручить его. Вчера пришло къ намъ извѣстіе объ лихомъ послѣднемъ дѣлѣ Орбельяни, съ которымъ истинно тебя поздравляю. Обнимаю тебя отъ души. Твой вѣрный другъ.

7.

27 Января 1858 г. Тифлисъ.

Ваше Императорское Высочество.

Ваше Императорское Высочество изволите получить вмѣстѣ съ симъ письмомъ особый офиціальный мой отвѣтъ на почтеннѣйшій вашъ рескриптъ по Морскому Министерству относительно Бакинскаго порта. Дозвольте мнѣ дополнить этотъ отвѣтъ нѣкоторыми поясненіями, необходимыми для оправданія моихъ дѣйствій передъ Вашимъ Высочествомъ. Изъ означеннаго рескрипта Вашего я узналъ съ удивленіемъ и не безъ огорченія, что проектъ, представленный мнѣ вице-адмираломъ Васильевымъ, для построекъ на Баиловомъ мысѣ, не былъ отправленъ мною въ Морское Министерство и что работы, начатыя въ Баку, производились безъ вѣдома Вашего. По ближайшемъ пересмотрѣ дѣла, я удостовѣрился, что недоразумѣніе это произошло отъ какой нибудь случайности во время разъѣздовъ моихъ по линіи, когда бумаги пересылались отъ меня въ Тифлисъ и обратно ко мнѣ. Я былъ увѣренъ, что означенное представленіе в.-а. Васильева было отправлено въ Морское Министерство, какъ Ваше Высочество изволите сами усмотрѣть изъ письма, писаннаго мною тогда же изъ Грозной (отъ 19 Апрѣля) и вѣроятно полученнаго Вами за границею. Согласіе же свое на немедленное начатіе работъ въ Бакинскомъ портѣ я далъ вице-адмиралу Васильеву въ томъ соображеніи, что предположенная постройка мастерскихъ казалась мнѣ дѣломъ нетерпящимъ отлагательства и что я считалъ означенное предпріятіе рѣшеннымъ, такъ какъ и суммы на этотъ предметъ были уже отпущены.

Меня сердечно радуетъ мысль о предстоящемъ въ нынѣшнемъ году пріѣздѣ Вашемъ на Кавказъ. Узнавъ отъ генералъ-маіора Милютина о намѣреніи вашемъ посвятить на все сухопутное путешествіе по здѣшнему краю три недѣли, я нѣсколько затруднялся въ составленія маршрута; ибо желалъ бы показать Вашему Высочеству не только лучшія части Кавказа въ отношеніи къ природѣ, но также и тѣ части, которыя заслуживали бы Вашего вниманія, какъ театръ настоящихъ нашихъ военныхъ дѣйствій. Еслибы Ваше Императорское Высочество соизволили назначить цѣлый мѣсяцъ на все путешествіе со времени высадки въ Баку, то можно было бы провезти Васъ со всѣмъ удобствомъ вдоль Лезгинской кордонной линіи въ Тифлисъ, отсюда во Владикавказъ, далѣе по всей передовой Чеченской линіи, заѣхать въ Аргунское ущелье, въ новыя наши штабъ-квартиры въ Аухѣ и Салатавіи, и затѣмъ чрезъ Чиръ-Юртъ и Червленную выѣхать на большую дорогу въ Екатериноградъ, для возвращенія въ Россію чрезъ Ставрополь. Еще было бы мнѣ пріятнѣе показать Вашему Высочеству рѣку Кубань, на которой я надѣюсь завести въ нынѣшнемъ году пароходъ; но эта поѣздка потребуетъ еще недѣлю времени. Буду ожидать отъ Вашего Высочества окончательныхъ приказаній по этому предмету, и вслѣдъ за симъ буду имѣть счастіе представить вамъ два маршрута: одинъ трехнедѣльный, а другой соглашенный съ возможностью обозрѣнія всего вышеизложеннаго.

Письма А. В. Головнина.

1.

Ганноверъ, 7 (19) Января 1857 г.

Пользуюсь первымъ свободнымъ вечеромъ по моемъ прибытіи сюда, чтобы написать вамъ нѣсколько строчекъ и сообщить, что Великій Князь Константинъ Николаевичъ измѣнилъ планъ своего путешествія на это лѣто. Его Высочество предполагаетъ остаться Іюнь и Іюль въ Стрѣльнѣ, въ Августѣ уѣхать въ Нижній-Новгородъ, спуститься по Волгѣ и прибыть къ вамъ въ Сентябрѣ, послѣ періода сильной жары; затѣмъ отправится въ Николаевъ въ Октябрѣ и въ Ноябрѣ вернется въ Петербургъ. Если вы одобряете эту перемѣну плана, прошу васъ написать объ этомъ Великому Князю, чтобы утвердить его въ добрыхъ намѣреніяхъ: онъ питаетъ большое къ вамъ довѣріе и искренно васъ любитъ. Великій Князь и Великая Княгиня чувствуютъ себя прекрасно, и здѣсь полны къ нимъ вниманія. Его Высочество предполагалъ остаться здѣсь двѣ недѣли и затѣмъ ѣхать въ Ниццу, оттуда въ Тулонъ и Парижъ; но этотъ маршрутъ будетъ по всей вѣроятности измѣненъ, такъ какъ графъ Киселевъ извѣщаетъ его изъ Парижа, что во Франціи желаютъ, чтобы его пріѣздъ не совпадалъ съ постомъ, который начинается 25 Февраля. Нужно пріѣхать или прежде или послѣ поста. Великій Князь пробылъ два дня въ Берлинѣ, гдѣ онъ присутствовалъ при интересной церемоніи награжденія нѣсколькихъ кавалеровъ орденомъ Чернаго Орла. Церемонія была дѣйствительно величественная. Король, сидя на своемъ тронѣ, обнималъ новопожалованныхъ кавалеровъ, которые преклоняли предъ нимъ колѣна, и говорилъ каждому, за какія заслуги государству онъ жалуетъ ихъ кавалерами. Между прочимъ онъ сказалъ Мантейфелю: „что онъ спасъ Пруссію и что благодаря только ему король находится въ настоящую минуту на тронѣ; что онъ обладаетъ прекрасной душею, доказательствомъ чего служитъ, что онъ простилъ своимъ врагамъ". Слова эти были произнесены твердымъ и громкимъ голосомъ, и разумѣется, цѣнность награды была сторицею умножена.

Дворъ Ганновера замѣчателенъ своимъ большимъ порядкомъ и приличіемъ. Этой примѣрной организаціей обязаны гофмаршалу де-Малротй, который издалъ книгу объ обязанностяхъ гофмаршала. Эта книга заключаетъ въ себѣ очень полезные совѣты и крайне любопытныя замѣтки на счетъ этикета дворовъ. Кухня короля превосходна и дѣлаетъ честь вкусу гофмаршала. Посылаю вамъ меню нашего сегодняшняго обѣда *).

---

*) *Слѣпой* Ганноверскій король восполнялъ свои невольные досуги удовольствіями стола и разнообразіемъ снѣдей. У него было нѣсколько человѣкъ поваровъ (въ томъ числѣ и Русскій), и для соревнованія между ними печатались ихъ имена при кушаньяхъ на такъ называемыхъ „меню" или росписяхъ снѣдей. Не въ подражаніе ли этому начали и у насъ печатать (и при томъ въ газетахъ) располагающія вкусъ читателей къ тонкимъ яствамъ перечни лакомыхъ блюдъ, только безъ означенія поваровъ? П. Б.

2 *).

Ницца, 24 Марта (5 Апрѣля) 1857.

Великій Князь Генералъ-Адмиралъ разсчиталъ на дняхъ, почтеннѣйшій князь Александръ Ивановичъ, что Его Высочеству нужно нѣсколько измѣнить свой планъ путешествія по Кавказу, а именно вернуться осенью не Чернымъ моремъ, а по Военно-Грузинской дорогѣ и потомъ изъ Петербурга поѣхать на всю зиму въ Николаевъ и Крымъ, гдѣ вѣроятно проведутъ будущую зиму вдовствующая Императрица и Великая Княгиня Александра Іосифовна. Эта перемѣна дастъ Его Высочеству возможность долѣе остаться на Кавказѣ, что́ особенно пріятно для него.

Послѣдній курьеръ привезъ намъ весьма печальныя извѣстія о нашихъ финансахъ. Повидимому министръ финансовъ ошибся въ своихъ расчетахъ, которыми онъ успокоивалъ правительство въ Декабрѣ. Теперь оказывается, что дефицитъ на нынѣшній годъ будетъ вдвое болѣе, чѣмъ онъ тогда предполагалъ; покрыть его нечѣмъ, и гарантія кредитныхъ билетовъ уменьшилась вдвое. Теперь, по прошествіи четверти года, слѣдуетъ по всѣмъ вѣдомствамъ сократить расходы въ огромныхъ размѣрахъ. Морское министерство получитъ пятью милліонами р. сер. менѣе того, что́ уже было ему ассигновано, т. е. вмѣсто 19 мил. получитъ 14 мил. Государь пишетъ Генералъ-Адмиралу весьма сильное, дружеское письмо и проситъ помочь ему по морскому вѣдомству. Великій Князь, понимая всю важность обстоятельствъ и сердечно любя Государя, глубоко уважая его и любя Россію, рѣшился на героическія средства, а именно: 1) не вооружать вовсе въ нынѣшнемъ году и не посылать въ море паруснаго флота; 2) не посылать заграничныхъ экспедицій; 3) пересрочить всѣ платежи, заказы и постройки; 4) распустить матросовъ и уволить въ безсрочный отпускъ офицеровъ экипажей, которые не имѣютъ винтовыхъ судовъ. Сверхъ того, Его Высочество отказался отъ содержанія, которое онъ получаетъ по управленію морскимъ вѣдомствомъ, приказалъ и придворной конторѣ сдѣлать разныя сокращенія у себя въ домѣ, какъ-то продать лишнихъ лошадей и т. п.

Грустно подумать, что все это только капля въ морѣ, что долгъ въ послѣдніе четыре года выросъ на 566 мил. и дефицитъ составляетъ 64 мил. Великій Князь весьма высокаго мнѣнія о вашемъ характерѣ и административныхъ способностяхъ и надѣется, что вы, какъ другъ Государя и полновластный князь Кавказа, поможете также у себя значительными сокращеніями. Очевидно, что всѣмъ частямъ Россія слѣдуетъ нѣсколько лѣтъ прожить скромною жизнью, чтобы, собравшись съ силами, явиться съ новымъ блескомъ, уже не мишурнымъ, но дѣйствительно-золотымъ. Теперь необходимо сократить расходъ до послѣднихъ предѣловъ возможности и въ тоже время отыскивать новые источники народнаго богатства. Не повѣ-

---

*) Только это письмо Головнина писано по-русски; остальныя переведены съ Французскаго. П. Б.

рите, какъ намъ было грустно здѣсь, получивъ эти извѣстія. Я удивляюсь Великому Князю, который рѣшился на огромныя пожертвованія, вполнѣ понимая послѣдс твія ихъ. Въ будущую Субботу Его Высочество ѣдетъ съ Императрицею въ Геную, а во Вторникъ на нашей Святой недѣлѣ отправляется въ Тулонъ и 18 (30) Апрѣля будетъ въ Парижѣ. Въ половинѣ Іюня Его Высочество надѣется быть въ Россіи.

Искренно желаю вамъ здоровья, силъ и вдохновенія, или, вѣрнѣе сказать, благословенія свыше, чтобы созидать полезное для подвластныхъ вамъ народовъ.

Головнинъ.

Весьма бы желательно, чтобъ самопожертвованіе Генералъ-Адмирала возбудило благодарность и уваженіе, которыхъ онъ вполнѣ заслуживаетъ, и *чтобъ онъ узналъ, что лица, которыхъ онъ любитъ, одобряютъ его поступки.*

3.

Петербургъ, 25 Іюня 1857 г.

Великій Князь Генералъ-Адмиралъ писалъ вамъ вчера относительно плачевнаго состоянія нашихъ финансовъ и объ энергичныхъ мѣрахъ, вызванныхъ этимъ положеніемъ дѣлъ. Чтобы дать вамъ ясную идею объ нашихъ затрудненіяхъ, Его Высочество поручилъ мнѣ переслать вамъ при семъ прилагаемую записку *), прося васъ, ознакомившись съ нею, возвратить ее ему. Его Высочество сдѣлалъ невозможное въ своемъ вѣдомствѣ, уменьшивъ персоналъ флота, распустивъ 28 тыс. матросовъ, оставивъ массу построекъ и т. д. Дай Богъ, чтобы другія управленія послѣдовали его примѣру.

Наше путешествіе было очень интересно, хотя и утомительно. Мы успѣли во всемъ лучше, нежели того ожидали. Великій Князь дѣйствовалъ удивительно! Онъ постоянно наблюдалъ за собою, взвѣшивалъ свои слова, донельзя былъ любезенъ со всѣми и снискалъ вездѣ себѣ любовь и уваженіе. Чтó его болѣе всего поразило—это богатство Франціи и высокій умъ Наполеона. Мы въ подробностяхъ осмотрѣли всѣ военные Французскіе порты. Мы нашли тамъ громадные продовольственные запасы. Надо признаться, что послѣ такой морской войны, которая теперь окончена, Франція готова снова предпринять войну съ большими средствами и съ большею опытностью. Наполеонъ говорилъ Великому Князю о войнѣ спокойно, какъ о событіи принадлежащемъ исторіи. Онъ сказалъ, что союзники совершили цѣлую серію ошибокъ. Чтó меня въ особенности заинтересовало во Франціи, это изученіе административной системы, механизмъ высшаго управленія. Можно сказать, что это ассоціація дѣловыхъ людей, управляющихъ Франціею, какъ управляютъ торговымъ домомъ. Они ясно представляютъ себѣ цѣль, которой имѣютъ въ виду достигнуть, и ловко

*) Записки этой не оказалось; она вѣроятно была возвращена безъ снятой копіи

разсчитываютъ всѣ къ тому средства. Холодный, сухой, но умный и вѣрный разсчетъ, вотъ секретъ ихъ умѣнья; это ихъ девизъ, ихъ вся система. За ничто—ничто, и прибыль повсюду: это ихъ принципъ.

Императрица Евгенія весела, постоянно смѣется, но гораздо умнѣе чѣмъ о ней думаютъ. Однажды она сказала Киселеву: „еслибы мы захотѣли оставлять положеніе дѣлъ безъ перемѣны—намъ нужна Англія; если же захотимъ передѣлать карту Европы, то мы нуждаемся въ васъ". Важная задача не разрѣшена—это узнать, чего Наполеонъ хочетъ. Его задушевная мысль не угадана.

Безконечно сожалѣю, что путешествіе Великаго Князя, отложенное на будущій годъ, лишаетъ меня удовольствія видѣть васъ въ этомъ году на Кавказѣ. Баронъ Александръ Николаи недавно сообщалъ мнѣ о васъ и много говорилъ о системѣ разумнаго и превосходнаго управленія, которое вводите вы на Кавказѣ.

4.

Стрѣльна, 13 (25) Августа 1857 г.

Я только что получилъ ваше письмо отъ 31 Іюля и беру на себя васъ увѣрить, что Великій Князь Генералъ-Адмиралъ прекрасно разобралъ тетрадь - письмо, которое вы прислали Его Высочеству; онъ вамъ очень благодаренъ за это сообщеніе, выяснившее ему многое. Онъ вамъ напишетъ; но я долженъ васъ предупредить, что многія личности, очень высоко поставленныя, не понимаютъ здѣсь, чтобы невозможно было, при плачевномъ состояніи нашихъ финансовъ, сдѣлать на Кавказѣ нѣсколько сокращеній расходовъ въ крупныхъ размѣрахъ. Состояніе финансовъ не улучшается. Великій Князь возвратилъ въ казну милліонъ рублей серебромъ изъ суммъ, которыя Морское Министерство уже получило въ этомъ году и испрашиваетъ на будущій годъ сумму только въ 15 милліоновъ, т. е. на 4 милліона менѣе, чѣмъ было испрошено на текущій годъ. Этотъ результатъ получился весьма простымъ способомъ. Великій Князь предполагаетъ достигнуть черезъ 20 лѣтъ цыфры, которую Императоръ назначилъ для нашего флота. Будущій годъ будетъ первымъ этого двадцатилѣтняго періода, и всѣ наши морскія постройки разсчитаны на это число годовъ. Какъ только нашъ бюджетъ будетъ напечатанъ, я вамъ вышлю экземпляръ. Государь питаетъ большую дружбу къ своему брату и расширяетъ кругъ его административной дѣятельности. Его Величество уѣзжаетъ 22 Августа за границу и возвратится только 11 (23) Октября. На это время Великій Князь будетъ предсѣдательствовать въ коммиссіи правленія *). Онъ предсѣдательствуетъ уже въ главномъ финансовомъ комитетѣ, въ комитетѣ по дѣламъ раскольниковъ и числится членомъ комитета, которому поручено столь важное дѣло, какъ освобожденіе крестьянъ. Его Высочество предполагаетъ пробыть этою осенью въ Стрѣльнѣ, какъ можно дольше, чтобы Великая Княгиня болѣе спокойно могла оставаться у себя. Воды Эм-

*) Le Grand-Duc présidera la commission de régence.

са принесли ей болѣе вреда, нежели пользы, и она вернулась съ возбужденными нервами; неизвѣстно еще, гдѣ она проведетъ зиму. Императрица-мать рѣшилась провести зиму въ Петербургѣ. Ея послѣднее путешествіе обошлось въ 640000 р. серебромъ, не считая подарковъ, розданныхъ во время путешествія. Будущій годъ Великій Князь предполагаетъ сдѣлать путешествіе по Россіи, и я очень желалъ бы имѣть удовольствіе повидать васъ.

Невозможно написать всего, о чемъ можно было бы переговорить въ теченіе часа времени. Вы не можете повѣрить, какъ я сожалѣю, что путешествіе отложено на будущій годъ. Но нужно признаться, что это очень благопріятно отзовется здѣсь на дѣлахъ, тогда какъ отсутствіе Великаго Князя принесло бы имъ много вреда. Я недавно имѣлъ удовольствіе пожать руку другу дѣтства, барону Александру Николаи; мы съ нимъ долго разговаривали про обвиненія, которыя Петербургъ шлетъ по адресу Кавказскаго управленія изъ-за расходовъ. Я убѣжденъ, что незнаніе наибольшая причина этихъ обвиненій.

5.

С.-Петербургъ, 10 (22) Декабря 1857 г.

Пользуюсь отъѣздомъ Ханыкова, чтобы послать вамъ бумаги, которыя вы найдете въ этомъ письмѣ; онѣ васъ безъ сомнѣнія займутъ. Эти бумаги не были готовы, чтобы быть отправленными съ моимъ уважаемымъ другомъ, генераломъ Милютинымъ. Нужно вамъ сказать, что мы имѣемъ причины жаловаться на генерала. Онъ пріѣхалъ сюда очарованный Кавказомъ, какъ двадцатилѣтній юноша, увлекающійся своей любовницей и требующій отъ своей бѣдной матери, центральной Россіи, больной, разоренной, пользуемой несвѣдущими и неспособными врачами, невозможныхъ тратъ на пожертвованія въ пользу этой прекрасной иностранки, которая его (Милютина) околдовала и которая навѣрное не разъ ему измѣнитъ. Изъ прилагаемыхъ при семъ бумагъ вы увидите, въ какомъ состояніи находятся наши финансы и, если у насъ есть нѣсколько вѣроятій этому помочь, вы увидите, къ какимъ геройскимъ средствамъ долженъ прибѣгнуть Великій Князь Генералъ-Адмиралъ, чтобы поставить свои расходы въ уровень со средствами ему предоставляемыми и какіе ложные расчеты употребляются Военнымъ Министерствомъ, чтобы доказать Государю существованіе экономіи въ 20 милл., когда на самомъ дѣлѣ экономія есть только въ 3 милл. Вы не повѣрите, какъ я сожалѣю о вашемъ отсутствіи! Еслибы вы были здѣсь канцлеромъ Имперіи, военнымъ министромъ или все равно на какомъ посту, какъ другъ Государя, вашъ геній и ваше вліяніе имѣли бы благотворные результаты по всѣмъ отраслямъ государственнаго управленія, въ особенности на центральное управленіе, гдѣ столько важныхъ вопросовъ подлежитъ рѣшенію: освобожденіе крѣпостныхъ, дѣла раскольниковъ, а главное финансы—эта разъѣдающая наше сердце язва. Подумайте только, что по наименѣе преувеличеннымъ разсчетамъ народъ платитъ прямыхъ и косвенныхъ налоговъ 40% изъ своихъ доходовъ,

а казна получаетъ всего лишь половину. Послѣдняя ревизія доказала, что народонаселеніе уменьшилось, народъ съ каждымъ днемъ становится все бѣднѣе и бѣднѣе, дворянство все въ томъ же состояніи; а здѣсь и не думаютъ принимать рѣшительныхъ мѣръ изучить положеніе, по меньшей мѣрѣ представить Государю полную и откровенную картину нашего финансоваго положенія и послать за границу людей способныхъ изучить финансы тѣхъ странъ, гдѣ они достигли высшей степени превосходства. Теперь вы на краю Имперіи, и ваше вліяніе привлекаетъ къ той странѣ, счастливой имѣть васъ вице - королемъ, большія средства людьми и деньгами; но это вліяніе и этотъ административный геній не производительны собственно для Россіи.

Неоспоримые таланты Милютина также потеряны для большаго круга дѣятельности, который онъ могъ бы имѣть здѣсь, и онъ вамъ самъ скажетъ, имѣемъ ли мы здѣсь избытокъ людей способныхъ. Чѣмъ болѣе онъ привязывается сердцемъ къ Кавказу, тѣмъ это мнѣ больнѣе, такъ какъ въ самомъ дѣлѣ онъ мнѣ кажется способенъ забыть несчастную мать ради своенравной любовницы.

Великій Князь ничего не измѣнилъ въ планахъ своего путешествія. Перспектива этого путешествія по Волгѣ и Каспійскому морю, а также визитъ, который онъ вамъ сдѣлаетъ въ Тифлисѣ, все это ему очень улыбается. Боюсь, чтобы онъ не вернулся сюда съ тѣми же мыслями, какъ Милютинъ, что́ было бы крайно печально. Теперь, послѣ отъѣзда Милютина, у насъ остается генералъ Муравьевъ, старающійся всѣхъ заинтересовать Амуромъ и разными Китайскими провинціями, которыя онъ хотѣлъ бы захватить и имена которыхъ невозможны для Европейскаго языка. Онъ проситъ людей и милліоновъ и говоритъ съ энтузіазмомъ о дѣвственныхъ красотахъ Амура. Если повѣрить ему, это была бы обѣтованная земля, и Россія не жалѣла бы денегъ и арміи, чтобы утвердиться въ обладаніи этою молодою красавицей, прелестей которой мы всѣ понять не можемъ. Графъ Путятинъ и адмиралъ Завойко говорятъ намъ, напротивъ, что эта юная красота нѣчто въ родѣ дикарки, грязная, бѣдная и очень мало стоющая. Къ счастью генералъ Муравьевъ не обладаетъ талантомъ убѣдительности въ такой высокой степени, какъ мой достойный другъ генералъ Милютинъ, и я надѣюсь, что онъ не достигнетъ того успѣха, который увѣнчалъ порученіе послѣдняго. Я много удивлялся его великимъ изощреніямъ. Еслибы когда нибудь мнѣ пришлось тягаться въ судѣ предъ предубѣжденными противъ меня судьями, я былъ бы счастливъ имѣть его адвокатомъ. Оканчиваю это длинное письмо, прося извиненія за безпрестанныя жалобы и повторяю выраженіе искренняго и глубокаго сожалѣнія, зная, что вы привязаны и по всей вѣроятности надолго къ одной только провинціи Россіи, вмѣсто того, чтобы имѣть энергичное и благотворное вліяніе на всю. По моему убѣжденію роль Ришелье была бы болѣе полезна для Россіи, чѣмъ роль Бюжо, еслибы князь Барятинскій сталъ дѣлать выборъ изъ этихъ двухъ родовъ дѣятельности.

6.

С.-Петербургъ, 15 Декабря 1857 г.

Въ подкрѣпленіе нѣкоторыхъ мыслей, которыя я сообщилъ вашему сіятельству въ письмѣ, посланномъ черезъ г. Ханыкова, имѣю честь представить теперь свѣдѣнія относительно плачевнаго состоянія нашей православной церкви и полнаго отсутствія денегъ для расходовъ первой необходимости. Изъ этого вы усмотрите, какое жалованье имѣютъ католическіе епископы въ Россіи и какое содержаніе получаетъ наше духовенство въ тѣхъ же самыхъ городахъ. Развѣ не было бы справедливымъ, чтобы деньги, которыя платитъ православный крестьянинъ въ центральной Россіи, были употреблены прежде всего на его же страну и его церковь и чтобы остатокъ былъ назначенъ на нужды отдаленныхъ провинцій? Какъ было бы желательно для блага Россіи ваше присутствіе у центра власти, чтобы привести въ порядокъ распредѣленіе суммъ между различными отраслями администраціи, дабы расходовались деньги прежде всего на предметы первой необходимости, а потомъ уже на роскошь и другія фантазіи. Вѣрьте, князь, что не я одинъ живо сожалѣю о вашемъ отсутствіи и вашемъ отчужденіи отъ дѣлъ, гораздо болѣе важныхъ для славы Императора, нежели командованіе арміею противъ нѣсколькихъ горскихъ племенъ и управленіе Азіатской провинціею. Надо признаться, что съумѣли приковать орла къ высокимъ утесамъ Кавказа блестящими цѣпями, дабы помѣшать свершить полетъ, который могъ бы произвести цѣлую эпоху въ міровой исторіи. Не слѣдуетъ ошибаться, и нужно признать, что Россія вступаетъ въ новую фазу своего развитія и жизни.

7.

С.-Петербургъ, 18 Декабря 1857 г.

Съ тѣхъ поръ какъ я имѣлъ честь быть вамъ представленнымъ въ Николаевѣ, вы меня много разъ удостоивали вашимъ расположеніемъ; ваше искреннее желаніе административнаго улучшенія и общаго прогресса сдѣлало вашу славу для меня очень дорогою. Это меня ободряетъ въ моемъ желаніи обратить ваше вниманіе на одно обстоятельство, которое по всей вѣроятности было бы упущено вами среди вашихъ многочисленныхъ занятій и которое незамѣченнымъ прошло въ Кавказскомъ Комитетѣ: оно живо взволновало и печально поразило нашихъ молодыхъ законовѣдовъ. Дѣло касается 13-й статьи Устава управленія Мингреліей, утвержденнаго Государемъ 21 Октября и который только что напечатанъ въ нашихъ журналахъ. Эта статья гласитъ такъ: «Недовольные рѣшеніемъ Совѣта по тѣмъ дѣламъ гражданскимъ, окончательное рѣшеніе коихъ, по цѣнѣ иска, превышаетъ власть судовъ 2-й степени, могутъ приносить жалобы г. намѣстнику Кавказскому, который разрѣшаетъ оныя окончательно".

Въ первобытныхъ обществахъ военный начальникъ племени, который управляетъ правомъ физической силы, рѣшаетъ всѣ ссоры племени; но если

общество хоть немного организовано, всѣ гражданскія дѣла и процессы переносятся въ судъ, гдѣ они разсматриваются нѣсколькими членами и рѣшаются по большинству голосовъ. Начальника правленія, короля, императора или вице-короля необходимо избавить, на сколько возможно, отъ всякаго вмѣшательства въ денежныя дѣла, въ гражданскіе случаи и процессы, во первыхъ потому, что ему было-бы совершенно невозможно изучать эти дѣла въ такихъ подробностяхъ, чтобы ихъ разсудить по всей справедливости, и во вторыхъ одна изъ сторонъ всегда будетъ недовольна рѣшеніемъ, а нужно избѣгать, чтобы народъ былъ недоволенъ своимъ властителемъ или своимъ правителемъ. У. насъ въ Россіи Сперанскій организовалъ суды такъ, что Государь призывается высказать свое мнѣніе въ гражданскихъ дѣлахъ въ весьма рѣдкихъ случаяхъ. Бываетъ, что онъ приказываетъ, чтобы дѣло было вновь разсмотрѣно судомъ въ другомъ составѣ; но очень рѣдко случается, чтобы онъ самъ рѣшалъ процессъ. Мингрелія не находится въ такомъ варварскомъ и первобытномъ общественномъ положеніи, чтобы тамъ могли судить совѣты и суды по утвержденнымъ для нея новымъ уставамъ. Но тяжело видѣть, что намѣстникъ Государя могъ бы быть поставленъ въ положеніе, совершенно противное понятіямъ административной науки. Это меня тѣмъ болѣе огорчаетъ, что исторія нашего времени говоритъ очень немного о сраженіяхъ, выигранныхъ или потерянныхъ, и болѣе не ослѣпляется блескомъ, которымъ прежде сопровождались военные подвиги, но судитъ владыкъ по ихъ законодательнымъ и административнымъ дѣяніямъ. Вѣроятно, что господа военные въ настоящихъ обстоятельствахъ не придадутъ той же важности дѣлу, такъ поразившему законовѣдовъ; но вѣдь не военные будутъ писать исторію управленія Кавказомъ. Впрочемъ, было бы очень легко помочь злу и въ тоже время принести большую пользу судебнымъ дѣламъ Кавказа вообще: надо бы создать въ Тифлисѣ, по примѣру Варшавы, два департамента Сената. Это не потребовало бы даже большаго расхода, такъ какъ нужно лишь перевести въ Тифлисъ сенаторовъ, излишекъ которыхъ есть въ Петербургѣ и Москвѣ, да часть ихъ канцелярій. Тогда всѣ дѣла важнаго судопроизводства гражданскаго и уголовнаго были бы рѣшаемы Кавказскимъ сенатомъ, не нуждаясь въ отправкѣ въ Москву и не затрудняя князя-намѣстника.

Прошу у васъ извиненія за откровенность этого письма. Вы можете передать мнѣ одно слово чрезъ генерала Милютина, чтобы это письмо было послѣднимъ. Я думалъ, что всегда полезно слышать мнѣніе противное нашему; но я не имѣю ни малѣйшаго поползновенія предполагать, чтобы мое было наилучшимъ.

Глава IV.

Политика Англіи и экспедиціи авантюристовъ къ восточному берегу Чернаго моря.—Взгляды по этому поводу князя Барятинскаго.—Объѣздъ Сѣвернаго Кавказа. — Устройство Военно-Грузинской дороги.—Поѣздка по Лѣвому крылу до Хасавъ-Юрта.—Рекогносцировка въ Аухъ.—Посѣщеніе Ставрополя, Праваго крыла, Пятигорска.—Возвращеніе въ Тифлисъ.—Безпрерывность и настойчивость военныхъ дѣйствій.—Дѣла въ Чечнѣ и Салатавіи.—Овладѣніе Аргунскимъ ущельемъ. —Дѣйствія Лезгинскаго отряда.—Смерть барона Вревскаго и приказъ объ этомъ по арміи.—Взятіе Веденя.—Письмо князя къ Евдокимову и отвѣтъ его.—Предположенія на 1859-й годъ.

Въ Мартѣ 1856 года былъ подписанъ въ Парижѣ мирный договоръ. Западныя державы достигли цѣли: наше могущество на Черномъ морѣ было уничтожено, вліяніе на Балканскомъ полуостровѣ подорвано. Казалось, послѣ трехъ лѣтъ тревогъ и кровавой борьбы, потребовавшей отъ всѣхъ участниковъ столькихъ жертвъ, можно было успокоиться; можно было надѣяться, что наши противники, по крайней мѣрѣ, съ уваженіемъ отнесутся къ своимъ собственнымъ подписямъ, такъ торжественно приложеннымъ въ Тюльерійскомъ дворцѣ къ мирному трактату. Но лишь незнакомство съ традиціями коварной Англійской политики могло допускать подобныя предположенія...

Не прошло нѣсколькихъ мѣсяцевъ, уже дошли до насъ слухи, что въ Константинополѣ, при содѣйствіи Англійскаго посла лорда Редклифа и послушной его волѣ Оттоманской Порты, снаряжается экспедиція къ берегамъ Чернаго моря для снабженія Черкесовъ предводителями изъ разныхъ авантюристовъ и средствами въ борьбѣ съ нами. Князь Горчаковъ, основываясь на свѣдѣніяхъ своихъ дипломатовъ, вполнѣ успокоивалъ князя Барятинскаго на счетъ этихъ слуховъ. И дѣйствительно, казалось немыслимымъ допустить, чтобы въ мирное время, на глазахъ столькихъ державъ, взаимно обязанныхъ соблюдать недавно заключенный трактатъ, 4—5 тысячъ человѣкъ, вооруженныхъ Европейскими винтовками, снабженныхъ артилеріей и всякими военными запасами,

садились на корабли и переплывали Черное море, какъ будто безъ вѣдома Турецкаго правительства и лорда Редклифа. А между тѣмъ это совершилось фактически, и вся Европа, конечно, объ этомъ узнала и, быть можетъ, улыбалась, видя, какъ мы наивно возмущаемся...

Князь Барятинскій полагалъ, что этотъ случай давалъ наилучшій поводъ Франціи отказаться отъ коварной дружбы Англичанъ, загребавшихъ въ то время жаръ руками Наполеона. Но этого не случилось.

Въ тоже время Англія, подъ пустымъ предлогомъ, затѣяла войну съ Персіей, и это было, по мнѣнію князя Барятинскаго, ничѣмъ инымъ, какъ продолженіемъ борьбы, предпринятой ею противъ насъ на Востокѣ. Лондонскій кабинетъ, чтобы подготовить умы и скрасить впечатлѣнія договора, который онъ имѣлъ намѣреніе заключить съ Персіей, распространялъ слухи о существованіи якобы тайнаго договора между Россіей и Персіей; а самъ между тѣмъ включалъ въ вынужденный отъ Персіи трактатъ такія условія: право прямаго вмѣшательства въ дѣла Афганистана, учрежденіе Англійскихъ консульствъ вездѣ, гдѣ мы ихъ имѣемъ, слѣдовательно и на берегахъ Каспійскаго моря. Очевидно, результатомъ этого было бы: первенство Англійской политики въ Персіи, упроченный протекторатъ надъ Кабуломъ и Гератомъ, дающій ходъ интригамъ и возможность вторгнуться въ Каспійское море Англійскому флоту, для поддержки всякой враждебной намъ попытки со стороны Туркестана и облегченія Англійскимъ агентамъ способовъ вести враждебную намъ пропаганду и въ Закавказьѣ.

Князь Барятинскій ясно сознавалъ всю опасность очевидной, упорной борьбы, продолжаемой Британскимъ правительствомъ противъ Россіи. Какъ правитель края, ближайшаго къ театру дѣйствій, онъ не могъ относиться пассивно къ подобному положенію, и потому писалъ въ Петербургъ о необходимости предупредительныхъ мѣръ. Онъ полагалъ: во 1-хъ, привлечь на нашу сторону Туркменъ, предложивъ имъ выгодныя условія найма ихъ рыболовныхъ тоней и якор-

ныхъ мѣстъ, въ особенности у острова Челекеня (одного изъ важныхъ пунктовъ восточнаго берега Каспійскаго моря, служащаго нашему флоту вторымъ якорнымъ мѣстомъ), дѣйствуя однако въ этомъ случаѣ весьма осторожно, чтобы не возбудить неудовольствія Персіи, косо смотрящей на сношенія съ Туркменами, на которыхъ она предъявляетъ свои права. Во 2-хъ, предупреждать тѣ сдѣлки, какія Англичане неизбѣжно предложатъ Туркменамъ, держась этой системы и съ прибрежными, и съ другими туземцами внутри страны. Наблюденіе за восточнымъ берегомъ Каспія поручить Астраханскому губернатору Васильеву. Въ 3-хъ, вступить тотчасъ, при помощи дипломатическихъ агентовъ, въ сношенія съ владѣтелями Средней Азіи. Въ 4-хъ, немедленно приступить къ пересмотру торговаго договора съ Персіей, напримѣръ, пунктовъ о внутренней торговлѣ, судебномъ утвержденіи векселей и т. д. При этомъ случаѣ, съ помощью Садръ-Азама, повидимому готоваго намъ помочь, обезпечить наши права на Каспіи и, по возможности, парализовать тревожные результаты перевѣса Англіи. Было бы, конечно, еще полезнѣе военное занятіе Мазандэрана на нѣкоторое время. Излагая это въ письмѣ отъ 13 Марта 1857 г., князь Барятинскій добавилъ: „изучивъ тщательнѣе наши выгоды и наши средства, мы конечно увидимъ ясно и вполнѣ, какія мѣры слѣдуетъ принять, чтобы обезпечить нашу будущность въ этихъ странахъ и предупредить затрудненія, которыя приготовляются намъ нашими противниками“.

Чрезъ двѣ недѣли послѣ этого письма, 27 Марта, князь опять возвращался къ занимавшему его предмету и писалъ въ Петербургъ, что онъ опасается, какъ бы Англичане не остались совсѣмъ въ Персидскомъ заливѣ, сохранивъ этотъ пунктъ (примыкающій къ проектируемой ими желѣзной дорогѣ до Евфрата), какъ военную стоянку, угрожающую Персіи и упрочивающую ихъ торговое вліяніе, при поддержкѣ силою оружія. Такимъ намѣреніямъ, по мнѣнію князя, слѣдуетъ противопоставить подобный же перевѣсъ на Сѣверѣ Персіи и на границѣ Афганистана, для чего полезно было бы, съ согласія Персіи, занять подходящее мѣсто между рѣками Атре-

комъ и Гургенемъ. Съ этого пункта мы могли бы наблюдать за Персіею, господствовать надъ Туркменами, заставили бы дрожать Хивинскаго хана и очутились на дорогѣ чрезъ Мешхедъ къ Герату и Кабулу. Такимъ образомъ, мы предотвратили бы послѣдствія договора Персіи съ Англіею, могущаго навсегда закрѣпить вліяніе ея на Гератъ и Среднюю Азію. „Да и война, продолжаетъ князь, неизбѣжная въ будущемъ, поставила бы насъ безъ этаго въ болѣе затруднительное положеніе: ибо Англичане, расположась въ Персидскомъ заливѣ, у Кандагара, Кабула и Герата, войдутъ въ сношенія съ Среднеазіатскими ханами и засыпятъ ихъ золотомъ. А если бы имъ еще удалось возвратить себѣ расположеніе Персіи, оскорбленной недавнимъ унизительнымъ договоромъ, то возможность возстановить наше политическое положеніе оказалась бы весьма сомнительной. Было бы также очень важно для насъ имѣть на нашей сторонѣ Францію или, по крайней мѣрѣ, ея рѣшительный нейтралитетъ; а дѣятельныя мѣры наши противъ перевѣса Англіи въ этой части Востока произвели бы серьезный кризисъ: ей пришлось бы двинуть на край свѣта всѣ свои военныя силы, и что́ было бы пощажено штыками и пушками нашей арміи—погибло бы отъ климата и различныхъ невзгодъ въ этихъ странахъ. „Сомнѣваюсь, чтобы они допустили такой оборотъ дѣлъ; потому что тогда бы наша дипломатія заговорила согласно съ нашимъ положеніемъ. И такъ, по моему мнѣнію надобно какъ можно скорѣе завладѣть мѣстомъ, о которомъ я сказалъ выше“, прибавлялъ князь Александръ Ивановичъ, настаивая при этомъ случаѣ и на необходимости скорѣйшей постройки желѣзной дороги за Кавказомъ.

Если опасенія его не вполнѣ оправдались, то едва ли не благодаря возникшему вскорѣ возстанію Сипаевъ въ Индіи, вынудившихъ Англію обратить туда свое главное вниманіе и всѣ военныя средства; обстоятельство, конечно, никѣмъ не предвидѣнное.

Не слѣдуетъ забывать, что это было писано 32 года тому назадъ. Почти все по мысли князя Барятинскаго осу-

ществилось, только, къ сожалѣнію, гораздо позже. Теперь обстоятельства измѣнились, и все вышеписанное интересно, какъ историческая справка и какъ подтвержденіе моихъ словъ на счетъ взглядовъ князя Барятинскаго на наши политическія дѣла.

Приходилось однако принять мѣры противъ непрошенныхъ гостей, высадившихся на нашъ Восточный берегъ Чернаго моря. Князь Александръ Ивановичъ счелъ нужнымъ поторопиться посѣщеніемъ Сѣвернаго Кавказа, котораго онъ, со времени назначенія главнокомандующимъ, еще не видѣлъ; къ тому же, съ Западною частью края онъ вообще весьма мало былъ знакомъ.

12 Апрѣля 1857 года князь выѣхалъ изъ Тифлиса и 13-го утромъ прибылъ въ Коби, послѣ труднаго ночнаго переѣзда чрезъ горы, еще покрытыя глубокимъ снѣгомъ.

Давно знакомый съ Военно-Грузинской дорогой, этой важной артеріей, связывающей Россію съ Закавказскимъ краемъ, и не разъ испытавшій трудность сообщенія по ней, князь въ этотъ разъ окончательно рѣшилъ, не теряя времени, серьезно приступить къ ея разработкѣ. Хотя иниціатива постройки шоссе принадлежала генералу Муравьеву, который въ 1855 году, тотчасъ по прибытіи на Кавказъ, приказалъ приступить къ производству изысканій и составленію проекта, но приведеніе этого въ исполненіе принадлежитъ всецѣло энергіи и настойчивости князя Барятинскаго.

Начало изысканій инженера путей сообщенія Статковскаго относится къ веснѣ 1856 года, а окончаніе къ началу 1857 года. Г. Статковскій и еще другой инженеръ Богушевичъ были командированы княземъ Барятинскимъ за границу для изученія шоссейныхъ дорогъ, проложенныхъ чрезъ высокіе горные хребты. Въ 1858 году состоялось Высочайшее утвержденіе проекта, составленнаго Статковскимъ, и для производства работъ ассигнованъ милліонъ рублей. Въ 1859 году князь Александръ Ивановичъ имѣлъ удовольствіе проѣхать по дорогѣ, разработанной въ чернѣ, только въ половину ширины пути; но вполнѣ построеннаго шоссе не довелось ему видѣть. Хотя оно въ 1861 году было уже готово, но

князь Барятинскій уѣхалъ больной изъ Тифлиса въ Апрѣлѣ 1861 года чрезъ Кутаисъ, по Черному морю.

Постройка этого шоссе была великимъ благодѣяніемъ для всего Кавказскаго края и, можно сказать, даже для всего государства. Нужно было видѣть, какія бѣдствія испытывались на этой дорогѣ всѣми проѣзжающими, проходящими войсками и транспортами, сколько гибло людей и животныхъ, сколько затрачивалось денегъ, какія затрудненія возникали во времена войнъ за Кавказомъ, чтобы судить о значеніи благодѣянія, оказаннаго постройкою этого образцоваго шоссе, еще болѣе усовершенствованнаго впослѣдствіи, при преемникѣ князя Барятинскаго, Великомъ Князѣ Михаилѣ Николаевичѣ.

На второмъ зигзагѣ Млетскаго подъема, у базальтовыхъ столбовъ, вдѣлана въ скалу бронзовая доска, съ слѣдующею надписью: „Въ управленіе намѣстника Кавказскаго князя Барятинскаго, построено шоссе чрезъ перевалъ Кавказскихъ горъ, инженеръ-подполковникомъ Статковскимъ, по его же проекту. Въ управленіе путями сообщенія на Кавказѣ инженеръ генералъ-маіора Альбранда. 1857—1861 г.“.

И до сихъ поръ благословляютъ имя князя Барятинскаго всѣ, кому приходится ѣхать по этой дорогѣ, и особенно всѣ туземцы, столько страдавшіе на прежнемъ ужасномъ пути.

Въ Коби главнокомандующаго встрѣтилъ генералъ Евдокимовъ. Нечего и говорить, какъ любезно былъ онъ принятъ, послѣ такихъ успѣшныхъ дѣйствій его въ Чечнѣ минувшею зимою. Впрочемъ, князь Александръ Ивановичъ имѣлъ способность очаровывать всѣхъ своимъ пріемомъ, отличавшимся отсутствіемъ всякой слащавой любезности, но полнымъ достоинства и безъ внушенія чувства страха. Пишущій эти строки былъ въ Коби при встрѣчѣ, вмѣстѣ съ генераломъ Евдокимовымъ, и затѣмъ въ числѣ сопровождавшихъ князя по Лѣвому крылу; слѣдовательно, имѣлъ достаточно случаевъ наблюдать и основывать свои слова на дѣйствительности.

Проѣхавъ изъ Владикавказа по Сунжинской линіи въ Грозную, князь Барятинскій оставался здѣсь четыре дня. О встрѣчахъ и оваціяхъ говорить не буду; торжество было все-

общее, и особенно поражали насъ Чеченцы своими искренними проявленіями радости. Недавніе враги, упорно защищавшіе каждый оврагъ, каждый кустъ на пути отрядовъ, предводимыхъ княземъ Барятинскимъ, выселившись затѣмъ подъ защиту нашихъ крѣпостей, они теперь окружали его и шумными, благодарными восклицаніями выражали удовольствіе своимъ положеніемъ, которымъ вполнѣ обязаны его же распоряженіямъ.

22 Апрѣля князь Александръ Ивановичъ переправился чрезъ Аргунъ, у недавно построеннаго укрѣпленія Бердыкеля и до Шалинскаго укрѣпленія, по гладкой, ровной дорогѣ, съ однимъ коннымъ конвоемъ, мы проѣхали безъ выстрѣла. На другой день, съ нѣсколько усиленнымъ коннымъ прикрытіемъ, поѣздъ проѣхалъ всю Чечню. Непріятель издалека слѣдилъ за нами, велъ съ фланкёрами перестрѣлку и пустилъ къ намъ нѣсколько ядеръ. Потеря за все время этого путешествія ограничилась 9-ю раненными. У Гельдыгена баронъ Николаи встрѣтилъ главнокомандующаго со всѣми пятью баталіонами Кабардинскаго полка, огласившими воздухъ громкими ура! въ честь своего бывшаго полковаго командира. Здѣсь же ожидали князя покорные представители населенія Кумыкской плоскости и вновь переселившихся Качкалыковскихъ Чеченцевъ. Чрезъ шесть часовъ поѣздъ изъ Шали прибылъ въ лагерь на Хоби-Шавдонъ, а послѣ ночлега здѣсь, чрезъ Куринское и Герзель-аулъ, князь пріѣхалъ въ Хасавъ-юртъ. Тогда объ этомъ проѣздѣ можно было весьма кстати сказать: „свѣжо преданіе, а вѣрится съ трудомъ!“ Если читатель вспомнитъ, что́ разсказано въ главахъ I-го тома о военныхъ дѣйствіяхъ 1850—53 годовъ въ Чечнѣ, и сопоставитъ это съ такой поѣздкой, какую совершалъ теперь главнокомандующій, то не удивится, что я выше назвалъ результаты, достигнутые зимою 1856—1857 года, огромными.

Хотя и работы прежнихъ лѣтъ уже были достаточно велики, но безъ послѣдне-прорубленныхъ просѣкъ, безъ возведенія укрѣпленій въ Шали и Хоби-Шавдонѣ, безъ вынужденнаго удаленія массы непокорныхъ Чеченцевъ далѣе къ горамъ, а части въ наши владѣнія, такое путешествіе мог-

ло бы совершиться развѣ подъ прикрытіемъ сильнаго отряда и съ значительными потерями. Успѣхъ былъ слишкомъ очевидный.

Въ Хасавъ-юртѣ, который основанъ и построенъ княземъ въ бытность его командиромъ Кабардинскаго полка, гдѣ все было ему знакомо, гдѣ почти всѣ знали, помнили и любили его, пріемъ своею искренностью превосходилъ всѣ другіе. Вспоминаю при этомъ случаѣ замѣчательный отвѣтъ одного солдата. На устроенномъ отъ полка праздникѣ, солдатъ, разносившій на подносѣ стаканы съ пуншемъ, подошелъ къ главнокомандующему; князь взялъ стаканъ, выпилъ глотокъ и сказалъ: „у, какой крѣпкій!“ Да и полкъ-то крѣпкій, ваше сіятельство“, отвѣчалъ солдатъ.

27 Апрѣля была произведена рекогносцировка въ Аухъ; отрядъ состоялъ изъ 6-ти баталіоновъ пѣхоты, 6-ти эскадроновъ драгунъ, нѣсколькихъ сотенъ казаковъ и 10-ти орудій. Доступъ въ Ауховское общество преграждался прежде непріятельскимъ укрѣпленіемъ, извѣстнымъ подъ названіемъ Гойтемировскіе ворота. Зимою 1856 — 1857 г., эта преграда была уничтожена, прорублена широкая просѣка, и доступъ сталъ совершенно свободнымъ. Разстояніе отъ Хасавъ-юрта верстъ 15, по рѣкѣ Ярыкъ-Су. Здѣсь князь Барятинскій совѣщался съ генер. Евдокимовымъ и прибывшимъ изъ Темиръ-Ханъ-Шуры командующимъ войсками въ Дагестанѣ, княземъ Орбельяни; рѣшено было прочное занятіе Ауха съ одной и Салатавіи съ другой стороны, и перенесеніе штабъ-квартиръ полковъ (Кабардинскаго и Дагестанскаго, перваго въ Аухъ, втораго въ Салатавію), затѣмъ открытіе свободнаго, обезпеченнаго между этими пунктами сообщенія, что̀ окончательно связывало Лѣвое крыло съ Дагестаномъ. Все это вскорѣ и было приведено въ исполненіе *). Рекогносцировка прошла совершенно спокойно, и только при возвращеніи въ цѣпи раздалось нѣсколько выстрѣловъ, ранившихъ одного рядоваго.

Сообщая о своей поѣздкѣ военному министру, князь Барятинскій, между прочимъ, писалъ: „Все видѣнное мною пре-

*) За исключеніемъ, впрочемъ, перевода штабъ-квартиры Кабардинскаго полка изъ Хасавъ-юрта; это найдено было лишнимъ. и ограничились лишь постройкою укрѣпленія Кишень-Ауха.

взошло самыя смѣлыя ожиданія; еще годъ другой, и Чечня, безъ сомнѣнія, будетъ повергнута къ стопамъ Государя". Это были очень скромныя надежды въ сравненіи съ тѣмъ, что́ вскорѣ послѣдовало въ дѣйствительности.

28 числа князь Барятинскій уѣхалъ по Тереку въ Ставрополь, оттуда въ Черноморію, послѣ въ Керчь, возвратился на Лабу и въ собранный на рѣкѣ Бѣлой Майкопскій отрядъ. Затѣмъ онъ посѣтилъ Кисловодскъ и Пятигорскъ, а изъ Владикавказа совершилъ поѣздку по правому берегу Терека, для осмотра работъ по проведенію дороги въ Джераховское ущелье. Работы были начаты при генералѣ Муравьевѣ; но князь вскорѣ приказалъ ихъ прекратить, по совершенной безполезности.

Послѣдствія осмотра Праваго крыла выразились въ личномъ ознакомленіи князя съ мѣстными условіями и въ опредѣленіи дальнѣйшаго плана военныхъ дѣйствій. Изъ письма въ Петербургъ, отъ 22 Мая, видно, что князь нашелъ равнину между Кубанью и горами, прорѣзанную параллельно-вытекающими изъ горъ рѣками, вполнѣ пригодною для большаго военнаго поселенія, которое должно питать и поддерживать регулярныя войска, имѣющія подвигаться по ущельямъ къ главной цѣпи горъ. Съ этою цѣлью Майкопъ и Адагумъ были уже заняты, а наиважнѣйшимъ предметомъ въ то время князь считалъ колонизацію равнины, для чего онъ предполагалъ переводить казаковъ съ старыхъ поселеній за Кубань, замѣщая ихъ переселенцами съ Дона, внутреннихъ губерній и т. п. Этимъ способомъ мы господствовали бы надъ равниной, храброе населеніе пользовалось бы природными богатствами, а войска, подвигаясь къ горамъ, стѣсняли бы тамъ Черкесовъ. Однако, требовалось еще усилить Правое крыло войсками, чтобы достигнуть главнаго результата, т. е. возможности въ будущемъ уменьшить количество войскъ. Отъ ожидаемыхъ на Лѣвомъ крылѣ успѣховъ зависѣла возможность двинуть за Кубань еще одну бригаду, для нанесенія задуманнаго сильнаго удара.

Такимъ образомъ, главная роль, по прежнему, осталась за генераломъ Евдокимовымъ, и съ Лѣваго крыла долженъ былъ послѣдовать рѣшительный ударъ Восточному Кавказу.

Слѣдуя своей системѣ непрерывныхъ дѣйствій, для которой теперь уже не встрѣчалось препятствій ни въ недостаткѣ войскъ, ни въ предѣлахъ власти, князь Барятинскій поставилъ ее главнымъ условіемъ генералу Евдокимову. Н. И. Евдокимовъ, по своей настойчивости въ достиженіи намѣченныхъ цѣлей, былъ именно человѣкъ, вполнѣ соотвѣтствовавшій такой системѣ, и слѣдовалъ онъ ей безупречно. А все еще были случаи, когда главнокомандующій не совсѣмъ былъ доволенъ и даже вызвалъ разъ генерала Евдокимова въ Тифлисъ, гдѣ и упрекнулъ его въ недостаточной настойчивости *).

Дѣйствія почти не прекращались. Лѣтомъ въ Чечнѣ истреблялись посѣвы, производились усиленныя фуражировки на непріятельскихъ поляхъ и т. п.; осенью генералъ Евдокимовъ перенесъ дѣйствія въ Малую Чечню и уже не въ видѣ безплоднаго набѣга: вся мѣстность между Мартаномъ и Гойтой, по Энгелику, до Воздвиженской, была очищена отъ непокорнаго населенія, не взирая на упорную защиту; всѣ аулы съ запасами истреблены, прорублены просѣки, изслѣдованы всѣ пути сообщенія къ Аргунскому ущелью, въ которое предполагалось вскорѣ наступленіе. Сунжинская линія обезпечена отъ постоянныхъ набѣговъ и тревогъ.

Изъ Малой Чечни генералъ Евдокимовъ прошелъ чрезъ Большую на Куринское и оттуда въ Аухъ. Въ теченіе 20 дней здѣсь было построено укрѣпленіе, прорублены широкія просѣки, разработаны дороги, и у непріятеля отрѣзана значительная полоса удобныхъ земель. Многіе жители изъявили покорность и выселились къ намъ. Шамиль сознавалъ совершенное безсиліе сопротивляться. Мы близились уже къ самымъ крѣпкимъ опорамъ его власти: къ Ичкеріи и Веденю.

Покончивъ здѣсь дѣло, отрядъ генерала Евдокимова опять обрушился на остатки непокорнаго населенія Большой Чечни. Наконецъ, терпѣніе Чеченцевъ истощилось, бѣдствія ихъ

---

*) Въ 1857 г. князь Барятинскій командировалъ своего начальника штаба въ Петербургъ для подробныхъ докладовъ Государю и военному министру и объясненій по разнымъ болѣе сложнымъ вопросамъ. Изъ Петербурга генералъ Милютинъ сообщалъ князю результаты своихъ докладовъ въ цѣломъ рядѣ писемъ, которыя и помѣщены въ приложеніи къ этой главѣ (конечно, съ неизбѣжными пропусками.)

достигли невыносимыхъ дальше размѣровъ; наши войска стали уже между ними и горами; надежды на сопротивленіе исчезли, и они стали цѣлыми толпами выходить къ намъ. Въ одну ночь, напримѣръ, явились 400 семействъ, съ остатками своего скарба, и подъ нашимъ прикрытіемъ двинулись къ Аргуну, для поселенія на указанныхъ мѣстахъ. Когда разсвѣло, прибыло еще 200 семействъ; вскорѣ цифра достигла 2,000 семействъ, и такимъ образомъ все населеніе Чеченской плоскости было покорено.

Да, конецъ былъ близокъ, хотя далеко не всѣмъ еще виденъ...

„Чечня горитъ“, писали наибы Шамилю: „Имамъ, иди тушить!“ Но такихъ огнегасительныхъ средствъ, чтобы залить пожаръ Чечни, у него не было въ распоряженіи; ему уже представлялись другія, болѣе жгучія заботы: онъ лучше многихъ, даже нашихъ генераловъ, видѣлъ, что близится роковой ударъ его власти, его созданію, его четверть - вѣковой работѣ *).

Многія укрѣпленія, воздвигнутыя разновременно и оставшіяся въ тылу, по мѣрѣ нашего движенія впередъ, отвлекали значительное число войскъ въ ненужные гарнизоны. Поэтому, въ 1857 г. упразднено шесть мелкихъ укрѣпленій, а устроено одно новое, водворены двѣ станицы на Сунжѣ, и открытъ свободный проѣздъ въ Грозную, безъ военныхъ конвоевъ. Навагинскій полкъ выведенъ изъ Владикавказа на Сунжинскую линію, для сближенія съ театромъ дѣйствій.

Когда все это совершалось на Лѣвомъ крылѣ, со стороны Дагестана князь Орбельянъ перешелъ Теренгульскій оврагъ и, обезпечивъ свои сообщенія съ Темиръ-Ханъ-Шурой, приступилъ къ устройству около Стараго Буртуная укрѣпленной штабъ-квартиры Дагестанскаго пѣхотнаго полка. Возведеніе Русскими крѣпости привлекло въ Салатавію толпы горцевъ. Шамиль употребилъ всѣ средства, чтобы остановить начальныя работы, но ничего не могъ сдѣлать. Скопище,

*) Были и такіе у насъ, даже повидимому умные люди, которые осуждали всю систему послѣднихъ дѣйствій въ Чечнѣ, основанной якобы на разбросанности войскъ, и предсказывали ей не только плачевный результатъ, но даже неминуемую катастрофу.

пытавшееся отрѣзать сообщеніе отряда съ укрѣпленіемъ Евгеніевскимъ, было прогнано; укрѣпленіе, выстроенное Шамилемъ въ нѣсколькихъ верстахъ отъ Буртуная, взято штурмомъ. Къ зимѣ Дагестанскій полкъ расположился въ своей новой штабъ-квартирѣ.

Одновременно съ Салатавской экспедиціей, войска Лезгинской линіи перешли горы и разгромили большую часть Дидойскаго общества. Наши войска нѣсколько разъ уже проникали въ Дидойскія земли, служившія постояннымъ притономъ шаекъ, грабившихъ Кахетію; но эти экспедиціи были только быстрыми вторженіями. Въ 1857 году Лезгинскій отрядъ шелъ медленно, прокладывалъ за собой дорогу, разорялъ Дидойскія селенія до основанія, истребилъ посѣвы и оставилъ Дидойцамъ на выборъ—или гибель отъ голода и холода, или переселеніе на плоскость. На этотъ разъ нагорные Лезгины устояли, не переселились, хотя и гибли зимою. Отвлекаемый Салатовскимъ отрядомъ, Шамиль оставилъ Дидойцевъ безъ защиты.

Начало 1858 г. ознаменовалось новыми успѣхами. 21 Января генералъ Евдокимовъ взялъ штурмомъ завалы, нагроможденные горцами въ устьѣ Аргунскаго ущелья и, ворвавшись въ долину, образуемую сліяніемъ рѣкъ Чанты и Шаро-Аргуна, заложилъ укрѣпленіе Аргунское, на мѣстѣ аула Дачу-Барзой. Какъ только работа достаточно подвинулась, отрядъ перешелъ за Шаро-Аргунъ и открылъ просѣку на вершину Даргинъ-Дука, составляющаго отрогъ Андійскаго хребта; съ этого мѣста открывается удобный путь по голымъ вершинамъ, въ тылъ Ичкеріи. Однимъ открытіемъ просѣки мы на долго приковали все вниманіе непріятеля и главныя его силы со стороны Чечни къ вершинѣ Даргинъ-Дука и чрезъ то получили просторъ гораздо свободнѣе дѣйствовать въ другія стороны.

Для облегченія предстоявшей лѣтней экспедиціи въ глубь горъ оставалось сбить остальное населеніе Малой Чечни, гнѣздившееся въ предгоріяхъ. Это племя уже къ прошлой осени было разстроено нанесеннымъ ему пораженіемъ. Новое движеніе генерала Евдокимова рѣшило дѣло. Жители Малой Чечни покорились безъ боя. Имъ нельзя было отодвигаться

дальше въ горы, заселенныя другими обществами. Около 15 тысячъ душъ переселилось на плоскость въ отведенныя имъ мѣста.

Охраненіе вновь занятыхъ пунктовъ, требовавшихъ продолженія работъ, не дозволяло распустить Чеченскій отрядъ и по окончаніи зимнихъ дѣйствій. Онъ долженъ былъ въ сборѣ дожидаться лѣтней экспедиціи. Въ этомъ промежуткѣ времени упразднены укрѣпленія Урусъ-Мартанъ и Куринское, сдѣлавшіяся ненужными послѣ покоренія Чеченской плоскости.

Между тѣмъ начались безпокойства въ Военно-Осетинскомъ округѣ. Давно покорное общество Назрановцевъ и полупокорныя общества Галашевцевъ, Карабулаковъ и Ингушей находились въ самомъ безпорядочномъ состояніи и держали у себя открытый притонъ разбойникамъ. Положено было ввести у нихъ устройство, существующее съ такою очевидною пользою у мирныхъ Чеченцевъ, и для того поселить ихъ большими аулами. Назрановцы взбунтовались, возмутили сосѣдей и призвали Шамиля. Быстрыя мѣры, принятыя генераломъ Евдокимовымъ, подавили бунтъ въ зародышѣ; скопище Шамиля было разбито подъ Ачхоемъ.

Не смотря на временное отвлеченіе войскъ къ сторонѣ Назрана, лѣтняя экспедиція началась какъ было предположено. 1-го Іюня главный отрядъ былъ сосредоточенъ въ новомъ укрѣпленіи Аргунскомъ. Удерживая демонстраціями непріятельское скопище на Даргинъ-Дукѣ, генералъ Евдокимовъ внезапно двинулся чрезъ хребетъ Мескенъ-Дукъ и занялъ внутреннюю опушку лѣснаго пояса, ограждающаго нагорную Чечню. Здѣсь онъ остановился, чтобы проложить прочное сообщеніе въ тылу и расчистить впереди дорогу къ Шатоевской долинѣ, владѣніе которою передавало нашей власти все теченіе Аргуна.

Тѣмъ временемъ войска Кавказской арміи двинулись въ горы съ восточной и южной сторонъ. Баронъ Вревскій перешелъ становой хребетъ и вступилъ въ общество Капучу *).

*) Къ сожалѣнію, при штурмѣ аула Китури, мы понесли значительную потерю, и въ томъ числѣ самъ генералъ баронъ Ипполитъ Александровичъ Вревскій былъ тяжело раненъ и вскорѣ скончался. По этому поводу князь Барятинскій отдалъ слѣдующій при-

Генералъ-адъютантъ баронъ Врангель *) сдѣлалъ наступленіе съ Буртуная къ Мичикалу, разрушая непріятельскіе завалы. Горцы должны были раздѣлиться; но Шамиль не ошибся въ опредѣленіи отряда, наиболѣе угрожавшаго ему, и сосредоточилъ главныя силы, подъ своимъ личнымъ начальствомъ, на берегу Аргуна. Во что́ бы ни стало, онъ хотѣлъ остановить наше движеніе. Горцы укрѣпили сильную Варандинскую позицію, прикрывавшую Шатой; но, не полагаясь достаточно на исходъ боя, въ какой бы то ни было крѣпкой позиціи, Шамиль хотѣлъ вынудить отступленіе Чеченскаго отряда диверсіей: съ половиною своихъ силъ онъ опять устремился въ Военно-Осетинскій округъ, гдѣ еще волновалось недавно умиренное населеніе. Мѣры противъ покушенія непріятеля были приняты заранѣе. Въ одинъ и тотъ же день генералъ Мищенко разбилъ Шамиля подъ Аки-юртомъ, близъ Владикавказа, а генералъ Евдокимовъ, пользуясь отсутствіемъ предводителя, взялъ штурмомъ Варандинскую позицію и занялъ Шатой. Разсѣянные остатки горскаго скопища бѣжали въ Дагестанъ.

Съ этого дня началось мирное покореніе Аргунскаго края однимъ движеніемъ нашихъ войскъ впередъ, безъ боя. Общества, обитающія въ верховьяхъ Аргуна, сами возстали противъ угнетавшаго ихъ мюридизма, стали рѣзать своихъ духовныхъ и начальниковъ, поставленныхъ Шамилемъ, и одно за другимъ приносили добровольную покорность. Въ концѣ Сентября все населеніе горнаго пространства, отъ Владикавказа до Шаро-Аргуна, приняло Русское подданство. Занятіе края упрочено устройствомъ разработанной дороги и возведеніемъ укрѣпленій: Зонаха, Шатоевскаго (куда переведена штабъ-квартира Навагинскаго пѣхотнаго полка) и Евдокимовскаго.

казъ по арміи: „4-го Сентября 1858 года армія наша лишилась одного изъ доблестныхъ ея генераловъ. Храбрый баронъ Вревскій, столь извѣстный на линіи и достойно заслужившій еще бо́льшую славу въ своихъ походахъ Лезгинскихъ, послѣ разоренія въ нынѣшнемъ году Анцуха, Анцросо, Иланхеви и другихъ сопредѣльныхъ обществъ, палъ смертельно пораженный при взятіи сильно укрѣпленнаго аула Китури, предводительствуя лично на приступѣ батальонами 1-й бригады гренадерской дивизіи. Столь завидная смерть да будетъ утѣшеніемъ его осиротѣвшему семейству, славою Кавказа и примѣромъ для всей арміи, какъ цѣнить честь Русскаго оружія“.

*) Замѣнившій князя Г. Д. Орбельяни.

Лезгинскій отрядъ вступилъ въ горы во второй половинѣ Іюня и проникъ въ самую глубь ущелій, никогда еще не видѣнныхъ Русскими. Въ продолженіе полутора мѣсяца, генералъ Вревскій разорилъ до основанія болѣе сорока ауловъ, принадлежавшихъ семи обществамъ Анкратля. Войскамъ приходилось бороться съ неимовѣрными трудностями, дѣлать усиленные переходы въ мѣстности едва приступной и почти ежедневно штурмовать завалы и башни, занятые ожесточеннымъ непріятелемъ. Этотъ блестящій походъ, какъ уже упомянуто выше, стоилъ намъ жизни барона Вревскаго; но экспедиція отъ этого, впрочемъ, не остановилась: принявшій начальство надъ отрядомъ полковникъ Коргановъ докончилъ истребленіе немногихъ деревень, уцѣлѣвшихъ на восточной границѣ Дидойцевъ отъ прошлогодняго похода. Разоряемые два года сряду горцы поколебались. Изъ Анкратля и Дидо 4 тысячъ душъ принесли покорность и сошли съ горъ въ наши предѣлы. Въ Кахетіи водворилось спокойствіе, прежде тамъ неслыханное.

Въ продолженіе этой экспедиціи, другой небольшой отрядъ дѣйствовалъ со стороны Хевсуріи, привелъ къ покорности племя Маистовъ и разработалъ дорогу чрезъ становой хребетъ къ истоку Чанты-Аргуна, на встрѣчу пути, пролагаемаго генераломъ Евдокимовымъ.

Кромѣ того, на Лезгинской линіи совершены въ теченіе 1857 и 1858 годовъ обширныя работы: устройство въ Лагодехахъ штабъ-квартиры Тифлискаго гренадерскаго полка и въ Царскихъ Колодцахъ — Переяславскаго драгунскаго; выстроено четыре башни на передовой линіи и вырублены широкія просѣки у подошвы горъ.

Въ Прикаспійскомъ краѣ главное вниманіе было обращено на прочное утвержденіе нашего владычества въ Салатавіи и на защиту длинной пограничной черты отъ вторженій непріятеля. Занятіе Салатавіи, необходимое въ общемъ планѣ дѣйствій, приковало временно-значительныя силы къ Сѣверо-западному углу Дагестана, откуда онѣ не могли дѣятельно способствовать оборонѣ другихъ частей края; для достиженія этой цѣли надо было выставить самостоятельные отряды и, такимъ образомъ, раздѣливъ силы Прикаспійскаго

края, ослабить ихъ наступательныя дѣйствія. Находясь большую часть времени въ Салатавіи, баронъ Врангель окончилъ работы по возведенію штабъ-квартиры Дагестанскаго полка, устроилъ укрѣпленіе въ Міатлахъ, разработалъ дорогу между этими пунктами и вырубилъ нѣсколько просѣкъ для безпрепятственнаго сообщенія изъ Буртуная въ разныя стороны. Набѣги непріятеля, для грабежа и возмущенія спокойствія въ краѣ, были всѣ до одного отбиты съ урономъ для него *).

Съ роспускомъ отрядовъ окончились наступательныя дѣйствія 1858 года въ Прикаспійскомъ краѣ и на Лезгинской кордонной линіи. Но войскамъ Лѣваго крыла предстояли еще великіе труды. Занимая обширное завоеванное пространство, они должны были раскрыть его дорогами, окончить заложенныя укрѣпленія, привести къ полному повиновенію разбойничье населеніе обществъ, сопредѣльныхъ съ Военно-Осетинскимъ округомъ, и потомъ совершить походъ для покоренія Ичкеріи.

Не взирая на занятіе Аргунскаго ущелья, нанесшее сильный ударъ положенію непріятеля, генералъ Евдокимовъ вовсе не былъ еще увѣренъ въ возможности скораго, рѣшительнаго успѣха. Въ Іюнѣ 1858 г. онъ писалъ о своихъ предположеніяхъ на 1859 годъ, что тогда нужно будетъ обрекогносцировать пространство за Черными горами къ Андійскому хребту, чтобы, сообразно съ мѣстными условіями и обстоятельствами, рѣшить, что́ дальше дѣлать. О взятіи Веденя совсѣмъ не упоминалось.

Командующій войсками въ Прикаспійскомъ краѣ баронъ Врангель, въ свою очередь, ограничивалъ дѣйствія 1859 года обезпеченіемъ Салатавіи и сообщеній съ нею производствомъ различныхъ построекъ и т. п. Страсть къ мелкимъ укрѣпленіямъ на двѣ роты (много на батальонъ гарнизона) держалась упорно, и готовы были усѣять всѣ горы подобными разбросанными мелкими частями войскъ. Баронъ Врангель полагалъ еще полезнымъ дѣйствовать противъ Шамиля въ направленіи къ Кара-Койсу, гдѣ онъ укрѣплялъ проходы: но баронъ

*) За всѣ эти дѣла князь Барятинскій получилъ въ 1857 году орденъ Св. Александра Невскаго съ мечами, а въ 1858 году назначенъ шефомъ Кабардинскаго полка.

не находилъ для этого достаточно средствъ, потому что главныя силы Дагестанскаго отряда были прикованы къ Салатавіи. (Войскъ, не взирая на 13 и 18 дивизіи, все еще было недостаточно: громадныя пространства, дорожныя и строительныя работы требовали рукъ и рукъ.)

Главнокомандующій не одобрилъ этихъ предположеній и 5 Іюля 1858 г. писалъ барону Врангелю, что лѣтомъ 1859 г. со стороны Чечни предполагается произвести рекогносцировку безлѣснаго нагорнаго пространства между Черными горами и Андійскимъ хребтомъ „для положительнаго опредѣленія будущихъ дѣйствій нашихъ въ томъ краѣ". Это согласовалось съ мыслями генерала Евдокимова. Но уже въ Ноябрѣ 1858 года князь Барятинскій очевидно началъ измѣнять свой взглядъ и, судя по нѣкоторымъ распоряженіямъ, предполагалъ двинуть большой отрядъ изъ Салатавіи въ Андію, занять ее, остаться тамъ на зиму, а на слѣдующій годъ уже дѣйствовать дальше. Предположеніе держалось въ большомъ секретѣ и только было сообщено генералу Евдокимову, мнѣніямъ котораго князь придавалъ особое значеніе.

Въ собственноручномъ секретномъ письмѣ къ Д. А. Милютину, отъ 21 Ноября изъ Владикавказа, генералъ Евдокимовъ, со свойственнымъ ему знаніемъ края и практичностью пріемовъ Кавказской войны, отвергъ пользу занятія Андіи изъ Салатавіи. Но опять же о Веденѣ ни слова.

Въ томъ же Ноябрѣ генералъ Евдокимовъ приступилъ къ расчищенію лѣснаго пространства между Назраномъ и Шатоемъ. Просѣки сдѣланы во всю длину и ширину Галашевскихъ земель. Чтобы не изнурять войскъ дѣйствіями противъ мелкихъ разбойниковъ, генералъ Евдокимовъ поручилъ наибу недавно покоренной Малой Чечни вступить въ горы съ 2 тыс. всадниковъ и силою привести къ повиновенію аулы, разбросанные по лѣсамъ. Жители покорились и почти всѣ выселены на плоскость, также какъ населеніе Галашевцевъ и Карабулаковъ. Просѣка отъ Ассы къ Мереджи докончила продольное сообщеніе чрезъ горы изъ Шатоя въ Военно-Осетинскій округъ, т.-е. къ Владикавказу.

Сильные сборы непріятеля заставили генерала Евдокимова возвратиться въ Чечню. Шамиль хотѣлъ воспользо-

ваться удаленіемъ главнаго отряда въ Военно-Осетинскій округъ, чтобы вторгнуться въ край, отнятый у него прошедшимъ лѣтомъ. Одной части своихъ силъ онъ поручилъ захватить тѣснину Аргуна между Шатоевскимъ и Евдокимовскимъ укрѣпленіями, а съ другою, чтобы отвлечь вниманіе, спустился въ Большую Чечню. Заблаговременное занятіе угрожаемаго пункта отвратило опасность. Горцы не рѣшились вступить въ бой; но они остались въ сборѣ, ожидая наступленія съ нашей стороны.

Во второй половинѣ Декабря генералъ Евдокимовъ двинулся въ Ичкерію двумя колоннами: первая была сосредоточена въ укрѣпленіи Шалинскомъ изъ войскъ, занимавшихъ Малую Чечню и теченіе Аргуна; вторая изъ отряда Кумыкскаго, который, подъ начальствомъ флигель-адъютанта полковника князя Мирскаго, прошелъ съ боя по предгоріямъ Большой Чечни. Эта колонна присоединилась въ Шали къ генералу Евдокимову. Она же должна была силою открыть себѣ путь въ мрачное ущелье Басса. Но какъ въ этой мѣстности горцы могли упорно оборонять каждый шагъ, то другая колонна, собранная въ укрѣпленіи Аргунскомъ, должна была пройти горами на берегъ Басса выше и поставить защищавшихъ ущелье между двухъ огней. Это искусное распоряженіе увѣнчалось полнымъ успѣхомъ. Къ 1-му Января обѣ колонны сошлись на Бассѣ и двинулись вмѣстѣ вверхъ по рѣкѣ Таузеню, оставляя по своимъ слѣдамъ разработанную и очищенную отъ лѣса дорогу. Туземное Чеченское населеніе постоянно старалось уклоняться отъ боя и покорялось, какъ только его жилища бывали обойдены нашими войсками; въ послѣднихъ числахъ Декабря около 800 Ичкеринскихъ семействъ было выселено на плоскость. Тавлинскія скопища, не надѣясь на туземцевъ, держались преимущественно въ крѣпкихъ, заранѣе избранныхъ позиціяхъ, что́ весьма облегчало наше наступленіе.

Сбивъ Шамилевскія скопища съ сильно укрѣпленной позиціи, генералъ Евдокимовъ оставилъ русло Басса, служившее до тѣхъ поръ операціонною линіею отряду, и поднялся на горы, по направленію къ аулу Алистанжи, вырубая лѣсъ на пути. Съ каждымъ дальнѣйшимъ шагомъ въ горы, мѣст-

ность становилась непроходимѣе, а искуственныя препятствія, устроенныя горцами, многочисленнѣе.

20 Января 1859 года, послѣ разсказанныхъ выше успѣховъ по окончательному почти-овладѣнію Чечнею, Н. И. Евдокимовъ писалъ Д. А. Милютину, что ему блеснула новая мысль относительно овладѣнія Андіею. Занятый имъ Таузень оказался въ 30 верстахъ отъ нашего укр. Бердыкеля и въ 25 отъ кр. Воздвиженской; отъ него хорошая колесная дорога до Алистанжи, а оттуда всего 8—10 верстъ придется разработать дорогу до Веденя; изъ Веденя же въ Андію 25 верстъ. Такимъ образомъ, если удастся выселить остатки населенія между Бассомъ и Хулхулау, откроется ближайшая безопасная дорога въ Ведень, гдѣ слѣдуетъ образовать складочный пунктъ и идти въ Андію не по одному направленію изъ Салатавіи, а по двумъ; и тогда вовсе не нужно въ первомъ направленіи 20-ти батальоновъ, а довольно девяти, да изъ Веденя пойдетъ 12—13 батальоновъ. При таковомъ движеніи, Чеченцы и Ичкеринцы будутъ стѣснены отъ горъ и вынуждены къ окончательной покорности. Слѣдованіе войскъ двумя путями облегчитъ все предпріятіе.

Главнокомандующій остался очень доволенъ этимъ планомъ, но сказалъ, что все будетъ зависѣть отъ результата зимнихъ дѣйствій Чеченскаго отряда.

Для выигрыша времени, генералъ Евдокимовъ предпочелъ пробиться разомъ отъ Алистанжи до Веденя, и потомъ, укрѣпившись предъ этой столицей непокорныхъ горъ, разрабатывать дорогу въ тылъ, въ ожиданіи благопріятнаго времени года *для осады* *). Не смотря на сильныя оборонительныя средства, заготовленныя горцами по дорогѣ, это смѣлое движеніе было совершено также удачно, какъ и предыдущія, благодаря искусному маневрированію генерала Евдокимова, постоянно успѣвавшаго обходить непріятельскія позиціи.

Расположившись въ укрѣпленномъ лагерѣ передъ Веденемъ, Чеченскій отрядъ долженъ былъ ждать мѣсяцъ, пока

---

*) По поводу слова „осада“, начальникъ главнаго штаба писалъ генералу Евдокимову, что князь Барятинскій опасается осады, „отъ чего Боже сохрани“: очевидные слѣды воспоминаній о Гергебелѣ, Салтѣ и Чохѣ.

устроится прочное сообщеніе съ плоскостью и будутъ подвезены осадныя средства.

26 Февраля генералъ Евдокимовъ писалъ уже положительно, что, ознакомившись съ мѣстностью, онъ находитъ, что идти въ Андію слѣдуетъ отсюда, т.-е. изъ Веденя, и хотя онъ еще не взятъ, но чтобы не безпокоились: будетъ взятъ; „да Ведень вообще и не можетъ помѣшать нашимъ операціямъ". Князь Александръ Ивановичъ вполнѣ съ нимъ согласился, и тотчасъ были отмѣнены всѣ прежнія распоряженія, связанныя съ предположеніями о занятіи Андіи изъ Салатавіи. 7-го Марта Д. А. Милютинъ сообщилъ объ этомъ Евдокимову. Тогда же рѣшено было сдѣлать первый опытъ транспортированія тяжестей на верблюдахъ, а для войскъ устраивать Калмыцкія кибитки.

Въ продолженіе этого времени, при ненастьѣ и бездорожьѣ, продовольствіе войскъ представляло чрезвычайныя затрудненія, которыя генералъ Евдокимовъ, при всей своей энергіи и распорядительности, едва успѣлъ преодолѣть. Тѣмъ временемъ, однакоже, наши войска, хотя почти отрѣзанныя отъ своей земли, заложили подлѣ непріятельской крѣпости новое укрѣпленіе Ведень, на пунктѣ, болѣе удобномъ для обороны и поселенія, чѣмъ мѣсто, избранное Шамилемъ.

Въ это же время Салатавскій отрядъ вступилъ въ Ичкерію съ восточной стороны и проложилъ просѣку по Аксаю, оттягивая противъ себя часть непріятельскихъ силъ. Къ половинѣ Марта, наконецъ, погода установилась, удобное сообщеніе открыто съ плоскостью, и въ Чеченскій отрядъ доставлена необходимая осадная артилерія. 17-го и 18-го Марта открыты траншеи, а 1-го Апрѣля наши войска водрузили свои знамена на стѣнахъ Веденя, бывшаго 14 лѣтъ средоточіемъ враждебной намъ силы.

Извѣстіе о взятіи Веденя было объявлено Тифлису 101 пушечными выстрѣлами съ Метехскаго за́мка, а генералу Евдокимову князь Барятинскій послалъ 7-го Апрѣля слѣдующее письмо: „Дайте обнять и крѣпко прижать васъ къ моему сердцу, почтеннѣйшій Николай Ивановичъ. Тифлисъ наполненъ радостными восклицаніями, пушки второй день гремятъ, и ваше имя въ устахъ каждаго. Великій день былъ

для меня вчерашній, когда графъ Ферзенъ [1]) объявилъ мнѣ о взятіи Веденя. Онъ ѣдетъ сегодня съ донесеніемъ къ Государю Императору, благоусмотрѣнію и щедрости котораго я повергаю достойно наградить доблести вождя и славнаго его отряда. Сегодня на разводѣ, послѣ большаго молебствія въ соборѣ, войска кричали ура генералу Евдокимову и Чеченскому отряду. Посылаю вамъ еще 200 знаковъ отличія для храбрыхъ воиновъ вашихъ. Полковникъ Тромповскій передастъ вамъ мое воззваніе къ войскамъ Лѣваго крыла. Поблагодарите ихъ еще сердечно за меня. Обнимаю васъ дружески" [2]).

Такими-то быстрыми шагами двигались мы къ конечной цѣли! Теперь, по прошествіи 30 лѣтъ отъ описываемыхъ событій, быть можетъ и не покажется это особенно значительнымъ; но кто зналъ положеніе Кавказскихъ дѣлъ въ теченіе болѣе полустолѣтія до назначенія князя Барятинскаго главнокомандующимъ, тотъ не могъ не поражаться изумительными успѣхами, достигнутыми тогда въ столь короткое время и—нельзя не повторять этого—положительно только благодаря его соображеніямъ, его рѣшительности, настойчивости и находчивости, благодаря выбору такого исполнителя, какъ Н. И. Евдокимовъ.

Но и награжденъ былъ виновникъ этихъ успѣховъ щедро: орденъ Св. Георгія 3-го класса и титулъ графа были пожалованы Н. И. Евдокимову одновременно, при весьма лестныхъ рескриптахъ. Благодарность свою князю Александру Ивановичу выразилъ онъ слѣдующимъ письмомъ изъ крѣпости Грозной, 2 Мая 1859 г.: „Высокія милости, оказанныя мнѣ вашимъ сіятельствомъ, обязываютъ меня такою благодарностью, которая словами выражена быть не можетъ. Я не перестану стараться доказать вамъ ее дѣломъ и моею къ вамъ преданностью. Вѣрьте, ваше сіятельство, искренности чувствъ

---

[1]) Офицеръ Нижегородскаго драгунскаго полка, посланный генераломъ Евдокимовымъ съ донесеніемъ.

[2]) Вотъ это воззваніе: „Войскамъ Лѣваго крыла. Господь Богъ за великіе труды и подвиги ваши наградилъ васъ побѣдою; неодолимыя доселѣ преграды пали. Веденъ взятъ, и завоеванная Чечня повергнута вся къ стопамъ Великаго Государя. Слава генералу Евдокимову! Спасибо храбрымъ сподвижникамъ его. 6 Апрѣля 1859. Тифлисъ".

стараго Кавказскаго солдата, исполненнаго нынѣ однимъ только желаніемъ: отблагодарить и быть достойнымъ милостей своего начальника и покровителя. Принимаю смѣлость поздравить и ваше сіятельство съ монаршею милостью“ [1]).

Взятіе Веденя нанесло окончательный ударъ господству Шамиля надъ Чеченскими племенами. Въ теченіе Апрѣля и Мая совокупными дѣйствіями отрядовъ Чеченскаго и Салатавскаго были приведены въ Русское подданство всѣ общества, живущія по Сѣверную сторону Андійскаго хребта. Подъ властью Шамиля не оставалось ни одного осѣдлаго Чеченца, но весь Дагестанъ еще повиновался ему.

Завоеваніе Чечни измѣнило кореннымъ образомъ наше стратегическое положеніе относительно Дагестанскихъ горъ. Дагестанъ былъ чрезвычайно сильно огражденъ съ восточной и южной сторонъ; съ первой—широкимъ поясомъ многочисленныхъ крѣпостей, расположенныхъ въ мѣстности, почти недоступной, вынуждавшихъ насъ къ кровопролитнымъ и изнурительнымъ для войскъ осадамъ (до такой степени, что князь Воронцовъ, послѣ трехлѣтнихъ попытокъ [2]), отказался наконецъ отъ наступленія съ этой стороны); со второй, т.-е. съ Лезгинской линіи,—снѣжный становой хребетъ Кавказа, проходимый съ большимъ трудомъ только лѣтомъ, ставилъ непреодолимое препятствіе систематическимъ дѣйствіямъ.

Овладѣніе Чечнею открыло нашему наступленію третью сторону Дагестана, гдѣ мѣстность была гораздо проходимѣе, чѣмъ на южной, и искуственныя препятствія гораздо слабѣе, чѣмъ на восточной. Оборонительныя сооруженія, воздвигнутыя Шамилемъ на Андійскомъ Койсу, не могли идти въ сравненіе съ рядомъ многолюдныхъ и почти неприступныхъ ауловъ восточной полосы, одѣвавшихъ, если можно такъ выразиться, непробиваемымъ панцыремъ цѣлую страну. Прорвавшись за Андійское Койсу, мы вступали во внутренность горъ, гдѣ ничего не было приготовлено для систематической

---

[1]) Князь Барятинскій получилъ орденъ Св. Владимира 1-й степени съ мечами.

[2]) Гергебиль и Салты 1847, Гергебиль 1848 и Чохъ 1849 года.

обороны, и заходили въ тылъ пограничнымъ горскимъ крѣпостямъ. Съ самаго начала своего начальствованія князь Барятинскій стремился къ тому, чтобы достигнуть этого новаго стратегическаго положенія. Для осуществленія этой цѣли, рѣшительныя усилія были направлены противъ Чечни, и главныя силы Прикаспійскаго края, оставя прежній базисъ свой со стороны моря, постепенно стягивались въ Салатавію, противъ сѣвернаго ската горъ. Въ началѣ лѣта 1859 года обѣ массы войскъ Лѣваго крыла и Прикаспійскаго края были расположены на одной линіи, съ сѣверной, вновь раскрытой стороны Дагестанскаго треугольника.

Однако и послѣ этого князь Барятинскій оставался при планѣ ограничиться пока лишь занятіемъ Андіи, укрѣпиться тамъ, открыть безопасныя сообщенія и приготовиться къ дальнѣйшимъ дѣйствіямъ. Въ предписаніи, отъ 6-го Мая 1859 года, генералъ-адъютанту барону Врангелю онъ сообщалъ о своемъ предположеніи двинуть войска изъ Салатавіи въ Гумбетъ, изъ Веденя въ Андію, съ Лезгинской линіи чрезъ Дидо къ верховьямъ Андійскаго Койсу, начавъ наступленіе одновременно въ концѣ Іюня; и такъ какъ рѣшительныя дѣйствія въ долинѣ Андійскаго Койсу могутъ произвести сильное впечатлѣніе на горцевъ и отозваться въ среднемъ и южномъ Дагестанѣ, поэтому слѣдуетъ быть готовымъ, чтобъ воспользоваться всякимъ благопріятнымъ случаемъ. Можетъ быть, возстанутъ противъ Шамиля Койсубу, Андаляль или Аварія; можно будетъ занять на Аварскомъ или Кара-Койсу важные пункты, даже крѣпость Улу-кале (Шамиль построилъ ее вмѣсто Гергебиля) и т. п., для чего нужно держать тамъ (т.-е. въ среднемъ и южномъ Дагестанѣ) не менѣе одиннадцати батальоновъ, а наступать изъ Бутурная къ Андіи съ семью.

Такимъ образомъ, не смотря на значительныя силы, которыя еще оставались у непріятеля и на чрезвычайную крѣпость покровительствующей ему мѣстности, полагаясь съ своей стороны на выгоды вновь пріобрѣтеннаго стратегическаго положенія и на упадокъ духа въ горскомъ населеніи, потрясенномъ столькими ударами, князь Барятинскій рѣшился измѣнить систему войны, которой до тѣхъ поръ держался, и отъ методическихъ дѣйствій перейти къ быстрому наступленію

всею массою войскъ, окружавшихъ горы, чтобы однимъ рѣшительнымъ ударомъ потрясти основанія Шамилевскаго владычества и покончить дѣло.

Существованіе вооруженнаго мюридизма въ нѣдрахъ Кавказа, ограничивалось ли его вліяніе однимъ Дагестаномъ, или простиралось и на Чечню, имѣло одинаковое значеніе для Кавказской арміи—совершенно обезсиливало ее въ случаѣ внѣшней войны. При смутномъ положеніи Европы и безпрерывно возникавшихъ, совершенно-неожиданныхъ, политическихъ сочетаніяхъ, князь Барятинскій, какъ уже было указано, считалъ первою государственною необходимостью кончить, сколь возможно скорѣе, внутреннюю Кавказскую войну, которая поглощала безплодно лучшую половину Русскихъ силъ. Рѣшительное наступленіе въ средину горъ представляло единственное средство къ тому, хотя оно и было сопряжено съ бо́льшими случайностями, чѣмъ методическая война.

ПРИЛОЖЕНІЯ.

А. Письма (графа) Д. А. Милютина къ князю А. И. Барятинскому.

1857 года.

1.

С.-Петербургъ, 22 Октября 1857 г., 11 ч. вечера.

Возвратившись сейчасъ изъ Царскаго Села, спѣшу отдать подробный отчетъ вашему сіятельству о первыхъ двухъ дняхъ моего здѣсь пребыванія.

Вчера, въ самый день пріѣзда моего въ Петербургъ, я представился военному министру, который принялъ меня весьма любезно, спрашивалъ о вашемъ здоровьѣ и оставилъ меня обѣдать у себя, такъ что тутъ же я увидѣлся съ ген. Герштенцвейгомъ, съ барономъ Ливеномъ и нѣкоторыми другими лицами. Въ числѣ гостей были Николай Николаевичъ Муравьевъ, пріѣхавшій изъ Иркутска, и ген.-адъют. Назимовъ. Всѣ показывали участіе въ здоровьѣ вашемъ, распрашивали о томъ, что́ дѣлается на Кавказѣ; но серьезнаго разговора о дѣлахъ не могло быть. Военный министръ прежде всего спросилъ меня о смѣтѣ. Когда я доложилъ, что противъ 1857 года будетъ сокращеніе на 1½ милліона рублей, то низко поклонился и выра-

зилъ свое удовольствіе. Затѣмъ, въ разговорѣ о разныхъ необходимыхъ предпріятіяхъ какъ на Кавказѣ, такъ и въ Сибири, генералъ Сухозанетъ полушуточно, полусерьезно замѣтилъ, что все можно дѣлать, лишь бы на свои мѣстныя средства, не требуя денегъ изъ государственной казны. На этотъ разъ всего полезнѣе была мнѣ встрѣча съ Герштенцвейгомъ, котораго я успѣлъ познакомить съ сущностью привезенныхъ мною дѣлъ и предположеній. Дежурный генералъ завѣрилъ меня, что въ министерствѣ не будетъ встрѣчено никакого затрудненія, если только не требуются лишніе расходы, выразилъ мнѣ полное согласіе свое съ нѣкоторыми изъ вашихъ соображеній и въ томъ числѣ о необходимости учрежденія главнаго штаба, преобразованія госпитальной части и проч. Сейчасъ послѣ обѣда министръ долженъ былъ куда-то ѣхать и предложилъ мнѣ прибыть на другой день въ Царское Село.

Сегодня, когда я пришелъ представляться Государю Императору, мнѣ сказали, что Его Величество уже спрашивалъ меня; а вслѣдъ затѣмъ я былъ принятъ. Не умѣю выразить, какъ я былъ тронутъ милостивымъ пріемомъ Государя. Послѣ первыхъ привѣтствій и вопросовъ о здоровьѣ вашего сіятельства, Его Величество изволилъ посадить меня, приказалъ раскрыть карту и разсказывать сущность всѣхъ предположеній вашихъ. Пока я раскладывалъ карту, Государь изволилъ прочитать письмо ваше, большею частью вслухъ, требовалъ отъ меня поясненій по нѣкоторымъ предметамъ и затѣмъ подробно и внимательно выслушалъ все, что̀ предполагается дѣлать въ будущемъ году на Кавказѣ. По мѣрѣ того, какъ я переходилъ отъ одного театра дѣйствій къ другому, Государь изволилъ одобрять всѣ предположенія и присовокупилъ свои собственныя замѣчанія. Между прочимъ было упомянуто о болѣзненности въ Адагумскомъ отрядѣ, но я успокоилъ Его Величество нѣкоторыми объясненіями дѣла. Говоря о Правомъ крылѣ, Государь изволилъ выразить удовольствіе, что ваше сіятельство лично ознакомились съ этимъ краемъ въ послѣднее ваше путешествіе. При этомъ случаѣ я развилъ мысли ваши о заселеніи земель казаками, о пользѣ перемѣщенія сюда въ большей массѣ Донскихъ казаковъ (о чемъ я предварительно имѣлъ разговоръ въ Новочеркасскѣ съ ген.-ад. Хомутовымъ). Государь одобрилъ мысль и предоставилъ мнѣ войти въ ближайшія объясненія съ военнымъ министромъ. Тутъ же разговоръ перешелъ на ваши предположенія о преобразованіи линейнаго казачьяго войска. Государь нѣсколько разъ подтверждалъ, что все согласно совершенно съ его собственными мыслями до самыхъ послѣднихъ подробностей; въ томъ числѣ и касательно мундировъ обоихъ казачьихъ войскъ. Особенно Государь изволилъ одобрить предположеніе, чтобы со временемъ атаманы были вмѣстѣ съ тѣмъ и командующими войсками. Предположенная перемѣна въ распредѣленіи линейныхъ батальоновъ по бригадамъ также удостоилась Высочайшаго одобренія. Государь выслушалъ со вниманіемъ предположенія относительно устройства пароходства по Ріону и го́рода въ Поти. При этомъ я успѣлъ высказать все, что̀ ваше сіятельство поручили

мнѣ по дѣламъ Мингреліи и Сванетіи. Относительно самой княгини Дадіанъ Высочайшія намѣренія совершенно согласуются съ видами вашими: Государь согласился оказать знакъ милости обоимъ князьямъ Дадіанъ, но тогда, когда княгиня прибудетъ въ Петербургъ.

Относительно всѣхъ другихъ предметовъ, о которыхъ ваше сіятельство поручили мнѣ доложить Государю Императору, Его Величество изволилъ на все изъявить свое согласіе и одобреніе. Нарѣзное оружіе предположено вводить постепенно во всей пѣхотѣ; но, кажется, есть мысль замѣнить во всѣхъ войскахъ на западной границѣ калибръ 7-линейный меньшимъ 6-линейнымъ; теперешнія же нарѣзныя ружья назначить исключительно Кавказскимъ войскамъ. О Владикавказѣ Государь изволилъ выразиться, что давно бы слѣдовало обратить его въ городъ и что Его Величество даже считалъ его городомъ. Предполагаемую перестройку Военно-Грузинской дороги Государь изволилъ назвать дѣломъ необходимымъ, на которое стòитъ положить деньги, но приказалъ обстоятельно сообразить съ ген.-ад. Чевкинымъ, чтобы не вышло ошибки въ разсчетахъ. Тутъ я имѣлъ случай упомянуть о значительныхъ остаткахъ интендантскихъ суммъ. Государь изволилъ отозваться, что не видитъ препятствія употреблять эти остатки заимообразно на полезныя предпріятія въ краѣ, если только разсчеты совершенно и несомнѣнно-вѣрны, но поручилъ столь важное дѣло подробно обсудить съ военнымъ министромъ. При этомъ я удостовѣрилъ Его Величество въ постоянныхъ усиліяхъ вашихъ охранять выгоды казны и развилъ вашъ взглядъ на настоящій способъ бережливости въ государственномъ хозяйствѣ. Казалось, Его Величество вполнѣ изволитъ сознавать, что только успѣшные результаты настоящихъ нашихъ усилій на Кавказѣ могутъ со временемъ повести къ большимъ сокращеніямъ и въ числѣ войскъ, и въ денежныхъ средствахъ.

Тутъ былъ случай упомянуть о нѣкоторыхъ неизбѣжныхъ прибавкахъ въ расходахъ и въ томъ числѣ объ увеличеніи порціоннаго довольствія войскъ въ сравненіи съ новыми, установленными въ Россіи категоріями. Его Величество изволилъ выразить искреннее желаніе сдѣлать все возможное для улучшенія благосостоянія войскъ, столь блистательно заслуживающихъ право на попечительное вниманіе къ ихъ нуждамъ со стороны высшаго начальства. Но само собою разумѣется, что окончательное рѣшеніе вопроса должно быть предоставлено ближайшему обсужденію министерства.

Послѣ всѣхъ перечисленныхъ предметовъ, Государь Императоръ изволилъ самъ спросить, нѣтъ ли еще какихъ либо дѣлъ по гражданской части. Я поспѣшилъ высказать ваши мысли о компаніи Каспійскаго пароходства, о компаніи Азіятской торговли, о предпріятіяхъ на счетъ желѣзной дороги и орошенія безплодныхъ степей, о колонизаціи на помѣщичьихъ земляхъ и установленіи отношеній между помѣщиками и поселенными на ихъ земляхъ крестьянами, о раскольникахъ, о распространеніи христіанства посредствомъ особой общины, о музеѣ и проч. Все это было выслушано

со вниманіемъ и частыми выраженіями одобренія. Однакожъ относительно компаніи Новосельскаго и Кокорева Государь изволилъ намекнуть о своихъ опасеніяхъ, чтобы эти господа не запутались въ своихъ разсчетахъ и не слишкомъ затянулись въ дѣла, несоразмѣрныя съ ихъ силами. О раскольникахъ не было выражено окончательнаго и положительнаго мнѣнія, но мысль ваша о примѣненіи колонизаціи къ постепенной эмансипаціи помѣщичьихъ крестьянъ въ Грузіи весьма понравилась Его Величеству. По всѣмъ предметамъ Государь будетъ ожидать вашихъ представленій.

Такимъ образомъ, въ продолженіе трехъ часовъ, я успѣлъ основательно и съ полнымъ успѣхомъ доложить Государю Императору о всѣхъ безъ исключенія предметахъ, которые входили въ данную мнѣ вашимъ сіятельствомъ инструкцію. Смѣю сказать, что милостивое вниманіе Его Величества и несомнѣнное сочувствіе его ко всѣмъ предположеніямъ вашимъ превзошли всякое ожиданіе мое. Отпуская меня, Государь изволилъ еще выразить свое удовольствіе обо всемъ мною доложенномъ.

Въ продолженіе моего доклада, въ кабинетъ Его Величества изволила войти Государыня Императрица и также милостиво освѣдомилась о вашемъ здоровьѣ. Однакоже, выходя отъ Государя, я счелъ долгомъ особо представиться Ея Величеству. Не смотря на утомленіе свое (послѣ посѣщенія какой-то школы), Императрица удостоила принять меня и бесѣдовать съ полчаса до прихода самого Государя. Тутъ представился случай развить подробно ваши мысли объ учрежденіи общины для распространенія христіанства на Кавказѣ. Государыня приняла живѣйшее участіе въ этомъ дѣлѣ, выразила полную готовность принять общину подъ высокое свое покровительство и будетъ ожидать письменнаго изложенія вашихъ соображеній.

Затѣмъ я имѣлъ честь быть приглашеннымъ къ обѣденному столу Ихъ Величествъ. За обѣдомъ и послѣ обѣда нѣсколько разъ разговоръ переходилъ на Кавказъ и проч. Я оставилъ Царское Село въ 7 часовъ вечера, полный сердечнаго благоговѣнія къ августѣйшей четѣ, которая милостивымъ ко мнѣ вниманіемъ хотѣла, безъ сомнѣнія, выразить свое высокое благорасположеніе къ вашему сіятельству.

Въ этотъ день я не могъ представиться ни вдовствующей Императрицѣ, ни Великому Князю Михаилу Николаевичу, а потому долженъ буду вскорѣ пріѣхать опять въ Царское Село. Великій же Князь Николай Николаевичъ еще не возвратился изъ своего путешествія.

2. 23 Октября, Среда.

Сегодня я имѣлъ продолжительные разговоры съ Его Императорскимъ Высочествомъ Генералъ-Адмираломъ, съ предсѣдателемъ Государственнаго Совѣта и съ военнымъ министромъ.

Великій Князь былъ со мною милостивъ, какъ и въ прежнее время, весьма благосклонно спрашивалъ о вашемъ сіятельствѣ и потомъ завелъ рѣчь о послѣдней своей перепискѣ съ вами.*) „Сердитъ ли еще на меня

*) Переписка эта будетъ помѣщена въ главахъ о гражданской дѣятельности кн Барятинскаго.

князь Александръ Ивановичъ?" Я отвѣчалъ, что не сердился и прежде, а былъ глубоко огорченъ. Великій Князь началъ объяснять, что цѣль письма состояла только въ томъ, чтобы дружески предупредить васъ о дошедшихъ до Его Высочества враждебныхъ противъ васъ толкахъ и тѣмъ исполнить данное при вашемъ отъѣздѣ обѣщаніе. Затѣмъ былъ довольно продолжительный разговоръ о томъ, какъ разумѣть настоящее сбереженіе казеннаго интереса, о вашихъ видахъ на будущее сокращеніе силъ на Кавказѣ, о различіи въ этомъ отношеніи положенія Кавказскаго управленія и морскаго вѣдомства, а наконецъ я навелъ рѣчь на намеки Великаго Князя относительно частной вашей жизни. Однимъ словомъ, здѣсь развито было на словахъ все тоже, что вы сами отвѣчали письменно Великому Князю. Въ результатѣ я убѣдился, что Его Высочество не измѣнился въ своемъ расположеніи къ вамъ и что письмо его было написано безъ особаго непріязненнаго намѣренія. При томъ я узналъ отъ А. В. Головнина, что было уже заготовлено и новое письмо въ отвѣтъ на вашъ отвѣтъ, что оно нѣсколько разъ передѣлывалось и, наконецъ, оставлено подъ сукномъ. Я могъ замѣтить изъ разговоровъ, что Великій Князь былъ уже предупрежденъ А. В. Головнинымъ о предметѣ предстоявшаго моего разговора, такъ какъ я имѣлъ уже случай наканунѣ видѣться съ Головнинымъ и долго бесѣдовалъ съ нимъ. Это обстоятельство весьма облегчило мнѣ дѣло. Его Высочество самъ изволилъ завести рѣчь объ устройствѣ нашей морской части, о томъ, что морское дежурство должно составлять часть штаба и что самъ старшій офицеръ морской долженъ быть подчиненъ начальнику главнаго штаба, что капитанъ Стеценко къ сожалѣнію не такъ понялъ свое назначеніе и что его можно перемѣстить съ Кавказа, если ваше сіятельство находите это полезнымъ. Я отвѣтилъ, что дѣйствительно для пользы службы и для блага самого кап. Стеценки слѣдуетъ ему дать другое назначеніе, но что ваше сіятельство не желали бы отнюдь обидѣть тѣмъ этого офицера, и напротивъ того просили бы сдѣлать что нибудь въ его пользу. Великій Князь обѣщалъ подумать объ этомъ и сдѣлать распоряженіе. Его Высочество также объявилъ мнѣ, что совершенно согласенъ не назначать морскихъ офицеровъ комендантами въ приморскіе города и крѣпости, если ваше сіятельство будете находить это неудобнымъ. Кажется, и самъ Великій Князь нѣсколько измѣнилъ свой взглядъ на моряковъ Черноморскихъ послѣ нѣсколькихъ бывшихъ уже неудачъ въ назначеніяхъ и жалобъ на нихъ со стороны ген.-ад. гр. Строганова. Затѣмъ рѣчь зашла объ устройствѣ самой флотиліи. Его Высочество рѣшительно отвергаетъ предположеніе о передачѣ Кавказскихъ судовъ на содержаніе компаніи, находя это неприличнымъ, но согласенъ на прежнее предположеніе ваше о передачѣ ихъ въ Черноморскій флотъ; компаніи же полагалъ бы предоставить только транспортировку грузовъ на компанейскихъ судахъ. Великій Князь обѣщалъ, что въ Морскомъ Министерствѣ будетъ оказано все нужное пособіе лейт. Обезьянинову для составленія новаго проекта на указанномъ Его Высочествомъ главномъ основаніи. Касательно же Каспійской флотиліи и пере-

несенія ея станціи въ Баку, Великій Князь сказалъ, что и самъ былъ всегда того же мнѣнія; но что теперь обстоятельства заставляютъ сколь можно уменьшить размѣръ предполагавшихся въ Баку сооруженій, также какъ и ограничить самый составъ флотиліи, стараясь въ замѣнъ того болѣе поощрять купеческое и компанейское пароходства. Вообще по всѣмъ предметамъ, о которыхъ поручено мнѣ было доложить Великому Князю, я нашелъ со стороны Его Высочества самую благосклонную готовность содѣйствовать видамъ вашего сіятельства. Великій Князь изволилъ обѣщать прислать за мною для вторичнаго совѣщанія.

Съ княземъ Ал. Ѳед. Орловымъ также говорено было обо всѣхъ дѣлахъ, касавшихся Кавказскаго Комитета. Его сіятельство говорилъ съ видимымъ участіемъ и расположеніемъ. Я воспользовался случаемъ, чтобы передать вашу признательность за ту поддержку, которую находятъ въ князѣ Орловѣ представленія ваши въ Кавказскій Комитетъ. Онъ самъ заговорилъ о дѣлахъ Мингрельскихъ и судилъ о будущемъ положеніи княжескаго дома совершенно сходно съ вашими видами...

Съ военнымъ министромъ я видѣлся два раза въ теченіе дня: утромъ съ $10^1/_2$ до $1^1/_2$ ч. и потомъ съ $3^1/_2$ до 8 ч. (т.-е. включая и обѣдъ). Въ продолженіе этихъ двухъ длинныхъ сеансовъ я успѣлъ объяснить ему все то, что вчера докладывалъ Государю Императору и даже съ бо́льшими подробностями. Кажется, на все соглашается и все одобряетъ; очень внимательно пересматривалъ списокъ генераловъ, распредѣленныхъ вами на три разряда, дѣлалъ на немъ свои отмѣтки согласно моимъ объясненіямъ и спросилъ: можетъ ли онъ, когда представится случай, немедленно распорядиться судьбою поименованныхъ лицъ? Я отвѣчалъ, что безъ особенной крайности все таки лучше сперва спросить ваше мнѣніе. Точно также и по нѣкоторымъ другимъ дѣламъ, по которымъ министръ спрашивалъ моего мнѣнія, я совѣтовалъ лучше запросить ближайшее мѣстное начальство. Въ числѣ обѣщаній, данныхъ мнѣ генераломъ Сухозанетомъ, было и то, что въ скоромъ времени будутъ присланы на Кавказъ еще 10 тыс. ружей нарѣзныхъ для вооруженія цѣлыхъ баталіоновъ въ полкахъ по вашему назначенію, впослѣдствіи же будутъ постепенно присылаться такія же ружья и на прочія части Кавказскаго корпуса. Трудно было бы перечислить здѣсь весь ходъ продолжительныхъ моихъ разговоровъ съ военнымъ министромъ; скажу только, что вообще я нашелъ въ немъ много доброй воли, ясное пониманіе дѣла и отсутствіе всякаго враждебнаго расположенія къ нашему краю; напротивъ того, онъ готовъ все сдѣлать по вашему желанію, лишь бы не требовалось новыхъ расходовъ. Даже увеличеніе порціоннаго довольствія онъ не считаетъ невозможнымъ. Мнѣ обѣщаютъ, что порученныя мнѣ дѣла будутъ здѣсь ведены безъ малѣйшаго замедленія. Изъ всего представленнаго длиннаго отчета ваше сіятельство изволите замѣтить, что до сихъ поръ я весьма доволенъ ходомъ дѣла и понимаю вполнѣ, что всѣ знаки вниманія, мнѣ оказываемыя, относятся не ко мнѣ лично, а къ вашему лицу. Могу только желать, чтобы благопріятное это начало увѣнчалось столь же удачными результатами.

3.

24 Октября, Четвергъ.

Нынѣшній день былъ преимущественно посвященъ дѣламъ по вѣдомству путей сообщенія. Я имѣлъ и утромъ и вечеромъ совѣщанія съ ген. Чевкинымъ, который сначала доказывалъ мнѣ необходимость самыхъ рѣшительныхъ мѣръ къ сокращенію расходовъ, а потомъ давалъ разные совѣты, исполненіе которыхъ невозможно безъ денегъ. Впрочемъ онъ вникъ во всѣ потребности Кавказскаго края по предмету путей сообщенія, обѣщалъ выхлопотать по крайней мѣрѣ 300 тыс. рублей на дорожныя работы, разсматривалъ со вниманіемъ проектъ Военно-Грузинской дороги и одобрилъ главную мысль новаго устройства управленія путями сообщенія на Кавказѣ. Вообще я встрѣтилъ со стороны ген. Чевкина болѣе сочувствія къ представляемымъ предположеніямъ, чѣмъ противодѣйствія, котораго я прежде опасался.

Кромѣ того, я видѣлся сегодня со многими лицами, которыя будутъ имѣть вліяніе при разсмотрѣніи проектовъ: ген.-ад. Баранцевымъ, кн. Васильчиковымъ, ген. Веригинымъ и проч. Былъ я также у адм. Метлина, ген.-ад. Лутковскаго, барона Ливена, Головнина и другихъ, и только теперь въ полночь возвращаюсь домой, утомленный до крайности непрерывными разъѣздами и разговорами съ утра до ночи.

4.

25 Октября, Пятница.

Еще день проведенъ небезплодно: я былъ опять въ Царскомъ Селѣ, представлялся Вдовствующей Императрицѣ и обѣдалъ у Ея Величества. За обѣдомъ Государь Императоръ изволилъ объявить мнѣ о нѣкоторыхъ данныхъ уже окончательно Высочайшихъ разрѣшеніяхъ на наши представленія. Въ томъ числѣ послѣдовало соизволеніе на увеличеніе порціоннаго довольствія Кавказскихъ войскъ по второму нашему разсчету, что̀ потребуетъ 500 тысячъ рублей прибавки къ категорическимъ деньгамъ. Можно поздравить наши достойныя войска съ этою монаршею милостію, которая даетъ возможность кормить солдата какъ слѣдуетъ по положенію, не уменьшая узаконенной его порціи. Также Высочайше одобрены распоряженія вашего сіятельства̀ о перенесеніи во Владикавказъ штаба Лѣваго крыла, 20-го стрѣлковаго и линейнаго № 8 баталіоновъ.

Въ Царскомъ Селѣ я занимался еще разъ съ военнымъ министромъ, который съ своей стороны выразилъ совершенное согласіе на проектъ преобразованія артилеріи полевой и гарнизонной. Тутъ же былъ и князь Васильчиковъ *), съ которымъ я условился о дальнѣйшемъ канцелярскомъ ходѣ дѣла. Между прочими новостями военный министръ объявилъ мнѣ, что здѣсь учреждается центральная школа для обученія офицеровъ стрѣльбѣ и употребленію нарѣзнаго оружія и что отъ каждаго полка будетъ въ эту

*) Князь Викторъ Иларіоновичъ —тогдашній товарищъ военнаго министра.

школу присылаться по одному офицеру на годичный срокъ, дабы имѣть въ полкахъ хорошихъ инструкторовъ. Необходимо будетъ воспользоваться этимъ полезнымъ учрежденіемъ и для Кавказскихъ войскъ избраніемъ по одному лучшему и способнѣйшему офицеру отъ каждаго полка.

Теперь всѣ привезенныя мною представленія уже одобрены и разрѣшены свыше; но остается самая медленная и скучная часть дѣла—процедура канцелярская. Надобно будетъ зорко слѣдить за теченіемъ дѣла. На дняхъ будетъ отправленъ къ вашему сіятельству фельдъегерь съ письмомъ Государя Императора. Вдовствующая Императрица много разспрашивала о вашемъ сіятельствѣ и Кавказѣ. Ея Величество весьма поправилась въ здоровьѣ своемъ и въ силахъ.

Видѣлся я сегодня съ вашимъ братомъ княземъ Владиміромъ Ивановичемъ, который получилъ отъ меня самыя подробныя свѣдѣнія о жизни вашей и занятіяхъ.

5.

26 Октября, Суббота.

Великій Князь Михаилъ Николаевичъ, пріѣхавъ сегодня въ городъ, принялъ меня весьма благосклонно, выслушалъ объясненіе главныхъ основаній вашихъ предположеній по артилерійской части и обѣщалъ оказать съ своей стороны все содѣйствіе успѣшному и скорому утвержденію проекта. Видѣлся я сегодня же съ графомъ Барановымъ, ген.-ад. княземъ Долгоруковымъ, Влад. Петр. Бутковымъ, Ст. Ал. Хрулевымъ и другими лицами. Графъ Барановъ очень заботится объ усовершенствованіяхъ по ружейной части и вызывается помогать въ этомъ важномъ дѣлѣ Кавказскимъ войскамъ. При этомъ говорено было о той школѣ, о которой я писалъ уже вчера, также о присылкѣ поочередно на Кавказъ стрѣлковыхъ баталіоновъ арміи для практикованія и проч. Бутковъ, съ которымъ я только теперь познакомился, показалъ мнѣ не только сочувствіе къ дѣламъ Кавказскимъ, но и личную преданность къ вашему сіятельству и говорилъ съ жаромъ въ вашу пользу. Какъ онъ, такъ и потомъ князь Вас. Анд. Долгоруковъ завели рѣчь объ Астраханской губерніи и намекали на то, что слѣдовало бы тамошняго жандармскаго штабъ-офицера отдѣлить отъ VI-го округа и подчинить Кавказскому округу. Я отвѣтилъ, что теперь, когда вопросъ о Каспійской флотиліи и присоединеніи Астрахани принялъ уже новое направленіе, ваше сіятельство по всѣмъ вѣроятіямъ и сами изволите войти съ представленіемъ по означенному предмету. Съ княземъ Долгоруковымъ я съ умысломъ распространился о нелѣпыхъ слухахъ, распускаемыхъ въ Петербургѣ, на что онъ увѣрялъ меня, что клеветы эти не заслуживаютъ никакого вниманія и нисколько не могутъ вредить вашему сіятельству.

Ген.-лейт. Хрулевъ уѣзжаетъ завтра въ Москву. Кокоревъ присылалъ ко мнѣ Девеля спросить, когда я могу принять его. Новосельскаго и бар. Торнау я также не видалъ еще. Всѣ толкуютъ о предполагаемой на Кавказѣ желѣзной дорогѣ, но съ явнымъ видомъ сомнѣнія и недовѣрчивости.

6.

28 Октября, Понедѣльникъ.

Вчера весь день я провелъ въ Царскомъ Селѣ: утромъ на выходѣ, вечеромъ на балѣ, что̀ доставило мнѣ случай видѣть многихъ и каждаго вразумлять о нашихъ дѣлахъ. На балѣ Государь Императоръ нѣсколько разъ изволилъ милостиво обращаться ко мнѣ и между прочимъ сказалъ, что, вмѣсто отправленія фельдъегеря, намѣревается вручить мнѣ письмо къ вашему сіятельству въ томъ предположеніи, что я уже кончилъ свои дѣла и скоро уѣду обратно. Но къ сожалѣнію, дѣла здѣсь идутъ не такъ быстро, какъ полагалъ Его Величество: вчера я узналъ съ прискорбіемъ, что въ канцеляріи Военнаго Министерства возникла уже опозиція противъ нашего проекта штатовъ и притомъ опозиція самая неожиданная. Находятъ, что мы предлагаемъ измѣненія не довольно радикальныя. Здѣсь вообще я нашелъ поразительное явленіе: стремленіе къ преобразованіямъ и изобрѣтенію чего либо новаго обуяло всѣхъ и каждаго; хотятъ, чтобы все прежнее ломали теперь же, прежде чѣмъ обдумано новое. Не стану теперь объяснять въ чемъ именно желаютъ здѣсь измѣнить существующій въ управленіи порядокъ, ибо ожидаю отъ военнаго министра назначенія особой аудіенціи для того, чтобы узнать положительнѣе, чего хотятъ и какой дадутъ ходъ нашему дѣлу. Во всякомъ случаѣ я вижу, что дѣло затянется.

7.

29 Октября, Вторникъ.

Сегодня утромъ я видѣлся опять съ военнымъ министромъ, съ кн. Васильчиковымъ и ген. Герштенцвейгомъ, чтобы разузнать о ходѣ дѣла. Всѣ трое говорятъ разное: первый, что считаетъ дѣло рѣшеннымъ; второй, что вѣроятно не будетъ надобности дѣлать измѣненія въ проектѣ штатовъ, если смотрѣть на этотъ проектъ, какъ на временный (а между тѣмъ я засталъ кн. Васильчикова сочиняющимъ какую-то записку по предмету этого проекта); наконецъ, г. Герштенцвейгъ, недовольный тѣмъ, что его устранили отъ этого дѣла, предсказываетъ мнѣ длинную проволочку и препятствія. Къ сожалѣнію мнѣ кажется, что можно болѣе вѣрить послѣднему.

Въ этихъ видахъ я рѣшаюсь не отлагать долѣе отправленія моего письма и прошу дежурнаго генерала послать завтра же фельдъегеря въ Тифлисъ, чтобы не оставлять ваше сіятельство въ неизвѣстности о положеніи дѣла. Чрезъ нѣсколько дней постараюсь отправить другаго курьера, избѣгая писать вамъ по почтѣ.

Съ министромъ иностранныхъ дѣлъ я до сихъ поръ не видался, хотя заѣзжалъ къ нему два раза и получилъ его карточку на другой же день моего визита. Я узналъ сегодня, что въ комитетѣ, собиравшемся у Великаго Князя Константина Николаевича, обсуждалось ваше представленіе о дополнительномъ распоряженіи на счетъ каботажнаго плаванія въ Черномъ морѣ. Князь Горчаковъ возсталъ противъ этого требованія, говоря, что столь скорое измѣненіе указа, только что распубликованнаго, покажетъ

шаткость и необдуманность нашихъ правительственныхъ дѣйствій. Мнѣ передана на разсмотрѣніе составленная совмѣстно министерствами иностранныхъ дѣлъ и морскимъ инструкція нашимъ крейсерамъ; я нашелъ, что она вся написана въ видахъ огражденія контрабандистовъ и крайняго стѣсненія нашихъ крейсеровъ. Объ этомъ я прямо сказалъ Великому Князю Генералъ-Адмиралу, который признаетъ справедливость моего мнѣнія, но изволилъ отозваться, что иначе невозможно было сдѣлать по настоятельному требованію Министерства Иностранныхъ Дѣлъ. Тайный совѣтникъ Мальцовъ сказалъ мнѣ также, что замѣнить въ чемъ-либо составленную инструкцію невозможно. Такимъ образ. крейсерство у насъ будетъ только номинальное, а существенная мѣра охраненія берега будетъ заключаться въ нашихъ судахъ, которыя необходимо будетъ и впредь употреблять по примѣру дѣйствій ген. Филипсона въ нынѣшнемъ году. Составляя нынѣ проектъ устройства нашей флотиліи, мы стараемся обезпечить нашихъ береговыхъ начальниковъ въ этомъ отношеніи и дать имъ средства къ исполненію того, что́ крейсерство не въ состояніи будетъ выполнить. Весною будущаго года, когда приступлено будетъ къ упраздненію Анапы, само собою окажется неизбѣжнымъ сдѣлать новую публикацію для измѣненія сдѣланныхъ теперь распоряженій относительно ограниченія свободнаго плаванія торговыхъ судовъ при восточномъ берегѣ; тогда и вопросъ о каботажномъ плаваніи долженъ подняться снова, такъ что я смотрю на всѣ теперешнія мѣры по этому предмету только какъ на временныя до будущей весны. Въ такомъ смыслѣ я говорилъ военному министру и буду говорить князю Горчакову.

Адъютантъ военнаго министра Толстой возвратился изъ Астрахани и привезъ, по словамъ Николая Онуфріевича, неопровержимыя улики существовавшихъ тамъ обширныхъ злоупотребленій по провіантской части. Военный министръ не только убѣдился въ виновности самого вице-адм. Васильева, но подозрѣваетъ и соучастіе нашего интендантства. Николай Онуфріевичъ поручаетъ мнѣ предостеречь ваше сіятельство на сей счетъ и обѣщаетъ прислать ко мнѣ самого Толстаго со всѣми бумагами и документами. Не хочется вѣрить столь прискорбному подозрѣнію, но не смѣю и опровергать, пока не узнаю, въ чемъ дѣло.

8.

30 Октября.

Фельдъегерь, который долженъ былъ отправиться сегодня съ письмомъ моимъ къ вашему сіятельству, поѣдетъ только послѣ-завтра и, какъ кажется, повезетъ къ вамъ письма самого Государя Императора. Пользуясь этою отсрочкою, я продолжаю мой отчетъ или лучше сказать дневникъ моего пребыванія въ Петербургѣ.

Сегодня Великій Князь Генералъ-Адмиралъ собралъ у себя в.-адм. Метлина, к.-адм. Краббе и насъ съ Обезъяниновымъ, чтобы обсудить будущее устройство морской части на Кавказѣ. Рѣшено принять тотъ самый порядокъ, который мы предложили и который уже былъ изложенъ въ чернѣ

Обезъяниновымъ. За основаніе принята передача судовъ Кавказскихъ въ составъ Черноморскаго флота и всѣхъ издержекъ на счетъ Морскаго Министерства. Рѣчь была о Бакинской станціи и отношеніяхъ главнокомандующаго къ Каспійской флотиліи. Вопросъ этотъ, какъ надѣюсь, уладится скоро.

Вмѣстѣ съ симъ я пишу къ капитану Стеценкѣ въ отвѣтъ на полученное здѣсь письмо его, въ которомъ онъ опять жалуется на свое положеніе и предоставляетъ мнѣ дать направленіе дальнѣйшей его служебной дѣятельности. Я объясняю ему сущность неудовольствій его и сообщаю мой разговоръ о немъ съ Великимъ Княземъ. Здѣсь весьма затрудняются пріискать ему назначеніе: прежде выхваляли до небесъ, а теперь не могутъ придумать на что употребить его. Обезъяниновымъ я очень доволенъ.

Сегодня же я имѣлъ честь быть у Великой Княгини Маріи Николаевны, которая удостоила меня довольно продолжительнымъ разговоромъ о Кавказѣ. Ея Высочество была нѣсколько удивлена, услышавъ, что ваше сіятельство вовсе не замышляете никакихъ громкихъ и кровопролитныхъ экспедицій, а довольствуетесь постройками, рубкою лѣсовъ и проложеніемъ дорогъ. Казалось, Великая Княгиня иначе понимала доселѣ нашъ образъ дѣйствій на Кавказѣ и объясненія мои изволила принять одобрительно.

9.

31 Октября. Четвергъ.

Военный министръ прислалъ ко мнѣ своего адъютанта Толстаго, который прочелъ мнѣ рапортъ по дѣламъ Астраханскаго провіантскаго комитета. Нѣтъ сомнѣнія, что тамъ были большія злоупотребленія. Соучастіе нашего интендантства въ оффиціальномъ рапортѣ не высказано; но Толстой на словахъ объявилъ, что положительно убѣжденъ въ личномъ участіи самого генералъ-интенданта, ссылаясь при этомъ на показанія полк. Северикова. Поэтому, если бы ваше сіятельство пожелали разъяснить это важное сомнѣніе, то по моему мнѣнію всего было бы удобнѣе самого Северикова подъ какимъ-либо предлогомъ вытребовать въ Тифлисъ.

Видѣлся я съ бар. Торнау, который выразилъ мнѣ свое сожалѣніе, что мысль вашего сіятельства о желѣзной дорогѣ отклоняетъ исполненіе многихъ намѣреній компаніи въ пользу Закавказскаго края. Нѣтъ сомнѣнія, что правительство никакъ не согласится ни на объявленіе всего Закавказья porto franco, ни на гарантію 5%; а потому предложенныя Кокоревымъ условія можно считать несбыточными. Считаю обязанностью предупредить объ этомъ ваше сіятельство для соображенія вашего.

10.

2 Ноября.

Спѣшу обрадовать ваше сіятельство извѣстіемъ, что 13 и 18 пѣхотныя дивизіи остаются на Кавказѣ еще на 1859 годъ, о чемъ вѣроятно пишетъ вамъ и самъ Государь Императоръ съ симъ же фельдъегеремъ, отъѣздъ котораго еще отложенъ до завтрашняго дня.

Вчера военный министръ пригласилъ меня къ себѣ и въ присутствіи князя Васильчикова началъ высказывать нѣкоторыя замѣчанія относительно проекта предстоящихъ въ будущемъ году военныхъ дѣйствій; въ особенности же съ упрекомъ доказывалъ, что все предположеніе такъ составлено, какъ будто 13 и 18 дивизіи остаются совсѣмъ на Кавказѣ. Въ заключеніе онъ объявилъ, что на другой день (т.-е. сегодня) будетъ по этому предмету докладывать Государю Императору и что Его Величеству угодно, чтобы я при этомъ присутствовалъ. Согласно такому повелѣнію я отправился вчера въ Царское Село и сегодня имѣлъ счастіе прочесть Государю все предположеніе на будущій 1858 годъ. По мѣрѣ чтенія, военный министръ докладывалъ о своихъ замѣчаніяхъ, а я объяснялъ сущность дѣла, и Государь изволилъ во всемъ соглашаться съ предположеніями вашего сіятельства, часто повторяя, что находитъ все совершенно основательнымъ. Въ заключеніе Его Величество изволилъ объявить, что видитъ теперь всѣ выгоды пребыванія на Кавказѣ 13 и 18 пѣх. дивизій и разрѣшаетъ оставить ихъ для довершенія начатыхъ предпріятій. Военный министръ спросилъ, на какой срокъ? Тогда Государь изволилъ назначить до осени 1859 года, съ тѣмъ, чтобы не требовать уже укомплектованія сихъ дивизій, а, по мѣрѣ убыли въ нихъ людей, переформировывать полки въ 3 и 2 баталіонный составъ. Низко поклонившись Монарху, я доложилъ, что ваше сіятельство съ радостью узнаете о новой милости Его Величества. Впослѣдствіи военный министръ опять распрашивалъ меня, какъ будемъ мы продолжать предположенныя дѣйствія въ Закубанскомъ краѣ послѣ осени 1859 года, когда уйдутъ полки 13-й дивизіи. Отвѣчая на это, я предложилъ новую мысль: командировать ежегодно изъ Крыма въ помощь нашему Крымскому полку поочередно части ближайшихъ корпусовъ, подобно тому, какъ уже предположено относительно стрѣлковыхъ баталіоновъ, имѣя въ виду, что командировки эти будутъ служить прекрасною школою для арміи. Военный министръ нашелъ эту мысль удачною и обѣщалъ подумать.

Сегодня же при мнѣ военный мнинстръ докладывалъ Государю о предполагаемыхъ артиллерійскихъ постройкахъ за р. Вѣрою, о чемъ требовались мои объясненія. Рѣшено ожидать отъ вашего сіятельства полнаго проекта и смѣты съ тѣмъ, чтобы тогда опредѣлить, на сколько лѣтъ придется разсрочить этотъ расходъ, смотря по размѣру тѣхъ суммъ, которыя возможно будетъ ежегодно ассигновать на этотъ предметъ. При этомъ я упомянулъ, что есть еще мысль о построеніи артилерійскихъ зданій не въ Тифлисѣ, а въ Мцхетѣ или даже выше по Арагвѣ, на что Государь Императоръ изволилъ выразиться, что мысль эта не дурна и заслуживаетъ соображенія.

Въ продолженіе доклада говорено было еще о многихъ частныхъ предметахъ, которые трудно было бы перечислить. Между прочимъ была опять рѣчь о переселеніи въ значительномъ размѣрѣ Донскихъ казаковъ на Кавказъ, а Кавказскихъ горцевъ на Донъ; вопросъ этотъ подви-

гается къ рѣшенію довольно успѣшно. Вообще Государь изволилъ давать рѣшенія самыя милостивыя и между прочимъ сказалъ военному министру, что надобно стараться не задерживать меня долго въ Петербургѣ.

Когда я собирался уже выдти изъ кабинета Государя, вошелъ фельдъегерь, который привезъ ваше письмо къ Его Величеству и печальное донесеніе о Кутаисскомъ происшествіи. Государь изволилъ при военномъ министрѣ и при мнѣ прочитать вслухъ почти все письмо, изъявлялъ удовольствіе по предмету удачныхъ дѣйствій въ Салатавіи, желаніе свое, чтобы осуществилось предположеніе о желѣзной дорогѣ въ Закавказьѣ, а когда рѣчь дошла до предполагаемаго вами назначенія барона Врангеля, то Государь изволилъ выразиться, что, при всемъ желаніи своемъ удержать здѣсь этого генерала, не можетъ отказать на ваше представленіе *).

Вообще я весьма доволенъ результатами своей поѣздки въ Царское Село. Тамъ и на желѣзной дорогѣ я имѣлъ случай многое разъяснить военному министру и замѣтилъ, что изъ сдѣланныхъ ему докладовъ о нашихъ проектахъ штатовъ онъ составилъ себѣ понятіе весьма неточное. По возвращеніи въ Петербургъ я заѣхалъ къ бар. Врангелю, который видимо доволенъ предложеніемъ вашимъ и хотя говоритъ, что предоставляетъ свою судьбу вполнѣ Высочайшему усмотрѣнію, однакоже на мои настоятельные вопросы отвѣчалъ, что не откажется отъ предлагаемаго мѣста. Онъ будетъ самъ отвѣчать вашему сіятельству. Завтра, по случаю воскреснаго дня, онъ будетъ въ Царскомъ Селѣ, и вѣроятно Государь заговоритъ съ нимъ объ этомъ дѣлѣ. Сегодня же я познакомился съ ген. Кауфманомъ, только что возвратившимся изъ путешествія, и просилъ его не задерживать нашихъ проектовъ по инженерной части.

Возвратившись домой, я нашелъ множество привезенныхъ изъ Тифлиса фельдъегеремъ писемъ и бумагъ. Приношу искреннѣйшую благодарность за письмо вашего сіятельства. Почти всѣ упоминаемыя въ немъ порученія уже исполнены, какъ вы изволили видѣть изъ прежнихъ моихъ писемъ. Что касается до желѣзной дороги, то мнѣ показалось изъ письма вашего, что есть недоразумѣніе въ соображеніяхъ относительно условій г-на Кокорева. Ваше сіятельство упоминаете исключительно о требованіи его объявить весь Закавказскій край porto-franco, но оставляете безъ вниманія другое болѣе важное требованіе—гарантію въ 5%. Условіе это не высказано прямо, но подразумѣвается въ пунктѣ 2-мъ и совершенно измѣняетъ размѣръ пожертвованія, требуемаго отъ казны.

По предмету доставленнаго вамъ проекта о восточныхъ дѣлахъ я узналъ, что проектъ сей составленъ полковникомъ Игнатьевымъ, котораго и предполагается отправить начальникомъ экспедиціи по Аму-Дарьѣ. Ханыковъ же ѣдетъ на дняхъ въ Тифлисъ и поведетъ экспедицію отъ Астраба-

---

*) Считаю себя обязаннымъ довести до вашего свѣдѣнія, что Государь при чтеніи вашего письма изволилъ замѣтить, что ваше сіятельство пишете слишкомъ свѣтлыми чернилами.

да. Планъ этотъ выработался подъ главнымъ руководствомъ Великаго Князя Константина Николаевича; но все это узналъ я стороной, оффиціально же со мною не говорятъ объ этихъ дѣлахъ, а я разумѣется считаю неприличнымъ заводить рѣчь. Быть можетъ услышу что нибудь отъ князя Горчакова и Ковалевскаго, съ которыми я не видѣлся еще.

Дѣла Сванетскія все болѣе усложняются. Кажется, придется въ будущемъ году опять предпринять туда экспедицію, болѣе серьезную. Строить же тамъ укрѣпленіе и оставлять постоянный гарнизонъ, по моему мнѣнію, едва ли возможно, прежде чѣмъ страна не изслѣдована болѣе точнымъ образомъ. Относительно князя Александра Дадешкильяна Государь изволилъ при мнѣ приказать военному министру усилить надзоръ.

По нѣкоторымъ предметамъ, сообщеннымъ мнѣ ген. Карлгофомъ, я не успѣю отвѣчать сегодня, а напишу съ будущимъ курьеромъ. Весьма сожалѣю, что отправленіе фельдъегеря было столько разъ отлагаемо и боюсь, что ваше сіятельство можете быть недовольны, не получая такъ долго моихъ донесеній.

11.

4 Ноября.

Вчерашнее письмо мое не поспѣло къ отъѣзду фельдъегеря, который былъ отправленъ прямо изъ Царскаго Села, а потому я вручаю это письмо штабсъ-капитану генеральнаго штаба Ризенкампфу, назначенному на службу на Кавказъ и отправляемому по моей просьбѣ курьеромъ. Сожалѣю, что сообщаемыя мною извѣстія дойдутъ до вашего сіятельства слишкомъ поздно и предупреждены будутъ письмомъ самого Государя Императора. Въ дополненіе же къ сказанному мною о бар. Врангелѣ, имѣю честь препроводить при семъ собственное его письмо къ вашему сіятельству.

Вчера я наконецъ видѣлся съ княземъ Горчаковымъ, котораго нашелъ въ какомъ-то раздражительномъ расположеніи духа. Онъ говорилъ съ большою горячностью, что распоряженія относительно блокады Кавказскаго берега могутъ поссорить насъ съ Европою, что онъ никакъ не согласится, чтобы теперь сдѣлано было какое-либо новое измѣненіе въ объявленномъ недавно дозволеніи иностраннымъ судамъ производить каботажное плаваніе и приставать къ тремъ пунктамъ берега, что упраздненіе Анапы произведетъ непріятное впечатлѣніе въ Европѣ, что еслибы и необходимо было намѣреніе это привести въ исполненіе, то надобно непремѣнно въ замѣнъ Анапы назначить какой-нибудь другой пунктъ на томъ же берегу. Всѣ доводы мои о нашихъ правахъ государства независимаго, о военныхъ соображеніяхъ, о напрасныхъ опасеніяхъ и проч. только болѣе еще раздражали министра. Впрочемъ онъ былъ учтивъ; о дѣлахъ же собственно Азіятскихъ не говорилъ со мною ни слова.

Послѣ того я видѣлся съ Н. В. Ханыковымъ, который далъ мнѣ нѣкоторыя объясненія по предмету экспедиціи на Востокѣ. Оказывается, что первоначальное предположеніе было подано Государю Императору въ Варшавѣ полковникомъ Игнатьевымъ, что Его Величество изволилъ поручить

это дѣло Великому Князю Константину Николаевичу, что тогда призванъ былъ Ханыковъ, отъ котораго потребовали также записку и предложили ему принять на себя экспедицію въ Хорасанъ. Проекту этому данъ видъ чисто-ученый, почему онъ и разсматривался въ Географическомъ Обществѣ. Впрочемъ окончательныя инструкціи Ханыковъ долженъ получить отъ вашего сіятельства, и для того онъ ѣдетъ на дняхъ въ Тифлисъ.

Сегодня я имѣлъ объясненія съ ген.-ад. Чевкинымъ по всѣмъ касающимся до него дѣламъ. Этотъ человѣкъ во всемъ старается отыскать какую-нибудь невыгодную сторону, чтобы затруднить ходъ дѣла. Однакоже послѣ длиннаго разговора, прощаясь, онъ увѣрялъ, что самъ вполнѣ убѣжденъ въ важности устройства Военно-Грузинской дороги и Каспійскаго пароходства и что будетъ помогать успѣху этихъ дѣлъ сколько отъ него зависитъ, но считаетъ именно теперешнее время самымъ невыгоднымъ, чтобы пускать въ ходъ подобные проекты, а потому и совѣтуетъ не торопиться. Дѣло о новомъ штатѣ путей сообщенія на Кавказѣ, не смотря на сдѣланныя мнѣ письменно возраженія, кажется, уладится: ген. Чевкинъ сказалъ, что въ основаніяхъ проекта онъ совершенно согласенъ и даже желалъ бы примѣнить туже систему ко всей Россіи. О Каспійскомъ же пароходствѣ мнѣ предстоятъ на дняхъ еще совѣщанія съ Новосельскимъ, Головнинымъ, Метлинымъ и другими лицами.

Ген. Герштенцвейгъ, который до сихъ поръ показывалъ особенное расположеніе поддерживать меня въ дѣлѣ о новыхъ штатахъ, начинаетъ также возставать противъ нашего главнаго штаба, подъ тѣмъ предлогомъ, что вскорѣ предполагается сдѣлать болѣе радикальныя перемѣны въ главномъ штабѣ 1-й арміи. Мнѣ кажется, что онъ мститъ за то, что намъ удалось, вопреки его желанію, удержать на Кавказѣ 13 и 18 дивизіи. Когда я съ радостію сообщилъ ему о полученномъ мною отъ самого Государя Императора соизволеніи, ген. Герштенцвейгъ вскрикнулъ отъ досады и не стараясь скрыть своего неудовольствія. Впрочемъ по наружности и теперь отношенія наши съ нимъ очень хороши, совершенно пріятельскія

12.

5-е Ноября.

Сейчасъ вышелъ отъ меня В. П. Бутковъ, который по прежнему преданъ вполнѣ пользамъ Кавказскаго края и работаетъ усердно для успѣшнаго хода представленій вашего сіятельства. Еслибы наши военные проекты шли чрезъ Кавказскій Комитетъ, то навѣрное все было бы уже рѣшено. Вѣроятно вамъ уже сообщено о вновь послѣдовавшемъ Высочайшемъ повелѣніи, данномъ по поводу жалобы вашей на Министерство Народнаго Просвѣщенія на счетъ 15 т. рублей, которые хотѣли урѣзать у Кавказскаго округа. Подтверждено настоятельно, чтобы министры не дѣлали никакихъ распоряженій по дѣламъ Кавказскимъ, ни отъ себя, ни чрезъ Государственный Совѣтъ, а все вносили въ Кавказскій Комитетъ.

Сегодня же я имѣлъ продолжительное свиданіе съ Новосельскимъ. Онъ не охлаждается въ своихъ предпріятіяхъ относительно Кавказа и ведетъ ихъ, какъ кажется, дѣятельно.

Я былъ крайне удивленъ, узнавъ, что бар. Врангель перемѣнилъ свое намѣреніе и отказался отъ предложеннаго ему мѣста въ Кутаисѣ. Сегодня уже явился ко мнѣ претендентъ на это мѣсто, ген. ад. Фроловъ, который сказалъ, будтобы мысль эту далъ ему военный министръ; я отвѣчалъ однакоже, что ваше сіятельство имѣли уже въ виду другаго кандидата на случай, если бы назначеніе бар. Врангеля не состоялось, и такимъ образомъ отклонилъ этого протендента. Надѣюсь, что этотъ поступокъ будетъ одобренъ вами.

13.

7-го Ноября.

Вчера отправилъ я съ штабсъ-капитаномъ Ризенкампфомъ два мои письма (№ 3 и 4) и третье отъ ген.-ад. барона Врангеля. Изъ этихъ писемъ вашему сіятельству уже извѣстно, что сей послѣдній не принялъ предложеннаго ему мѣста. Вечеромъ вчерашняго же дня пріѣхалъ ко мнѣ полк. графъ Эльстонъ *) со страннымъ порученіемъ военнаго министра, чтобы я представилъ вамъ для выбора на мѣсто Кутаисскаго генералъ-губернатора нѣсколькихъ кандидатовъ. Я объявилъ Эльстону, что ваше сіятельство имѣете списки генераловъ, хорошо знаете и сами придумаете на комъ остановить вашъ выборъ. Пользуясь случаемъ, я высказалъ Эльстону много горькой правды о Военномъ Министерствѣ и образѣ дѣйствій его относительно Кавказа. Не сомнѣваюсь, что моя филиппика будетъ передана выше, а въ этомъ и состояла моя цѣль. Съ удивленіемъ я услышалъ отъ Эльстона, что онъ ничего болѣе не желалъ бы какъ служить на Кавказѣ и командовать тамъ полкомъ. Кажется, онъ не совсѣмъ доволенъ настоящимъ своимъ служебнымъ положеніемъ.

Вчера же посѣтилъ меня живописецъ Айвазовскій, съ которымъ я былъ знакомъ прежде, а сегодня онъ привезъ съ собою и брата своего новаго епископа Бессарабскаго. Послѣдній увѣряетъ, что не желаетъ быть избраннымъ въ католикосы, что откажется, еслибы и былъ избранъ, потому будтобы, что избраніе это отвлекло бы его отъ настоящаго предпринятаго имъ важнаго дѣла духовнаго и учебнаго заведенія въ Ѳеодосіи, а между тѣмъ на мѣстѣ патріарха, при теперешней обстановкѣ, ничего полезнаго сдѣлать нельзя. Не могу разгадать, искренни ли эти увѣренія, или надобно видѣть въ нихъ какую-нибудь тонкую стратагему. Въ разговорѣ, какъ бы вскользь, оба брата Айвазовскіе упомянули о неудовольствіи возбужденномъ въ Армянскомъ мірѣ Саркисомъ; о томъ, что назначеніе его патріархомъ было бы весьма вредно для нашихъ цѣлей и что теперь, по мнѣнію епископа, всего было бы выгоднѣе, если бы въ это званіе попалъ человѣкъ ничтожный и бездѣйственный. Въ заключеніе онъ просилъ меня от-

*) Вице-директоръ канцеляріи военнаго министра.

везти письмо его къ вашему сіятельству и подтвердить на словахъ о намѣреніи его отклонить отъ себя честь избранія въ патріархи. Разумѣется я показывалъ видъ во все время разговора, что не знакомъ вовсе съ дѣлами Армянской церкви, что они вовсе до меня не касаются и что передамъ только вашему сіятельству все слышанное мною.

А. В. Головнинъ отъ имени Великаго Князя Константина Николаевича просилъ меня (письменно), чтобы я представилъ мнѣніе мое о маршрутѣ для предполагаемаго въ будущемъ году путешествія Его Высочества въ Каспійское море и въ Закавказскій край. Точно такое же порученіе дано Н. В. Ханыкову и, можетъ быть, еще кому-нибудь. Я намѣренъ уклониться отъ исполненія этого порученія и сказать, что требуемый проектъ маршрута будетъ доставленъ отъ вашего сіятельства.

14.

8-го Ноября.

Сегодня, на парадѣ л.-гв. Московскаго и Литовскаго полковъ, я имѣлъ случай видѣться и переговорить со многими лицами. Великіе Князья Николай Николаевичъ и Михаилъ Николаевичъ оба подошли ко мнѣ и сами объявили, что разсматривали внимательно проекты новыхъ штатовъ по части артилерійской и инженерной, что остались очень довольны, найдя все прекраснымъ и дали уже одобрительные отзывы военному министру. За то послѣдній почти въ моихъ глазахъ горячо укорялъ ген.-ад. Баранцева въ томъ, что отъ имени генералъ-фельдцехмейстера данъ былъ такъ поспѣшно отвѣтъ и что всѣ предположенія одобрены. За тѣмъ ген.-ад. Сухозанетъ подошелъ ко мнѣ и началъ объяснять, что нѣтъ возможности утвердить весь проектъ штатовъ, при чемъ ясно было одно, что онъ самъ не читалъ проекта, не имѣетъ о немъ ни малѣйшаго понятія, и говоритъ чужими словами. Я замѣтилъ, что всѣ трое Великіе Князья говорили что-то военному министру о нашемъ проектѣ, а тотъ съ жаромъ оспаривалъ. Я настоятельно просилъ военнаго министра, чтобы онъ далъ мнѣ случай въ его присутствіи выслушать всѣ возраженія на проектъ и дать изустныя объясненія; но гласность не входитъ въ разсчеты здѣшнихъ дѣятелей: они предпочитаютъ разстроивать дѣла въ тихомолку, зная, что могутъ говорить все, что вздумаютъ и что все будетъ принято отъ нихъ какъ непреложное. Они даютъ дѣлу совершенно превратныя толкованія. Военный министръ самъ не имѣетъ времени вникнуть въ дѣло, а мнѣ не хочетъ вѣрить. Возвратившись домой подъ вліяніемъ самыхъ мрачныхъ впечатлѣній, я обдумываю планъ дальнѣйшихъ дѣйствій моихъ, но не могу найти средства, чтобы одолѣть безсмысленное противодѣйствіе министерства. Не могу даже отгадать причины, побуждающія къ этому противодѣйствію; ибо нѣкоторыя капитальныя статьи проекта, противъ которыхъ я ожидалъ наиболѣе возраженій, приняты уже и даже съ прибавками. Кажется, надѣются уступками на одномъ взять верхъ на другомъ.

Имѣлъ я также разговоръ съ Никол. Ник. Анненковымъ, который, не давая мнѣ выговорить слова, излилъ токъ краснорѣчія своего, чтобы доказать, что установленныя правила контроля необходимо соблюдать въ точности, что онъ самъ лично желаетъ отъ всей души устранить всякіе поводы къ недоразумѣніямъ и неудовольствіямъ; что впрочемъ слѣдовало бы на Кавказѣ учредить независимый контроль, какъ въ Царствѣ Польскомъ и пр. пр. Онъ взялъ съ меня обѣщаніе, что я пріѣду къ нему на дняхъ вечеромъ еще поговорить.

Вечеръ провелъ я у ген.-ад. Ростовцова, который очень оскорбленъ докладомъ, составленнымъ въ Инспекторскомъ Департаментѣ вслѣдствіе представленія вашего сіятельства по поводу бѣгства въ горы Паркея. Еще прежде, по сношенію съ В. П. Бутковымъ, былъ уже приготовленъ ген. Ростовцовымъ проектъ объ уменьшеніи числа воспитанниковъ изъ горцевъ въ военно-учебныхъ заведеніяхъ; предполагалось оставить для нихъ всего 30 вакансій, а всѣ деньги, которыя отпускались на остальныхъ, обратить въ ваше распоряженіе, также на воспитаніе горцевъ на мѣстѣ ихъ родины. Теперь же, говорилъ онъ, получивъ докладъ Инспекторскаго Департамента о совершенной отмѣнѣ присылки горцевъ въ кадетскіе корпуса, онъ уже не намѣренъ пускать въ ходъ прежній свой проектъ и не станетъ хлопотать относительно суммъ. Надобно замѣтить, что въ докладѣ Инспекторскаго Денортамента довольно рѣзко выставлены невыгоды и недостатки воспитанія горцевъ въ корпусахъ; что докладъ этотъ уже былъ предварительно доложенъ Государю и отчасти уже одобренъ Его Величествомъ. Вообще замѣтно, что ген. Ростовцовъ въ дурномъ расположеніи духа и держитъ себя въ тѣни.

О несчастномъ происшествіи въ Кутаисѣ здѣсь говорятъ много, но перепутывая и искажая имена и весьма смутно понимая обстоятельства. Меня засыпаютъ вопросами и мнѣніями о Кавказѣ, болѣе или менѣе нелѣпыми и невѣжественными. Ваше сіятельство сами можете вполнѣ составить себѣ понятіе о тѣхъ нравственныхъ страданіяхъ, которыя я выношу ежедневно. Ежели пробуду здѣсь еще нѣсколько недѣль, то чувствую самъ, что у меня разольется желчь.

15.

13 Ноября.

Не имѣя въ виду скораго отправленія фельдъегеря, я опасаюсь слишкомъ долго оставлять ваше сіятельство безъ извѣстій о моихъ здѣсь дѣйствіяхъ, а съ другой стороны не рѣшаюсь и отправить подробный мой отчетъ по почтѣ. Поэтому я на сей разъ ограничусь только нѣсколькими словами, отлагая отправленіе моего подённаго донесенія до перваго фельдъегеря.

Вообще долженъ сказать вашему сіятельству, что дѣла мои сильно затянулись. Проектъ штатовъ встрѣчаетъ въ министерствѣ большое противодѣйствіе, которое до того раздражаетъ меня, что я отчасти по этой причинѣ слегъ эти дни въ постель и не знаю, что́ теперь дѣлается. Убѣ-

дительнѣйше прошу ваше сіятельство не говорить никому о моей болѣзни, потому что она можетъ встревожить жену; я посылаю ей съ этою же почтою длинное письмо нарочно для того, чтобы она не имѣла никакихъ опасеній за меня.

Поздравляю ваше сіятельство съ назначеніемъ князя Орбельяна генералъ-адъютантомъ. Государь самъ изволилъ мнѣ объявить объ этой милости на балѣ. Вообще Его Величество при каждомъ случаѣ изволитъ показывать высокое свое расположеніе къ вамъ и ввѣренному вамъ краю. Говоря о кандидатахъ на мѣсто генералъ-губернатора въ Кутаисѣ, Его Величество изволилъ назвать барона Врангеля того, который былъ на береговой линіи, а потомъ директоромъ корпуса и, наконецъ, теперь гдѣ-то губернаторомъ.

16.

16 Ноября, Суббота.

Вотъ ровно недѣля, что я не могъ написать ни строки въ моемъ подённомъ отчетѣ вашему сіятельству. Здоровье мое не выдержало всѣхъ испытаній физическихъ и нравственныхъ. Простудившись еще въ прошлую Субботу, я однакоже рѣшился въ Воскресенье отправиться въ Царское Село, разсчитывая тамъ воспользоваться случаемъ говорить съ Государемъ о положеніи нашихъ дѣлъ. На балѣ дѣйствительно Его Величество изволилъ подходить ко мнѣ, милостиво объявилъ о назначеніи князя Орбельяна генералъ-адъютантомъ, заговорилъ объ отказѣ ген.-ад. бар. Врангеля занять мѣсто въ Кутаисѣ и при этомъ упомянулъ о другомъ бар. Врангелѣ— губернаторѣ, нѣкогда бывшемъ на береговой линіи, а потомъ директоромъ Кадетскаго корпуса *). Къ крайнему сожалѣнію, мнѣ не удалось разговориться долѣе съ Государемъ: я почувствовалъ себя уже такъ худо, что долженъ былъ уйти съ бала, едва доѣхалъ до города и слегъ въ постель. Теперь начинаю поправляться, но цѣлая недѣля совершенно потеряна, и досадно подумать, что я самъ теперь причиняю замедленіе въ ходѣ дѣла. Между тѣмъ оно какъ будто начинаетъ двигаться. Военный министръ, не знаю съ какого повода, рѣшился, наконецъ, образовать особый комитетъ для разсмотрѣнія нашихъ штатовъ. Въ комитетѣ этомъ засѣдаютъ ген.-ад. бар. Ливенъ, кн. Васильчиковъ, Баранцовъ, Лутковскій, ген.-лейт. Вольфъ, ген.-м. Герштенцвейгъ, Кауфманъ, Непокойчицкій, и положено пригласить меня. Но первое засѣданіе происходило безъ меня по случаю моей болѣзни. Я слышалъ стороною, что замѣчанія комитета клонятся большею частію къ тому, что надобно возвратить проектъ для пополненія, потому будто, что отношенія и кругъ дѣйствія разныхъ лицъ не довольно подробно опредѣлены. Не теряю надежды, что при второмъ засѣданіи комитета я заставлю его дать дѣлу другое направленіе; но всего хуже то, что самый комитетъ

*) Впослѣдствіи я узналъ, что этотъ генералъ человѣкъ больной и отказывается отъ всякаго мѣста, требующаго дѣятельности. Нынѣ онъ попечителемъ одного изъ учебныхъ округовъ.

этотъ, какъ не имѣющій никакого значенія офиціальнаго или законнаго, не поведетъ еще ни къ какому результату: пока онъ разсуждаетъ, проектъ между тѣмъ разсматриваютъ своимъ чередомъ въ департаментахъ, гдѣ, разумѣется, встрѣчается въ низшихъ этажахъ бюрократіи еще болѣе опозиціи или, лучше сказать, инерціи. Во всякомъ случаѣ дѣло такъ затягивается, что я теряю надежду видѣть здѣсь конецъ его. Съ военнымъ министромъ почти не вижусь, потому что онъ живетъ, можно сказать, на желѣзной дорогѣ, и нигдѣ захватить его невозможно.

Во время болѣзни меня посѣщали многія лица: одни по участію, другія по надобностямъ. Въ числѣ послѣднихъ были адм. Серебряковъ и ген.-а. Семякинъ; оба были по два раза и, какъ я не могъ ихъ принять, то поручалъ лейт. Обезъянинову съѣздить къ адм. Серебрякову и узнать, чего онъ желаетъ. Оказалось, что онъ предлагаетъ себя въ кандидаты на мѣсто въ Кутаисѣ. Вѣроятно и ген. Семякинъ пріѣзжалъ съ тѣмъ же. Считаю долгомъ только довести объ этомъ до свѣдѣнія вашего сіятельства. Военный министръ присылалъ спросить у меня, не имѣю ли я вашего проекта о христіанскомъ братствѣ, о чемъ изволилъ спрашивать уже Государь. Я поспѣшилъ отправить къ военному министру присланную вами записку, сожалѣя однакоже, что болѣзнь не позволяетъ мнѣ лично пустить въ ходъ это интересное дѣло. Также препроводилъ я къ военному министру присланную мнѣ ген.-м. Карлгофомъ копію съ письма полк. Услара о происшествіи въ Кутаисѣ; полагаю, что Государю Императору будетъ интересно узнать подробности этого трагическаго событія. При этомъ же случаѣ я исполнилъ письменно порученіе вашего сіятельства относительно князя Александра Дадешкильяна и сына князя Константина.

Дѣло объ учрежденіи пароходнаго общества между Редутомъ и Требизондомъ встрѣтило было неожиданное затрудненіе по ошибкѣ, сдѣланной въ разсчетѣ помильной платы, которая положена только въ одинъ конецъ, а за обратный рейсъ не высчитана. Я поспѣшилъ удостовѣрить министра финансовъ (чрезъ Морское Министерство), что въ представленіи вашемъ означенный разсчетъ сдѣланъ просто по недоразумѣнію и что ваше сіятельство никакъ не будете противиться исправленію вкравшейся ошибки. Прилагаю при семъ въ копіи отношеніе, писанное по этому предмету Великимъ Княземъ къ тайн. с. Броку. Надѣюсь, что дѣло пойдетъ успѣшно и*) проектъ о Каспійскомъ пароходствѣ также идетъ своимъ путемъ; Новосельскому дѣлаютъ разные вопросы, но никто не противодѣйствуетъ. Что же касается до Кокоревской компаніи, то вѣроятно ваше сіятельство уже получили письмо барона Торнау, извѣщающее объ окончательномъ устройствѣ правленія этого товарищества. Торнау говорилъ мнѣ, что онъ писалъ къ вамъ также о желѣзной дорогѣ. Кокоревъ теперь въ Москвѣ и написалъ мнѣ, что желалъ бы видѣться со мною тамъ на обратномъ моемъ пути. Богъ знаетъ, когда это будетъ.

---

*) Есть уже увѣдомленіе отъ министра финансовъ, что ошибка будетъ исправлена.

Сегодня прислали мнѣ прочесть журналъ перваго періода зимнихъ дѣйствій ген.-л. Евдокимова. Государь изволилъ написать собственноручную резолюцію: „Хорошее начало. Дай Богъ, чтобы и все далѣе шло хорошо".

17.

17 Ноября, Воскресенье.

Баронъ Ливенъ пріѣзжалъ сказать мнѣ, что, по докладу письма моего къ военному министру, Государь изволилъ повелѣть немедленно отправить фельдъегеря за княземъ Александромъ Дадешкильяномъ, котораго отвезти въ Иркутскъ въ Забайкальское войско, а сына убійцы отправить въ Омскъ въ кадетскій корпусъ. Я просилъ барона Ливена, чтобы по этому случаю посланъ былъ фельдъегерь къ вашему сіятельству. Я забылъ сказать, что въ письмѣ къ военному министру я упомянулъ, что ваше сіятельство были вообще довольны дѣйствіями полк. Услара по Сванетскимъ дѣламъ и желали сдѣлать что нибудь для этого достойнаго штабъ-офицера. Рекомендація эта, какъ кажется, принята весьма милостиво, и вы изволите получить по этому предмету особое сообщеніе отъ военнаго министра. Наконецъ, Государь изволилъ признать полезнымъ напечатать въ газетахъ статью о Сванетскихъ дѣлахъ. Составленіе этой статьи хотятъ поручить ген.-м. Невѣровскому, а потому я и передалъ барону Ливену имѣвшіеся у меня матеріалы. Сегодня же былъ у меня директоръ Азіятскаго департамента ген.-м. Ковалевскій. Много говорили и спорили о дѣлахъ восточнаго берега Чернаго моря. Взглядъ дипломатовъ на этотъ вопросъ совершенно отличается отъ нашего.

18.

18 Ноября, Понедѣльникъ.

Сейчасъ вышелъ отъ меня графъ Толстой, оберъ-прокуроръ Святѣйшаго Синода, пріѣзжавшій ко мнѣ по приказанію самого Государя Императора переговорить по предмету предположенія вашего сіятельства о христіанскомъ братствѣ. Графъ Толстой не видѣлъ еще записки вашей, а потому я долженъ былъ словесно объяснить ему все дѣло. Кажется, онъ сочувствуетъ цѣли, но сомнѣвается, чтобы при настоящихъ обстоятельствахъ можно было надѣяться на сборъ значительныхъ суммъ. Нынѣ образуется подобное же общество для вспомоществованія православнымъ христіанамъ на Востокѣ, но дѣло это ведется негласно; ваше же предположеніе, какъ я стараюсь объяснить, требуетъ, напротивъ того, самой большой гласности. Впрочемъ, лишь только выздоровлю, постараюсь имѣть счастіе прямо говорить объ этомъ дѣлѣ съ Ея Величествомъ Государынею Императрицею.

19.

20 Ноября, Среда.

Вчера утромъ прибылъ Шереметевъ и привезъ мнѣ письмо вашего сіятельства отъ 9 числа. Между множествомъ полученныхъ мною конвертовъ было письмо ген.-м. князя Васильчиковъ *) которое имѣю честь при

*) Г. М. князь Васильчиковъ, младшій братъ кн. Виктора, командовалъ на Кавказѣ Ширванскимъ полкомъ.

семъ приложить въ дополненіе къ представленному уже письму князя Гр. Дм. Орбельяна по тому же предмету.

Сегодня я видѣлся съ В. П. Бутковымъ, который торопитъ, сколько можетъ, ходъ Кавказскихъ дѣлъ, но также жалуется на инерцію Военнаго Министерства. У него же теперь въ рукахъ и та часть проекта штатовъ, которая относится къ управленію мирными горцами; онъ доказываетъ, что расходъ на это управленіе слѣдуетъ отнести на гражданскую смѣту Кавказскаго края, а не на военную, какъ я предполагалъ. Быть можетъ, онъ и правъ въ томъ, что намъ выгоднѣе вообще какъ можно менѣе быть въ зависимости отъ суммъ, ассигнуемыхъ по Военному Министерству.

В. П. Бутковъ показалъ мнѣ важный рескриптъ Государя, на дняхъ подписанный на имя ген.-ад. Назимова по предмету освобожденія помѣщичьихъ крестьянъ Виленской, Ковенской и Витебской губерній. Составленіе проекта условій сего освобожденія возлагается на самихъ помѣщиковъ подъ руководствомъ генералъ-губернатора. Какъ ни слабо еще выражены въ этомъ актѣ виды правительства, тѣмъ не менѣе можно считать эту мѣру весьма важнымъ шагомъ къ исполненію задачи, о которой до сихъ поръ только судили и думали почти безъ вѣры въ успѣхъ. Кажется, теперь большинство поняло, что оставить это дѣло безъ движенія уже невозможно. Къ сожалѣнію, однакоже, есть и донынѣ нѣкоторые неблагонамѣренные люди, которые пугаютъ мнимыми опасностями, въ ихъ воображеніи развившимися, и чрезъ то причиняютъ нѣкоторое колебаніе и задержки въ благихъ начинаніяхъ.

Имѣлъ я длинный разговоръ съ ген.-ад. Лутковскимъ о нашихъ штатахъ по артилерійской части. Изъ словъ его не видно прямаго противодѣйствія; тѣмъ не менѣе дѣло это остается въ непостижимой для меня неподвижности, и я намѣренъ завтра имѣть рѣшительный разговоръ съ военнымъ министромъ.

20.

21 Ноября.

Сегодня ровно мѣсяцъ, что̀ я здѣсь живу, и до сихъ поръ дѣло о штатахъ какъ будто не трогалось съ мѣста; по крайней мѣрѣ ничего офиціальнаго я не знаю, а доходили до меня только отрывочныя свѣдѣнія о томъ, что предложенное вашимъ сіятельствомъ преобразованіе управленій, особенно артилерійскаго, принято быть не можетъ. Военный министръ еще сегодня утромъ, назначивъ мнѣ часъ для доклада нѣкоторыхъ бумагъ, присланныхъ на мое заключеніе, горячо возставалъ противъ нашихъ проектовъ и, не смотря на всѣ мои опроверженія, повторялъ одну и туже фразу, что онъ на можетъ допустить распаденія министерства и отдѣленія Кавказа въ особое государство. Онъ такъ торопился при этомъ куда-то ѣхать, что я не могъ переспорить его и разъяснить ложныя понятія, которыя онъ составилъ себѣ о вашихъ проектахъ, не читавши ихъ. Изъ этихъ рѣчей министра я вывелъ самыя печальныя заключенія и потерялъ было надежду на успѣхъ всего дѣла. Однакоже онъ сказалъ въ заключеніе, что

окончательное мнѣніе его будетъ зависѣть отъ приговора комитета, о которомъ я писалъ уже прежде. Комитетъ этотъ имѣлъ сегодня вечеромъ второе засѣданіе свое, продолжавшееся за полночь. Я долженъ былъ разъяснять пунктъ за пунктомъ всѣ статьи проекта, по которымъ сдѣланы были замѣчанія и возраженія въ первомъ засѣданіи, происходившемъ въ мое отсутствіе. Мы спорили горячо, однакоже я не замѣтилъ вообще слишкомъ враждебнаго направленія. Пренія имѣли болѣе характеръ домашній и пріятельскій, потому что со всѣми почти членами комитета (кромѣ Непокойчицкаго) я былъ всегда и теперь нахожусь въ пріятельскихъ отношеніяхъ. Многія замѣчанія комитета устранены моими объясненіями; по нѣкоторымъ же я долженъ былъ сдѣлать уступки и въ результатѣ считаю побѣду за мною. Я достигъ по крайней мѣрѣ того, что комитетъ уже и не говорилъ о невозможности утвердить предложенные штаты, о томъ, чтобы все преобразованіе отложить до другаго времени или чтобы потребовать отъ насъ полнаго изложенія, что̀ также отдалило бы преобразованіе на годы. Комитетъ призналъ, что преобразованіе нужно по всѣмъ частямъ, не исключая и артилерійской; что оно возможно при тѣхъ уступкахъ, на которыя и я съ своей стороны счелъ возможнымъ согласиться и которыя не измѣняютъ сущности дѣла. Однимъ словомъ, комитетъ представитъ докладъ свой военному министру въ благопріятномъ видѣ, подробно указавъ тѣ перемѣны, которыя съ моего согласія должны быть сдѣланы въ проектѣ. Затѣмъ уже будетъ зависѣть отъ военнаго министра, согласиться или нѣтъ съ комитетомъ и представить на Высочайшее утвержденіе всѣ проекты штатовъ, или только тѣ, которые не пугаютъ его власти. Какъ бы то ни было, но сегодняшнее рѣшеніе комитета есть уже въ моихъ глазахъ большой шагъ въ этомъ дѣлѣ; тѣмъ не менѣе я не утѣшаю себя преждевременно напрасными надеждами, видя, что дѣло пойдетъ еще очень и очень долго и даже не знаю, возможно ли мнѣ будетъ дождаться здѣсь совершеннаго окончанія. Если докладъ комитета будетъ одобренъ военнымъ министромъ, то проекты наши по частямъ будутъ снова возвращены въ соотвѣтствующіе департаменты для передѣлки; а департаменты, разумѣется, не будутъ торопиться въ этой работѣ. Всего болѣе возбуждаетъ во мнѣ сомнѣніе, особенно при мнительности моего характера, упорная молчаливость князя Васильчикова, который былъ съ самаго начала противникомъ нашихъ проектовъ, а сегодня въ комитетѣ буквально не раскрылъ рта. Меня поддерживалъ сильнѣе всѣхъ ген.-л. Баранцовъ, что̀ было очень важно для артилерійской части. Г.-л. Вольфъ по нѣкоторымъ статьямъ былъ самымъ опаснымъ мнѣ противникомъ, и скажу прямо, что главныя сдѣланныя мною уступки были вынуждены его авторитетомъ: онъ одинъ знаетъ дѣло и можетъ судить о немъ. Однакоже я долженъ отдать справедливость, что онъ же и поддержалъ меня въ важнѣйшихъ вопросахъ, которые имѣли самое существенное вліяніе на рѣшеніе дѣла и которые могли бы поколебать весь проектъ. En resumé, я менѣе досадую на Вольфа, чѣмъ благодаренъ ему. Замѣчанія Герштенцвейга были большею частью мелоч-

ныя и неважныя. Б. Ливенъ, какъ и всегда, соглашался со всѣми поочередно, но вообще старался помогать мнѣ. Непокойчицкій нѣсколько разъ ввязывался въ пренія, но чаще не впопадъ. Лутковскій и Веригинъ болѣе молчали. Таково вообще впечатлѣніе, вынесенное мною изъ 4-хъ часоваго засѣданія. Пишу эти строки ночью, еще подъ вліяніемъ этого впечатлѣнія, нѣсколько утомленный и при томъ не совсѣмъ еще оправившись отъ болѣзни. Поэтому надѣюсь на снисхожденіе вашего сіятельства, если вы изволите найти мой отчетъ нѣсколько безпорядочнымъ и худо написаннымъ.

21.

22 Ноября, Пятница.

Перечитывая мое письмо, я нахожу, что забылъ упомянуть о нѣкоторыхъ предметахъ вчерашняго моего разговора съ военнымъ министромъ. Онъ объявилъ мнѣ, что предположеніе вашего сіятельства о христіанскомъ братствѣ Высочайше повелѣно передать въ Кавказскій Комитетъ. Потомъ я самъ видѣлъ собственноручную резолюцію Государя на вашей запискѣ. Сколько могу припомнить, сущность ея заключается въ слѣдующемъ: „Предметъ весьма важный; но мнѣ кажется, что исполненіе въ предполагаемомъ видѣ было бы несогласно съ духомъ нашихъ общихъ учрежденій. Внести въ Кавказскій Комитетъ на обсужденіе“. Слѣдовательно и по этому дѣлу надобно обратиться теперь къ В. П. Буткову; я постараюсь объяснить ему, что предпріятіе, вами предлагаемое, нельзя вести негласно.

Военный министръ жалуется на нашу интендантскую смѣту, говоря, что редакція ея такъ запутана и не ясна, что пришлось требовать разъясненія изъ Тифлиса, а потому Кавказская смѣта и не поспѣетъ ко времени представленія общей смѣты министерства. Я сказалъ министру, что напрасно не спрашиваютъ меня, когда я нахожусь на лицо и что недоразумѣнія могутъ здѣсь происходить только отъ незнанія обстоятельствъ края; что если форма нашей смѣты кажется неудовлетворительною, то стоило бы только министерству доставить намъ свою форму. Сегодня былъ у меня Старицкій [1]), который возвратился изъ-за границы и спѣшитъ ѣхать въ Тифлисъ. Онъ весьма доволенъ своею поѣздкою и надѣется, что она можетъ имѣть хорошіе результаты для Кавказскаго края.

Также порадовало меня письмо ген.-лейт. Филипсона, полученное сегодня съ почтою. Онъ увѣдомляетъ меня, что пароходъ для Кубани заказанъ, что новыя изслѣдованія его убѣдили въ несомнѣнной выгодѣ пароходства по Кубани; при этомъ однакоже онъ излагаетъ свои соображенія о томъ, выгоднѣе ли передать все предпріятіе компаніи или оставить его, по крайней мѣрѣ на первое время, въ вѣдѣніи начальства Черноморскаго войска. Г. Филипсонъ склоняется на послѣднее предположеніе [2]).

---

[1]) Нынѣ членъ Государственнаго Совѣта.

[2]) Все предпріятіе окончилось совершенной неудачей и напрасной тратой казенныхъ денегъ. А. З.

22.

22 Ноября, Вечеромъ.

Сейчасъ вышелъ отъ меня графъ Сиверсъ, директоръ Департамента Иностранныхъ Исповѣданій. Онъ уже нѣсколько разъ пріѣзжалъ ко мнѣ; самъ министръ Ланской не разъ приглашалъ меня къ себѣ, чтобы поговорить о дѣлахъ, но какъ-то случалось, что мнѣ ни разу не удалось быть у него. Между прочимъ на дняхъ былъ у Ланскаго большой обѣдъ для Армянъ и въ томъ числѣ для Айвазовскаго; я также не могъ быть и въ этотъ день по болѣзни. Наконецъ, сегодня гр. Сиверсъ объяснилъ мнѣ, въ чемъ дѣло: онъ завѣряетъ, что Министерство Внутреннихъ Дѣлъ желаетъ дѣйствовать совершенно сходно съ вашими видами, что все желаніе министерства быть вамъ пріятнымъ и т. д.

Сегодня опять я имѣлъ разговоръ довольно длинный съ военнымъ министромъ, и нѣкоторые предметы, которыхъ мы касались, будутъ конечно любопытны для вашего сіятельства. Вопервыхъ, онъ началъ развивать мнѣ свои соображенія, что Военное Министерство въ два послѣдніе года сдѣлало для финансовъ Имперіи такое подкрѣпленіе, на какое трудно было даже надѣяться, что теперь министръ финансовъ не имѣетъ уже права жаловаться на Военное Министерство; а потому многіе расходы, которые по необходимости отлагались, но которые составляютъ существенную государственную потребность, могли бы быть нынѣ удовлетворены. Въ числѣ сихъ расходовъ военный министръ поставитъ на первомъ планѣ укрѣпленіе Керчи, Кронштадта и за тѣмъ устроеніе Каспійскихъ портовъ, и полагаетъ, что съ будущаго года Министерство Финансовъ должно удѣлить извѣстныя суммы на эти первостепенныя государственныя нужды. Ген.-ад. Сухозанетъ докладывалъ объ этомъ Государю; Его Величество предварительно одобрилъ соображеніе. За тѣмъ говорено было и Великому Князю Генералъ-Адмиралу; но, къ удивленію, Его Высочество отозвался весьма холодно о Каспійскихъ портахъ и нашелъ, что прежде всего надобно заняться укрѣпленіемъ Балтійскаго Порта. Я далъ военному министру всѣ объясненія, какія онъ желалъ имѣть о положеніи дѣла по устройству Петровска и Баку, присовокупивъ, что Новосельскій съ своей стороны будетъ также хлопотать, чтобы пустить въ ходъ эти дѣла и что онъ даже вызывается войти въ долю въ издержкахъ на эти сооруженія. Военный министръ поручилъ мнѣ доложить вашему сіятельству, что онъ охотно будетъ содѣйствовать и найдетъ суммы, если вы настоятельно будете представлять о необходимости означенныхъ работъ. Я подкрѣпилъ министра въ этихъ благихъ видахъ, сказавъ, что я уже намѣреваюсь, по вашему порученію, отправиться на дняхъ въ Строительный Департаментъ Морскаго Министерства, чтобы заняться означенными двумя дѣлами. Что же касается до равнодушія, съ которымъ говоритъ о нихъ Великій Князь, то я осмѣлюсь сообщить вамъ свою догадку, объясняющую это видимое равнодушіе. Великій Князь намѣревается лѣтомъ путешествовать и осматривать Каспій-

ское море: ему естественно будетъ пріятно самому на мѣстѣ рѣшить важнѣйшія дѣла, къ этому морю относящіяся; съ воспоминаніемъ его путешествія соединятся важнѣйшія предпріятія, какія предстоятъ въ этомъ краѣ. На эту мысль навела меня (кромѣ разговоровъ съ Головнинымъ) записка барона Торнау объ Астрабадской станціи, препровожденная ко мнѣ Его Высочествомъ для доклада на мѣстѣ. Изъ всего этого я заключаю, что успѣхъ дѣла будетъ вѣрнѣе достигнутъ, если отложить это до лѣта, т.-е. до пріѣзда Великаго Князя на наши берега, а между тѣмъ подготовлять данныя, проекты и поддерживать благія намѣренія военнаго министра.

Далѣе разговоръ естественно перешелъ на суммы, хранящіяся въ наличности въ нашемъ интендантствѣ. Уже прежде я заговаривалъ объ этомъ съ министромъ, который однакоже не обратилъ большаго вниманія на этотъ предметъ и взглянулъ на него только съ точки зрѣнія опасности храненія такихъ значительныхъ капиталовъ. Сегодня я воспользовался случаемъ и представилъ военному министру соображеніе, чтобы остающіеся безъ употребленія миліоны, вмѣсто возвращенія въ массу средствъ государственаго казначейства, употребить, какъ свободный капиталъ, на тѣ полезныя предпріятія, преимущественно для Кавказскаго края, о которыхъ задумалъ самъ военный министръ. Предположеніе это понравилось ему, и онъ просилъ меня оставить ему записку, взятую со мною, о состояніи наличныхъ суммъ нашего интендантства. По этой запискѣ выведено, что можно дать назначеніе совершенно свободному капиталу въ 3 мил. рублей.

Другой весьма любопытный разговоръ былъ объ образцовыхъ войскахъ. Едва успѣлъ я высказать мысль вашего сіятельства, какъ министръ съ радостію подхватилъ: „Ради Бога, пусть князь сдѣлаетъ представленіе; это поддержитъ меня. Я три раза представлялъ докладъ Государю о совершенномъ уничтоженіи образцовыхъ войскъ, чтó дало бы сбереженіе ежегодно полумиліонное; но Его Величество положительно мнѣ отказывалъ. На дняхъ однакоже Государь согласился на отмѣну присылки людей изъ Забайкальскихъ войскъ для сокращенія 18 т. рублей ежегоднаго расхода. Если князь Александръ Ивановичъ съ своей стороны сдѣлаетъ представленіе по тому же предмету и вычислитъ сколько произойдетъ сбереженія въ расходахъ, то быть можетъ и будетъ успѣхъ“. Далѣе военный министръ объяснялъ свои виды, чтобы учреждаемая нынѣ школа стрѣльбы постепенно и сама собою замѣнила образцовый полкъ. Все это какъ нельзя лучше совпадаетъ съ видами вашего сіятельства. По возвращеніи моемъ въ Тифлисъ я побробнѣе доложу вамъ объ этомъ дѣлѣ, и тогда, полагаю, можно будетъ обдумать, какъ лучше приняться за это дѣло.

Вообще военный министръ сегодня старался быть любезнымъ, увѣрялъ въ своей готовности всегда поддерживать представленія вашего сіятельства; что онъ даже Государю докладывалъ не разъ, что не слѣдуетъ никогда отказывать главнокомандующему и намѣстнику, лишь бы только представленія его были законны и правильны. Въ заключеніе, когда я доложилъ о результатахъ вчерашняго нашего засѣданія, генералъ Сухозанетъ

объявилъ, что онъ радуется такому благопріятному ходу дѣла и съ удовольствіемъ представитъ на утвержденіе Государя ваши проекты, съ тѣми измѣненіями, какія комитетомъ признаны необходимыми. Въ добавокъ онъ обѣщалъ, сколько можно, торопить это дѣло. Дай Богъ, чтобы эти благія намѣренія не измѣнились и чтобы опять кто-нибудь не нашепталъ новыхъ нелѣпостей или не присовѣтовалъ новой проволочки.

Завтра, наконецъ, отправляется въ Тифлисъ фельдъегерь съ письмомъ Государя къ вашему сіятельству и разными бумагами. Пользуюсь этимъ случаемъ, чтобы доставить купленныя мною по вашему порученію книги для справокъ по естественной исторіи. Не знаю, угожу ли этимъ выборомъ; но лучшаго ничего не нашелъ. Вмѣстѣ съ книгами вложено прошеніе на ваше имя, поданное мнѣ однимъ Французомъ Давлуи, изобрѣтателемъ какого-то порошка изъ мяса для употребленія въ экспедиціяхъ и походахъ. При этомъ прошеніи представляется и образчикъ изобрѣтеннаго порошка, такъ что можно будетъ сдѣлать въ Тифлисѣ испытаніе.

Приношу вашему сіятельству искреннюю благодарность за вниманіе, оказанное вами моей семьѣ. Не нужно говорить, какъ нетерпѣливо я жду того дня, когда могу выбраться отсюда въ обратный путь. Кромѣ всѣхъ другихъ причинъ, заставляющихъ меня желать скорѣйшаго возвращенія въ Тифлисъ, надобно еще присоединить здѣшній климатъ, котораго я рѣшительно не выдерживаю: здѣсь я постоянно боленъ и при всѣхъ предосторожностяхъ не могу оправиться. Не говорю уже о всѣхъ нравственныхъ треволненіяхъ. При всемъ томъ я не могу оставить поста, не удостовѣрившись несомнѣнно въ успѣхѣ порученнаго мнѣ дѣла. Нечего дѣлать: надо вооружиться терпѣніемъ.

23.

3-го Декабря.

Спѣшу поздравить ваше сіятельство съ успѣшнымъ окончаніемъ всѣхъ дѣлъ, которыя вамъ угодно было возложить на меня при отправленіи въ Петербургъ. Вчера, по случайному стеченію обстоятельствъ, доложены Государю Императору и проекты штатовъ военныхъ управленій, и проектъ новаго морскаго устройства, а въ тоже время въ Кавказскомъ Комитетѣ обсуждались въ моемъ присутствіи три дѣла: предположенія ваши о христіанскомъ братствѣ, представленія о прекращеніи каботажнаго судоходства вдоль восточнаго берега и упраздненіи Анапы и, наконецъ, новый штатъ управленія мирными горцами. Всѣ рѣшенія были весьма благопріятны. Сегодня за обѣдомъ Государь Императоръ изволилъ лично объявить мнѣ, что Его Величество утвердилъ всѣ представленные проекты, а Государыня Императрица изволила согласиться принять подъ непосредственное свое попечительство предполагаемое Общество распространенія христіанства въ Кавказскихъ горахъ. Подробности всѣхъ этихъ рѣшеній и разговоровъ, бывшихъ по этому случаю, я буду имѣть честь лично доложить вашему сіятельству; ибо надѣюсь въ скоромъ времени выѣхать отсюда и, съ Бо-

жіею помощью, быть къ праздникамъ въ Тифлисѣ. Хотя я пробылъ здѣсь долѣе чѣмъ предполагалъ, однакоже сердечно радуюсь, что поѣздка моя не осталась безъ полезныхъ послѣдствій.

24.

16 Декабря. Москва.

Выѣхавъ изъ Петербурга 7-го числа, я надѣялся привезти лично вашему сіятельству первое извѣстіе о новой Высочайшей милости Кавказскимъ войскамъ, объявленной въ приказѣ 6-го Декабря. Какъ ни старался я ускорить мое путешествіе, однакоже, по разнымъ встрѣченнымъ мною затрудненіямъ въ пути, экстра-почта обогнала меня, и теперь ваше сіятельство уже безъ сомнѣнія изволите знать о переименованіи отдѣльнаго Кавказскаго корпуса въ армію, что́ было желаніемъ вашимъ. Я называю это переименованіе „милостію“ монаршею, потому что оно есть новое доказательство вниманія Государя Императора къ важности и высокому значенію вашей арміи. Никакія опроверженія, предостереженія, ни возраженія не помѣшали Его Величеству дать Кавказскимъ войскамъ приличное имъ названіе и тѣмъ уже рѣшить окончательно множество частныхъ вопросовъ, возникавшихъ отъ несообразности въ наименованіи. Утвержденіе меня въ должности начальника главнаго штаба арміи также приписываю я Высочайшему вниманію ко всѣмъ вашимъ представленіямъ и приношу вашему сіятельству искреннѣйшую признательность за ваше представленіе. Отъѣзжая отсюда завтра утромъ, я надѣюсь быть въ Тифлисѣ въ Субботу, если не встрѣчу особыхъ затрудненій въ пути.

Б. Письма князя А. И. Барятинскаго къ Великому Князю Константину Николаевичу.

I.

31 Октября 1858 г. Тифлисъ.

Ваше Императорское Высочество!

Сочувствіе къ преуспѣянію ввѣреннаго мнѣ края, сохраняемое Вами и вдали отъ отечества, обязываетъ меня глубочайшею благодарностью. Въ этомъ постоянномъ и благотворномъ сочувствіи я не могу не видѣть подкрѣпленія моимъ усиліямъ въ дѣлѣ умиротворенія Кавказа и сліянія его съ Имперіею. Исполненный готовности доводить до свѣдѣнія Вашего все достойное высокаго вниманія Вашего, я смѣю надѣяться, что Ваше Высочество, какъ и всегда, удостоите меня Вашими добрыми совѣтами тамъ, гдѣ изволите признать это нужнымъ.

Важнымъ событіемъ для Кавказа въ послѣднее время было— посѣщеніе его Великими Князьями Николаемъ Николаевичемъ и Михаиломъ Николаевичемъ. Благоговѣйная радость при видѣ Августѣйшихъ братьевъ Государя сопровождала ихъ повсюду. Встрѣчаемые

съ восторгомъ и войсками и народомъ, Великіе Князья своею благосклонною внимательностью, обходительностью и живымъ участіемъ, съ которымъ вникали во всѣ подробности видѣннаго ими края, оставили на долго впечатлѣніе въ благодарной памяти Кавказа. Для меня лично прибытіе Ихъ Высочествъ было исполнено и большой радости, и большихъ лишеній: проведя съ ними только первые дни, я сильно заболѣлъ и изъ Тифлиса не могъ уже, къ моему прискорбію, сопровождать ихъ въ дальнѣйшемъ путешествіи по краю.

Вашему Высочеству, безъ сомнѣнія, извѣстно уже, что въ военномъ отношеніи Богъ видимо благословляетъ наши труды. Послѣ пріуготовительныхъ дѣйствій минувшимъ лѣтомъ, можно было приступить къ сильному наступленію внутрь горъ, оконченному съ совершеннымъ успѣхомъ, такъ что всѣ немирныя племена, обитающія между верховьями Терека и Аргуна, покорились совершенно; а со стороны Лезгинской кордонной линіи разгромъ сосѣдней нагорной полосы принудилъ большую часть ея населенія выселиться въ наши предѣлы. На Правомъ крылѣ непріятельская земля обрѣзана съ двухъ концевъ по Адагумъ и Бѣлую. Теперь начинается зимняя экспедиція на Лѣвомъ крылѣ, которая будетъ новымъ и, можетъ быть, весьма рѣшительнымъ шагомъ къ давнożеланному успокоенію этого края.

Въ гражданскомъ отношеніи мое вниманіе въ настоящее время обращено преимущественно на преобразованіе здѣсь высшаго гражданскаго управленія, на устройство желѣзной дороги между Чернымъ и Каспійскимъ морями и учрежденіе общества для возстановленія въ Кавказскихъ горахъ христіанства.

Трудно исчислить всѣ неудобства, заключающіяся въ организаціи гражданскаго управленія. Важнѣйшее изъ нихъ то, что отдѣльныя части управленія (судебная, финансовая и т. п.) не имѣютъ ближайшаго надзора и руководства и всѣ въ совокупности сосредоточиваются въ одной канцеляріи намѣстника, который, при такомъ положеніи вещей, заваленъ мелочными дѣлами и лишенъ возможности сосредоточивать исключительное вниманіе на дѣлахъ высшей важности, отъ которыхъ зависитъ коренное устройство края. Необходимость раздѣлить эти части и образовать для каждой изъ нихъ особое высшее управленіе очевидна, и начало новому порядку уже положено. Съ разрѣшенія Государя открыто здѣсь, въ послѣднее время, особое управленіе для развитія сельскаго хозяйства, которое остается въ младенческомъ видѣ, но при богатствахъ природы и спеціальномъ руководствѣ должно принести обширные плоды и увеличить народное благосостояніе.

Мысль о желѣзной дорогѣ между морями Чернымъ и Каспійскимъ пріобрѣла общественное сочувствіе и вызвала уже готовность капита-

листовъ къ ея осуществленію; но, чтобы положить начало этому осуществленію, необходимо предварительно обозрѣть линію, по которой она должна проходить, и съ этой цѣлью я ожидаю сюда надняхъ одного Бельгійскаго инженера.

Возстановленіе христіанства въ Кавказскихъ горахъ должно составить важное орудіе къ умиротворенію страны. Чтобы установить и упрочить дѣйствія наши въ этомъ дѣлѣ, необходимо образовать особое общество съ большими матеріальными средствами, и мысль объ его учрежденіи, какъ извѣстно Вашему Высочеству, удостоена уже Высочайшаго одобренія. Съ отъѣздомъ митрополита Исидора къ новому его назначенію, я вручилъ ему подробный объ образованіи этого общества проектъ, для передачи предсѣдателю Кавказскаго Комитета, и съ нетерпѣніемъ ожидаю, чѣмъ кончено будетъ это важное для Кавказа дѣло.

Вотъ что̀ на этотъ разъ считаю преимущественно достойнымъ вниманія Вашего Высочества. Полный стремленія оправдать довѣріе ко мнѣ Государя, я скорблю, что здоровье мое иногда измѣняетъ мнѣ и что болѣзнь отнимаетъ время, столь нужное для дѣятельности. Оставаясь безвыходно болѣе мѣсяца въ комнатѣ, я теперь только начинаю поправляться, хотя слабость силъ и доселѣ не оставляетъ меня.

Позвольте, Ваше Высочество, заключить это длинное письмо сердечнымъ желаніемъ, чтобы путешествіе Ваше было пріятно и благополучно и чтобы, по возвращеніи Вашемъ, Государь встрѣтилъ въ васъ прежняго неутомимаго и благотворнаго дѣятеля въ дѣлѣ преуспѣянія и счастія нашего отечества.

2.

20 Февраля 1859 г. Тифлисъ.

Ваше Императорское Высочество!

Письмо Вашего Высочества отъ 14 (26) Декабря изъ Ниццы я имѣлъ счастіе получить. Радуясь искренно, что путешествіе Ваше продолжается благополучно, я прошу Бога также благополучно возвратить Васъ къ великимъ дѣламъ нашего отечества.

Вашему Высочеству извѣстно, что преобразованіе здѣшняго гражданскаго управленія занимало въ послѣднее время особенно мое вниманіе. Государь Императоръ удостоилъ одобренія всѣ принятыя мною основанія. По участію, какое Ваше Высочество столь милостиво изволите принимать въ моихъ дѣйствіяхъ, я беру смѣлость представить Вамъ экземпляръ новаго положенія о главномъ управленіи и списокъ съ отношенія моего къ князю Орлову, въ которомъ изложены главныя начала для этого управленія. Я далекъ отъ мысли считать это пре-

образованіе полнымъ и совершеннымъ; напротивъ, въ этомъ дѣлѣ какъ и во всѣхъ другихъ, составляющихъ переходъ отъ одного порядка къ другому, есть безъ сомнѣнія недостатки; но мы будемъ стараться, въ теченіе двухъ-годичнаго опыта, дарованнаго намъ Государемъ, слѣдить за практическимъ дѣйствіемъ новаго положенія и дѣлать въ немъ тѣ дополненія и измѣненія, какія, по указаніямъ опыта, будутъ необходимы для усовершенствованія.

Бельгійскіе инженеры, вызванные мною для производства предварительныхъ изысканій по сооруженію желѣзной дороги, окончили уже изслѣдованіе линіи отъ Тифлиса до Баку и находятъ исполненіе столь важнаго предпріятія на этой линіи вполнѣ возможнымъ и удобнымъ. Такое доброе начало радуетъ меня весьма, тѣмъ болѣе, что въ военномъ отношеніи особенно необходимо устроить дорогу отъ Тифлиса до Баку; ибо этотъ путь, недоступный для непріятеля, свяжетъ Закавказскій край съ внутренними силами Россіи и упрочитъ окончательно владычество наше за горами. Линія отъ Тифлиса къ Черному морю нужна преимущественно въ экономическомъ отношеніи и составляетъ уже вопросъ второстепенный; но я надѣюсь, что здѣсь сооруженіе дороги не встрѣтитъ также особенныхъ затрудненій *).

Крестьянское дѣло, по ввѣренному мнѣ краю, идетъ путемъ сообразнымъ съ мѣстными обстоятельствами. Въ Ставропольской губерніи комитетъ вѣроятно скоро окончитъ свои дѣйствія. Но въ Закавказскомъ краѣ дѣло это требуетъ особенной осмотрительности, ибо въ гражданскомъ бытѣ этой страны сохраняются доселѣ рѣзкія особенности. Крѣпостное право имѣетъ здѣсь свой отдѣльный характеръ, несходный съ тѣмъ, какой существуетъ въ Россіи. Этотъ особенный характеръ происходитъ сколько отъ мѣстныхъ обстоятельствъ, столько же и отъ самой природы страны, представляющей совершенно различные виды положенія помѣщиковъ, крестьянъ и самаго свойства земледѣльческаго труда. Здѣсь болѣе чѣмъ гдѣ-либо необходимо устранить всякую поспѣшность, чтобы не допустить, съ одной стороны, ущерба помѣщичьихъ интересовъ, а съ другой мѣропріятій по улучшенію быта крестьянъ, противныхъ коренному духу народа. Теперь собираются нѣкоторыя статистическія свѣдѣнія, на основаніи коихъ опредѣлены будутъ время и способъ, когда и какъ порѣшить и здѣсь это дѣло.

Военныя дѣйствія продолжаются постепенно, осуществляя одно за другимъ мои предположенія. На Правомъ крылѣ двухъ-лѣтніе труды по устройству Адагумской линіи увѣнчались, какъ Вы вѣроятно изволите знать, самымъ лучшимъ результатомъ: Натухайцы просятъ позволенія

*) Какъ извѣстно, постройка дороги совершилась въ совершенно обратномъ порядкѣ: прежде къ Черному морю, а послѣ, чрезъ много лѣтъ, къ Каспійскому. А. З.

принести покорность. На Лѣвомъ крылѣ, послѣ военныхъ работъ, совершенныхъ для прочнаго нашего устройства въ части горъ, завоеванныхъ прошлымъ лѣтомъ, дѣйствія открыты въ Большой Чечнѣ, и оттуда проложенъ новый и самый прочный путь въ глубь непокорныхъ владѣній. Наши войска осаждаютъ теперь Ведень, командующій всею Ичкеріею, и связали уже его съ плоскостью прочнымъ сообщеніемъ. Такимъ образомъ мы устраиваемъ исходный пунктъ, откуда нынѣшнимъ лѣтомъ, можетъ быть, нанесенъ непріятелю рѣшительный ударъ.

В. Письма Великаго Князя Константина Николаевича къ князю А. И. Барятинскому.

I.

Уѣзжая за границу, я прошу ваше сіятельство принять на себя трудъ, въ особенное мнѣ одолженіе, писать мнѣ иногда, если это не затруднитъ васъ, о тѣхъ происшествіяхъ и распоряженіяхъ по ввѣренному вамъ краю, которыя вы признаете полезнымъ довести до моего свѣдѣнія. Всякое извѣстіе изъ отечества принимается за границей съ большою благодарностью, и я буду искренно признателенъ за всѣ ваши сообщенія. Прошу васъ адресовать ваши письма въ Инспекторскій Департаментъ Морскаго Министерства для пересылки мнѣ съ срочными фельдъегерями.

27 Сентября 1858 г.

II.

Любезный князь Александръ Ивановичъ. Очень сожалѣю, что ты хвораешь и что по этому не могъ сопровождать братьевъ при поѣздкѣ ихъ по Кавказу. Мнѣ пишутъ изъ Петербурга, что они въ совершенномъ восторгѣ отъ этого края, и мнѣ остается только жалѣть, что мои предполагавшіяся путешествія на Кавказъ не могли еще осуществиться, хотя давно уже посѣщеніе Кавказа было любимою мечтою моею. Поздравляю тебя съ успѣхами нашего оружія и весьма желалъ бы знать, какія имѣешь теперь предположенія собственно по административной части. Я былъ бы искренно благодаренъ за всякое сообщеніе. Начиная съ Ноября, каждое 15 (27) число будутъ ѣздить ко мнѣ фельдъегеря, и потому прошу тебя имѣть это въ виду, посылая письма на мое имя въ Петербургъ. Полагаю пробыть здѣсь еще недѣлю, а около 1-го Декабря н. с. быть въ Ниццѣ.

Ганноверъ, 4 Ноября (23 Октября) 1858 г.

III.

Любезный князь Александръ Ивановичъ. Письмо твое отъ 31-го Октября я получилъ въ Ниццѣ 28 Ноября (10 Декабря) и благодарю тебя отъ всего сердца за твое любопытное сообщеніе. Искренно радуюсь твоимъ успѣхамъ на Кавказѣ и весьма прошу о продолженіи нашей переписки. Я только что воротился въ Ниццу изъ Парижа, куда ѣздилъ на три дня, и надняхъ располагаю отправиться съ женою въ Палермо. Французскимъ путешествіемъ я весьма доволенъ: меня встрѣтили какъ стараго хорошаго знакомаго, безъ прежней офиціальности, а Французскіе моряки вездѣ оказывали намъ необыкновенное сочувствіе. Замѣчательно, что послѣдняя война, какъ и большія войны Александра Павловича, не уменьшили взаимной симпатіи двухъ націй и что соперники, которые честно бились, дѣлались опять друзьями немедленно по окончаніи боя, изъ котораго они вынесли обоюдное уваженіе другъ другу. Я намѣренъ остаться въ Палермо мѣсяца два и потомъ желалъ бы посѣтить Неаполь, Римъ, Грецію, Египетъ и Испанію. Жена, изъ любви ко мнѣ, рѣшается всюду сопровождать меня, и я везу съ собою старшаго сына, котораго пріучаю къ морской жизни. Отъ всей души желаю тебѣ здоровья, любезный князь Александръ Ивановичъ, и дальнѣйшихъ успѣховъ на твоемъ славномъ историческомъ поприщѣ.

Ницца, 14 (26) Декабря 1858 г.

IV.

Любезный князь Александръ Инановичъ. Письмо твое отъ 15 Декабря я получилъ здѣсь только 22 Февраля (6 Марта) и потому до сихъ поръ не отвѣчалъ на оное. Я съ величайшимъ вниманіемъ прочелъ копію отношенія твоего военному министру о предстоящихъ намъ дѣйствіяхъ на юго-восточномъ берегу Каспійскаго моря, вполнѣ раздѣляю всѣ твои мысли и готовъ всѣми зависящими отъ меня силами содѣйствовать осуществленію оныхъ. Искренно радуюсь успѣху небольшой экспедиціи нашихъ моряковъ для наказанія Туркменъ. Я только что воротился изъ Мальты, гдѣ видѣлъ нѣсколько Англійскихъ судовъ и адмиралтейство. Недѣли черезъ двѣ полагаю отправиться въ Неаполь, а оттуда въ концѣ Марта идти въ Грецію. Буду ожидать твоихъ писемъ и впередъ благодарю за нихъ.

Палермо, Февраля (Марта) 1859 г.

V.

Письмо твое отъ 20 Февраля со вѣми приложеніями, любезный князь Александръ Ивановичъ, я получилъ здѣсь 1 (13) Апрѣля и прочелъ съ большимъ любопытствомъ. Радуюсь твоимъ военнымъ успѣхамъ и благодарю искренно за сообщенныя мнѣ свѣдѣнія о преобразованіяхъ въ гражданскомъ управленіи Кавказа. Мнѣ кажется, что главныя основанія этого преобразованія совершенно вѣрны и что край, подобный Кавказу, долженъ имѣть свое самостоятельное управленіе, подчиненное намѣстнику Государя, а не разнымъ административнымъ учрежденіямъ дальняго Петербурга. Финляндія, которая составляетъ сравнительно столь небольшое и малосложное государство, и притомъ находится такъ близко отъ столицы Имперіи, выигрываетъ весьма много отъ самостоятельнаго управленія. Я нахожу также вполнѣ правильнымъ передачу дѣлъ второстепенныхъ и менѣе важныхъ второстепеннымъ начальникамъ, дабы не обременять ими высшаго правителя, который долженъ заниматься только дѣлами болѣе важными. Сдѣланное тобою раздѣленіе дѣлъ между второстепенными начальниками совершенно правильно. Быть можетъ, что для высшихъ судебныхъ дѣлъ полезно бы имѣть въ Тифлисѣ, подобно Польшѣ, два департамента Сената: уголовный и гражданскій. Впрочемъ, не зная края, я не могу судить объ этомъ.

Пребываніе мое въ Неаполѣ было весьма неудачно и замедлилось по случаю болѣзни жены, а потомъ и моей, отъ которой оправляюсь медленно. Отсюда мы полагаемъ отправиться въ Грецію и потомъ въ Іерусалимъ, и такимъ образомъ исполнить давнишнее мое желаніе.

Неаполь
2 (14) Апрѣля 1859 г.

VI.

Аѳины, 21 Апрѣля (3 Мая) 1859 г.

Любезный князь Александръ Ивановичъ. Я получилъ здѣсь по телеграфу отъ Государя извѣстіе о взятіи штурмомъ Веденя. Отъ всего сердца поздравляю тебя съ этимъ новымъ подвигомъ нашихъ Кавказскихъ молодцовъ. Мнѣ особенно пріятно было получить это извѣстіе въ православной Греціи, среди народа, который своею кровью и цѣлымъ рядомъ геройскихъ подвиговъ достигъ побѣды надъ мусульманами. Здѣсь къ намъ имѣютъ сочувствіе, и единовѣрцы наши искренно радуются нашимъ успѣхамъ на Кавказѣ. Я прибылъ сюда изъ Неаполя, еще не совсѣмъ оправившись отъ болѣзни, хотя впрочемъ морской переходъ нѣсколько освѣжилъ меня. Здѣсь чувствую по вре-

менамъ слабость и утомленіе, и потому не въ состояніи проводить время такъ дѣятельно, какъ бы желалъ. Пріемъ сдѣланный мнѣ какъ королемъ, такъ и народомъ, былъ самый радушный. Когда вспомнишь, какъ еще недавно кончилась война за независимость, и Греція была краемъ совершенно разореннымъ и облитымъ кровью, то нельзя не удивляться, какъ много съ того времени сдѣлано, особенно усиліями частныхъ лицъ. Вообще должно сказать, что сильная привязанность Грековъ къ вѣрѣ и къ своему отечеству и сохраненіе ими національности, послѣ столькихъ вѣковъ рабства и страданій, заслуживаютъ глубокаго уваженія. Замѣчательно также стремленіе народа учиться, отношеніе числа учащихся къ общему числу населенія и множество школъ, основанныхъ здѣсь общинами и частными лицами. На этой недѣлѣ отправляюсь въ Іерусалимъ и оттуда непремѣнно постараюсь написать тебѣ.

VII.

Іерусалимъ, 8 (20) Мая 1859 года.

Любезный князь Александръ Ивановичъ. Узнавъ случайно, что въ здѣшнихъ библіотекахъ (Патріаршей, Крестоваго монастыря и другихъ) хранится большое количество неразобранныхъ Грузинскихъ рукописей, относящихся къ тому времени, когда цари Грузинскіе властвовали въ Палестинѣ, сообщаю объ этомъ тебѣ для свѣдѣнія на случай, еслибъ ты призналъ полезнымъ прислать сюда кого либо изъ вашихъ Грузинскихъ ученыхъ для разбора этихъ рукописей, которыя могутъ содержать весьма важныя и любопытныя историческія данныя. Здѣсь находится Французскимъ консуломъ г. Барреръ, бывшій въ Тифлисѣ и сохранившій о Кавказѣ весьма пріятное воспоминаніе. Онъ можетъ быть весьма полезенъ здѣсь твоимъ ученымъ. Путешествіе въ Іерусалимъ я совершилъ съ женою и сыномъ, благодаря Бога, гораздо легче и спокойнѣе, чѣмъ могъ надѣяться, и на дняхъ располагаю отправиться въ обратный путь. Іерусалимъ, независимо отъ духовнаго потрясенія, произвелъ на меня впечатлѣніе болѣе грустное при видѣ ежеминутнаго противорѣчія между смысломъ проповѣданнаго здѣсь Божественнаго ученія и дѣйствіями людей, которые называютъ себя послѣдователями этого ученія. Кромѣ постоянныхъ распрей между представителями разныхъ исповѣдацій, здѣсь видишь много интригъ, сплетень, которыя глубоко огорчаютъ и которыхъ невозможно прекратить. Посему мнѣ кажется, что поклонническое странствованіе въ Іерусалимъ можетъ быть полезно своимъ религіознымъ вліяніемъ, но что продолжительное пребываніе въ Іерусалимѣ едва-ли приноситъ духовную пользу.

VIII.

Любезный князь Александръ Ивановичъ. Я съ большимъ удовольствіемъ познакомился здѣсь съ генераломъ Лорисъ-Меликовымъ и пользуюсь его отъѣздомъ, чтобъ написать тебѣ еще разъ передъ возвращеніемъ моимъ въ Россію. Я имѣлъ здѣсь длинные и весьма интересные разговоры съ нимъ о Кавказѣ и еще болѣе убѣдился въ вѣрности твоего взгляда на Кавказъ и на образъ дѣйствія, которому мы должны тамъ слѣдовать, и сердечно порадовался достигнутымъ тобою результатамъ. Съ большимъ удовольствіемъ читалъ я также по этому предмету письмо къ Головнину твоего почтеннаго помощника Д. А. Милютина, котораго душевно уважаю.

Два главные предмета нашихъ разговоровъ съ Меликовымъ были: о возможности вліянія Россіи на Востокѣ посредствомъ преданнаго намъ Армянскаго народа и объ устройствѣ морской части при Черноморской береговой линіи. Я совершенно раздѣляю мнѣніе Меликова о необходимости назначить образованныхъ и благонамѣренныхъ Русскихъ консуловъ въ разныя мѣста, гдѣ находится значительное Армянское населеніе; но полагаю, что Министерство Иностранныхъ Дѣлъ встрѣтитъ къ тому затрудненіе по недостаточности своихъ денежныхъ средствъ, и что дѣло это можетъ быть приведено къ желаемому результату только въ томъ случаѣ, еслибъ ты нашелъ возможнымъ принять хотя часть издержекъ на Кавказскія суммы. Надѣюсь, что генералъ Меликовъ передастъ тебѣ нашъ разговоръ въ подробности. Относительно нашихъ Черноморскихъ крейсеровъ мы пришли къ убѣжденію, что Парижскій трактатъ и инструкція, данная крейсерамъ министромъ иностранныхъ дѣлъ, совершенно парализуютъ все, что морское вѣдомство могло бы сдѣлать для дѣйствительности крейсерства и что, поэтому, при нынѣшнихъ обстоятельствахъ, было бы всего полезнѣе объявить торговлю на восточномъ берегу совершенно свободною и намъ самимъ стараться получить въ ней большое участіе посредствомъ нашего пароходнаго общества, оставляя нынѣшнее крейсерство только съ цѣлію препятствовать хотя сколько нибудь военной контрабандѣ. Такимъ образомъ, мы стали бы съ морской стороны дѣйствовать болѣе мирными путями просвѣщенія и торговли въ то самое время, когда на сухомъ пути твои блестящіе военные подвиги внушаютъ племенамъ Кавказскимъ уваженіе къ нашему оружію. Сообщаю эти мысли на твое обсужденіе, любезный князь, и съ нетерпѣніемъ буду ожидать твоего мнѣнія.—Изъ Іерусалима я отправился въ Турецкій архипелагъ и посѣтилъ Бейрутъ, Родосъ, Патмосъ, Са-

мосъ, Хіосъ и Смирну. Въ Константинополѣ я нашелъ самый блистательный и, повидимому, радушный пріемъ со стороны султана; но, къ сожалѣнію, погода, которая благопріятствовала моему морскому путешествію, вдругъ измѣнилась, и не проходитъ дня безъ дождя. По мѣрѣ приближенія къ Россіи, возрастаетъ во мнѣ нетерпѣніе вернуться въ отечество, и я надѣюсь быть въ Петербургѣ къ 15 (27) Іюня. Обнимаю тебя, любезный князь Александръ Ивановичъ, и весьма прошу по временамъ писать мнѣ.

Константинополь, 31 Мая (12 Іюня) 1859 г.

Г. Письма А. В. Головнина къ князю А. И. Барятинскому.

1.

Петербургъ, 2 (14) Января 1858 г.

Пожелавъ вамъ счастливаго Новаго года, посылаю при этомъ письмѣ копію сокращенной таблицы бюджета Имперіи на 1858 годъ, которую министръ финансовъ представилъ 30 Декабря въ финансовый комитетъ. Чтобы облегчить вамъ понятіе объ этой таблицѣ, я обращаю ваше вниманіе на слѣдующія части: 1) Дефицитъ, который министръ финансовъ признаётъ на текущій годъ, выражается въ цифрѣ 9,806,000 рубл. с. Онъ предполагаетъ покрыть его съ помощью займа у нашихъ банковъ. Въ 1857 г., чтобы покрыть дефицитъ этого 1857 года, заняли 18,538,000 рубл. с. Мы занимаемъ въ этомъ году меньше, но тѣмъ не менѣе мы проведемъ годъ мира, истративъ болѣе, чѣмъ имѣемъ дохода. Мы живемъ въ долгъ. 2) Г. министръ предполагаетъ увеличеніе нашихъ доходовъ, что̀ крайне сомнительно, такъ какъ финансовый кризисъ Европы будетъ имѣть результатъ отъ уменьшенія дѣлаемыхъ у насъ покупокъ. Мы закупимъ также гораздо менѣе, такъ какъ наши магазины загромождены товарами, которые были излишкомъ 1857 года. Съ другой стороны, увеличеніе цифры дохода есть только номинальное увеличеніе, но недѣйствительное, соображая дороговизну всякой вещи, какъ слѣдствіе слишкомъ большаго выпуска ассигнацій. Получая милiонъ дохода, правительство въ дѣйствительности получитъ гораздо менѣе, такъ какъ на этотъ милліонъ оно не будетъ въ состояніи купить въ такомъ же количествѣ вещей и оплатить тотъ же трудъ, какъ прежде. 3) Въ 1858 году расходы будутъ гораздо значительнѣе, чѣмъ ихъ г-нъ министръ предвидитъ. а) Министръ Императорскаго Двора израсходуетъ по всей вѣроятности болѣе 10 милiоновъ. в) Военный министръ признаётъ потребность въ 100 милiоновъ, но не испрашиваетъ у казны болѣе 76 мил. и обѣ-

щаетъ покрыть излишекъ собственными средствами. Какія же это собственныя средства, превышающія 20 миліоновъ? Это деньги полученныя во время войны и министерствомъ не израсходованныя въ то время. Эти деньги достались по невыгоднымъ займамъ, и ихъ слѣдовало бы возвратить въ казну. Что̀ за управленіе, которое расходуетъ почти туже сумму въ мирное время послѣ громаднаго уменьшенія арміи, какую расходовало въ военное время на армію вдвое бо̀льшую?

Двѣ цифры бюджета должны порадовать каждаго Русскаго, который любитъ свое отечество. 1) Винный откупъ увеличенъ всего на 49653 рубл., тогда какъ министру легко было бы увеличить его на гораздо бо̀льшую сумму, предоставивъ откупщикамъ разныя привилегіи, которыя имъ облегчили бы возможность увеличить ихъ приходъ, во вредъ народу. 2) Уменьшеніе на міліонъ дохода, который приноситъ соль, что̀ совершенно согласуется съ выгодою наиболѣе бѣднаго класса.

Награды и новыя назначенія въ день Новаго года не были многочисленны. Князь Дмитрій Оболенскій (изъ Морскаго Министерства) назначенъ государственнымъ секретаремъ. Надо этому порадоваться, такъ какъ это человѣкъ очень способный и имѣетъ теплое и благогородное сердце. Князь Голицынъ назначенъ предсѣдателемъ Коммиссіи Прошеній, сохраняя свою дѣятельность секретаря этой Коммиссіи. Это, по меньшей мѣрѣ, странно видѣть одного и того же субъекта, соединяющаго въ себѣ двѣ должности, предсѣдателя и секретаря, не говоря уже объ извѣстности, которою пользуется князь.

2.

С.-Петербургъ, 27 Января 1858 г.

Сердечно благодарю васъ за ваше письмо отъ 6 сего мѣсяца и за благосклонный и великодушный пріемъ, которымъ вы удостоили замѣчанія нѣкоторыхъ моихъ друзей относительно новаго устава Мингреліи. Признаюсь вамъ откровенно, что безъ этого пріема мнѣ было бы трудно съ одной стороны преодолѣть ложныя оцѣнки, а съ другой продолжать переписку, которую я глубоко цѣню и гдѣ полная откровенность составляетъ всю заслугу съ моей стороны. Прилагаю при этомъ письмѣ записку, которая была составлена нѣсколько дней тому назадъ, дабы облегчить друзьямъ Великаго Князя Константина преодолѣть нападки, направленныя многими недоброжелателями противъ Его Высочества. Къ несчастію, во главѣ ихъ находятся люди, въ настоящее время могущественные, крѣпко связанные между собою, чтобы парализовать усилія Императора ко всему, что̀ относится до прогресса и цивилизаціи. Я склоненъ думать, что эти господа дѣй-

ствуютъ праводушно, но они ошибаются. Тѣмъ не менѣе они творятъ много зла. Это тріо составлено изъ графа Владимира Адлерберга, Муравьева (министра государственныхъ имуществъ) и графа Панина (министра юстиціи).

На прошлой недѣлѣ я написалъ моему другу Александру Николаи, прося его довести до свѣдѣнія вашего сіятельства, что предположенія относительно путешествія Великаго Князя Константина снова измѣнены. Великая Княгиня, находясь въ интересномъ положеніи, должна разрѣшиться въ Августѣ. Его Высочество предполагалъ выѣхать отсюда въ Апрѣлѣ въ Николаевъ, проѣхать Кавказъ, сѣсть на пароходъ въ Баку и подняться по Волгѣ. Сегодня утромъ Государь сказалъ ему, что это путешествіе совершенно невозможно, такъ какъ Его Величество предполагаетъ въ концѣ Мая отправиться въ Архангельскъ и находитъ, что пребываніе Великаго Князя въ Петербургѣ необходимо во время его отсутствія. Великій Князь понимаетъ необходимость остаться здѣсь, но глубоко сожалѣетъ, что еще разъ онъ лишенъ возможности видѣть вашу прекрасную страну и пожать вамъ руку.

3.

Трувиль, на берегу моря, (20 Іюня) 2 Іюля 1858 г.

Въ этомъ году я еще долженъ отказаться отъ чести видѣть васъ на Кавказѣ, такъ какъ путешествіе Великаго Князя отложено по причинамъ вамъ извѣстнымъ.

Будучи больнымъ послѣ зимы, полной трудовъ, и усталымъ, я исходатайствовалъ разрѣшеніе пріѣхать отдохнуть сюда и воспользоваться морскими ваннами. Я въ шести часахъ отъ Парижа, морской берегъ восхитителенъ, и окрестности Трувиля очаровательны. Я очень интересно провелъ время въ Парижѣ, гдѣ видѣлъ многихъ своихъ прошлогоднихъ знакомыхъ. Эти господа, хотя очень преданные императору Наполеону, ничуть не сдерживаются и критикуютъ многія изъ его послѣднихъ дѣяній, а именно назначеніе генерала Эспинаса, мѣры высшей полиціи, а въ особенности проектъ назначенія принца Наполеона намѣстникомъ императора въ Алжиръ. Вы уже знаете, что Эспинасъ болѣе не министръ и что принцъ Наполеонъ получилъ министерство вмѣсто намѣстничества. Приписываютъ эти перемѣны вліянію г-на Макарда, интимнаго секретаря Наполеона. Мнѣ сказали, что Наполеонъ очень измѣнился послѣ покушенія 14 Января, что съ того времени онъ самъ читаетъ всѣ рапорты агентовъ своей тайной полиціи, всѣ частныя письма, всѣ доносы, и что все это чтеніе лишило его прежняго хладнокровія, отравило ему жизнь, и онъ лишился своего яснаго взгляда. Желали, чтобы онъ избралъ довѣреннаго человѣка

для этого дѣла. Во время моего пребыванія въ Парижѣ, князь Алексѣй Орловъ прибылъ туда женить своего сына на княжнѣ Екатеринѣ Трубецкой, дочери князя Николая и графини Гудовичъ.

Трубецкіе живутъ во Франціи 20 лѣтъ и владѣютъ около Фонтенебло замкомъ Бельфонтенъ, принадлежавшимъ прежде герцогинѣ Тремуйль. Князь Трубецкой католикъ, прекрасный и честный человѣкъ и съ превосходнымъ сердцемъ. Бѣдные окрестностей Бельфонтена его боготворятъ. Его жена, я думаю, деистка, очень умная, очень оригинальная. Дочь православная, очаровательная и очень красивая личность. Князь А. Ѳ. Орловъ представлялся разъ императ. Наполеону, но не видалъ императрицу Евгенію и не былъ приглашенъ ни на обѣдъ, и ни на одинъ вечеръ при дворѣ, хотя онъ и пробылъ мѣсяцъ въ Парижѣ, и въ это время число приглашенныхъ въ Фонтенебло было по 80 человѣкъ, что̀ составляетъ, въ четыре раза, болѣе 320 приглашенныхъ. Это мнѣ кажется очень страннымъ. Графъ Киселевъ сказалъ мнѣ самъ, что онъ дѣлалъ два раза попытку устроить приглашеніе князя Орлова, но что оба раза притворились будто не слышатъ.

Въ Парижѣ говорятъ, что императоръ Наполеонъ влюбленъ въ графиню Валевскую, которая дѣйствительно очаровательная особа.

Я живу въ Трувилѣ съ Рейтерномъ, котораго вы знаете. Онъ провелъ зиму въ Парижѣ, изучая финансы этой страны. Онъ везетъ въ Россію цѣлую книгу, которая будетъ очень полезна, въ особенности теперь, когда у насъ недостаетъ людей, изучившихъ науку о кредитѣ. Сосѣдъ у меня Николай Орловъ со своею очаровательною женою; для насъ это составляетъ большое удовольствіе. Это человѣкъ стоящій безконечно выше своихъ товарищей по годамъ и эполетамъ, но къ несчастію состояніе его здоровья не позволитъ ему долго оставаться въ отечествѣ. Ему постоянно необходимъ теплый климатъ по причинѣ его ранъ. Частицы желѣза и мѣди постоянно блуждаютъ у него въ глазу, котораго онъ лишился и располагаютъ къ состоянію, которое на холодѣ причиняетъ мученіе.

Для меня было наслажденіемъ писать вамъ, и это мнѣ напомнило вечера, которые я провелъ у васъ на Милiонной, когда вы имѣли большое ко мнѣ расположеніе, которое я очень цѣню и никогда не забуду.

4.

Петербургъ, (9) 21 Октября 1858 г.

Еще разъ обращаюсь къ вамъ, князь, съ просьбою написать Великому Князю Константину о его положеніи и обязанностяхъ по отношенію къ Императору и Россіи. Онъ васъ искренно любитъ и уважаетъ болѣе, чѣмъ кого-либо изъ государственныхъ людей. Я много

разъ слыхалъ отъ него это мнѣніе, высказанное въ самыхъ нѣжныхъ выраженіяхъ. Ваши слова, написанныя издалека, будутъ имѣть на него наибольшее вліяніе. Онъ уѣхалъ вчера въ Киль съ Великою Княгинею и со своимъ старшимъ сыномъ, предполагаетъ провести зиму въ Италіи и возвратиться будущимъ лѣтомъ моремъ, обогнувъ Европу. Его отсутствіе продлится около 10 мѣсяцевъ. Я остался здѣсь на недѣлю и дней черезъ восемь отправлюсь присоединиться къ нему въ Ниццу. Передъ его отъѣздомъ мы имѣли съ нимъ частые и долгіе споры. Онъ крайне обезкураженъ и разбитъ всѣмъ тѣмъ, что̀ здѣсь говорили противъ него, и не хочетъ болѣе заниматься общими государственными дѣлами, какъ напримѣръ финансовыми, въ качествѣ перваго члена финансоваго комитета, освобожденіемъ крестьянъ, какъ членъ комитета по этому важному дѣлу, системою, которою слѣдуетъ руководствоваться въ отношеніи раскольниковъ, какъ членъ раскольничьяго комитета и т. д. Онъ хочетъ ограничить свою дѣятельность морскою службою, быть морскимъ министромъ, и ничего болѣе.

Морскія силы въ наше время представляютъ изъ себя дѣло, требующее очень много денегъ. Англичане и Американцы выстроютъ какой намъ будетъ угодно флотъ, если у насъ найдется чѣмъ за него заплатить. Пошлите затѣмъ этотъ флотъ на три года въ море, и къ концу этого времени вы будете имѣть прекрасныхъ моряковъ; но это стоитъ дорого, а у насъ нѣтъ необходимыхъ денегъ. Флотъ не имѣетъ для насъ достаточно важности, чтобы могъ поглотить въ себя всю дѣятельность Великаго Князя и помѣшать его участію въ жизненныхъ, административныхъ вопросахъ, которые болѣе важны и подлежатъ теперь обсужденію. Уже то грустно, что управленіе отдаленнымъ краемъ лишаетъ Имперію въ своемъ центрѣ помощи вашего генія и вашей прекрасной и высокой дѣятельности. Нужно ли, чтобы еще одна второстепенная, спеціальная часть оторвала отъ Россіи способности и энергію Великаго Князя? Я умоляю васъ постараться поднять бодрость Великаго Князя и увѣрить его, что Императору не достаточны только одни его труды, какъ Адмирала. Государь назначилъ его членомъ Совѣта Министровъ и различныхъ комитетовъ. Необходимо, чтобы онъ показалъ себя достойнымъ столь высокаго довѣрія, не продлилъ бы очень своего отсутствія и возвращался бы какъ можно скорѣе опять занять мѣсто, назначенное ему августѣйшею волею брата, который его любитъ и уважаетъ. Интриганы преувеличили слухи всеобщаго неудовольствія противъ него. Нужно пренебречь этой молвой и продолжать идти своей дорогой. Если вы будете столь добры, чтобы мнѣ писать, адресуйте въ Инспекторскій Департаментъ Морскаго Министерства, откуда мнѣ акуратно перешлютъ ваше письмо.

5.

Палермо, (8) 20 Января 1859 г.

Я имѣлъ честь получить въ Ниццѣ ваше письмо отъ 30 Октября (12 Ноября), которое употребило много времени, чтобы дойти до меня. Примите мою искреннюю благодарность за благосклонный пріемъ, который нашли у васъ мои два письма, написанныя вамъ ранѣе моего отъѣзда изъ Петербурга. Они были написаны съ открытою, сердечною искренностію, и я буду продолжать говорить откровенно съ вами, начиная съ того, что я ошибся въ своемъ мнѣніи о томъ результатѣ, который произведетъ, по моему мнѣнію, путешествіе Великаго Князя Генералъ-Адмирала. Я думалъ, что это путешествіе остановитъ ходъ различныхъ административныхъ улучшеній въ Петербургѣ. Въ этомъ я раздѣлялъ мнѣніе многихъ лицъ. Но оказывается, какъ мнѣ пишутъ изъ Петербурга, что Императоръ показалъ себя много разъ рѣшившимся твердо продолжать идти по пути прогресса. Его Величество доказалъ, что онъ дѣйствовалъ по своимъ задушевнымъ убѣжденіямъ, что его твердость была непоколебима, что административное *statu quo* не стало болѣе возможнымъ. Поняли, что Великій Князь не былъ подстрекателемъ въ прогрессивныхъ мѣрахъ, что онъ былъ не болѣе какъ помощникъ и слуга своего брата, который во время его отсутствія не мѣняетъ системы, хотя въ общемъ онъ дѣйствуетъ медленнѣе, чѣмъ того желали бы многіе. Изъ этого слѣдуетъ, что препятствія для прогресса теперь не такъ легки, и уже не смѣютъ осуждать Монарха за тѣ же стремленія, за которыя дѣлали нападки на его брата. Вотъ хорошій результатъ отсутствія Великаго Князя, который даетъ уже себя чувствовать. Чтó касается до его путешествія, оно, въ теченіе многихъ недѣль, было лишь скучною прогулкою по Германскимъ дворамъ. Визитъ къ Сардинскому королю и прогулка въ Парижъ имѣли только политическій смыслъ и свой полезный результатъ. Теперь мы поселились на два мѣсяца въ Палермо. Великій Князь занимается составленіемъ отчета за послѣдніе три года и еще разъ передѣлываетъ проектъ новой организаціи Морскаго Министерства. Его Высочество предполагаетъ провести Мартъ мѣсяцъ въ Неаполѣ и Римѣ, проѣхать въ Грецію въ Апрѣлѣ, посѣтить Испанію и возвратиться въ Кронштадтъ, сдѣлавъ путешествіе кругомъ Европы. Сицилія представляетъ собою весьма печальную картину того состоянія, въ которое дурное правленіе можетъ привести страну, одаренную самою природою всѣми благами. Расположенная на пути Европы, Азіи и Африки, пользующаяся лучшимъ климатомъ, богатая произведеніями земля, не зна-

ющей неурожая, Сицилія населена бѣдняками. Изо ста жителей 80 человѣкъ нищихъ, противныхъ и грязныхъ, 16 монаховъ, два человѣка достаточныхъ, но неучей, и два шпіона. Налоги громадны, и всѣ доходы отсылаются въ Неаполь. На Сицилію ничего не тратятъ. Со времени революціи 1848 г., когда Неаполитанскія войска ушли безъ выстрѣла въ Неаполь, и намѣстникъ короля убѣжалъ переодѣтый женщиной, здѣсь находятся много Швейцарскихъ войскъ. Неудовольствіе всеобщее, но Маццини не имѣетъ друзей. Сицилійцы-роялисты хотятъ управленія независимаго, съ королемъ и конституціей. Намѣстникъ нынѣшняго короля принцъ Кастельчикала заступаетъ властителя; но настоящій господинъ и хозяинъ это директоръ полиціи г. Манискалка, человѣкъ умный и съ характеромъ. Онъ организовалъ полицію, которая, какъ говорятъ, превосходна и очень дѣятельна, въ особенности шпіонская часть. Онъ насъ охраняетъ очень дѣятельно.

(Переведены съ Французскаго).

Д. Письма князя Варятинскаго къ военному министру Н. О. Сухозанету.

1.

По полученіи отъ васъ оффиціальнаго увѣдомленія отъ 3-го Октября, № 14,358 о всемилостивѣйше дарованныхъ Государемъ Императоромъ нижнимъ чинамъ Кавказскаго корпуса безсрочныхъ отпускахъ, я поспѣшилъ объявить о томъ въ приказѣ по корпусу и поздравилъ войска съ этимъ новымъ знакомъ постоянной, отеческой о нихъ заботливости Его Величества. Выслужившіе срокъ нижніе чины 13-й и 18-й пѣхотныхъ дивизій будутъ уволены въ безсрочный отпускъ немедленно, а въ войскахъ Кавказскаго корпуса увольненіе ихъ исполнится постепенно, по мѣрѣ прибытія укомплектованія.

При средствахъ, которыя теперь даны Кавказскому корпусу для его укомплектованія, ряды его совершенно пополнятся къ осени 1858 г.; но въ общей сложности, по отбытіи отсюда 13-й и 18-й пѣхотныхъ дивизій, число баталіоновъ на Кавказѣ уменьшится. Временное усиленіе Кавказскаго корпуса посторонними войсками дозволило намъ начать такія обширныя предпріятія, о выполненіи которыхъ съ одними здѣшними силами нельзя было бы и помышлять долгое время. Предпріятія эти еще неокончены, а между тѣмъ они выдвинули насъ въ разныхъ частяхъ Кавказа въ средину враждебнаго населенія и, поставивъ съ нимъ лицомъ къ лицу, требуютъ отъ войскъ, съ уменьшеніемъ числа ихъ, много усилій, отваги и энергіи, чтобы довершить и совершенно упрочить начатое. Дай Богъ, чтобы это было возможно. Отъ смѣтливаго и предпріимчиваго непріятеля,

котораго мы имѣемъ противъ себя, не укроется уменьшеніе числа нашихъ баталіоновъ, и надобно ожидать, что онъ удвоитъ свои усилія для продолженія съ нами борьбы. Въ этомъ убѣжденіи, я полагаю необходимымъ замѣнить то, что́ мы теряемъ въ числительности, усовершенствованіемъ оружія, тѣмъ болѣе, что и непріятель, измѣняя вѣковымъ своимъ привычкамъ, начинаетъ предпочитать новѣйшія Европейскія ружья старымъ своимъ винтовкамъ. Горцы всегда имѣли надъ нами преимущество въ ручномъ огнестрѣльномъ оружіи; у нихъ нѣтъ гладкоствольныхъ ружей, а винтовки ихъ уступаютъ въ дѣйствіи только новѣйшимъ штуцерамъ и нарѣзнымъ ружьямъ. Но въ послѣднее время и у нихъ все болѣе и болѣе распространяется употребленіе Европейскихъ винтованныхъ ружей, которыя къ нимъ путемъ Чернаго моря проникаютъ. Прежде впрочемъ полагалось мною достаточнымъ на Кавказѣ вооружить на первое время нарѣзными ружьями только одни стрѣлковыя роты, и сверхъ того, для опыта, одинъ полкъ въ Дагестанѣ. Мнѣ до того времени не случалось видѣть употребленія этого оружія въ бою, и потому я считалъ опытъ необходимымъ. Но теперь, послѣ экспедиціи нынѣшняго года, я постоянно слышу со всѣхъ сторонъ о изумительномъ дѣйствіи нарѣзныхъ ружей, и очевидно мы обязаны этому оружію незначительности потерь, понесенныхъ нами въ нынѣшнемъ году, въ соразмѣрности съ нашими успѣхами.

Убѣждаясь этими опытами, я имѣю честь покорнѣйше просить васъ, исходатайствовать высочайшее повелѣніе о вооруженіи всего Кавказскаго корпуса нарѣзными ружьями сколь возможно въ кратчайшій срокъ. На это была уже объявлена одинъ разъ высочайшая воля; но потомъ, по извѣстнымъ вамъ причинамъ, вооруженіе Кавказскихъ войскъ этими ружьями на первое время ограничено.—Преступникъ князь Константинъ Дадешкеліанъ разстрѣлянъ въ Кутаисѣ по утру 5 Ноября, не возбудивъ ни въ комъ никакого участія. О мѣрахъ, которыя должны быть теперь приняты въ Сванетіи, я вмѣстѣ съ симъ пишу къ вамъ оффиціально.

8-го Ноября 1857 г. Тифлисъ.

2.

Генералъ Милютинъ доложилъ вамъ списокъ нѣкоторымъ изъ служащихъ на Кавказѣ генераламъ, о которыхъ я просилъ, чтобы имъ дали другое назначеніе внутри Россіи. Теперь съ послѣднимъ фельдъегеремъ я имѣлъ счастіе получить письмо Государя Императора, въ которомъ Его Величество соизволилъ изъявить на это согласіе; а потому я препровождаю къ вамъ для соображеній вашихъ болѣе подробный конфиденціальный списокъ, съ отчетливымъ показаніемъ къ какому назначенію каждый изъ нихъ способенъ. Мнѣ остается только покорнѣйше просить васъ, чтобы прежде назначенія этихъ генераловъ на новыя мѣста я былъ предварительно извѣщаемъ. Съ чувствомъ глубокой признательности принялъ я милость Государя о назначеніи Кавказскимъ войскамъ улучшеннаго порціоннаго довольствія; они крайне нуждались въ этой прибавкѣ и вполнѣ заслуживаютъ ея по своимъ неутомимымъ трудамъ.

Съ послѣднимъ фельдъегеремъ я просилъ васъ оффиціальною бумагою довести до свѣдѣнія Государя Императора, что нѣсколько человѣкъ отставныхъ всадниковъ изъ упраздненнаго Закавказскаго конно-иррегулярнаго полка изъявили желаніе поступить на службу въ регулярную кавалерію на общихъ правахъ. Этотъ небывалый еще примѣръ весьма замѣчателенъ и заставляетъ желать, чтобы просящимся теперь на службу оказаны были всевозможныя поощренія для привлеченія новыхъ охотниковъ. Здѣшнее мусульманское населеніе, такъ-сказать взросшее на конѣ, очень способно къ кавалерійской службѣ. Если первый примѣръ произведетъ большое число подражателей, то мы найдемъ со временемъ въ Закавказскихъ мусульманахъ населеніе, приготовленное уже въ домашнемъ своемъ быту для хорошаго комплектованія нашей линейной кавалеріи. Успѣхъ привлеченія большаго числа охотниковъ будетъ много зависѣть отъ хорошаго начала при опредѣленіи на службу первыхъ просителей. Хотя эти всадники и согласились поступить на общихъ правахъ, но не полагали бы вы полезнымъ не обязывать ихъ продолжительною службою, установленною по общимъ правиламъ, а принимать въ видѣ волонтеровъ?

Если будетъ надежда, что пожелаютъ поступить на службу еще много охотниковъ, то я сообщу вамъ мои соображенія о томъ, какимъ образомъ поддержать это полезное стремленіе, а теперь покорнѣйше васъ прошу исходатайствовать опредѣленіе первыхъ охотниковъ, и чѣмъ скорѣе они будутъ опредѣлены, тѣмъ лучше. Азіятцы вообще очень нетерпѣливы и легко охлаждаются къ тому, что̀ нескоро исполняется по ихъ желанію.

Въ этомъ отношеніи было бы весьма полезно предоставить мнѣ отправлять ихъ на службу, тотчасъ по первому изъявленію ими желанія, въ полки, которые будутъ мнѣ указаны.

17 Ноября 1857 года. Тифлисъ.

3.

Горцы Праваго крыла уже начинаютъ понимать опасность своего положенія и, чувствуя свое безсиліе остановить наши успѣхи оружіемъ, изыскиваютъ и другія средства сохранить свои земли и независимость. Изъ посылаемой при семъ довольно любопытной переписки вы увидите, въ какомъ тревожномъ расположеніи духа они находятся.

По секретной бумагѣ вашей о подозрѣніяхъ, падающихъ на Тифлисскую коммисаріатскую коммиссію въ томъ, что она, имѣя у себя обширные запасы холста, предъявила къ торгамъ излишнее требованіе на этотъ матеріалъ съ намѣреніемъ войти въ сдѣлку съ подрядчикомъ, я предпочелъ дѣйствовать открыто, но неожиданно. Когда сдѣлалось извѣстно, что послѣдній транспортъ подходитъ уже къ Тифлису, то я поручилъ жандармскому генералу Минквицу освидѣтельствовать весь транспортъ и въ тоже время командировалъ довѣреннаго штабъ-офицера въ Ставрополь, чтобы не допустить подрядчика Ставропольской коммиссіи оказать пособіе здѣшнему подрядчику присылкою холста. Изслѣдованіе показало, что въ Тиф-

лисъ прислано холста болѣе, чѣмъ требовалось по торгамъ, за исключеніемъ фланскаго полотна, которое, кажется, покупалось здѣсь; но вмѣстѣ съ тѣмъ обнаружено, что вопреки, послѣднимъ вашимъ распоряженіямъ, доставленный холстъ состоитъ изъ нѣсколькихъ сортовъ, изъ которыхъ многіе дурнаго качества, и что въ Тифлисской коммиссіи дѣйствительно есть такой значительный запасъ холста, что въ новой поставкѣ не было ей надобности. Подробности этого дѣла вы узнáете изъ оффиціальнаго моего отзыва, который будетъ отправленъ вслѣдъ за симъ.

Основываясь на взаимныхъ обѣщаніяхъ нашихъ быть откровенными въ нашей перепискѣ и придерживаясь всегда этому слову, я и теперь буду васъ просить со всею откровенностью о генералъ-маіорѣ князѣ Меликовѣ. Въ представленіи моемъ о сохраненіи ему столовыхъ денегъ по прежнему званію его начальника Лезгинской кордонной линіи я получилъ отказъ (отъ 16 Іюля № 9095 по Инспекторскому Департаменту). Причина отказа состояла въ томъ, что онъ, числясь теперь при корпусѣ, не занимаетъ никакой должности. Это было бы совершенно справедливо, если бы князь Меликовъ былъ удаленъ отъ должности по соображеніямъ, относящимся до личныхъ его качествъ; но я считаю его однимъ изъ способнѣйшихъ генераловъ на Кавказѣ и имѣю въ виду поручить ему со временемъ одну изъ высшихъ должностей. При новомъ военномъ раздѣленіи Кавказскаго края, званіе командующаго войсками на Лезгинской линіи соединилось съ званіемъ начальника Кавказской гренадерской дивизіи, и потому князь Меликовъ долженъ былъ уступить прежнее свое мѣсто старшему по службѣ генералу барону Вревскому, послѣ 4-хъ лѣтняго дѣятельнаго и весьма полезнаго командованія линіею. Онъ остался, такъ-сказать, за штатомъ, и я столько же полагалъ справедливымъ сохранить ему по этой причинѣ прежнее содержаніе впредъ до назначенія на новую должность, сколько и желалъ, чтобы это служило знакомъ, что онъ оставляетъ мѣсто съ почетомъ. Послѣ отказа я до сихъ поръ не повторялъ моего ходатайства, хотя я былъ этимъ весьма огорченъ; но теперь, когда я узналъ, что князь Меликовъ находится съ своимъ семействомъ въ крайне-стѣсненномъ положеніи, то считаю своимъ долгомъ возобновить мою просьбу о назначеніи ему столовыхъ денегъ по 1961 р. 40 к. сер., которыя онъ получалъ во время исправленія имъ должности начальника Джаро-Бѣлоканской области и Лезгинской кордонной линіи.

По вопросу вашему куда отправить изъ Одессы Ибрагима-ханъ-оглу: въ Тифлисъ, къ генералу Филипсону или въ другое мѣсто, я предварительно спрашиваю о томъ мнѣнія генерала Филипсона и прошу графа Строгонова узнать, въ чемъ состоятъ предложенія Хана-оглу, полагаетъ ли онъ дѣйствовать въ нашу пользу, оставаясь между нами, или желаетъ отправиться для того въ горы и тогда чтó намѣренъ предпринять? Во всякомъ случаѣ присылка его въ Тифлисъ не принесетъ никакой пользы. Генералъ Карлгофъ, служившій на Черноморской береговой линіи, имѣетъ о немъ нѣкоторыя свѣдѣнія и сомнѣвается, чтобы и въ другихъ мѣстахъ Кавказа

Ханъ-оглу могъ быть намъ полезенъ, полагая, что одна крайность, когда преслѣдовала его Турецкая полиція, вынудила его обратиться къ нашему посланнику въ Константинополѣ съ обманчивымъ предложеніемъ услугъ Русскому правительству, но еслибы онъ и дѣйствительно имѣлъ это желаніе, то не имѣетъ столько значенія у горцевъ, чтобы достигнуть этой цѣли. Одна польза, которую мы могли бы ожидать, отпустивъ его въ горы, можетъ состоять въ томъ, что мы противупоставили бы Сеферъ-бею естественнаго его противника. Впрочемъ обстоятельства могли теперь измѣниться, и я ожидаю отъ генерала Филипсона его мнѣнія. Изъ прошлой жизни Ханъ-оглу извѣстно мнѣ только, что онъ ведетъ свой родъ отъ Крымскихъ хановъ, но происхожденіе это считаютъ сомнительнымъ; долгое время онъ жилъ въ безвѣстности, не имѣя никакого значенія у горцевъ и занимаясь мастерствомъ серебряныхъ дѣлъ; но когда Магометъ-эминъ утвердилъ свою власть надъ Закубанскими племенами, то онъ сдѣлался ревностнымъ его поборникомъ и при шаткой власти наиба неизмѣнно слѣдовалъ за его судьбою во всѣхъ ея переворотахъ. Въ исходѣ 1852 г. онъ пробрался въ Константинополь съ бумагами отъ Магометъ-эмина.

9 Декабря 1857 г. Тифлисъ.

4.

Возвратившійся на дняхъ изъ С.-Петербурга ген. Милютинъ вручилъ мнѣ письмо ваше отъ 7-го Декабря и передалъ всѣ данныя ему словесныя порученія. Я узналъ съ большимъ удовольствіемъ, съ какимъ радушіемъ и добрымъ расположеніемъ онъ былъ вами принятъ, и я душевно признателенъ за оказанное вами содѣйствіе удовлетворительному рѣшенію всѣхъ дѣлъ, которыя я поручалъ ему. Меня радуетъ, что предположенныя мною улучшенія въ военномъ управленіи здѣшняго края, давно уже настоятельно требуемыя, теперь осуществились, наконецъ, благодаря вашему ходатайству. Съ нетерпѣніемъ ожидаю окончательнаго объявленія новыхъ высочайше утвержденныхъ штатовъ и вслѣдъ затѣмъ войду съ представленіемъ о назначеніи лицъ на всѣ должности, вновь учреждаемыя или преобразуемыя. Отъ этихъ измѣненій, какъ въ устройствѣ разныхъ управленій, такъ и въ личномъ составѣ ихъ, я ожидаю положительныхъ результатовъ и надѣюсь вполнѣ, что во всѣхъ предстоящихъ мнѣ распоряженіяхъ для приведенія новаго проекта въ исполненіе я найду въ вашемъ содѣйствіи самую сильную помощь. Въ теченіе же 1858 года будутъ обрабатываться также и другія переобразованія по тѣмъ отраслямъ управленія, по которымъ не представлено еще полныхъ проектовъ.

Относительно генерала Козловскаго, я не могу теперь сказать ничего положительнаго до личнаго съ нимъ объясненія, для чего и требую его сюда.—Высочайшее соизволеніе на пріемъ отставныхъ всадниковъ бывшаго конно - мусульманскаго полка въ регулярныя войска, даетъ средство не только избавить здѣшній край отъ безполезныхъ тунеядцевъ, но вмѣстѣ съ тѣмъ будетъ не безъ пользы и для кавалерійскихъ нашихъ

полковъ, въ которыхъ не лишними будутъ подобные наѣздники, молодцоватые на видъ и храбрые удальцы. Притомъ я могу для успокоенія вашего объяснить, что всадники эти просятся въ регулярную кавалерію на общихъ правахъ, не требуя никакихъ для себя преимуществъ ни по службѣ, ни въ содержаніи.

Если какія-либо облегчительныя правила и могутъ быть допущены въ ихъ пользу, то они будутъ вполнѣ зависѣть отъ вашего представленія и милости Государя Императора. Я же съ своей стороны полагалъ бы только справедливымъ разрѣшить, чтобы эти люди отправляемы были въ полки не по этапамъ, а на почтовыхъ, о чемъ я вслѣдъ за симъ войду съ оффиціальнымъ представленіемъ.

Относительно покупки хлѣба въ Приволжскихъ губерніяхъ Кавказскими поставщиками, я вникну подробнѣе въ это дѣло и въ свое время буду отвѣчать на оффиціальное ваше увѣдомленіе. Притомъ нахожу однакожъ необходимымъ коснуться одного, весьма щекотливаго вопроса. Милютинъ передалъ мнѣ вашъ отзывъ о здѣшнемъ генералъ-интендантѣ, на котораго будто бы падаетъ нѣкоторое сомнѣніе по дѣлу Астраханской провіантской коммиссіи. Адъютантъ вашъ г. Толстой, лично объясняя ген. Милютину свои подозрѣнія на генерала Колосовскаго, ссылался притомъ на показанія Астраханскаго жандармскаго полковника Северикова. Подобное обвиненіе я счелъ столь важнымъ, когда дѣло идетъ о лицѣ, коему довѣрено одно изъ важнѣйшихъ управленій въ арміи, что немедленно же вытребовалъ сюда полковника Северикова и съ глазу на глазъ разспросилъ его объ упомянутомъ обстоятельствѣ. Онъ объявилъ мнѣ наотрѣзъ, что рѣшительно не имѣетъ никакого факта для обвиненія въ чемъ-либо генерала Колосовскаго и что не выражалъ даже и малѣйшаго подозрѣнія своего на счетъ безкорыстія его. Считаю необходимымъ сообщить вамъ объ этомъ только для собственнаго вашего соображенія; но признаюсь вамъ, что мнѣ было бы до крайности прискорбно, еслибы лицо столь близкое ко мнѣ по своему званію, какъ генералъ-интендантъ, подало даже поводъ къ подозрѣнію. Какъ ни трудно было бы замѣстить Колосовскаго, коего способности и умъ лично мнѣ извѣстны, однакоже я прошу васъ открыть мнѣ все, что́ до васъ дошло на его счетъ, чтобы я могъ удостовѣриться въ истинѣ обвиненія или же опровергнуть его, какъ клевету.

Изъ Чечни получилъ я на дняхъ свѣдѣнія самыя утѣшительныя и надѣюсь, что Государь Императоръ изволитъ остаться довольнымъ послѣднимъ журналомъ военныхъ дѣйствій генерала Евдокимова. Огромное число переселяющихся Чеченцевъ ясно показываетъ, что дѣло покоренія Чеченской плоскости окончательно довершено.

Сердечно радуюсь благому началу предположеннаго общества для поддержанія христіанства на Кавказѣ. Августѣйшее имя, поставленное во главѣ этого высокаго предпріятія, служитъ полнымъ ручательствомъ успѣха. Я увѣренъ, что вы будете въ числѣ самыхъ усердныхъ и дѣятельныхъ сподвижниковъ этого благаго дѣла. Помогите созиданію новаго зданія; мы же

здѣсь обдумываемъ подробности предпріятія, и въ свое время я представлю мои предположенія о самомъ ходѣ дѣйствій новаго общества.

31 Декабря 1857 года. Тифлисъ.

5.

Полагаю что вамъ уже извѣстно изъ представленнаго Козловскимъ военнаго журнала удачное его наступательное движеніе за р. Бѣлую, въ самыя нѣдра Абадзехскаго населенія. Этимъ успѣхомъ блистательно увѣнчались десяти-мѣсячные, неутомимые труды Майкопскаго отряда, который несмотря на отчаянное противудѣйствіе непріятеля выполнилъ совершенно возложенную на него въ прошломъ году задачу: возвелъ новое укрѣпленіе и полковую штабъ-квартиру у подножія горъ, въ 54-хъ верстахъ отъ ближайшихъ частей прежней передовой нашей Лабинской линіи, и упрочилъ наше положеніе на р. Бѣлой. Занятіемъ этой линіи отрѣзано у непріятеля обширное пространство, ожидающее Русскаго казачьяго поселенія; передовая линія наша значительно сократилась и примыкаетъ плотно къ непроходимымъ горамъ. Воинственный духъ и самостоятельность Абадзеховъ—сильнѣйшаго изъ племенъ Закубанскихъ—замѣтно поколебались.

Между тѣмъ со стороны Черноморіи Филипсонъ также успѣшно выполнилъ возложенное на него порученіе: несмотря на зловредное вліяніе климата на здоровье Адагумскаго отряда, укрѣпленіе Нижне-Адагумское устранены окончательно и гарнизонъ, въ немъ оставленный, не только огражденъ отъ всякаго покушенія непріятеля, но и обезпеченъ теплымъ на зиму помѣщеніемъ. Филипсонъ вполнѣ надѣется, что причины болѣзненности, свирѣпствовавшей въ прошломъ году въ Адагумскомъ отрядѣ, будутъ устранены въ предстоящее лѣто, тѣмъ болѣе, что климатъ несравненно лучше на томъ мѣстѣ, гдѣ предположено строить главное или центральное укрѣпленіе Адагумской линіи.

Таковы результаты военныхъ дѣйствій 1857 года на Правомъ крылѣ Кавказской линіи. Войска этой части Кавказа вынесли неимовѣрные труды съ самоотверженіемъ и мужествомъ и я смѣю думать, что они также удостоятся Высокомонаршаго вниманія, знаки коего уже неоднократно выражены войскамъ другихъ отрядовъ. Что касается до самого генерала Козловскаго, то я обращаюсь къ вамъ съ покорнѣйшею просьбою объ исходатайствованіи для этого почтеннаго ветерана алмазныхъ знаковъ св. Александра Невскаго. Новая эта Монаршая милость достойно украситъ конецъ его боеваго поприща.

По мѣрѣ того какъ дѣла наши подвигаются впередъ на Правомъ крылѣ, меня все болѣе и болѣе занимаетъ мысль о тѣхъ средствахъ, которыя потребуются, быть можетъ, въ самомъ непродолжительномъ времени, для упроченія нашего положенія въ краѣ. Вамъ представлена уже ген. Милютинымъ, въ бытность его въ С.-Петербургѣ, записка относительно развитія въ большемъ размѣрѣ казачьяго населенія за Кубанью, и о будущности туземныхъ племенъ постепенно стѣсняемыхъ въ своемъ поземельномъ довольствіи. Не нужно мнѣ объяснять вамъ всю важность этого вопроса; но

я убѣдительнѣйше прошу васъ не отлагать на долгое время рѣшенія его, дабы не случилось, что мы, среди нашихъ успѣховъ и въ самую рѣшительную минуту, встрѣтимъ вдругъ недоумѣніе и гибельную остановку. Коснувшись этого предмета, я считаю не лишнимъ препроводить къ вамъ копію съ записки, полученной мною при частномъ письмѣ отъ Павла Евстафьевича Коцебу, и вмѣстѣ съ тѣмъ мои объясненія на замѣчанія его, а также особую записку, въ которой представленъ общій очеркъ положенія нашихъ дѣлъ на Кавказѣ, для большаго разъясненія дѣлъ и изложенныхъ ген. Милютинымъ предположеній.

Дѣла наши на Лѣвомъ крылѣ также подвинулись замѣтно въ послѣднее время: вамъ извѣстно вполнѣ, что̀ такое Аргунское ущелье и какъ давно мы стремились къ овладѣнію имъ; теперь этотъ ключъ Чечни въ нашихъ рукахъ и, что̀ всего пріятнѣе для меня, онъ достался намъ почти безъ пожертвованій. Теперь мы будемъ стараться извлечь изъ этого пріобрѣтенія сколь можно болѣе прочныя и существенныя выгоды для дальнѣйшаго утвержденія нашего господства въ этомъ краѣ.

На дняхъ я надѣюсь сообщить вамъ для всеподданѣйшаго представленія на высочайшее благоусмотрѣніе и утвержденіе нѣкоторыя новыя соображенія мои по предмету будущихъ нашихъ отношеній вообще къ туземному населенію Кавказа, нынѣ непокорному и враждебному, а въ особенности о нашихъ видахъ относительно племенъ Черкесскихъ, обитающихъ вдоль восточнаго берега Чернаго моря. Соображенія эти принадлежатъ къ числу важнѣйшихъ политическихъ вопросовъ, требующихъ нынѣ рѣшенія.

Представленный мною и предварительно уже удостоившійся высочайшаго одобренія проектъ преобразованія военнаго управленія на Кавказѣ до сихъ поръ еще не могъ быть приведенъ въ исполненіе по неполученію окончательнаго утвержденія; между тѣмъ дѣло это не терпитъ отлагательства, и я опасаюсь, чтобы чрезъ дальнѣйшее промедленіе нѣкоторыя части администраціи, находясь въ переходномъ положеніи, не пришли въ разстройство. Къ числу частей, наиболѣе требующихъ скораго преобразованія, принадлежитъ артиллерійская, и я убѣдительнѣйше прошу ваше высокопревосходительство приказать ускорить дѣло о предположенной мною новой организаціи полевой и гарнизонной артиллеріи. Ген. Милютинъ мнѣ сказалъ, что проектъ мой съ перваго раза былъ одобренъ вами; между тѣмъ до сихъ поръ я не имѣю свѣдѣнія о дальнѣйшемъ ходѣ дѣла. Если оно должно идти въ Военный Совѣтъ, то я вынужденъ просить васъ исходатайствовать у Государя Императора предварительное разрѣшеніе, чтобы я могъ, не ожидая окончательнаго утвержденія всѣхъ представленныхъ мною штатовъ и табелей, постепенно приводить въ исполненіе тѣ части проекта моего, которыя я признаю особенно неотлагательными.

7 Февраля 1858 года. Тифлисъ.

6.

Съ благоговѣйною признательностью узналъ я о всемилостивѣйшемъ соизволеніи Государя Императора на представленныя мною назначенія: князя Бебутова, князя Орбельяна, барона Врангеля и князя Эристова, съ производствомъ послѣдняго въ генералъ-лейтенанты. Я вполнѣ надѣюсь, что всѣ эти назначенія принесутъ существенную пользу службѣ Его Императорскаго Величества. Князя Бебутова оживило извѣстіе объ оказанной ему милости Монарха; но старикъ становится съ каждымъ днемъ все слабѣе и дряхлѣе. Не менѣе порадовало меня и милостивое вниманіе Государя Императора къ заслугамъ г.-л. Евдокимова и всего его отряда: оно одушевитъ войска новымъ рвеніемъ на славу нашего возлюбленнаго Царя.

На Правомъ крылѣ войска оказали въ теченіе прошлаго года не менѣе тяжкихъ трудовъ. Утвержденіе наше предъ Майкопскимъ ущельемъ есть такой важный шагъ впередъ, что составитъ эпоху въ исторіи завоеванія Закубанскаго края. Дѣйствіями Майкопскаго отряда постоянно руководилъ самъ ген. Козловскій, который, несмотря на свои лѣта, дряхлость и больныя ноги, находился лично около 9-ти мѣсяцевъ безотлучно при войскахъ и вынесъ всѣ тягости зимней экспедиціи. Нельзя не отдать справедливости этому почтенному воину, который до самаго конца своего боеваго поприща велъ себя истиннымъ солдатомъ. Послѣднее несчастное происшествіе (обмороженныхъ ногъ въ трехъ разныхъ колоннахъ) не можетъ бросать ни малѣйшей тѣни на ген. Козловскаго: по произведенному подробно слѣдствію, я убѣдился, что несчастіе это произошло исключительно отъ причинъ естественныхъ, которыхъ отвратить не было въ силахъ человѣческихъ, и никого положительно обвинить въ этомъ происшествіи я не могу. Въ этомъ смыслѣ я сообщу вамъ оффиціальное заключеніе мое по этому дѣлу съ покорнѣйшею просьбою всеподданнѣйше повергнуть на всемилостивѣйшее благоусмотрѣніе Государя Императора. Что́ же касается до прорывовъ, довольно часто повторявшихся въ послѣднее время въ Черноморіи, то они весьма обыкновенны въ зимнее время, когда ледъ на Кубани уничтожаетъ природную преграду отъ горцевъ. Однакоже непріятельскіе прорывы вездѣ встрѣчали отпоръ и нигдѣ не имѣли положительнаго успѣха; а слѣдовательно я не нахожу ни малѣйшаго повода въ чемъ-либо упрекнуть мѣстное военное начальство въ этомъ случаѣ.

При этомъ я однакоже долженъ упомянуть, что о Черноморскихъ линейныхъ баталіонахъ до меня еще не доходило никакихъ особенно невыгодныхъ свѣдѣній. Если они не совсѣмъ удобно помѣщены, то иначе и быть не могло. Надобно вспомнить, что едва прошелъ годъ съ тѣхъ поръ, какъ эти баталіоны вступили въ страну, опустошенную и раззоренную войною. Всѣ прежнія помѣщенія войскъ были разрушены; надобно было коекакъ устраивать временныя жилья, или исправляя прежнія, сохранившіяся развалины казармъ, или устраивая бараки и т. п. Строить въ томъ краѣ что-нибудь прочное еще не было возможности, по неимѣнію рукъ, денегъ,

и времени. Изнурять солдатъ усиленною работою особенно опасно въ Абхазіи и въ Гуріи, гдѣ и безъ того такъ трудно предохранять войска отъ гибельнаго вліянія климата. Впрочемъ я поручилъ князю Эристову при предстоящей поѣздкѣ въ Абхазію внимательно осмотрѣть положеніе находящихся тамъ баталіоновъ и подробно донести мнѣ обо всемъ, что найдетъ. На искренность и прямоту князя Эристова я вполнѣ полагаюсь, и когда узнаю отъ него что-нибудь положительное, не замедлю о томъ сообщить вашему высокопревосходительству.

На дняхъ я получилъ одну чрезвычайно непріятную для меня бумагу, именно о назначеніи командира въ Кавказскій № 1-й саперный баталіонъ. Прежде оффиціальнаго отвѣта на это отношеніе я пишу нынѣ же прямо къ Его Императорскому Высочеству Генералъ-Инспектору по инженерной части и, прося снисхожденія Его Высочества къ неумышленному отступленію моему отъ установленнаго порядка переписки, я однакоже убѣдительно прошу Великаго Князя не настаивать на своемъ отказѣ, чтобы не оскорбить заслуженнаго офицера и вмѣстѣ съ тѣмъ не поставить меня лично въ крайне-затруднительное положеніе. Не стану распространяться о томъ, какія основанія я имѣлъ въ выборѣ подполк. Типольда на означенное мѣсто; но, каковъ бы ни былъ мой выборъ, нѣтъ уже возможности отмѣнить его, не касаясь достоинства моего званія. Убѣдительнѣйше прошу васъ оказать мнѣ содѣйствіе къ удовлетворительному рѣшенію возникшаго затрудненія, предстательствомъ вашимъ предъ Великимъ Княземъ, чтобы Его Высочество милостиво простилъ невольную ошибку, сдѣланную въ канцелярскомъ порядкѣ дѣлопроизводства и не настаивалъ на своемъ отказѣ, который имѣлъ бы крайне-затруднительныя послѣдствія.

27 Февраля 1858 года. Тифлисъ.

Въ письмѣ ко мнѣ отъ 6-го сего Мая, в. в—во говорите о нашихъ взаимныхъ отношеніяхъ. Въ словахъ этихъ я съ удовольствіемъ вижу, съ одной стороны, ваше доброе вниманіе ко мнѣ лично, а съ другой—постоянное стремленіе ваше поддержать мои служебныя представленія. Я весьма цѣню то и другое и никогда не сомнѣвался въ той рыцарской прямотѣ, въ томъ возвышенномъ благородствѣ, которыя знаменуютъ всегда всѣ ваши дѣла и отношенія. Мнѣ остается желать отъ всей души, чтобы, отдохнувъ за границею отъ важныхъ государственныхъ трудовъ, вы сколь можно скорѣе возвратились съ укрѣпившимся здоровьемъ и снова приняли на себя управленіе, столь для ввѣренныхъ мнѣ дѣлъ благотворное.

28 Мая 1858 года. Тифлисъ.

7.

Истиннымъ удовольствіемъ было для меня получить письмо ваше изъ Варшавы отъ 18-го Сентября и узнать отъ фельдъегеря, что вы возвратились изъ-за границы съ возстановленнымъ зрѣніемъ. Желаю отъ глубины сердца, чтобы здоровье ваше, укрѣпленное отдыхомъ, дало вамъ силы на вновь предстоящіе.

По высочайшему повелѣнію ваше в. превосходительство спрашиваете меня о генералѣ Хрулевѣ. Я долженъ отвѣчать вамъ совершенно конфиденціально и съ полною откровенностью. Зная самъ отличныя военныя достоинства сего генерала и имѣвъ еще въ прошломъ году мысль употребить его на Кавказѣ, я входилъ съ нимъ въ самыя искреннія объясненія какъ относительно его образа мыслей, такъ и образа жизни, и долженъ къ крайнему сожалѣнію сказать, что объясненія эти убѣдили меня въ невозможности довѣрить ему какой-либо важный постъ въ здѣшней военной администраціи. Притомъ, въ настоящее время, когда дѣла здѣсь принимаютъ самый рѣшительный оборотъ, болѣе чѣмъ когда либо необходимы на главныхъ военныхъ постахъ люди, вполнѣ и глубоко знакомые съ положеніемъ ввѣреннаго имъ края; а генералу Хрулеву пришлось бы на Лезгинской линіи, прежде чѣмъ командовать, учиться и знакомиться съ людьми. Въ этомъ отношеніи я отдалъ предъ всѣми другими генералами предпочтеніе князю Меликову, именно потому, что я могу вполнѣ положиться на его знаніе края, привычку къ здѣшней войнѣ, на его свѣжія силы нравственныя и физическія и потому, что всѣ его подчиненные уже лично ему хорошо извѣстны. Я остаюсь убѣжденнымъ, что князь Меликовъ болѣе всѣхъ другихъ генераловъ способенъ занять это мѣсто, и убѣдительнѣйше прошу ваше высокопревосходительство поддержать мой выборъ всею силою вашего ходатайства передъ Государемъ Императоромъ.

7 Октября 1858 года. Тифлисъ.

8.

Отзывомъ отъ 29-го Сент, за № 12850, ваше в—во сообщили мнѣ, что на представленіе мое о назначеніи полковн. Кузьмина комендантомъ крѣпости Ахалцыха не послѣдовало высочайшаго соизволенія, на томъ основаніи, что комендантскія должности замѣщаются преимущественно ранеными. Еслибъ по существующимъ постановленіямъ назначеніе на комендантскія должности было ограничено исключительно ранеными, я никакъ и не дозволилъ бы себѣ войти съ представленіемъ о полковникѣ Кузьминѣ; но какъ въ приведенной вами статьѣ закона положено назначать только *преимущественно* раненыхъ, то я и нашелъ вполнѣ справедливымъ отдать предпочтеніе предъ всѣми другими кандидатами на мѣсто Ахалцыхскаго коменданта названному штабъ-офицеру, который обратилъ на себя справедливое вниманіе не только мое, но и предмѣстниковъ моихъ своею безукоризненною, неутомимою и почти полувѣковою службою, для которой онъ пожертвовалъ здоровьемъ и зрѣніемъ; а потому я счелъ его болѣе многихъ изувѣченныхъ воиновъ достойнымъ получить обезпеченное положеніе въ преклонныя лѣта его. Крѣпость Ахалцыхъ, по своему пограничному положенію, должна имѣть начальника распорядительнаго, твердаго и вполнѣ благонадежнаго. Между тѣмъ при объѣздѣ края, въ прошломъ Августѣ мѣсяцѣ, я удостовѣрился лично, что бывшій комендантъ полковникъ Костырко (нынѣ въ отставкѣ г.-маіоръ), при всей знаменитой въ здѣшнемъ краѣ храбрости

своей и тяжелыхъ ранахъ, никакъ не могъ быть далѣе оставленъ на этомъ мѣстѣ; а потому я тогда же вытребовалъ въ Ахалцыхъ полковника Кузьмина и приказалъ ему немедленно вступить въ комендантскую должность, не сомнѣваясь нисколько, что представленіе мое удостоится высочайшаго утвержденія. Вмѣстѣ съ тѣмъ и въ должность генералъ-гевальдигера, при главномъ штабѣ Кавказской арміи, на мѣсто полковника Кузьмина поступилъ уже подполковникъ Сагиновъ.

Полученный нынѣ отказъ на предположенныя мною назначенія поставляетъ меня въ крайнее затрудненіе отмѣнить сдѣланное уже распоряженіе; отмѣна эта не только огорчила бы обоихъ названныхъ штабъ-офицеровъ, но и разстроила бы ихъ въ семейномъ и домашнемъ положеніи. Поэтому я нахожусь вынужденнымъ убѣдительнѣйше просить ваше высокопревосходительство снова повергнуть всѣ изложенныя обстоятельства на милостивое воззрѣніе Государя Императора и всеподданнѣйше исходатайствовать высочайшее соизволеніе на предположенныя мною назначенія полковника Кузьмина комендантомъ въ кр. Ахалцыхъ, а подполковника Сагинова—генералъ-гевальдигеромъ при главномъ штабѣ Кавказской арміи.

Если же и за симъ Его Императорскому Величеству благоугодно будетъ высочайше повелѣть, чтобы отнынѣ на комендантскія должности назначались исключительно раненые, то ваше в—во не откажите мнѣ испросить по крайней мѣрѣ соизволеніе Государя Императора на временное оставленіе Кузьмина въ Ахалцыхѣ въ должности коменданта, пока я не пріищу кого-либо достойнаго этого мѣста изъ числа раненыхъ, а для самого Кузьмина другаго соотвѣтствующаго ему назначенія.

3 Ноября 1858 года. Тифлисъ.

9.

Въ дополненіе къ оффиціальному моему отзыву отъ сего же числа относительно предназначенныхъ новыхъ подкрѣпленій для Кавказской арміи, я желаю еще прибавить нѣсколько словъ, чтобы выразить вамъ, сколько я радъ, что вы убѣдились теперь, какъ необходимо при настоящемъ положеніи дѣлъ въ здѣшнемъ краѣ дѣйствовать энергически и настойчиво. Послѣдующіе факты, какъ я надѣюсь, еще очевиднѣе подтвердятъ мои слова и покажутъ, что пожертвованія, которыя мы дѣлаемъ нынѣ, выкупятся съ избыткомъ важными результатами.

Считаю также необходимымъ воспользоваться предложеніемъ вашимъ сформировать четвертые баталіоны въ полкахъ 18-й дивизіи. Четыре лишнихъ баталіона весьма важны для насъ въ разсчетѣ силъ, въ особенности потому, что въ послѣдніе годы войска Кавказскія выносятъ труды почти превышающія силы человѣческія. Крайне-необходимо дать имъ хотя сколько нибудь перевести духъ; а достигнуть этого можно не иначе какъ прибавкою числа ихъ, такъ чтобы они могли имѣть нѣкоторую очередь въ работѣ. Въ этомъ отношеніи ожидаемыя подкрѣпленія окажутъ самое благодѣтельное вліяніе на положеніе Кавказскихъ полковъ, которые будутъ благословлять оказываемую имъ Государемъ Императоромъ милость.

Чтó касается до финансовыхъ предметовъ, которыхъ вы коснулись въ письмахъ вашихъ отъ 25 и 26 Октября, то вы можете быть вполнѣ увѣрены, что строгая экономія въ расходахъ составляетъ предметъ и моихъ заботъ; но вы сами знаете, какъ трудно урѣзывать тамъ, гдѣ уже нѣтъ ничего лишняго, и гдѣ напротивъ того ощущается во многомъ скудность. Во всякомъ случаѣ я прошу васъ твердо быть увѣреннымъ въ искреннемъ желаніи моемъ дѣйствовать за одно съ вами во всѣхъ тѣхъ случаяхъ, гдѣ есть возможность соблюсти благоразумную экономію безъ щерба для пользы государственной; съ своей же стороны я полагаюсь вполнѣ на просвѣщенные и благонамѣренные виды, съ которыми вы оказываете мнѣ помощь для блага ввѣреннаго мнѣ края и арміи.

22 Ноября 1858 года. Тифлисъ.

Е. Письма военнаго министра Н. О. Сухозанета къ князю А. И. Варятинскому.

1.

Письмо ваше отъ 31-го Декабря я имѣлъ удовольствіе получить. Душевно радъ, если могъ удовлетворить видамъ вашимъ, порученнымъ г.-м. Милютину; все остальное исполняется безъ замедленія, но для окончанія требуетъ еще нѣкотораго соглашенія.

Отправленіе отставныхъ всадниковъ бывшаго конно-мусульманскаго полка на почтовыхъ допустить можно, если число людей не будетъ значительное. На счетъ ген. Колосовскаго фактовъ нѣтъ, но распоряженія 1855 и 1856 годовъ навлекаютъ сомнѣніе; Толстой—человѣкъ посторонній, даже не знаетъ ген.-интенданта; не полагаю, чтобы онъ что нибудь выдумывалъ, объяснялъ свое убѣжденіе, полученное имъ въ Астрахани и подкрѣпленное по его словамъ полк. Сивериковымъ. Настоящая покупка хлѣба въ Приволжскихъ пристаняхъ, съ выдачею свидѣтельствъ отъ интендантства, равнымъ образомъ не въ пользу общаго дѣла. Я весьма далекъ мысли, что нужно было замѣщать какъ Затлера, такъ и Колосовскаго; дѣлать это не слѣдовало и не слѣдуетъ; но осторожность и наблюденіе не могутъ быть излишними.

Послѣднимъ журналомъ ген. Евдокимова Государь былъ чрезвычайно доволенъ, повелѣвъ объявить всемилостивѣйше всѣмъ благоволеніе и нижнимъ чинамъ по 1 рублю. Евдокимова предположено наградить по окончаніи второй экспедиціи. Такъ какъ вы мнѣ дозволяете доводить до вашего свѣдѣнія, хотя не оффиціальныя, но сильно подтверждаемыя мысли, то *съ прискорбіемъ долженъ сказать, что мнѣніе о благонамѣренности и безкорыстіи Евдокимова сильно омрачаетъ его военныя достоинства.*

По мѣрѣ силъ и возможности радъ буду содѣйствовать прочному водворенію христіанства на Кавказѣ. Тоже самое необходимо въ Болгаріи и даже въ Іерусалимѣ; но средства для сего нужныя весьма скудны; вездѣ и во всемъ крайне-необходимомъ Брокъ тормозитъ колеса; расходы умень-

шиться не могутъ (таковъ законъ бытія каждаго процвѣтающаго государства), но увеличеніе приходовъ не ростетъ въ соразмѣрности нуждъ и пользъ края.

Газета „Кавказъ" умалчиваетъ о маленькихъ неудачахъ, напр. о потерѣ изъ 2-хъ ротъ Кубанскаго пѣх. полка; полагаю, полезнѣе и соотвѣтственно достоинству правительства писать правду, заставить этимъ вѣрить безусловно нашимъ показаніямъ и тѣмъ предупреждать непріязненныя вѣсти журналистики иностранной. Такъ дѣйствовалъ въ Крыму кн. Меньшиковъ, и единственно его свѣдѣніямъ Европа вѣрила.

Министръ иностранныхъ дѣлъ проситъ меня войти съ вами въ неоффиціальное сношеніе: не можете ли вы весь 1858 годъ и весну 1859 года удержать еще существованіе Анапы, хотя бы Поти и могъ быть открытъ къ навигаціи 1858 года. Существованіе Анапы пока, какъ пунктъ нашей береговой линіи, по соображенію кн. Горчакова, весьма важно въ дипломатическихъ его сношеніяхъ. Увѣдомьте меня, какой вы имѣете на это взглядъ, причемъ необходимо кн. Горчакову оффиціально знать, къ какому именно времени можетъ быть открыта торговля въ Поти.

14 Января 1858 года. С. П. Б.

2.

Отъѣзжаю 17-го сего числа за границу, первоначально въ Берлинъ оперировать глазъ, а потомъ нѣсколько отдохнуть. Невольно на нѣсколько мѣсяцевъ прервутся наши взаимныя отношенія. Въ теченіи двухъ лѣтъ, всегда и постоянно, я стремился удовлетворить вашему желанію, и ежели иногда возражалъ, то никогда не съ другой цѣлью, какъ въ истинномъ желаніи лучшаго, и въ особенности сбереженія, столь необходимаго и такъ тягостно на военномъ министерствѣ лежащаго. Вы великодушны, хотите справедливо наградить службу каждаго достойно и обезпечить будущность заслуженныхъ; но есть ли возможность удовлетворить всѣмъ крайнимъ необходимостямъ? Пишу сіе для того, чтобы еще повторить, что никогда ни въ чемъ не противурѣчилъ единственно лишь для опозиціи.

Кубанское ваше плаваніе, нечего дѣлать, нужно хотя въ видѣ заимообразно исполнить на ваши средства; авось компанія въ послѣдствіи все отдастъ. Это вчера высочайше разрѣшено, но сообщить не успѣлъ.

6 Мая 1858 года. Царское Село.

3.

Въ дополненіе письма моего отъ вчерашняго числа, поспѣшаю васъ увѣдомить, что отзывы ваши за №№ 2652 и 2653 получены вмѣстѣ со смѣтою интендантства вчера поздно вечеромъ; содержаніе послѣдняго довелъ я до свѣдѣнія Его Величества тотчасъ. Государь самъ вамъ пишетъ и мнѣ разрѣшить соизволилъ поставить васъ въ точную извѣстность о нашемъ финансовомъ положеніи.

Съ 1856 года на 1857-й исчисленіе потребности смѣты Военнаго Министерства простиралось до 121 м., въ счетъ коихъ было показано къ зачету отъ оставшихся запасовъ войны денежныхъ и матеріальныхъ 32 м., такъ что дѣйствительный отпускъ изъ казначейства требовался всего 82 м.=76 м. непремѣннаго и 6 м. условнаго.

Въ теченіе 1858 года сокращеній никакихъ не сдѣлано, а увеличеніе прежнихъ расходовъ и явившихся во всѣхъ частяхъ Имперіи новыхъ потребностей не сократитъ, а возвыситъ цифру прошлогодняго бюджета; къ зачету же у меня рѣшительно ничего болѣе не имѣется. Сколько же можетъ быть таковаго показано отъ вашихъ прежнихъ лѣтъ остатковъ, не имѣю еще отъ васъ увѣдомленія. Притомъ крайняя необходимость требуетъ прибавки жалованья хотя до баталіонныхъ командировъ включительно. На это нужно около 4 м.; а между тѣмъ министръ финансовъ объявилъ, что ежели онъ будетъ обязанъ удовлетворить въ числѣ другихъ Военное Министерство, примѣняясь къ потребности онаго въ прошедшемъ году, то-есть около 100 м., то онъ рѣшительно (не взирая на надбавку 40 м. за откупа) признаётъ себя не въ состояніи и показываетъ дефициту на предстоящій 1859 годъ болѣе 12 м. рублей. Изъ сего вы усмотрите, что нѣтъ никакой возможности вносить въ смѣту 156 т. на усиленіе жалованья служащимъ на линіи, тѣмъ болѣе, что, въ предположеніи моемъ о прибавкѣ жалованья всей Россійской арміи, я имѣлъ уже въ виду сравнять ваши оба отдѣла. Объяснивъ вамъ всю трудность финансоваго положенія государства и крайне недостаточное положеніе ассигнуемыхъ военному министру способовъ, я убѣдительнѣйше васъ прошу не приписывать нежеланію моему удовлетворить всѣмъ вашимъ предначертаніямъ, а рѣшительной невозможности исполненія оныхъ. Всѣ безъ изъятія отдѣльные начальники возвысили свои требованія; какъ всѣмъ угодить? Эта задача едвали не труднѣе квадратуры круга. Бога ради, по возможности облегчите трудное наше положеніе.

26 Октября 1858 года. Царское Село.

4.

Письмо ваше, отъ 22 Ноября, я имѣлъ удовольствіе получить и поставляю себѣ долгомъ увѣдомить, что сформированіе четвертыхъ батальоновъ 18-й пѣхотной дивизіи высочайше разрѣшено; для 16-ти батальоновъ Кавказской резервной дивизіи повелѣно сформировать стрѣлковыя роты при прочныхъ кадрахъ, данныхъ изъ стрѣлковыхъ батальоновъ. Всѣ посылаемыя къ вамъ войска будутъ отправлены въ возможной скорости и исправности. Оффиціальные отзывы по сему вмѣстѣ съ симъ посылаю.

Дай Богъ, чтобы съ симъ новымъ усиленіемъ осуществились надежды ваши *окончить дѣло Кавказа чрезъ два года* *). Этимъ вы окажете вели-

*) Противъ этихъ словъ князь Барятинскій сдѣлалъ замѣтку: „откуда хитрецъ это взялъ?“

чайшую заслугу Государю и Россіи, положеніе коей не можетъ выдерживать долѣе огромныхъ расходовъ въ людяхъ и деньгахъ, Кавказомъ поглощаемыхъ.

Изъ остающихся у васъ 9.200 т. р. денежныхъ остатковъ, при полномъ обезпеченіи вашего интендантства, признано возможнымъ зачесть вамъ въ смѣту 4.500 т. рубл., и кромѣ того Его Величеству благоугодно было повелѣть сдѣланныя вами по нѣкоторымъ предметамъ въ настоящемъ году передержки, 268 т. рубл., обратить на оставленныя у васъ средства. Не сѣтуйте за это, почтеннѣйшій князь Александръ Ивановичъ: я не могъ никакъ обойтиться, не отнимая у васъ излишняго запаса, ибо здѣсь недостаетъ денегъ на удовлетвореніе даже въ обрѣзъ разсчитанныхъ расходовъ. Сдѣлайте одолженіе, не ожидая преобразованія вашего интендантства, на что потребуется продолжительное время, учредите особую коммиссію распутать прежнія дѣла вашего интендантства и прикажите привести въ положительную ясность всѣ остающіеся у него денежные и вещевые запасы, ибо необходимо намъ выйти изъ неопредѣлительнаго положенія.

Дѣйствительно, войска Лѣваго фланга сдѣлали неимовѣрныя, свыше силъ человѣческихъ усилія; но къ прискорбію извѣстно, что онѣ въ крайне-изнуренномъ отъ болѣзней состояніи и что это, какъ доходятъ сюда слухи, *происходитъ отчасти отъ недостаточной г.-л. Евдокимова объ нихъ попечительности. Общее мнѣніе, отдавая полную справедливость отличнѣйшимъ военнымъ достоинствамъ, обвиняетъ сего генерала въ крайне-корыстолюбивомъ управленіи; что число покорившихся переселенцевъ будто бы многократно преувеличивается съ цѣлью истребованія на содержаніе ихъ значительныхъ суммъ; что многостоящая туземная милиція существуетъ большею частью только на бумагѣ, и что всѣ административныя мѣста поручены родственникамъ или приверженцамъ Евдокимова, администраціею, пристрастіемъ и несправедливостью коего всѣ вообще въ высшей степени недовольны, и что поэтому покоренныхъ горцевъ, заселенныхъ по базису его дѣйствій, опасно считать безусловно намъ преданными.*

Хотя я не вѣрю этимъ слухамъ и признаю замѣчательныя военныя заслуги г.-л. Евдокимова, но считаю священною обязанностью обо всемъ вышеписанномъ довести до вашего свѣдѣнія: вы на мѣстѣ ближе можете знать, въ какой степени это заслуживаетъ вѣроятія и какія, въ случаѣ дѣйствительно существующаго зла, къ отвращенію онаго необходимо принять мѣры. Надѣюсь, что совершенно конфиденціальное сообщеніе это вы примете отъ меня какъ отъ человѣка вамъ преданнаго и заботящагося объ общей пользѣ. Я буду премного обязанъ, если вы взаимно укажите мнѣ стороны, требующія немедленнымъ мѣропріятій, въ числѣ коихъ вѣроподобно включить должно Ставропольскую и Тифлисскую коммиссаріатскія коммиссіи.

14 Декабря 1858 года. С. П. Б.

Ж. Письма князя А. И. Барятинскаго къ министру иностранныхъ дѣлъ князю А. М. Горчакову.

1.

Тифлисъ, 24 Января 1858 г.

Я счелъ долгомъ, дорогой князь, въ отвѣтъ на ваше письмо отъ 15 Декабря, дать вамъ свѣдѣнія, касающіяся открытія порта въ Поти. Считаю своею обязанностью переслать вамъ сегодня же краткое содержаніе офиціальныхъ рапортовъ генерала Филипсона, въ которыхъ изложена вся исторія происшедшихъ минувшимъ лѣтомъ въ Геленджикѣ и Туапсэ событій, подавшихъ поводъ къ протестамъ и къ придиркамъ Англичанъ, о чемъ вы мнѣ говорили въ вашемъ послѣднемъ письмѣ отъ 26 Декабря.

Тамъ вы увидите, что Русскія войска, высадившіяся около 2 Сентября въ Туапсэ, имѣли только одну цѣль: разрушить возведенную Черкесами, Турками и нѣсколькими Европейскими авантюристами постройку для склада запрещенныхъ товаровъ. Эта постройка, съ содержащимся въ ней товаромъ, вмѣстѣ съ семью Турецкими судами, дѣйствительно была уничтожена; а два другихъ, также Турецкихъ судна были уведены въ Анапу.

Эти суровыя мѣры нашихъ военныхъ прибрежныхъ властей, мѣры, о разрѣшеніи которыхъ я уже писалъ вамъ въ моихъ офиціальныхъ депешахъ въ Іюнѣ мѣсяцѣ, явились необходимостью, дабы избавить насъ отъ того ложнаго положенія, въ которомъ мы находимся на Черномъ морѣ и положить предѣлъ важному ущербу, причиняемому постоянно въ силу такого плачевнаго положенія дѣлъ.

Я имѣю основаніе думать, что достовѣрныя извѣстія, пересылаемыя мною вамъ, не дадутъ возможности Англійскому посланнику обвинять насъ, и что эти извѣстія сами по себѣ должны разсѣять несправедливыя возраженія негоціантовъ Браггіоти и Мориса, коммерческія сдѣлки которыхъ съ непокорными горцами не могли быть допускаемы.

Кончаю это письмо, увѣря васъ еще разъ, что мы прекрасно понимаемъ здѣсь насколько необходимо избѣгать столкновеній, которыя могли бы послужить предлогомъ для Австро-англійскихъ придирокъ, и что я съ своей стороны наблюдаю, чтобы всѣ поступали также; но дерзость иностранныхъ авантюристовъ и контробандистовъ, появляющихся съ такою легкостью, и затѣмъ постоянная враждебная дѣятельность горцевъ дѣлаютъ эту задачу крайне-трудною.

2.

Тифлисъ, 7 Декабря 1858 года.

Съ величайшимъ интересомъ прочелъ я ваше письмо отъ 8 Ноября, служащее дополненіемъ къ письму отъ 8 Октября, гдѣ вы передаете мнѣ про обсужденіе въ Лондонѣ вопроса, касающагося восточнаго берега Чернаго моря. Я съ удовольствіемъ раздѣляю вашъ взглядъ на ту ловкость, съ какою баронъ Бруновъ съумѣлъ защитить наши права въ выдержанной имъ борьбѣ съ придирчивой политикою Англійскаго кабинета.

Бумаги барона Брунова и инструкціи, которыми вы его снабдили, съ дипломатической точки зрѣнія разбираютъ этотъ вопросъ превосходно и съ такою точностью, которая не заставляетъ желать ничего лучшаго. Мнѣ ничего болѣе не остается, какъ дать вамъ дополнительныя объясненія, касающіяся практической стороны вопроса, по отношенію къ кругу моей дѣятельности и моихъ военныхъ распоряженій. Я не спорю, что наши права на владѣніе восточнымъ берегомъ могутъ быть наилучшимъ образомъ доказаны лишь постройкою нѣсколькихъ укрѣпленныхъ пунктовъ по морскому прибрежью. Въ принципѣ эта мысль совершенно вѣрна; но прежде всего мы должны узнать и убѣдиться, что выполненіе этой мѣры не причинитъ намъ затрудненій, несравненно бо́льшихъ, нежели тѣ, которыя мы встрѣтимъ на дипломатическомъ поприщѣ: я говорю о военномъ вопросѣ.

Вы вѣрно не забыли, дорогой князь, что въ 1856 году, вскорѣ по заключеніи мира, въ то время, когда я находился еще въ Петербургѣ, было рѣшено не возстановлять военной линіи, которую мы имѣли на берегу, и что это рѣшеніе, послѣ долгаго обсужденія вопроса, было принято и утверждено высочайшимъ одобреніемъ Государя. Тогда также прекрасно понимали всѣ преимущества, которыя обезпечивались бы за нами этими владѣніями въ политическомъ отношеніи; но надо было также принять во вниманіе общее плачевное, безвыходное положеніе и покориться ему. Парижскій трактатъ, лишивъ насъ всѣхъ средствъ дѣятельности на морѣ, не позволилъ намъ даже думать о постройкѣ береговыхъ укрѣпленій. Впрочемъ, какъ могли бы мы и достигнуть этого, не имѣя даже въ перспективѣ прочнаго мира? Предполагая даже, что мы могли бы достигнуть путемъ чрезвычайныхъ усилій возстановленія хотя бы въ двѣнадцати-лѣтній періодъ нашихъ прежнихъ укрѣпленій на прибрежьѣ, то какія были бы матеріальныя условія этой укрѣпленной линіи, лишенной съ одной стороны поддержки флота, а съ другой безъ владѣнія горами и безъ всякихъ удобствъ сообщенія? Если содержать, какъ прежде, маленькія укрѣпленія противъ горцевъ, то, безъ сомнѣнія, это повело бы при первой войнѣ къ потерѣ ихъ гарнизоновъ. Окруженные враждебнымъ населеніемъ, лишенные сухопутнаго сообщенія и предоставленные самимъ себѣ, безъ всякой надежды получать подкрѣпленіе и провіантъ, эти гарнизоны должны были бы вскорѣ же изнемочь. Въ 1853 году, передъ началомъ враждебныхъ дѣйствій, это же самое обстоятельство заставило насъ покинуть наши береговыя укрѣпленія. На что̀ можемъ мы теперь надѣяться, когда одна Турція владѣетъ бо́льшимъ флотомъ, нежели мы?

Что касается до предположенія воздвигнуть въ промежуткѣ между Новороссійскомъ и Гаграми одну или двѣ большія крѣпости, сохранивъ въ тоже время дорогу для сообщенія съ поселеніями Лабинскихъ и Кубанскихъ казаковъ, то я совершенно откровенно готовъ вамъ высказать свои взгляды по сему вопросу. Я полагаю, что это предпріятіе слишкомъ важно и опасно, чтобы мы могли предпринять попытки къ его осуществленію, съ тѣми военными средствами, какими я въ настоящее время располагаю.

Необходимо имѣть здѣсь чрезвычайныя средства, да и вообще я не считаю успѣхъ возможнымъ ранѣе покоренія всѣхъ племенъ, которыя занимаютъ весьма обширную территорію между главною цѣпью Кавказскихъ горъ, Лабою и Кубанью, гдѣ, какъ вамъ извѣстно, сосредоточены наши главныя военныя дѣйствія. Изъ этого слѣдуетъ, что намъ необходимо выждать, пока наше оружіе укрѣпитъ достаточно въ этой сторонѣ нашу власть, дабы мы могли предпринять экспедицію, требующую и много времени, и большихъ матеріальныхъ средствъ. Къ тому же я полагаю, что постройка одной или двухъ крѣпостей между Новороссійскомъ и Гаграми будетъ недостаточной для окончательнаго удаленія предлога къ распрямъ съ нашими противниками, и я имѣю всѣ основанія думать, что только въ виду подобной случайности лордъ Малмсбюри помѣстилъ въ своей нотѣ къ барону Брунову отъ 14 Октября слѣдующую доктрину, называя ее международнымъ закономъ: „Если какая-нибудь держава занимаетъ отдѣльные и укрѣпленные пункты на берегу или территоріи, гдѣ туземцы, съ оружіемъ въ рукахъ, находятся еще въ независимомъ состояніи, то эта держава (за исключеніемъ тѣхъ укрѣпленныхъ и отдѣльныхъ пунктовъ, которыми она владѣетъ) не имѣетъ права установлять и приводить въ дѣйствіе противъ третьихъ лицъ общія правила, предписывающія образъ дѣйствія и указывающія пункты, гдѣ можетъ быть разрѣшена торговля съ жителями страны".

Что̀ касается до случайныхъ столкновеній, могущихъ быть между нашими крейсерами и судами плавающими подъ Англійскимъ флагомъ, я полагаю, что тутъ ничего почти невозможно сдѣлать предупредительными мѣрами.

Инструкціи данныя нашимъ крейсерамъ предписываютъ имъ и безъ того столько благоразумія и осторожности и настолько ограничиваютъ ихъ дѣйствія, что крейсерство является на самомъ дѣлѣ не болѣе, какъ фикціей. Въ теченіе двухъ лѣтъ, мы были вынуждены принять другую систему, которая намъ довольно хорошо удалась и доказываетъ неопровержимыми фактами наши права владѣнія на этомъ берегу. Мы не ищемъ контрабандистовъ и подозрительныхъ судовъ нигдѣ болѣе какъ вдоль самыхъ береговъ, и ихъ схватываютъ и сжигаютъ въ самыхъ гаваняхъ, куда они входятъ. Такимъ образомъ мы успѣли, какъ вамъ извѣстно, схватить нѣсколько Турецкихъ судовъ, изъ которыхъ, къ счастію, ни одного не оказалось подъ Англійскимъ флагомъ.

Если мы покинемъ этотъ образъ дѣйствій, единственный, который ставитъ предѣлъ свободнымъ сообщеніямъ горцевъ: то безъ сомнѣнія они будутъ окончательно убѣждены, что мы признаёмъ ихъ независимость, и разумѣется въ ихъ разсчетахъ будетъ удаляться все болѣе и болѣе отъ всякой мысли къ сближенію съ нами, тѣмъ болѣе, что ихъ ближайшіе сосѣди, давно уже покоренные, какъ Мингрелія и Абхазія, остаются подъ надзоромъ таможенныхъ управленій.

Я съ удовольствіемъ представляю вамъ всѣ эти свѣдѣнія, предполагая, что онѣ могутъ быть полезны барону Брунову, который такъ хоро-

шо умѣетъ защищать наши права. Чтобы дать ему возможность совершенно понять положеніе нашихъ дѣлъ на прибрежьѣ, я приказалъ составить общее обозрѣніе этого вопроса и постараюсь прислать вамъ этотъ трудъ, въ возможной скорости, вмѣстѣ съ двумя копіями для барона Брунова и для графа Киселева.

3. Письмо князя А. М. Горчакова къ князю А. И. Варятинскому.

Петербургъ, 15 Января 1858 года.

Благодарю васъ, дорогой князь, за присланное мнѣ отъ 1-го Января письмо. Моя мысль всегда слѣдуетъ за вами во всѣхъ предпринимаемыхъ вами великихъ дѣлахъ во славу Императора. Мое постоянное желаніе—это согласовать ввѣренные мнѣ интересы съ интересами ввѣренными вашимъ заботамъ.

Между тѣми и другими есть тѣсная связь, въ особенности когда ваша дѣятельность переносится на прибрежье Чернаго моря. Вы мнѣ сдѣлали хорошій подарокъ на новый годъ, сообщивъ о скоромъ открытіи порта въ Поти. Когда всѣ ваши распоряженія будутъ сдѣланы, не откажите увѣдомить меня объ этомъ оффиціально, дабы я могъ сейчасъ же это огласить. До тѣхъ поръ я буду ждать.—Англійскіе министры увѣряютъ меня, что Британское правительство не имѣетъ никакого намѣренія дѣлать намъ мелочныя придирки съ этой стороны, но что общественное мнѣніе ихъ обязываетъ къ этому каждый разъ, когда дѣло коснется промышленнаго или торговаго интереса. Я не вхожу въ искренность этихъ увѣреній, хотя слишкомъ долго жилъ въ Англіи, чтобы не знать насколько эта струнка чувствительна.

Объявляя объ открытіи Поти, я даю Англійскому министерству аргументъ противъ оппозиціи и случай доказать то доброжелательство, о которомъ оно заявляетъ. Позже (какъ это и условлено между нами) мы можемъ бросить Церберу нѣсколько другихъ кусковъ, въ видѣ послѣдующаго открытія другихъ маленькихъ портовъ на прибрежьѣ.

Я былъ озабоченъ по поводу Анапы. Постановлено, что Анапа будетъ закрыта для торговли тогда, когда будетъ отрытъ другой портъ. Государь успокоилъ меня на этотъ счетъ въ двухъ отношеніяхъ: вопервыхъ, что Анапу не закроютъ, ранѣе чѣмъ портъ Константиновскій *) будетъ открытъ, и вовторыхъ, что мы будемъ владѣть Анапою даже и тогда, когда она перестанетъ быть коммерческимъ портомъ, и не допустимъ, чтобы знамя мятежниковъ могло тамъ развѣваться. По моему мнѣнію это последнее обстоятельство является крайне-важнымъ для нашего престижа.

*) То есть „Новороссійскъ“.

Глава V.

О значенія предпринятыхъ на Кавказѣ дѣйствій.—Поѣздка въ Петербургъ.—Увѣренность окончить войну съ Шамилемъ въ 1859 г.—Возвращеніе на Кавказъ.—Поѣздки въ Аргунское ущелье, по Ичкеріи, въ Чеченскій отрядъ.—Переписка о Н. И. Евдокимовѣ.—Эпизодъ съ противорѣчивыми приказаніями.—Ходъ дѣлъ въ Дагестанскомъ отрядѣ.—Громадный результатъ перехода чрезъ Койсу.—О поводахъ къ противорѣчивымъ приказаніямъ.

Для правильной оцѣнки значенія предпринятыхъ княземъ Барятинскимъ военныхъ дѣйствій на Кавказѣ, необходимо не терять изъ вида общее положеніе Россіи въ ту эпоху, не только въ ея отношеніяхъ къ иностраннымъ державамъ въ Европѣ и Азіи, но и по внутреннимъ вопросамъ.

Неоспоримо, что государственные люди на Западѣ гораздо вѣрнѣе большинства нашихъ понимали и оцѣнивали Кавказскія дѣла; практически-умнѣйшіе Британцы особенно хорошо сознавали, какъ важно для ихъ интересовъ не допускать Россію до окончательнаго покоренія Кавказа, оставляя на ея организмѣ родъ недуга, который истощалъ финансовыя средства государства, удерживалъ лучшую по боевымъ качествамъ часть арміи на далекой окраинѣ, прикованною къ мѣсту, вообще, связывалъ свободу дѣйствій Россіи. Они несомнѣнно понимали, что, не взирая на Севастопольскій погромъ, Россія скоро можетъ оправиться и опять стать грознымъ противникомъ Британіи въ ея стремленіи къ исключительному владычеству на Востокѣ. Съ этою цѣлью, презирая всякіе международные законы и даже обыкновенныя политическія приличія, Англичане не стѣснялись изъ Константинополя снаряжать экспедиціи къ восточнымъ берегамъ Чернаго моря, посылать эмисаровъ для возбужденія противъ насъ туземцевъ и т. п. Время казалось имъ для враждебныхъ противъ насъ козней тѣмъ болѣе благопріятнымъ, что финансы Россіи, послѣ трехлѣтней войны, были до крайности разстроены, экономическое положеніе вообще въ печальномъ положеніи, а возбужденный вопросъ объ освобожденіи

крестьянъ представлялся многимъ и въ Европѣ, и у насъ, вопросомъ чреватымъ опасными осложненіями, безпокойствами и смутами. Ко всему этому слѣдуетъ прибавить, что особаго противодѣйствія, или хотя бы серьезнаго несочувствія къ своимъ дѣйствіямъ, Англія ни отъ кого не ожидала. Франція старалась оказывать намъ расположеніе, и извѣстное свиданіе покойнаго Государя съ императоромъ Наполеономъ въ Штутгартѣ, въ 1857 году, давало основаніе предполагать сближеніе, обѣщавшее добрые результаты; но старыя традиціи нашей политики, не взирая на проявленную во время Крымской войны Австріею неблагодарность и двоедушіе, не взирая на сомнительную дружбу и нерѣшительный нейтралитетъ Пруссіи, восторжествовали: мы предпочли возвратиться къ этимъ союзникамъ и оттолкнули Наполеона....

Князь Барятинскій, получая изъ компетентнаго источника подробныя свѣдѣнія о всѣхъ высшихъ вопросахъ иностранной и внутренней политики, стоявшихъ тогда на очереди, очень хорошо понималъ, что мы остаемся, какъ всегда, одинокими въ Европѣ и должны разсчитывать лишь на свои собственныя силы; а чтобы силы эти, какъ можно скорѣе, были освобождены и въ нужный моментъ не парализованы, онъ считалъ единственнымъ средствомъ покончить съ непокорнымъ Кавказомъ и связать его прочными сообщеніями съ центромъ Россіи, не щадя для этого никакихъ усилій и расходовъ.

Изъ разсказаннаго уже выше и изъ приводимыхъ писемъ его къ правительственнымъ лицамъ достаточно видно, какую борьбу приходилось ему вести, чтобы отстоять свой взглядъ и тѣмъ довершить великое дѣло. Можетъ казаться, по крайней мѣрѣ страннымъ, что лицо, поставленное довѣріемъ Монарха во главѣ отдаленнаго, огромнаго края, и продолжающее сохранять это довѣріе въ полной мѣрѣ, при стремленіи выполнить главную задачу и принести государству пользу первостепеннаго значенія, встрѣчаетъ препятствія и плохо замаскированныя противодѣйствія въ высшихъ правительственныхъ агентахъ, назначенныхъ именно для спо-

спѣшествованія всякому полезному государственному дѣлу. Настоящій случай не единственный примѣръ: достаточно вспомнить, какую борьбу долженъ былъ вынести графъ Муравьевъ-Амурскій, чтобы, не взирая на сочувствіе его планамъ Императора Николая Павловича, Наслѣдника Цесаревича и Великаго Князя Константина Николаевича, добиться, наконецъ, возможности сплава экспедиціи къ устью Амура. Князь Барятинскій стоялъ слишкомъ высоко въ мнѣніи, довѣріи и расположеніи къ нему Государя, чтобы можно было бороться противъ его предположеній обыкновенными бюрократическими средствами, а потому прибѣгали даже къ такому тонкому средству: затронули его патріотическія чувства, чтобы отклонить отъ безполезной траты денегъ и крови, жертвуемыхъ будто бы только для личной славы. Подобныя попытки остались однако безъ результата, и послѣдствія, какъ видно будетъ изъ дальнѣйшаго изложенія, блистательно оправдывали настойчивость князя Барятинскаго: пріобрѣтенная имъ слава, оказалось, имѣла источникомъ не одно личное честолюбіе.

20-го Февраля 1859 года князь Барятинскій, между прочимъ, писалъ Государю, что вскорѣ надѣется донести о взятіи Веденя, и тогда же опредѣлить военныя мѣры, необходимыя, въ его видахъ, на будущее; а 7-го Апрѣля, донося Государю о паденіи Веденя, онъ добавилъ: „Успѣхъ этотъ особенно славенъ для Русскаго оружія, потому что *съ этого дня будетъ считаться покореніе народонаселенія, обитающаго между Каспійскимъ моремъ и Военно-Грузинской дорогою. Рѣшаюсь говорить это съ увѣренностью.* Всю славу такого событія слѣдуетъ приписать соизволенію Вашему оставить мнѣ тотъ излишекъ войскъ, о которомъ я ходатайствовалъ“.

Ведень былъ взятъ, и чрезвычайная важность этого успѣха для дальнѣйшихъ результатовъ стала очевидна; но въ Петербургѣ все-таки не вполнѣ понимали дѣйствительное положеніе Кавказскихъ дѣлъ и писали князю Барятинскому: „Ne serait-il pas possible d'entamer des négociations secrètes avec Schamyl pour le sonder, s'il n'était pas disposé à une complêt-

te soumission, en lui promettant le pardon pour tous ses méfaits passés et en lui assurant une position indépendante, c. a. d. quant à la fortune, mais naturellement loin du Caucase“ *). Начать подобные переговоры значило бы только напрасно время терять и внушить Шамилю увѣренность, что мы еще сомнѣваемся въ возможности полнаго пораженія его и покоренія Дагестана. Князь Барятинскій, 4-го Мая 1859 г., чрезъ мѣсяцъ послѣ паденія Веденя, писалъ въ Петербургъ, что онъ потому-то такъ и настаивалъ на оставленіи ему всѣхъ войскъ, чтобы усилить дѣйствія, скорѣе покончить съ Кавказской войной и имѣть возможность, уменьшивъ постоянный составъ Кавказской арміи и расходы на ея содержаніе, сформировать сильные боевые резервы; предположенія же объ окончаніи дѣла на Кавказѣ посредствомъ амнистій и миролюбивыхъ соглашеній несбыточны. Даже золотой мостъ, если бы Шамиль рѣшился чрезъ него перейти, открылъ бы намъ путь лишь къ весьма сомнительному примиренію: потребовалось бы въ теченіе трехъ-четырехъ лѣтъ еще много войскъ, денегъ и трудовъ; потому что безъ стычекъ съ вооруженнымъ населеніемъ при проведеніи дорогъ, постройкѣ крѣпостей, учрежденіи администраціи и порядка, не обойдется.

Нужно было сломить силою оружія сопротивленіе; нужно было, чтобы предводители горцевъ не подкупомъ, а невозможностью дальнѣйшей борьбы вынуждены были просить пощады, изъявить покорность, сдаться на волю побѣдителя. Въ Азіи искони поклоняются лишь силѣ, уважаютъ лишь сильнаго; да, впрочемъ, и все человѣчество въ массѣ таково. Конечно, и сила золота вызываетъ поклоненіе: это достаточно видно по всѣмъ дѣйствіямъ Англіи, успѣхи которой можно почти единственно приписать золоту. Но, вопервыхъ, мы золотомъ не богаты, и тутъ конкуренція намъ едвали по силамъ; вовторыхъ, побѣда силою оружія полезнѣе побѣды силою подкупа и, полагаю, почетнѣе: подкупъ раз-

*) Нельзя ли вступить въ тайные переговоры съ Шамилемъ и провѣдать, не согласится ли онъ на полное подчиненіе. Можно ему обѣщать, что всѣ его прошедшія дѣйствія противъ насъ будутъ ему прощены, и ему обезпечится независимое положеніе, т.-е. въ денежномъ отношеніи, но конечно вдали отъ Кавказа.

вращаетъ, возбуждаетъ ненасытные инстинкты корыстолюбія, подкупъ уваженія не можетъ возбудить... Князь Барятинскій хорошо понималъ, что съ такими людьми, какъ Кавказскіе горцы, которые въ оружіи и военномъ мужествѣ, въ теченіе многихъ столѣтій, признавали единственную цѣль и средства жизни, нужно тѣмъ же оружіемъ вести споръ о подчиненіи ихъ намъ.

У князя уже, очевидно, созрѣлъ планъ окончательнаго покоренія Восточнаго Кавказа въ теченіе ближайшихъ мѣсяцевъ, и онъ 4-го Мая 1859 г. писалъ Государю: „У меня составленъ планъ для будущаго, но я не могу еще рѣшиться изложить его письменно, потому что его осуществленіе зависитъ отъ хода дѣйствій нынѣшняго лѣта. Я ничѣмъ не могу себя связывать впередъ; но мнѣ бы хотѣлось на словахъ, собственно для свѣдѣнія Вашего Величества, передать эти мои личныя соображенія: тогда, съ картою въ рукахъ, Вы сами обсудите мой проектъ и основанія, на которыхъ я разсчитываю его осуществленіе. Быть можетъ, настанетъ день, когда Вы будете довольны даннымъ мнѣ разрѣшеніемъ словесно доложить вамъ о предметѣ, предоставленномъ моему обсужденію. Поэтому, прошу у Васъ разрѣшенія прибыть на нѣсколько дней въ Петербургъ, и если Вы будете согласны, то повелѣть сообщить мнѣ объ этомъ по телеграфу чрезъ Симферополь, а оттуда съ курьеромъ въ Ставрополь“ *).

Получивъ просимое разрѣшеніе, князь въ Іюнѣ выѣхалъ въ Петербургъ, гдѣ, послѣ столькихъ важныхъ успѣховъ, въ короткое время имъ достигнутыхъ, былъ самымъ дружескимилостивымъ образомъ принятъ Государемъ: всѣ доклады его были разрѣшены согласно съ его желаніями и не безъ нѣкотораго огорченія для Военнаго Министерства.

О своей увѣренности уже въ этомъ году покончить съ Шамилемъ онъ, конечно, офиціально заявлять не могъ: не только въ Петербургѣ, но и на Кавказѣ, даже близкія къ

*) Тогда ближайшая къ Тифлису телеграфная линія оканчивалась въ Симферополѣ. Говорили, будто князь Барятинскій противился проложенію проволоки до Тифлиса, потому что его стали бы поминутно безпокоить по самымъ пустымъ дѣламъ. Письменныхъ слѣдовъ такого отказа я нигдѣ не нашелъ; да и сомнѣваюсь, чтобы князь могъ серьезно отклонить подобное дѣло, еслибы оно было затронуто офиціально.

нему дѣйствующія лица относились къ подобнымъ предположеніямъ съ нескрываемыми опасеніями и сомнѣніями. Д. А. Милютинъ изъ Тифлиса, вслѣдъ за выѣздомъ князя въ Петербургъ, писалъ ему, убѣждая не предпринимать кампаніи 1859 года, какъ не обѣщающей успѣха. Но самъ князь Барятинскій такъ былъ увѣренъ въ противномъ, что просилъ у Государя позволенія прислать плѣннаго Шамиля въ Петербургъ съ своимъ адъютантомъ полковникомъ Тромповскимъ, дабы дать ему этимъ случай къ производству въ генералъ-маіоры, на что Государь, разсмѣявшись, согласился. А проѣздомъ чрезъ Москву, князь заказалъ одному изъ лучшихъ мастеровъ дорожный экипажъ для Шамиля...

Такимъ образомъ, не подлежитъ сомнѣнію, что князь Барятинскій, со свойственною ему прозорливостью, уже давно угадалъ, какія послѣдствія будетъ имѣть взятіе Веденя, и кампанія 1859 года съ его стороны была шагомъ обдуманнымъ, разсчитаннымъ съ увѣренностью въ успѣхѣ. Впрочемъ, не слѣдуетъ особенно обвинять и С.-Петербургскія высшія сферы за ихъ желаніе миролюбивыхъ мѣръ: нужно вспомнить, что въ началѣ 1859 года уже было несомнѣннымъ предстоявшее столкновеніе Пьемонта съ Австріею, при поддержкѣ перваго Наполеономъ. Столкновеніе это могло грозить серьезными политическими осложненіями и вызвать общую Европейскую войну, съ неизбѣжнымъ участіемъ Россіи. Въ предвидѣніи этого, покойный Государь предложилъ созваніе общаго конгресса всѣхъ великихъ державъ. Пруссія, Англія и Франція изъявили на это согласіе; но Австрія подъ разными предлогами уклонилась, вѣроятно хорошо понимая, что она очутится на конгресѣ безъ поддержки: на Россію, послѣ предательской неблагодарности въ 1854 году, она, конечно, уже разсчитывать не могла. Оставалось одно: локализовать войну между Франціею и Пьемонтомъ съ одной и Австріею съ другой стороны, не давая распространиться пламени дальше, къ чему и были направлены всѣ усилія нашей дипломатіи; но вѣдь и это могло не осуществиться. Такое положеніе дѣлъ, само собою, требовало съ нашей стороны возможной готовности встрѣтить грозу съ соотвѣтственными силами, и въ такомъ случаѣ очевидно, какъ важно было покончить съ

Кавказомъ, покрайней мѣрѣ съ Восточнымъ, и освободить часть войскъ для дѣйствій на Западѣ, уменьшивъ и часть расходовъ, лежавшихъ тяжелымъ бременемъ на разстроенныхъ недавнею Восточною войною финансахъ государства.

Обратный путь изъ Петербурга князь Барятинскій совершилъ чрезъ Таганрогъ; здѣсь онъ 27 Іюня сѣлъ на пароходъ и прибылъ въ Ейскъ, послѣ 12-ти часоваго плаванія въ довольно бурную погоду. Изъ Ейска князь заѣхалъ въ Пятигорскъ, осмотрѣлъ Желѣзноводскъ, въ которомъ отъ разлитія водъ потерпѣли многія лучшія постройки, сдѣлалъ здѣсь различныя распоряженія къ улучшенію вообще положенія группы минеральныхъ водъ и 4 Іюля прибылъ въ Грозную, куда между тѣмъ уже собрались весь штабъ и свита князя изъ Тифлиса.

Четыре дня главнокомандующій оставался въ Грозной, занимаясь съ прибывшими изъ Тифлиса чиновниками различными дѣлами по управленію обширнымъ краемъ и распоряженіями къ предстоящимъ военнымъ дѣйствіямъ. Тутъ представлялись ему всѣ старшины и почетные жители туземнаго населенія, между которыми большинство составляли Чеченцы, только что покорившіеся послѣ 18-ти лѣтней кровавой борьбы. Странно было видѣть здѣсь нѣкоторыя лица, много лѣтъ сряду стоявшія во главѣ нашихъ враговъ и еще нѣсколько мѣсяцевъ тому назадъ предводительствовавшія партіями горцевъ, какъ напримѣръ: бывшій наибъ Большой Чечни—Талгикъ, Малой Чечни—Дуба, Мичиковскій—Эски, Ичкеринскій—Умалатъ, Веденскій—Идиль и другіе. Всѣ они, повидимому, выражали искренно свою преданность и благодарность князю Александру Ивановичу за благодѣянія и попеченія объ нихъ.

9-го Іюля, въ коляскѣ, въ сопровожденіи лишь почетнаго конвоя, большею частью изъ туземныхъ жителей, князь отправился въ крѣпость Воздвиженскую, а оттуда въ Аргунское ущелье.

Для незнакомыхъ съ исторіею войны на Кавказѣ не можетъ быть понятно, съ какимъ удивленіемъ, даже можно сказать недоумѣніемъ, смотрѣли тогда на подобный поѣздъ. Съ тѣхъ поръ, какъ началась упорная Кавказская война, раза два пытались наши войска проникнуть въ ущелье Аргуна, но, достигнувъ аула Дачу-Борзоя, расположеннаго у сліянія

Шаро съ Чанти-Аргуномъ, всего верстахъ въ семи отъ Воздвиженской, они должны были возвращаться, съ значительнымъ урономъ. Не взирая на чрезвычайную для насъ важность Аргунскаго ущелья, овладѣніе имъ давно уже перестало входить въ предположенія, составляемыя для дѣйствій, какъ нѣчто несбыточное, pia desideria; и дѣйствительно, до 1858 года оно было для насъ недоступно. Между тѣмъ, мы были вынуждены на всемъ пространствѣ между Военно-Грузинской дорогой и большой Чечней вести войну, наступая съ плоскости въ горныя лѣсныя трущобы, безъ возможности дѣйствовать съ фланговъ и разъединить Малую Чечню отъ Большой; это вызывало съ нашей стороны усилія, сопряженныя съ громадными пожертвованіями. Овладѣвъ, наконецъ, ущельемъ, мы отрѣзали отъ Шамиля всю западную часть непокорной страны до Терека. Но и труды войскъ здѣсь были неимовѣрные. Проѣзжая тогда по Аргунскому ущелью, глядя на массу срубленныхъ деревъ, на пятидесятиверстное пространство, изъ узкой, едва проходимой мѣстности превращенное въ удобную дорогу, съ мостами черезъ Аргунъ, съ тэтъ-де-понами, съ тремя укрѣпленіями (Аргунское, Шатовское и Евдокимовское), соображая, какое сопротивленіе предпріимчивый непріятель могъ оказать въ этихъ тѣснинахъ надъ бездонными обрывами, въ этихъ дремучихъ лѣсахъ, покрывающихъ бока ущелья, наконецъ въ этой трещинѣ, ведущей къ укрѣпленію Евдокимовскому, гдѣ два мостика перекинуты на высотѣ 20 саженъ между отвѣсныхъ скалъ, гдѣ узкая тропа, въ видѣ полутоннеля, защищалась у входа двумя каменными башнями съ бойницами, — смотря на все это, дѣйствительно приходилось изумляться и недоумѣвать, тѣмъ болѣе, что все видимое было совершено и такія преграды преодолѣны въ нѣсколько мѣсяцевъ, съ самою незначительною потерею людей: нужно отдать полную справедливость генералу Евдокимову, что всѣмъ этимъ мы были обязаны ему, его энергіи, настойчивости, замѣчательному умѣнію обходить всякія препятствія въ борьбѣ не столько съ упавшимъ уже духомъ непріятелемъ, сколько съ грозною природою, климатическими условіемъ и чрезвычайными трудностями снабженія войскъ всѣми припасами. До какой степени князь Барятинскій цѣ-

нилъ эти заслуги Н. И. Евдокимова, можно видѣть изъ возникшей объ немъ переписки.

Еще до занятія Аргунскаго ущелья, вышеописанныя дѣйствія конца 1857-го г. въ Малой и Большой Чечнѣ и Аухѣ, увѣнчались чрезвычайно важными результатами. Государь, читая донесеніе объ этихъ дѣлахъ съ большимъ интересомъ, остался чрезвычайно доволенъ и извѣстилъ объ этомъ главнокомандующаго, письмомъ отъ 14 Января 1858 г.

Въ тоже время изъ высшихъ сферъ писали князю Барятинскому: Malheureusement, tout en rendant pleine justice aux talents militaires de Евдокимовъ, on ne peut vous cacher qu'on reçoit des notions fort désagréables sur des malversations qu'il se permet de faire pour la partie pécuniaire de son ressort. Je dois y porter toute votre attention pour que vous y mettiez *le holà*! si c'est possible sans esclandre. Si non, il faudra bien le sacrifier au bien-général du service et penser à son remplaçant [1]).

На это князь Барятинскій отвѣчалъ, между прочимъ [2]): „Мнѣ было очень грустно, когда я узналъ, что объ Евдокимовѣ такъ дурно говорили вамъ. До меня дошли слухи, носящіеся на его счетъ, и такъ какъ онъ командуетъ тою частью, которою командовалъ я самъ и гдѣ я частнымъ образомъ зналъ всѣхъ: то думаю, что могу быть здѣсь компетентнымъ судьею. Я не переставалъ обращать свое особенное вниманіе на все, что́ касается до отчетности, и если бы я открылъ тамъ какое нибудь злоупотребленіе, или открою его въ будущемъ, то я самъ первый пожертвовалъ бы въ силу необходимости Евдокимовымъ и первый бы о томъ васъ увѣдомилъ. Смѣю напомнить вамъ, какъ я отзывался о немъ въ одномъ изъ моихъ прежнихъ къ вамъ писемъ, и теперь еще разъ повторяю, что въ настоящее время изъ всѣхъ Кавказскихъ генераловъ только онъ одинъ, на опытность и заслуги котораго я могъ бы вполнѣ положиться. Было бы крайне печально парализовать удачу подобнаго

---

[1]) *Переводъ*: Къ сожалѣнію, отдавая полную справедливость военнымъ талантамъ Евдокимова, нельзя скрыть предъ вами, что получаются весьма непріятные доклады на счетъ злоупотребленій, которыя онъ позволяетъ себѣ дѣлать по денежной части своего управленія. Я долженъ обратить все ваше вниманіе на это, чтобы вы остановили его, если можно, безъ позора; если же нѣтъ, то придется имъ пожертвовать ради общей служебной пользы и подумать о его замѣщеніи.

[2]) Письмо отъ 26 Января 1858 г. съ надписью: „très réservée".

выбора, остановить ожидаемые еще мною отъ него успѣхи и—безо всякой положительной причины къ его обвиненію—замѣстить его кѣмъ нибудь изъ низшихъ. Генералы Баклановъ, Сусловъ и Николаи долгое время служили на Лѣвомъ флангѣ и пріобрѣли себѣ тамъ партіи, которыя, изъ личныхъ видовъ, хотя и безъ ихъ содѣйствія, тайно интригуютъ въ ихъ пользу. Я вовсе не хочу оспаривать личныя заслуги каждаго изъ этихъ генераловъ и то уваженіе, которое питаютъ къ нимъ, благодаря ихъ особеннымъ способностямъ; но тѣмъ не менѣе я долженъ конфиденціально заявить, что ихъ сужденія вообще довольно посредственны, и въ особенности, если они коснутся до вопросовъ объ управленіи страною.“

Послѣ этого, въ Февралѣ, опять писали князю, что подробный рапортъ Евдокимова о занятіи Аргунскаго ущелья доставилъ чрезвычайное удовольствіе, ибо это должно считать вторымъ серьезнымъ результатомъ, достигнутымъ въ эту зиму съ ничтожною потерею. Евдокимову былъ пожалованъ орденъ Бѣлаго Орла съ мечами. При этомъ извѣщали, „что съ той минуты, когда кн. Александръ Ивановичъ беретъ на себя отвѣтственность за Евдокимова, никакая молва, для него неблагопріятная, уже не возбудитъ къ себѣ вниманія. *И если даже есть что нибудь справедливаго въ этихъ слухахъ, то надѣются, что князь съумѣетъ устранить безпорядки; а самъ Евдокимовъ, послѣ столькихъ заслуженныхъ имъ поощреній, постарается вести себя такъ, чтобы не давать ни малѣйшаго повода къ толкамъ*“.

Не взирая на это, разные слухи весьма настойчиво продолжали доходить до Петербурга. 14 Декабря 1858 г. одно изъ высокопоставленныхъ лицъ опять писало: „Къ несчастью, получаемыя нами свѣдѣнія о положеніи Лѣваго фланга и злоупотребленіяхъ, происходящихъ тамъ, обязываютъ меня обратить все ваше вниманіе на ген. Евдокимова. Опасаются даже возстанія всѣхъ недавно-покорившихся обществъ Чечни, какъ во времена Пулло. Если дѣйствительно дѣла идутъ такъ дурно, я не сомнѣваюсь, что, не взирая на всѣ его военные заслуги, вы примете необходимыя мѣры къ его обузданію, даже съ устраненіемъ отъ должности, если сочтете это нужнымъ“ *).

*) Замѣчательно, что опасенія Петербурга какъ бы оправдывались возникшими вскорѣ въ Аргунскомъ ущельѣ безпорядками, вслѣдствіе неудовольствія жителей дѣйствіями поставленныхъ надъ ними офицеровъ. А. З.

4 Янв. 1859 г. князь Барятинскій, писалъ военному министру: „Обращаясь къ конфиденціальному вашему сообщенію на счетъ разстройства войскъ на Лѣвомъ крылѣ и укоризненному подозрѣнію личности генерала Евдокимова, я долженъ обратить ваше вниманіе, что наврядъ ли найдется во всей Имперіи человѣкъ, который зналъ бы лучше меня и войска, и народъ, и всѣ личности, составляющія управленіе Лѣваго крыла. Я тамъ почти постоянно и весьма недавно служилъ около восьми лѣтъ; кромѣ того, начальникъ штаба генерала Евдокимова *)—весьма близкій человѣкъ къ генералу Милютину; мои адъютанты постоянно бываютъ въ отрядѣ по нѣскольку мѣсяцевъ; я ихъ съ намѣреніемъ посылаю и потомъ, по возвращеніи, всегда подробно разспрашиваю. Полковые командиры флигель-адъютанты: князь Мирскій и Чертковъ, полковники: Баженовъ, Фонъ-Кауфманъ и графъ Ностицъ,— все люди отборные и на мнѣніе которыхъ можно положиться. Всѣ отзывы ихъ подкрѣпляютъ меня въ убѣжденіи, что клевета и интриги сильно дѣйствуютъ противъ этого полезнаго и достойнаго генерала, который хотя и лично мною предупрежденъ въ тяжкихъ и обидныхъ нареканіяхъ на немъ лежащихъ, не перестаетъ доблестно и неослабно подвизаться на пути славы своего Государя. Успѣхи наши на Лѣвомъ крылѣ такъ очевидны и такъ рѣшительны, что отрицать ихъ могутъ только люди недобросовѣстные, руководимые личною ненавистью или привычкой къ проискамъ. Генералу Евдокимову нѣтъ надобности преувеличивать въ своихъ донесеніяхъ число вновь покорившихся переселенцевъ: ихъ можетъ сосчитать каждый, кто проѣдетъ чрезъ тѣ новыя селенія, которыя возрождаются въ Большой и Малой Чечнѣ, на подобіе правильно разбитыхъ станицъ. На безусловную преданность этихъ переселенцевъ конечно полагаться не слѣдуетъ, какъ и во всякой вновь завоеванной странѣ; но самое развитіе этого покорнаго населенія и признаніе имъ нашей власти—есть уже важный успѣхъ, который былъ бы невозможенъ, еслибы справедлива была дошедшая до васъ клевета объ общемъ неудовольствіи въ краѣ на управленіе генерала

*) П. Д. Зотовъ, тогда полковникъ генеральнаго штаба.

Евдокимова. Недовольные есть вездѣ; не скрою, что особенно есть много недовольныхъ на Лѣвомъ крылѣ, чему доказательствомъ служатъ и тѣ пріѣзжіе, которые безсовѣстно разсѣваютъ въ Петербургѣ ложные слухи и превратныя толкованія. Я конечно весьма далекъ отъ мысли, чтобы въ какой либо части края все было совершенствомъ; лучше всякаго я знаю, что на Лѣвомъ крылѣ войска несутъ очень тяжкіе труды; знаю, что они не имѣютъ отдыха ни лѣтомъ, ни зимою; но развѣ можно обвинять въ этомъ генерала Евдокимова, получающаго главное руководство въ дѣйствіяхъ отъ меня? Справедливо ли всѣ частныя и мелкія злоупотребленія или недостатки въ краѣ приписывать лично начальнику, который съ самоотверженіемъ жертвуетъ всею жизнью своею службѣ и славѣ Государя? Генералъ Евдокимовъ не жалѣетъ самого себя: почти круглый годъ онъ на конѣ и живетъ въ палаткѣ. Войска, видя его всегда передъ собою на бивакѣ, безропотно несутъ тяжкіе труды, ибо сознаютъ сами громадные результаты этихъ трудовъ. Полагаю, что засвидѣтельствовать это могутъ и Великіе Князья Николай Николаевичъ и Михаилъ Николаевичъ: не смотря на быстрое свое путешествіе, Ихъ Высочества, безъ сомнѣнія, были поражены огромнымъ шагомъ, сдѣланнымъ нами въ послѣдніе два года на Лѣвомъ крылѣ. Для такихъ успѣховъ можно нести временныя жертвы, и въ этомъ случаѣ надобно только желать, чтобы полезное дѣло продолжалось и впредъ столь же счастливо, какъ до сихъ поръ.“

Генералъ-адъютантъ Сухозанетъ, въ письмѣ отъ 20 Января, еще разъ возвратился къ этому предмету: „Относительно лѣвой стороны медали генерала Евдокимова, какъ прежде, такъ и нынѣ, обязанностію поставляю обращать вниманіе ваше на возможныя произойти отъ того вредныя послѣдствія. Я не менѣе другихъ отдаю полную справедливость превосходнымъ его военнымъ дарованіямъ, но не перестаю желать, дабы оныя сопровождались безпристрастіемъ, справедливостью и безкорыстіемъ всѣхъ подчиненныхъ ему инстанцій. Соединеніемъ только сихъ основныхъ началъ военные его успѣхи могутъ быть прочны и благодѣтельны для края. Вотъ личныя мои убѣжденія, кои, какъ главному на-

чальнику, передаю на ближайшее ваше усмотрѣніе. Прошу вѣрить, что на меня не имѣютъ вліянія разсказы, порождаемые завистью и злобою".

Но князь Барятинскій не смутился и этими возобновленными указаніями. Въ письмѣ отъ 20-го Февраля 1859 г. къ Государю, онъ, уже не ограничиваясь защитою Евдокимова, пошелъ дальше въ восхваленіи его заслугъ и ходатайствѣ объ его вознагражденіи. „Войска Вашего Величества, писалъ онъ, находятся подъ Веденемъ; надѣюсь въ скоромъ времени имѣть возможность извѣстить васъ объ овладѣніи этимъ пунктомъ и опредѣлить въ тоже время военныя мѣры, необходимыя для моихъ дальнѣйшихъ видовъ. Укрѣпленія Веденя по природнымъ свойствамъ дѣлаютъ штурмъ слишкомъ рискованнымъ; поэтому генералъ Евдокимовъ, во избѣжаніе слишкомъ большой потери людей, рѣшился на правильную осаду; такимъ образомъ, овладѣніе Веденемъ потребуетъ еще нѣкотораго времени. Съ слѣдующимъ курьеромъ я надѣюсь имѣть возможность представить подробный планъ взаимнаго расположенія нашихъ войскъ и непріятеля".

„Вашему Величеству лично слишкомъ хорошо и давно извѣстенъ характеръ здѣшней войны и вообще карта Кавказа, чтобы оцѣнить въ точности важность настоящаго военнаго предпріятія. Успѣшное его окончаніе поставитъ генерала Евдокимова и выше и внѣ зависти, имъ возбуждаемой. Только благодаря Вашему ко мнѣ довѣрію, этотъ генералъ имѣетъ возможность оказывать Вамъ услуги, какихъ ни одинъ изъ генераловъ еще не оказалъ. Въ продолженіе болѣе двадцати лѣтъ, какъ извѣстно, генералы Граббе, Нейдгардъ, Головинъ, Воронцовъ дѣлали попытки; но онѣ походили болѣе на военныя прогулки, съ которыхъ возвращались войска — упавшія духомъ; а спустя нѣсколько лѣтъ, опять предпринималось нѣчто подобное, никогда не приводившее къ положительному результату. Такъ, взятіе Ахульго и двѣ экспедиціи въ Дарго не имѣли другаго результата, кромѣ крупной потери нашихъ войскъ и увеличенія престижа Шамиля; онѣ остались въ военной исторіи славными дѣлами, извѣстными всей Россіи, увеличивающими славу Кавказской арміи; въ память взятія Ахульго была учреждена медаль, и

получившіе ее гордились ею. Между тѣмъ, Ахульго все-таки и по нынѣ въ рукахъ непріятеля. Дарго было поводомъ пожалованія Воронцову княжескаго титула, каждый изъ насъ пользуется славой участника этой экспедиціи; а все-таки Дарго и теперь недоступно для нашихъ войскъ. Если я позволяю себѣ эту длинную апологію славному событію, теперь ожидаемому мною и, безъ сомнѣнія, Вашимъ Величествомъ, то собственно съ цѣлью предупредить Васъ, Государь, что я обращусь къ Вашему высокому и благосклонному великодушію въ тотъ день, когда буду въ состояніи донести, что Богу угодно было благословить двухлѣтнія сверхъ-человѣческія усилія генерала Евдокимова и его храбрыхъ войскъ. Полагаю, что было бы вполнѣ справедливо увѣковѣчить память этой большой заслуги въ его семействѣ. Объ орденѣ Св. Георгія 3-й степени, на который Евдокимовъ будетъ имѣть право, я пошлю оффиціальное представленіе; но мнѣ кажется также, что другая награда, могущая обезпечить его теперь матеріально, давая ему возможность оставить службу, была бы преждевременна и менѣе желательна, чѣмъ отличіе, которое увѣковѣчило бы навсегда память о монаршей милости. Несмотря на большія заслуги, которыя я признаю за этимъ генераломъ, я *не смѣю просить о назначеніи его генералъ-адъютантомъ; ибо хотя я далеко не раздѣляю мнѣнія его хулителей, однако сознаю, что званіе генералъ-адъютанта, какъ выраженіе вашей личной благосклонности, можетъ быть удѣломъ лишь людей безупречной репутаціи, людей избранныхъ. Я поэтому и не рѣшаюсь просить васъ о такой наградѣ;* но такъ какъ шпага во всѣ времена облагораживала умѣющихъ владѣть ею во славу своего монарха, то я осмѣливаюсь испрашивать у Вашего Величества для Евдокимова титулъ графа; а впослѣдствіи, когда онъ Вамъ окажетъ новыя услуги, Вы обезпечите его состояніемъ и дадите его потомству средства достойнымъ образомъ воспитывать людей, которые въ свою очередь Вамъ могутъ быть полезными".

„Когда я завершу дѣло Вами мнѣ порученное, то мнѣ придется вполнѣ откровенно сознаться, что большею частью успѣха я обязанъ этому генералу, за котораго я всегда имѣлъ смѣлость ручаться передъ Вашимъ Величествомъ".

На этомъ дальнѣйшія нападки на Евдокимова прекратились, а блистательный исходъ дѣйствій 1859 года заставилъ забыть все: подъ впечатлѣніелъ событія 25 Августа стушевались всякія осужденія.

Замѣчательная черта въ характерѣ князя Барятинскаго: не только отдавать полную справедливость заслугамъ своихъ подчиненныхъ и защищать ихъ съ настойчивостью, но ни малѣйше не умалять значенія ихъ заслугъ для вящаго возвышенія своихъ собственныхъ, что̀, правду говоря, встрѣчается довольно рѣдко. Даже оставивъ уже Кавказъ, князь продолжалъ эту же защиту и поддержку.

Въ письмѣ изъ-за границы, отъ 1-го Іюля 1863 г. къ Великому Князю Михаилу Николаевичу, онъ говоритъ: „Я счастливъ, что Вы на дѣлѣ сами увѣрились въ умѣніи и настойчивости г. Евдокимова; эти слова Вашего Высочества превосходно опредѣляютъ ничѣмъ незамѣнимыя достоинства этого генерала и, вмѣстѣ съ тѣмъ, утверждаютъ меня въ увѣренности, что военные успѣхи въ Кубанской области увѣнчаются скоро и прочно, достойно Вашего высокаго имени. Армія Кавказская только тѣмъ и отличается отъ прочихъ, что для нея трудовъ не существуетъ; но для сохраненія и поддержанія такого геройскаго настроенія нужны и генералы, обладающіе долготерпѣніемъ, дѣятельностью и неутомимостью духа г. Евдокимова. Въ прежнія времена такихъ генераловъ и даже офицеровъ было болѣе нежели теперь; край отчасти уже умиротворенъ, армія пополнена офицерами столичными, любящими комфортъ; общій духъ времени также способствуетъ къ перемѣнѣ; а потому графъ Евдокимовъ, олицетворяя своею необыкновенною настойчивостью все преимущество постоянныхъ войскъ на Кавказѣ, лучше всякаго другаго можетъ довершить начатое. Никто кромѣ его не сумѣетъ требовать отъ войскъ должнаго и возможнаго, того что̀ прежде дѣлалось такъ легко, а что̀ теперь всякому кажется трудно. Еще и ту справедливость слѣдуетъ отдать графу, что онъ не ищетъ популярности и даже презираетъ ее; а Вашему Высочеству извѣстно, насколько эта страсть обще-развита и сколько она уже натворила зла. Однимъ словомъ, я взираю

на графа Евдокимова, какъ на консерватора отличительнаго характера старой нашей Кавказской арміи. *Не думайте однакоже, чтобы я былъ слѣпъ на личныя его недостатки; но польза, которую онъ приноситъ, вдесятеро вознаграждаетъ всѣ его слабости, изъ которыхъ, по моему, главная есть—пристрастіе къ родственникамъ и ближнимъ, въ особенности жены своей*".

Въ отношеніи ген. Евдокимова такая настойчивая защита была сама по себѣ немалою заслугою со стороны князя Барятинскаго; ибо онъ этимъ удержалъ на службѣ человѣка, продолжавшаго еще въ теченіе двухъ лѣтъ и послѣ увольненія князя быть однимъ изъ главныхъ виновниковъ колоссальнаго успѣха въ дѣлѣ окончательнаго покоренія Кавказа *).

Возвратимся къ 1859 году.

10-е Іюля главнокомандующій пробылъ въ укрѣпленіи Шатоевскомъ, осматривая устраиваемую здѣсь штабъ-квартиру Навагинскаго пѣхотнаго полка, принимая старшинъ и почетныхъ жителей Шатоевскаго округа, образовавшагося изъ населенія Аргунскаго ущелья. За тѣмъ князь возвратился въ Грозную.

12-го Іюля, въ сопровожденіи почетнаго конвоя, князь пріѣхалъ въ Шали, отсюда верхомъ по ущелью р. Басса (у входа въ которое, не далѣе какъ въ Январѣ, горцы ставили свои орудія, стрѣляя въ наши войска), прибылъ въ

---

*) Въ одномъ изъ нашихъ журналовъ, кажется за Іюль 1888 г., были напечатаны чьи-то воспоминанія о фельдмаршалѣ кн. Барятинскомъ. Тамъ, между прочимъ, разсказывалось, что когда Государь настоятельно потребовалъ удаленія ген. Евдокимова отъ службы, то кн. Барятинскій продиктовалъ своему адъютанту письмо къ Государю, въ которомъ сказано: „Евдокимовъ—*ось того колеса, которое Вы мнѣ поручили вертѣть*, и потому уволить его нельзя". Теперь, прочитавъ всю приведенную мною переписку, можно видѣть, какъ пылкіе фантазеры, ничтоже сумняся, печатаютъ свои сочиненія. Только человѣкъ, слишкомъ мало знавшій кн. Барятинскаго, могъ полагать, что онъ позволилъ-бы себѣ послать подобное письмо къ Государю. Во 1-хъ, князь всегда писалъ собственноручно и по-французски; во 2-хъ, письма, безъ исключенія, имѣли тонъ высокопочтительный, вѣрноподданническій, безъ неумѣстныхъ остротъ и каламбуровъ; въ 3-хъ, что̀ тутъ остроумнаго? „Ось колеса, которое мнѣ поручили вертѣть". Главнокомандующій 300 т. арміи, намѣстникъ огромнаго края, человѣкъ несомнѣннаго государственнаго ума, съ самостоятельными взглядами на всякое дѣло, а въ особенности Кавказское, вдругъ представляется какимъ-то вертящимъ колесо второстепеннымъ лицомъ. И что̀ за сравненіе первостепенной важности государственной задачи съ какимъ-то колесомъ, служащимъ эмблемою безконечнаго верченія—по пустому? Удивительно, какъ неосторожно многіе обращаются съ печатнымъ словомъ.... А. З.

укрѣпленіе Таузень, основанное при движеніи нашихъ войскъ къ Веденю, какъ опорный и складочный пунктъ. На разстояніи двадцати верстъ каждый шагъ говорилъ о гигантскихъ работахъ и трудахъ войскъ. Громадныя массы срубленныхъ вѣковыхъ деревъ, цѣлыя поляны на мѣстахъ дремучаго лѣса, удобная дорога въ недавно непроходимыхъ дебряхъ, по которой съ величайшимъ трудомъ пробирались вьючныя лошади, а грязь приходилось солдатскими руками сгребать, чтобы дать возможность сдвинуть орудіе или зарядный ящикъ, отлогіе спуски и подъемы по глубокимъ оврагамъ, по которымъ теперь свободно проходили артиллерія и тяжелыя повозки, все это не менѣе Аргунскаго ущелья заставляло удивляться неимовѣрнымъ успѣхамъ, достигнутымъ въ такое короткое время. Люди, бывавшіе здѣсь недавно, сами туземцы, не узнавали мѣстности, измѣнившей свой характеръ; вся страна — поле безпрерывныхъ кровавыхъ битвъ — какъ будто сбросила маску и явилась въ какомъ-то новомъ, не столь мрачномъ видѣ.

Наконецъ, переѣхавъ р. Хулхулау и поднявшись по вновь разработанной дорогѣ, намъ открылась пространная ровная долина, вся покрытая изумрудною зеленью, и среди нея укрѣпленіе Новый Веденъ—штабъ-квартира Куринскаго пѣхотнаго полка. При громѣ пушечныхъ выстрѣловъ, главнокомандующій въѣхалъ въ укрѣпленіе, встрѣченный громкими ура храбрыхъ Куринцевъ. Не взирая на столь неимовѣрные труды, перенесенные войсками, они имѣли необыкновенно бодрый видъ, были щегольски одѣты и славно прошли церемоніальнымъ маршемъ.

Верстахъ въ полутора впереди, у подошвы горы, виднѣлись остатки разрушеннаго Веденя и бѣловатые слѣды нашихъ траншей. Недавно отсюда разносился повелительный голосъ Шамиля по обширной и покорной ему странѣ; недавно гнѣздилась здѣсь сила фанатическаго ученья, возжегшаго долголѣтнюю ожесточенную войну; недавно еще собирались здѣсь подобострастные наибы съ своими вооруженными толпами, получая приказанія на брань съ Русскими. Въ Іюлѣ 1856 года никому не могло и на умъ придти, что

въ Іюлѣ 1859 г. здѣсь останутся лишь груда бревень и камней, осколки бомбъ, да на уцѣлѣвшей саклѣ, въ которой томились въ 1854 году плѣнныя Грузинскія княгини, будетъ Русскій караулъ, отдающій честь своему главнокомандующему. Да, велики были подвиги Чеченскаго отряда, и справедливы слова отданнаго княземъ приказа по арміи: „слава генералу Евдокимову, слава храбрымъ войскамъ—его сотрудникамъ!“

13-го Іюля князь Барятинскій, подъ прикрытіемъ двухъ сотенъ казаковъ и полутораста человѣкъ милиціонеровъ, совершилъ чрезъ всю Ичкерію поѣздку въ Дарго. Кто бы могъ еще нѣсколько мѣсяцевъ тому назадъ вообразить себѣ, что по Ичкеріи—этой, такъ сказать, заколдованной трущобѣ, стоившей намъ въ 1842 и 1845 годахъ столько крови, теперь проѣдетъ главнокомандующій съ небольшимъ коннымъ конвоемъ, въ которомъ около половины были наши тогдашніе и еще недавніе враги, главные бойцы кроваваго 1845 года? Всѣ эти аулы Цонтери, Гурдалой, Эресной, Курчали и друг., имена которыхъ на картѣ были синонимами неприступнѣйшихъ мѣстъ, проѣхали мы теперь, какъ проѣзжали бы Мцхетъ или Марткоби, или всякую другую деревню въ Грузіи. Въ Дарго, на томъ самомъ мѣстѣ, гдѣ ровно 14 лѣтъ тому назадъ, по странной игрѣ случая, именно 13 Іюля, стояла палатка князя Воронцова и кругомъ лагерь отряда, обремененнаго нѣсколькими стами раненныхъ и готоваго къ опасному отступленію, князь Александръ Ивановичъ завтракалъ, а жители толпились кругомъ: мужчины, женщины, не закрывая, по обычаю, своихъ лицъ, дѣти кричали ура, кланялись, изъявляли радость при видѣ главнаго вождя тѣхъ войскъ, которыя избавили ихъ, наконецъ, отъ долголѣтняго тяжкаго ига и террора. Исхудалыя лица, рубища на взрослыхъ и нагія, въ буквальномъ смыслѣ этого слова, дѣти обоего пола, краснорѣчиво говорили о томъ положеніи, въ которомъ былъ несчастный народъ подъ правленіемъ Имама. Становились понятными и тотъ упадокъ духа, и та радость при встрѣчѣ съ Русскими войсками, которыя замѣчались въ послѣднее время. Проѣхавъ немного впередъ по дорогѣ, по которой въ 1845 го-

ду войска наши вступали въ Дарго, князь прежнимъ путемъ возвратился въ Веденъ.

И такъ Ичкерія была покорена. Страна, славившаяся дремучими лѣсами, непроходимыми оврагами, стала доступною, какъ всякое другое мѣсто въ покорной странѣ; просѣки отъ Хоби-Шавдона, отъ Веденя, отъ Яманъ-Су, открыли въ нее свободные пути. Жителями управлялъ уже нашъ офицеръ. Оставался одинъ непокорный аулъ Беной съ нѣсколькими хуторами, въ которомъ собрались разные бѣглецы, преступники и фанатики со всего Лѣваго крыла, продолжавшіе подстрекать жителей къ безпорядкамъ.

14 Іюля главнокомандующій выѣхалъ изъ Веденя по ущелью Хулхулау до аула Хорочой, а оттуда по вновь разработанному подъему на гору, гдѣ на высотѣ болѣе семи тысячъ футовъ былъ расположенъ главный отрядъ. Эта дорога, проложенная въ 10 дней по крутой горѣ, гдѣ едва изгибалась узкая тропинка, оказалась удобною для проѣзда артиллеріи и имѣла видъ шоссированной дороги, и все это было создано въ нѣсколько дней руками солдатъ, даже при недостаткѣ самыхъ простыхъ рабочихъ инструментовъ.

Такимъ образомъ, рѣшительно на каждомъ шагу поражали эти необычайные успѣхи, эти гигантскіе труды, совершенные, благодаря той системѣ *безпрерывныхъ* дѣйствій, которая введена съ 1856 г., съ пріѣздомъ на Кавказъ князя Александра Ивановича Барятинскаго.

Въ письмѣ отъ 17 Іюля, онъ, между прочимъ, писалъ Государю: „Въ Царскомъ Селѣ я докладывалъ Вамъ о томъ, что́ сдѣлано графомъ Евдокимовымъ и его войсками; но теперь я долженъ сознаться, что тогда я самъ былъ далекъ отъ дѣйствительнаго знанія, до какихъ размѣровъ достигли ихъ успѣхи“.

Здѣсь надо остановиться на одномъ любопытномъ эпизодѣ, случившемся во время знаменательныхъ дѣйствій 1859 года.

Каждому изъ трехъ командующихъ войсками на Восточномъ Кавказѣ были даны подробныя указанія, что̀ имъ предстоитъ дѣлать. Графъ Евдокимовъ съ Чеченскимъ отрядомъ, при которомъ имѣлъ находиться самъ главнокомандующій,

долженъ былъ, разработывая дороги, наступать съ Сѣвера къ Андійскому Койсу; генералъ князь Меликовъ, съ Лезгинскимъ отрядомъ, двигаться чрезъ общества Дидо и Иланхеви къ тому же Койсу съ Юга; а баронъ Врангель, съ Дагестанскимъ. занять Сагрытлоскую и Чиркатскую переправы на этой же рѣкѣ и приступить къ разработкѣ оттуда удобной дороги назадъ, къ укрѣпленію Ишкарты. Кромѣ формальнаго предписанія, отъ 6 Іюля изъ Грозной, подписаннаго главнокомандующимъ, скрѣпленнаго начальникомъ штаба и посланнаго чрезъ капитана Ѳадѣева, тоже самое было подтверждено генералъ-адъютанту барону Врангелю еще особымъ оффиціальнымъ письмомъ, отъ 20 Іюля, изъ лагеря Чеченскаго отряда (см. приложенія).

Не только теперь, послѣ совершившихся событій, но и тогда было очевидно, что подобное предписаніе для дѣйствій Дагестанскаго отряда не соотвѣтствовало цѣли, къ которой совершенно ясно были направлены всѣ дѣйствія, и прямо говоря, не выдерживало критики: ибо, разъ мы овладѣвали переправами въ Сагрытло и Чиркатѣ, то гораздо лучше было подняться на противолежащія Бетлинскія высоты и далѣе на Аварское плато, чѣмъ удерживаться въ котловинѣ Андійскаго Койсу, гдѣ отрядъ подвергался со всѣхъ сторонъ опасности; проложеніе же дорогъ къ Ишкарты требовало десятка лѣтъ времени, огромнаго количества инженерныхъ и другихъ средствъ, и составляло предметъ вовсе не военныхъ дѣйствій, а занятія по умиротворенію края. (Если не ошибаюсь, это и до сихъ поръ, послѣ 30 лѣтъ, не вполнѣ сдѣлано). Къ тому же, нужно сказать, что оставаться въ котловинѣ было и трудно, и безполезно, а взойти на Аварское плато и легко, и въ стократъ полезнѣе: ибо это возвращало намъ вдругъ давно (въ 1843 году) утраченное положеніе въ самомъ сердцѣ Шамилевскаго государства.

Послѣ такихъ письменныхъ приказаній, къ немалому удивленію барона Врангеля, въ Дагестанскій отрядъ является вторично, состоявшій при главнокомандующемъ для особыхъ порученій капитанъ Ѳадѣевъ и на словахъ передаетъ отъ имени князя Барятинскаго инструкціи, совершенно противоположнаго содержанія, чѣмъ данныя письменныя предпи-

санія. Баронъ не придалъ словамъ Ѳадѣева особаго значенія, ссылаясь на неимѣніе у него никакого письменнаго документа. Къ тому же, рѣчи о томъ, что̀ дѣлать послѣ занятія переправъ и перехода чрезъ Койсу, были преждевременны до совершенія этого занятія, составлявшаго вовсе нелегкую задачу.

Баронъ Врангель былъ прекрасный человѣкъ, чрезвычайно заботливый о войскахъ (нерѣдко до излишества), лично образцово-храбрый, но особымъ талантомъ высшихъ военныхъ соображеній не отличался. Онъ сперва былъ намѣренъ двигаться къ Андійскому Койсу на Кирки и Аргуани. Это открывало непріятелю заблаговременно наши намѣренія и давало ему возможность собраться для обороны сильной Аргуанской позиціи (въ 1839 году взятіе ея стоило генералу Граббе огромныхъ жертвъ) и самыхъ переправъ. Князь Мирскій, занявшій въ 1859 году постъ начальника штаба войскъ Прикаспійскаго края, съ трудомъ убѣдилъ барона Врангеля направить Дагестанскій отрядъ на Мичикале, по дорогѣ въ Андію, и послѣ уже круто повернуть налѣво въ обходъ Аргуани къ Сагрытлоской переправѣ.—Движеніе совершилось вполнѣ благополучно: ни Аргуани, ни переправы непріятелемъ заняты не были. Къ сожалѣнію, баронъ Врангель, въ желаніи сберегать силы солдатъ, продержалъ въ Аргуани лишнихъ нѣсколько часовъ свой авангардъ, имѣвшій идти впередъ для захвата переправъ; когда же, наконецъ, позднимъ вечеромъ, авангардъ подошелъ къ Сагрытло, переправа оказалась уже занятою горцами, готовыми къ оборонѣ. А нужно знать мѣстность, чтобы судить о трудности выполнить предстоявшую задачу; коротко сказать, что здѣсь двухъ-трехъ десятковъ вооруженныхъ человѣкъ довольно, чтобы не дать хода десятку тысячъ войскъ.

Начальникъ авангарда, генералъ-маіоръ Ракусса, на другой день, осмотрѣвъ мѣстность подробнѣе, призналъ форсированіе переправы невозможнымъ и сталъ отступать. Дѣло грозило кончиться неудачею не только переправы, но и всей кампаніи, по крайней мѣрѣ для Дагестанскаго отряда. Въ это время баронъ Врангель съ своимъ штабомъ подъѣхалъ изъ Аргуани къ начавшему отступленіе Ракуссѣ и, выслушавъ

предложеніе инженернаго офицера, вызвавшагося совершить переправу по придуманному имъ плану, повернулъ колонну назадъ. Инженерный планъ оказался никуда негоднымъ; но горячія настоянія капитана Ѳадѣева о крайней необходимости, такъ или иначе совершить переправу и самопожертвованіе нашихъ безподобныхъ солдатъ, придумавшихъ какой-то веревочный мостикъ съ люлькой изъ виноградныхъ лозъ и бросившихся въ бѣшенныя волны рѣки (при чемъ двое утонули), окончилась успѣхомъ: чрезъ два дня мы, наконецъ, овладѣли, переправой и открыли себѣ доступъ въ самое сердце Дагестана.

На другой послѣ занятія Сагрытло день баронъ Врангель, слѣдуя вышеупомянутымъ *письменнымъ* предписаніямъ, дѣлаетъ распоряженіе о движеніи отряда для занятія Чирката. На вопросъ князя Мирскаго, для чего это, баронъ повторяетъ, что для точнаго исполненія предписаній главнокомандующаго.

— Но вѣдь есть другое приказаніе, переданное адъютантомъ князя.

„Я такого приказанія не признаю и не имѣю основанія вѣрить капитану Ѳадѣеву“, говоритъ баронъ: „онъ не снабженъ никакимъ письменнымъ документомъ“.

— Но главнокомандующій можетъ давать и словесно приказанія посредствомъ своихъ адъютантовъ, которые для этого и состоятъ при немъ.

„Что же нужно дѣлать по вашему мнѣнію?“

— Немедленно занять Бетлинскую высоту, стать на Койсубулинскихъ возвышенностяхъ, откуда открыть безпрепятственный путь въ Аварію и на Карату, на встрѣчу Чеченскаго отряда, гдѣ находится главнокомандующій.

„Гора Бетль сильно укрѣплена, она усѣяна завалами; мы можемъ потерпѣть неудачу или понести весьма большія потери“.

— Бетлинская позиція дѣйствительно усѣяна завалами, но ея слабость именно въ слишкомъ большомъ протяженіи, и для защиты такой позиціи нужно нѣсколько тысячъ людей, а намъ извѣстно, что ихъ нѣтъ. Партіи горцевъ, защищавшихъ переправу, ушли вверхъ по Койсу; непріятель не зна-

етъ, куда мы направимся и обращаетъ главное вниманіе на Технуцалъ, гдѣ присутствуетъ самъ главнокомандующій. Занятіе Бетля намъ достанется легко, и во всякомъ случаѣ, при движеніи къ Чиркату потери будутъ больше, потому что колонна на правомъ берегу будетъ двигаться по трущобамъ, а непріятель на ея пути будетъ занимать господствующую позицію на ея флангѣ, такъ что она едва ли достигнетъ своей цѣли и можетъ быть разбита".

Долго продолжался споръ. Баронъ Врангель то горячился, то успокоивался, все ссылаясь на обязанность точно исполнить предписанія. Наконецъ, онъ согласился позвать капитана Ѳадѣева, и когда тотъ честнымъ словомъ подтвердилъ ему, что онъ уполномоченъ передать приказаніе главнокомандующаго о направленіи Дагестанскаго отряда на Аварію и Карату, атака Бетлинской горы была рѣшена *).

Занятіе этой позиціи стоило намъ ничтожной потери; затѣмъ, какъ волшебствомъ, спала завѣса со всего Дагестана, объявившаго себя вдругъ покорнымъ Россіи.

Почему же князь Барятинскій далъ такія, по меньшей мѣрѣ странныя предписанія барону Врангелю на бумагѣ, а затѣмъ прислалъ капитана Ѳадѣева съ совершенно-противнымъ приказаніемъ на словахъ, не снабдивъ его хотя бы короткой собственноручной запиской? Почему князь рѣшился поступить такимъ необъяснимымъ образомъ, ставя успѣхъ дѣла такой громадной важности на карту степени довѣрія барона Врангеля къ словамъ Ѳадѣева? Что́ могло стѣснять полновластнаго главнокомандующаго въ отдачѣ такихъ или другихъ приказаній? Если допустить, что соображенія о несоотвѣтствіи первыхъ предписаній, данныхъ Врангелю, явились послѣ: то что же мѣшало князю Барятинскому такимъ же офиціальнымъ путемъ ихъ измѣнить, не прибѣгая къ средству, носящему какой-то косвенный характеръ? Все это тѣмъ болѣе непонятно, что князь вовсе не былъ человѣ-

---

*) Въ 1874 г. въ Петергофѣ, гдѣ мы съ барономъ Врангелемъ жили на дачахъ, онъ разсказывалъ мнѣ весь этотъ эпизодъ и говорилъ, что кромѣ честнаго слова заставилъ Ѳадѣева у себя въ палаткѣ письменно изложить приказаніе главнокомандующаго. Со словъ барона я и описалъ эту, въ своемъ родѣ, путаницу. А. З.

комъ слабохарактернымъ, несамостоятельнымъ, подчиняющимъ себя чужой волѣ.

Впослѣдствіи князь Барятинскій объяснялъ этотъ случай тѣмъ, что не могъ убѣдить Д. А. Милютина и графа Евдокимова въ правильности своего взгляда; а по мнѣніямъ ихъ слѣдовало ограничить операціи 1859 года, для вѣрнаго успѣха и избѣжанія какой-нибудь неудачи, занятіемъ лишь линіи Андійскаго Койсу, съ тѣмъ чтобы, укрѣпившись тамъ, на слѣдующій годъ уже предпринять дальнѣйшее наступленіе.

Что самъ князь Александръ Ивановичъ сознавалъ, что дѣло вѣрнѣе можетъ быть окончено однимъ быстрымъ, рѣшительнымъ ударомъ, въ этомъ нѣтъ никакого сомнѣнія, и самая посылка капитана Ѳадѣева достаточно это доказываетъ, не говоря о приведенныхъ мною выше письмахъ къ Государю, разсказа на счетъ адъютанта Тромповскаго и заказанной въ Москвѣ каретѣ для Шамиля. Однако такая двойственность приказаній была большой ошибкою, чуть-чуть не испортившей всего дѣла: стоило только барону Врангелю не послушаться Ѳадѣева, на что онъ имѣлъ достаточно основаній, и Богъ вѣсть какой оборотъ приняли бы знаменательныя событія того года.

Почему же Д. А. Милютинъ и графъ Евдокимовъ такъ настойчиво держались мнѣнія о необходимости раздѣлить дѣйствія на два года? Этотъ вопросъ является невольно, и хотя онъ не относится прямо до спеціальной цѣли моего труда—біографіи князя Барятинскаго—тѣмъ не менѣе, какъ участникъ описываемыхъ событій, не могу воздержаться отъ подобныхъ отступленій. Само собою, я могу высказывать только свое личное мнѣніе, отчасти подкрѣпляемое сужденіями другихъ, тоже участниковъ, высказанными въ разговорахъ со мною; но, очень быть можетъ, что я ошибусь.

Я думаю, что Дмитрій Алексѣевичъ Милютинъ, помнившій Ахульгинскую экспедицію 1839 года, не могъ отрѣшиться отъ опасеній въ возможности опять встрѣтить что-нибудь подобное на пути быстраго наступленія въ глубь Дагестана и, кромѣ того, по теоріи, не могъ не опасаться за сообщенія, за продовольственную часть и вообще за тылъ, не настолько обезпеченный, чтобы объ немъ вовсе не думать.

Однимъ словомъ, у него могли преобладать соображенія теоретическія. Графъ же Евдокимовъ, очевидецъ и участникъ печальныхъ событій въ Дагестанѣ 1843 года, предъ глазами котораго вѣроятно еще рисовались кровавыя катастрофы, вслѣдствіе которыхъ мы въ нѣсколько недѣль потеряли весь бывшій въ нашихъ рукахъ Дагестанъ, со всѣми укрѣпленіями и гарнизонами, и очутились въ безвыходномъ положеніи, запертые въ Темиръ-Ханъ-Шурѣ, блокируемые полчищами Шамиля,—безъ сомнѣнія, тоже не могъ не опасаться возможной неудачи. Наконецъ, не довѣряя способностямъ другихъ начальниковъ войскъ, не заявившихъ себя въ послѣднее время особенно успѣшными результатами, между тѣмъ, какъ самъ онъ, въ какихъ-нибудь два года, дѣйствительно достигъ изумительныхъ успѣховъ, графъ Николай Ивановичъ Евдокимовъ могъ полагать, что, укрѣпившись на линіи Андійскаго Койсу и подготовивъ все для дальнѣйшаго наступленія, вся операція будетъ поручена ему, и тогда довершеніе дѣла будетъ вполнѣ обезпечено. И не слѣдуетъ въ этомъ случаѣ винить его въ исключительно самолюбивыхъ разсчетахъ, которые могли играть тутъ слабую роль въ сравненіи съ дѣйствительнымъ желаніемъ общей пользы. Всѣ подобныя соображенія, какъ предполагаемыя мною, имѣли свои основанія.

Но и Д. А. Милютинъ, и графъ Евдокимовъ, если таковы были ихъ соображенія, упускали изъ вида общее положеніе дѣлъ. Шамиль, Дагестанъ и вообще непокорный Кавказъ 1859 г. были уже не то, что́ въ 1839 или 1843 гг. Огульная нищета, подавленность, совершенный упадокъ духа, потеря множества лучшихъ людей, давно скрытое недовольство деспотическимъ, безпощаднымъ режимомъ, ослабленіе фанатизма, рядъ безпрестанныхъ неудачъ и т. д., превратили все Шамилевское зданіе въ колеблющуюся въ своемъ основаніи огромную башню, для которой достаточно было одного сильнаго толчка, чтобы она рухнула. Двадцать, пятнадцать лѣтъ назадъ, мюридизмъ, священная война съ невѣрными, изгнаніе Русскихъ за Терекъ, торжество Ислама, все это были зажигательные матеріалы, воспламенявшіе пылкіе и легковѣрные умы горцевъ; а въ 1859 году страданія достигли тѣхъ крупныхъ и общихъ почти всему населенію размѣровъ, когда мысли о

хлѣбѣ насущномъ становятся дороже мечтаній о будущемъ блаженствѣ, а вѣра въ пришествіе Турецкаго султана съ Египетскимъ пашой потеряла уже всякій кредитъ и, слѣдовательно, никакихъ надеждъ на избавленіе не оставалось. Князь Барятинскій, очевидно, лучше сознавалъ все это; его проницательность, его широта взгляда опровергли въ этомъ случаѣ и теорію, и практику.

ПРИЛОЖЕНІЯ.

А. Письма статсъ-секретаря В. П. Буткова.

1.

19 Февраля 1857 года.

Ваше сіятельство, зная меня конечно повѣрите, какъ сильно обрадовали меня два вашихъ письма, отъ 21 Января и 2 Февраля. Давно не получая отъ васъ никакихъ извѣстій, я боялся, что, можетъ быть, чѣмъ нибудь, право невольно, разсердилъ васъ; но ваши письма меня совершенно успокоили.

Васъ удивили въ бумагѣ о непропускѣ хлѣба за границу слова: „Государь не опорочиваетъ“ и т. д. Надо сказать, что бумагу вашу по этому предмету передало къ намъ въ комитетъ Военное Министерство, которое, доложивши ее прежде Государю, опорочивало, то есть критиковало, ваши распоряженія. Князь Орловъ находилъ сужденія Министерства несправедливыми. На докладъ князя послѣдовала собственноручная резолюція: *не опорочиваю* распоряженій и т. д., какъ она вамъ сообщена. Слѣдовательно тутъ выраженіе самого Государя, которое мы не смѣли измѣнить, боясь, что оно отъ измѣненія потеряетъ свою силу и которое совершенно равносильно утвержденію распоряженія.

Вы желаете, чтобы вамъ были возвращены представленія вашего предмѣстника по дѣламъ Орбельяновыхъ. Получивши ваше письмо, я вытребовалъ отъ министра юстиціи дѣло о Лорійской степи и уже отправилъ оное къ вашему сіятельству съ прошедшею почтою. Дѣло о Джевахскихъ выходцахъ будетъ вамъ доставлено по возвращеніи его отъ графовъ Панина и Блудова, гдѣ его разсматриваютъ нынѣ. Что же касается до упоминаемаго въ вашемъ письмѣ отъ 21 Января дѣла объ Орбельяновскомъ раздѣлѣ, то дѣло это не у насъ, а у васъ: оно послано на заключеніе Муравьева 31 Декабря 1854 года, при бумагѣ за № 1764, и съ тѣхъ поръ къ намъ не возвращалось.

Инсарскій *) сегодня, 19 Февраля, уѣзжаетъ изъ Петербурга къ вамъ на Кавказъ. Зная его бѣдное положеніе **), мы рѣшились выпросить ему при его назначеніи довольно значительное денежное пособіе, въ томъ почти раз-

*) Василій Антоновичъ, впослѣдствіи Московскій почтъ-директоръ.

**) ?!.

мѣрѣ, какъ оно было дано Старицкому. Инсарскій ѣдетъ одинъ: жена и всѣ его дѣти переболѣли корью; имъ надо оставаться здѣсь недѣль шесть; не смѣя такъ долго ждать, онъ рѣшился ѣхать одинъ. Я сказалъ ему, что вы вѣроятно будете на линіи и что поэтому я совѣтовалъ бы ему, пріѣхавши въ Ставрополь, узнать, гдѣ вы находитесь и ѣхать прямо къ вамъ.

До сихъ поръ почти все, что̀ ваше сіятельство изволили представлять, утверждено безъ измѣненія. Есть нѣсколько дѣлъ еще не утвержденныхъ, но которыя на дняхъ будутъ утверждены чрезъ Комитетъ. Повѣрьте, ваше сіятельство, въ моей полной и искренней готовности содѣйствовать всему, что̀ вы дѣлаете для пользы края. Вы не повѣрите, какія чудесныя вещи разсказываются здѣсь о васъ. Зная ваше сіятельство, я всему вѣрю вполнѣ. Въ моей жизни не случалось встрѣчать другаго человѣка, какъ вы, о которомъ бы говорили и туземцы, и подчиненные съ такимъ восторгомъ, какъ всѣ говорятъ здѣсь о васъ. Дай Богъ вамъ успѣха во всѣхъ вашихъ предначертаніяхъ. Мы въ настоящее время чрезвычайно бѣдны новостями. Поэтому не пишу вамъ ничего; но, если что̀ будетъ, то конечно напишу тотчасъ.

2.

20 Марта 1857 г.

Вмѣстѣ съ симъ ваше сіятельство изволите получить списки о наградахъ по гражданскому управленію, утвержденныхъ чрезъ Кавказскій Комитетъ. Я разсчиталъ такъ, чтобы эти награды могли придти въ Тифлисъ наканунѣ Св. Пасхи и чтобы вы могли объявить ихъ вмѣсто краснаго яичка. Почти всѣ награды утверждены безъ измѣненія; если допущены перемѣны, то весьма немногія и единственно потому, чтобы не сказали, будто Комитетъ не дѣлаетъ перемѣнъ и не соблюдаетъ правилъ.

Въ числѣ награжденныхъ къ Пасхѣ я выпросилъ слѣдующіе чины двумъ своимъ сослуживцамъ, находящимся на Кавказѣ: князю Волконскому и князю Эристову. Пожалуйста, поздравьте ихъ и побраните за то, что, никто изъ нихъ мнѣ ничего не пишетъ.

Иваницкому данъ Владиміръ 3-й ст., и я успѣлъ ему сказать объ этомъ, потому что онъ только сегодня ѣдетъ за границу. Я показалъ ему вашу бумагу на счетъ найма за границею горныхъ инженеровъ. По этой бумагѣ требуются соображенія министра финансовъ, и за тѣмъ уже она представится Государю.

Независимо отъ наградъ, въ Кавказскомъ Комитетѣ рѣшено много дѣлъ отъ васъ поступившихъ и большею частью такъ, какъ вы представляли. Бумаги о нихъ вы получите по слѣдующей почтѣ. Назову важнѣйшія: объ отношеніяхъ намѣстника къ Сенату, о правахъ въ военной службѣ Грековъ рудопромышленниковъ, о садовыхъ заведеніяхъ, о сохраненіи лѣсовъ въ Ставрополѣ, о почтовомъ сообщеніи между Ставрополемъ, Прочнымъ Окопомъ и Нальчикомъ, объ увеличеніи прогоновъ отъ Ставрополя до Владикавказа, о прекращеніи дѣлъ объ обрушившихся мостахъ: Дарьяльскомъ и Горійскомъ; объ отводѣ участковъ земли потомственно разнымъ лицамъ въ Табасарани и другія тому подобныя.

Одно только дѣло не прошло хорошо, это о новомъ штатѣ Кутаисскаго генералъ-губернатора. Комитетъ утвердилъ его, но Брокъ при подписаніи журнала воспротивился новому отпуску денегъ изъ казны. По этому предмету онъ долженъ представить особыя соображенія Комитету и вѣроятно откажетъ въ новомъ отпускѣ суммы. Не знаю, какъ мы выйдемъ изъ этого дѣла.

Между тѣмъ у меня родилась слѣдующая мысль. Генералъ-губернаторъ князь Гагаринъ долженъ получать такой же окладъ въ 10 т. рубл. сер., какой получаютъ внутренніе генералъ-губернаторы. Это можетъ быть сдѣлано отдѣльно и особо отъ штата; чтоже касается до его канцеляріи, то нельзя ли обратить на нее тѣ деньги, кои шли на гражданское управленіе Черноморской береговой линіи, а именно: на канцелярію ея начальника 7,330, на чиновника по таможенной части 1040 и на 2-е отдѣленіе 2.960, всего 11330 рубл. сер. въ годъ? Если ваше сіятельство изволите найти это удобнымъ, то напишите мнѣ особую бумагу, въ дополненіе къ прежней.

Государь изволилъ передать къ намъ въ Казказскій Комитетъ письмо, вами ему представленное, со всѣми записками, о вознагражденіи Мингрельскаго дома. Онъ написалъ на письмѣ, что полагаетъ дать сему дому такое же вознагражденіе, какое дано Абхазскому дому. Мы спрашиваемъ теперь мнѣнія министра финансовъ и кончимъ дѣло вѣроятно въ Маѣ мѣсяцѣ.

Нельзя винить и Брока, если онъ отказываетъ въ деньгахъ. У насъ въ 1857 году дефицитъ простирается до 80 м. рубл. сер. Такая или почти такая же сумма будетъ и въ 1858 году. Поэтому всѣ усилія употреблены къ тому, чтобы сократить расходы. Думаютъ болѣе всего о сокращеніи числа войскъ сухопутныхъ и морскихъ, и бѣдный военный министръ бьется какъ рыба объ ледъ, не зная, что̀ придумать. Чѣмъ все это кончится, право не знаю.

3.

27 Апрѣля 1857.
Секретно.

Давно уже я не писалъ вашему сіятельству; причиною тому множество важныхъ и обширныхъ работъ, меня занимавшихъ въ послѣднее время. Хотя работы сіи далеко еще не кончены, но, найдя сегодня нѣсколько свободныхъ минутъ, я беру перо, чтобы побесѣдовать съ вами.

Въ настоящее время болѣе всего занимаетъ всѣхъ и каждаго финансовый вопросъ. Нашъ бюджетъ въ 1857 году представляетъ дефицита отъ 60 до 80 мил. рубл. сереб. Не предвидя въ будущемъ исхода изъ этого положенія, министръ финансовъ представилъ Государю самую жалкую финансовую картину. Всѣ перепугались и начали думать о всевозможныхъ сокращеніяхъ. Великій Князь Константинъ Николаевичъ сократилъ свою смѣту на $^1/_3$ часть, то есть на 5 мил. рубл. серебр. Военное Министерство, какъ ни бились съ нимъ, никакъ не рѣшается сдѣлать сокращеній болѣе чѣмъ на 8 мил. рубл. серебр.; между тѣмъ Брокъ требуетъ, чтобы оно сократило свою смѣту на 25 милл. Въ этомъ положеніи для изслѣдованія смѣты

Военнаго Министерства учреждена коммисія изъ старика князя Меншикова, изъ Польскаго Горчакова и изъ Анненкова. Они всѣ напираютъ на Кавказъ; увѣряютъ, что тамъ много войска, особенно на продовольствіи, и что поэтому тамъ необходимы разныя сокращенія. Вѣроятно Государь или мнѣніе ихъ передастъ вашему сіятельству, или отвергнетъ; но во всякомъ случаѣ вамъ надо ждать разныхъ запросовъ.

Такое положеніе финансовъ дало Броку какую-то особою опору. Основываясь на немъ, онъ рѣшительно всѣмъ и каждому отказываетъ въ новомъ отпускѣ суммъ изъ казны. Слѣдуя сему началу, онъ рѣшительно не соглашается на отпускъ денегъ по новому штату Кутаисскаго генералъ-губернатора. Я право не знаю, какъ это дѣло доложу Комитету: генералъ-губернаторъ учрежденъ и управляетъ, а между тѣмъ ему не даютъ и не хотятъ давать ни жалованья, ни канцеляріи. Не имѣя права на голосъ, я не могу спорить въ Комитетѣ, особенно спорить съ Брокомъ, у котораго такой сильный аргументъ: нѣтъ денегъ и не откуда ихъ взять. Онъ даже не соглашается на отпускъ содержанія для Смиттена, при назначеніи его членомъ Совѣта.

Право, не знаю, чѣмъ все это кончится, но прошу васъ, князь, вѣрить моей полной и искренней готовности дѣйствовать такъ, чтобы уладить все, какъ вы желаете; боюсь, что я не буду имѣть силы сдѣлать что-нибудь. Вы въ этомъ отношеніи сами виноваты: зачѣмъ не приняли той мысли, о которой говорилъ я вамъ въ прошломъ году въ извѣстной вамъ запискѣ?

Не скрою отъ васъ, что защита интересовъ Кавказскаго и Закавказскаго края въ Кавказскомъ Комитетѣ становится часъ отъ часу труднѣе и труднѣе. За васъ одинъ князь Орловъ. Во всѣхъ прочихъ членахъ я замѣчаю какое-то неблаговоленіе къ краю, и не будь князя Алексѣя Ѳедоровича, ни одно дѣло при этомъ составѣ Комитета не прошло бы благополучно. Теперь къ этому составу прибавился Муравьевъ, какъ министръ государственныхъ имуществъ, съ которымъ сладить чрезвычайно трудно по его особому взгляду на дѣла и теперешнее управленіе Кавказомъ.

При такомъ составѣ и направленіи Комитета, я вполнѣ убѣжденъ, что дѣло о передачѣ Астраханской губерніи въ вѣдѣніе намѣстника никакъ не пройдетъ. Вы пишете, что соображенія по этому предмету вы пришлете въ Іюнѣ и что было бы хорошо, пользуясь отъѣздомъ Великаго Князя, повѣрить эти соображенія на мѣстѣ. На все это я долженъ вамъ отвѣчать, что лучше будетъ, если соображенія сіи вы привезете сами въ Петербургъ: безъ васъ это дѣло при теперешнемъ порядкѣ рѣшительно будетъ отвергнуто. Комитетъ почти весь состоитъ изъ министровъ, подавшихъ мнѣніе противъ; какъ же вы хотите, чтобы они не остались при своемъ мнѣніи и не увлекли прочихъ? Зная, что Великій Князь одинъ за передачу вамъ Астраханской губерніи, князь А. Ѳ. Орловъ не рѣшится и докладывать о порученіи Его Высочеству этого дѣла на мѣстѣ. Впрочемъ послѣднее обстоятельство легко устранить: Великій Князь самъ можетъ, бывши въ

Астрахани, повѣрить лично на мѣстѣ всѣ соображенія; но при этомъ надо имѣть въ виду что: во 1-хъ, поѣздка его становится сомнительною, надняхъ Императрица должна родить; чрезъ 6 недѣль послѣ того она ѣдетъ за границу лѣчиться и не будетъ на свадьбѣ; Великій Князь до свадьбы не выѣдетъ изъ С.-Петербурга, а послѣ свадьбы Государь поѣдетъ за границу, поручивъ рѣшеніе дѣлъ особой коммиссіи, гдѣ будетъ и Великій Князь; такимъ образомъ до Октября Его Высочество будетъ здѣсь, какъ говорятъ. Во 2-хъ, чиновникъ Варандъ, посланный Великимъ Княземъ въ Астрахань на слѣдствіе, сильно хулитъ и чернитъ Васильева, возставая противу присоединенія къ вашему вѣдѣнію Астраханской губерніи; многіе изъ близкихъ Великому Князю раздѣляютъ это и будутъ стараться вооружить Великаго Князя и противу проекта.

Все что̀ я вамъ пишу очень грустно, но я долженъ былъ высказать всю правду. Вообще въ настоящее время такъ много грустнаго, что, право, не знаешь, какъ и дѣйствовать.

Распоряженіе вашего сіятельства объ учрежденіи особаго отдѣленія для дѣлъ законодательныхъ превосходно. Харитоновъ весьма способенъ и къ этому дѣлу приготовленъ. Онъ будетъ утвержденъ членомъ Совѣта, также какъ и Кипіани. Министръ юстиціи не соглашается на назначеніе Челяева сенаторомъ; на дняхъ пошлю докладъ Государю; не знаю, какъ и чѣмъ онъ рѣшитъ это дѣло.

Не знаю, какъ благодарить ваше сіятельство за милостивое и благосклонное вниманіе ваше къ моимъ чиновникамъ, князю Волконскому и Эристову.

Мой помощникъ статсъ-секретарь по Кавказскому Комитету, д. с. с. Гулькевичъ, имѣя крайнюю надобность пользоваться Кавказскими минеральными водами, отправляется въ началѣ Мая въ Пятигорскъ. По этому случаю ему дается порученіе видѣться съ вашимъ сіятельствомъ и объясниться по нѣкоторымъ дѣламъ. Это добрый, умный, честный и благородный человѣкъ; когда вы его увидите, то, пожалуйста, примите полюбезнѣе и поласковѣе, чѣмъ премного меня обяжете.

4.

12 Іюня 1857 года.

Письмо это вручитъ вашему сіятельству служащій въ Кавказскомъ Комитетѣ чиновникъ Шереметевъ. Онъ сынъ недавно-бывшаго министра государственныхъ имуществъ, молодой человѣкъ прекрасныхъ правилъ и желаетъ ознакомиться съ Кавказомъ. Пожалуйста, оставьте его нѣсколько времени у себя; позвольте ему пожить въ Тифлисѣ, дайте взглянуть на край, пошлите куда-нибудь и, когда ему захочется возвратиться въ Петербургъ, разрѣшите милостиво и снисходительно.

Шереметевъ вручитъ вамъ много, даже очень много бумагъ. Сверхъ всего, что̀ въ сихъ бумагахъ сказано, я прибавлю еще слѣдующее.

Исполненіе по журналу послѣдняго засѣданія Кавказскаго Комитета убѣдитъ ваше сіятельство, что Комитетъ теперь, какъ всегда, готовъ дѣ-

лать все, кромѣ того только, гдѣ нужны деньги. Вспомните, что̀ я говорилъ вамъ это прежде вашего отъѣзда въ Тифлисъ. Деньги будутъ мѣшать во всемъ, пока вы не приведете финансовую часть края въ надлежащій порядокъ и устройство.

Изъ посылаемыхъ бумагъ вы увидите, что Комитетъ согласился уничтожить Кавказскую карантинную линію, но по убѣжденію или лучше сказать настоянію министра финансовъ не согласился снять таможенный надзоръ. Одно противорѣчитъ другому: таможенный надзоръ былъ возложенъ на карантинныхъ чиновниковъ; съ увольненіемъ ихъ надзоръ уничтожится самъ собою. Между тѣмъ новый тарифъ созданъ. Министерство Финансовъ нигдѣ не увеличило, но по многимъ статьямъ уменьшило пошлину за Кавказомъ. Теперь, когда тарифъ вамъ сдѣлается извѣстенъ и когда увидите отношеніе пошлинъ Закавказской къ Русской, вамъ будетъ легче опровергнуть Брока и настоять на снятіи таможеннаго надзора. Пожалуста, не забудьте, при соображеніяхъ объ уничтоженіи карантинной линіи, всѣ деньги, какія отъ этого будутъ въ сбереженіи, требовать въ ваше вѣдѣніе и распоряженіе на разныя потребности края. О сихъ сбереженіяхъ въ вашей бумагѣ ничего не сказано точнаго и опредѣлительнаго.

Штатъ Кутаисскаго генералъ-губернатора утвержденъ, но на казну не взято ничего. Министръ финансовъ безпрестанно говоритъ о тѣхъ 100 тыс., которые составляютъ превышеніе въ доходахъ по Шемахинской податной системѣ. Отнесеніе расхода на этотъ, между прочимъ, источникъ все равно, что̀ отнесеніе его на казну.

Вчера Государь съ Императрицею отправились на пароходѣ за границу. Его Величество возвратится сюда 15 Іюля. На время его отсутствія управленіе дѣлами поручено особой Секретной Коммиссіи изъ Великаго Князя Константина Николаевича, князя Орлова и графа Блудова.

Великій Князь поручилъ мнѣ передать вашему сіятельству, что онъ въ нынѣшнемъ году не будетъ на Кавказѣ и что объ этомъ на дняхъ онъ самъ будетъ вамъ писать.

Въ посылаемыхъ бумагахъ вы найдете очень хорошее дѣло: это учрежденіе Кокоревымъ компаніи для торговли съ Астрабадомъ. Мнѣ жаль, что по этому дѣлу не спросили вашего мнѣнія; *но Горчаковъ и Брокъ, боясь Англичанъ*, спѣшили его кончить до отъѣзда Государя *).

Васъ вѣроятно удивила бумага Танѣева о сношеніи съ нимъ; но это сдѣлалось по недоразумѣнію и отмѣнено тотчасъ.

Въ посылаемыхъ бумагахъ есть претензія на васъ Н. Н. Анненкова за командировку Христинича. Сей послѣдній собралъ здѣсь всевозможныя свѣдѣнія и отправился въ Варшаву **).

Искренно желаю, чтобы вы могли успѣть въ учрежденіи эмеритуры, хотя сильно въ томъ сомнѣваюсь.

Мой помощникъ Гулькевичъ писалъ мнѣ о ласковомъ пріемѣ его ва-

---

*) Какъ однако велики глаза у страха!.. А. З.

**) Христинигъ директоръ Контроль. Департамента въ Тифлисѣ. А. З.

шимъ сіятельствомъ. Искренно благодарю васъ за это и благодарю за всѣ тѣ милыя слова ваши, которыя относились до меня. Вѣрьте, князь, моей полной, искренней и всегдашней готовности содѣйствовать вамъ, сколько это можетъ отъ меня зависѣть, во всемъ, что̀ относится до пользы обоими нами любимаго Кавказа.

Получено телеграфическое извѣстіе, что третьяго дня, т. е. 10 Іюня, скончался въ Неаполѣ князь Александръ Ивановичъ Чернышовъ.

5.

4 Іюля 1857 года.

Письмо это передастъ вашему сіятельству фельдьегеръ, котораго мы отправляемъ къ вамъ съ разрѣшеніемъ по Мингрельскому дѣлу. Можетъ быть, васъ удивитъ быстрота этого разрѣшенія: оно дано именемъ Государя Коммисіею, управляющею дѣлами государства въ отсутствіе Его Величества. О такомъ распоряженіи своемъ коммиссія довела уже до свѣдѣнія Императора.

Государь, по послѣднимъ извѣстіямъ, выѣзжаетъ изъ Штетина 16 и будетъ здѣсь 19, а вдовствующая Императрица выѣзжаетъ изъ Штетина же 18 и будетъ у насъ 21 Іюля. Свадьба Великаго Князя, кажется, будетъ 18 Августа. 1 Сентября Государь уѣдетъ на встрѣчу Императрицы супруги своей въ Варшаву, откуда съ нею чрезъ Кіевъ и Москву возвратится въ С.-Петербургъ. Вдовствующая Императрица всю зиму проведетъ въ Варшавѣ; съ нею будетъ тамъ и Александра Іосифовна.

Вотъ вамъ наши новости. Мы ими въ настоящее время, съ отсутствіемъ Царя, очень бѣдны.

Вмѣстѣ съ симъ я пишу къ Харитонову. Онъ прислалъ мнѣ вѣдомости о доходахъ и расходахъ по краю. Я нашелъ, что онѣ составлены очень дѣльно и правильно, что ихъ было бы полезно провѣрить въ Министерствѣ Финансовъ, но что онѣ только матеріалъ для работы, а главная работа должна состоять въ опредѣленіи тѣхъ основаній, по коимъ вся финансовая часть должна быть въ полномъ вѣдѣніи намѣстника.

Для этого необходимо сказать, какъ мнѣ кажется, что доходы края состоятъ въ вѣдѣніи намѣстника, что казначейство Имперіи помогаетъ имъ такою-то суммою, что гражданское управленіе краемъ вносится въ государственный бюджетъ особою статьею, что поэтому расходы на это управленіе не вносятся въ смѣты министерствъ, что расходы суммъ состоятъ также въ распоряженіи намѣстника, что отчетность въ этихъ расходахъ не восходитъ въ министерства, но оканчивается у намѣстника и т. п.

Однимъ словомъ, мысль моя состоитъ въ томъ, чтобы, руководствуясь составленными Харитоновымъ вѣдомостями, было обработано все положеніе о порядкѣ завѣдыванія финансами Закавказскаго края. Между тѣмъ я боюсь и того еще, что министерства, когда узнаютъ намѣренія отдѣлить всю финансовую часть отъ нихъ, будутъ всячески противодѣйствовать утвержденію проекта. Поэтому я совѣтую идти въ этомъ дѣлѣ постепенно, и именно прежде всего: опредѣлить, въ чемъ состоятъ мѣстные способы края, какіе расходы должны падать на сіи мѣстные способы,

а какіе на казну Имперіи, и въ чемъ состояли до сихъ поръ и въ чемъ должны состоять впредъ пособія казны Имперіи краю. Всѣ сіи свѣдѣнія заключаются въ вѣдомостяхъ, составленныхъ Харитоновымъ. Поэтому мнѣ кажется всего лучше и удобнѣе, не объясняя Министерству Финансовъ никакихъ подробныхъ предположеній о началахъ завѣдыванія финансовою частью, послать къ нему означенныя вѣдомости, чтобы оно опредѣлило по нимъ, соглашается ли оно на пособіе краю въ той мѣрѣ, какъ вы будете просить. Это все не должно быть сообщено ему для испрошенія утвержденія, но надо сообщить ему только на его заключеніе и, когда оно сообщитъ его вашему сіятельству, тогда только, имѣя его согласіе на отпускъ опредѣленной суммы для края въ пособіе, можно бы составить и представить общее положеніе о порядкѣ завѣдыванія финансовою частью края.

Мысль эту я не могъ развить въ письмѣ Харитонову, но передаю ее на усмотрѣніе вашего сіятельства. Въ такомъ важномъ дѣлѣ надо дѣйствовать какъ можно осторожнѣе.

Военный министръ говорилъ мнѣ о письмѣ къ нему вашего сіятельства на счетъ 2-хъ дивизій, требуемыхъ съ Кавказа. Его побуждаетъ къ такой мѣрѣ Министерство Финансовъ, требующее сокращенія смѣты. Между тѣмъ онъ говоритъ, что съ отозваніемъ дивизій числительность корпуса не уменьшится; потому что уйдутъ отъ васъ кадры, а прочія части пойдутъ на усиленіе всѣхъ постоянныхъ частей корпуса. Ему повидимому хочется, чтобы вы на него не сердились. На дняхъ въ нашей коммиссіи былъ забавный случай. Поступило мнѣніе Военнаго Совѣта объ отказѣ вамъ въ предположеніи имѣть особыя команды слабосильныхъ при госпиталяхъ; и Великій Князь, и Орловъ стали защищать ваше предположеніе, но военный министръ такъ разгорячился, какъ я не видалъ его никогда. Не взирая на это, коммиссія приказала: предположеніе Министерства сообщить прежде вамъ. Какъ ему ни хотѣлось, но пришлось, кажется неохотно, по виноваться.

Про него я могу сказать, что это человѣкъ умный, честный, благородный и добрый, но все таки не въ той мѣрѣ военный министръ, какъ хотѣлось видѣть.

Насъ напугалъ князь Волконскій извѣстіемъ о болѣзни вашей, т. е. о болѣзни глазъ. Дай вамъ Богъ скорѣйшаго излѣченія.

Я живу теперь на островахъ и каждый день ѣзжу мимо вашей прошлогодней дачи и ѣзжу съ огорченіемъ и грустью: когда-то Богъ приведетъ намъ опять свидѣться съ вашимъ сіятельствомъ!

6.

29 Іюля 1857 года.

Въ одномъ изъ послѣднихъ моихъ писемъ я сообщалъ вашему сіятельству о множествѣ обвиненій и интригъ противу Астраханскаго военнаго губернатора Васильева. Все, что я писалъ вамъ, оправдалось совершенно. По прибытіи сюда Великаго Князя, его сильно вооружили противу Ва-

сильева, и на дняхъ послѣдовало Высочайшее повелѣніе: 1) Вызвать Васильева въ Петербургъ, гдѣ вѣроятно ему будетъ приказано оставить службу; 2) управленіе губерніею поручить по гражданской части вице-губернатору Струве, главному работнику въ этомъ дѣлѣ, теперь находящемуся въ С.-Петербургѣ и на дняхъ отправляющемуся въ Астрахань, а по морской и по военной частямъ по порядку; 3) правителя канцеляріи при Васильевѣ, Тонора, чиновника особыхъ его порученій Бабкина, совѣтника Шавердова и прокурора Гордѣенко, какъ имѣвшихъ вліяніе на Васильева, немедленно уволить отъ службы.

Великій Князь при этомъ сказалъ мнѣ, что, вникая болѣе въ дѣла Астрахани, онъ убѣдился въ безполезности передачи гражданскаго управленія этой губерніи вѣдѣнію намѣстника Кавказскаго.

Изъ этого всего ваше сіятельство изволите видѣть, что Астраханское дѣло надо считать въ настоящее время почти потеряннымъ.

Здѣсь никакихъ интересныхъ новостей у насъ нѣтъ и по случаю пребыванія Государя за границею быть не можетъ.

7.

24 Августа 1857 года.

Хотя письмо это не успѣетъ придти въ Тифлисъ къ 30 Августа, но это все-таки не мѣшаетъ мнѣ лично поздравить ваше сіятельство съ днемъ вашего ангела. Вмѣстѣ съ тѣмъ поздравляю васъ, но поздравляю по секрету и съ Царскою милостью: 30 Августа вамъ будетъ послана отсюда Александровская лента, кажется. Въ тотъ же день пошлются ордена: Св. Анны 1-й ст. Милютину и Св. Станислава 1-й ст. Крузенштерну. Все это дѣлается въ изъявленіе Царскаго къ вамъ благоволенія.

Государь уѣхалъ отсюда 22 Августа, а возвратится сюда 11 Октября. Въ Штутгардтѣ онъ будетъ видѣться съ Наполеономъ. Порядокъ управленія въ отсутствіе Его Величества будетъ тотъ же, что́ и былъ прошедшій разъ.

По этой или по слѣдующей почтѣ вы получите отъ меня престранную бумагу по Государственному Совѣту. Вы знаете, что Государь, по убѣжденію Брока, назначилъ каждому министру нормальную смѣту для его расходовъ. Товарищъ мин. народн. просв., чтобы довести свою смѣту до этой нормы, придумалъ одно: сократить Кавказскій учебный округъ на 15 тыс. рубл. сер., о чемъ, безъ сношенія съ вами, представилъ Государственному Совѣту. Совѣтъ и особенно Департаментъ Экономіи очень, очень довольны, что могутъ придраться къ Кавказу; но я, прежде доклада Совѣту, рѣшился предположеніе кн. Вяземскаго сообщить вамъ на заключеніе. Молю васъ отвѣчать на это предположеніе чрезвычайно сильно и рѣзко, чтобы остановить порывы и Министерства Народнаго Просвѣщенія, и другихъ министерствъ, которыя вздумали бы сдѣлать тоже, и Госуд. Совѣта, который всегда готовъ сокращать расходы на Кавказѣ. Всего лучше было бы, еслибы вы, не отвѣчая мнѣ, написали бы все прямо Государю въ

собственныя руки, но написали бы послѣ 1 Октября, чтобы письмо было получено имъ самимъ, а не Коммиссіею, которая въ его отсутствіе управляетъ и распечатываетъ всѣ пакеты. Меня же можете только увѣдомить, что отвѣтъ вашъ представили Государю. Это сдѣлаетъ очень хорошій эффектъ. Не забудьте только сильнѣе сказать въ письмѣ Государю, что народное просвѣщеніе на Кавказѣ требуетъ не сокращенія, а усиленія расходовъ; что отъ этого зависитъ успѣхъ устройства края и что Министерство Народнаго Просвѣщенія не должно было входить даже въ сужденіе о томъ, что̀ отъ него не зависитъ, а тѣмъ болѣе представлять Государственному Совѣту безъ сношенія съ вами и даже мимо Кавказскаго Комитета. Могу увѣрить васъ, зная ходъ дѣлъ по Совѣту, что еслибы я не былъ государственнымъ секретаремъ, то представленіе Министерства было бы непремѣнно утверждено.

Новаго ничего не могу сообщить вамъ. 3-го Сентября возвращается сюда вашъ братъ Владиміръ съ женою.

8.

30 Августа 1857 года.

Пользуясь отправленіемъ фельдъегеря, я еще разъ поздравляю ваше сіятельство и съ днемъ ангела, и съ царскою милостью.

Третьяго дня, 28 Августа, прибылъ сюда М. И. Чертковъ. Онъ передалъ мнѣ письмо ваше, за которое вамъ я очень, очень благодаренъ.

Я чрезвычайно буду радъ видѣться съ А. А. Харитоновымъ, котораго люблю много и давно. Присылайте его сюда; я съ полною откровенностью передамъ ему всѣ мои замѣчанія по тѣмъ работамъ, которыя будутъ имъ доставлены. Боюсь только, что вы, посылая Харитонова сюда, между прочимъ, по проекту финансовому, будете сердиться на него, если онъ не успѣетъ отстоять свой проектъ. Повѣрьте мнѣ, что съ Брокомъ, при настоящемъ положеніи дѣлъ, очень тяжко совладѣть: это я знаю по опыту, хотя и состою съ нимъ въ самыхъ короткихъ и дружескихъ отношеніяхъ. Во всякомъ случаѣ я жду Харитонова и помогу ему во всемъ, что̀ отъ меня зависѣть можетъ.

Дѣло Мингрельское начато, ведено и направлено вами превосходно. Боюсь только, что Дюкруасси на первое время можетъ быть очень хорошъ для этого дѣла, но потомъ, когда управленіе образуется и пойдетъ, едва ли и удобно и прилично и даже едва ли подъ лѣта ему оставаться предсѣдателемъ Мингрельскаго Совѣта. Впрочемъ—это дѣло будущее, но что̀ понынѣ сдѣлано, все прекрасно и все, что̀ предположено отлично.

Чертковъ, прибывъ сюда, тотчасъ явился къ военному министру, который принялъ его очень любезно, много распрашивалъ и о Мингреліи, и о краѣ, особенно о войскахъ; говорилъ о своихъ отношеніяхъ. Вообще Чертковъ остался очень доволенъ пріемомъ и объясненіями военнаго министра.

Послѣ того Чертковъ, передавъ мнѣ вашъ пакетъ, отправился въ Стрѣльну къ Великому Князю Константину Николаевичу, съ пакетами на

имя Государя и его. Великій Князь былъ въ Кронштадтѣ. Чертковъ зашелъ къ князю Орлову, объяснилъ ему все дѣло, говорилъ съ нимъ о двухъ дивизіяхъ, отдѣляемыхъ отъ васъ, защищалъ ихъ оставленіе на Кавказѣ.

Отъ него Чертковъ поѣхалъ въ Петергофъ, представлялся вдовствующей Императрицѣ и Великимъ Князьямъ. У Императрицы онъ обѣдалъ. Она распрашивала его о Мингреліи, о княгинѣ, о васъ и вообще была очень мила. Великіе Князья были чрезвычайно милостивы, внимательны и любезны; онъ ими остался очень доволенъ.

Ввечеру Чертковъ былъ вновь въ Стрѣльнѣ у Константина Николаевича, который продержалъ его весь вечеръ и распрашивалъ чрезвычайно много. Письмо вашего сіятельства Великій Князь прочиталъ вслухъ при Чертковѣ. Когда шла рѣчь о Кокоревѣ и его предложеніяхъ, Великій Князь изъявилъ какое-то сомнѣніе вообще о дѣлѣ Кокорева. Его Высочество былъ вообще чрезвычайно любезенъ и милъ; но Чертковъ нашелъ его не тѣмъ, какъ ожидалъ и думалъ. Впрочемъ я объ этомъ нѣсколько разъ намекалъ вамъ въ моихъ прежнихъ письмахъ.

Великій Князь, по совѣщанію съ княземъ Орловымъ, не рѣшился распечатать обоихъ пакетовъ вашихъ къ Государю, а велѣлъ Черткову ѣхать прямо къ Его Величеству. Вчера все утро онъ былъ у меня и передалъ мнѣ все подробно. Я сказалъ ему, что нѣтъ сомнѣнія въ томъ, что Государь пригласитъ княгиню Дадьянъ въ Россію; но надо только, чтобы Чертковъ хлопоталъ, дабы Государь утвердилъ тотчасъ ваше представленіе о ея содержаніи. Для этого я передалъ ему, на всякій случай, всю переписку о тѣхъ 12 тысячахъ, кои вы полагали дать ей прежде, дабы можно было и о нихъ рѣшить теперь же.

За симъ Чертковъ вчера, 29 Августа, вечеромъ отправился по тракту на Варшаву къ Государю, который выѣзжаетъ оттуда завтра, 1-го Сентября. Слѣдовательно Чертковъ догонитъ его уже за границею.

Пишу вамъ все такъ подробно по порученію Черткова, который не имѣлъ ни времени, ни силъ, ни даже возможности самъ писать вашему сіятельству.

9.

2 Апрѣля 1858 г.

Письмо это вручитъ вашему сіятельству А. А. Харитоновъ. Онъ кончилъ вами возложенное на него порученіе и кончилъ съ возможнымъ успѣхомъ. Не могу не похвалить его дѣятельныхъ стараній, его хлопотъ и могу удостовѣрить, что еслибы не присутствіе здѣсь Харитонова и хлопотавшаго, и понукавшаго, и спорившаго по департаментамъ съ здѣшнею бюрократіею, то едва ли вы получили бы такъ скоро отвѣтъ министра финансовъ по доходамъ и расходамъ Закавказскаго края. По этому дѣлу я сообщилъ А. А. Харитонову нѣкоторыя мои мысли, которыя онъ сообщитъ и вашему сіятельству.

Не пеняйте мнѣ, если я не часто пишу вамъ: право, некогда. Комитеты на меня сыплятся безпрестанно; трудовъ и хлопотъ множество. Поэтому я до сихъ поръ не сообщилъ вамъ мнѣніе мое по доставленной вами мнѣ запискѣ о желѣзной дорогѣ и льготной торговлѣ. Мнѣніе это я передаю впрочемъ А. А. Харитонову. Оба предположенія превосходны; но для ихъ успѣха необходимо, чтобы сначала вы пустили въ ходъ дѣло о желѣзной дорогѣ. Съ разрѣшеніемъ ея надо будетъ представить и о льтотной торговлѣ. Я убѣжденъ, что и то и другое въ этомъ порядкѣ будетъ разрѣшено.

Мы кончили дѣло о Каспійскомъ пароходствѣ и кончили успѣшно; но положеніе наше вы получите недѣли чрезъ три, не ранѣе. Надо по оному много писать и работать. Вообще за нами ничего не остается важнаго, и я постараюсь до отъѣзда к. Орлова за границу кончить все, что̀ къ намъ поступило. Орловъ ѣдетъ 24 Апрѣля и возвращается сюда 1-го Іюля. 12 Іюня Государь ѣдетъ чрезъ Вологду въ Архангельскъ и возвращается сюда 10 Іюля. Въ Августѣ онъ ѣдетъ въ Варшаву, гдѣ празднуетъ 30-е число. Потомъ думаютъ и говорятъ много о Крымѣ. Если Государь будетъ тамъ, то ваше сіятельство вѣроятно воспользуетесь случаемъ и повидаетесь съ нимъ: это свиданіе можетъ рѣшить многое, и если вамъ нужно прежде того имѣть какой-нибудь мой совѣтъ по дѣламъ, о которыхъ вы бы хотѣли рѣшительно говорить съ Государемъ, то напишите мнѣ прежде. Я вамъ скажу мое мнѣніе съ полною искренностью и откровенностью.

Не знаю, что̀ сдѣлало Кавказское намѣстничество князю А. М. Горчакову; только онъ безпрестанно толкуетъ о необходимости, въ видахъ политическаго сліянія Кавказа съ Имперіею, подчинить васъ министрамъ по принадлежности и уничтожить Кавказскій Комитетъ, внося ваши дѣла въ Государственый Совѣтъ и Комитетъ Министровъ. Конечно, его никто не слушаетъ, но вѣдь и капли пробиваютъ камень. Между тѣмъ мы съ нимъ большіе пріятели; послѣ каждаго засѣданія я слышу хвалы Комитету, и при всемъ томъ онъ сильно дѣйствуетъ противу власти намѣстнической. Поэтому не довѣряйтесь ему много.

Выборъ новыхъ министровъ весьма удовлетворителенъ, хотя оба они весьма не молоды. Надо ожидать еще третьей перемѣны—министра внутреннихъ дѣлъ. На это мѣсто готовятъ, конечно, не такъ скоро Ростовцова. Сухозанетъ ѣдетъ снимать свое бѣльмо за границу; онъ отправляется 12 Іюня, а возвращается въ Варшаву къ 30 Августа. Въ отсутствіе его, Военнымъ Министерствомъ будетъ управлять князь Васильчиковъ, который 17 Апрѣля будетъ назначенъ товарищемъ военнаго министра. Вмѣсто его директоромъ канцеляріи министра будетъ г. м. Лихачевъ.

10.

25 Апрѣля 1858 г.

Его Императорское Высочество Великій Князь Константинъ Николаевичъ доставилъ мнѣ печатные экземпляры составленныхъ въ морскомъ вѣдомствѣ проектовъ: образованія управленія симъ вѣдомствомъ и пор-

товыхъ управленій съ объяснительною запискою, прося книжки сіи разослать къ членамъ Государственнаго Совѣта на предварительное ихъ разсмотрѣніе. Оффиціально же это дѣло представляетъ Его Высочество Совѣту осенью сего года.

Усматривая, что въ проектѣ о портовомъ управленіи говорится о Закавказскихъ портахъ, Бакинскомъ, Константиновскомъ, Сухумъ-Кальскомъ и Потійскомъ и что по сему проекту они изъемлются отъ зависимости намѣстника Кавказскаго, я рѣшаюсь одинъ экземпляръ (въ 3 книжкахъ) означенныхъ предположеній препроводить и къ вашему сіятельству.

Я совѣтывалъ бы вамъ замѣчанія ваши, и замѣчанія сильныя, сообщить Великому Князю, сославшись на меня, доставившаго вамъ проекты, а между тѣмъ копію съ сихъ замѣчаній, при какой-нибудь оффиціальной бумагѣ, препроводить ко мнѣ, дабы я могъ имѣть ихъ въ виду при окончательномъ разсмотрѣніи проекта и даже, если будетъ нужно, представить Государю. Бумагу вашу Его Высочеству вы можете начать такъ: „статсъ-секретарь Бутковъ доставилъ мнѣ сообщенные ему Вашимъ Императорскимъ Высочествомъ проекты“ и т. д.

Новостей, заслуживающихъ вниманія, у насъ теперь рѣшительно нѣтъ никакихъ. Князь Орловъ сегодня уѣхалъ за границу съ тѣмъ, чтобы возвратиться къ 1-му Іюля. Отсутствіе его не прерываетъ движенія дѣлъ по нашимъ комитетамъ. Пишите по прежнему на его имя, такъ какъ оффиціальнаго увѣдомленія объ его отъѣздѣ вы не получили и не получите.

На дняхъ Государь интересовался свѣдѣніями о положеніи крестьянскаго вопроса въ Ставропольской губерніи и за Кавказомъ. Я смѣлъ бы совѣтовать вашему сіятельству написать оффиціальную къ намъ бумагу, гдѣ высказать ваши мысли и предположенія по сему дѣлу вообще, единственно для успокоенія Государя. Мнѣ кажется, что въ Грузіи этого вопроса теперь не надо и трогать: напишите такъ Его Величеству чрезъ Кавказскій Комитетъ, и онъ вѣрно во всемъ согласится съ вашею мыслью.

Сегодняшняя почта везетъ вамъ многое. Не сердитесь за множество бумагъ: все сдѣлано, какъ вы желали.

11.

С.-Петербургъ, 15 Ноября 1858 года.

Получивъ милое и любезное письмо вашего сіятельства отъ 23 Октября, я по важности его содержанія не могъ дать вамъ никакого отвѣта прямо отъ себя, а потому и рѣшился совершенно частнымъ образомъ представить это письмо Государю. Его Величество изволилъ написать на немъ собственноручно: „На учрежденіе Тифлисскаго военнаго генералъ-губернаторства я рѣшительно не согласенъ, ибо не вижу въ томъ ни пользы, ни необходимости. На назначеніе г. м. Капгера въ сенаторы я также несогласенъ, ибо сенаторовъ у насъ и безъ него слишкомъ много“.

Теперь объясню вашему сіятельству обстоятельства, которыя, по моему мнѣнію, были причиною отказа Государя Императора по обоимъ предметамъ.

Военные генералъ-губернаторы существуютъ въ однихъ только царскихъ столицахъ: С.-Петербургѣ, Москвѣ и Варшавѣ. Въ послѣдней изъ нихъ около 200 тыс. жителей, въ прочихъ больше. Въ Петербургѣ и Москвѣ прежде были главнокомандующіе, переименованные въ военные генералъ-губернаторы *); они пользуются особыми правами, которыя никому изъ генералъ-губернаторовъ не присвоены и которыя ставятъ ихъ въ положеніе, независимое почти отъ министровъ. Они во многихъ случаяхъ прямо докладываютъ или представляютъ Государю. Они вовсе не подчинены министрамъ.

Варшавскій военный генералъ-губернаторъ въ другомъ положеніи. Званіе это учреждено покойнымъ Государемъ съ тою именно цѣлью, чтобы имѣть въ Польской его столицѣ тѣже учрежденія, какія имѣются и въ Русскихъ. Это лицо подчинено намѣстнику царства и есть предсѣдатель (въ отсутствіи намѣстника) совѣта управленія и помощникъ намѣстника по гражданскому управленію. Такое положеніе генералъ-губернатора возбуждаетъ много неудобствъ, которыя и были причиною, что князь Горчаковъ, занимавшій прежде это мѣсто, постоянно возставалъ и теперь возстаетъ противу него. И дѣйствительно, положеніе Варшавскаго военнаго генералъ-губернатора очень странно. Между намѣстникомъ и губернскимъ управленіемъ въ царствѣ существуютъ правительственныя коммиссіи. Военный генералъ-губернаторъ по городу Варшавѣ входитъ съ своими представленіями въ коммиссіи, которыхъ онъ, въ качествѣ предсѣдателя совѣта и лица заступающаго мѣсто намѣстника—есть начальникъ.

Кромѣ неудобствъ въ учрежденіи Варшавскаго генералъ-губернаторства, опытъ доказалъ, что званіе С.-Петербургскаго военнаго генералъ-губернатора въ столицѣ, гдѣ живутъ министры, совершенно излишнее, и теперь много идетъ толковъ, рѣчей и предположеній объ уничтоженіи этого мѣста. Затѣмъ останется военный генералъ-губернаторъ въ Москвѣ, гдѣ онъ пользуется особымъ значеніемъ и особою независимостью и гдѣ онъ точно необходимъ и полезенъ.

Тифлисъ вовсе не царская столица. Въ немъ всего до 40.000 жителей; слѣдовательно, ни по значенію, ни по населенію своему онъ не можетъ быть управляемъ какъ столицы, гдѣ 500.000, 300.000 и 200.000 жителей. Кромѣ того, назначеніе князя Орбельяни Тифлисскимъ военнымъ генералъ-губернаторомъ будетъ имѣть всѣ тѣ неудобства, кои имѣются теперь относительно Варшавскаго военнаго губернатора. Представленія его по городу Тифлису, по полиціи, хозяйству и т. п. будутъ поступать въ главное ваше управленіе и въ совѣтъ, гдѣ онъ же предсѣдательствуетъ. Въ какомъ положеніи будутъ находиться докладчики и члены совѣта въ отношеніи его представленій? Онъ будетъ и представлять, и самъ обсуждать свои представленія, и даже самъ разрѣшать ихъ, въ случаѣ отсутствія намѣстника.

Но при этомъ нельзя однакоже не принять во вниманіе всего того, что̀ ваше сіятельство изволите говорить въ вашемъ письмѣ на счетъ теперешняго управленія города Тифлиса. Дѣйствительно, губернское началь-

* Полное Собр. Зак. 1816, Окт. 30, № 26.496.

ство Тифлисской губерніи не можетъ заниматься городомъ такъ, какъ бы слѣдовало; но, по моему мнѣнію, помочь этому очень нетрудно. Надо устроить управленіе городомъ Тифлисомъ такъ, какъ устроено управленіе городомъ Одессою. Сей послѣдній городъ состоитъ въ составѣ Херсонской губерніи, но управленіе его вовсе не подчинено губернскому начальству, а ввѣрено особому градоначальнику, который если бываетъ изъ военныхъ, то именуется военнымъ губернаторомъ города Одессы. По этому примѣру мнѣ кажется можно было бы: 1) управленіе городомъ Тифлисомъ отдѣлить отъ управленія Тифлисскою губерніею; 2) въ городъ Тифлисъ назначить особаго военнаго губернатора сего города, подчинивъ ему городскую полицію, городское общественное управленіе, комендантское управленіе и вообще всѣ части, относящіяся исключительно до города; 3) дѣйствовать ему на правахъ градоначальниковъ и военныхъ губернаторовъ вообще; 4) имѣть при немъ небольшую канцелярію; 5) поставить его къ вашему главному управленію въ тѣже отношенія, какъ и прочіе губернаторы и 6) затѣмъ въ Тифлисской губерніи имѣть гражданскаго губернатора, Тифлисскому же гражданскому губернатору и губернскому правленію никакихъ отношеній къ городу Тифлису не имѣть.

При этомъ устройствѣ г. Капгеръ можетъ быть оставленъ Тифлисскимъ гражданскимъ губернаторомъ; но какой бы ходъ ему ни дали, весьма сомнительно, чтобы онъ при теперешнемъ положеніи дѣлъ могъ когда-нибудь быть назначенъ сенаторомъ. Теперь только и думаютъ о томъ, чтобы возвысить это званіе, вообще уменьшить число сенаторовъ, назначать въ Сенатъ лицъ или служившихъ преимущественно по судебной части, или знакомыхъ съ нею. Кромѣ того, сенаторы назначаются по мѣрѣ ихъ выбытія и по кандидатскому списку, гдѣ теперь считается до 29 кандидатовъ, имѣющихъ и по старшинству службы, и по чинамъ болѣе правъ на это званіе, чѣмъ Капгеръ.

Простите, ваше сіятельство, такое откровенное изложеніе моего мнѣнія по обоимъ вопросамъ, о коихъ вы мнѣ писали. Я счелъ бы себя недостойнымъ вашего довѣрія и вашего добраго расположенія, еслибы не отвѣчалъ вамъ съ полною искренностью и правдою *).

Теперь есть еще одно обстоятельство, о которомъ хотѣлось бы мнѣ сказать вамъ нѣсколько словъ. Вы, сообщая мнѣ о распоряженіяхъ, сдѣланныхъ вами для составленія правилъ о личныхъ правахъ Мингрельскихъ князей и дворянъ, между прочимъ изволили сказать, что сообщаете о семъ для того, чтобы устранить на это дѣло всякое противудѣйствующее вліяніе княгини Дадіанъ. Считаю долгомъ объяснить вашему сіятельству, что княгиня Дадіанъ играетъ здѣсь въ С.-Петербургѣ роль самую незначительную. Она приглашается ко двору и въ званые дни; съ нею скажутъ два-три слова, не болѣе, всегда почти о ея дѣтяхъ и никогда о дѣлахъ. Дѣтей

*) И тѣмъ не менѣе генералъ-губернаторы въ Тифлисѣ утвердили и ген. Капгера сенаторомъ назначили, да еще съ содержаніемъ гораздо большимъ, чѣмъ получали другіе сенаторы... А. З.

ея ласкаютъ и ими любуются, какъ игрушками, не болѣе. Не имѣя при дворѣ ни вліянія, ни значенія, она рѣшительно не видитъ ни одного изъ членовъ Кавказскаго Комитета, но и у нея не бываютъ вовсе, кромѣ князя Горчакова; но и тотъ посѣщаетъ ее очень рѣдко. Можно думать, что она имѣла бы вліяніе на дѣла чрезъ канцелярію, но изъ состава канцеляріи я не былъ у нея съ 18 Іюня, слѣдовательно почти 5 мѣсяцевъ, и вѣроятно не буду скоро, не ѣздя вовсе въ этотъ міръ; помощникъ же мой Гулькевичъ и всѣ прочіе чиновники ненавидятъ княгиню. Послѣ этого ваше сіятельство можете быть увѣрены, что княгиня Дадіанъ ни на какія Мингрельскія дѣла здѣсь не имѣетъ и не будетъ имѣть никакого вліянія.

12.

С.-Петербургъ, 24 Сентября 1859 г.

Приношу вашему сіятельству искреннее поздравленіе съ великими подвигами, вами совершенными. Не поздравляю васъ съ царскими за нихъ милостями; все, все что́ вы сдѣлали для Россіи, превышаетъ мѣру всѣхъ возможныхъ наградъ. Намъ Русскимъ надо гордиться, что между нами въ настоящую эпоху есть лицо, подобное вамъ, князь, умѣвшее глубокими соображеніями, по плану, тщательно обдуманному, совершить въ теченіе трехъ лѣтъ то, что́ думали сдѣлать и не сдѣлали въ продолженіе почти полстолѣтія. Вамъ, князь, и слава и честь. Слава и честь Государю, васъ выбравшему. Безъ лести и съ полною искренностью скажу вамъ, что, при теперешнемъ положеніи дѣлъ, ваше сіятельство едва ли не единственное лицо въ цѣлой Россіи, которое вполнѣ соотвѣтствуетъ своему высокому назначенію и доказало на дѣлѣ свою глубокую предусмотрительность, свой великій умъ и свои отличныя, государственныя и военныя способности. Право, князь, хвалить васъ невозможно: предъ вами можно только поклоняться и благоговѣть. Пошли вамъ Богъ, Богъ Русскій, любящій Россію, силу и здоровье совершить весь вашъ планъ вполнѣ, какъ вы предполагали въ разговорахъ со мною нынѣшнимъ лѣтомъ. Впрочемъ, зная васъ лучше всѣхъ другихъ, я никогда не сомнѣвался ни въ томъ, что́ вы сдѣлали уже, ни въ томъ, что́ вы сдѣлаете еще. Вы не повѣрите, какъ велико благоговѣніе къ вамъ теперь въ Россіи и какъ велика слава ваша.

Я не писалъ вашему сіятельству до сихъ поръ, потому что зналъ о вызовѣ васъ въ Николаевъ и опасался, что письмо мое долго будетъ искать васъ. Надѣюсь, что, зная меня, зная мою глубокую преданность и вамъ лично, и вашему дѣлу, дѣлу Кавказа, ваше сіятельство нисколько не усомнились о глубокой радости моей при полученіи отъ васъ извѣстій.

Здѣсь въ настоящее время нѣтъ никакихъ любопытныхъ для васъ новостей. Все, что́ готовится въ будущемъ, ваше сіятельство вѣроятно слышали отъ Государя въ Николаевѣ. Жаль только, что у Государя одинъ только князь Барятинскій и что подобныхъ вамъ нѣтъ при другихъ государственныхъ обязанностяхъ. Впрочемъ, какъ вспомнишь о вашей личности, о вашихъ высокихъ качествахъ, о вашихъ великихъ подвигахъ, то

право становится странно, смѣшно, а чаще всего грустно, сравнивать съ вами всѣ эти бездарныя личности, призванныя къ участію въ государственныхъ дѣлахъ. Жаль, право жаль, что вы одни и что вамъ подобныхъ нѣтъ на государственномъ поприщѣ въ настоящее время, когда рѣшается или, лучше сказать, затронуто такъ много вопросовъ будущей государственной жизни Россіи.

Впрочемъ людей не передѣлаешь: умолчимъ о нихъ.

По открытіи засѣданій Государственнаго Совѣта я спѣшилъ кончить одно дѣло: о вашемъ маіоратѣ. Не взирая на разныя препятствія и возраженія, оно кончено Государственнымъ Совѣтомъ слово въ слово такъ, какъ вы хотѣли и желали. Указъ подпишется Государемъ тотчасъ по возвращеніи его въ Петербургъ, и тогда я тотчасъ представлю его вашему сіятельству.

Было у насъ также засѣданіе Кавказскаго Комитета. Все, что̀ отъ васъ до настоящаго времени поступило, все, рѣшено какъ вы желали. Велѣно отпустить вамъ теперь же 60 т. рубл. сер. добавочныхъ до 200 т. экстраординарной суммы, и предоставлено министру финансовъ сообразить о снесеніи этой добавки въ смѣту на будущее время. Впрочемъ всѣ подробности положеній Комитета будутъ вамъ сообщены по утвержденіи журнала Государемъ, что̀ также послѣдуетъ по его сюда возвращеніи.

Не утомляю терпѣніе ваше моимъ длиннымъ письмомъ, оканчивая его просьбою: не лишать меня по прежнему вашей дружбы и вѣрить чувствамъ глубокой, искренней, безпредѣльной преданности.

13.

25 Октября 1859 г.

Собственноручное письмо вашего сіятельства отъ 12 Октября меня обрадовало чрезвычайно, именно потому что оно писано самими вами. Насъ такъ напугали вашею болѣзнью и разными о ней разсказами, что мнѣ дѣйствительно было успокоительно видѣть и знать изъ письма вашего, что болѣзненное положеніе ваше сдѣлалось лучше и что ваши страданія, если не прекратились, то улучшились. Ваша жизнь въ настоящую минуту такъ нужна и такъ дорога Россіи, что мы всѣ, любящіе наше отечество, должны молить Бога объ одномъ: о сохраненіи васъ для Россіи. Вы покорили Кавказъ, но вѣдь вамъ же надо его и устроить.

Я зналъ о приглашеніи, сдѣланномъ вашему сіятельству Государемъ, но сомнѣвался прежде и сомнѣваюсь теперь, можно ли вамъ будетъ по состоянію вашего здоровья прибыть въ Петербургъ зимою. Дурныя дороги и наша сѣверная зима разстроятъ ваше здоровье. Пріѣздъ вашъ сюда будетъ новою жертвою, которую вы въ вашемъ усердіи сдѣлаете для пользы ввѣреннаго вамъ дѣла. Дай Богъ только, чтобы всѣ это поняли и оцѣпили какъ слѣдуетъ.

Я радъ пріѣзду вашему не только потому, что увижу васъ, котораго глубоко уважаю и люблю, но и потому еще, что многіе вопросы для устрой-

ства и пользы Кавказскаго края вы успѣете рѣшить и кончить при себѣ, что̀ особенно важно для будущаго. Когда основанія утверждены или рѣшены Государемъ, тогда гораздо удобнѣе и легче разсматривать и утверждать подробности основательныя на указанныхъ началахъ. Тогда не помѣшаютъ дѣлу ни зависть, ни злоба, ни личности, безъ которыхъ у насъ, къ сожалѣнію, не проходитъ ни одного почти дѣла.

Въ настоящее время мы очень бѣдны хорошими новостями. Новости касающіяся Кавказа сообщены вашему сіятельству въ огромномъ множествѣ высочайшихъ разрѣшеній и положеній Кавказскаго Комитета. Другаго рода новости заключаются въ постоянной, сильной и упорной борьбѣ по крестьянскому дѣлу между дворянскими депутатами, прибывшими сюда изъ губерній и генераломъ Ростовцовымъ и членами его Редакціонныхъ Коммиссій. Надо сказать правду, что трудъ Ростовцова огромный и во многихъ отношеніяхъ прекрасный, но онъ тронулъ не только сословные интересы, но интересы и помѣщичьяго кармана. Надо сказать также правду, что дворянскіе депутаты позволяютъ себѣ много дѣйствій рѣзкихъ и не всегда приличныхъ. Есть нѣкоторые изъ нихъ, въ томъ числѣ и вашъ графъ Орловъ-Давыдовъ, дѣйствія коихъ, право, выходятъ изъ должныхъ предѣловъ. Все это очень жаль, потому что пристрастными дѣйствіями, или лучше сказать сильными и не всегда умѣстными рѣчами дворянская партія вредитъ собственному своему дѣлу и вредитъ въ глазахъ Государя. Ростовцовъ заболѣлъ желчною горячкою и заболѣлъ опасно, но теперь ему лучше. Нѣкоторые изъ дворянъ за свои рѣчи и неумѣстныя дѣйствія вѣроятно пострадаютъ, и по дѣломъ. Жаль только что, что̀ бы ни случилось и ни сдѣлалось по крестьянскому дѣлу, негодованіе партій и либеральной, и дворянской падаетъ отчасти и на меня; потому что я, не принадлежа къ крайностямъ и той и другой, препятствую этимъ крайностямъ, какъ могу, въ гласномъ крестьянскомъ комитетѣ. Поэтому ваше сіятельство приготовьтесь, пріѣхавши въ Петербургъ, слышать на мой счетъ еще болѣе нарѣканій, брани и клеветы, чѣмъ прошлый разъ. Право, не знаю, чѣмъ кончится весь этотъ хаосъ; но молю Бога, чтобы онъ кончился поскорѣе, хотя рѣшительно не надѣюсь, чтобы ранѣе половины или конца 1860 года можно было привести крестьянское дѣло къ концу.

Б. Письма генералъ-адъютанта Коцебу.

1.

С.-Петербургъ, 1 Января 1858 года.

Производя инспекторскій смотръ войскамъ первой арміи и доѣхавъ такимъ образомъ до Петербурга, я узналъ здѣсь о прекращеніи существованія Кавказскаго корпуса, занявшаго мѣсто, давно принадлежащее ему по всей справедливости *). Званіе, которое вы носите теперь, не прибав-

*) Вмѣсто „корпусъ“ повелѣно было тогда называть „Кавказская армія“; да и странно было войска, доведенныя до 250 т. состава, называть корпусомъ. А. З.

ляетъ ничего ни къ вашей власти, ни къ вашему достоинству; но оно служитъ еще новымъ доказательствомъ милостиваго и высокаго благорасположенія Его Величества и справедливости, которую онъ отдаетъ вашимъ заслугамъ. Именно въ этомъ смыслѣ я тороплюсь принести вашему сіятельству искреннія поздравленія, присоединяя къ нимъ лучшія пожеланія по случаю наступающаго новаго года.

Военный министръ сообщилъ мнѣ проектъ, представленный генераломъ Милютинымъ о сплошной колонизаціи Кавказа, прося меня сообщить мое мнѣніе письменно. Только что отправивъ его, тороплюсь въ тоже время представить копію вамъ. Если мнѣніе мое и не сойдется во всѣхъ пунктахъ съ вашимъ, князь, не будьте на меня въ претензіи. Впрочемъ высокое уваженіе, которое я питаю къ вашему характеру, не допускаетъ даже возможности досады и минутнаго неудовольствія съ вашей стороны.

2.

Варшава, 1-го Августа 1858 г.

Чтобы хоть сколько нибудь объяснить сомнѣнія, выраженныя мною Крузенштерну и Шаховскому на счетъ нашихъ отношеній, я долженъ прежде всего привлечь ваше вниманіе на чувства симпатіи, которыя вы всегда внушали мнѣ. Я былъ, въ виду этого, поистинѣ огорченъ мыслью, что расположеніе ваше, которое я считалъ заслуженнымъ мною, могло быть подвергнуто неблагопріятному колебанію. Подъ впечатлѣніемъ этого огорченія я говорилъ съ Шаховскимъ. Я былъ неправъ, тысячу разъ неправъ, въ чемъ искренно прошу извинить меня. Посылаю вамъ, вслѣдъ за симъ, замѣтку о встрѣчахъ, сдѣланныхъ Великимъ Князьямъ въ Варшавѣ, сообщая предварительно извлеченіе изъ общаго устава по этому предмету *). Мнѣ кажется, что, принимая во вниманіе, что званія фельдцейхмейстера и генералъ-инспектора по инженерной части стоятъ на ряду со званіемъ главнокомандующаго, и что Ихъ Императорскія Высочества оба старше васъ въ чинѣ генерала, мнѣ кажется, говорю я, въ виду этого:

1-е. Вы должны встрѣтить Великихъ Князей около почетнаго караула (на флангѣ), а если онъ будетъ отклоненъ, то въ помѣщеніи приготовленномъ для Ихъ Высочествъ. 2-е. Ни въ какомъ случаѣ вы не должны представлять почетнаго рапорта, и 3-е, что, въ случаѣ смотра или развода, вы должны проходить церемоніальнымъ маршемъ во главѣ войска. Я не знаю, намѣрены ли вы сопутствовать Великимъ Князьямъ въ ихъ путешествіи; но если вы это сдѣлаете, я думаю вамъ не нужно становиться каждый день во флангѣ каждаго почетнаго караула; мнѣ кажется этого дѣлать не слѣдуетъ, потому что Великіе Князья пріѣзжаютъ не въ качествѣ инспекторовъ.

---

*) Въ 1858 году Великіе Князья Николай и Михаилъ Николаевичи предприняли путешествіе по Кавказу; къ встрѣчѣ ихъ дѣлались большія приготовленія, и между прочимъ князь Барятинскій просилъ П. Е. Коцебу сообщить, какія въ этомъ отношеніи существуютъ правила. По болѣзни, князь не могъ лично сопровождать Ихъ Высочества. А. З

Здѣсь разсказываютъ чудеса о приготовленіяхъ, которыя вы дѣлаете для встрѣчи Великихъ Князей; въ особенности много толкуютъ о колоссальныхъ размѣрахъ охоты.

Въ качествѣ усерднаго читателя вашихъ приказовъ, я съ удовольствіемъ нашелъ въ нихъ недавно благодарность Евдокимову за то, что онъ проникъ до Шубута, и приказъ объ уничтоженіи крѣпостей Ачхоя и Урусъ-Мартана. Признаюсь, что достигаемые вами результаты превосходятъ всѣ мои предвидѣнія.

3.

Варшава, 24 Сентября 1858 г.

Я счастливъ, что еще разъ могу принести мои поздравленія съ милостивымъ сюрпризомъ, который сдѣлалъ вамъ Его Величество, назначивъ васъ шефомъ Кабардинскаго полка. Этотъ доблестный полкъ вполнѣ заслуживаетъ такую честь и будетъ служить еще вдвое усерднѣе, чтобы оправдать честь носить ваше имя.

Государь только что покинулъ насъ. Въ теченіи осьми дней своего пребыванія въ Варшавѣ, Его Величество все время былъ доволенъ войсками и относился къ намъ благосклонно и милостиво. Я лично удостоился чести быть назначеннымъ шефомъ Замостьскаго полка, съ которымъ въ 1854 году совершилъ переправу черезъ Дунай. Въ иностранныхъ гостяхъ также не было у насъ недостатка. Были принцъ регентъ Прусскій, великій герцогъ Саксенъ-Веймарскій, принцъ Наполеонъ, герцогъ Карлъ Баварскій, Австрійская депутація, депутація отъ Сардиніи и разные офицеры Нидерландовъ, Греціи и т. д. И у насъ были охоты, изъ которыхъ одна, устроенная графомъ Потоцкимъ, была превосходна, поистинѣ барская. Но что̀ эти охоты въ сравненіи съ охотами, приготовленными вами въ Караязской степи для Великихъ Князей! Если вѣрить чудесамъ, о которыхъ намъ пишутъ изъ Тифлиса, ни одна страна въ мірѣ не можетъ представить ничего подобнаго въ своихъ лѣтописяхъ *).

Переходя отъ веселаго къ серьезному, я долженъ принести вамъ сердечныя соболѣзнованія о смерти Вревскаго. Это несчастное происшествіе меня глубоко опечалило, и я искренно сожалѣю васъ, потерявшаго въ немъ храбраго и умнаго помощника. Миръ праху его!

4.

Варшава, (27 Февраля) 11 Марта 1859 г.

Я пропустилъ нѣсколько мѣсяцевъ, не отвѣчая на ваше любезное письмо отъ 10 Ноября, чисто изъ опасенія слишкомъ надоѣсть вамъ своими малозначащими письмами. А между тѣмъ мнѣ хотѣлось выразить вамъ свою признательность за обѣщаніе возвратить Козрова **). Это благодѣя-

*) Дѣйствительно, охота была замѣчательная: по плану, заранѣе составленному, былъ разбитъ лагерь; изъ Тифлиса съѣхалось много дамъ, музыка, прикрытіе изъ войскъ, нѣсколько сотень самой блестящей туземной конницы и т. д. Мѣстность, кромѣ фазановъ, куропатокъ и другой дичи, изобилуетъ кабанами. А. З.

**) Вѣрно, сосланный въ Россію административнымъ порядкомъ Кавказскій уроженецъ. А. З.

ніе, сдѣланное ему, я принимаю какъ знакъ вашего расположенія ко мнѣ, которое я вполнѣ цѣню и доказательство котораго вижу еще разъ во вниманіи, оказанномъ вами моему бывшему адъютанту Крузенштерну. Онъ поспѣшилъ сообщить мнѣ о вашемъ любезномъ пріемѣ, которымъ вы пріобрѣли его преданность. Слухи о вашей болѣзни достигли уже Варшавы и встревожили меня; тѣмъ болѣе порадовало меня письмо ваше, сообщающее мнѣ, что вы совсѣмъ поправились. Должно быть, вы схватили лихорадку въ болотахъ Мингреліи, выѣхавъ на встрѣчу Великихъ Князей.

Не смотря на важность дѣла, которымъ вы поглощены по вашей огромной администраціи, вниманіе ваше было привлечено, безъ сомнѣнія, и событіями Запада. Быть можетъ, думали вы вмѣстѣ со всей Европой, что Франція вооружается, что война если не неизбѣжна, то возможна. И что же? Moniteur Universel отъ 5 Марта сообщаетъ намъ противное, обвиняя въ недоброжелательствѣ и тупости все цивилизованное населеніе Европы. Статья произвела громадное впечатлѣніе. Истолковывая ее различно, одни смотрятъ на нее, какъ на отступленіе Французскаго правительства, другіе, какъ на вѣрную оцѣнку политики императора Наполеона. Вообще, однако, она оживила надежды сторонниковъ мира, хотя осторожные люди не очень вѣрятъ въ миръ. Ничто не обнаруживаетъ предположенія нашего правительства во всѣхъ этихъ обстоятельствахъ: первая армія не дѣлаетъ никакихъ приготовленій, ея главнокомандующій все еще въ Петербургѣ.

В. ПЕРЕПИСКА КНЯЗЯ БАРЯТИНСКАГО СЪ ВОЕННЫМЪ МИНИСТРОМЪ Н. О. СУХОЗАНЕТОМЪ.

Князь Барятинскій Сухозанету.

Благодарю васъ отъ глубины сердца моего за то теплое участіе, съ которымъ вы поддерживаете представленія мои ходатайствомъ вашимъ передъ Государемъ Императоромъ. Сочувствіе это тѣмъ болѣе меня радуетъ, что доказываетъ убѣжденіе ваше въ пользѣ теперешнихъ военныхъ дѣйствій на Кавказѣ. Позвольте же мнѣ, съ свойственною намъ обоимъ откровенностью и въ исполненіе взаимнаго нашего обѣщанія, просить вашего разъясненія по поводу одного выраженія, весьма смущающаго меня въ вашемъ письмѣ отъ 14-го Декабря, гдѣ вы говорите: „Дай Богъ, чтобы съ симъ новымъ усиленіемъ осуществились надежды ваши — кончить дѣло Кавказа чрезъ два года“. Вамъ должно быть извѣстно, что я, испрашивая у Государя Императора подкрѣпленій, не представлялъ Его Величеству ни числа войскъ, ни срока къ покоренію Кавказа. Я просилъ Государя самому рѣшить, нужно ли мнѣ подкрѣпленіе, дабы не потерять пріобрѣтеннаго нами въ теченіе этихъ двухъ лѣтъ и дать намъ возможность временнымъ усиленіемъ достигнуть новыхъ успѣховъ, чтобы идти къ скорѣйшей развязкѣ начатаго дѣла — покоренію края между Каспійскимъ моремъ и Военно-грузинскою дорогою. На эту мою всеподданнѣйшую просьбу и воспослѣдовало великое рѣшеніе нашего Государя — усилить

ввѣренную мнѣ армію войсками до осени 1861 года. Вѣроятно изволили вы полагать, что со срокомъ этимъ, назначеннымъ самимъ Государемъ, связано какое-либо обѣщаніе съ моей стороны покончить всѣ дѣла Кавказа чрезъ два года, какъ это вы говорите. Прошу ваше высокопревосходительство избавить меня въ мысляхъ вашихъ отъ подобнаго обязательства, котораго я никогда не принималъ и не приму на себя; я могу только обѣщать, что употреблю всѣ усилія и способности, чтобы подвинуть до 1861-го года военный успѣхъ нашего дѣла на Кавказѣ до той степени, до которой это только будетъ возможно, предоставляя тогда на ваше обсужденіе—оцѣнить мѣру этого труда и успѣха *).

Что касается до войскъ, то они конечно заслуживаютъ, чтобы обращено было на ихъ нужды особое вниманіе, и всякая новая милость, которую угодно было бы Государю Императору оказать для улучшенія ихъ быта и довольствія, была бы вполнѣ справедливою.

Высочайше утвержденное рѣшеніе Военнаго Совѣта о зачетѣ $4^1/_2$ милліоновъ рубл. изъ наличныхъ суммъ интендантства въ счетъ ассигнованій на 1859 г. есть мѣра, на которую я отнюдь не могу жаловаться; ибо и самъ не желалъ оставлять столь большія суммы мертвымъ капиталомъ. Но, сколько могу судить по представленнымъ мнѣ свѣдѣніямъ, я полагаю, что такое значительное уменьшеніе наличнаго капитала вынудитъ интендантство, для оборотовъ своихъ, требовать ежегодно высылки большихъ суммъ авансомъ въ счетъ смѣты слѣдующаго года, такъ что въ сущности потребность въ ассигнованіи суммъ на текущій годъ уменьшится не на $4^1/_2$ милліона, какъ предположено, а едва ли на три милліона. При томъ мнѣ было бы весьма прискорбно, еслибы оказалось необходимымъ вынуть изъ кредитныхъ установленій тѣ $1^1/_2$ милліона, которые вложены съ высочайшаго соизволенія, съ цѣлью выдавать изъ процентовъ пособія нуждающимся офицерамъ и семействамъ ихъ. Назначеніе этихъ пособій съ нынѣшняго года было уже объявлено всей арміи, какъ новая монаршая милость, и я буду поставленъ въ немалое затрудненіе объявить объ отмѣнѣ этого благодѣтельнаго распоряженія. Наконецъ, я долженъ отказаться отъ надежды употреблять означенные наличные остатки на полезныя для края предпріятія, на что было мною испрошено предварительное соизволеніе Государя Императора.

Коммиссію для приведенія въ извѣстность капиталовъ интендантства я назначу и надѣюсь, что высочайшая воля будетъ въ точности исполнена къ опредѣленному сроку; но считаю долгомъ предувѣдомить, что отъ этой коммиссіи можно ожидать только приблизительнаго разъясненія показанныхъ по балансовому отчету большихъ остатковъ, т. е. указанія, по какимъ причинамъ и по какимъ параграфамъ смѣтъ эти остатки образовались. Точное же исчисленіе не иначе возможно, какъ по окончаніи ге-

---

*) Далѣе слѣдуетъ, что уже напечатано выше, на стр. 456 и 457-й текста о генералѣ Евдокимовѣ.

неральныхъ отчетовъ, которые составляются постепенно годъ годомъ. Впрочемъ я буду подробно отвѣчать вамъ на оффиціальные отзывы ваши по этому предмету и надѣюсь, что вы не откажете ближе вникнуть въ положеніе контрольной части Кавказскаго интендантства, о чемъ я писалъ уже вамъ неоднократно. За прежнее время работа по этой части ускоряется по возможности; ибо составленіе генеральныхъ отчетовъ запоздавшее прежде на цѣлыя 10-ть лѣтъ, нынѣ уже отстало только на 5-ть лѣтъ, а въ будущемъ году обѣщаютъ представить отчетъ по 1856-й годъ. Но тѣмъ не менѣе на будущее время надобно желать скорѣйшаго введенія установленнаго общимъ положеніемъ наблюдательнаго счетоводства и современнаго контроля, что́ возможно только при предположенномъ переобразованіи интендантства. Прежде того никакія временныя мѣры не могутъ поправить хода дѣлъ, запущенныхъ не теперь, а съ давнихъ поръ, вслѣдствіе несовершенства въ самой организаціи интендантства и недостаточности его средствъ, о чемъ переписка уже продолжается болѣе 50-ти лѣтъ.

Наконецъ, по вопросу вашему о переобразованіи коммиссаріатской части долженъ сказать, что дѣло это нѣсколько пріостановилось, именно потому, что оно связано съ преобразованіемъ интендантства, а по этому предмету я имѣю въ виду нѣкоторыя совершенно новыя мысли, и слѣдовательно требующія еще тщательнаго обсужденія, прежде чѣмъ принять ихъ въ основаніе составляемаго проекта. Мысли эти объ устройствѣ вообще продовольственной части въ арміи, по важности предмета, я полагаю сообщить вамъ въ свое время особо.

4 Января 1859 г. Тифлисъ.

Сухозанетъ князю Варятинскому.

Содержаніе письма вашего, отъ 4-го Января, я имѣлъ счастіе доводить до свѣдѣнія Его Величества.

Подъ выраженіемъ моимъ „дай Богъ, чтобы съ симъ новымъ усиленіемъ“... я никакъ не разумѣлъ, чтобы вы чрезъ два года успѣли бы обратить Кавказъ въ мирную и покорную провинцію Имперіи, *вполнѣ понимая невозможность такого осуществленія въ самой отдаленной будущности.* Мысль моя заключалась въ томъ, что, успѣхами военными и въ особенности административными, вы найдете чрезъ два года возможность ограничиться тѣми средствами денежными и личнаго состава войскъ, кои для сего требовались въ недавнее еще время. Противъ сей статьи письма вашего Государю Императору благоугодно было повелѣть сообщить вамъ слѣдующія Его Величества слова: „Но во всякомъ случаѣ, если до того не будетъ Азіятской войны, 18-я дивизія и резервная Кавказская дивизія должны быть возвращены на свои постоянныя квартиры“.

На счетъ $1^1/_2$ милл., положенныхъ въ кредитныя установленія изъ интендантскихъ суммъ, потребована Его Величествомъ подробная справка,

съ коей копію съ послѣдовавшею на справкѣ высочайшею резолюціею, при семъ препроводить честь имѣю.

Относительно коммиссіи долженствующей разобрать и повѣрить счеты прежнихъ временъ, весьма понятно, что подробныхъ окончательныхъ, на документахъ основанныхъ, по годамъ, генеральныхъ отчетовъ къ 1 Іюля сдѣлать невозможно; но хотя приблизительно, извѣстны уже будутъ въ общихъ валовыхъ цифрахъ запасы вашего интендантства для предстоящаго 1860 года.

Войска вамъ посылаемыя, 16 батал. Кавказской резервной дивизіи, находятся въ полномъ ходу формированія; надѣюсь, что вы будете ими довольны. Призывъ людей для пополненія вашей арміи до полнаго комплекта и для формированія 4-хъ батальоновъ 18-й пѣхотной дивизіи, сдѣланъ съ такимъ во времени разсчетомъ, дабы все слѣдуемое къ Лѣвому крылу могло быть съ большимъ удобствомъ, сбереженіемъ людей, времени и издержекъ, спущено Волгою до Астрахани и далѣе чрезъ Каспій. Недостатокъ морскихъ нашихъ средствъ сильно меня заботитъ; ежели вы имѣете возможность оказать въ семъ случаѣ съ вашей стороны какое-либо содѣйствіе, то прошу мнѣ въ ономъ не отказать. Пополненіе укомплектованія Праваго крыла и прибрежныхъ пунктовъ Чернаго моря будетъ также сдѣлано одновременно. Словомъ, будьте совершенно покойны: я строго наблюдаю, чтобы всѣ войска въ постановленный срокъ были приводимы въ полное съ запасомъ комплектное положеніе, причемъ вамъ не встрѣтится никакой необходимости уменьшать положенные кадры возвращаемой 13 пѣхотной дивизіи, о чемъ повторяю мою покорнѣйшую просьбу, дабы оные были въ полномъ составѣ и достоинствѣ, чтобы имѣть возможность по прибытіи на квартиры немедленно формироваться.

Предположенія ваши о преобразованіи коммиссаріатской части и объ устройствѣ продовольствія войскъ съ нетерпѣніемъ ожидаю, дабы, въ случаѣ утвержденія, оныя могли бы получить осуществленіе при заготовленіяхъ на будущій 1860 годъ. Заготовленіе продовольствія для вашей арміи, какъ Праваго, такъ и Лѣваго крыла исполнено, могу сказать прихотливо; почти весь отправляемый хлѣбъ овинный и отъ помѣщиковъ Тамбовской, Казанской, Симбирской и Самарской губерній.

Всепокорнѣйшая моя къ вамъ просьба: разжалованному въ рядовые сыну г.-лейт. Семякина доставить случай отличиться, произвесть въунтеръ-офицеры и вознаградить потерянную имъ по сіе время военную карьеру; если не для сына, то за заслуги его отца мы обязаны сіе исполнить.

20 Января 1859 г. С. П. Б.

Сухозанетъ князю Баратинскому.

Душевно поздравляю васъ съ блистательнымъ успѣхомъ покоренія Чечни, ознаменованнаго вниманіемъ Его Величества къ заслугамъ вашимъ и согласно предстательству вашему милостивыми наградами г.-л. Евдокимову за его подвигъ и двухлѣтнюю всегда распорядительную боевую его службу.

При семъ препровождаю вамъ оправданіе Инспекторскаго Департамента противъ упрека въ медленномъ якобы испрошеніи всемилостивѣйшихъ наградъ за отличіе лицамъ ввѣренной вамъ арміи; прилагаемыя двѣ таблицы убѣдятъ васъ, что главное замедленіе происходитъ отъ весьма поздняго отправленія представленій вашихъ объ отличіяхъ, весьма давно прошедшихъ.

Государь вамъ пишетъ о дѣлахъ Европы и положеніи, въ которое мы въ скоромъ времени вовлечены быть можемъ; нужны всѣ способы Россіи имѣть въ готовности на всемъ пространствѣ Южной и Западной границъ; существеннѣйшее изъ оныхъ, финансы, находятся въ самомъ затруднительномъ положеніи.

21 Апрѣля 1859 года. С. П. Б.

Сухозанетъ князю Барятинскому.

Душевно поздравляю васъ съ блистательнѣйшимъ покореніемъ края.

Благодарность и надежды Государя и Россіи выражены въ жалуемой вамъ грамотѣ на Андрея Первозваннаго.

Да поможетъ вамъ Господь, мирною и справедливою администраціею, увѣнчать дѣло. Съ моей стороны дозволяю себѣ сказать, что прочнаго основанія христіанства, согласно правиламъ онаго, можно достигнуть только терпѣніемъ и убѣжденіемъ. Выраженная вами однажды мысль переженить на мусульманкахъ до 500 человѣкъ избранныхъ нижнихъ чиновъ, дабы симъ возстановить въ краѣ христіанство—обсуживая отсюда, казалась бы мнѣ опасною мѣрою, могущею возбудить новую къ намъ ненависть исламизма. Не будучи равнодушнымъ къ успѣху православія, я полагаю, что быстрыя, насильственныя мѣры къ осуществленію онаго положатъ основаніе къ такимъ затрудненіямъ, коихъ побѣдить не будетъ возможности.

Всѣ ваши желанія исполняются: медаль въ память покоренія края будетъ учреждена, но оффиціально я не могу успѣть теперь васъ извѣстить; войскамъ дѣйствовавшимъ въ Чечнѣ и Дагестанѣ пожаловано по 1 р., а Гунибскимъ по 2 р.; Георгіевскіе кресты полк. гр. Ностицу и подполк. Чермоеву тоже пожалованы. Впрочемъ Государь самъ пишетъ вамъ подробно.

Приглашеніе вамъ пріѣхать въ гор. Николаевъ къ 28 Сентября, для свиданія съ Его Величествомъ, отправлено по телеграфу и нынѣ вновь оффиціально посылается.

Выраженіе ваше, что вы удержите всѣ войска до исхода 1861 года Его Величествомъ подчеркнуто. Soyez donc esclave de votre parole; вами испрашивалось до 1861 года: это на цѣлый годъ уменьшаетъ срокъ. Когда вамъ было нужно, мною сдѣлано все возможное усиліе; облегчите же теперь мой бюджетъ. Министръ финансовъ рѣшительно отказывается удовлетворить оному; не только полезные, но и до крайности необходимые расходы по неволѣ придется отложить.

Затѣмъ благодарю васъ за выраженія письма вашего отъ 25-го Августа. Повторяя искреннѣйшее мое поздравленіе, надѣюсь, что теперь вы не замедлите и Правое крыло подвергнуть участи Дагестана.

11 Сентября 1859 года. Царское Село.

Князь Барятинскій Сухозанету.

Искренно благодарю ваше высокопревосходительство за выраженія письма вашего отъ 11-го Сентября по случаю всемилостивѣйшаго пожалованія мнѣ Св. Андрея и съ своей стороны поздравляю васъ съ тою же наградою.

Въ письмѣ этомъ вы касаетесь вопроса о возобновленіи на Кавказѣ христіанства. Признаюсь, я былъ крайне удивленъ употребленною вами фразою: „переженить на мусульманкахъ до 500 избранныхъ нижнихъ чиновъ“, въ особенности когда увидалъ, что мысль эту вы приписываете мнѣ. Доказывать несбыточность подобной идеи, противной правиламъ церкви и всякой возможности осуществленія, мнѣ кажется излишнее; а чтобы убѣдить васъ, что предложеніе это мнѣ даже непонятно и не могло быть мною никогда выражаемо ни на словахъ, ни на бумагѣ, достаточно указать на отзывъ къ вамъ отъ 4-го прошлаго Августа № 265, въ которомъ, испрашивая общую амнистію всѣмъ Русскимъ бѣглымъ, находившимся среди вновь покорившихся племенъ Кавказа, я высказалъ ясно взглядъ свой на возобновленіе христіанства. Онъ заключается въ томъ, чтобы изъ нашихъ плѣнныхъ и бѣглыхъ нижнихъ чиновъ, примѣрно до 500 чел. (а не изъ избранныхъ нижнихъ чиновъ Русскихъ) женатыхъ на мусульманкахъ, которые, оставаясь между горцами долгое время, освоились уже съ ихъ образомъ жизни и нравами, а потомъ, принявъ мусульманство, женились и прижили семейства, составить особыя поселенія въ тѣхъ мѣстахъ горъ, гдѣ еще сохранились какія-либо слѣды христіанства, въ надеждѣ, что люди эти, придя къ раскаянію, захотятъ вернуться въ лоно православной церкви и такимъ образомъ составятъ какъ бы первое зерно Русскаго христіанскаго населенія въ этомъ иноплеменномъ и мусульманскомъ краѣ.

Узнавъ изъ того же письма и вслѣдъ за тѣмъ и изъ отзыва вашего отъ 16 Сентября № 10815, о высочайшемъ соизволеніи на учрежденіе медали въ память покоренія Чечни и Дагестана, считаю долгомъ сообщить вашему высокопревосходительству, что если на медали этой помѣстить, какъ предполагается, только 1858 и 1859 годы, въ такомъ случаѣ она не будетъ выражать вполнѣ ту эпоху, память которой учреждается. Начальныя дѣйствія для покоренія какъ Чечни, такъ и Дагестана, какъ вамъ извѣстно, начаты и исполнены въ 1857 году. Годъ этотъ ознаменованъ былъ на Лѣвомъ крылѣ покореніемъ Ауха и окончаніемъ просѣкъ, открывшихъ намъ безпрепятственный доступъ до самой Ичкеріи, а въ Прикаспійскомъ краѣ занятіемъ Салатавіи и построеніемъ укрѣпленія Буртунай, которое при послѣдующихъ нашихъ дѣйствіяхъ, въ особенности лѣтомъ нынѣшняго

года, играло такую же важную роль, какъ и Веденъ на Лѣвомъ крылѣ. Не имѣя въ Буртунаѣ опорнаго пункта и вмѣстѣ съ тѣмъ склада провіанта для дѣйствующихъ войскъ, едвали бы удалось намъ совершить славную переправу при Сагрытло, чрезъ Андійское Койсу, и окончить менѣе чѣмъ въ два мѣсяца покореніе Восточнаго Кавказа. Всѣ эти обстоятельства вынуждаютъ меня покорнѣйше просить ваше высокопревосходительство исходатайствовать высочайшее Его Величества соизволеніе, чтобы на медали, учреждаемой въ память покоренія Чечни и Дагестана, вмѣстѣ съ 1858 и 1859 годами, изображенъ былъ также и 1857 годъ.

Обращаясь затѣмъ къ окончанію вашего письма, касающемуся срока оставленія на Кавказѣ 18-й пѣхотной и Кавказской резервной дивизій, я не могу скрыть отъ васъ, какъ я былъ пораженъ, прочитавъ совѣтъ вашъ: „soyez donc esclave de votre parole". Мнѣ кажется, напоминать подобное правило нѣтъ надобности ни мнѣ, ни вамъ. Мы оба одинаково его держимся; но меня въ особенности удивляетъ, какимъ образомъ вы рѣшились говорить такъ положительно, не сдѣлавъ предварительно повѣрки вашей памяти съ ходомъ дѣла. Если вы потрудитесь прочитать прилагаемый при семъ въ копіи отзывъ ко мнѣ отъ 25 Октября 1858 г. № 9231, вами самими подписанный, то вы легко убѣдитесь, что употребленное вами выраженіе: „удержать на Кавказѣ всѣ войска до исхода 1861 года" для васъ не составляетъ вовсе ничего новаго. Въ отзывѣ этомъ вы сами же сообщили мнѣ, что Государь Императоръ, по всеподданнѣйшему докладу содержанія отзыва моего отъ 23 Сентября № 1344, высочайше повелѣть соизволилъ: „18-ю пѣхотную дивизію съ ея стрѣлковыми баталіонами и 16-ть баталіоновъ Кавказской резервной дивизіи оставить въ вашемъ распоряженіи до осени 1861 года, т. е. до Сентября мѣсяца, но съ рѣшительнымъ условіемъ не далѣе сего срока"... Надѣюсь, что послѣ этого ваше высокопревосходительство сами сознаете, что совѣтъ вашъ быть рабомъ своихъ словъ былъ для меня совершенно лишній и что вы не упустите времени исправить ошибку вашей памяти.

9 Октября 1859 г. Тифлисъ.

Г. Письма генералъ-лейтенанта Милютина къ генералъ-адъютанту барону Врангелю.

1.

Отъ 16-го Мая 1859 года за № 102.

Г. главнокомандующій, отъѣзжая изъ Тифлиса, поручилъ мнѣ сообщить вашему превосходительству, въ отвѣтъ на письмо ваше отъ 2-го сего Мая, соображенія его сіятельства какъ по предмету занятія Ули-Калы, такъ и вообще предстоящихъ лѣтнихъ дѣйствій въ Дагестанѣ.

Князь Александръ Ивановичъ выразилъ желаніе овладѣть Ули-Калою единственно въ той надеждѣ, что успѣхъ этотъ можетъ быть достигнутъ какимъ либо случайнымъ средствомъ или внезапнымъ нападеніемъ; но если нельзя исполнить это предположеніе иначе какъ открытою атакою, сосре-

доточивъ для сего большой отрядъ, то г. главнокомандующій считаетъ означенную цѣль недостаточно важною, чтобы для подобнаго результата предпринять цѣлую экспедицію, подвергать войска случайностямъ приступа или же терять время на постепенную и, быть можетъ, продолжительную осаду, которая отвлекла бы всѣ подвижныя силы Прикаспійскаго края отъ другихъ, болѣе важныхъ цѣлей. Вашему пр—ву извѣстно, что г. главнокомандующій, слѣдуя неотступно и твердо принятому систематическому плану войны, предположилъ въ нынѣшнее лѣто главныя дѣйствія направить въ долину Андійскаго Койсу, и что цѣль этихъ дѣйствій заключается не въ нанесеніи только временнаго удара непріятелю, а въ окончательномъ и прочномъ утвержденіи нашемъ въ томъ краѣ, посредствомъ занятія въ ономъ важнѣйшихъ стратегическихъ пунктовъ, проложенія хорошихъ и благонадежныхъ путей сообщенія и открытія дальнѣйшихъ доступовъ для будущихъ нашихъ дѣйствій. Для полнаго достиженія этого важнаго результата, необходимо, даже и послѣ тѣхъ огромныхъ успѣховъ, которые одержаны вновь со стороны Лѣваго крыла, употребить въ долинѣ Андійскаго Койсу сколь можно бо́льшую массу силъ и средствъ, не развлекаясь другими, второстепенными предпріятіями. Силы эти потребуются не столько въ предвидѣніи упорнаго со стороны непріятеля сопротивленія, сколько по огромности предстоящихъ работъ и транспортировки, при краткости лѣтняго времени, удобнаго для дѣйствій въ томъ краѣ. Чѣмъ болѣе рукъ будетъ употреблено разомъ на работы, чѣмъ болѣе запасовъ будетъ свезено въ пункты вновь занятаго края, тѣмъ результатъ будетъ полнѣе и положительнѣе. Поэтому г. главнокомандующій признаётъ лучшимъ не отступать въ главныхъ основаніяхъ отъ предначертаннаго уже плана дѣйствій, съ которымъ были соображены всѣ приготовленія, производимыя какъ вашимъ п—мъ въ Прикаспійскомъ краѣ, такъ и ген.-л. гр. Евдокимовымъ со стороны Лѣваго крыла. Съ этимъ же планомъ согласованы и предположенія для предстоящихъ дѣйствій со стороны Лезгинской кордонной линіи.

Только въ частностяхъ самаго исполненія означеннаго плана дѣйствій необходимо нынѣ сдѣлать противу первоначальнаго предположенія нѣкоторое измѣненіе вслѣдствіе послѣднихъ успѣховъ нашихъ на Лѣвомъ крылѣ. Мы стали нынѣ въ этой части края въ такое положеніе, что пріобрѣли новое, обширное и выгодное основаніе для дѣйствій въ долину Андійскаго Койсу; лучшіе доступы туда открываются намъ уже не изъ Салатавіи, какъ было прежде, а со стороны Ведена и Аргунскаго ущелья. Слѣдовательно прежнее предположеніе—сосредоточить у Буртуная всѣ силы, предназначавшіяся для наступленія въ долину Андійскаго Койсу, естественно должно быть отмѣнено; а вмѣсто того предположено направить войска Лѣваго крыла прямо изъ занимаемыхъ ими теперь передовыхъ пунктовъ: именно изъ Чарбили на Технуцалъ, а изъ Ведена къ Анди. Въ тоже время войска Прикаспійскаго края, сосредоточенныя у Буртуная, должны наступать изъ Салатавіи въ Гумбетъ, а войска Лезгинской кордонной линіи спустятся, двумя же колоннами, изъ Тушетіи и Дидо къ сліянію Тушинской Алазани съ Орп-Цхале, то есть къ истоку Андійскаго Койсу—въ Ункратль.

Такимъ образомъ войска всѣхъ трехъ отдѣловъ должны одновременно вступить съ разныхъ сторонъ въ долину Андійскаго Койсу и сколь можно скорѣе войти въ связь между собою. При такомъ совокупномъ направленіи всей массы нашихъ силъ можно надѣяться, что со стороны непріятеля упорнаго сопротивленія мы не встрѣтимъ, а въ такомъ случаѣ будемъ имѣть полную возможность безъ потери времени употребить всѣ наши силы и средства на тѣ работы, кои окажутся необходимыми для предположеннаго утвержденія нашего въ краѣ. Въ этомъ отношеніи г. главнокомандующій намѣревается дать личныя на мѣстѣ указанія.

Таковы основныя идеи, принятыя его сіятельствомъ для предстоящихъ лѣтнихъ дѣйствій. На этихъ основаніяхъ обсуждались подробности исполненія въ совѣщаніи съ прибывшими сюда гг. командующими войсками Лѣваго крыла и Лезгинской кордонной линіи. Основываясь на мнѣніяхъ генералъ-лейтенанта графа Евдокимова и генералъ-маіора князя Меликова, г. главнокомандующій изволилъ рѣшить, что наступательное движеніе всѣхъ вышеозначенныхъ колоннъ *должно начаться одновременно въ послѣднихъ числахъ Іюня мѣсяца* съ тѣмъ, чтобы спуститься въ долину Андійскаго Койсу въ первыхъ числахъ Іюля.

Рѣшительныя наши дѣйствія въ долинѣ Андійскаго Койсу могутъ произвести сильное впечатлѣніе на горцевъ въ цѣломъ краѣ и имѣть отголосокъ въ среднемъ и южномъ Дагестанѣ. Поэтому намъ слѣдуетъ быть готовыми и въ тѣхъ частяхъ края воспользоваться всякимъ благопріятнымъ случаемъ, который могъ бы намъ облегчить предстоящія на будущее время дѣйствія. Къ такимъ случайностямъ могутъ относиться возстаніе противъ Шамиля въ Койсубу, Андаляль и Аваріи, возможность занятія нѣкоторыхъ пунктовъ на линіи Аварскаго Койсу и Кара-Койсу, и въ томъ числѣ самой Ули-Калы. Подобные случаи необходимо предусмотрѣть при распредѣленіи силъ Прикаспійскаго края. Полагаю, что если ваше превосходительство, согласно съ прежнимъ вашимъ разсчетомъ, стянете къ Буртунаю до $10^1/_2$ бат. (считая съ гарнизономъ въ самомъ Буртунаѣ и не включая ожидаемыхъ изъ Россіи подкрѣпленій), то, независимо отъ мѣстныхъ гарнизоновъ и другихъ частей неподвижныхъ, можно будетъ изъ войскъ Прикаспійскаго края имѣть еще до 11 баталіоновъ подвижныхъ, изъ коихъ не менѣе 6 бат. въ одномъ среднемъ Дагестанѣ. Съ прибытіемъ же подкрѣпленій изъ Россіи прибавятся еще 2 батальона или къ главному Салатавскому отряду, или къ войскамъ въ среднемъ Дагестанѣ, смотря по тому, гдѣ окажутся нужны эти подкрѣпленія.

Г. главнокомандующій, поручивъ мнѣ все вышеозначенное сообщить вашему превосходительству, будетъ ожидать отъ васъ окончательнаго соображенія о распредѣленіи силъ во ввѣренномъ вамъ краѣ; но между тѣмъ предоставляетъ вамъ сообразно съ этимъ распредѣленіемъ нынѣ же сдѣлать всѣ необходимыя приготовленія къ своевременному открытію лѣтнихъ дѣйствій.

2.

Отъ 7 Іюля 1859 г. Грозная.

Капитанъ Ружицкій [1]) прибылъ сюда съ письмомъ вашимъ отъ 3 Іюля въ то самое время, когда г. главнокомандующій отправлялъ къ вамъ капитана Ѳадѣева съ предписаніемъ, въ коемъ заключается положительное указаніе его сіятельства о времени и направленіи предстоящаго вамъ движенія въ Гумбетъ. Прочитавъ означенное письмо вашего превосходительства, князь Александръ Ивановичъ не нашелъ нужнымъ измѣнять отправленное съ капитаномъ Ѳадѣевымъ предписаніе и приказалъ этому офицеру ѣхать по назначенію, для передачи вамъ полученныхъ имъ отъ г. главнокомандующаго словесныхъ наставленій, равно какъ и для доставленія его сіятельству тѣхъ свѣдѣній, которыя ожидаются отъ васъ изъ Гумбета.

Кап. Ружицкій, задержанный здѣсь около сутокъ, отправляется нынѣ обратно съ нѣсколькими конвертами на имя вашего пр—ва. По содержанію же письма вашего отъ 3 Іюля, считаю обязанностью сообщить, что г. главнокомандующій вполнѣ раздѣляетъ ваше мнѣніе о томъ, что лучше избѣгать осадъ укрѣпленныхъ непріятельскихъ ауловъ или позицій, и вообще его сіятельство желалъ бы сколько будетъ возможно, чтобы вступленіе нашихъ войскъ въ страну, за Андійскимъ хребтомъ лежащую, имѣло характеръ занятія края покорившагося, а не вторженія насильственнаго. Желательно, чтобы безъ особенной надобности не вредить жителямъ, не вызывать ихъ на сопротивленіе оружіемъ и стараться быстрымъ занятіемъ переправъ на Андійскомъ Койсу обойти съ тылу всѣ непріятельскія позиціи, а жителей поставить въ необходимость безпрекословно покориться.

3.

Отъ 26 Іюля 1859 года. Главная квартира близъ аула Тандо.

Г. главнокомандующій поручилъ мнѣ увѣдомить в. пр—во объ исправномъ полученіи письма вашего отъ 23 сего Іюля. Излишнимъ было бы прибавлять, съ какимъ удовольствіемъ князь Александръ Ивановичъ прочелъ сообщенныя вами извѣстія. Съ своей стороны и я приношу вамъ искреннѣйшее поздравленіе съ блистательными результатами быстрыхъ вашихъ успѣховъ.

Только наканунѣ полученія означенныхъ извѣстій г. главнокомандующій отправилъ къ вамъ также прямымъ путемъ письмо, изъ котораго в. пр—во конечно усмотрѣли уже, что ваши дѣйствія совершенно совпадаютъ съ намѣреніями г. главнокомандующаго. Заключающіяся въ означенномъ письмѣ его сіятельства [2]) указанія *какъ будто предугаданы вами* [3]).

---

[1]) Офицеръ генеральнаго штаба, извѣстный во время Польскаго возстанія 1863 г. предводитель мятежныхъ бандъ, подъ именемъ Крука.

[2]) Копіи съ этого письма къ сожалѣнію не оказалось.

[3]) Они были слѣдствіемъ переданныхъ Врангелю Ѳадѣевымъ словесныхъ приказаній; но Д. А. Милютинъ, не зная объ этомъ, думалъ, что Врангель *предугадалъ*.

Здѣсь дѣла идутъ хотя не такъ быстро, какъ у васъ, но весьма удовлетворительно. Между тѣмъ какъ войска вновь пролагаютъ отличныя дороги для спуска къ Койсу и готовятся къ предстоящимъ строительнымъ работамъ, угнанныя непріятелемъ семейства Чеберлоевцевъ, Андійцевъ и Технуцальцевъ, по мѣрѣ возможности, выходятъ изъ ущелій, и подъ прикрытіемъ нашихъ войскъ водворяются на прежнихъ мѣстахъ жительства. Изъ верхнихъ Дагестанскихъ обществъ получаются также свѣдѣнія весьма благопріятныя.

Письмо это отправляется съ тѣмъ же посланнымъ, который присланъ отъ в. пр—ва и который здѣсь получилъ приличное вознагражденіе. Ему обѣщано, что онъ, явившись обратно къ вамъ съ настоящимъ моимъ письмомъ, получитъ вновь вознагражденіе. Съ нетерпѣніемъ ожидаемъ подробной реляціи вашихъ дѣйствій и оффиціальнаго донесенія о покореніи Аваріи и Койсубу.

Д. Предписаніе князя Варятинскаго генералъ-адъютанту барону Врангелю, отъ 6 Іюля 1859 г. № 101. Кр. Грозная.

Предполагая прибыть 12-го Іюля къ войскамъ Чеченскаго отряда, разработывающимъ дорогу отъ Веденя къ перевалу чрезъ Андійскій хребетъ, а 14 числа спуститься съ этими войсками въ Андіи, прошу ваше пр—во въ тоже самое время съ отрядомъ, собраннымъ въ Салатавіи, двинуться въ Гумбетъ, спуститься къ Чиркату и сколь можно скорѣе занять переправы Чиркатскую и Сагритлоскую, откуда стараться войти въ связь съ войсками Чеченскаго отряда, имѣющимъ спуститься къ Конхидатлю.

Въ тоже время, т. е. по занятіи Чирката, не оставьте произвести подробный осмотръ мѣстности по Сулаку, съ тою цѣлію, чтобы выбрать выгоднѣйшее мѣсто для устройства моста въ недальнемъ разстояніи отъ сліянія двухъ Койсу и для проложенія дороги отъ этой переправы къ Ишкартамъ. О послѣдствіяхъ этихъ изысканій прошу мнѣ донести и представить соображеніе ваше о лучшемъ устройствѣ по означенному направленію сообщенія съ Шурою.

Для полученія же болѣе подробныхъ свѣдѣній о положеніи дѣлъ въ Дагестанскомъ отрядѣ, о намѣреніяхъ и распоряженіяхъ вашихъ, я посылаю къ в. пр—ву состоящаго при мнѣ капитана Ѳадѣева, которому поручено тоже передать вамъ словесно и всѣ тѣ свѣдѣнія, въ коихъ вы можете имѣть надобность, относительно моихъ плановъ и предполагаемаго направленія дѣйствій обоихъ отрядовъ. К. Ѳадѣеву приказано, по полученіи отъ васъ ожидаемыхъ мною свѣдѣній, возвратиться въ Чеченскій отрядъ ближайшимъ путемъ, какой по обстоятельствамъ вы ему укажете.

Е. Предписаніе князя Варятинскаго генералъ-адъютанту барону Врангелю, отъ 27 Іюля 1859 г. № 187.

Необыкновенно быстрое и рѣшительное исполненіе в. пр—мъ предначертаннаго мною общаго плана дѣйствій превзошло самыя смѣлыя ожи-

данія, и я поспѣшаю вмѣстѣ съ симъ довести до высочайшаго свѣдѣнія Государя Императора о блистательныхъ результатахъ дѣйствій Дагестанскаго отряда, въ полной увѣренности, что заслуги ваши и достойныхъ вашихъ сподвижниковъ обратятъ на себя милостивое вниманіе Его Величества

Всѣ распоряженія ваши относительно вновь покорившейся страны я вполнѣ одобряю и, на основаніи предварительно и лично испрошеннаго мною въ бытность мою въ С.-Петербургѣ Высочайшаго соизволенія, разрѣшаю вамъ объявить возстановленіе въ Аваріи ханства, съ назначеніемъ ханомъ Аварскимъ флигель-адъютанта Ибрагимъ-хана-Мехтулинскаго.

Что же касается до владѣній Мехтулинскихъ, то относительно будущаго порядка управленія въ этомъ краѣ я отлагаю рѣшеніе мое до полученія отъ васъ подробныхъ свѣдѣній и личныхъ соображеній вашихъ по этому предмету. Съ изъявленіемъ покорности всего края между Андійскимъ и Аварскимъ Койсу я признаю уже излишнимъ исполненіе предположеннаго прежде движенія Дагестанскаго отряда чрезъ Танусъ и Сивухъ на соединеніе съ Чеченскимъ отрядомъ, и желаю скорѣе открыть связь между обоими отрядами по долинѣ Андійскаго Койсу. Поэтому прошу ваше превосходительство отмѣнить теперь же предположенное вами движеніе и, оставивъ въ Аваріи и Койсубу только такую часть войскъ, какую признаете тамъ необходимою для упроченія новаго порядка и спокойствія, съ главною частію вашего отряда возвратиться къ Андійскому Койсу, чтобы приступить неотлагательно къ тѣмъ строительнымъ и дорожнымъ работамъ, которыя предположены мною для прочнаго устройства новой линіи по названной рѣкѣ, именно для постройки укрѣпленій около Чирката и открытія прямой колесной дороги какъ отъ этого пункта внизъ къ Ишкартамъ, такъ и вверхъ по Койсу къ тому пункту, который будетъ заложенъ войсками Чеченскаго отряда около Конхидатля.

Я убѣжденъ, что съ открытіемъ этихъ работъ непокорившееся народонаселеніе, въ особенности же Гумбетовцы и Койсубулинцы, увидятъ положительное доказательство твердаго намѣренія нашего прочно и навсегда занять этотъ край, а чрезъ это облегчится и важное дѣло установленія въ немъ новаго порядка управленія *).

Ж. Отношеніе главнокомандующаго военному министру, отъ 17 Іюля 1859 года, № 142.

Въ лагерѣ на Андійскомъ хребтѣ, впереди Хорочоя.

По возвращеніи изъ С.-Петербурга во ввѣренный мнѣ край, прибывъ 4-го числа въ Грозную, я отправился предварительно для обзора вновь

*) Это предписаніе, составленное и скрѣпленное начальникомъ штаба, все еще не знавшаго о цѣли, съ которою былъ командированъ капитанъ Ѳадѣевъ, показываетъ, что князь Барятинскій, и послѣ блистательнаго успѣха движенія барона Врангеля, не объявлялъ Д. А. Милютину сущности своихъ распоряженій, не желая, безъ сомнѣнія, затрогивать его самолюбія. Но нельзя не сказать, что гораздо естественнѣе было просто объяснить все, не скрывая отъ ближайшаго сотрудника своихъ распоряженій. А. З.

покоренныхъ и занятыхъ нашими войсками частей Лѣваго крыла, именно Аргунской линіи, большой Чечни и Ичкеріи. Проѣзжая вездѣ съ однимъ только почетнымъ конвоемъ, и большею частію въ экипажѣ, по разработаннымъ новымъ дорогамъ, я могъ собственными глазами убѣдиться въ огромныхъ успѣхахъ, сдѣланныхъ въ послѣдніе мѣсяцы въ этомъ краѣ, и въ исполинскихъ трудахъ, понесенныхъ войсками для упроченія въ немъ нашего владычества. По всему ущелью Аргуна до укр. Евдокимовскаго высѣчены въ скалахъ дороги, съ прочными мостами и предмостными башнями; въ Ичкеріи проложенныя широкія просѣки перемѣнили, можно сказать, самый характеръ страны; прежніе недоступные лѣса Ичкеріи уже не составляютъ болѣе преграды движеніямъ нашимъ, и вездѣ гдѣ я проѣзжалъ на протяженіи отъ Грозной, чрезъ Шали, Таузенъ, Веденъ, Эрсеной въ Дарго,—жители, столь недавно еще считавшіеся нашими непримиримыми врагами, выбѣгали ко мнѣ на встрѣчу, женщины и дѣти привѣтствовали криками радости, заставлявшими на ту минуту забывать крайнюю нищету, въ которую это населеніе повергнуто продолжительнымъ надъ нимъ владычествомъ Шамиля.

Изъ представляемыхъ вамъ отъ командующихъ войсками военныхъ журналовъ извѣстно уже вашему высокопревосходительству о сборѣ трехъ главныхъ отрядовъ, для предпринятыхъ нынѣ наступательныхъ дѣйствій въ предѣлы Дагестана. Главный Чеченскій отрядъ, подъ начальствомъ г.-л. графа Евдокимова, составленный изъ 15 баталіоновъ, съ 2 эскадронами драгунъ и 15 сотнями иррегулярной конницы, при 20 орудіяхъ, стянулся на перевалѣ чрезъ Андійскій хребетъ, на пути изъ Ведена къ Андіи, куда разработана нынѣ хорошая колесная дорога. Дагестанскій отрядъ, подъ начальствомъ г.-ад. барона Врангеля, изъ 11 баталіоновъ, 4 эскадроновъ драгунъ, 9 сотенъ иррегулярной конницы, при 16 орудіяхъ, сосредоточился на Мичикале, гдѣ устроенъ вагенбургъ и главный складочный пунктъ, съ которыми сообщеніе отъ Буртуная пролегаетъ также колесною дорогою, вновь разработанною по Арцбецскому ущелью. Наконецъ, Лезгинскій отрядъ, подъ начальствомъ г.-м. князя Меликова, изъ $11^1/_2$ баталіоновъ, 1 эскадрона драгунъ, $1^1/_2$ сотенъ казаковъ и 14 сотенъ милиціи, при 12 орудіяхъ, собрался на урочищѣ Чельтистави и 5 Іюля двинулся чрезъ Дидойское общество въ Иланхеви. Всѣ три означенные отряда я предположилъ направить концентрически въ долину Андійскаго Койсу. Чеченскій—къ средней части теченія этой рѣки, чрезъ Андію въ Технуцалъ, куда направлена особая боковая колонна изъ Аргунскаго ущелья чрезъ Чеберлой; Дагестанскій отрядъ—спустится въ Гумбетъ и къ южной части Андійскаго Койсу; а Лезгинскій, если успѣетъ кончить своевременно предстоящее ему дѣло въ Дидо и Иланхеви,—долженъ перейти за снѣговой Богосскій хребетъ въ Ункратль и Богулялъ.

14-го числа сего мѣсяца я прибылъ лично къ Чеченскому отряду, а вчера выдвинулъ авангардъ къ озеру Ретло, или Эзенъ-амъ и сдѣлалъ рекогносцировку къ селенію Анди. Того же числа г.-ад. б. Врангель долженъ былъ двинуться отъ Мичикале къ Аргуани. Г.-м. кн. Меликовъ, по всѣмъ

вѣроятіямъ, также вступилъ въ Иланхеви; но донесенія объ этомъ еще не получено. Непріятель не оказываетъ пока сопротивленія; но съ появленіемъ передовыхъ нашихъ войскъ селенія предаются огню: Мехельта, Сіунъ, Анди уже сожжены. По имѣющимся свѣдѣніямъ, Шамиль забралъ силою семейства Гумбетовцевъ и Андійцевъ въ укрѣпленное мѣсто на лѣвой сторонѣ Андійскаго Койсу, на горѣ Килятль и въ аулѣ Ичичали, а скотъ угналъ на правую сторону рѣки. Переправы черезъ Андійское Койсу укрѣплены.

Сообщая обо всемъ вышеизложенномъ вашему в—ву, для доклада Государю Императору, имѣю честь покорнѣйше просить васъ довести до высочайшаго свѣдѣнія, что при личномъ осмотрѣ войскъ Лѣваго крыла, я находилъ ихъ вездѣ въ отличномъ видѣ: бодрыя, здоровыя лица солдатъ, исправное снаряженіе всѣхъ частей къ походу, умѣренное и даже слабое число больныхъ, заставляютъ позабывать тяжкіе труды и лишенія, вынесенные этими истинно-боевыми войсками въ теченіе предшествовавшихъ двухъ лѣтъ. Считаю за счастіе засвидѣтельствовать передъ Его Императорскимъ Величествомъ, что принесенныя въ это время жертвы людьми и деньгами съ избыткомъ вознаграждены такими счастливыми результатами, которые превзошли, можно сказать, самыя смѣлыя ожиданія.

Въ заключеніе имѣю честь довести до свѣдѣнія вашего, что новоприбывшіе баталіоны резервной Кавказской дивизіи, занявъ предназначенныя имъ мѣста и приступивъ уже къ боевымъ трудамъ Кавказской службы, оправдываютъ вполнѣ тѣ отличные отзывы, которые заключались въ донесеніяхъ осматривавшаго эти баталіоны на пути ихъ слѣдованія фл.-ад. Рылѣева. Несмотря на уменьшеніе получаемаго нижними чинами категорическаго довольствія противъ походнаго положенія, и теперь число больныхъ въ баталіонахъ незначительно: люди имѣютъ видъ бодрый и даже щеголеватый. Я вполнѣ надѣюсь, что эти вновь прибывшіе баталіоны будутъ истинно достойными сотрудниками Кавказскихъ своихъ собратій.

Вмѣстѣ съ тѣмъ полки 13-й дивизіи, переформированные уже въ кадровый составъ, выступаютъ по даннымъ имъ маршрутамъ; оставленные же отъ нихъ нижніе чины распредѣлены въ войска Праваго и Лѣваго крыльевъ Кавказской линіи.

3. Письмо главнокомандующаго къ генералъ-адъютанту барону Врангелю. Секретно.

Почтенный баронъ Александръ Евстафьевичъ!

Вамъ уже извѣстно, что 14-го числа я прибылъ въ лагерь Чеченскаго отряда на перевалъ чрезъ Андійскій хребетъ впереди Хорочоя и послѣ рекогносцировки къ озеру Эзенъ-амъ (или Ретло) перенесъ сюда 17 числа лагерь и главную свою квартиру. 18 числа произведена мною рекогносцировка съ горы Абдакъ-Забудилъ-Зане, откуда я могъ подробно осмотрѣть долину Койсу на протяженіи отъ Орто-Коло вверхъ на дальнее разстояніе. Оказалось, что правый берегъ рѣки занятъ во многихъ мѣстахъ завалами, но значительныхъ сборищъ непріятельскихъ нигдѣ не замѣчено,

а видѣнныя нами селенія: Ансіюта, Тандо, Міарсу, Ботлихъ, съ появленіемъ нашимъ преданы огню. Между тѣмъ, колонна изъ 2-хъ баталіоновъ, направленныхъ изъ Аргунскаго ущелья чрезъ весь Чеберлой, присоединилась безпрепятственно къ главному отряду на настоящей его позиціи.

Здѣсь учреждается временный вагенбургъ и складъ запасовъ, а между тѣмъ разработывается дорога. На дняхъ я предполагаю двинуться впередъ, чрезъ Тандо къ Ботлиху и, занявъ которую либо изъ переправъ на Койсу, между Орто-Коло и Міарсу, немедленно же приступлю къ постройкѣ тутъ укрѣпленія, которое и докажетъ горцамъ рѣшительное намѣреніе наше окончательно утвердиться въ этомъ краѣ.

Сообщая вашему превосходительству эти свѣдѣнія, необходимыя для вашихъ соображеній, я прошу согласовать ваши дѣйствія съ означеннымъ предположеніемъ. Зная чрезъ туземцевъ, что вы заняли Аргуани и разработываете дорогу къ Сагритлоскому мосту, я желаю, чтобы, по занятіи этой переправы, вы двинулись вверхъ по рѣкѣ до Игали, гдѣ полагаемъ открыть связь между двумя отрядами. Впослѣдствіи вамъ предстоитъ заняться устройствомъ укрѣпленія въ Чиркатѣ или другомъ пунктѣ, какой окажется выгоднѣйшимъ для оставленія нашего гарнизона, а вмѣстѣ съ тѣмъ и проложенія хорошаго пути сообщенія отъ этого пункта къ Ишкартамъ, о чемъ уже прежде сообщено вашему превосходительству. Если будете получать какія либо свѣдѣнія изъ горъ, то не оставьте сообщать ихъ мнѣ или начальнику главнаго штаба, сколь можно неотлагательно.

P. S. Безъ сомнѣнія, в. п—ву будетъ любопытно прочесть прилагаемыя при семъ и только что полученныя мною телеграфическія депеши относительно послѣднихъ политическихъ новостей въ Европѣ. — 20 Іюля 1859 г. Лагерь при Ретло.

P. S. Въ день заложенія укрѣпленія будетъ сдѣланъ 101 пушечный выстрѣлъ, о чемъ полагаю полезнымъ предупредить васъ для свѣдѣнія.

Глава VI.

Прибытіе въ лагерь Чеченскаго отряда.—Предположенія о предстоящихъ дѣйствіяхъ.—Пріѣздъ барона Врангеля.—Попытки Шамиля завести переговоры о мирѣ.—Переписка по этому поводу.—Пожалованіе Георгія 2-й ст.—Достигнутые важные успѣхи.—Возстановленіе Аварскаго ханства.—Отъѣздъ изъ Чеченскаго отряда.—Посѣщеніе вновь покорившихся обществъ.—Депеша Государю и приказъ по арміи.

Возвращаюсь къ послѣдовательному изложенію дальнѣйшихъ событій.

14-го Іюля 1859 г. главнокомандующій прибылъ къ Чеченскому отряду, расположенному у озера Япи-амъ. Раскинутый по отдѣльнымъ возвышенностямъ, группировавшійся въ безпорядкѣ кругомъ озера, съ палатками то въ одиночку, то кучками, лагерь представлялъ живописную картину. Князь былъ встрѣченъ пушечной пальбою и шумными кликами выстроенныхъ шпалерами войскъ. Остановясь у своей ставки, онъ сказалъ войскамъ: „Братцы, я привезъ вамъ поклонъ отъ Государя и Царское спасибо за вашу молодецкую службу, за ваши труды. Государь надѣется, что вы, братцы, и остальной Кавказъ покорите ему, что и послѣдняго врага заставите покориться!“ Само собою, воздухъ огласился долго неумолкавшими „ура“! и „постараемся!“ Къ стоявшимъ на флангѣ двумъ баталіонамъ Кабардинскаго полка князь обратился съ особымъ привѣтствіемъ: „Кабардинцы, шефъ вамъ кланяется“, и снялъ фуражку. Это чрезвычайно имъ польстило.

Въ тотъ же день авангардъ отряда былъ выдвинутъ къ озеру Ретло, а главнокомандующій совершилъ рекогносцировку къ Андіи.

Между тѣмъ Дагестанскій и Лезгинскій отряды двигались по указаннымъ направленіямъ въ долину Андійскаго Койсу; два другіе отряда, одинъ близъ Темиръ-Ханъ-Шуры, другой на Турчидагѣ,—составляли слѣва продолженіе нашего наступленія, огибая горы со стороны Прикаспійскаго морскаго базиса.

Главное препятствіе, которое намъ предстояло преодолѣть, состояло въ пропасти Андійскаго Койсу, ограждающей всю сѣверную сторону Дагестана, и чрезъ которую существовало только нѣсколько переходовъ, заранѣе укрѣпленныхъ горцами. Шамиль, кромѣ того, покрылъ завалами горный отрогъ, отдѣляющій Андію отъ Гумбета, предалъ пламени аулы по лѣвой сторонѣ рѣки, а семейства Гумбетовцевъ и Андійцевъ, созванныхъ въ поголовное ополченіе, собралъ на гору Килятль и на вершинѣ ея построилъ новое укрѣпленіе съ башнями и батареями, избравъ ее своею резиденціею.

Пока непріятель нигдѣ не оказывалъ сопротивленія. Съ нашей стороны предполагалось, что Чеченскій отрядъ, вступивъ въ Андію, привлечетъ на себя главное вниманіе непріятеля и облегчитъ Дагестанскому отряду прорывъ оборонительной линіи на Койсу. Поэтому, главнокомандующій шелъ впередъ весьма медленно, устраивая по своимъ слѣдамъ колесный путь; онъ до времени ничѣмъ не обнаруживалъ своихъ намѣреній, чтобы удерживать въ неподвижности главное скопище Шамиля. Это и дало барону Врангелю возможность подойти къ Койсу безпрепятственно; но занять переправу оказалось задачею нелегкою. Однако, какъ уже выше разсказано, самоотверженіе, находчивость и беззавѣтная смѣлость войскъ все преодолѣли. Переправа совершилась; а когда баронъ Врангель, къ тому же, такъ благоразумно согласился послѣдовать словесному приказанію главнокомандующаго и совѣтамъ своего начальника штаба и занялъ Бетлинскую высоту, результатомъ оказалась покорность Аваріи и Койсубу, ближайшее свободное сообщеніе съ Темиръ-Ханъ-Шурой черезъ Зыряны (потерянныя нами въ 1843 году) и возможность двинуть лѣво-фланговые отряды изъ Шуры и Турчидага внутрь страны. Занятіе Бетля произвело панику между непокорными горцами Дагестана. Они сами бросились къ ближайшимъ Русскимъ отрядамъ, изъявляли покорность и просили занимать ихъ аулы. Такъ сдался Чохъ, а вскорѣ и новѣйшая крѣпость Уликала, выстроенная Шамилемъ вмѣсто взятаго въ 1848 году Гергебиля. Послѣ появленія Даге-

станскаго отряда на Бетлинской высотѣ, вообще въ Дагестанѣ уже не раздалось противъ насъ ни одного выстрѣла, пока мы не подошли къ послѣднему убѣжищу Шамиля— Гунибу.

Съ 21-го Іюля стало ясно для всѣхъ, что дѣло мюридизма проиграно безвозвратно, и послѣдняго акта шестидесятилѣтней драмы слѣдовало ожидать ежечасно.

Баронъ Врангель, подъ впечатлѣніемъ столь неожиданнаго и блистательнаго успѣха, счелъ нужнымъ отправиться чрезъ Аварію и Технуцалъ въ Каратý, къ лагерю главнокомандующаго, съ небольшимъ прикрытіемъ и толпою вновь покорившихся Аварцевъ. Движеніе его было тріумфальнымъ шествіемъ. Князь Барятинскій былъ удивленъ, отчасти недоволенъ на барона за его пріѣздъ, находя совершенно основательно, что ему слѣдовало оставаться при войскахъ и преслѣдовать Шамиля по направленію къ Гунибу; но баронъ Врангель полагалъ, что онъ долженъ былъ въ точности исполнить приказанія, переданныя чрезъ капитана Ѳадѣева, а они заключались и въ томъ, чтобы идти навстрѣчу Чеченскому отряду. Въ главной квартирѣ даже явилось подозрѣніе, что генералъ Врангель захотѣлъ выставить блистательную роль Дагестанскаго отряда въ ущербъ Чеченскому; въ пріемѣ барона замѣтна была нѣкоторая холодность со стороны нѣкоторыхъ высшихъ лицъ. Но подозрѣнія были неосновательны: Врангель отлично понималъ, что не онъ покорилъ Дагестанъ, что безъ овладѣнія Чечнею и Веденомъ, безъ движенія трехъ отрядовъ одновременно въ центръ страны, составлявшей фундаментъ владычества Шамиля, безъ всѣхъ дѣйствій, предпринятыхъ съ 1856 года по соображеніямъ князя Барятинскаго, ничего подобнаго совершиться не могло. Да и не въ характерѣ этого рыцарски-благороднаго человѣка было что-нибудь могущее имѣть тѣнь шарлатанства. Онъ былъ доволенъ, что и на его долю выпала часть славы тѣхъ достопамятныхъ дней, что и онъ оказалъ услугу, содѣйствуя великому успѣху, и послѣ былъ совершенно счастливъ, получивъ Георгія 3-й степени; а поѣхалъ, можно полагать, просто не сообразивъ, что это было не совсѣмъ

умѣстно. Проведя вечеръ у князя Александра Ивановича и переночевавъ въ лагерѣ, баронъ Врангель на другой день отправился къ своему отряду.

Послѣ этихъ событій, т. е. паденія Аваріи, Койсубу и вообще непокорнаго Дагестана, послѣ полученія извѣстій о безпрепятственномъ движеніи Лезгинскаго отряда чрезъ общества, на главномъ хребтѣ живущія, Шамиль потерялъ всякую надежду на возможность удержать дальнѣйшій напоръ Русскихъ войскъ и сохранить власть надъ населеніемъ. Онъ кинулъ свои завалы и укрѣпленіе, гдѣ было 11 орудій, заграждавшихъ переходъ чрезъ Койсу, и съ небольшимъ числомъ преданнѣйшихъ мюридовъ бросился въ Андаляль, на гору Гунибъ, извѣстную своею неприступностью, думая тамъ найти поддержку въ воинственномъ населеніи, сгруппировавшемся въ большихъ крѣпкихъ аулахъ, и продержаться до перемѣны обстоятельствъ; но еще за долго до этихъ происшествій, вскорѣ послѣ паденія Ведена, онъ отправилъ довѣреннаго человѣка въ Константинополь искать помощи.

23-го Іюля нашъ посолъ при Портѣ Оттоманской, князь Лобановъ-Ростовскій, секретно телеграфировалъ въ Петербургъ слѣдующее: „Повѣренный Имама въ Царьградѣ, желая именемъ его трактовать съ княземъ Лобановымъ, проситъ рѣшенія, согласно ли наше правительство на примиреніе съ нимъ и на какихъ условіяхъ? Желаетъ имѣть пропускной видъ чрезъ Тифлисъ, для доставленія Шамилю отвѣта князя Лобанова“.

По этому поводу 28-го Іюля изъ Петербурга писали князю Барятинскому, между прочимъ: „Мы получили изъ Константинополя весьма важное извѣстіе. Агентъ Шамиля представился нашему посольству, снабженный, по его словамъ, довѣренностью для вступленія съ нами съ переговоры. Велѣно отправить его прямо въ Тифлисъ, и совершенно полагаются на васъ, какъ уже условлено, чтобы убѣдиться, можно ли съ нимъ достигнуть соглашенія. Если это случится, это будетъ *великій результатъ*, вся слава котора-

го будетъ принадлежать вамъ, и довершитъ самымъ блестящимъ образомъ заслуги, уже вами оказанныя; а ихъ какъ вы знаете, съумѣютъ оцѣнить по достоинству. Да сохранитъ и вдохновитъ васъ Богъ!"

Канцлеръ князь Горчаковъ и военный министръ Сухозанетъ тоже прислали князю Барятинскому письма. Первый писалъ:

Петергофъ, 26 Іюля 1859 года.

„Дорогой князь, Шамиль имѣетъ своего агента въ Константинополѣ. Агентъ этотъ явился къ князю Лобанову, выразилъ ему желаніе своего довѣрителя вступить въ переговоры и спросилъ, входитъ ли въ виды Императорскаго правительства соглашеніе съ Шамилемъ и на какихъ условіяхъ.

„Его Императорское Величество приказалъ мнѣ телеграфировать Лобанову, что онъ можетъ выдать агенту Шамиля пропускъ въ Тифлисъ и что вы имѣете столь широкія полномочія отъ нашего Августѣйшаго Монарха, что можете сами войти съ агентомъ въ соглашеніе. Лобановъ увѣдомитъ, конечно, васъ непосредственно о послѣдствіяхъ этого важнаго обстоятельства".

„Политическій горизонтъ, дорогой князь, далеко не ясенъ. Свиданіе въ Виллафранкѣ можетъ привести къ новымъ комбинаціямъ, исходъ которыхъ пока никому предвидѣть нельзя. Весьма возможно что Цюрихскіе переговоры будутъ имѣть послѣдствіемъ конгрессъ или Европейскую конференцію, которая займется разрѣшеніемъ весьма важныхъ вопросовъ, касающихся всеобщаго равновѣсія и взаимныхъ отношеній великихъ державъ.

„*Еслибы вы дали намъ миръ на Кавказѣ, Россія пріобрѣла бы сразу однимъ этимъ обстоятельствомъ въ десять разъ больше вѣса въ совѣщаніяхъ Европы, достигнувъ этого безъ жертвъ кровію и деньгами. Во всѣхъ отношеніяхъ моментъ этотъ чрезвычайно важенъ для насъ, дорогой князь.* Никто не призванъ оказать Россіи бо̀льшую услугу, какъ та, которая представляется теперь вамъ. Исторія открываетъ вамъ одну изъ лучшихъ страницъ. Да вдохновитъ васъ Богъ!"

Военный министръ писалъ князю Барятинскому:

Красное Село, 29 Іюля 1859 года.

„Съ душевною радостью отправляю къ вамъ курьера съ письмомъ Его Величества и содержаніемъ секретной депеши князя Лобанова. Вполнѣ понимаю, что Шамиль, доведенный вами до крайности, тщетно обратясь за помощью въ Константинополь, предлагаетъ примиреніе. Конечно, вамъ однимъ судить, на какихъ условіяхъ сіе допустить можно, дабы не только обезпечиться отъ Шамиля и его мюридовъ, но и въ будущей вѣрности и покорности бывшихъ понынѣ враждебныхъ намъ народовъ".

„Не менѣе того, дозволяю себѣ выразить убѣжденіе мое, что ни въ какое время подобное событіе не могло имѣть того *благотворнаго вліянія для пользы государства, какъ во внѣшнихъ, такъ и внутреннихъ онаго отношеніяхъ*".

„Ваша звѣзда предоставляетъ вамъ случай совершить то, чего никто достигнуть не могъ, а ваша преданность къ Государю и прозорливость о степени услуги, которую вы можете принести Россіи, внушитъ вамъ желаніе предпочесть *благодѣтельные плоды примиренія славнымъ военнымъ подвигамъ*".

„Да благословитъ васъ Господь во всѣхъ предпріятіяхъ вашихъ для славы настоящаго царствованія и пользы Россіи".

Вотъ что отвѣчалъ князь Александръ Ивановичъ канцлеру.

„Въ главной квартирѣ близъ Кегера, въ Андалялѣ, 24 Августа 1859 года.

„Недавно получилъ я отъ васъ три письма, отъ 26-го и 30-го Іюля и 8-го Августа; прошу извинить меня, что до сихъ поръ не могъ отвѣчать вамъ, за совершеннымъ неимѣніемъ времени. Искренно благодарю васъ за поздравленія по случаю новаго знака благоволенія, оказаннаго мнѣ Его Величествомъ".

„Я раздѣляю вашу мысль, что усмиреніе Кавказа можетъ усилить наше вліяніе въ Европѣ и горжусь тѣмъ, что судьба дала мнѣ счастіе бросить нѣсколько крупицъ на политическіе вѣсы въ пользу нашего отечества. *Мнѣ остается лишь принудить Шамиля сдаться въ его послѣднемъ убѣжищѣ, чтобы покончить съ этимъ упорнымъ фанатикомъ.* Я началъ осаду об-

ширной скалы, гдѣ теперь гнѣздится старецъ горъ, прибѣгая къ этому, какъ послѣднему отчаянному средству; надѣюсь скоро справиться съ нимъ. Очень благодаренъ вамъ за сообщеніе по поводу агента Шамиля въ Константинополѣ; но если даже ему и удастся добраться сюда, это будетъ поздно: ибо въ виду оборота, который приняли дѣла, всякое соглашеніе теперь немыслимо, такъ какъ надменный Имамъ оттолкнулъ всѣ весьма приличныя предложенія, сдѣланныя мною на случай, если онъ согласится сдаться".

Впрочемъ, еще 4-го Мая 1859 года изъ Тифлиса, князь Барятинскій, отвѣчая князю Горчакову на поздравительное письмо отъ 20-го Апрѣля, писалъ: „Я уважаю и вполнѣ раздѣляю чувства, которыя внушили вамъ оцѣнку важности настоящей минуты, и раздѣляя въ принципѣ все, что́ вы мнѣ говорите о потребностяхъ нашей западной политики и о необходимости серьезной демонстраціи на восточной границѣ, потребности болѣе другихъ вами оцѣниваемой, я полагаю нелишнимъ прибавить нѣсколько словъ собственно по поводу Кавказской войны".

„Нужно основательно знать этотъ край и въ продолженіе долгаго времени слѣдить за всѣми перипетіями этой полувѣковой борьбы, чтобы убѣдиться, что простое дружественное соглашеніе съ Шамилемъ, даже еслибы и состоялось, хотя и могло бы подвинуть многія наши дѣла, *но было бы далеко еще не окончательнымъ разрѣшеніемъ.*"

Въ Петербургѣ очевидно не понимали дѣйствительнаго положенія дѣлъ на Кавказѣ и, почти наканунѣ плѣненія Шамиля, считали чрезвычайнымъ событіемъ желаніе его завязать переговоры о мирѣ. По нѣкоторымъ признакамъ, можно думать, что князь Горчаковъ весьма не прочь былъ доставить бо́льшую роль дипломатическимъ средствамъ для умаленія военной славы. Онъ успѣлъ склонить къ этому взгляду и нѣкоторыхъ другихъ высокопоставленныхъ особъ; внушалась мысль, что это завоевательные планы, имѣющіе честолюбивыя цѣли и т. п. Въ свое время съ этихъ личныхъ побужденій будетъ, конечно, снятъ покровъ...

Однако князю Барятинскому было тогда не до дипломатіи; нужно было докончить начатое дѣло вполнѣ, фундаментально.

Послѣ покоренія Аваріи, живущія по Койсу общества прислали въ лагерь почетныхъ людей съ изъявленіемъ покорности. Собранныя Шамилемъ скопища разбѣжались, и самъ онъ, на пути къ Гунибу, былъ преслѣдуемъ *партіею мѣстныхъ жителей*, отбившихъ у него часть вьюковъ, въ томъ числѣ одинъ съ серебрянной монетой.

Между тѣмъ, въ Петербургѣ получили донесеніе о переправѣ въ Сагрытло́, о покореніи Аваріи, Койсубу и проч. Государь, само собою, былъ въ восторгѣ и пожаловалъ князю Барятинскому орденъ Св. Георгія 2-й степени при слѣдующемъ рескриптѣ:

10 Августа 1859 года.

„Нашему генералъ-адъютанту, генералу-отъ-инфантеріи, главнокомандующему Кавказскою арміею и намѣстнику Кавказскому, князю Александру Барятинскому.

Храбрыя войска ввѣренной вамъ арміи, подъ непосредственнымъ начальствомъ вашимъ, совершили общее наступательное движеніе, увѣнчавшееся въ короткое время блистательнымъ военнымъ успѣхомъ въ странѣ, шестнадцать лѣтъ служившей опорою непріязненнымъ противнымъ дѣйствіямъ предводителя враждебныхъ намъ горскихъ племенъ Кавказа. Быстрое покореніе воинственнаго населенія Аваріи, Койсубу, Гумбета, Салатавіи, Андіи, Технуцала, Чеберлоя и другихъ верхнихъ обществъ и отступленіе непріятеля, безъ всякаго почти сопротивленія, отъ воздвигнутыхъ имъ укрѣпленій, послѣ паденія Ведена, свидѣтельствуютъ о превосходной воинской распорядительности, съ которою предпринятыя вами въ этой странѣ военныя дѣйствія направлены къ предначертанной для оныхъ цѣли.

Относя успѣшный ходъ постепеннаго покоренія оружію нашему Кавказа къ глубоко обдуманнымъ и настойчиво приводимымъ вами, въ теченіе двухъ съ половиною лѣтъ, въ исполненіе мѣрамъ, мы признали справедливымъ изъявить вамъ особенную монаршую признательность и совершенное наше благоволеніе за неутомимые труды и важныя военныя заслуги ваши на пользу ввѣреннаго вамъ края и въ ознаменованіе сего всемилостивѣйше пожаловали васъ кавалеромъ Императорскаго ордена нашего Святаго Великомученика и Побѣдоносца Георгія второй степени, коего знаки при семъ препровождая, повелѣваемъ вамъ возложить на себя и носить по установленію. Пребываемъ къ вамъ Императорскою милостью нашею неизмѣнно благосклонны“.

Сопротивленіе Андаляльцевъ, къ которымъ удалился Шамиль, могло снова затянуть дѣло, тѣмъ болѣе, что лѣто приближалось къ концу, а съ наступленіемъ суроваго времени года продолженіе войны въ горахъ было бы сопряжено съ

величайшими затрудненіями. Князь Барятинскій рѣшился поэтому покончить съ сопротивленіемъ горцевъ однимъ сильнымъ ударомъ и двинулъ въ сторону Андаляля всѣ наличныя силы Дагестанскаго отряда и часть Чеченскаго, обнажая на нѣкоторое время вновь покоренную страну, кромѣ немногихъ переправъ и пунктовъ, куда былъ свезенъ провіантъ.

Чтобы не вовлекаться въ излишнія подробности, я не вдаюсь здѣсь въ описаніе совершенныхъ въ послѣдніе дни главнокомандующимъ рекогносцировокъ и передвиженій. Упомяну лишь о главнѣйшихъ событіяхъ, изумлявшихъ тогда всѣхъ насъ, даже при очевидности паденія власти Шамиля. Такъ, отряду, собранному около Шуры, занявшему укрѣпленный горцами перевалъ Бурундукъ-Кале, какъ уже упомянуто, сдалась безъ сопротивленія сильная крѣпость Улукала. Другому отряду съ Турчидага сдался замѣчательно укрѣпленный Чохъ, безуспѣшно осажденный въ 1849 году княземъ Аргутинскимъ. Этому же отряду сдался укрѣпленный Ирибъ, резиденція измѣнившаго намъ въ 1844 году Элисуйскаго султана Даніель-бека, 15 лѣтъ управлявшаго отсюда Южно-Лезгинскими обществами. Такимъ образомъ, благодаря своевременному вступленію Дагестанскаго отряда за Койсу и вообще концентрическому движенію войскъ съ трехъ сторонъ въ сердце Дагестана, были разомъ подавлены всѣ усилія приверженцевъ Шамиля. Отрѣзанные отъ него и разъединенные нашими войсками аулы не могли сосредоточиться для общаго дѣйствія. Люди, враждебные духовной власти, вездѣ взяли верхъ, и всѣ общества Андаляля, одно за другимъ, тоже должны были покориться.

Лезгинскій отрядъ, преодолѣвъ неимовѣрныя трудности похода чрезъ снѣговой хребетъ, покоряя общества, гнѣздившіяся въ самыхъ недоступныхъ горныхъ ущельяхъ, наконецъ спустился въ долину Андійскаго Койсу. Начальникъ отряда князь Меликовъ прибылъ къ главнокомандующему, лагерь котораго былъ тогда у аула Конхидатля. Сюда же прибылъ съ повинною Даніельбекъ. Вслѣдъ за нимъ, явился одинъ изъ важнѣйшихъ наибовъ Кибитъ-Магома, съ изъявленіемъ покорности Тилитля, одного изъ сильнѣйшихъ, населеннѣйшихъ ауловъ Дагестана, въ которомъ самъ Шамиль

еще въ 1837 году, осажденный нашими войсками и не видя спасенія, изъявлялъ покорность, принеся присягу на коранѣ.

Не проходило дня, чтобы откуда-нибудь не являлись представители едва извѣстныхъ обществъ, наибы, маазумы (начальники дружинъ), извѣстнѣйшіе абреки, ретивѣйшіе приверженцы Шамиля, самые враждебные, озлобленные противъ насъ люди. Цѣлыми десятками приводили бѣглыхъ солдатъ, давно уже осѣвшихъ въ горахъ, переженившихся здѣсь, отказавшихся отъ мысли возвратиться когда-нибудь въ Россію. На привалахъ, въ аулахъ, жители толпами окружали князя: женщины, дѣти подносили виноградъ, пѣли, плясали, провожали насъ Русскимъ ура, скачкой, выстрѣлами... Происходило что-то волшебное, сказочное!

Для управленія Аваріею главнокомандующій 4 Августа назначилъ флигель-адъютанта ротмистра Ибрагимъ-хана Мехтулинскаго, возстановивъ въ его лицѣ званіе Аварскаго хана. Мѣра эта была вызвана политическими соображеніями, изложенными въ особой запискѣ, представленной Государю.

Все это было продолженіемъ системы, давно уже выработанной и усвоенной княземъ Барятинскимъ, придававшимъ особенно важное значеніе благоустроенной администраціи горцами и умаленію значенія духовенства въ ущербъ свѣтской власти изъ туземной аристократіи. Хотя и эта послѣдняя, съ политической точки зрѣнія, была не вполнѣ для насъ удобною, но ею нужно было воспользоваться какъ самымъ сильнымъ оружіемъ противъ теократической партіи, имѣя въ виду впослѣдствіи, при благопріятныхъ обстоятельствахъ, ослабить значеніе и мусульманской аристократіи, вредно отзывавшееся на благосостояніи народныхъ массъ.

6-го Августа главнокомандующій заложилъ выше Конхидатля, на берегу Койсу, укрѣпленіе Преображенское, какъ доказательство, что мы становимся прочной ногою въ центрѣ страны, не признававшей еще никогда нашей власти. Торжество совершилось при чрезвычайной обстановкѣ. Русскія войска кругомъ аналоя, у котораго священники совершали молебствіе; главнокомандующій, окруженный генералами и большой свитой; вокругъ тысячная толпа горцевъ изъ разныхъ только что покорившихся обществъ, съ особымъ зуи-

мленіемъ взиравшихъ на невиданное зрѣлище: пѣніе „спаси, Господи, люди Твоя“, при громовыхъ раскатахъ пушечныхъ выстрѣловъ; насупившіеся со всѣхъ сторонъ скалистые гиганты; ревущая бѣшенная рѣка, и надо всѣмъ безоблачный, южный, лазуревый куполъ неба съ снопообразными лучами жгучаго солнца...

10-го Августа главнокомандующій простился съ войсками Чеченскаго отряда и, пригласивъ съ собою графа Евдокимова, отправился осматривать вновь покоренную страну. Въ большомъ богатомъ аулѣ Тлохъ жители всей толпой окружили князя, женщины подводили дѣтей, чтобы взглянуть на могущественнаго сардаря; тутъ же представилась и вдова Хаджи-Мурата съ своими маленькими сыновьями. Въ Игали, гдѣ въ 1842 году отрядъ генерала Граббе понесъ значительную потерю, насъ встрѣтилъ князь Д. И. Мирскій съ колонною изъ Дагестанскаго отряда. Отсюда дорога становилась все хуже, ущелье суживалось, сдавливаемое отвѣсными скалами, и бѣшенный потокъ Койсу едва пробивалъ себѣ путь въ узкой трещинѣ, почти совсѣмъ исчезая подъ скалами у Сагрытло, немного ниже котораго 17 Іюля баронъ Врангель совершилъ свою смѣлую переправу. Далѣе отъ Чирката мы поднялись по крутому подъему къ Ашильтѣ, вблизи извѣстнаго Ахульго, взятаго осадою и штурмомъ въ 1839 году и изъ котораго Шамиль бѣжалъ тогда, спустясь по веревкѣ со скалы. Д. А. Милютинъ, какъ участникъ этой осады, разсказывалъ князю Александру Ивановичу всѣ подробности дѣла.

13-го Августа главнокомандующій спустился въ долину Аварскаго Койсу, гдѣ каждый шагъ напоминалъ кровавыя событія печальной памяти 1843 года. То мы видѣли слѣды укрѣпленій, геройски защищавшихся и, не дождавшись помощи, погибавшихъ цѣликомъ; то тропинку въ оврагѣ, въ которомъ погибъ подполковникъ Веселицкій съ баталіономъ Апшеронцевъ и 2 орудіями; то аулъ Харачи, подъ которымъ легъ другой баталіонъ и пять гвардейскихъ офицеровъ, пріѣзжавшихъ на Кавказъ отличаться... Въ Унцукулѣ графъ Евдокимовъ показывалъ мѣсто, гдѣ въ 1842 году одинъ фанатикъ ранилъ его кинжаломъ въ бокъ; въ Гимрахъ—родинѣ Шамиля,

мы смотрѣли башню, въ которой былъ убитъ нашими войсками въ 1832 году первый основатель мюридизма имамъ Кази-Мулла. И вездѣ жители встрѣчали и принимали теперь Русскаго главнокомандующаго съ большимъ почетомъ и радушіемъ. Изъ Гимръ князь отпустилъ въ свою штабъ-квартиру дивизіонъ Нижегородскихъ драгунъ и съ одною милиціею изъ горцевъ, двѣ недѣли тому назадъ еще сражавшихся противъ насъ, значки которыхъ были прострѣлены Русскими пулями,—поѣхалъ въ Аварію.

Признаюсь, проѣзжая тогда въ свитѣ главнокомадующаго эти мрачныя ущелья съ нависшими громадами скалъ, съ ревущими потоками, съ качающимися утлыми мостами, плетенными изъ прутьевъ; останавливаясь въ грозныхъ, прижавшихся къ уступамъ скалъ аулахъ, среди толпы вооруженныхъ жителей, фанатическихъ послѣдователей мюридизма, я не одобрялъ рѣшимости князя: хорошо зная характеръ и нравы горцевъ и помня нѣсколько кровавыхъ эпизодовъ (слѣдствіе нашей довѣрчивости къ дикимъ фанатикамъ), я не могъ отрѣшиться отъ подозрительныхъ опасеній, невольно меня тревожившихъ. Дѣйствительно, горцевъ не могла не поражать эта черта отваги въ главнокомандующемъ, ѣхавшемъ верхомъ по головоломнымъ тропикамъ и чрезъ эти чертовы мосты, когда большинство слѣзало съ лошадей. На Азіятцевъ обаятельно дѣйствуютъ такія проявленія мужества; они не могли не оцѣнить и этого оказываемаго имъ довѣрія; но все же могли найтись одиночные фанатики, готовые во славу Аллаха и его пророка на всякое изувѣрство, хотя бы стоило это имъ жизни... Но Богъ хранилъ человѣка, предназначеннаго совершить великое дѣло, и все обошлось благополучно.

На ночлегѣ въ Танусъ-балѣ явились къ князю только-что оставившіе Шамиля бывшій наибъ Малой Чечни Саадулла и извѣстный предводитель хищническихъ партій Бей-булатъ, много лѣтъ бывшій грозой нашихъ поселеній по Сунжѣ и Тереку. Въ Хунзахѣ, резиденціи Аварскихъ хановъ, у бывшей нашей крѣпости, главнокомандующій ночевалъ; затѣмъ чрезъ Ахвахъ и Голотль, прибылъ въ Тилитль, гдѣ принялъ приглашеніе Кибитъ-Магомы и обѣдалъ у него; наконецъ, проѣхавъ чрезъ Ругджу, у самаго подножія Гуниба, съ ко-

тораго Шамиль пустилъ къ намъ нѣсколько ядеръ, князь прибылъ въ Чохъ, замѣчательно укрѣпленный. Здѣсь насъ встрѣтили тоже пушечной пальбою, но дружественной, салютаціонной; ни въ одномъ аулѣ населеніе не выказало такого искренняго радостнаго чувства, какъ въ Чохѣ; всѣ жители, не исключая женщинъ, бѣжали за княземъ, кричали ура, хватались за стремена, за узду лошади; одну больную женщину, по ея настойчивой просьбѣ, вынесли на носилкахъ, чтобы показать ей сардаря; радостные клики и выстрѣлы долго не умолкали. Должно быть, режимъ Шамиля ужъ особенно тяжело отозвался на Чохцахъ.

Изъ Чоха главнокомандующій поднялся на Кегерскія высоты противъ Гуниба, гдѣ была расположена часть Дагестанскаго и нѣкоторые баталіоны изъ Чеченскаго и Лезгинскаго отрядовъ.

Во время этой поѣздки здоровье князя было въ ужасномъ состояніи: припадки подагры терзали его немилосердно: онъ усмирялъ боли пріемами сильнаго средства „Colchicum". Нужна была сверхъестественная сила воли, чтобы не только выдерживать переѣзды верхомъ по горнымъ трущобамъ, но не подавать ни малѣйшаго вида страданій! Одинъ Д. А. Милютинъ только зналъ дѣйствительное положеніе князя. Впослѣдствіи, въ одномъ изъ писемъ къ нему изъ за границы, князь Барятинскій, жалуясь на нестерпимыя боли, напоминалъ о своемъ положеніи при переправѣ въ Тлохъ въ 1859 году.

Отсюда, 22 Августа, князь Барятинскій послалъ Государю слѣдующую депешу: „Имѣю честь поздравить Ваше Императорское Величество съ Августѣйшимъ тезоименитствомъ. Отъ моря Каспійскаго до Военно-Грузинской дороги Кавказъ покоренъ державѣ Вашей. 48 пушекъ, всѣ крѣпости и укрѣпленія непріятеля въ рукахъ нашихъ. Я лично былъ въ Каратѣ, Тлохѣ, Игали, Ахульго, Гимрахъ, Унцукулѣ, Хунзахѣ, Тилитлѣ, Чохѣ. Теперь осаждаю Гунибъ, гдѣ заперся Шамиль съ 400 мюридами".

Въ тотъ же день былъ отданъ приказъ по Кавказской арміи. „Воины Кавказа! Въ день моего пріѣзда въ край я призвалъ васъ на стяжаніе великой славы Государю нашему, и вы исполнили надежду мою. Въ три года вы покорили

Кавказъ отъ моря Каспійскаго до Военно-Грузинской дороги. Да раздастся и пройдетъ громкое мое спасибо по побѣжденнымъ горамъ Кавказа и да проникнетъ оно со всею силою душевнаго моего выраженія до глубины сердецъ вашихъ!"

ПРИЛОЖЕНІЯ.

А. Записка князя А. И. Барятинскаго о внутреннемъ состояніи Кавказа.

При вступленіи нашемъ на Кавказъ, мы застали здѣсь духовный элементъ мусульманскій весьма потрясеннымъ въ борьбѣ съ другимъ элементомъ. Ханы, князья, беки, родовые старшины общинъ стояли во главѣ населенія и, вопреки Шаріату, властвовали надъ нимъ на основаніи Адата, т. е. права, основаннаго на народныхъ обычаяхъ.

Правительству нашему предлежало тогда поддержать тотъ изъ этихъ элементовъ, который лучше соотвѣтствовалъ нашимъ политическимъ видамъ. Но при ложномъ, впрочемъ человѣчеству весьма свойственномъ стремленіи пріобрѣсти скорое сочувствіе большинства населенія, этотъ предметъ не былъ тогда достаточно глубоко обдуманъ; родовые интересы были пренебрежены нами, и мусульманское духовенство возстановлено въ предположеніи, что оно лучшее орудіе къ сближенію съ массами: ибо народъ всегда проявлялъ болѣе сочувствія къ Шаріату, уравнивающему всѣхъ, нежели къ Адату, установляющему исключительное вліяніе и могущество отдѣльныхъ родовыхъ личностей.

Вотъ гдѣ и были положены *первыми представителями* нашего правительства *тѣ* ошибочныя начала, изъ которыхъ и развились вскорѣ потомъ, самыя пагубныя для нашего владычества послѣдствія. Ибо съ паденіемъ аристократіи—населенія, которыя до тѣхъ поръ были раздроблены на отдѣльныя общины и, вслѣдствіе постоянныхъ раздоровъ между владѣтелями ихъ, представляли намъ полныя удобства къ установленію нашего владычества, слились въ одну духовную національность, чѣмъ и дали возможность одному человѣку сдѣлаться свѣтскимъ и духовнымъ властителемъ цѣлаго края. Проповѣдь войны противъ невѣрныхъ загорѣлась тогда на Кавказѣ и создала религіозное общество, олицетворившееся въ мюридизмѣ. Такимъ образомъ воспаленное противъ нашего владычества религіозное настроеніе умовъ обняло собою весь Кавказскій хребетъ, и все покорилось Шаріату.

По мѣрѣ того, какъ слагалось это національное единство въ горахъ и съ нимъ могущество власти имамовъ, мы должны были развивать постепенно и наши боевыя средства и довести ихъ до нынѣшнихъ громадныхъ размѣровъ; ибо тамъ, гдѣ прежде, при раздробленіи общинъ и взаим-

ной враждѣ ихъ между собою, мы легко обходились незначительными силами, требуются нынѣ большіе отряды.

Итакъ, хотя система военныхъ дѣйствій, въ послѣднее время принятая на Кавказѣ, и даетъ надежду въ возможномъ покореніи этой страны; но чтобъ покореніе это было прочно и въ будущемъ, надобно, чтобы вмѣстѣ съ успѣхами оружія принимались теперь же мѣры для уничтоженія въ покоряемыхъ народахъ и кореннаго нравственнаго начала, намъ враждебнаго, т. е. мюридизма.

Мюридизмъ есть не только религіозное учрежденіе, но и общественный законъ, который, уравнивая всѣ классы и состоянія, опредѣляетъ и право судебное, и порядокъ взиманія податей. Онъ отвергаетъ законность всякой свѣтской власти и не признаетъ никакого правительства, если во главѣ его не стоитъ законный наслѣдникъ пророка. Одного Турецкаго султана считаетъ мюридизмъ законнымъ государемъ всѣхъ магометанъ. Шаріатъ, этотъ краеугольный камень мюридизма — есть судъ духовный и въ тоже время свѣтскій, опредѣляющій одинаковыя права для всѣхъ мусульманъ. Этимъ обозначается и все неотразимое значеніе мусульманскаго духовенства на Кавказѣ.

Изъ этого очевидно, что если опять, въ связи съ военными успѣхами, мы не будемъ стараться теперь же обезсиливать самое начало, изъ котораго сложился мюридизмъ, то должны будемъ постоянно ожидать, что рано или поздно мюридизмъ снова, подъ вліяніемъ того или другаго имама, подыметъ голову при первой возможности и вновь разрушитъ всѣ наши усилія къ умиротворенію края.

Чтобы достигнуть этого естественнымъ путемъ, надобно прежде всего стремиться къ возстановленію высшаго сословія, тамъ гдѣ сохраняются еще болѣе или менѣе слѣды его и создавать его дѣйствующимъ въ имперіи порядкомъ, тамъ, гдѣ оно не существуетъ. Такимъ образомъ, по мѣрѣ возстановленія дворянства, правительство будетъ имѣть въ немъ лучшее орудіе къ ослабленію исламизма, ибо вмѣстѣ съ дворянствомъ начнетъ сама собою опять возникать и противуположная Шаріату сила Адата, предѣлы власти Шаріатскаго суда сами собою стѣснятся вопросами исключительно-духовными, а между тѣмъ будемъ мы въ учреждаемыя нами народныя словесныя судилища вносить сколь можно болѣе началъ гражданскихъ. Отдѣляя такимъ образомъ эти гражданскія начала отъ началъ духовныхъ, легко будетъ сблизить первыя съ порядкомъ нашего судопроизводства и исподволь вести народъ ко всѣмъ прочимъ устройствамъ нашей гражданственности.

Съ паденіемъ свѣтской власти мусульманское духовенство не можетъ не понизиться нравственно, и тѣмъ скорѣе, чѣмъ болѣе народъ, выходя изъ-подъ его вліянія, будетъ уклоняться отъ различныхъ тягостныхъ податей и приношеній, установленныхъ Шаріатомъ въ пользу духовенства. Утративъ свое политическое значеніе, обѣднѣвшее духовенство неминуемо снизойдетъ съ нынѣшняго высокаго своего положенія въ обществѣ и, кромѣ исполненія духовныхъ требъ, утратитъ всѣ прочія права и власти.

Но съ паденіемъ духовенства и съ уничтоженіемъ гражданскихъ его отношеній къ народу должны поколебаться въ мусульманахъ и самыя начала духовныя, столь необходимыя для человѣческой природы, и тогда народъ, разрѣшившій себѣ завѣсы религіи, сдѣлается тѣмъ бо́льшимъ бременемъ для правительства, чѣмъ больше онъ предрасположенъ къ необузданности страстей и къ безпорядкамъ своеволія. Поэтому надлежитъ принять теперь же мѣры, чтобы мусульмане, теряя свои религіозныя вѣрованія, имѣли предъ глазами другое, готовое исповѣдываніе, болѣе чистое и болѣе успокоительное для требованій разума и совѣсти, и чтобы невольное сравненіе этого исповѣданія съ оставляемымъ могло, при первомъ же взглядѣ, произвести на умъ впечатлѣніе безспорнаго превосходства.

Въ этихъ видахъ было предложено мною учрежденіе возстановленія православія на Кавказѣ. Цѣль моя была создать средства къ достойному возстановленію и сооруженію храмовъ Господнихъ и къ образованію и обезпеченію хорошихъ проповѣдниковъ святой нашей вѣры. Теперь взглядъ колеблющагося мусульманина на наше духовенство былъ бы въ высшей степени для насъ неблагопріятенъ: наши священники, за немногими исключеніями, не имѣютъ, къ глубокому сожалѣнію, и права на тотъ почетъ, который невольно отдается даже нами мусульманскому муллѣ. Слѣдовательно, надобно прежде всего поставить ихъ какъ нравственно, такъ и матеріально, въ почетное положеніе.

А потому смѣю прибѣгнуть вновь къ убѣдительнѣйшему ходатайству моему объ учрежденіи, какъ можно скорѣе, Общества Возстановленія Христіанства на Кавказѣ, на началахъ мною предположенныхъ.

Б. Отношеніе главнокомандующаго военному министру, 22 Августа 1859 г. № 379. Главная квартира близъ аула Кегеръ.

Изъ телеграфической депеши, отправленной сего числа чрезъ адъютанта моего, поручика князя Витгенштейна въ Симферополь, для передачи въ Петербургъ, вашему высокопревосходительству уже извѣстно, что весь восточный Кавказъ отъ моря Каспійскаго до Военно-Грузинской дороги палъ къ стопамъ Его Императорскаго Величества.

И такъ полувѣковая кровавая борьба въ этой половинѣ Кавказа кончилась; неприступныя тѣснины, укрѣпленные природой и искусствомъ аулы, крѣпости замѣчательной постройки, взятіе которыхъ потребовало бы огромныхъ пожертвованій, 48 орудій, огромное число снарядовъ, значковъ и разнаго оружія сданы намъ въ теченіи нѣсколькихъ дней, безъ выстрѣла, силою нравственнаго пораженія. Все это послѣдствія дѣйствій предъидущихъ лѣтъ и предпринятаго теперь наступательнаго движенія съ трехъ сторонъ.

Послѣ отправленія послѣдняго отзыва моего, отъ 7 Августа № 296, покореніе обществъ и сдача непріятельскихъ крѣпостей слѣдовали съ не-

мовѣрной быстротой: и Ирибъ съ 9 орудіями и большимъ числомъ запасовъ сданъ Даніель-бекомъ, бывшимъ султаномъ Элисуйскимъ 2 го Августа, а самъ онъ 7 числа явился ко мнѣ безъ оружія, съ повинной и чистосердечнымъ раскаяніемъ. Отъ имени Государя Императора я объявилъ ему полное прощеніе.

8-го числа я посѣтилъ Каратý, никогда не видавшую у себя Русскихъ, никому еще не покорявшуюся и имѣвшую въ глазахъ Шамиля особое значеніе, и былъ принятъ жителями съ неподдѣльнымъ восторгомъ.

10-го числа я оставилъ Чеченскій отрядъ и съ кавалерійскимъ конвоемъ отправился для обзора всего новопокореннаго края.

Я посѣтилъ Тлохъ, Игали, Чиркатъ, осматривалъ Ахульго, знаменитое осадою 1839 года, и чрезъ Ашильту проѣхалъ въ Унцукуль и Гимры. Отсюда я отпустилъ бывшій со мною 1-й дивизіонъ Нижегородскихъ драгунъ чрезъ Каранаевскія высоты въ Чиръ-Юртъ и съ одними Аварцами и Койсубулинцами поднялся на Бетлинскія высоты къ Ахкенту.

Жители вездѣ толпами встрѣчали меня, выражая по своему совершенную покорность и преданность.

Изъ Ахкента, чрезъ Арахъ-тау и Танусъ-Балъ, я прибылъ въ Аварію. Все населеніе ликовало за назначеніе ханомъ флигель-адъютанта Его Величества ротмистра Ибрагимъ-хана и въ особо-поданномъ мнѣ адресѣ выразило свою радость по случаю избавленія отъ тяжкаго ига, тяготѣвшаго надъ Аваріею 15-ть лѣтъ.

Послѣ ночлега въ Хунзахѣ, къ аулу Гидатль, гдѣ явился ко мнѣ Кибитъ-Магома съ Тилитлинцами, я спустился въ долину Аварскаго Койсу, встрѣчаемый съ одинаковымъ торжествомъ. Отсюда чрезъ Кундинское общество я прибылъ въ Ругджу, а 18 числа переправился чрезъ Кара-Койсу, осмотрѣлъ Чохъ, замѣчательное по искусной постройкѣ, сильное укрѣпленіе, и въ сопровожденіи Чохскихъ жителей, восторженно меня принявшихъ, прибылъ на высоты къ разоренному аулу Кегеръ, въ лагерь Дагестанскаго отряда.

Здѣсь, въ виду Гуниба, молодецкіе баталіоны лейбъ-Эриванскаго гренадерскаго Его Величества и Ширванскаго полковъ и два дивизіона Сѣверскихъ драгунъ были представлены мнѣ, вмѣстѣ съ нѣсколькими сотнями милиціи различныхъ племенъ, и прошли прекрасно, бодро церемоніальнымъ маршемъ.

Въ этотъ же день командующій войсками Лезгинской кордонной линіи, по возвращеніи изъ главной квартиры, проѣхавъ всѣ покорившіяся общества причисленныя къ раіону Лезгинской линіи и устроивъ вездѣ управленіе, вступилъ съ частію своихъ войскъ въ Ирибъ, а оттуда 20 числа прибылъ на позицію у Кегера, гдѣ я назначилъ общій съѣздъ трехъ командующихъ войсками.

Такъ окончилась многолѣтняя война. Край, въ которомъ, казалось, не суждено было утихнуть гулу выстрѣловъ, умиротворенъ. Храбрымъ войскамъ лѣваго крыла, Прикаспійскаго края и Лезгинской линіи, послѣ со-

вершенныхъ ими геройскихъ подвиговъ остается не менѣе великій подвигъ трудами рукъ своихъ упрочить власть нашу въ новопокорившихся странахъ.

Теперь, когда всѣ эти горы, ущелья и долины, огражденныя природой и искусствомъ, когда воинственное, фанатическое населеніе ихъ, такъ долго не выпускавшее изъ рукъ оружія, вдругъ намъ покорилось, теперь настала пора безчисленныхъ заботъ и усиленной дѣятельности, для проложенія путей сообщенія, для учрежденія правильной, сообразной съ духомъ народа администраціи, для избранія и занятія стратегическихъ пунктовъ, однимъ словомъ, для пріобрѣтенія такого положенія, которое избавило бы насъ въ будущемъ отъ всѣхъ случайностей и вторичной кровавой борьбы.

Съ помощію Бога, съ содѣйствіемъ моихъ отличныхъ помощниковъ, съ тѣми несравненными войсками и средствами, которыя Государь Императоръ предоставилъ въ мое распоряженіе, до исхода 1861 года я могу надѣяться достигнуть и этой цѣли, для славы возлюбленнаго Монарха.

И такъ, теперь, когда весь огромный край отъ моря Каспійскаго до Военно-Грузинской дороги покорился намъ, не склоняется еще предъ могущественнымъ оружіемъ Его Императорскаго Величества одинъ только Шамиль.

Видя быстрое, даже для насъ такъ скоро неожиданное паденіе всѣхъ оплотовъ своей власти, онъ бросился сначала въ общества Южнаго Дагестана, надѣясь найти здѣсь гдѣ нибудь крѣпкое убѣжище. Но враждебно встрѣчаемый жителями, два раза его ограбившими, теряя каждый день большую часть бывшихъ съ нимъ приверженцевъ, наконецъ испуганный ставшими на пути его войсками, онъ бросился въ Гунибъ, давно избранный имъ какъ послѣднее убѣжище, хотя онъ не успѣлъ еще достаточно обезпечить его продовольствіемъ.

Достигнувъ наконецъ этого мѣста, онъ присоединилъ къ себѣ Гунибскихъ жителей и составилъ партію въ 400 человѣкъ при 4-хъ орудіяхъ.

Не ограничиваясь природною крѣпостью Гуниба, Шамиль употребилъ всѣ средства сдѣлать его совершенно неприступнымъ: онъ подорвалъ порохомъ всѣ скалы, гдѣ представлялась малѣйшая возможность взобраться; онъ заградилъ всѣ тропинки, ведущія на Гунибъ отъ Кара-Койсу, Ругджи и Хинды, толстыми стѣнами, башнями, двухъ и трехъ ярусными оборонительными постройками, вездѣ заготовилъ огромныя кучи камней для скатыванія на атакующихъ, однимъ словомъ приготовилъ оборону, какую только средства его и искусство въ этомъ дѣлѣ горцевъ могли представить.

Къ 8-му Августу Дагестанскій отрядъ собрался въ Куяды на уроч. Гунимееръ, а 9-го, вслѣдствіе произведеннаго обзора мѣстности, двинулся къ подножію Гуниба и занялъ мѣста для блокады, такъ что 10 числа 10-ть баталіоновъ пѣхоты и 7 сотень конницы на всей окружности Гуниба, до 50 верстъ, учредили по возможности строгую блокаду, а $6^1/_4$ баталіоновъ Сѣверскій драгунскій полкъ, 6 сотень туземной конницы при 14-ти орудіяхъ, расположенныхъ у Кегера въ виду Гуниба, составили общій резервъ.

Сначала съ Гуниба по блокирующимъ войскамъ производились шечные выстрѣлы, но безвредно; а наши стрѣлки разгоняли огнемъ рѣзныхъ ружей собиравшихся на гребняхъ скалъ для работъ горцевъ. 15-го огонь утихъ.

И такъ Шамиль остался въ неприступномъ убѣжищѣ, какъ обло громаднаго зданія, разомъ рухнувшаго послѣ долгаго сопротивленія. О ко нѣсколько дней проведенныхъ на Гунибѣ, окруженномъ нашими войс и возставшимъ противъ Шамиля населеніемъ, дало ему время обду свое положеніе, и повидимому онъ сталъ убѣждаться, что пора его вл прошла безвозвратно. Онъ вступилъ въ переговоры, избравъ посреди ми Даніель-бека и полковника Алихана, временно управляющаго Койс линскимъ обществомъ. Но послѣ четырехъ-дневныхъ безплодныхъ пер воровъ я приказалъ прекратить ихъ и приступить къ предварительн работамъ для овладѣнія Гунибомъ.

Еслибы неупорство одного человѣка, то я имѣлъ бы счастіе о чить великое дѣло безъ необходимости еще разъ прибѣгать къ оружі

Спѣшу обо всемъ этомъ сообщить вашему высокопревосходитель для всеподданнѣйшаго доклада Государю Императору.

Глава VII.

Прибытіе подъ Гунибъ — Опасенія за результатъ штурма.—Предложенія Шамилю сдаться и переговоры съ нимъ —Предположенія о правильной осадѣ Гуниба и отъѣздѣ князя.— Разговоръ съ княземъ Мирскимъ.—Измѣненіе предположеній объ осадѣ.—Расположеніе войскъ кругомъ Гуниба.—Удачное движеніе ихъ на Гунибъ.—Извѣстіе что Шамиль окруженъ и отъѣздъ князя на Гунибъ.—Переговоры предъ сдачею Шамиля.—Сдача его на волю побѣдителя. — Сцена свиданія съ княземъ.—Отправленіе Шамиля въ лагерь.—Депеша объ этомъ Государю и приказъ по арміи. — Отъѣздъ князя въ Тифлисъ.—Торжественныя встрѣчи —Пожалованіе ордена Андрея Первозваннаго.—Дѣло о постройкѣ тріуфальной арки.

Гунибъ между тѣмъ былъ уже обложенъ со всѣхъ сторонъ нашими колоннами. Видя крайность своего положенія, Шамиль просилъ перемирія. Начались переговоры, пересылка писемъ и т. п. Все это ни къ чему не вело, время уходило, близился конецъ лѣта. На открытый штурмъ не рѣшались: потеря могла быть громадная; не исключалась даже возможность неудачи, не взирая на малое число защитниковъ Гуниба. Но не это главнымъ образомъ было причиною нежелательности штурма; главнокомандующій опасался, что при штурмѣ самъ Шамиль могъ бытъ убитъ, а онъ намъ былъ нуженъ живой, сдавшійся. Убитый, онъ послужилъ бы предметомъ вящшаго поклоненія фанатиковъ, создалась бы легенда, какъ о Кази-муллѣ, найденномъ будто бы держащимъ правой рукой бороду,—что̀ означаетъ прямой путь въ небо. Все это могло въ будущемъ представить намъ большія затрудненія. Еще болѣе опасался князь, чтобы Шамилю не удалось какъ-нибудь бѣжать съ Гуниба. Это было бы крайне непріятно, тѣмъ болѣе, что онъ могъ пробраться въ Персію къ Куртинамъ и въ Турцію, гдѣ послужилъ бы орудіемъ всякихъ враждебныхъ Россіи махинацій. На тему возможности бѣгства Шамиля, князь Александръ Ивановичъ не разъ возобновлялъ разговоръ. Страдая въ то время сильными припадками подагры, лишавшими его сна, онъ поздно ночью призывалъ меня къ себѣ и всякій разъ возвращался къ этому вопросу о возможности бѣгства Шамиля, причемъ вспоминалъ аналогичный эпизодъ 1839 года въ Ахульго. Не отвергая совсѣмъ возможности бѣгства, я старался успо-

коить князя тѣмъ, что, во 1-хъ: Шамиль на двадцать лѣтъ постарѣлъ и едвали такъ еще ловокъ, чтобы спускаться съ кручи на веревкахъ; во 2-хъ, что у насъ здѣсь кругомъ Гуниба гораздо больше войскъ чѣмъ было подъ Ахульго и, слѣдовательно, гораздо труднѣе скрыться; въ 3-хъ, что послѣ изъявленія всѣмъ народонаселеніемъ покорности и потери Шамилемъ обаянія на столько, что при переходѣ изъ Караты къ Гунибу сами горцы его ограбили, трудно допустить, чтобы онъ довѣрился которому-нибудь изъ ближайшихъ обществъ, отъ котораго могъ бы получить средства для дальнѣйшаго побѣга къ границамъ Персіи или Турціи. Тѣмъ не менѣе князь приказалъ послать всѣмъ пограничнымъ мѣстнымъ начальникамъ строгія приказанія о бдительнѣйшемъ надзорѣ и вмѣстѣ съ тѣмъ издалъ объявленіе, что за доставленіе Шамиля живымъ будетъ выдано 10 т. рублей награды.

Наконецъ, Шамилю было послано отъ главнокомандующаго письмо слѣдующаго содержанія:

„Вся Чечня и Дагестанъ нынѣ покорились державѣ Россійскаго Императора, и только одинъ Шамиль лично упорствуетъ въ сопротивленіи Великому Государю.

„Чтобы избѣжать новаго пролитія крови, для окончательнаго водворенія въ цѣломъ краѣ спокойствія и благоденствія, я требую, чтобы Шамиль неотлагательно положилъ оружіе. Если онъ исполнитъ мое требованіе, то я именемъ Августѣйшаго Государя, торжественно объявляю ему, со всѣми находящимися при немъ теперь на Гунибѣ, полное прощеніе и дозволеніе ему съ семействомъ ѣхать въ Мекку, съ тѣмъ, чтобы онъ и сыновья его дали письменныя обязательства жить тамъ безвыѣздно, равно какъ и тѣ изъ приближенныхъ лицъ, которыхъ онъ пожелаетъ взять съ собою. Путевыя издержки и доставленіе его на мѣсто будутъ вполнѣ обезпечены Русскимъ правительствомъ. По сдачѣ Шамиля, Государь Императоръ самъ изволитъ опредѣлить размѣръ денежнаго содержанія ему съ семействомъ“.

„Если же Шамиль до вечера завтрашняго дня не воспользуется великодушнымъ рѣшеніемъ Императора Всероссійскаго, то всѣ бѣдственныя послѣдствія его личнаго упорства,

падутъ на его голову и лишатъ его навсегда объявленныхъ ему мною милостей".

Приходившій отъ Шамиля для переговоровъ горскій дипломатъ Юнусъ Чиркеевскій не доставилъ положительнаго отвѣта, а велъ уклончивыя, туманныя рѣчи. По порученію князя, начальникъ главнаго штаба написалъ Шамилю 22 Августа, чтобы онъ далъ категорическій отвѣтъ: согласенъ ли онъ на предложенныя условія или нѣтъ?

На это письмо въ тотъ же день было получено письмо Шамиля: „Мы не требуемъ отъ васъ мира и никогда не помиримся съ вами; мы отъ васъ просимъ только свободнаго пропуска по извѣстному уже условію. Если на это будетъ согласіе, то хорошо; если же нѣтъ, то надѣемся на Бога, Который выше и сильнѣе всего. На этомъ основаніи—сабля наострена, и рука готова".

Послѣ такого отвѣта, больше ничего не оставалось, какъ предоставить окончаніе дѣла штыку.

Совѣщанія главнокомандующаго съ Д. А. Милютинымъ и графомъ Евдокимовымъ привели къ мысли о необходимости правильной осады Гуниба. Тогда пригласили и начальника инженеровъ, генерала Кесслера, который, само собою, всѣмъ авторитетомъ спеціалиста поддержалъ это предложеніе. А такъ какъ осада эта требовала продолжительнаго времени, то присутствіе главнокомандующаго подъ Гунибомъ было признано неприличнымъ, могущимъ его скомпрометировать въ глазахъ только-что покорившагося народонаселенія. Даже и командующаго войсками, барона Врангеля считалось нужнымъ удалить въ Темиръ-Ханъ-Шуру, оставивъ осаду подъ начальствомъ инженернаго генерала. Въ Дербентъ были посланы офицеры за разными инженерными и осадными принадлежностями, потребовали осадную артилерію; наконецъ, уже сдѣлали всѣ нужныя распоряженія по заготовленію лошадей и пр. для обратнаго проѣзда главнокомандующаго къ Тифлисъ. И все это въ концѣ Августа, когда пребываніе войскъ въ этой мѣстности могло продлиться не болѣе мѣсяца, когда Гунибъ представлялъ для правильной осады, по меньшей мѣрѣ, объектъ самый неудобный!

Слухъ о такомъ рѣшеніи произвелъ въ лагерѣ недоумѣніе и разнородные толки, въ большинствѣ сводившіеся къ довольно рѣзкой критикѣ. Князь Барятинскій, однако, всѣ эти дни былъ очевидно въ дурномъ расположеніи духа, обнаруживавшемъ недовольство ходомъ дѣла. Иногда по нѣскольку часовъ сряду не видно было, чтобы кто-нибудь изъ начальствующихъ лицъ входилъ къ нему; самъ онъ по долгу сидѣлъ предъ своей палаткой и пристально смотрѣлъ въ большую подзорную трубу на Гунибъ, съ обрыва котораго изрѣдка виднѣлись дымки пушечныхъ выстрѣловъ.

Князь Д. И. Мирскій разсказываетъ, что въ то время князь Александръ Ивановичъ ежедневно приглашалъ его къ себѣ, чтобы поговорить о разныхъ предметахъ, очевидно для препровожденія времени; о дѣлѣ почти не упоминалось. Князь Барятинскій отлично умѣлъ уклоняться отъ нежелательныхъ ему разговоровъ, и всякіе намеки въ такихъ случаяхъ оставались безъ успѣха. Наконецъ, въ одинъ день, рано утромъ, не въ обычный часъ, князь Мирскій былъ позванъ къ главнокомандующему, который въ замѣтномъ волненіи ходилъ взадъ и впередъ по палаткѣ. Походивъ еще немного, онъ уперся вдругъ въ него своими проницательными глазами (горцы называли ихъ гёзларъ-яманъ *) и сказалъ: Вы знаете, какъ я на васъ смотрю, знаю, что вы мнѣ искренно преданы и имѣю большое довѣріе къ вашему мнѣнію. Отвѣчайте мнѣ прямо, откровенно, ничѣмъ не стѣсняясь, на мой вопросъ. Меня уговариваютъ уѣхать отсюда, и я почти уже согласился. Что́ вы объ этомъ думаете?

„Князь Мирскій выразилъ особую радость, услышавъ этотъ вопросъ, и сказалъ, что, по его мнѣнію, главнокомандующій долженъ оставаться здѣсь и взять Шамиля, во что̀ бы ни стало.

Князь Барятинскій пришелъ въ восторгъ отъ этого отвѣта. „Да, сказалъ онъ, вы правы; это въ сущности было всегда

---

*) „Не хорошіе глаза“, т. е. въ смыслѣ ихъ неудобной для другихъ проницательности. И, дѣйствительно, эти голубые, обыкновенно полныя выраженія доброты глаза, имѣли замѣчательную способность пронизать человѣка насквозь, или выказать неудовольствіе, или презрѣніе.... А. З.

и моимъ мнѣніемъ; но вотъ что мнѣ говорятъ", и онъ изложилъ доводы, приводившіеся на совѣщаніяхъ. Доводы были не особенно убѣдительные.

Послѣ подробнаго обсужденія предполагаемой правильной осады, очевидно невозможной, въ особенности въ такое позднее время года, и предпочтительности если не открытаго штурма, то постепенной эскалады,—князь Александръ Ивановичъ, опасаясь, чтобы при штурмѣ Шамиль не былъ убитъ, остановился на слѣдующемъ рѣшеніи: предоставить всѣмъ начальникамъ колоннъ дѣлать попытки къ овладѣнію Гунибомъ по ихъ усмотрѣнію и на ихъ отвѣтственность, обѣщая щедрыя награды тому, кто въ этомъ успѣетъ и, какъ уже выше сказано, 10 тысячъ рублей лицу, которое возьметъ Имама въ плѣнъ. Вмѣстѣ съ тѣмъ, тутъ же отдалъ приказаніе отмѣнить всѣ распоряженія къ его отъѣзду изъ-подъ Гуниба.

И опять, какъ въ дѣлѣ о движеніи Дагестанскаго отряда послѣ переправы черезъ Койсу, личная иниціатива, можно сказать даже вдохновленіе, князя Барятинскаго и безподобныя войска наши, для которыхъ, кажется, нѣтъ ничего невозможнаго, спасли дѣло въ самый важный, рѣшительный моментъ.

Распоряженіе главнокомандующаго, предоставившее столь большую самостоятельность начальникамъ колоннъ, имѣвшимъ возможность наиболѣе близко ознакомиться съ мѣстностью и воспользоваться непредвидѣнными случайностями, было самымъ разумнымъ, тѣмъ болѣе, что оно не лишало генерала Кесслера права испытывать между тѣмъ и инженерныя средства, могущія содѣйствовать постепенной эскаладѣ съ болѣе доступной стороны.

Гунибъ представляетъ отдѣльную высокую гору, омываемую Аварскимъ и Кара-Койсу съ трехъ сторонъ; въ основаніи Гунибъ имѣетъ болѣе 50 верстъ въ окружности; кое-гдѣ скаты покрыты тощею зеленью, кое-гдѣ кукурузой и фруктовыми деревьями, но большею частью обвалами огромныхъ камней; постепенно съуживаясь, гора упирается въ сплошной карнизъ громадныхъ отвѣсныхъ скалъ. Гунибъ, даже вблизи, казался совершенно недоступнымъ; только съ одной восточной стороны на гору зигзагами вела крутая тро-

па по каменистому грунту; при самомъ окончаніи этой дороги, у входа на плато, прорѣзанное глубокимъ скалистымъ оврагомъ, по лѣвому обрыву котораго расположенъ аулъ Гунибъ, были устроены толстыя каменныя стѣны съ бойницами, трехъ-ярусными оборонительными постройками, башнями, съ однимъ тѣснымъ извилистымъ проходомъ; здѣсь сосредоточивалась большая часть защитниковъ. Не далеко отъ этихъ искусственныхъ крѣпкихъ преградъ, надъ обрывомъ стояла палатка самого Шамиля и батарейное орудіе. Не ограничиваясь природною крѣпостью Гуниба, Шамиль употребилъ всѣ средства сдѣлать его совершенно недоступнымъ. Онъ заставлялъ работать всѣхъ женщинъ и для примѣра даже свою семью; всѣ скалы, гдѣ представлялась малѣйшая возможность взобраться, были подорваны порохомъ; вездѣ заготовлены огромныя кучи камней для скатыванія на атакующихъ. Вообще онъ приготовилъ оборону, какую только его средства и искусство горцевъ въ подобномъ дѣлѣ могли представить. Однимъ словомъ, по общему убѣжденію, Гунибъ представлялся совершенно недоступнымъ. Наши войска были расположены вокругъ Гуниба отдѣльными колоннами. На восточномъ фасѣ Ширванцы, на сѣверномъ они же съ Грузинцами и Самурцами, на южномъ Апшеронцы съ Самурцами и 21-мъ стрѣлковымъ баталіономъ, а на западномъ Дагестанцы.

Получивъ упомянутое выше распоряженіе, начальники колоннъ, и до того уже осматривавшіе чрезъ охотниковъ всѣ трещины, уступы и малѣйшія неровности почти отвѣсныхъ скалъ, еще болѣе усилили свои поиски. Въ ночь на 24 Августа Ширванцы съ восточной стороны, не взирая на огонь непріятеля, выдвинулись впередъ и расположились за камнями и разоренными постройками хутора; 24-го было сдѣлано распоряженіе подвинуть войска и съ сѣверной стороны ближе къ обрывамъ. Между тѣмъ, предъ разсвѣтомъ 25 числа, Апшеронцы съ южнаго фаса, вслѣдъ за своими охотниками, по какой-то трещинѣ успѣли доползти до обрыва горы. Мѣстность здѣсь, въ глазахъ горцевъ, представлялась столь недоступною, что они оставили ее почти безъ вниманія и только не вдалекѣ, на самой горѣ держали незначительный

караулъ. Предъ Апшеронцами, какъ стѣны, возвышались одинъ надъ другимъ три скалистыхъ обрыва, каждый отъ 8 до 10 саженъ вышины, въ одномъ только мѣстѣ разсѣченные узкою поперечною трещиною. 130 охотниковъ, обутыхъ въ лапти и поршни, съ лѣстницами и крючьями, успѣли, подсаживая другъ друга, вскарабкаться на террасу, отдѣляющую нижній обрывъ отъ верхняго; за ними сталъ взбираться баталіонъ при помощи тѣхъ же лѣстницъ, крючьевъ и проч. Свѣтъ чуть брезжилъ, когда горскій караулъ, наконецъ, услышавъ шумъ, открылъ огонь: но цѣль была уже близка: Апшеронцы, не взирая на выстрѣлы, вползли на верхнюю террасу и вслѣдъ за тѣмъ на самую гору, успѣвъ захватить весь пикетъ горцевъ, состоявшій изъ 22 человѣкъ (въ томъ числѣ оказались три вооруженныя женщины); семь были убиты, остальные взяты въ плѣнъ. Когда совсѣмъ разсвѣло, и къ взобравшимся на гору подошли еще двѣ роты Апшеронцевъ съ стрѣлковымъ баталіономъ, начальникъ колонны полковникъ Тергукасовъ двинулся къ самому аулу Гунибу— верстъ 8 отъ обрыва.

Въ туже ночь на 25 Августа войска сѣвернаго фаса произвели фальшивую атаку, заставившую горцевъ сбросить внизъ заготовленную ими груду камней. Два часа гора гудѣла подъ прыгающими обломками скалъ, перескакивавшими чрезъ головы прилегшихъ людей нашихъ. Когда этотъ каменный градъ утихъ, начальникъ колонны генералъ-маіоръ князь Тархановъ двинулъ войска къ трещинѣ, раздвигающей въ этомъ мѣстѣ скалы карниза, открытой заранѣе бывшими при войскахъ нашими горскими милиціонерами. Пройдя такимъ образомъ на высоты почти одновременно съ Апшеронцами и не зная объ ихъ появленіи, князь Тархановъ направилъ часть войскъ къ палаткѣ Шамиля (что̀ заставило его тотчасъ, сбросивъ съ кручи свое орудіе, ускакать въ аулъ), другую въ тылъ оборонительныхъ стѣнъ, а еще одну часть къ аулу. Озадаченные внезапнымъ появленіемъ нашихъ войскъ съ разныхъ сторонъ, горцы оставили укрѣпленія, чѣмъ воспользовались Ширванцы, рѣшительно двинувшіеся за ними по дорогѣ восточнаго ската съ 4-мя горными орудіями, а немного спустя и полковникъ Радецкій съ Даге-

станцами, преодолѣвъ неимовѣрныя затрудненія, поднялся съ западной стороны на Гунибъ. Значительная часть горцевъ, бывшихъ въ оборонительныхъ веркахъ, оказалась отрѣзанною отъ аула; засѣвъ за камни, они открыли сильный огонь противъ Ширванцевъ. Ихъ окружили. Не видя спасенія и не желая сдаваться, они отчаянно защищались: завязалась кровавая рукопашная схватка; пощады не было никому. Горцы были почти до единаго истреблены, но и Ширванцы потеряли около ста человѣкъ, почти исключительно изрубленныхъ шашками и кинжалами. Озлобленнѣе всѣхъ дрались здѣсь нѣсколько десятковъ нашихъ старыхъ дезертировъ, давно омусульманившихся...

Рано утромъ, 25 числа, ординарецъ главнокомандующаго, урядникъ изъ Осетинъ, Казбій, возившій всегда значекъ князя, сталъ смотрѣть въ подзорную трубу и, замѣтивъ на Гунибѣ бѣлыя фуражки *), вбѣжалъ съ этимъ извѣстіемъ въ палатку князя. Князь ему не повѣрилъ, вышелъ самъ, посмотрѣлъ, но, не довѣряя и собственнымъ глазамъ, приказалъ позвать меня. Взглянувъ въ трубу, я совершенно ясно увидѣлъ цѣлый строй бѣлыхъ фуражекъ близъ палатки Шамиля и немного выше, по направленію къ аулу. Это были войска сѣвернаго фаса. Не было уже сомнѣнія, что наши на Гунибѣ.

Вѣсть мгновенно разнеслась по лагерю, а вскорѣ прискакалъ адъютантъ главнокомандующаго подполковникъ Граббе отъ генерала Кесслера съ извѣстіемъ, что всѣ колонны уже окружаютъ аулъ и ожидаютъ приказаній. Нечего говорить о торжественно-радостномъ впечатлѣніи.

Князь Барятинскій немедленно приказалъ подать лошадей, и мы отправились на Гунибъ.

На подъемѣ къ главнымъ непріятельскимъ укрѣпленіямъ, стали попадаться навстрѣчу раненые Ширванцы, которымъ главнокомандующій приказалъ навѣшивать Георгіевскіе кресты и раздавать денежные подарки; ближе къ стѣнамъ валялись обезображенные непріятельскіе трупы; дальше по дорогѣ сидѣли кучки непріятельскихъ плѣнныхъ, окруженныя

*) На Кавказѣ лѣтомъ войска имѣли на фуражкахъ бѣлые холщевые чехлы.

солдатами; съ разныхъ сторонъ двигались баталіоны къ аулу. Увидѣвъ главнокомандующаго, они закричали ура! Шамиль думалъ, что начинается штурмъ и сталъ молиться..

Переѣхавъ оврагъ, главнокомандующій, въ березовой рощицѣ, въ верстѣ отъ аула, сѣлъ на камень *), приказалъ прекратить перестрѣлку, завязавшуюся между защитниками аула и нашими войсками, и послалъ предложить Шамилю сдаться, не проливая напрасно крови. Имамъ видѣлъ, что держаться дольше нѣтъ возможности. Быть можетъ, онъ и рѣшился бы пасть съ оружіемъ въ рукахъ, еслибы съ нимъ не было его жены и дѣтей.... Четырнадцать баталіоновъ окружали на полружейнаго выстрѣла аулъ; войска горѣли желаніемъ отличиться въ присутствіи главнокомандующаго; стоило произнести роковое слово „впередъ", и не осталось бы, кажется, не только бывшихъ въ немъ людей, но и слѣдовъ самаго аула.

Начались переговоры. Генералъ-адъютантъ баронъ Врангель, князь Мирскій, полковникъ Лазаревъ, пишущій эти строки и кто-то изъ переводчиковъ стояли саженяхъ въ пятидесяти отъ аула, на открытой площадкѣ, далеко впереди баталіоновъ. Къ намъ вышелъ Юнусъ съ вопросомъ: какія условія предлагаютъ Шамилю? — „Никакихъ, былъ отвѣтъ; пусть выходитъ, или войска сейчасъ ринутся на аулъ." Юнусъ ушелъ; мы продолжаемъ смотрѣть на аулъ, на расхаживающихъ по плоскимъ кровлямъ сакель вооруженныхъ людей, на выглядывающихъ изъ оконъ женщинъ.

Чрезъ полчаса опять идетъ Юнусъ. „Шамиль проситъ позволить Юнусу лично представиться главнокомандующему и отъ него получить отвѣтъ".—Я отправился съ нимъ къ мѣсту, гдѣ оставался князь.

„Передай Шамилю, чтобы сейчасъ выходилъ, а то начнется штурмъ, и тогда уже никому не будетъ пощады. Предлагаю ему лишь одно условіе: его собственная и всего семейства личная безопасность", былъ отвѣтъ князя.

---

*) На этомъ историческомъ камнѣ вырѣзана надпись: „25 Августа 1859 года, 4 часа пополудни. Князь Барятинскій".

Мы уѣхали съ Юнусомъ назадъ. Онъ вошелъ въ аулъ, разсказалъ результатъ свиданія. Проходитъ полчаса; тишина въ аулѣ, тишина кругомъ, всѣ ждутъ съ нетерпѣніемъ что́ будетъ. Вдругъ изъ аула раздается громкій голосъ: „Шамиль проситъ прислать къ нему бывшаго Чохскаго наиба Исмаила", (зятя имама). Послали. Черезъ четверть часа возвращается Исмаилъ. „Шамиль спрашиваетъ, не послать ли прежде младшаго сына къ главнокомандующему?"—„Нельзя, кричитъ въ отвѣтъ полковникъ Лазаревъ; выходи сейчасъ, а то будетъ поданъ сигналъ къ штурму". Еще четверть часа молчаніе и опять выходитъ Юнусъ: „Имамъ проситъ отодвинуть войска подальше отъ аула; тогда онъ выйдетъ".—„Нельзя, нельзя: пусть выходитъ и не выводитъ насъ изъ терпѣнія". Юнусъ ушелъ и чрезъ 10 минутъ опять бѣжитъ весь запыхавшись, обливаясь по́томъ... „Шамиль проситъ по крайней мѣрѣ отогнать всѣхъ мусульманъ, чтобы они не видѣли, какъ онъ будетъ выходить". Я поскакалъ опять къ князю передать эту просьбу и, получивъ разрѣшеніе исполнить это желаніе, возвращаюсь къ барону Врангелю, который приказалъ прогнать всю милицію назадъ за войска̀. Они уходятъ съ досадой, что ихъ лишили удовольствія видѣть, какъ Имамъ войдетъ въ кругъ гяуровъ. Проходитъ еще нѣкоторое время. Тишина такая, какъ будто все вымерло, а между тѣмъ 10 тысячъ штыковъ стоятъ, притаивъ дыханіе...

Наше нетерпѣніе достигаетъ крайнихъ предѣловъ. Будетъ штурмъ или не будетъ? Онъ, кажется, обманываетъ, тянетъ время до ночи, вѣроятно надѣется бѣжать, шептали мы между собою.

Наконецъ, въ аулѣ засуетились: между саклями показалась толпа, все съ чалмами на головахъ. Идетъ, идетъ! раздалось со всѣхъ сторонъ и всѣ взоры устремились къ аулу. Но тамъ все опять замолкло, толпа куда-то скрылась. Мы подошли еще ближе къ аулу, на пистолетный выстрѣлъ къ крайней саклѣ. Полк. Лазаревъ, Даніель-Бекъ, Исмаилъ начали кричать: „Выходите скорѣе, не будьте дѣтьми, не срамитесь малодушіемъ: вѣдь видите, что нѣтъ другаго спасенія". И опять зашевелилась толпа, и Шамиль показался изъ аула, тѣсно окруженный своими старыми, неразлучными мюридами.

Фототипія Шереръ, Набгольцъ и К° въ Москвѣ.

Представленіе плѣннаго Шамиля
Князю А. И. Барятинскому.
25 Августа 1859 г.

Какъ будто по сигналу, вдругъ всѣ войска кругомъ аула огласили воздухъ громкимъ ура! и по всей горѣ подхватили этотъ радостно-торжественный кликъ, гуломъ разнесшійся по всей окрестности. Шамиль пришелъ въ недоумѣніе, остановился на мгновеніе, но видя, что войска стоятъ неподвижно, пошелъ дальше. Минута была торжественная; всякъ, до послѣдняго солдата и милиціонера, понималъ, что совершается событіе великой важности: кончается война, длившаяся болѣе полувѣка, война, воплощеніемъ которой былъ этотъ самый Шамиль, идущій теперь сдаваться на волю побѣдителя!

Когда я, по приказанію барона Врангеля, опять побѣжалъ впередъ доложить, что Шамиль уже среди насъ и идетъ, князь спросилъ, много ли съ нимъ людей. „Человѣкъ сорокъ, вооруженныхъ съ ногъ до головы“, былъ мой отвѣтъ. „Бѣгите же скорѣе назадъ и передайте барону, чтобы распорядился незамѣтно отдѣлить этихъ людей отъ Шамиля, такъ чтобы они остались сзади нашихъ войскъ“. Эту деликатную операцію баронъ Врангель поручилъ полковнику Лазареву, который тутъ же и распорядился очень ловко продвинуть впередъ одинъ изъ двухъ эскадроновъ Сѣверскихъ драгунъ, шедшихъ за нами съ лошадьмя въ поводу, такъ что почти вся эта толпа мюридовъ очутилась между двумя эскадронами. За Шамилемъ, которому оружіе было оставлено, слѣдовалъ только его дипломатъ Юнусъ и человѣка два старыхъ, сѣдыхъ мюрида. Приближаясь къ мѣсту, гдѣ сидѣлъ главнокомандующій, Шамиль слѣзъ съ коня и блѣдный, растерянный, озираясь по сторонамъ, остановился наконецъ въ 2—3 шагахъ предъ сидѣвшимъ на камнѣ княземъ Барятинскимъ, который окруженъ былъ всѣми почти генералами, многочисленной свитой, конвоемъ и сбѣжавшимися разноплеменными милиціонерами *).

Князь Барятинскій встрѣтилъ Шамиля слѣдующими словами: „Шамиль, ты не принялъ условій, которыя я тебѣ предлагалъ, и не захотѣлъ пріѣхать ко мнѣ въ лагерь; те-

*) Сцена эта прекрасно изображена бывшимъ съ нимъ Мюнхенскимъ художникомъ Горшельтомъ въ большой картинѣ. Снимокъ съ уменьшенной фотографіи приложенъ къ этой главѣ.

перь я пріѣхалъ за тобой. Ты самъ захотѣлъ предоставить войнѣ рѣшить дѣло, и она рѣшила его въ нашу пользу. Теперь о тѣхъ условіяхъ уже и рѣчи нѣтъ; ты долженъ ѣхать въ Петербургъ и тамъ ожидать рѣшенія своей участи отъ милосердія Государя Императора. За одно тебѣ ручаюсь, это за личную безопасность твою и всего твоего семейства. Для твоего сопровожденія я назначилъ моего адъютанта полковника Тромповскаго, и онъ употребитъ все, чтобы ты не терпѣлъ никакихъ лишеній и недостатковъ".

Волненіе Шамиля было такъ велико, онъ такъ растерялся, что его отвѣтъ насъ разочаровалъ. Мы ожидали чего нибудь достойнаго его ума, его трагическаго величія; но онъ силился лишь объяснить, что былъ Русскими обманутъ и потому не могъ довѣрять, что былъ вынужденъ къ осторожности (причемъ сдѣлалъ сравненіе неудобное для печати); наконецъ, что какъ и медъ, если его часто употреблять, надоѣдаетъ, такъ и все на свѣтѣ надоѣдаетъ, и ему уже надоѣли тридцать лѣтъ войны, что онъ радъ покончить все и жить теперь мирно....

Быть можетъ, онъ еще надѣялся, что его оставятъ жить гдѣ нибудь тутъ же на Кавказѣ, и потому онъ заговорилъ о надоѣвшей войнѣ, забывъ, что три дня тому назадъ писалъ: „сабля наострена, и рука готова".

Князь Барятинскій повторилъ ему вкратцѣ уже сказанное прежде, что условій никакихъ, а все зависитъ отъ милосердія Государя. Затѣмъ, поручивъ графу Евдокимову Шамиля, князь, сильно страдавшій припадками подагры (въ тотъ день онъ вынужденъ былъ принять усиленныя дозы Colchicum), уѣхалъ съ Гуниба въ Кегерскій лагерь. Съ графомъ Евдокимовымъ князь приказалъ остаться своему адъютанту графу Орлову-Давыдову и мнѣ. Для охраны семейства и имущества Шамиля въ аулъ Гунибъ былъ введенъ баталіонъ. Наше путешествіе съ Шамилемъ длилось долго. Онъ останавливался дѣлать намазъ; ѣхали вообще очень тихо, особенно когда стемнѣло; дорога была обыкновенная, горная, узкая; кое-гдѣ только въ одинъ конь пробирались мы, зорко слѣдя за нашимъ знаменитымъ плѣнникомъ, чтобы что-нибудь не случилось съ нимъ (его могъ какой-нибудь мститель-го-

рецъ застрѣлить). Мы стали приближаться къ лагерю уже поздно ночью. Для Шамиля была приготовлена особая палатка, устланная коврами. Князь Александръ Ивановичъ прислалъ ему прекрасную медвѣжью шубу. Вся прислуга князя бросилась туда съ чаемъ и другими угощеніями, такъ что Александръ Ивановичъ долго не могъ дозваться своихъ людей.

Назначенный къ Шамилю въ качествѣ переводчика Алибекъ Пензулаевъ, подполковникъ изъ Кумыковъ, оказывалъ ему знаки самаго почтительнаго вниманія, утѣшалъ и успокаивалъ его на счетъ будущаго. Шамиль былъ увѣренъ, что его обманываютъ, что его вѣроятно казнятъ; но пріемъ въ лагерѣ и увѣреніе Алибека его видимо успокоили: онъ написалъ записку къ своему семейству, чтобы объ немъ не безпокоились и на другой день пріѣзжали къ нему.

26 Августа, въ день коронаціи, было отслужено молебствіе. При пушечной пальбѣ и восторженныхъ кликахъ войскъ, главнокомандующій благодарилъ ихъ за вчерашній подвигъ, за всю службу, увѣнчавшуюся такимъ блистательнымъ успѣхомъ. Въ приказѣ по арміи важное событіе было возвѣщено лаконически: „Гунибъ взятъ, Шамиль въ плѣну. Поздравляю Кавказскую армію". А къ Государю отправлена съ подполковникомъ Граббе депеша, такъ кстати подоспѣвшая къ тезоименитству 30 Августа.

27 числа, Шамиля, конвоируемаго баталіономъ пѣхоты и дивизіономъ драгунъ, отправили въ Темиръ-Ханъ-Шуру, гдѣ семейство его было оставлено, а онъ съ старшимъ сыномъ увезенъ въ Петербургъ. Послѣ отъѣзда съ Гуниба, Шамиль видимо успокоился и былъ въ хорошемъ расположеніи духа. По пути многіе мирные туземцы цѣловали ему руки, а женщины плакали. Такимъ ореоломъ пользовался онъ—представитель Ислама, борющагося противъ невѣрныхъ, и чѣмъ дальше отъ сцены его дѣйствій, тѣмъ больше было обаяніе. Это и понятно: тамъ, въ горахъ, тяжесть войны и гнетъ терористическаго правленія довели населеніе до отчаянія и озлобленія; а здѣсь, среди мирныхъ туземцевъ, не несшихъ тягостей и даже извлекавшихъ выгоды изъ войны: выгоды не только матеріальныя, но и политическія,—ибо мы по обстоятельствамъ оставляли ихъ свободными отъ всякихъ

повинностей, налоговъ и вообще сквозь пальцы смотрѣли на всѣ ихъ дѣйствія...

Сопровождавшій Шамиля покойный Тромповскій писалъ князю уморительныя Нѣмецкія письма съ дороги, разсказывая всякія подробности о путешествіи знаменитаго плѣнника. Въ Кутиши, въ домѣ полков. Лазарева, Шамиль увидѣлъ на стѣнѣ портретъ Государя и хотѣлъ его поцѣловать, но не могъ достать. Въ Дженгутаѣ, послѣ неосторожной ѣды, онъ жаловался на боль въ животѣ; всѣ жители тотчасъ заподозрили насъ въ отравленіи Имама.... Онъ однако принялъ отъ нашего доктора какія-то капли и боль вскорѣ прошла. Въ Кумтуръ-Кале выѣхало на встрѣчу поѣзда изъ Петровска много любопытныхъ, особенно дамъ; онѣ угощали Шамиля чаемъ и сладостями; онъ былъ весьма любезенъ, а при прощаніи просилъ подарить ему зонтикъ, который онъ забылъ захватить съ Гуниба; дамскаго зонтика не принялъ, хотя разсыпался въ благодарностяхъ. Въ Темиръ-Ханъ-Шурѣ пришлось всѣхъ, съ Шамиля начиная, одѣть и обуть; онъ очень заботился о своемъ туалетѣ и пожелалъ имѣть непремѣнно бѣлую черкеску; съ удовольствіемъ принималъ посѣщенія дамъ, сталъ рѣже дѣлать намазъ.... Когда же усѣлись въ дормёзъ для дальнѣйшаго путешествія въ Москву, то выразилъ большое удовольствіе экипажемъ, а когда Тромповскій сказалъ, что этотъ экипажъ уже давно стоялъ въ его ожиданіи, онъ разсмѣялся....

28 числа главнокомандующій выѣхалъ изъ отряда чрезъ Ходжалъ-Махи въ Кутиши, гдѣ и ночевалъ у полковника Лазарева, а 29 чрезъ Акушу въ Дешлагаръ и Дербентъ, почтовымъ трактомъ въ Тифлисъ. Вездѣ на пути князя встрѣчали депутаціи съ поздравленіями, адресами, торжествомъ, а 5-го Сентября въ Тифлисѣ встрѣча была дѣйствительно достойная великаго дѣла, совершеннаго княземъ Барятинскимъ. У временныхъ тріумфальныхъ воротъ на Авлабарѣ толпились массы народа, городской голова произнесъ рѣчь, дѣвушки въ бѣлыхъ платьяхъ усыпали путь цвѣтами, восторженное ура, звуки зурны, колокольный трезвонъ сливались съ гуломъ пушечныхъ выстрѣловъ изъ Метехскаго замка. Прекрасная погода, яркое южное солнце, блестящая кавал-

када,—все было въ высшей степени эфектно. Признаюсь, самъ участвуя въ этомъ въѣздѣ, я испытывалъ трудно передаваемое чувство удовлетвореннаго честолюбія. Что же долженъ былъ чувствовать самъ виновникъ торжества?... *) Вообще, едва ли гдѣ нибудь можно устроивать такія блистательныя торжества, какъ въ Тифлисѣ: мѣстность, разнообразіе племенъ, ихъ нарядовъ, вооруженія и проч., все это ничѣмъ незамѣнимо. Вечеромъ была прекрасная иллюминація; всѣ горы кругомъ были усѣяны огнями въ видѣ звѣздъ и т. п., а въ театрѣ было представленіе gala: взвилась занавѣсь, и глазамъ представилась картина, изображавшая женщину въ видѣ славы, съ вензелями имени князя Барятинскаго по бокамъ. При входѣ виновника торжества въ ложу, раздался оглушительный кликъ ура всей поднявшейся съ мѣстъ публики. Нѣтъ сомнѣнія, эта была одна изъ лучшихъ минутъ въ жизни князя...

На слѣдующій день Грузинское дворянство давало въ честь князя балъ въ саду Муштаида. Ярко освѣщенныя площадки и аллеи виноградныхъ лозъ блистали множествомъ прекраснѣйшихъ женщинъ и блестящихъ военныхъ мундировъ, оживленіе было чрезвычайное; все толпилось кругомъ князя Александра Ивановича, желая выказать ему свое высокое уваженіе, можно сказать, удивленіе къ совершенному подвигу. Не слѣдуетъ забывать, что не болѣе двухъ-трехъ мѣсяцевъ передъ тѣмъ никто и не допускалъ возможности такихъ успѣховъ....

А виновникъ всѣхъ этихъ торжествъ, какъ на зло, именно въ эти минуты терзался сильнѣйшими припадками подагры и съ напряженіемъ всей силы воли старался скрыть ихъ предъ ликующей толпой.... На другой день послѣ бала онъ вынужденъ былъ слечь въ постель, которая и приковала его болѣе чѣмъ на два мѣсяца.

Государь, получивъ депешу о плѣнѣ Шамиля и отправкѣ его въ Петербургъ, пожаловалъ князю Барятинскому

---

*) Кахетинское дворянство въ знакъ особой признательности поднесло князю въ подарокъ ружье царя Ираклія, съ которымъ онъ не разлучался во всѣхъ своихъ походахъ противъ многочисленныхъ враговъ Грузіи. Ружье хранилось въ семьѣ князей Абхазовыхъ и берегось ими какъ святыня. А. З.

орденъ Андрея Первозваннаго съ мечами, при слѣдующемъ рескриптѣ:

8 Сентября 1859 года.

Отличною воинскою распорядительностью вашею даровано окончательное замиреніе Восточной части Кавказа. Доблестныя войска предводительствуемой вами арміи, сосредоточенныя подъ непосредственнымъ распоряженіемъ вашимъ въ нѣдрахъ Кавказскихъ горъ, совершили покореніе всѣхъ враждебныхъ намъ издавна горскихъ племенъ отъ Каспійскаго моря до Военно-Грузинской дороги. Главный виновникъ и вождь въ долговременной ожесточенной борьбѣ противъ насъ мюридизма, Шамиль, окруженный въ укрѣпленномъ Гунибѣ войсками, подъ личнымъ вашимъ начальствомъ состоявшими, взятъ съ боя въ плѣнъ со всѣмъ семействомъ и послѣдними приверженцами его. Отнынѣ предстоитъ вамъ во вновь покоренной странѣ не утвержденіе власти нашей силою оружія, а распространеніе между новыми подданными нашими гражданственной образованности и общественнаго благосостоянія. Желая почтить совершенный вами славный подвигъ и изъявить полную душевную нашу къ вамъ признательность, всемилостивѣйше пожаловали мы васъ кавалеромъ Императорскаго ордена нашего Святаго Апостола Андрея Первозваннаго съ мечами, знаки коего при семъ препровождая, повелѣваемъ вамъ возложить на себя и носить по установленію. Пребываемъ къ вамъ Императорскою милостію нашею навсегда неизмѣнно благосклонны и искренно доброжелательны".

Грузинское дворянство, вмѣстѣ съ адресомъ князю Барятинскому, обратилось чрезъ Кавказскій Комитетъ къ Государю съ просьбою учредить въ память 25-го Августа въ Тифлисѣ годовой праздникъ и сооружить тріумфальную арку съ надписью: „Покорителю Восточнаго Кавказа благодарная Грузія". Деньги должны были быть представлены дворянствомъ.

Вслѣдствіе этого предсѣдатель Кавказскаго Комитета, князь Орловъ сообщилъ генералъ-адъютанту князю Обельяну (15 Февраля 1860, № 246), что Государь Императоръ, по всеподданнѣйшему его докладу, на означенное ходатайство дворянства изъявилъ свое согласіе, съ тѣмъ, чтобы 25-е Авгу-

ста считалось праздничнымъ днемъ только во всемъ Кавказскомъ краѣ. О внесеніи 25-го Августа въ число табельныхъ дней, для повсемѣстнаго празднованія во всемъ Кавказскомъ краѣ, сообщено министру юстиціи для предложенія Правительствующему Сенату *).

Былъ открытъ комитетъ изъ генералъ-губернатора, гражданскаго губернатора, губернскаго предводителя дворянства и городскаго головы; возникло по обыкновенію дѣло, переписка и проч.

Въ 1861 году, во время отсутствія больнаго князя Барятинскаго за границу, комитетъ этотъ съ большимъ торжествомъ праздновалъ 25-е Августа и 4 Октября послалъ князю слѣдующій отзывъ.

Ваше сіятельство князь Александръ Ивановичъ.

25-го минувшаго Августа происходило въ Тифлисѣ празднество двухлѣтія, совершившагося послѣ покоренія Восточнаго Кавказа, съ которымъ связано доблестное имя вашего сіятельства. Представители всѣхъ сословій края уже выразили чувства глубочайшей признательности къ великому подвигу желаніемъ сооружить въ Тифлисѣ постоянную тріумфальную арку, дабы увѣковѣчить память сего событія для грядущихъ поколѣній, сознавая конечно, что если произведеніе рукъ человѣческихъ подвержено могучему вліянію времени, то исторія, записавшая подвиги ваши на Кавказѣ, обезсмертитъ ваши дѣянія.

Имѣя высокую честь быть исполнителями воли народной, мы, какъ члены комитета для сооруженія тріумфальной арки, воспользовались днемъ 25 Августа, чтобы въ фотографическомъ снимкѣ сохранить картину торжества, происходившаго въ отсутствіи вашего сіятельства; оно было тѣмъ знаменательнѣе, что совершалось въ первый разъ у подножія Тифлисскаго арсенала, какъ бы напоминавшаго, что Кавказская армія отсюда снабжалась оружіемъ, громившимъ болѣе полувѣка твердыни Кавказа и наводившимъ ужасъ на враждебныя племена горъ, умиротворенныя нынѣ побѣдоносною рукою вашего сіятельства.

Проникнутый чувствомъ благоговѣйнаго воспоминанія о достославномъ событіи, одушевлявшемъ 25 Августа всѣ сословія Тифлиса, комитетъ для сооруженія тріумфальной арки имѣетъ честь почтительнѣйше поднести у сего вашему сіятельству помянутую картину фотографическаго снимка въ двухъ экземплярахъ, снятыхъ въ два различные момента. Подписали: за предсѣдателя генералъ-лейтенантъ Минквицъ; члены: Тифлисскій гражданскій губернаторъ К. Орловскій, Тифлисскій губернскій предво-

*) Празднуется ли этотъ день и до сихъ поръ на Кавказѣ? А. З.

дитель дворянства, гвардіи ротмистръ флигель-адъютантъ князь Орбеліани, за городскаго голову Е. Придоновъ".

Прошло семь лѣтъ, и Тифлисскій архивъ гражданскаго управленія обогатился двумя оффиціальными бумагами, изъ коихъ первая есть представленіе гражданскаго губернатора отъ 1-го Іюня 1867 г. № 29, начальнику главнаго управленія намѣстника Кавказскаго. Изъ этой бумаги явствуетъ, что комитетъ по сооруженію арки объявлялъ конкурсъ на представленіе ему проектовъ и изъ числа нѣсколькихъ избралъ проектъ архитектора Панасевича. Между тѣмъ сперва между Грузинскимъ дворянствомъ, а послѣ и по всему Кавказу открыта была подписка на сооруженіе тріумфальной арки, и собрано было 4.349 рублей. Комитетъ заключилъ контрактъ съ архитекторомъ Райсомъ, объявившимъ цѣну за сооруженіе тріумфальной арки въ 28 т. р. и представившимъ требовавшійся на то залогъ. Для выдачи подрядчику Райсу задаточныхъ денегъ въ количествѣ пяти тысячъ рублей, комитетъ, не имѣя достаточно денегъ, обращался къ гражданскому губернатору съ просьбою выдать въ ссуду изъ суммъ намѣстника одну тысячу рублей, что̀ и было исполнено, съ требованіемъ возмѣщенія этихъ денегъ изъ суммъ, предполагавшихся къ поступленію по подпискѣ. Этимъ закончились дѣйствія комитета, и только по избраніи д. с. совѣтника Кипіани *) въ должность губернскаго предводителя дворянства, онъ составилъ записку, въ которой между прочимъ, объясняя непоступленіе денегъ по подпискѣ, предлагалъ 4 тысячи рублей, собранные на это сооруженіе, присоединить къ капиталу отдѣляемому дворянствомъ съ воспитательною цѣлью и изъ приращеній учредить двѣ стипендіи имени генералъ-фельдмаршала князя Барятинскаго.

Вторая бумага Тифлискаго архива есть отзывъ начальника главнаго управленія барона Николаи отъ 17-го Августа 1867 года, № 5.408-й, Тифлискому гражданскому губернатору.

---

*) Г. Кипіани не пользовался расположеніемъ кн. Барятинскаго, особенно по его дѣйствіямъ въ устройствѣ Мингреліи. Въ своемъ мѣстѣ объ этомъ будетъ изложено подробнѣе. А. З.

„Содержаніе отношенія вашего превосходительства отъ 1-го прошлаго Іюля за № 29 по сооруженію тріумфальной арки въ память покоренія Восточнаго Кавказа, я имѣлъ честь докладывать Великому Князю Намѣстнику, и Его Императорское Высочество, согласно предложенію вашему, изволилъ приказать существующій по этому комитетъ закрыть, предоставя Тифлискому дворянству привести въ исполненіе это предложеніе собственными средствами".

Въ оффиціальныхъ бумагахъ уже не писали объ аркѣ „въ честь покорителя Восточнаго Кавказа", а „въ память покоренія".

На свѣтѣ все измѣнчиво. Забывчивое равнодушіе къ заслугамъ, внезапные порывы и вскорѣ совершенное охлажденіе—явленія по преимуществу свойственныя Россіи...

ПРИЛОЖЕНІЯ.

А. Отношеніе князя А. И. Барятинскаго военному министру отъ 27 Августа 1859 года. № 465. Главная квартира близъ аула Кегеръ.

Вчера я отправилъ въ Симферополь, для передачи въ Петербургъ, телеграфическую депешу о взятіи Гуниба и плѣненіи Шамиля.

Итакъ мюридизму нанесенъ послѣдній ударъ. Судьба Восточнаго Кавказа рѣшена окончательно. Послѣ 50-ти лѣтъ кровавой борьбы насталъ въ этой странѣ день мира.

Изъ предыдущаго отзыва моего, отъ 22 Августа № 379, вашему высокопревосходительству извѣстно, что я приказалъ прекратить безплодные переговоры съ Шамилемъ и приступить къ овладѣнію Гунибомъ.

Войска кругомъ Гуниба были расположены слѣдующимъ образомъ: на восточномъ фасѣ два баталіона Ширванскаго пѣхотнаго полка, съ 4-мя горными орудіями, подъ командою командира этого полка полковника Кононовича; на сѣверномъ фасѣ другіе два баталіона Ширванскаго полка, 1-й баталіонъ Грузинскаго гренадерскаго полка, одинъ баталіонъ Самурскаго полка, 5-ть сотенъ конно-иррегулярнаго полка и двѣ сотни конной милиціи, подъ начальствомъ г.-м. князя Тарханъ-Моуравова; на южномъ два баталіона Апшеронскаго полка, два батальона Самурскаго полка и 21-й стрѣлковый батальонъ, подъ командою командира Апшеронскаго полка полковника Тергукасова; на западномъ фасѣ два батальона Дагестанскаго пѣхотнаго полка, подъ начальствомъ командира сего полка полковника Радецкаго.

Расположеніе это показано на прилагаемомъ планѣ Гунибa.

Командованіе означенными передовыми войсками и непосредственныя распоряженія инженерными работами я поручилъ генералъ-маіору Кесслеру, подъ главнымъ начальствомъ генералъ-адъютанта барона Врангеля.

Въ тотъ же день генералъ-маіоръ Кесслеръ, осмотрѣвъ подробно мѣстность, приступилъ къ заготовленію туровъ, фашинъ, лѣстницъ, крючьевъ и другихъ принадлежностей для осады и штурма.

Осмотръ доступовъ на вершину горы обнаружилъ, что восточный скатъ ея, хотя слабѣйшій и доступнѣйшій по природнымъ условіямъ, представляетъ однакоже едва ли не самыя большія препятствія, потому что пути по немъ затруднены чрезвычайно крѣпкими искусственными преградами и бдительно охранялись большею частію Гунибскаго гарнизона. По этой причинѣ имѣлось въ виду предпринять рѣшительныя дѣйствія съ этого фаса только въ крайнемъ случаѣ, предпочитая имъ, если представится къ тому возможность, нападеніе съ котораго нибудь изъ остальныхъ 3-хъ фасовъ; а для отвлеченія вниманія осажденныхъ и чтобы заставить непріятеля быть въ постоянномъ ожиданіи рѣшительнаго наступленія нашего съ восточнаго фаса, приказано было полковнику Кононовичу постепенно подвигаться впередъ къ заваламъ этого фаса съ помощью осадныхъ работъ, производство которыхъ поручено инженеръ-капитану Фалькенгагену.

Въ ночь на 24-е число стрѣлки Ширванскаго полка, подъ огнемъ непріятеля, выдвинулись впередъ и расположились не въ дальнемъ разстояніи отъ заваловъ за камнями, помѣстивъ резервъ въ строеніяхъ брошеннаго непріятельскаго хутора.

Въ теченіе 24-го числа генералъ-маіоръ Кесслеръ объѣхалъ войска сѣвернаго фаса и сдѣлалъ распоряженія къ занятію въ слѣдующую ночь пунктовъ близъ скалистыхъ обрывовъ верхней части горы. Въ этомъ же смыслѣ отданы приказанія и войскамъ южнаго и западнаго фасовъ.

Предъ разсвѣтомъ 25 числа, по распоряженію начальника войскъ южнаго фаса полковника Тергукасова, командиръ 1-го баталіона Апшеронскаго пѣхотнаго полка подполковникъ Егоровъ, подойдя къ скалистому обрыву и видя, что непріятель не замѣтилъ его движенія по причинѣ густаго тумана, рѣшился воспользоваться удобнымъ моментомъ повести баталіонъ далѣе на вершину горы. Мѣстность, заранѣе осмотрѣнная охотниками, представляла въ этомъ пунктѣ такія большія препятствія для нападенія, что осажденные, считая ее вѣроятно недоступною для насъ, содержали здѣсь только незначительный караулъ. Передъ нападающими какъ стѣны возвышались одинъ надъ другимъ три скалистыхъ крутыхъ обрыва, каждый отъ 8 до 10 саженей высоты, только въ одномъ мѣстѣ разсѣченные узкою поперечною трещиною.

130 охотниковъ, предводимыхъ капитаномъ Скворцовымъ и прапорщикомъ Кушнеревымъ, обутые въ лапти и поршни, съ лѣстницами и крючьями, подсаживая другъ друга, въ совершенной тишинѣ вскарабкались на террасу, отдѣляющую нижній обрывъ отъ втораго; вслѣдъ за ними дви-

нулся и баталіонъ, оставя стрѣлковую роту внизу на мѣстахъ, удобныхъ для обстрѣливанія верхнихъ уступовъ. Не останавливаясь на первой террасѣ, охотники, а за ними и баталіонъ, уже подъ огнемъ замѣтившаго ихъ непріятеля, съ помощію лѣстницъ и веревокъ взошли на вторую террасу и вслѣдъ затѣмъ на верхнюю плоскость Гуниба, гдѣ къ 6-ти часамъ утра собрался уже весь баталіонъ. Между тѣмъ охотники окружили непріятеля въ примкнутыхъ къ скаламъ завалахъ; 10 человѣкъ захватили въ плѣнъ, 7 убиты на мѣстѣ (въ числѣ убитыхъ находятся и три бывшія вооруженными женщины), а остальные скрылись, пользуясь туманомъ.

Вскорѣ затѣмъ подошли сюда еще двѣ роты 4-го баталіона того же полка, и тогда полковникъ Тергукасовъ двинулся къ самому селенію Гунибъ, находившемуся оттуда еще верстахъ въ 8-ми, и на дорогѣ соединился съ 21-мъ стрѣлковымъ баталіономъ, который, имѣя въ головѣ охотниковъ подъ командою подпоручика Теріева, въ тоже время овладѣлъ съ боя крѣпкими непріятельскими завалами, правѣе занятыхъ Апшеронцами.

Одновременно и войска сѣвернаго фаса (верстахъ въ 15-ти отъ Апшеронцевъ) подъ личнымъ начальствомъ генералъ-маіора князя Тарханъ-Моуравова, съ такими же трудностями и съ такимъ же блистательнымъ мужествомъ поднялись на Гунибъ съ противоположной сѣверной покатости. Взойдя на высоты, князь Тарханъ-Моуравовъ направилъ шедшую въ головѣ стрѣлковую роту Грузинскаго гренадерскаго полка, подъ командою подпоручика Микеладзе, и сотню конно-иррегулярнаго полка съ есауломъ Джафаръ-агою, а вслѣдъ за ними и весь гренадерскій баталіонъ подъ командою подполковника Габаева къ палаткѣ Шамиля и въ тылъ устроенныхъ на восточномъ скатѣ укрѣпленій, а послѣ въ обходъ аула.

Озадачные появленіемъ нашихъ войскъ съ разныхъ сторонъ, горцы въ безпорядкѣ бросились бѣжать отъ стѣнъ южнаго фаса вверхъ, преслѣдуемые съ низу выстрѣлами Ширванскихъ стрѣлковъ. Большая часть мюридовъ, въ томъ числѣ и самъ Шамиль съ сыновьями, бѣжали къ селенію Гунибъ и засѣли по саклямъ. Вслѣдъ за бѣгущими отъ стѣнъ мюридами полковникъ Кононовичъ двинулъ быстро вверхъ 1-й и 2-й Ширванскіе баталіоны съ 4-мя горными орудіями, а полковникъ Радецкій поднялся въ это время съ большимъ трудомъ съ западной стороны.

Между тѣмъ партія мюридовъ челов. до 100, изъ числа бѣжавшихъ въ разсыпную отъ укрѣпленій, отрѣзанная отъ аула, собралась на лѣсистомъ холмѣ, въ лѣво отъ ведущей къ аулу дороги и тамъ, засѣвши за камнями, открыла частую пальбу по подымавшимся снизу ротамъ Ширванскаго полка. Одна и вслѣдъ за ней другая рота этого полка были направлены, чтобъ выбить мюридовъ изъ-за камней.

Горцы, не видя никакого спасенія, выхватили шашки и кинжалы и бросились на встрѣчу Ширванцамъ; тутъ завязалась хотя непродолжительная, но жаркая и кровавая рукопашная схватка; сброшенные съ холма мюриды кинулись на стоявшій внизу у непріятельскаго орудія караулъ

нашъ, но преслѣдуемые съ тылу были отброшены внизъ къ небольшому ручью, гдѣ окружены со всѣхъ сторонъ и истреблены всѣ безъ исключенія.

Когда такимъ образомъ войска съ разныхъ сторонъ устремились къ аулу, генералъ-маіоръ Кесслеръ, имѣя въ виду приказаніе мое употребить всѣ усилія, чтобы Шамиль достался намъ живымъ въ руки, остановилъ натискъ войскъ, уже готовыхъ ворваться въ Гунибъ, и расположилъ ихъ такимъ образомъ, чтобы преградить защищавшимся въ аулѣ мюридамъ всѣ пути къ отступленію.

Въ это время я лично прибылъ вмѣстѣ съ командующимъ войсками въ Прикаспійскомъ краѣ на мѣсто боя и приказалъ остановить перестрѣлку съ засѣвшими въ Гунибѣ мюридами, предложивъ имъ сдаться, не подвергая напрасно аула (въ которомъ было много женщинъ и дѣтей) всѣмъ ужасамъ штурма. Послѣ переговоровъ, длившихся около двухъ часовъ, Шамиль, видя аулъ окруженный густою цѣпью войскъ, готовыхъ ворваться въ него, рѣшился сдаться. Въ сопровожденіи нѣсколькихъ приближенныхъ мюридовъ онъ тутъ же явился ко мнѣ, повергая безусловно свою судьбу милосердію Государя Императора. Я приказалъ отвести его въ лагерь главной квартиры. На другой день прибыли сюда же два его сына и все семейство.

При овладѣніи Гунибомъ взято четыре орудія, одно крѣпостное ружье и Шамилевская сѣкира; въ плѣнъ захвачено около ста мюридовъ, и такое же число убито. Потери съ нашей стороны заключается: въ 19 нижнихъ чинахъ и двухъ милиціонерахъ убитыхъ, 7 офицерахъ, 114 нижнихъ чинахъ и 7-ми милиціонерахъ раненыхъ. Контуженныхъ 2 офицера и 19 нижнихъ чиновъ.

Геройскій подвигъ овладѣнія Гунибомъ блистательно закончилъ рядъ безпримѣрныхъ подвиговъ, совершенныхъ въ послѣднее время славными войсками Его Императорскаго Величества, которыми я имѣю счастіе командовать. Я не нахожу достаточно словъ, чтобы достойно оцѣнить заслуги всѣхъ чиновъ отъ генерала до солдата Они всѣ исполнили свой долгъ съ мужествомъ и самоотверженіемъ, ставящими ихъ выше всякой похвалы.

Теперь еще разъ могу повторить: полувѣковая война на Восточномъ Кавказѣ окончена; народы, населяющіе страну отъ моря Каспійскаго до Военно-Грузинской дороги, пали къ стопамъ Его Императорскаго Величества.

Я сдѣлалъ распоряженіе о немедленномъ устройствѣ во всѣхъ новопокоренныхъ обществахъ нашего управленія и 28-го числа возвращаюсь въ Тифлисъ.

Съ сердечнымъ счастіемъ поспѣшаю сообщить обо всемъ этомъ вашему высокопревосходительству, для всеподданнѣйшаго доклада Его Императорскому Величеству.

В. Письмо Великаго Князя Константина Николаевича.

Позволь отъ души обнять тебя, любезнѣйшій Александръ Ивановичъ, послѣ ряда подвиговъ, исполненныхъ тобою въ теченіе этого лѣта, не только славныхъ сами по себѣ, но, главное, по тѣмъ огромнымъ и прочнымъ послѣдствіямъ, которыя они будутъ имѣть и которыя ты съумѣешь изъ нихъ вывести. Ты уже составилъ тѣмъ твоему имени такое мѣсто въ нашей исторіи, которое ничто у тебя не отниметъ. Радуюсь, что ты получишь это письмецо именно въ Николаевѣ, гдѣ мы въ первый разъ съ тобой поближе сошлись, гдѣ я узналъ и научился цѣнить тебя. Нѣкоторые разговоры, которые мы тогда съ тобою тамъ имѣли, никогда не изгладятся изъ моей памяти. Я убѣжденъ, что ты увѣренъ, что никто болѣе меня не радовался твоему счастію и не гордился твоею славою.

Вчера былъ у насъ обычный Кавказскій Комитетъ, весьма сухой и неинтересный, потому что кромѣ обыкновенныхъ текущихъ дѣлъ тамъ почти что ничего не бываетъ. Съ нетерпѣніемъ жду, когда придетъ твое представленіе объ окончательномъ устройствѣ Общества для распространенія христіанской вѣры. Зная, какъ это дѣло тебѣ близко къ сердцу и какую огромную пользу ты съумѣешь изъ него вывести, я буду его поддерживать всѣми силами.

Впрочемъ у насъ все тихо и спокойно, и ничего особаго нѣтъ. По морской части внесено въ Государственный Совѣтъ представленіе о новомъ учрежденіи министерства и портовъ, которое есть плодъ пятилѣтней постоянной работы. Вообще все идетъ по этой части помаленьку впередъ къ извѣстной цѣли. Иное идетъ хорошо и легко, другое встрѣчаетъ большія или меньшія препятствія. Но безъ борьбы ничего достигнуть нельзя, и я отъ нея не отказываюсь.

Ну, прощай, любезнѣйшій Александръ Ивановичъ! Обнимаю тебя еще разъ отъ души и отъ всего сердца желаю продолженія нашей дружбы.

22 Сентября 1859 г. Стрѣльна.

В. Письмо князя Варятинскаго Великому Князю Константину Николаевичу.

2 Ноября 1859 г. Тифлисъ.

Ваше Императорское Высочество.

Письмо Вашего Высочества, отъ 22-го Сентября, доставило мнѣ невыразимое счастіе. Я не могу найти достаточно словъ, чтобы высказать чувства моей искренней, душевной благодарности за такое вниманіе къ моимъ трудамъ, какимъ Ваше Высочество удостоиваете меня. Дѣйствительно, Всевышнему угодно было благословить оружіе храброй Кавказской арміи; усилія наши увѣнчались полнымъ успѣхомъ, и великія предначертанія Государя Императора приведены въ исполненіе. Счастливый достиженіемъ такихъ результатовъ, я вознагражденъ уже свыше мѣры Его Величествомъ; но милостивыя слова Вашего Высочества составляютъ для меня новую и драгоцѣнную награду.

Воспоминанія о Николаевѣ, въ которомъ я имѣлъ счастіе снискать особое расположеніе Вашего Высочества, запечатлѣны неизгладимо въ моей душѣ; но, къ сожалѣнію, письмо ваше я получилъ не тамъ, а въ Тифлисѣ, гдѣ послѣ возвращенія изъ Дагестана упорная болѣзнь приковала меня къ постели.

Благочестивое участіе ваше въ дѣлѣ учрежденія Общества возстановленія христіанской вѣры совершенно необходимо для осуществленія столь важнаго предположенія. При могущественномъ содѣйствіи Вашемъ оно, безъ всякаго сомнѣнія, окончится успѣшно. На этихъ дняхъ я представляю его въ Кавказскій Комитетъ и съ большимъ нетерпѣніемъ буду ожидать результата. Это дѣло въ настоящее время пріобрѣтаетъ еще болѣе значенія: мы теперь свободнѣе можемъ вносить слово Христа въ неприступныя доселѣ горы, незащищаемыя уже болѣе изувѣрствомъ фанатиковъ; а нѣсколько сотъ бѣглыхъ солдатъ-ренегатовъ, теперь раскаявшихся и водворенныхъ мною въ горахъ, принесутъ своимъ вліяніемъ и знаніемъ языка большую пользу.

Искренно радуюсь, что труды Вашего Высочества по морской части приносятъ благотворные плоды. Чѣмъ болѣе борьбы въ достиженіи цѣли, тѣмъ, безъ сомнѣнія, болѣе заслуги для виновника ея достиженія, и такія заслуги, какъ ваши, на такомъ важномъ поприщѣ государственной дѣятельности, достойно оцѣнятся Отечествомъ.

Около половины Декабря, если здоровье мнѣ позволитъ, надѣюсь выѣхать отсюда въ Петербургъ для разрѣшенія нѣсколькихъ важныхъ вопросовъ, до устройства Кавказа относящихся. Тогда я буду имѣть счастіе лично вновь принести Вашему Высочеству безпредѣльную мою благодарность за лестное и дорогое вниманіе ваше.

Г. Письмо А. В. Головнина къ князю А. И. Барятинскому. (съ Французскаго).

Царское Село, 21 Сентября 1859 г.

Только что возвратились мы съ Великимъ Княземъ изъ Англіи, какъ пришли извѣстія о блестящихъ успѣхахъ, одержанныхъ вами на Кавказѣ. Отъ всего сердца поздравляю васъ, и позвольте выразить вамъ, что всѣ истинные потріоты, съ которыми я говорилъ объ этихъ успѣхахъ, глубоко вамъ благодарны за Россію. Вы начертали ваше имя въ исторіи крупными буквами и прибавили блестящую страницу къ исторіи царствованія Императора. Разумѣется, онъ *поздравляетъ себя* съ тѣмъ, что выбралъ васъ своимъ намѣстникомъ. Беру на себя смѣлость напомнить вамъ о письмѣ, которое я написалъ вамъ изъ Парижа, получивъ извѣстіе о вашемъ назначеніи. Думаю, что я предвидѣлъ то благо, которое оно принесетъ Россіи и ту славу, которая прибавится къ настоящему царствованію. Что̀ болѣе всего наполняетъ удивленіемъ, это то, что, одерживая блестящія побѣды на полѣ сраженія, намѣстникъ Кавказа занимался своимъ гражданскимъ управленіемъ; я съ глубокимъ вниманіемъ читалъ въ Палермо уставъ, который вы прислали Великому Князю относительно учрежденія внутренней администраціи страны.

Большое путешествіе Великаго Князя въ Іерусалимъ, Грецію и въ Турцію было очень интересно, но не на столько полезно, какъ этого ожидали, въ особенности если подумать обо всѣхъ расходахъ, которые оно причинило Россіи, Греціи, Турціи и Греческому духовенству. Мы получили уполномочіе посѣтить эти страны за нѣсколько дней до отъѣзда, что̀ дѣлало невозможнымъ предварительное изученіе, серьезное чтеніе и т. д. Мы оставались въ Палестинѣ всего 10 дней, въ Греціи 10 и въ Турціи 10, что̀ едва достаточно, чтобы имѣть понятіе объ этихъ странахъ, но чтобы ихъ изучить слишкомъ мало. Мы посѣтили эти мѣста, когда сезонъ уже былъ въ концѣ и жары становились невыносимыми, что̀ уменьшало также возможность посвятить время изученію. Вотъ почему это путешествіе, стоющее такъ дорого, не принесло результатовъ, какихъ можно было бы ожидать. Надо отдать справедливость необыкновеннымъ способностямъ Великаго Князя и его памяти: имѣя слишкомъ мало времени, чтобы читать о странахъ, которыя онъ обозрѣвалъ, онъ много наблюдалъ и многое удержалъ въ памяти.

Послѣ короткаго пребыванія въ Петербургѣ, мы уѣхали въ Англію. Это новое путешествіе, продолжавшееся всего шесть недѣль, было очень полезно. Великій Князь ѣхалъ въ Англію на «Свѣтланѣ", фрегатѣ, построенномъ по новой системѣ во Франціи и возвратился на прекрасномъ фрегатѣ „Генералъ-Адмиралъ", построенномъ въ Америкѣ. Проведя по восьми дней на каждомъ изъ нихъ, онъ подробно ихъ изучилъ. Морскія ванны принесли ему пользу. Онъ два раза обѣдалъ въ Осборнѣ

у королевы, гдѣ былъ принятъ очень привѣтливо, и самъ убѣдился, что донесенія нашихъ дипломатовъ относительно нерасположенія Англичанъ къ намъ по меньшей мѣрѣ преувеличены, такъ какъ Англійскій народъ повсюду встрѣчалъ Великаго Князя съ большимъ уваженіемъ. Его Высочество отправился въ Лондонъ осмотрѣть броненосные фрегаты, которые строитъ Англійское правительство и никому не показываетъ. Онъ провелъ четыре часа въ Англійскомъ банкѣ, который ему показали въ мельчайшихъ подробностяхъ. Въ кладовыхъ банка мы видѣли наши полуимперіалы на сумму 18 милліоновъ рублей, что́ меня крайне опечалило.

Я отъ того говорю вамъ съ такою откровенностью о Великомъ Князѣ, что знаю ту истинную дружбу, которую вы къ нему питаете, и вотъ почему я хочу, чтобы вы знали, что, несмотря на полученное мною повышеніе въ званіе государственнаго секретаря, я не покидаю Великаго Князя, но занимаюсь съ нимъ лишь серьезными дѣлами, свободный отъ массы мелкихъ канцелярскихъ дѣлъ, отнимавшихъ у меня ежедневно нѣсколько часовъ.

Возвратясь въ Петербургъ въ началѣ этого мѣсяца, мы нашли много утѣшительнаго во внутреннемъ управленіи: цѣлая система финансовыхъ мѣръ, придуманныхъ Рейтерномъ, утверждена Императоромъ; работы по освобожденію крестьянъ подвигаются, и надо отдать справедливость комитетамъ Ростовцова, которые занимаются дѣломъ очень добросовѣстно.

Д. Письмо графа П. Д. Киселева къ князю Барятинскому (съ Французскаго).

Парижъ, (28 Октября) 9 Ноября 1859 г.

Князь Горчаковъ передалъ мнѣ карту Кавказа съ описаніемъ восточнаго берега Чернаго моря. Считаю своимъ пріятнымъ долгомъ выразить вамъ искреннюю благодарность за эту присылку, дополняющую всѣ мои данныя о странѣ, которую вы упрочили за Имперіею. Искренно поздравляю васъ съ этимъ успѣхомъ; я давно предугадывалъ подобный результатъ, котораго ваша неуклонная твердость во всѣхъ отношеніяхъ заслужила. Желаю, чтобы ваша славная карьера съ такимъ же успѣхомъ шла впередъ во имя чести нашего оружія и славы нашего возлюбленнаго Монарха. Мнѣ остается только прибавить, что во Франціи съ глубокимъ интересомъ слѣдили за побѣдами Кавказской арміи, и я думаю, съ большею симпатіею нежели ихъ сосѣди по ту сторону Ла-Манша. Но, что́ бы они ни говорили, побѣда очевидна, и оцѣнка ея не можетъ быть умалена.

Продолжайте, дорогой князь, пользоваться плодами вашей прекрасной побѣды, и вы прибавите къ исторіи нашего общаго Отечества еще одну блестящую страницу. Считаю себя счастливымъ, что могу воспользоваться случаемъ не для того, чтобы передать вамъ свои обычные привѣты, но чтобы выразить тѣ чувства, которыми я проникнутъ къ вамъ и которыя должны быть раздѣлены каждымъ Русскимъ.

ЛЕ
РУ
МТ

фй
ду
ься
но
ыя

Глава VIII.

Причины успѣшности дѣйствій съ 1856 г.—Обзоръ дѣйствій на Западномъ Кавказѣ.—Результаты, достигнутые въ теченіе трехъ лѣтъ.—Положеніе дѣлъ въ Кутаискомъ генералъ-губернаторствѣ.—Рѣшеніе перевести войска и средства съ Восточнаго на Западный Кавказъ.—Переписка съ Государемъ.—Появленіе отряда Филипсона въ Хашкеты и изъявленіе Абадзехами съ Магометъ-Эминомъ покорности.—Письмо объ этомъ къ Государю.—Производство въ фельдмаршалы.—Поздравленія и торжества по этому случаю.—Оцѣнка заслугъ князя Барятинскаго.

Итакъ, въ теченіе трехъ лѣтъ съ Восточнымъ Кавказомъ было покончено. Князь Барятинскій, безъ сомнѣнія, главный виновникъ этого изумительнаго успѣха, не думалъ однако приписывать исключительно себѣ всей славы этихъ дѣлъ. Въ своемъ отчетѣ Государю за три года 1856 — 1859 *) онъ, между прочимъ, писалъ, что безпрерывные походы трехъ истекшихъ годовъ сопровождались необыкновенно-малою потерею въ людяхъ, сравнительно съ предшествовавшими періодами Кавказской войны. Главнѣйше это объясняется успѣхомъ, не покидавшимъ наше оружіе: побѣда стóитъ всегда меньше, чѣмъ нерѣшенное дѣло. Но кромѣ того, двѣ причины обусловливали и самый успѣхъ, и малую потерю. Вопервыхъ, нарѣзное оружіе: до сихъ поръ горцы, стрѣляя изъ винтовокъ, имѣли перевѣсъ надъ нами въ дальности и вѣрности огня. Наши войска, вооруженныя разстрѣлянными кремневыми ружьями, не могли мѣтить въ отдѣльныхъ людей, а довольствовались тѣмъ, что осыпали пулями лежащее передъ собой пространство. Горцы, дѣйствуя на мѣстности пересѣченной, не боялись такого огня и держались довольно близко къ нашимъ цѣпямъ, чтобы бить людей навѣрное. Вооруженіе стрѣлковыхъ частей нарѣзными ружьями и обученіе ихъ цѣльной стрѣльбѣ сейчасъ же измѣнили это отношеніе. Внѣ лѣса горцы, поражаемые мѣт-

*) Мы пользуемся этимъ отчетомъ, какъ весьма цѣннымъ матеріаломъ, при изложеніи всѣхъ реформъ по военной и гражданскимъ частямъ.

кимъ огнемъ, должны были вести перестрѣлку издалека, а мѣстность со стороны Лезгинской линіи и Прикаспійскаго края состоитъ почти вездѣ изъ скалистыхъ, но голыхъ горъ. Даже въ лѣсахъ Чечни и Закубанскаго края первый приступъ къ рубкѣ просѣки, въ нѣсколько часовъ, значительно раскрывалъ мѣстность и возвращалъ нарѣзному оружію его превосходство. Вовторыхъ, причиною малой потери была правильная система войны и дѣйствительное искусство, выказанное главными начальниками, избранными изъ опытнѣйшихъ Кавказскихъ генераловъ, въ управленіи боевымъ дѣйствіемъ войскъ. Причиною кровавыхъ потерь предшествующаго періода всегда были набѣги и всѣ однородныя съ ними дѣйствія, въ какомъ бы размѣрѣ они ни предпринимались. Когда наши войска вступали въ непокорный край не съ тѣмъ чтобы раскрыть и занять пройденную мѣстность, но въ надеждѣ нанести пораженіе неуловимому врагу, посреди его дикихъ убѣжищъ, и тѣмъ потрясти его нравственно, послѣдствіемъ всегда бывало ожесточеніе горцевъ, и сотни, иногда тысячи, убитыхъ и раненныхъ съ нашей стороны при отвтупленіи. По военному плану, принятому съ 1856 г., походы съ горы предпринимались не иначе, какъ для выполненія точно опредѣленной матеріальной цѣли, съ обширностью которой заранѣе были соображены всѣ средства экспедиціи; при каждомъ шагѣ впередъ мы устанавливали постоянное сообщеніе съ тыломъ и ограничивали походъ прочнымъ занятіемъ одной какой-либо мѣстности. При такой системѣ съ нашей стороны не могло быть ни рискованныхъ дѣлъ, ни отступленія; войска возвращались назадъ по открытымъ дорогамъ, чрезъ край, уже покоренный, и горцамъ оставалось только прямое сопротивленіе съ лица, къ чему, при тактическомъ превосходствѣ нашихъ войскъ, даже въ горахъ немного мѣстностей вполнѣ пригодныхъ. Такого образа дѣйствій неизмѣнно держались въ Прикаспійскомъ краѣ, на Правомъ и Лѣвомъ крылѣ. Исключеніе было только на Лезгинской линіи, гдѣ совершено три похода для разоренія враждебныхъ племенъ; потому что съ южной стороны набѣгъ былъ единственно-возможный образъ дѣйствія противъ непріятеля, живущаго за становымъ хребтомъ. Для прикрытія Кахетіи и

Джаро-Бѣлоканской области, необходимо было содержать значительное число войскъ, которыя лѣтомъ гораздо лучше ограждали край, находясь въ самыхъ горахъ, чѣмъ у ихъ подошвы.

Опытность и искусство соображеній главныхъ начальниковъ также сильно способствовали уменьшенію нашей потери. Если немного позицій, даже въ горахъ, на которыхъ здѣшній непріятель можетъ устоять противъ хорошо направленной атаки, то много такихъ, гдѣ онъ можетъ нанести намъ чувствительную потерю. Обмануть горцевъ и пройти къ пункту, составляющему цѣль движенія, не тѣмъ путемъ, на которомъ они приготовлялись насъ встрѣтить, весьма трудно, въ такой недоступной мѣстности, какъ Кавказская, и однакожъ это часто удавалось, благодаря распорядительности начальниковъ. На Лѣвомъ крылѣ, гдѣ сосредоточивались главныя усилія и съ нашей и съ непріятельской сторонъ, несмотря на смѣлые походы въ самую глубь горъ, положительно можно сказать, что графъ Евдокимовъ ни разу не далъ горцамъ случая встрѣтиться съ нами тамъ, гдѣ они къ этому готовились и гдѣ это могло быть для нихъ выгодно. Самыя сильныя позиціи, занятыя скопищами Шамиля, падали почти безъ сопротивленія, вслѣдствіе вѣрно разсчитанныхъ маневровъ. Послѣ Ахульго, Салтовъ, Гергебиля и Чоха, осады которыхъ, иногда даже неудачныя, стоили тысячъ людей, завоеваніе Веденя, въ которомъ Шамиль сосредоточилъ всѣ средства для самой рѣшительной обороны, обошлось намъ въ 26 человѣкъ убитыми и ранеными! Также точно и дѣйствія генералъ-адъютанта Врангеля въ 1859-мъ году, которому приходилось преодолѣвать открытою силою такія препятствія какъ бездна Андійскаго Койсу и укрѣпленный подъемъ на Ахкентскій хребетъ, обошлись намъ чрезвычайно дешево, хотя по другой причинѣ,—по чрезвычайной энергіи исполненія, изумлявшей и предупреждавшей непріятеля.

Изложенныя причины: правильная система войны, искусныя распоряженія главныхъ начальниковъ и распространеніе въ войскахъ нарѣзнаго оружія, уменьшили нашу потерю въ

Кавказской войнѣ до незначительной цифры. Въ свою очередь, эта незначительность потери и рѣшеніе дѣла маневрами составляютъ одну изъ главныхъ причинъ нашего успѣха. Горцевъ нельзя было испугать боемъ. Непрерывный бой довелъ ихъ до той степени увѣренности, что нѣсколько десятковъ человѣкъ не боялись завязывать дѣло съ колонною въ нѣсколько баталіоновъ и, отвѣчая однимъ выстрѣломъ на сто нашихъ, наносили намъ гораздо бо́льшую потерю, чѣмъ мы имъ. Бой доказываетъ равенство силы, и пока горцы могли биться, они не думали о покорности. Но когда они столько разъ увидѣли на опытѣ, что имъ не предоставляютъ даже случая сопротивляться, оружіе стало выпадать изъ ихъ рукъ. Пораженные, они снова собрались бы на другой день; но обойденные и принужденные разсѣяться безъ сопротивленія, они на другой день приходили съ изъявленіемъ покорности. Могущество Шамиля подрывалось болѣе всего сборомъ безполезныхъ скопищъ, которыя должны были расходиться по домамъ, не оказавъ нигдѣ серьезнаго сопротивленія.

Посмотримъ теперь, что́ происходило въ теченіе этихъ трехъ лѣтъ на Западномъ Кавказѣ.

Обративъ главныя силы Кавказской арміи противъ восточной группы горъ, какъ болѣе опасной для насъ своимъ географическимъ положеніемъ и характеромъ возникшаго тамъ религіознаго союза, князь Барятинскій долженъ былъ соразмѣрять военныя дѣйствія на Правомъ крылѣ съ силами занимавшихъ его войскъ. Самое положеніе дѣлъ въ этомъ краѣ требовало болѣе пріуготовительныхъ, чѣмъ рѣшительныхъ дѣйствій. На Восточномъ Кавказѣ мы вездѣ непосредственно соприкасались съ густымъ непріятельскимъ населеніемъ; на Правомъ крылѣ, напротивъ, во многихъ мѣстахъ, между нашими передовыми линіями и настоящимъ жильемъ враждебныхъ племенъ, между Кубанью, Лабою и горами — лежала еще обширная и рѣдко населенная равнина. Прежде чѣмъ приступить къ окончательному покоренію Закубанцевъ, надобно было разработать эту глухую равнину, создать въ ней опорные пункты и выдвинуть впередъ наши линіи. Это дѣло могло быть исполнено наличными силами Праваго кры-

ла, пока продолжалось покореніе восточныхъ горъ. Страну непокорныхъ Закубанцевъ надобно было занимать одновременно съ двухъ противоположныхъ концевъ: со стороны моря и со стороны Лабы, двигаясь параллельно хребту горъ и обрѣзывая ее въ длину, потому что естественныя линіи этой страны, рѣки, всѣ перпендикулярны къ Кубани, и прямое наступленіе съ Кубанскаго берега къ горамъ намъ не на что опереть; страна же такъ обширна, что здѣсь нельзя перенестись сразу къ подошвѣ горъ, какъ на Лѣвомъ крылѣ мы перенеслись съ Сунжи. Обширность страны требовала также прочнаго занятія линій казаками; одни рѣдко разбросанныя укрѣпленія не оградили бы ея достаточно. На этихъ соображеніяхъ былъ основанъ планъ дѣйствій за Кубанью: сначала выдвинуть съ противоположныхъ концовъ страны полковыя штабъ-квартиры на Бѣлую и Адагумъ, потомъ выбить изъ горъ общества, остающіяся за флангомъ и тыломъ новыхъ линій и заселить берега этихъ рѣкъ станицами; при чемъ, для водворенія изгнанныхъ туземцевъ, осталась бы еще пространная равнина между Адагумомъ и Бѣлой. Когда населеніе на новыхъ линіяхъ стало бы самостоятельнымъ, перевести другія двѣ полковыя штабъ-квартиры 19-й пѣхотной дивизіи впередъ и расположить ихъ у предгорій, отдѣляя войсками населеніе горъ отъ населенія равнины; наконецъ, разработать дороги отъ главныхъ пунктовъ, занятыхъ нами по сѣверной сторонѣ горъ, черезъ хребетъ до моря. Можно было разсчитывать, что горское населеніе, сжатое какъ въ тискахъ, покорится еще до окончательнаго исполненія всѣхъ этихъ мѣръ. Для осуществленія вышеизложеннаго плана необходимо было водвореніе въ покоряемомъ краѣ значительнаго казачьяго населенія, для чего Государь утвердилъ двѣ мѣры: ежегодное устройство пяти новыхъ станицъ въ пространствѣ Верхне-Кубанскаго и Лабинскаго округовъ и переселеніе на Кавказъ Азовскаго казачьяго войска.

Сообразно съ изложеннымъ планомъ, военныя дѣйствія на Правомъ крылѣ были раздѣлены на двѣ самостоятельныя операціи: со стороны Лабы (бывшаго Праваго фланга) и со стороны нижней Кубани (Черноморіи). Эти дѣйствія соотвѣтствовали, по раздѣленію Закубанцевъ, наступленію на двухъ

главныхъ предводителей: Мегметъ-Амина съ Абадзехами и Сеферъ-Бея съ Натухайцами и Шапсугами.

Со стороны бывшаго Праваго фланга, прежде всего надобно было подвинуть линію передовыхъ укрѣпленій съ Лабы на Бѣлую, куда первый шагъ былъ сдѣланъ еще въ 1851 году, заложеніемъ укрѣпленія Бѣлорѣченскаго; но съ тѣхъ поръ дѣло оставалось въ одномъ положеніи. Овладѣть теченіемъ Бѣлой намъ было нужно, чтобы подвинуться къ непріятелю, значительно сократить протяженіе нашихъ линій, отнять у горцевъ большое пространство плодородной равнины и оградить наши населенія, существующія и предполагаемыя.

Въ Маѣ 1857 г. заложено Майкопское укрѣпленіе, при выходѣ Бѣлой изъ горъ. Абадзехи отстаивали свою землю шагъ за шагомъ, не пропускали безъ боя ни одной колонны, даже сдѣлали общее нападеніе на лагерь; каждое вывозимое изъ лѣса бревно стоило намъ крови. Тѣмъ не менѣе, къ осени уже были готовы главныя постройки, и въ Майкопъ перенесена штабъ-квартира Кубанскаго пѣхотнаго полка.

Майкопское укрѣпленіе составляло не болѣе, какъ отдѣльный пунктъ, принадлежащій намъ въ непріятельской землѣ. Надобно было связать его съ прочими линіями и для этого упрочить сообщеніе: къ Сѣверу съ нижней Лабой, къ Юго-востоку съ Мало-Лабинской линіей. Для устройства первой дороги предположено было возвести редуты на Гіагѣ и у Длиннаго лѣса; вторую можно было проложить только послѣ приведенія къ покорности обществъ, обитающихъ на верховьяхъ рѣкъ Губса, Ходза и Фарса.

Въ теченіе этого года казачье населеніе между Кубанью и Лабой усилено основаніемъ двухъ новыхъ станицъ.

Весною приступлено къ обширнымъ работамъ на всемъ протяженіи края. Одинъ отрядъ продолжалъ устройство штабъ-квартиры Кубанскаго полка въ Майкопѣ; два другіе отряда прикрывали возведеніе 6-ти новыхъ станицъ на верхнемъ теченіи рѣкъ: Большаго Зеленчука, Урупа и Тегеня, принадлежащихъ вновь учрежденной Урупской казачьей бригадѣ. Штабъ-квартира Севастопольскаго пѣхотнаго полка поставлена въ укр. Псебайскомъ, на Мало-Лабинской линіи. Такимъ образомъ расположеніе нашихъ силъ въ восточной части

Праваго крыла было достаточно сосредоточено. Оставалось открыть между ними безпрепятственное сообщеніе чрезъ предгорія, отъ Майкопа къ Малой-Лабѣ. Для этого былъ предпринятъ осенью цѣлый рядъ дѣйствій. Въ Октябрѣ со стороны Майкопа прорублена просѣка къ Махошевцамъ. Въ слѣдующемъ мѣсяцѣ Майкопскій отрядъ двинулся къ вершинѣ Фарса, на встрѣчу Лабинскому отряду, который шелъ туда же, открывая сообщеніе чрезъ лѣса. Въ Декабрѣ Длинный лѣсъ раскрытъ двумя просѣками, и населеніе, жившее за нимъ, раззорено. Туземные жители вездѣ бросали свои дома и удалялись отъ просѣкъ.

Племена, живущія въ горахъ между Кубанью и Лабою, называясь мирными, продолжали вести разбойничью жизнь и составляли причину всегдашней тревоги для нашихъ линій. Лѣтомъ 1858 г. сдѣланы набѣги для наказанія Башильбеевцевъ и Шахгиреевцевъ, въ примѣръ другимъ.

Прочное утвержденіе нашихъ войскъ въ землѣ Абадзеховъ, заложеніемъ Майкопа, произвело сильное впечатлѣніе на горцевъ. Абадзехи въ этой части края составляли господствующую силу, увлекавшую окрестныя мелкія племена. Перенесеніе войны въ ихъ землю было первымъ ударомъ въ голову конфедераціи, основанной Мегметъ-Аминомъ.

Въ западной части Праваго крыла, для постепеннаго движенія впередъ, надобно было прежде всего овладѣть землями Натухайцевъ, расположенными треугольникомъ между устьемъ Кубани и моремъ. Теченіе рѣки Адагума представляетъ естественную линію, которую нужно было занять, продолживъ ее до Цемесской бухты, чтобы отрѣзать Натухайцевъ отъ массы горскаго населенія. Предположено было устроить эту линію въ продолженіи двухъ лѣтъ—возведеніемъ четырехъ укрѣпленій, одного въ нижней, другаго въ средней части теченія Адагума, третьяго на берегу моря, на развалинахъ Новороссійска, четвертаго—промежуточнаго между этими двумя, и расположить на новой линіи Крымскій пѣхотный полкъ; съ покореніемъ же Натухайскаго треугольника основать тамъ станицы Азовскихъ и Черноморскихъ казаковъ, по общему плану—упрочивать завоеваніе водвореніемъ въ краѣ Русскаго военнаго населенія.

Лѣтомъ 1857 г. основано укрѣпленіе Нижне-Адагумское; отъ него разработаны дороги въ обѣ стороны къ Суровой батареѣ на Кубани, гдѣ выстроено мостовое укрѣпленіе и вверхъ по Адагуму, до мѣста предположеннаго центральнаго укрѣпленія. Вокругъ на далекое разстояніе истреблены всѣ непріятельскія населенія, числомъ до 3,500 дворовъ. Горцы сопротивлялись гораздо слабѣе, чѣмъ въ Майкопѣ, не смотря на доставленныя имъ изъ Константинополя 10 орудій, и прибывшій къ нимъ отрядъ Европейскихъ флибустьеровъ. Они довольствовались канонадой съ дальняго разстоянія и не отважились ни на одно значительное нападеніе.

Въ 1858 году заложено у мѣста, называемаго Колобатовой могилой, центральное Адагумское укрѣпленіе; къ осени переведена туда штабъ-квартира Крымскаго пѣхотнаго полка, и окружающая сторона опустошена, для того, чтобы удалить горское населеніе. На мѣстѣ бывшаго Новороссійска сооружено укрѣпленіе Константиновское. Противъ Адагумскаго отряда горцы держались осторожно; но противъ Константиновскаго, ободряемые малочисленностію нашихъ войскъ, сдѣлали нѣсколько безуспѣшныхъ покушеній. Съ окончаніемъ работъ, въ концѣ Ноября Адагумская линія могла считаться достаточно занятой, и потому предпринято движеніе всѣмъ отрядомъ для разоренія Натухайцевъ. Адагумскій отрядъ въ продолженіи мѣсяца, съ 9-го Ноября по 9-е Декабря, опустошилъ землю этого племени по всѣмъ направленіямъ, сожигая аулы, забирая плѣнныхъ, скотъ и имущество. Отдѣленные военною линіею отъ массы своихъ соплеменниковъ и преданные безпощадному разоренію, Натухайцы предложили условія, на которыхъ они соглашались принять Русское подданство. Имъ былъ предоставленъ выборъ между безусловною покорностью или изгнаніемъ изъ отеческой страны. Окончательное покореніе было отложено до осени 1859 года, когда Адагумская линія имѣла быть довершена основаніемъ четвертаго промежуточнаго укрѣпленія.

Съ началомъ 1859 года были предприняты дѣйствія въ большихъ размѣрахъ для покоренія племенъ, населяющихъ горы между Лабою и Бѣлою. Отряды Лабинскій и Майкопскій двинулись въ Январѣ съ двухъ противоположныхъ пунк-

товъ для того, чтобъ соединиться въ серединѣ, на истокахъ Фарса, обозрѣвая и расчищая страну. Лабинскій отрядъ прошелъ предгоріями на Губсъ; другой проникъ глубоко въ ущелье Бѣлой, почти до Каменнаго моста и въ ущелье одного изъ притоковъ ея—Фюнфта, сражаясь день и ночь противъ многочисленнаго и ожесточеннаго врага. Въ этотъ походъ было истреблено много ауловъ, горцы понесли большія потери; но предположенное соединеніе отрядовъ не состоялось за недостаткомъ фуража, который горцы истребляли съ приближеніемъ нашихъ войскъ. Разстояніе отъ линіи Малой Лабы до линіи Бѣлой оказалось слишкомъ значительнымъ для дѣйствій двухъ отрядовъ въ общей связи, безъ промежуточнаго пункта, снабженнаго заранѣе продовольствіемъ и фуражемъ, вслѣдствіе чего и было сдѣлано предположеніе основать слѣдующей осенью укрѣпленіе на уроч. Хамкеты.

Въ Февралѣ изъ укр. Псебайскаго была двинута на Ходзь колонна и, появившись неожиданно въ непріятельской землѣ, разорила до основанія поселенія Бесленеевцевъ, которымъ мы давно уже грозили жестокимъ наказаніемъ, если они будутъ продолжать враждебныя дѣйствія. Этотъ погромъ произвелъ самое сильное впечатлѣніе въ горахъ, такъ что немедленно затѣмъ общества Кизильбековцевъ, Башильбеевцевъ и Тамовцевъ принесли покорность и выдали аманатовъ. Замиреніе этихъ обществъ заставило усмириться и полупокорное населеніе, занимающее горы между Лабою и Урупомъ.

Съ наступленіемъ весны Лабинскій отрядъ совершилъ еще нѣсколько движеній въ непокорныя земли для того, чтобы не допустить горцевъ возобновлять разрушенныя поселенія. Майкопскій отрядъ расчищалъ окрестности укрѣпленія и оканчивалъ постройки. Особые отряды, Зеленчукскій и Тебердинскій, продолжали устройство станицъ, мостовъ и дорогъ въ верхней части Лабинскаго округа.

Пока эти дѣйствія происходили въ предѣлахъ бывшаго Праваго фланга, со стороны Черноморіи былъ сосредоточенъ отрядъ и двинутъ противъ непокорныхъ Бжедуховъ, занимающихъ самую средину Праваго крыла, между Абадзехами и Шапсугами. Отрядъ этотъ прорубилъ просѣку въ лѣсахъ, прикрывающихъ жилья Бжедуховъ и, вторгнувшись въ землю

этого племени, взялъ съ бою и истребилъ одинъ за другимъ 44 укрѣпленныхъ аула. Населеніе Бжедуховъ осталось на снѣгу, посреди своихъ погорѣвшихъ деревень, безъ крова и пищи, въ странѣ, открытой просѣкой постояннымъ вторженіямъ съ нашей стороны. Они поняли невозможность отстаивать противъ насъ занимаемыя ими мѣста.

Въ Апрѣлѣ тотъ же отрядъ двинулся къ сліянію Бакана и Неберджая для довершенія Адагумской линіи устройствомъ въ этомъ пунктѣ четвертаго укрѣпленія. Горцы рѣшились употребить всѣ зависѣвшія отъ нихъ усилія, чтобы не допустить насъ утвердиться въ этомъ мѣстѣ. Сеферъ-Бей съ 15-ю тысячами Шапсуговъ, Натухайцевъ и Убыховъ окружилъ лагерь отряда, но, понеся нѣсколько частныхъ пораженій, долженъ былъ отступить. Горское скопище разошлось по домамъ, и въ Августѣ были довершены предпринятыя работы.

Разоренные зимою Бжедухи, видя безнадежность своего положенія, прислали въ Іюнѣ депутацію къ генералу Филипсону просить о принятіи ихъ въ Русское подданство. Дворянство этого племени, давно лишившееся своихъ правъ и жившее въ отдѣльномъ аулѣ, нѣсколько времени еще медлило, но потомъ также покорилось. Бжедухамъ приказано осенью выселиться на Лѣвый берегъ Кубани и устроиться большими аулами не менѣе 300 дворовъ. Въ то же время приняты мѣры для подчиненія ихъ управленію, систематически сообразованному съ народными нуждами и потребностями Русской власти.

Кровавыя потери трехлѣтней войны, изнуреніе отъ постоянныхъ сборовъ для сопротивленія настойчивому наступленію съ нашей стороны, примѣръ Бжедуховъ и болѣе всего паденіе мюридизма на Восточномъ Кавказѣ, произвели сильное впечатлѣніе на умы Адыгскихъ обществъ, сосѣднихъ съ нашими предѣлами. Они поняли, что сопротивленіе будетъ имъ становиться со дня на день разорительнѣе и невозможнѣе. Въ началѣ осени племена между Лабою и Бѣлою: Темиргоевцы, Махошевцы, Егерукаевцы, Бесленеевцы, Закубанскіе Кабардинцы, Шахгиреевцы, одни за другими принесли покорность. Покуда въ этой части края оставались вольными только Баракаевцы и Баговцы.

Въ продолженіе того же времени принимались дѣятельныя мѣры къ прекращенію контрабанды на восточномъ берегу Чернаго моря. Предшествовавшая война развила ее въ огромномъ размѣрѣ, и первое время, при недостаткѣ морскихъ средствъ, трудно было ограничить ее. Изъ Турціи доставляли горцамъ военные припасы, пушки и даже привезли отрядъ флибустьеровъ. На берегу были заведены укрѣпленныя факторіи, Геленджикская и Туапсе, взятыя съ бою и разрушенныя нашимъ десантомъ; впослѣдствіи контрабандная торговля если не прекращена, то ослаблена и приняла болѣе безвредный для насъ характеръ.

Малочисленность войскъ, занимавшихъ обширный и совсѣмъ еще не устроенный край, между Черноморскимъ прибрежьемъ и Сурамскимъ хребтомъ, составлявшихъ районъ Кутаисскаго генералъ-губернаторства, заставила ограничиваться здѣсь полумѣрами до тѣхъ поръ, пока развязка дѣла на Восточномъ Кавказѣ позволила обратить излишекъ силъ въ эту сторону. Отдѣльное географическое положеніе этой части края, отрѣзанной отъ прочаго Закавказья горами и подверженной нападенію съ моря, важность этой страны, какъ передоваго поста, защищающаго весь край отъ возможнаго покушенія со стороны Европы, и какъ военнаго основанія для предстоявшаго занятія восточнаго берега Чернаго моря, настоятельно требовали особеннаго вниманія и значительныхъ средствъ. Сосѣдніе непокорные горцы, можетъ статься, могли бы быть приведены къ нѣкоторой степени покорности безъ особенныхъ усилій; но мы не имѣли тамъ достаточныхъ средствъ не только для дѣйствія, но даже для угрозы или для поддержанія партій, склоняющихся на нашу сторону. Матеріальная разработка края, совершенно для насъ необходимая, производилась только урывками. Кавказская армія не могла отдѣлить на Черноморское прибрежье ни одного лишняго батальона, и оттого всѣ правительственныя дѣйствія въ этомъ краѣ необходимо носили характеръ полумѣръ.

Главное вниманіе здѣсь князя Барятинскаго было обращено на водвореніе порядка въ полупокорныхъ или не совсѣмъ еще спокойныхъ, пограничныхъ земляхъ: Абхазіи, Цебельдѣ и Сванетіи. Первая страна была закята въ преж-

нихъ ея предѣлахъ возобновленіемъ укрѣпленія Гагры. Въ Цебельдѣ также основано укрѣпленіе, подъ названіемъ Цебельдинскаго. Смуты, происходившія въ Сванетіи вслѣдствіе домашней распри князей Дадешкиліановыхъ, окончены удаленіемъ изъ края старшей отрасли этой фамиліи, бывшей причиною безпорядковъ. Вольная Сванетія, долго считавшаяся недоступной, осмотрѣна и приведена въ покорность двукратнымъ движеніемъ нашихъ отрядовъ въ 1857 и 1858 годахъ. Военные пути устраивались, насколько позволяла ограниченность средствъ. Дорога, соединяющая Кутаисъ съ Тифлисомъ, чрезъ Сурамскій перевалъ, два года сряду разработывалась Тульскимъ пѣхотнымъ полкомъ. Въ 1858 г. трассирована дорога изъ Сухумъ-Кале въ Кутаисъ внутренними землями, чтобы избѣжать сосѣдства съ моремъ, не находившимся въ нашемъ исключительномъ обладаніи. Наконецъ, довершалась разработка Военно-Осетинской дороги по Мамисонскому ущелью, цѣль которой—соединить прямымъ путемъ Кавказскую линію съ Кутаисомъ. Назначеніе этой дороги весьма важно; потому что, въ случаѣ внѣшней войны, можно будетъ, не разрывая силъ, защищать Черноморское прибрежье съ линіи, гдѣ войска постоянно расположены въ значительномъ числѣ.

И такъ, на Западномъ Кавказѣ, не смотря на ограниченность средствъ, которыми начальство этихъ странъ могло располагать, по счастливому сочетанію обстоятельствъ и неослабленной настойчивости съ нашей стороны, сдѣлано было больше, чѣмъ предполагалось по первоначальной программѣ. Паденіе Шамиля такъ сильно подѣйствовало на горцевъ Западнаго Кавказа, что половина ихъ покорилась ранѣе рѣшительнаго наступленія противъ нихъ. Вообще уже видно было, что и на Западномъ Кавказѣ дѣла принимаютъ такой оборотъ, при которомъ еще два - три энергически настойчивыхъ года дѣйствій сломятъ вѣковое сопротивленіе. Въ этихъ видахъ князь Барятинскій рѣшилъ передвинуть съ Восточнаго Кавказа всѣ стрѣлковыя части пѣхоты и три драгунскихъ полка съ артилеріей въ Закубанскій край и усилить тамъ всѣ нужныя для наступательныхъ дѣйствій средства: а самъ между тѣмъ желалъ отправиться на свиданіе съ Го-

сударемъ для личнаго доклада о положеніи дѣлъ, о видахъ его въ ближайшемъ будущемъ и чтобы испросить всѣ нужныя разрѣшенія.

Изъ приводимыхъ здѣсь писемъ къ Государю видно, что жестокая болѣзнь, усилившаяся во время похода подъ Гунибъ, удерживала князя въ Тифлисѣ, и поѣздка все откладывалась. Онъ писалъ Государю:

Тифлисъ, 21 Сентября 1859 г.

„Въ теченіе нѣсколькихъ дней я еще сохранялъ надежду на возможность лично повергнуть къ стопамъ Вашего Величества чувства безпредѣльной благодарности, которыми полно мое сердце за всѣ знаки Вашего непрерывнаго ко мнѣ благоволенія. Къ несчастью, со времени выѣзда изъ Петербурга, здоровье мое только ухудшалось, и подагра, не оставлявшая меня во все время похода, вынуждавшая прибѣгать къ самымъ сильнодѣйствующимъ средствамъ, овладѣла мною окончательно по возвращеніи въ Тифлисъ. Вотъ уже 10 дней, какъ я не оставляю постели, мучительно страдая, лишенный употребленія обѣихъ ногъ и правой руки, что̀ вынуждаетъ меня прибѣгнуть къ содѣйствію секретаря, чтобы повергнуть передъ Вами, Государь, мое сердечное горе по поводу невозможности воспользоваться Вашимъ благосклоннымъ разрѣшеніемъ явиться въ Николаевъ. Не менѣе тягостно мнѣ откладывать многіе вопросы, которые не могу доложить иначе какъ только словесно, а между тѣмъ они крайне важны для хода нашихъ дѣлъ“.

Тифлисъ, 2-го Ноября 1859 года.

„Съ соизволенія Вашего Величества и въ случаѣ, если улучшеніе моего здоровья продолжится, я надѣюсь имѣть возможность черезъ 5—6 недѣль предпринять свое путешествіе. Такимъ образомъ, я предполагаю прибыть въ Петербургъ въ концѣ Декабря мѣсяца. Я тороплюсь повергнуть къ стопамъ Вашего Величества мою глубокую признательность за всѣ проявленія милости, которыми Вы меня изволили осыпать. Вслѣдствіе измѣненія положенія дѣлъ послѣ похода этого лѣта, возникло нѣсколько важныхъ вопросовъ, которые я дол-

женъ Вамъ лично доложить; всё это вопросы, не терпящіе отлагательства для достиженія полнаго умиротворенія Кавказа".

„Позвольте мнѣ также, Государь, выразить счастіе, наполнившее мое сердце по поводу сообщеннаго извѣстія, что Вы изволили согласиться на нашъ фамильный маіоратъ. Теперь мнѣ остается лишь просить Васъ довершить это благодѣяніе позволеніемъ передать состояніе брату моему Владиміру, согласно всегдашнему моему желанію. Вы этимъ снимете тяжелый камень съ моего сердца, такъ какъ Ваше Величество соизволите вспомнить, какъ долго я тружусь надъ довершеніемъ этого дѣла".

Между тѣмъ произошло совершенно неожиданное событіе. Въ концѣ Октября, для возведенія предположеннаго укрѣпленія на урочищѣ Хамкеты, въ укр. Каладжинскомъ собрался отрядъ, подъ начальствомъ камандующаго войсками Праваго крыла генерала Филипсона; чрезъ нѣсколько дней отрядъ расположился лагеремъ на р. Хамкеты и приступилъ къ расчисткѣ мѣстности. Самое могущественное изъ Черкесскихъ племенъ, Абадзехи, видя, что дѣйствія Русскихъ войскъ уже не носятъ прежняго характера набѣговъ, а стремятся къ прочному занятію края и что такимъ образомъ имъ угрожаетъ потеря независимости, присылали къ генералу Филипсону выборныхъ и просили о перемиріи. По истеченіи даннаго Абадзехамъ срока, въ нашъ лагерь явился самъ Магометъ-Эминъ, игравшій на Западномъ Кавказѣ роль намѣстника Шамиля, какъ главы Ислама, съ народными старшинами и толпою до 2000 всадниковъ. 20-го Ноября Абадзехскіе выборные люди приняли присягу на вѣрноподданство, на условіи, чтобы вѣра, народныя права и земля ихъ оставались неприкосновенными, чтобы на нихъ не были налагаемы ни подати, ни обязанность военной службы. Само собою, такая условная покорность не могла соотвѣтствовать нашимъ цѣлямъ, и долго въ подобномъ положеніи оставаться было немыслимо; но Абадзехскій народъ далеко еще не былъ вынужденъ къ покорности оружіемъ, а потому и такое замиреніе этого сильнаго племени слѣдовало считать важнымъ для насъ событіемъ, при самомъ началѣ систематическихъ наступательныхъ

дѣйствій въ Закубанскомъ краѣ, тѣмъ болѣе, что вмѣстѣ съ Абадзехами покорились еще Баракаевцы и во всей восточной половинѣ Праваго крыла, до предѣловъ Шапсуговъ, горское населеніе признало надъ собою Русскую власть. Все это облегчало намъ дѣйствія противъ западной половины этой части края. Извѣстіе объ этомъ событіи князь Барятинскій доложилъ Государю въ слѣдующемъ письмѣ.

Тифлисъ, 28 Ноября 1859.

„Государь! Я весьма счастливъ, имѣя возможность еще до пріѣзда въ Петербургъ сообщить вамъ о великомъ событіи, совершившемся на Правомъ крылѣ Кавказской линіи. Магометъ-Эминъ со всѣми Абадзехами покорился скипетру Вашего Величества; онъ увлекъ съ собою до 100 тыс. человѣкъ. Полковникъ Свѣчинъ, находившійся при генералъ-лейтенантѣ Филипсонѣ, личный свидѣтель этого событія, представитъ вамъ интересныя свѣдѣнія. Дѣло будетъ весьма полезно въ отношеніи остальныхъ племенъ, нами еще непокоренныхъ. На дняхъ я ожидаю Магометъ-Эмина и если онъ, какъ говорилъ Свѣчинъ, изъявитъ намѣреніе имѣть счастіе быть представленнымъ Вашему Величеству, то я его немедленно отправлю въ Петербургъ. Это принесетъ пользу всему Кавказу, потому что хотя Магометъ-Эминъ и не пользуется, подобно Шамилю, всесвѣтною извѣстностью, но все-таки и Турція, и наши Западные сосѣди хорошо знаютъ это внушительное имя“.

„Позвольте мнѣ просить для генерала Филипсона орденъ св. Александра Невскаго; войскамъ же его соблаговолите выразить свое удовольствіе. Успѣхъ и слава увѣнчали ихъ труды; до сихъ поръ, безъ ихъ вины, заслуги войскъ Праваго крыла оставались безъизвѣстными. Предоставьте имъ, Государь, принять участіе въ знакахъ Вашего благоволенія“.

Успѣхи послѣдняго времени были оцѣнены Государемъ по достоинству; а донесеніе объ изъявленіи Магометъ-Эминомъ съ Абадзехами покорности, хотя и условной, вызвало въ Петербургѣ большую радость: его сочли предвѣстникомъ близкаго изъявленія покорности всѣми горцами Западнаго Кавказа. Государь возвелъ 6-го Декабря 1859 г. князя Ба-

рятинскаго въ санъ генералъ-фельдмаршала и повелѣлъ Кабардинскому полку именоваться впредъ имени его полкомъ. Посланный для врученія ему маршальскаго жезла, флигель-адъютантъ Дурново встрѣтилъ князя, ѣхавшаго въ Петербургъ, на Дону, на Меркуловской почтовой станціи. (Здѣсь надъ входомъ была впослѣдствіи прибита мраморная доска съ соотвѣтствующею надписью). Образованные Русскіе люди, знавшіе и не знавшіе лично князя Барятинскаго, изъ искренняго патріотическаго чувства, отнеслись тогда къ нему съ полнѣйшею симпатіею и прислали ему множество поздравленій; но самъ князь Барятинскій, не придавая покоренію Абадзеховъ рѣшающаго значенія, считалъ эту высокую награду для себя неожиданною и отчасти несвоевременною.

Это выразилъ онъ въ письмѣ къ Д. А. Милютину изъ Петербурга на Кавказъ, отъ 9 Января 1860 года, въ отвѣтъ на его поздравленіе:

„Благодарю васъ за сердечное ваше выраженіе при поздравленіи меня съ чиномъ, котораго я, какъ вы сами знаете, никакъ не ожидалъ. Три дня оставался я совершенно обремененнымъ отъ этой высокой милости, и чинъ этотъ, который обыкновенно такъ радуетъ, опечалилъ меня выше всякаго выраженія. Вы согласитесь со мною, что награда эта за Гунибъ, или за всю нынѣшную кампанію, не произвела бы такого дѣйствія; но покорность Абадзеховъ, по мнѣнію моему, еще слишкомъ шатка, чтобы удостоиться такого высокаго званія“.

Князь самъ разсказывалъ, что, пріѣхавъ въ Петербургъ, онъ спросилъ у Государя, за что́ произведенъ въ фельдмаршалы? Если за покорность Абадзеховъ, то считаетъ себя огорченнымъ, потому что дѣло не заслуживало этого. Государь отвѣчалъ ему: „Нѣтъ, я чувствовалъ, что ты мало награжденъ за покореніе Восточнаго Кавказа и потому воспользовался случаемъ“ *).

Нечего и говорить, какъ былъ встрѣченъ въ Петербургѣ новый и единственный тогда въ Россіи фельдмаршалъ. Въ

*) 16 Января 1860 г. Государь назначилъ князя Барятинскаго почетнымъ членомъ Императорской Военной Академіи.

дворянскомъ собраніи ему былъ данъ обѣдъ, на которомъ присутствовали государственные сановники и представители высшаго общества. Еще болѣе искренно и сочувственно приняла князя Барятинскаго Москва на обратномъ его пути изъ Петербурга. За обѣдомъ въ Дворянскомъ Собраніи князь П. А. Вяземскій прочиталъ ему свои стихи. М. П. Погодинъ (не попавшій на обѣдъ) написалъ по этому поводу очень остроумную статью. Тогда же, въ Москвѣ, встрѣтилъ князя пріѣхавшій изъ Калуги Шамиль, превратившійся изъ долголѣтняго упорнаго врага въ самаго искренняго почитателя князя Александра Ивановича. Князь устроилъ у себя свиданіе Алексѣю Петровичу Ермолову съ Шамилемъ. Сошлись представители трехъ знаменательныхъ эпохъ на Кавказѣ: зарожденія мюридизма, его наивысшей силы, и паденія, закончившаго почти вѣковую борьбу.

Послѣ всѣхъ этихъ торжествъ и овацій фельдмаршалъ возвратился въ Тифлисъ, гдѣ его встрѣтили съ неподдѣльнымъ восторгомъ. Въ залахъ дворца толпились представители всѣхъ вѣдомствъ и туземныхъ населеній. Въ числѣ послѣднихъ былъ полковникъ князь Мамука Орбельянъ; онъ, вынувъ изъ футляра маршальскій жезлъ, поднялъ его высоко и воскликнулъ: „Господа, вотъ награда всему Кавказу“. Раздалось оглушительное ура! Князь Барятинскій снова переживалъ радостныя минуты...

Но жестокая болѣзнь продолжала свою разрушительную работу, лишая виновника всѣхъ этихъ торжествъ возможности вполнѣ наслаждаться ими. Онъ писалъ Государю:

Тифлисъ, 24 Марта 1860 г.

„Государь! Возвратясь въ Тифлисъ съ сердцемъ наполненнымъ живѣйшею радостью, вслѣдствіе непрестанныхъ милостей Вашего Величества, я имѣлъ еще счастіе получить вскорѣ милостивое письмо отъ Ея Величества вдовствующей Императрицы, которая въ Ниццѣ соизволила вспомнить обо мнѣ и обратиться ко мнѣ съ нѣсколькими словами ангельской доброты“ *).

*) Поздравленіе съ производствомъ въ фельдмаршалы.

„Я видѣлъ Шамиля въ мой проѣздъ черезъ Москву; казалось, что онъ былъ радъ видѣть меня и весьма доволенъ, судя по всему, что̀ онъ мнѣ говорилъ. Онъ имѣлъ въ высшей степени приличный видъ; но по Московскимъ и Калужскимъ толкамъ, кажется, что пенсія, которую вы ему назначили, недостаточна для его содержанія. Полковникъ Богуславскій можетъ дать объ этомъ подробныя разъясненія военному министру; я, со своей стороны, полагаю полезнымъ прибавить Шамилю еще 5,000 рублей въ годъ и давать ихъ ему на руки для его частныхъ расходовъ“.

„Магометъ-Эминъ только что отправился въ Петербургъ; онъ представится Вашему Величеству вмѣстѣ съ Абадзехскими старшинами. Я далъ князю Львову, который будетъ имѣть счастіе вамъ ихъ представить, необходимыя наставленія, для доклада военному министру, о взаимныхъ положеніяхъ этихъ господъ. Испрашиваю у Вашего Величества милости назначить Магометъ-Эмину пожизненную пенсію въ 3000 р. ежегодно; мнѣ также кажется полезнымъ дать ему единовременное пособіе въ 5000 р. Это человѣкъ въ высшей степени корыстный и тщеславный и, полагаю, съ ничтожнымъ вліяніемъ въ будущемъ; но онъ намъ оказалъ большую услугу, и нужно бы отплатить ему за нее. Другіе старшины, которые впослѣдствіи будутъ гораздо вліятельнѣе его, должны бы также, по моему мнѣнію, быть довольно щедро награждены единовременными пособіями; полагаю, что нужно дать каждому по 2000 р., не назначая имъ пенсій. Моя цѣль въ данный моментъ усыпить Абадзеховъ, чтобы не дать имъ возможности въ теченіе этого года снова предпринять враждебныя дѣйствія противъ насъ, и въ тоже время энергически продолжать военныя дѣйствія противъ Шапсуговъ, для чего я сосредоточилъ много отличныхъ войскъ, и, если силою оружія, я добьюсь абсолютной власти надъ Шапсугами, тѣмъ самымъ отниму у Абадзеховъ возможность когда либо возмутиться. Вотъ причины, побудившія меня послать вамъ Магометъ-Эмина съ остальными Абадзехскими депутатами, дабы они могли, возвратившись, поразить своихъ соплеменниковъ волшебными описаніями величія, блеска и благосклонности Вашей Августѣйшей Особы“.

„Я возвратился на Кавказъ, чтобы встрѣтиться съ жестокой зимой; утомительность большаго путешествія, которое я только что совершилъ, и дѣла, которыя я здѣсь нашелъ, лишь ухудшили состояніе моего здоровья, и я мечтаю о лѣтѣ, когда предполагаю дать себѣ полный отдыхъ, какъ вѣроятную возможность выздоровленія. Такъ какъ я имѣю уже на это позволеніе Вашего Величества, то предполагаю передать на это время дѣла князю Орбеліану и, если обстоятельства не воспрепятствуютъ, удалюсь въ окрестности Тифлиса, въ Боржомъ или другое мѣсто съ умѣреннымъ климатомъ, чтобы провести тамъ жаркіе лѣтніе мѣсяцы. Постараюсь вести тамъ спокойную жизнь, вдали отъ всякихъ хлопотъ и, такимъ образомъ, буду имѣть выгоду считать себя въ отпуску, не имѣя при этомъ безпокойства, всегда причиняемаго удаленіемъ отъ страны, ввѣренной въ управленіе. Итакъ, я соединю полезное съ пріятнымъ, не вредя ходу дѣлъ. Разсчитываю выѣхать изъ Тифлиса въ первыхъ числахъ Іюня“.

„Предположенія на будущее лѣто заставляютъ меня возвратиться къ одному предмету, о которомъ я уже имѣлъ случай докладывать Вашему Величеству; именно о назначеніи, которое вы дадите генералу Милютину. Въ приказѣ отъ 16 Февраля я прочелъ, что князь Васильчиковъ увольняется отъ должности товарища министра; если намѣреніе Вашего Величества было замѣстить его съ настоящаго времени генераломъ Милютинымъ, чтобы облегчить этой переходной ступенью его назначеніе на болѣе высокую должность, которую вы ему предназначили, то я приму на себя смѣлость просить Васъ, Государь, не слишкомъ торопиться въ этомъ случаѣ съ отозваніемъ генерала Милютина, присутствіе котораго было бы мнѣ чрезвычайно полезно, именно въ то время, которое я буду принужденъ посвятить возстановленію моего здоровья. При новомъ начальникѣ штаба я буду непремѣнно вынужденъ приняться лѣтомъ за работу, чтобы направить его соотвѣтственно моимъ видамъ, между тѣмъ какъ обязанности товарища министра совсѣмъ не требуютъ немедленнаго прибытія генерала Милютина въ Петербургъ. Впрочемъ, если разсчитать, что покуда Ваше повелѣ-

ніе придетъ въ Тифлисъ, покуда Евдокимовъ приметъ начальствованіе надъ Правымъ флангомъ Кавказской линіи, а Филипсонъ передастъ ему дѣла и пріѣдетъ сюда, чтобы принять дѣла отъ Милютина, и онъ лишь тогда будетъ имѣть возможность отправиться въ Петербургъ: пройдетъ навѣрное три-четыре мѣсяца и, такимъ образомъ, настанетъ 30 Августа. Если до этого самаго времени Милютинъ будетъ числиться товарищемъ министра, то въ Петербургѣ освоятся съ будущимъ положеніемъ, которое Вы изволите предназначать ему и, пріѣхавъ въ началѣ Сентября, онъ могъ бы вступить уже въ отправленіе своихъ обязанностей, какъ министръ".

„Простите, Государь, что я затронулъ эти подробности; но, зная, что въ Вашей милостивой благосклонности ко мнѣ и къ краю, мнѣ довѣренному, Вы изволите интересоваться также и моимъ здоровьемъ, я рѣшился обратить Ваше высокое вниманіе на затруднительное положеніе, въ которое я былъ бы поставленъ, еслибы эта перемѣна совершилась въ то время, которое я долженъ посвятить серьезному лѣченію".

Безъ всякаго преувеличиванія и пристрастія должно сказать, что всѣми блистательными успѣхами на Кавказѣ Россія вполнѣ обязана князю Барятинскому. Какъ онъ самъ ни уменьшалъ своей заслуги, приписывая успѣхъ и нарѣзному оружію (появившемуся, впрочемъ, въ Кавказскихъ войскахъ лишь въ концѣ 1857 года, да и то въ нѣкоторыхъ лишь частяхъ), и искусству и энергіи командовавшихъ генераловъ, особенно графа Евдокимова; но безъ созданнаго имъ систематическаго плана покоренія Кавказа, безъ введенной имъ безпрерывности дѣйствій, безъ его настойчивости, послѣдовательности, безъ той реформы всего военнаго управленія, которую онъ создалъ и провелъ, безъ его умѣнія во́ время награждать и вселять въ подчиненныхъ самыя лучшія надежды, наконецъ, безъ полнаго довѣрія и расположенія, которыми онъ пользовался у Государя, конечный результатъ не могъ быть достигнутъ и, во всякомъ случаѣ, заставилъ бы себя ждать еще не одинъ десятокъ лѣтъ.

Подробнѣйшее изученіе архивовъ предшествовавшаго болѣе полувѣковаго періода войны на Кавказѣ не обнаруживаетъ даже намека на какой-либо планъ полнаго, общаго покоренія горъ. Были только болѣе или менѣе удачныя предположенія къ частнымъ упроченіямъ нашимъ въ краѣ, или къ обезпеченію отъ вторженій непріятеля. Самая мысль о *совершенномъ покореніи* какъ бы не входила въ соображеніе, почти исключалась изъ области возможнаго....

Въ 1856 году, въ пріѣздъ князя Барятинскаго на Кавказъ главнокомандующимъ, было немало людей увѣренныхъ, что дѣла пойдутъ лучше, успѣшнѣе; но чтобы чрезъ нѣсколько лѣтъ Шамиль очутился въ плѣну, а горцы были окончательно покорены и вѣковая война закончена, такихъ вѣрующихъ положительно не было. Нѣкоторые, въ числѣ быть можетъ трехъ-четырехъ человѣкъ, допускали такой результатъ въ болѣе или менѣе отдаленномъ будущемъ; всѣ остальные вообще сомнѣвались въ возможности когда-либо полнаго покоренія. Одинъ князь Барятинскій вѣрилъ въ непогрѣшимость своего систематическаго плана, въ силу безпрерывности наступательныхъ дѣйствій, долженствовавшихъ сломить упорство горцевъ и одолѣть всѣ препятствія.

Когда какое-нибудь трудное дѣло совершится, всѣ находятъ, что это было очень просто; найдутся и такіе, которые скажутъ: „и я бы это сдѣлалъ!“ Все таже исторія съ Колумбовымъ яйцомъ... Кавказская война, при всѣхъ ея особенностяхъ, тоже не была конечно абсолютно-неразрѣшимымъ вопросомъ. Она требовала примѣненія къ разнообразнѣйшимъ мѣстнымъ условіямъ, а это примѣненіе и составляло самую суть задачи. Нуженъ былъ особенный талантъ, чтобы уяснить себѣ всѣ эти мѣстныя обстоятельства и, такъ сказать, сгруппировать ихъ въ своемъ умѣ, чтобы не упускать ихъ изъ вида, постоянно съ ними соображаться; нужна была сильная воля, чрезвычайная энергія, чтобы въ теченіе семи лѣтъ слѣдовать безъ всякаго колебанія выработанной системѣ, не ослабѣвая ни на одинъ часъ, въ сознаніи, что это должно повести къ успѣху. Имѣя дѣло съ противникомъ, сила котораго заключалась не въ арміи, а въ цѣломъ населеніи, воинственномъ, поголовно вооруженномъ, на

сторонѣ котораго была сама природа, нужно было заставить его быть безъ отдыха подъ ружьемъ, въ готовности къ бою, слѣдовательно лишеннымъ возможности найти время для работъ, дающихъ средства существованія. Такая система, какъ уже было разсказано, составляла исключительную принадлежность князя Барятинскаго. Но, слѣдуя ей, нужно было вѣрно разсчитывать каждый шагъ свой и каждую подробность, чтобы не продлить срока этой гигантской работы дальше мѣры возможности и для нашихъ силъ, и не положить лоскомъ своихъ войскъ раньше достиженія намѣченной цѣли. На это князю указалъ опытъ предшествовавшихъ лѣтъ, которыя онъ провелъ въ званіи полковаго командира и начальника Лѣваго фланга. Труды войскъ, особенно на Лѣвомъ крылѣ, какъ главномъ театрѣ дѣйствій, были чрезвычайны, подчасъ изнурительны; но это было неизбѣжно и заранѣе разсчитано, чтобы этой кратковременной жертвою положить конецъ жертвамъ безконечнымъ. Сила характера, не ослабѣвающая столько лѣтъ сряду, увѣнчалась полнымъ успѣхомъ. Умалить этой заслуги князя Барятинскаго никто не можетъ.

Не счастливая звѣзда князя Барятинскаго, не слѣпая, благосклонная ему судьба, не утомленіе истощеннаго непріятеля, не одни лишь большія данныя ему средства (какъ силились утверждать многіе) были причиною успѣха. Но свойственной человѣчеству слабости не признавать въ живыхъ дѣятеляхъ дѣйствительныхъ заслугъ, какъ бы изъ страха уменьшать такимъ образомъ свои собственныя дѣла, не говоря о зависти, склонности къ порицаніямъ, къ критикѣ во что́ бы ни стало, вообще о разныхъ личныхъ побужденіяхъ, и князю Барятинскому не хотѣли отдавать должнаго при жизни. Это, впрочемъ, безъ исключенія удѣлъ всѣхъ выдающихся людей. Нужна смерть, нужно всенивелирующее время, чтобы шипѣнія зависти, личныхъ неудовольствій и проч. утихли и забылись; тогда только твореніе таланта, очищенное отъ привязываемыхъ къ нему тѣневыхъ придатковъ, на половину правдивыхъ, на половину измышленныхъ, можетъ явиться въ своемъ полномъ, величественномъ значеніи.

Четверть вѣка прошло со времени покоренія Кавказа и прекращенія вѣковой войны, десять лѣтъ прошло со дня смерти виновника этого великаго, важнѣйшаго для Россіи событія; наступилъ безпристрастный судъ исторіи. Воздадимъ же должное памяти достойнаго. Мы не уменьшимъ этимъ заслугъ ни ближайшихъ его помощниковъ въ ту эпоху, ни его послѣдователей. Первые блистательно выполнили свою роль исполнителей главныхъ предначертаній главнокомандующаго, облегчили лежавшее на немъ бремя труда, и никто не станетъ оспаривать, что безъ Д. А. Милютина и Н. И. Евдокимова ему было бы труднѣе выполнить свой планъ въ такой короткій срокъ, съ такимъ полнымъ успѣхомъ и съ ничтожною потерею въ людяхъ. Но самый планъ, сама плодотворная мысль, можно сказать вдохновеніе, остаются неотъемлемою принадлежностью князя Барятинскаго; энергія, настойчивость, дѣйствіе безъ колебаній, безъ растерянности— его заслугою. Въ Европѣ давно ихъ оцѣнили.

ПРИЛОЖЕНІЯ.

А. Письмо Н. В. Ханыкова.

7 (19) Декабря 1859, Петербургъ.

Считаю въ высшей степени пріятнымъ для себя долгомъ передать вамъ мои искреннія поздравленія съ блестящей побѣдой, одержанной вами на Кавказѣ. Громкая слава достойно вѣнчаетъ ваше великое поприще.

До вчерашняго дня я еще ни разу не былъ свидѣтелемъ столь единодушныхъ всеобщихъ заявленій одобренія по поводу монаршей награды. Вчера мнѣ пришлось видѣть много людей, различныхъ слоевъ общества, и всѣ въ одинъ голосъ говорили: Государь былъ только справедливъ; заслуги оказанныя княземъ Россіи велики, и онъ достойно заслужилъ свой жезлъ фельдмаршальскій. Я убѣжденъ, что уже сегодня пронесутся, въ особенности между стариками приближенными къ золотому жезлу, нѣкоторыя сѣтованія, выраженныя въ болѣе или менѣе смѣлой формѣ; но вчера величіе успѣха подавило ненависть, и зависть, и сожалѣнія. Вашъ тріумфъ въ Петербургѣ былъ полный; вы прибавили къ исторіи славнаго царствованія нашего Монарха не одну только страницу, какъ всѣ говорятъ, но цѣлый блестящій томъ.

Мнѣ остается только питать надежду на скорый случай лично повторить вамъ, фельдмаршалъ, чувства высокаго уваженія, которое къ вамъ питаетъ вашъ покорный слуга и пр.

В. Письмо Донскаго атамана генералъ-адъютанта Хомутова.

Новочеркаскъ, 1 Января 1860 г.

Донскіе воины, сохраняя глубокое уваженіе къ вашему имени и чувствуя искреннюю благодарность за попеченіе, которое вы принимаете во благѣ Донскихъ полковъ, находящихся подъ вашимъ начальствованіемъ, пріятнымъ дѣломъ поставляютъ принести вашему сіятельству, вмѣстѣ со мною, усерднѣйшее поздравленіе съ наступившимъ новымъ годомъ и полученіемъ великой Монаршей милости и изъявить свое особенное удовольствіе, что фельдмаршальскій жезлъ вами принятъ на Донской землѣ.

В. СТИХИ КНЯЗЯ П. А. ВЯЗЕМСКАГО.

Генералъ-фельдмаршалу князю Александру Ивановичу Барятинскому.

Врага упорство обезсиля
Въ самомъ гнѣздѣ враждебныхъ силъ,
Хоть вы и взяли въ плѣнъ Шамиля,
Успѣхъ васъ не ошеломилъ.

*
* *

Ни блескъ фельдмаршальскаго сана,
Ни громъ побѣдъ, ни гулъ молвы,
Какъ обаяньями дурмана,
Вамъ не вскружили головы.

*
* *

Простосердечно и спокойно,
Вы свыклись съ вашимъ торжествомъ,
Въ сознаньи, что оно достойно
Далось вамъ съ боя и трудомъ.

*
* *

Васъ благодарствуетъ Россія
За вашу службу передъ ней,
За ваши доблести младыя,
Залогъ созрѣвшихъ нынѣ дней;

*
* *

За то, что, баловень фортуны,
Отвергнувъ нѣгу и покой,
Вы закалили возрастъ юный
Въ горнилѣ жизни боевой;

*
* *

Что, путь избравъ, къ далекой цѣли,
Вы шагъ за шагомъ бодро шли,
Что духомъ вы не оскудѣли,
А все мужали и росли.

*
* *

На старшихъ вамъ смотрѣть не стыдно,
И зависть васъ не уязвитъ;
Имъ счастье ваше не обидно:
Вашъ лавръ и имъ принадлежитъ.

*
* *

Въ затишьи, гдѣ, отъ бурь далече,
Вкушаетъ старческій покой
Когда-то левъ нашъ въ грозной сѣчѣ,
Кавказу памятный герой,

*
* *

Встряхнувъ сѣдою головою,
Дней славныхъ память пробудя,
Помолодѣетъ онъ душою
Предъ лавромъ юнаго вождя.

*
* *

Сей лавръ, блестящій юной славой,
Намъ всѣмъ на радость и въ почетъ:
Изъ почвы, нѣкогда кровавой,
Онъ мирной тѣнью разцвѣтетъ.

*
* *

Еще грядущее предъ вами!
Еще широкъ предъ вами путь:
Не охлажденная годами,
Пылаетъ благомъ ваша грудь.

*
* *

На край, облитый Русской кровью,
Почіетъ мудрая рука,
И довершите вы любовью
Побѣду Русскаго штыка.

*
* *

Кавказъ вспахали наши рати,
Костьми засѣяли бразды,
Чтобъ послѣ жатва благодати
Созрѣла въ добрые плоды;

*
* *

Чтобъ назидая, умиряя,
Чтобъ разливая жизнь и свѣтъ,
Перешагнула Русь Святая
Горъ непріязненныхъ хребетъ;

*
* *

Чтобы вкусивъ изъ полной чаши
Струю святыхъ и мирныхъ благъ,
Благословилъ побѣды наши
Перерожденный нами врагъ.

*
* *

Васъ избралъ Царь, и глазъ державный
Вождя по сердцу угадалъ:
Ему въ отвѣтъ вашъ подвигъ славный
Его довѣрье оправдалъ.

*
* *

Ура Царю, ура три раза,
Ура младой фельдмаршалъ вамъ!
Ура вамъ ратникамъ Кавказа,
Вамъ древнихъ дней богатырямъ!

Январь 1860 г.

Князь Вяземскій.

Г. Изъ письма М. П. Погодина. 1680.

Вы спрашиваете меня безпрестанно, друзья мои, о князѣ Барятинскомъ; изъ вашихъ писемъ я вижу, какъ вамъ хочется, чтобъ я къ нему представился, собираясь ѣхать на Кавказъ. Что́ же я долженъ отвѣчать вамъ теперь? У князя Барятинскаго я не былъ, князя Барятинскаго я не видалъ и въ обѣдѣ, данномъ въ честь ему, не принималъ никакого участія. Какъ это случилось, вѣрно вы спросите меня, удивленные, съ досадою? Спѣшу оправдаться предъ вами и представить ясныя доказательства, что это случилось вопреки моему желанію; ибо я отложилъ даже поѣздку въ Петербургъ, именно съ тою цѣлью, чтобъ не пропустить князя Барятинскаго. Слушайте.

Вы знаете, что обыкновенно я сижу дома, принимаю рѣдко, выѣзжаю еще рѣже, особенно въ послѣднее время, занятый важною историческою работою. Въ прошедшій Вторникъ я отправился на вечеръ къ Кошелеву, въ надеждѣ увидѣться съ знакомыми, узнать Петербургскія и Московскія новости. Вдругъ слышу тамъ, что въ Пятницу назначенъ обѣдъ въ Благородномъ Собраніи, въ честь князя Барятинскаго и что билеты всѣ разобраны. „Вы, разумѣется, будете?“ спросили меня нѣкоторые изъ присутствовавшихъ.—Я очень желаю быть; но вотъ, говорятъ, билетовъ уже достать нельзя.—„Помилуйте, для васъ найдется всегда билетъ“. Другіе подошли ко мнѣ со словами: „Вы вѣрно скажите привѣтствіе князю Барятинскому. Это непремѣнно нужно. Нельзя же такому празднику остаться безъ слова!“— Я не откажусь, господа, отвѣчалъ я, если учредители обратятся ко мнѣ съ предложеніемъ; а самъ не люблю вызываться. Можетъ быть, найдутся и другіе желающіе. Главное, чтобъ кто нибудь показалъ, объяснилъ, какъ мы понимаемъ и цѣнимъ событіе.—На томъ разговоръ и прекратился. Воротясь домой, за полночь, я набросалъ мысли, которыя мелькнули у меня въ головѣ, по длинной дорогѣ съ Поварской на Дѣвичье поле.

По утру, въ Среду я написалъ письмо къ предводителю, прося включить меня въ списокъ, и остался въ полной увѣренности, что получу завтра билетъ. Наступилъ и прошелъ Четвергъ—ни слуху ни духу, билета нѣтъ; я подумалъ: вѣрно учредители не хотятъ, чтобъ я былъ на обѣдѣ; вѣрно они опасаются, чтобъ я не сказалъ чего нибудь такого, что̀ привело бы ихъ въ замѣшательство. Иначе, какъ не получить бы даже отвѣта на письмо? Ну такъ Богъ съ ними!

Въ Пятницу пришелъ ко мнѣ Алексѣй Михайловичъ Кубаревъ, учившій долго князя по-русски и сохранившій о немъ до сихъ поръ пріятное воспоминаніе. Онъ разсказалъ мнѣ нѣкоторыя подробности объ его юношествѣ и сообщилъ разныя свои замѣчанія. „Поѣзжай къ князю, если ты былъ такъ близокъ къ нему: вѣрно ему будетъ пріятно встрѣтить стараго своего учителя. „Радъ бы", отвѣчалъ онъ, „да какъ къ нему теперь доберешься? Терпѣть не могу этихъ лѣстницъ; развѣ написать письмецо".

На другой день началъ я получать извѣстія объ обѣдѣ: рѣчей никакихъ не было, кромѣ краткаго привѣтствія со стороны генерала губернатора и нѣсколькихъ словъ въ отвѣтъ отъ князя Барятинскаго.

Это просто меня взорвало! Ну не въ правѣ ли Европейцы называть насъ невѣжами, дикими варварами, безмолвными илотами, которые не смѣютъ рта разинуть и поютъ только по полученнымъ нотамъ, разумѣется, фальшиво? Какъ, событіе, подобное покоренію Кавказа, событіе не только Европейское, но всемірное, отпраздновать одною кулебякою и, обтирая усы, удовольствоваться восклицаніемъ: „Ай да Порфирій, отличился! Тѣмъ и покончить балъ! Гдѣ-же? Въ Москвѣ, на которую смотритъ вся Россія и вся Европа. Вотъ и вспомнишь Наполеона; „grattez le Russe, et vous trouverez le Tartare" *).

Такія встрѣчи, въ такихъ обстоятельствахъ, случаются въ жизни городовъ вѣка̀ми. Что̀ значитъ Кавказъ? Понимаете ли вы, господа предводители, засѣдатели, депутаты и учредители, что̀ значитъ Кавказъ и его отношенія къ Россіи, къ Европѣ, къ Азіи, къ Исторіи? Позабыли вы, чего онъ сто̀итъ намъ въ продолженіи пятидесятилѣтней борьбы, и сколько Русской крови пролито на его вершинахъ? Не знаете вы, чѣмъ можетъ сдѣлаться Кавказъ въ рукахъ умнаго, смѣлаго правительства! Какой прекрасный случай помянуть добромъ нашего славнаго старца, съ львиной головою, съ соколиными глазами, съ бѣлыми волосами, что̀ началъ при малыхъ средствахъ покореніе Кавказа, а прежде подъ Кульмомъ остановилъ побѣдное шествіе Наполеоново. Какой великолѣпный случай послать Русскую, Пушкинскую здравицу лорду Пальмерстону и Людовику-Наполеону, которые, разыгравъ съ нами недавно печальную траги-комедію, такъ хозяйственно распоряжаются теперь въ Европѣ! Когда сказаться лучше народному чувству, гдѣ выразиться пріятнѣе сознанію гражданскаго достоинства, какъ не на подобномъ праздникѣ? Вѣдь, вѣрно, человѣкъ двадцать принимало

*) Поскоблите Русскаго, и окажется Татаринъ.

участіе въ устройствѣ обѣда, и не нашлось между нимъ одного, чей взоръ простирался-бъ дальше кухни съ плитою и чье воображеніе представляло-бъ что-нибудь кромѣ погреба съ бутылками. „Быть въ бѣлыхъ галстукахъ“— вотъ единственный актъ премудрыхъ конгрессовъ, отпечатанный на билетахъ. Отъ кого же пошло такое превысочайшее повелѣніе? Отъ самихъ себя къ самимъ себѣ. Ну что же Татары мы отъ головы до пятокъ, или нѣтъ? Если мы не получаемъ приказанія какого нибудь, отъ кого-нибудь, объ чемъ нибудь, мы несчастны, не знаемъ что́ дѣлать со своими руками и ногами и начинаемъ приказывать сами себѣ, стараясь выразиться какъ можно погрубѣе, подиче.

Впрочемъ, слышится оправданіе постыднаго безмолвія: князь Барятинскій застѣнчивъ и просилъ, чтобъ рѣчей не было. Князь Барятинскій не былъ застѣнчивъ подъ Гунибомъ, Гергебилемъ и Дарго: вотъ главное; а если онъ застѣнчивъ въ гостинной и пріемной, тѣмъ лучше; это новое достоинство, и всякое его смущеніе, замѣшательство предъ мирными гражданами произвело бы только лишнее ощущеніе въ его пользу. Въ чужой монастырь съ своимъ уставомъ не ходятъ: на Кавказѣ князь Барятинскій хозяинъ, а въ Москвѣ хозяева мы, обыватели, и принять его дома, на своемъ обѣдѣ, имѣемъ полное право какъ хотимъ, а не какъ укажетъ онъ, или другой кто бы то ни былъ. Одно свободное слово, искреннее чувство даетъ жизнь празднику; а указанная форма сообщаетъ ему запахъ мертвечины; обѣдъ по формѣ гроша не сто́итъ, хотя бы и заплаченъ тысячами.

Досада меня взяла, когда я услышалъ, что прекрасный случай пропалъ даромъ и ограничился казенными фразами; я заперъ двери у себя въ кабинетѣ, взялъ набросанную третьяго дня ночью страничку и пошелъ ходить по комнатѣ и декламировать, размахивая руками.

Москва привѣтствуетъ васъ, фельдмаршалъ! Мы здѣсь любимъ говорить искренно и просто, да и стыдно было бы лгать или льстить въ наше многозначительное и многознаменательное время: лесть и ложь причинили намъ уже много вреда. Послѣдняя Турецкая война, не смотря на многіе блистательные подвиги, нанесла глубокія раны Русскому сердцу; намъ тяжело подумать, что Черноморскія наши крѣпости лежатъ въ развалинахъ и не могутъ подняться, между тѣмъ какъ Шербургъ, Портсмутъ, Гибралтаръ укрѣпляются свободно и безпрепятственно, не давая никому отчета; намъ прискорбно вспомнить, что славный стихъ Пушкина объ Измаильскомъ штыкѣ лишился для насъ смысла. Вамъ, фельдмаршалъ, Русскій Богъ поручилъ разсѣять сколько нибудь нашу грусть, утѣшить ропщущія тѣни Суворова, Румянцова, Потемкина. Покореніе Кавказа, довершаемое вами, услаждаетъ насъ мыслью въ нашемъ безвременьи, что если Севастополь взорванъ на воздухъ, то подъ Эльборусъ, по крайней мѣрѣ, ни Англичане, ни Французы не подкопаются, и если мы отброшены отъ роднаго намъ Дуная, то между Каспійскимъ и Аральскимъ морями, съ ихъ притоками, до подошвъ Гималайскихъ горъ, не залѣзетъ уже никто, и

господство надъ средней Азіей, принадлежащей намъ физически и географически, мимо политики и дипломатіи, отнять у насъ никакими кознями, никакими ошибками нельзя, будь только на то наша воля. Я знаю, что этими словами возбужу толки; но это мое частное мнѣніе. Я не принадлежу къ правительству ни въ какомъ отношеніи; я говорю, какъ Русскій человѣкъ, на гражданскомъ собраніи, передъ портретами Екатерины, Александра и самаго Николая,—и я увѣренъ, что многіе изъ присутствующихъ раздѣлятъ мои убѣжденія. Пусть Европа узнаётъ чаще, что Русскіе люди достаточно созрѣли для сужденія о разныхъ своихъ отношеніяхъ. Мы уже не дѣти, намъ скоро минетъ тысяча лѣтъ; Богъ народилъ насъ 70 милліоновъ, да земли намъ пожаловалъ на 700; пора уже смѣть свое сужденіе имѣть. Мы благодаримъ васъ, фельдмаршалъ, за всѣ ваши славные труды и подвиги; мы поздравляемъ васъ съ вашими блистательными успѣхами, мы желаемъ, чтобъ въ мирѣ вы были также счастливы какъ на войнѣ, чтобъ успокоеный Кавказъ сдѣлался неприступною Русскою крѣпостью, твердою точкою опоры, и вмѣстѣ вознаградилъ Россію за всѣ тѣ жертвы, кои принесла она для его покоренія.—М. м. г. г. здоровье дорогаго нашего фельдмаршала князя Александра Ивановича Барятинскаго!"

Я декламировалъ, ходя по комнатѣ, смѣялся, бранился, сердился, и слезы показывались у меня на глазахъ. Лесть, ложь! Какъ вытянулись бы нѣкоторыя фигуры на обѣдѣ, услышавъ эти страшныя слова. „Чортъ его возьми", подумали-бы они, „что̀ онъ тутъ еще напутаетъ и зачѣмъ пустили его говорить!" Шербургъ, Севастополь, это что̀ еще такое, заворчали-бъ записные дипломаты, политики и публицисты? Онъ можетъ, своими легкомысленными выходками, поставить правительство въ фальшивое положеніе! Что̀ скажутъ лордъ Руссель, лордъ Ландгурстъ и лордъ Стратфордъ-Редклифъ, Сидней Гербертъ, да всѣ Англичане? Что̀ напишетъ графъ Рехбергъ, господинъ фонъ-Пфортенъ, господинъ фонъ-Бейстъ? Что̀ подумаютъ на томъ свѣтѣ Шварценбергъ, Канингъ, Таллейранъ; а Меттернихъ-то, Меттернихъ-то! Онъ вѣдь недавно еще умеръ! Что̀ сдѣлаетъ Луи-Наполеонъ? Я увѣренъ, что нѣкоторые квартальные аматеры дернули бы меня за полу, среди моей рѣчи. Несмысленные! Чего вы боитесь? Частный человѣкъ можетъ вездѣ говорить и думать, какъ хочетъ, и за него не отвѣчаетъ никакое общество, никакое правительство. Эльборуса взорвать нельзя; неужели это не весело вамъ слышать? До Гималайскихъ горъ намъ рукой подать—неужели это не производитъ въ васъ пріятнаго ощущенія? Или мы всѣ уже такъ одеревенѣли, окоченѣли, опошлѣли, что насъ не прошибешь ничѣмъ кромѣ Армстронговыхъ пушекъ! Нѣтъ, такой языкъ пользу, а не вредъ принесетъ намъ въ общемъ Европейскомъ мнѣніи, и правительству дастъ въ руки лишнее оружіе, которое оно можетъ употребить по усмотрѣнію. Англичане, Американцы видятъ наши средства, наши выгоды, и печатаютъ, не обинуясь, свои опасенія, а мы трепещемъ передъ собственною тѣнью и боимся собственной силы!

Посылаю вамъ, друзья мои, свою декламацію, какъ pièce justificative; разумѣется, она далеко не отвѣчаетъ моему замышленію; но возьмите въ разсчетъ, что я говорилъ ее заднимъ, такъ сказать, числомъ, говорилъ одинъ натощакъ, а не въ обществѣ, за бокаломъ вина, ободряемый вниманіемъ, одушевляемый сочувствіемъ.

Д. Приказы по Кавказской арміи, № 493.

1.

17 Декабря 1859. Станція Меркулова.

Государь Императоръ, въ Августѣйшемъ вниманіи къ трудамъ и подвигамъ вашимъ, всемилостивѣйше соизволилъ пожаловать меня генералъ-фельдмаршаломъ и высочайше повелѣлъ Кабардинскому пѣхотному полку впредь именоваться Кабардинскимъ имени моего полкомъ.

Благодарю васъ, храбрые товарищи Кавказской арміи, за высокую монаршую милость, мною полученную.

2.

17 Декабря 1859. Ст. Меркулова.

Храбрые Кабардинцы!

Вмѣстѣ съ назначеніемъ меня генералъ-фельдмаршаломъ Государю Императору угодно было связать мое имя съ вами. Каждому изъ васъ понятно мое счастье!

Глава IX.

Планъ дѣйствій въ 1860 г.—Положеніе дѣлъ въ Дагестанѣ.—Положеніе въ Чечнѣ.—Возникшія тамъ волненія.—Усмиреніе возстанія.—Стремленія горцевъ къ выселенію въ Турцію.—Письмо по этому поводу къ Государю.—Мѣры къ избѣжанію волненій въ будущемъ.—Ходъ дѣлъ на Западномъ Кавказѣ.—Положеніе въ Кутаисскомъ генералъ-губернаторствѣ.—Необходимость заселенія Закубанскаго края казаками.—Противорѣчія въ Петербургской коммиссіи.—Усиленное наступленіе ген. Филипсона противъ горцевъ.—Недовольство фельдмаршала результатами дѣйствій.—Назначеніе гр. Евдокимова на Правое крыло.—Пріѣздъ главнокомандующаго во Владикавказъ и совѣщаніе.—Результаты совѣщанія.

Общій планъ дѣйствій въ 1860 году, по мысли князя Барятинскаго, состоялъ въ томъ, чтобы на Восточномъ Кавказѣ упрочивать наше пложеніе въ недавно завоеванномъ краѣ, а на Западномъ съ усиленной энергіей дѣйствовать для покоренія тамошняго народонаселенія и совершеннаго прекращенія, такимъ образомъ, Кавказской войны. Съ этою цѣлью, какъ уже было сказано, на Правое крыло были двинуты сильныя подкрѣпленія (12 стрѣлковыхъ баталіоновъ, 3 драгун. полка, 4-хъ эскадр. состава, и артиллерія) и, при условіи изъявленной Магометъ-Эминомъ съ Абадзехами покорности, можно было разсчитывать на достиженіе весьма значительныхъ результатовъ.

Общая система занятія вновь покореннаго края въ восточной части Кавказа заключалась въ проложеніи хорошихъ колесныхъ дорогъ по разнымъ стратегическимъ направленіямъ; это должно было избавить насъ отъ необходимости держать постоянно значительныя силы въ самыхъ нѣдрахъ горъ; мы могли ограничиваться занятіемъ лишь нѣкоторыхъ пунктовъ, особенно важныхъ для обезпеченія путей сообщенія, а главные резервы оставлять въ мѣстахъ, болѣе удобныхъ для размѣщенія и продовольствія войскъ. Между тѣмъ, въ 1859 году уже были положены первыя основанія административному устройству вновь покореннаго края. Лезгинская линія, потерявшая значеніе самостоятельнаго отдѣла, была упразднена, а на Лѣвомъ крылѣ и въ Дагестанѣ потребова-

лись многія перемѣны въ раздѣленіи управленій, разграниченіи районовъ и т. д.; однимъ словомъ, вмѣсто работы штыковой наступило время мирно-культурной работы, нерѣдко болѣе трудной, чѣмъ самое завоеваніе.

Въ 1860 году всѣ начатыя работы продолжались съ самою напряженною настойчивостью: слѣдовало дорожить временемъ, чтобы скорѣе упрочить наше положеніе въ этой части края съ тѣми силами, которыя для этого предназначались.

Въ Дагестанѣ, благодаря характеру жителей и ихъ исконному общественному устройству, мы съ первыхъ же дней стали довольно прочной ногой и приступили къ капитальнымъ дорожнымъ работамъ, имѣвшимъ цѣлью не только удовлетворить военнымъ соображеніямъ, но и служить развитію благоустройства и благосостоянія населенія. Въ Терской же области (Лѣвое крыло), гдѣ и мѣстность, и характеръ жителей, вѣковыя преданія и обычаи совершенно другіе, мы не могли такъ скоро утвердиться, и приходилось быть на сторожѣ, зорко слѣдя за настроеніемъ умовъ.

Партія Шамиля, вынужденная успѣхами нашего оружія къ покорности въ 1859 году, не могла такъ скоро помириться съ потерею прежняго своего значенія и власти; слѣдовало ожидать, что попытки къ возобновленію прежняго порядка вещей будутъ проявляться. Самая масса народонаселенія, привыкшая въ теченіе долгаго времени къ слѣпому повиновенію этой, господствовавшей партіи, во имя религіознаго фанатизма и въ трудно-устранимомъ чувствѣ ненависти къ завоевателю, не могла вдругъ совершенно успокоиться, даже не взирая на многолѣтнія бѣдствія войны и озлобленіе противъ наибовъ и другихъ Шамилевскихъ агентовъ. Только время, да хорошая, умѣлая, строго-справедливая администрація могли ослабить силу старыхъ предубѣжденій и вліяніе прежней господствующей партіи. Но для хорошей администраціи требуются хорошіе люди, а таковыхъ всегда и вездѣ встрѣчается не въ изобиліи.

Какія военныя мѣры ни принимались, однако волненія не заставили себя ожидать; первый примѣръ подала Ичкерія: возмутились Беноевцы, извѣстные своею закоренѣлою къ намъ враждебностью и особенною наклонностью къ хищничеству. Ихъ рѣшено было разселить по разнымъ другимъ ауламъ. Въ началѣ Мая 1860 года мѣра эта была приведена въ исполненіе; но 50 семействъ, водворенныхъ въ аулѣ Датыхѣ, скрытно оставили дома и бѣжали въ трущобы горной Ичкеріи, въ верховьяхъ рѣкъ Аксая и Аманъ-су. Разливы рѣкъ, разбитыя дороги и т. п. не позволили тотчасъ принять мѣры къ наказанію бѣжавшихъ; а они, между тѣмъ, взялись за старое: стали нападать на наши мелкія команды, убивать солдатъ, удалившихся отъ лагерей, грабить, усиливаясь каждый день притокомъ недовольныхъ новыми порядками людей и абреками разныхъ обществъ. Наконецъ, число возмутившихся увеличилось населеніемъ Аргунскаго ущелья, гдѣ наша администрація въ особенности оказалась неудачно-представленною; во главѣ волненія сталъ бывшій Шамилевскій наибъ Ума, явились и другіе вліятельные люди; дошло до того, что они сдѣлали даже нѣсколько попытокъ противъ нашихъ укрѣпленій. Возгоралась опять война, и графъ Евдокимовъ выражалъ опасенія за остальныя части покореннаго края... Фельдмаршалъ съ большимъ огорченіемъ, конечно, узналъ объ этихъ происшествіяхъ и приказалъ дѣйствовать для подавленія волненій самымъ строгимъ, энергичнымъ образомъ, предавая виновныхъ полевому военному суду. Однако возмущеніе длилось долго; вспыхнуло даже въ Дагестанѣ; усмиренное въ одномъ мѣстѣ—поднимало голову въ другомъ, и стоило немало жертвъ и трудовъ, пока было усмирено окончательно, и уже не графомъ Евдокимовымъ, а его преемникомъ княземъ Мирскимъ. Съ этими волненіями въ связи были и стремленія Кавказскихъ туземцевъ къ выселенію въ Турцію. Изъ приводимаго здѣсь письма князя Барятинскаго къ Государю можно видѣть, какое значеніе онъ придавалъ этому обстоятельству.

Тифлисъ, 11 Мая 1860.

„Государь! Приказъ отъ 4-го числа этого мѣсяца принесъ съ собою новое отличіе, которымъ Ваше Величество изволили меня наградить. Мундиръ *), который Вы мнѣ только что позволили носить, напоминаетъ счастливѣйшія *мгновенія* моей жизни, когда я еще совершенно молодымъ человѣкомъ имѣлъ счастіе сопутствовать Вашему Величеству въ Вашемъ путешествіи и былъ Вами милостиво посвященъ въ Вашу частную жизнь. Это неизгладимое и драгоцѣнное для меня воспоминаніе тѣмъ болѣе мнѣ дорого, что даже вдали отъ васъ, Государь, я теперь всегда могу, въ моемъ воображеніи, слѣдовать за вами во всѣхъ подробностяхъ Вашей высокой жизни, какъ будто я васъ никогда не покидалъ. Итакъ, Вы видите, Государь, какъ я счастливъ снова надѣть форму, такъ живо напоминающую мнѣ эту пору моей счастливой молодости.

„Послѣ отправленія моего послѣдняго письма къ Вашему Величеству, я долженъ былъ послать генерала Милютина во Владикавказъ, чтобы онъ на мѣстѣ и собственными глазами изслѣдовалъ правдивость слуховъ, доходившихъ до меня и по своему характеру могущихъ тревожить меня на счетъ настроенія умовъ въ Чечнѣ. Наклонность мусульманъ къ выселенію, о которой я не разъ говорилъ Вашему Величеству, прогрессивно растетъ, такъ что я вижу себя вынужденнымъ, если не пресѣчь ее совершенно, то по крайней мѣрѣ урегулировать насколько возможно. Толпа—подъ вліяніемъ партіи фанатиковъ, члены которой, какъ я уже Вамъ докладывалъ, избраны Шамилемъ изъ числа людей самыхъ энергическихъ и умныхъ среди этихъ племенъ, видя, что ихъ вліяніе и довѣріе къ нимъ послѣ паденія имама понижаются, естественно пользуются привычнымъ послушаніемъ, которое народъ еще сохранилъ по отношенію къ нимъ, чтобы извратить намѣренія нашего правительства, и разжигаютъ въ своихъ единовѣрцахъ подозрѣнія относительно неприкосновенности ихъ религіи и имущества. Неудивительно,

*) Лейбъ-гвардіи гусарскаго полка.

что этотъ безпокойный народъ, привыкшій видѣть въ нихъ своихъ пророковъ, считаетъ выгоднымъ и долгомъ доблести относительно религіи идти искать счастья въ имперіи халифа. Если мнѣ удастся тѣми мѣрами, которыя я только что принялъ, избавиться единственно отъ фанатиковъ, не трогая массы, то я буду весьма счастливъ и буду надѣяться, что такимъ образомъ положилъ прочное основаніе благосостоянію этого народа и устойчивому положенію нашего управленія въ будущности. Вслѣдствіе этого, очевидно, потребуется во что бы то ни стало добиться согласія Турецкаго правительства на открытіе намъ трехъ пунктовъ на границѣ, чтобы туда направлять группы переселенцевъ, такъ какъ силою не возможно воспрепятствовать фанатикамъ покидать свое отечество и искать новое; потому что, какъ сказано, они связываютъ съ этимъ свою честь и счастіе на землѣ и на небѣ".

„Пріѣздъ генерала Милютина, безъ сомнѣнія, долженъ былъ успокоить направленіе умовъ на нѣкоторое время; но я убѣжденъ, что если воспрепятствовать ихъ намѣренію, то это ничуть ихъ не остановитъ, и сопротивленіе въ этомъ случаѣ доведетъ лишь до безпорядковъ, результатъ которыхъ легко опредѣлить, но которые, тѣмъ не менѣе, должны причинять намъ немало безпокойствъ. Важно избѣгнуть этихъ усложненій, облегчая частнымъ образомъ эмиграцію, наклонность къ которой выказывается болѣе или менѣе во всей мусульманской части края. Я недавно послалъ въ Константинополь генерала Лорисъ-Меликова для соглашенія съ княземъ Лобановымъ по поводу настоящаго дѣла; я его снабдилъ наставленіями, чтобы уяснить посланнику тягостное положеніе дѣлъ. Разъ возмутители и фанатики будутъ удалены, несомнѣнно, что народъ успокоится, и тѣ никогда вновь не появятся; но для этого не нужно мѣшать уходу тѣхъ, которые теперь открыто выражаютъ стремленіе уйти. Прошу Ваше Величество обратить особое вниманіе на настоящій предметъ и сообразовать съ этимъ Ваши предложенія Турецкому правительству".

„На дняхъ я намѣренъ послать генерала Милютина къ войскамъ Праваго крыла Кавказской линіи для присутство-

ванія при военныхъ дѣйствіяхъ этого лѣта. Съ своей стороны я разсчитываю черезъ мѣсяцъ выѣхать въ Боржомъ".

Чтобы лишить возмутителей на будущее время возможности содѣйствія окружающихъ племенъ, легко могущихъ увлечься, признано было необходимымъ переселить на плоскость всѣхъ жителей верховьевъ рѣкъ Аргунскаго ущелья и Тарской долины, соединяя въ большіе аулы, а ихъ старыя жилища и башни разорить. Всѣ эти мѣры были приведены въ исполненіе; кромѣ того устроено нѣсколько мелкихъ укрѣпленій, и вновь поселено пять казачьихъ станицъ—около 1000 семействъ, такъ что къ 1861 году оставались еще шайки, укрывавшіяся въ трудно-доступныхъ частяхъ Аргунскаго и Ичкеринскаго округовъ, но уже общаго возстанія и возобновленія войны въ прежнихъ размѣрахъ не предвидѣлось. Однако на плоскостяхъ, въ Кабардѣ, Чечнѣ и Владикавказскомъ округѣ продолжалось общее къ намъ недовѣріе, и переселеніе въ Турцію усиливалось, тревожное положеніе нерѣдко возрастало, шайки увеличивались, самые нелѣпые слухи распространялись и встрѣчали вѣру въ легкомысленномъ населеніи. Между тѣмъ, въ военномъ отношеніи устройство края далеко еще не было окончено; горная полоса не была занята предположеннымъ рядомъ укрѣпленій, новыя станицы недостаточно устроены и ограждены; дороги, наскоро проведенныя, портились, просѣки заростали, а въ виду имѣлось скорое сокращеніе войскъ отправкою въ Россію 18-й и резервной дивизій.

При такомъ положеніи дѣлъ, умиротвореніе края единственно силою оружія становилось сомнительнымъ; нужно было склонить народное мнѣніе въ нашу пользу и вмѣсто суровыхъ военныхъ мѣръ брать другія, болѣе успокоивающія. Взглядъ этотъ послужилъ основаніемъ измѣненія прежде предположенныхъ мѣръ, и рѣшено было: ограничиться занятіемъ только главныхъ стратегическихъ пунктовъ, оставивъ постройку мелкихъ укрѣпленій и постовъ; отмѣнить водвореніе тѣхъ станицъ, которыя, очевидно, стѣснивъ Чеченцевъ въ земельномъ пользованіи, привели бы ихъ къ усиленному озлобленію; для обезпеченія сообщеній, образовать изъ самихъ жителей земскую стражу, съ хорошимъ содержаніемъ,

отпустивъ домой Донскіе казачьи полки и упразднивъ временныя милиціи; производить какъ можно меньше построекъ, а свободныя войска употреблять для проложенія и расчистки просѣкъ.

Мѣры эти, выказавшія нѣкоторое большее довѣріе наше къ населенію, произвели благопріятное впечатлѣніе; дѣла стали принимать лучшій оборотъ, часть жителей даже рѣшилась оказать намъ содѣйствіе къ разсѣянію все еще остававшихся въ сборѣ враждебныхъ партій Умы и Атабая, и этимъ предводителямъ, послѣ движенія войскъ къ ихъ притонамъ, ничего болѣе не оставалось, какъ явиться къ князю Мирскому съ повинною.

Въ Прикаспійскомъ краѣ, какъ уже сказано, тоже были попытки къ возстанію; но онѣ не приняли такихъ размѣровъ, какъ на Лѣвомъ крылѣ, и были скоро прекращены благоразумными мѣрами тамошней администраціи, въ лицѣ генералъ-маіора Лазарева.

Перехожу теперь къ изложенію хода дѣлъ въ Западной части Кавказа.

Послѣ минувшей Восточной войны, когда въ Абхазію вновь введены наши войска, всѣ усилія наши обращены были на то, чтобы стать въ этомъ краѣ въ положеніе болѣе обезпеченное, на случай новой Европейской войны. Изо всѣхъ пунктовъ Черноморскаго прибрежья Сухумская бухта представляетъ наиболѣе выгодъ для высадки, а потому Абхазія скорѣе всего могла подвергнуться нападенію непріятеля; между тѣмъ, она была менѣе всего приготовлена къ оборонѣ. Главная невыгода заключалась въ совершенномъ отсутствіи удобнаго и безопаснаго сообщенія для войскъ, дѣйствующихъ въ Абхазіи.

При такомъ положеніи дѣлъ и въ случаѣ высадки на берега Абхазіи, намъ ничего не оставалось бы дѣлать, какъ избрать одну изъ двухъ, равно невыгодныхъ крайностей: или (изъ опасенія, чтобы войска наши не были отрѣзаны на длинномъ пути отступленія отъ Сухума къ Кутаису) очистить Абхазію еще прежде появленія непріятеля, или же оставить войска эти среди малонадежнаго населенія,—почти на жертву.

Въ случаѣ вторженія непріятеля въ Мингрелію или въ Гурію, Сухумскій отрядъ былъ бы отрѣзанъ отъ всякихъ подкрѣпленій и даже лишенъ возможности получать откуда-либо продовольствіе и запасы. Наконецъ, во всей Абхазіи не было даже прочнаго пункта, на который войска могли бы опереться.

По соображеніи всѣхъ этихъ обстоятельствъ, признано было необходимымъ, пользуясь мирнымъ временемъ, употребить всевозможныя средства къ устройству новаго пути изъ Абхазіи на сѣверный склонъ Кавказа, и твердаго опорнаго пункта внутри самой Абхазіи.

Что касается до мѣстныхъ жителей, то, пока администрація наша держалась только берега моря, вліяніе наше въ этихъ странахъ вовсе не могло упрочиться. На насъ смотрѣли не болѣе какъ на временныхъ пришельцевъ; каждая молва о внѣшней войнѣ возбуждала всеобщее волненіе и увѣренное ожиданіе нашего отступленія изъ края. Поэтому всѣ наши дѣйствія въ глазахъ жителей имѣли значеніе безцѣльнаго притязанія внѣ всякихъ причинъ и основаній.

Въ 1860 году рѣшено было разработать хотя вьючную дорогу изъ Абхазіи въ общество Псху, чтобы тѣмъ положить начало къ проведенію дороги на сѣверную сторону хребта. Кромѣ того, согласно прежнимъ предположеніямъ, производилась разработка Кутаисско-Сухумской дороги и продолжались другія дорожныя и строительныя работы.

Войска Кутаисскаго генералъ-губернаторства въ 1860 году были усилены двумя сводно-стрѣлковыми баталіонами, и къ началу Мая сформированы были два отряда: одинъ для разработки Кутаисско-Сухумской дороги, другой съ цѣлью рекогносцировки дорогъ, ведущихъ къ переваламъ черезъ главный хребетъ. Остальныя войска были расположены по укрѣпленіямъ и въ составѣ другихъ отрядовъ для дорожныхъ работъ, на Кутаисско-Ріонскомъ шоссе, въ Ингурскомъ ущельи и пр., а также и для наблюденія за спокойствіемъ въ краѣ.

Сверхъ того, въ теченіе 1860 года, выполнены были три отдѣльныхъ предпріятія: 1) водвореніе порядка и спокойствія въ Сванетіи; 2) возстановленіе Цебельдинскаго народнаго суда и примиреніе двухъ главныхъ отраслей фамиліи Мар-

шани, Тлапсовыхъ и Учардіевыхъ, которыя издавна раздѣляли все Цебельдинское народонаселеніе на двѣ враждебныя партіи, и 3) приведеніе въ повиновеніе общества Псху.

Для водворенія порядка въ Латальскомъ обществѣ, въ Сванетіи, было сдѣлано движеніе въ это общество, имѣвшее результатомъ возстановленіе полнаго спокойствія во всѣхъ вольныхъ обществахъ Сванетіи.

Возстановленіе Цебельдинскаго народнаго суда и примиреніе между собою Цебельдинскихъ князей также увѣнчалось успѣхомъ и успокоило на нѣкоторое время Цебельду.

Устройство дѣлъ въ Цебельдѣ было особенно важно по вліянію этого общества на Абхазію, князья которой постоянно находились какъ бы въ зависимости отъ Цебельдинскихъ владѣльцевъ и всегда искали у нихъ покровительства и убѣжища въ случаѣ надобности.

Въ началѣ Іюля, партія изъ нѣсколькихъ сотъ Убыховъ и Джигетовъ произвела нѣсколько нападеній на команды, высланныя изъ укр. Гагръ для рубки дровъ. Къ этому присоединилось и то обстоятельство, что Псхувцы, изъявившіе еще въ 1858 году покорность, на требованіе выдать аманатовъ, дали положительный отказъ, равно какъ и на исполненіе всякихъ другихъ нашихъ требованій.

Имѣя въ виду, что вліяніе наше въ этомъ обществѣ до того времени было совершенно ничтожное и не простиралось далѣе морскаго берега, что при такомъ положеніи дѣлъ могли встрѣтиться серьезныя препятствія по устройству предположеннаго сообщенія на Кавказскую линію, и что поэтому нужно было озаботиться объ упроченіи нашей власти въ этомъ краѣ,—было признано необходимымъ предпринять въ Псху экспедицію. Но незначительность отряда, собраннаго для этой цѣли, и враждебныя отношенія сосѣднихъ горскихъ племенъ, вынудили, послѣ безостановочнаго десятидневнаго чрезвычайно труднаго похода къ верховьямъ Бзыби, возвратиться почти безъ всякаго результата.

Къ веснѣ 1861 года военное положеніе въ Кутаисскомъ генералъ-губернаторствѣ оказалось слѣдующимъ.

Въ Абхазіи, не смотря на давнюю покорность, власть наша была крайне ограниченною, проявляясь только въ тѣхъ

пунктахъ, которые заняты были нашими войсками; все же внутреннее управленіе сосредоточивалось въ рукахъ владѣтеля. Большая часть Абхазцевъ-христіанъ, со времени послѣдней войны, приняли мусульманскую вѣру и потому стали къ намъ противу прежняго въ болѣе враждебное отношеніе. Полное возстановленіе нашего владычества въ Абхазіи могло совершиться только при условіи прочнаго и окончательнаго утвержденія нашихъ поселеній на сѣверной сторонѣ хребта и на восточномъ берегу Чернаго моря.

Въ Цебельдѣ наше управленіе было устроено по образцу прочихъ военно-народныхъ управленій Кавказа. Принятыми мѣрами, по возможности, вражда семействъ Маршани и безпорядки прекращены.

Остальныя горныя общества находились въ тѣхъ же враждебныхъ отношеніяхъ къ намъ, какъ и прежде. Очевидно было, что, пока мы не достигнемъ въ Закубанскомъ краѣ такихъ же результатовъ, какъ въ Чечнѣ и Дагестанѣ, положеніе наше на прибрежьи Чернаго моря, столь важномъ во всѣхъ отношеніяхъ, будетъ весьма шаткимъ. Поэтому, въ Закубанскій край и были направлены всѣ усилія. Къ убѣжденію, что прочное овладѣніе западною частью непокорнаго Кавказа возможно только съ заселеніемъ его по обоимъ склонамъ хребта вооруженнымъ Русскимъ населеніемъ, князь Барятинскій пришелъ уже давно. Изъ переписки съ Государемъ и военнымъ министромъ, изъ порученій, данныхъ генералу Милютину, командированному въ Петербургъ для осуществленія многихъ важнѣйшихъ вопросовъ Кавказскаго управленія, можно ясно видѣть и взглядъ князя Барятинскаго на этотъ вопросъ, и настойчивость, съ которою онъ дѣйствовалъ для его разрѣшенія, и, наконецъ, его огорченіе встрѣченными препятствіями.

Предполагалось часть Черкескихъ племенъ поселить на равнинѣ между Кубанью и Лабой, большими аулами, подъ надзоромъ и управленіемъ Русской власти; желающимъ уходить въ Турцію (ихъ ожидалось много) оказывать всячески содѣйствіе; нѣкоторую же часть выселить на Донъ. А для заселенія Русскими станицами обратить Азовское казачье войско, часть старыхъ Кубанскихъ и Черноморскихъ ка-

зачьихъ станицъ, расположенныхъ вдали отъ передовыхъ линій, опредѣленное число Донскихъ казаковъ, женатыхъ солдатъ Кавказскихъ полковъ, наконецъ нѣкоторое число государственныхъ крестьянъ южныхъ губерній.

Въ С.-Петербургѣ разрѣшеніе этого вопроса было передано особой коммисіи. Члены ея (министры и нѣкоторые другіе начальники главныхъ управленій) развивали взгляды, противорѣчившіе соображеніямъ Кавказскаго главнокомандующаго. Донской атаманъ генералъ Хомутовъ находилъ выселеніе на Донъ Черкесовъ, а Донскихъ казаковъ за Кубань весьма тяжелою и несправедливою мѣрою, и особенно въ отношеніи Черкесовъ жестокою, безчеловѣчною и т. п.; другіе находили, что вообще отнятіемъ у Черкесовъ земель для Русскихъ поселенцевъ можно довести горцевъ до отчаянія и вызвать на крайнее сопротивленіе. Посольство наше въ Константинополѣ представило записку военнаго агента, капитана Франкини *), главная мысль которой была та, что Черкесы жили на своихъ мѣстахъ тысячу лѣтъ и что выгнать ихъ оттуда, кромѣ жестокости самой мѣры, возбудило бы во всей Европѣ чрезвычайный взрывъ негодованія и пр.; что Русскіе никогда не могутъ тамъ прочно водвориться, потому что климатъ, мѣстность и всѣ природныя условія не соотвѣтствуютъ потребностямъ казаковъ; что такимъ образомъ край опустѣетъ и т. п. Д. А. Милютинъ противъ этихъ возраженій сдѣлалъ чрезвычайно мѣткія замѣчанія; между прочимъ, противъ отзыва генерала Хомутова, что: „такъ можетъ разсуждать только казакъ, а не государственный человѣкъ“, и это совершенно вѣрно. Единственное государство, обладающее вполнѣ государственными людьми — Англія; а извѣстно, насколько она стѣсняется принятіемъ нужныхъ въ ея интересахъ мѣръ, хотя бы съ сентиментальной точки зрѣнія жестокихъ; но едва ли она въ проигрышѣ.... Да и послѣдствія въ Закубанскомъ краѣ, благодаря системѣ военныхъ дѣйствій, указанныхъ княземъ Барятинскимъ и совершенно измѣнившихъ мѣстныя обстоятельства, не оправдали Петер-

*) Впослѣдствіи генералъ-лейтенантъ, начальникъ горскаго управленія въ Тифлисѣ, затѣмъ начальникъ Карской области.

бургскихъ сомнѣній и опасеній: большинство Черкесовъ ушло въ Турцію, нѣкоторая часть поселилась на равнинѣ за Лабой, край покрылся казачьими станицами и очутился вполнѣ въ нашей власти. Одно, противъ чего можно было еще съ основательностью возражать—это поселеніе Черкесовъ на Дону; но до этого и не дошло бы, даже еслибы горцы не ринулись почти поголовно въ Турцію.

Не взирая однако на встрѣченныя въ Петербургѣ препятствія къ осуществленію самой важной изъ мѣръ для упроченія нашего въ Закубанскомъ краѣ, фельдмаршалъ приказалъ генералу Филипсону въ 1860 году повести рѣшительныя наступательныя дѣйствія, цѣль которыхъ была окончательно занять казачьими поселеніями все пространство между Кубанью и Бѣлою и поставить штабы полковъ 19-й пѣхотной дивизіи у подножія Черныхъ горъ, въ линію отъ верховій Лабы до Анапы, на такомъ разстояніи, чтобы районы дѣйствій каждаго полка охватывали всѣ равнины и предгорія, доставляя намъ возможность владѣть здѣсь всѣми удобными для хлѣбопашества и скотоводства землями.

Водвореніе двухъ пѣхотныхъ полковъ, Крымскаго и Кубанскаго (въ 1857 и 1858 г.) на передовой линіи уже доказало пользу подобной мѣры и привело къ весьма важнымъ результатамъ. Слѣдовало теперь устроить одну штабъ-квартиру въ землѣ Шапсуговъ, какъ наиболѣе сильнаго племени, и особенныя усилія направить именно на эту часть края, пока Абадзехи, недавно изъявившіе покорность, оставались бы посторонними зрителями войны съ Шапсугами. Покореніе же ихъ могло вынудить и Абадзеховъ уже не къ номинальной, а къ безусловной покорности. Земли Шапсуговъ находились почти по равной части на обѣихъ сторонахъ Кавказскаго хребта, здѣсь безснѣжнаго; переходы чрезъ него возможны по многимъ главнымъ долинамъ; поэтому занятіе лишь сѣверной стороны не было достаточно для покоренія Шапсуговъ, и слѣдовало распространить дѣйствія и на южную часть, къ морю, что́ вызвало разработку чрезъ хребетъ удобныхъ дорогъ.

Кромѣ того, слѣдовало довершить Адагумскую линію, построить нѣсколько укрѣпленій, водворить двѣ новыхъ станицы и т. п.

На лѣто 1860 года князь Барятинскій, въ видахъ поправленія здоровья, поселился въ Боржомѣ, предоставивъ текущія дѣла князю Орбельяну и начальнику главнаго штаба арміи генералу Милютину; самъ же слѣдилъ за ходомъ военныхъ дѣйствій и не переставалъ подробно доводить обо всемъ до свѣдѣнія Государя частными письмами, крайне интересными, какъ для характеристики князя Александра Ивановича, такъ и для ознакомленія съ ходомъ Кавказскихъ дѣлъ.

Генералъ Филипсонъ, согласно съ изложенными предположеніями, сформировалъ нѣсколько отрядовъ и открылъ дѣйствія противъ Шапсуговъ. Въ теченіе 3—4 мѣсяцевъ были достигнуты немалые результаты; но князь Барятинскій ими не удовлетворился. Привыкнувъ къ энергіи и настойчивости генерала Евдокимова на Лѣвомъ крылѣ, онъ желалъ видѣть тоже и на Правомъ. Князь рѣшился поручить и Правое крыло графу Евдокимову, оставивъ за нимъ временно и главное начальство на Лѣвомъ крылѣ, гдѣ недавнее возстаніе и возбужденное состояніе туземцевъ требовали особой бдительности. Кстати, генералъ Милютинъ получалъ назначеніе товарищемъ военнаго министра, и генералу Филипсону было предложено занять мѣсто начальника главнаго штаба.

Для подробнаго обсужденія положенія дѣлъ въ Закубанскомъ краѣ, окончательнаго установленія плана дѣйствій и опредѣленія потребности средствъ, фельдмаршалъ самъ поѣхалъ въ Владикавказъ, куда и вызвалъ генераловъ Милютина, Филипсона и Евдокимова. Въ послѣдовавшемъ затѣмъ совѣщаніи (при которомъ присутствовалъ и князь Д. И. Мирскій, какъ помощникъ начальника Кубанской области) генералъ Филипсонъ, человѣкъ образованный и умный, проводилъ свои взгляды и былъ поддержанъ Д. А. Милютинымъ; но графъ Евдокимовъ, этотъ выросшій на почвѣ Кавказской практической дѣятельности человѣкъ, разбилъ въ прахъ всѣ предположенія и аргументы Филипсона, такъ что и Д. А. Милютинъ, подъ конецъ, сдался на его сторону, и все было рѣшено согласно мнѣнію сего послѣдняго *).

---

*) Пишу это со словъ князя Д. И. Мирскаго. А. З.

Такимъ образомъ, съ осени 1860 года въ Закубанскомъ краѣ начались наступательныя дѣйствія, съ тою усиленною энергіею и настойчивостью, которыя были свойственны графу Евдокимову и уже достаточно проявились въ блистательныхъ результатахъ на Восточномъ Кавказѣ.

Одною изъ важнѣйшихъ мѣръ, какъ уже сказано, было отправленіе на Правое крыло изъ Дагестана, Лѣваго крыла и Закавказья подкрѣпленія въ составѣ 12 батальоновъ, 12 эскадроновъ и двухъ батарей. Между тѣмъ, заготовленное за Кубанью количество провіанта и фуража не могло быть достаточнымъ для такой новой массы войска, а позднее время года уже не давало возможности доставить припасы посредствомъ подрядовъ или закупокъ въ Русскихъ губерніяхъ. Возникалъ, такимъ образомъ, трудно разрѣшимый вопросъ, тѣмъ болѣе, что отсутствіе благоустроенныхъ путей сообщенія, особенно осенью, не допускало даже мысли о подвозкѣ провіанта изъ другихъ отдаленныхъ отъ предстоявшаго театра дѣйствій магазиновъ. Бывшій тогда Кавказскій генералъ-интендантъ Колосовскій нашелъ выходъ изъ этого затруднительнаго положенія: онъ предложилъ забрать хлѣбъ изъ всѣхъ запасныхъ магазиновъ въ Прикубанскихъ казачьихъ станицахъ, выдавъ имъ взамѣнъ деньги для постепеннаго пріобрѣтенія зерна изъ дальнихъ селъ Ставропольской губерніи. Фельдмаршалъ одобрилъ это предположеніе, были сдѣланы соотвѣтствующія распоряженія, и прибывшія на Правое крыло войска не встрѣтили задержекъ въ снабженіи продовольствіемъ.

По возвращеніи изъ Владикавказа въ Тифлисъ, князь получилъ отъ Государя письмо, съ выраженіемъ неудовольствія за представленную смѣту расходовъ, значительно увеличенныхъ противу предшествовавшаго года. Отвѣтъ князя Барятинскаго, отъ 18 Декабря 1860 года, приводится здѣсь вполнѣ: считаю это необходимымъ въ виду тѣхъ настойчивыхъ упрековъ, которымъ подвергался князь за широкіе расходы казенныхъ денегъ, безъ соображенія съ общимъ финансовымъ положеніемъ государства.

„Письмо Вашего Величества отъ 11-го Ноября повергло меня въ глубокую печаль выраженнымъ въ немъ Вашимъ

неудовольствіемъ по поводу представленной мною смѣты на будущій годъ. Я принужденъ почтительнѣйше просить Ваше Величество пожертвовать минутою вниманія къ изложенію этого дѣла, которое я беру на себя смѣлость представить Вамъ въ общихъ чертахъ, чтобы Вы могли убѣдиться въ независимости отъ меня причинъ, вынуждавшихъ этотъ излишекъ въ расходахъ. Дороговизна хлѣба во всей Россіи въ продолженіе послѣднихъ четырехъ лѣтъ постепенно увеличивала бюджетъ арміи. Пудъ муки стоитъ 1 рублемъ 25 копѣйками дороже прежняго, а войска потребляютъ 1,600,000 четвертей въ годъ; это вмѣстѣ съ *категорическимъ довольствіемъ* [1]), пожалованнымъ Вашимъ Величествомъ, увеличило нашъ расходъ на 2,800,000 рубл. сравнительно съ прежнимъ".

„Я въ скоромъ времени отправлю генералъ-интенданта арміи къ военному министру для подробнаго разъясненія всего дѣла. Если Ваше Величество удостоите разсмотрѣть остальную часть бюджета, имѣющаго отношеніе къ нашимъ дѣйствіямъ въ будущемъ году, то убѣдитесь, что это издержки совсѣмъ другаго рода, чѣмъ прошлогоднія. Онѣ временны и предназначены къ упроченію завоеванія края; эта денежная жертва, разъ принесенная, не должна будетъ повторяться. Слѣдуетъ смотрѣть на нее, какъ на неизбѣжное слѣдствіе прошлогодней кампаніи, издержки на которую она заключитъ въ себѣ".

„Еслибы принесеніе этой денежной жертвы было признано невозможнымъ, то мы были бы вынуждены испытать всѣ невыгоды, вытекающія изъ пренебреженія побѣдой и тѣми преимуществами, которыя она даетъ".

„Прошлая война [2]) доставила намъ печальный примѣръ послѣдствій такого завоеванія, когда, благодаря недостатку путей сообщенія, войска наши принуждены были быстро очистить побережье Чернаго моря, гдѣ мы и до сихъ поръ не успѣли утвердить наше вліяніе. Смѣю увѣрить, что только мѣры, предлагаемыя мною въ этомъ письмѣ, правда, стóящія

---

[1]) Довольствіе мясомъ и водкой, названное категорическимъ по нѣсколькимъ категоріямъ, на которыя были раздѣлены войска.

[2]) То-есть Крымская.

теперь довольно дорого, въ состояніи дать странѣ продолжительный и плодотворный миръ".

„Дорóги, мосты, укрѣпленія, просѣки и, главнымъ образомъ, колонизація края казаками—условія sine qua non нашего господства въ странѣ; онѣ твердо упрочатъ наше положеніе здѣсь и сдѣлаютъ наше господство постояннымъ. Точно также всѣ довѣренныя мнѣ Вами войска, до малѣйшей части, включая сюда и 18-ю дивизію, были употреблены, какъ Вы изволите увидѣть изъ квартирнаго росписанія, въ продолженіе всего года, на эти работы. Съ тѣхъ поръ какъ наши военныя линіи приблизились къ самому центру горъ, разстоянія значительно возрасли, а это влечетъ, при плохомъ состояніи дорогъ, ведущихъ къ выдающимся пунктамъ этой линіи (большая часть ихъ еще не приведена въ настоящій видъ), увеличеніе цѣнъ на провозъ провіанта и строительныхъ матеріаловъ. Солдаты, принимающіе участіе въ вышеупомянутыхъ работахъ, изнемогли бы отъ тяжести труда, еслибы не позаботиться о подкрѣпленіи ихъ силъ. Итакъ, они должны получать лучшую пищу и больше водки, чѣмъ получали прежде войска, расположенныя на своихъ квартирахъ; поэтому я былъ принужденъ почти цѣлый годъ давать имъ усиленныя винныя и мясныя порціи, чтò, въ свою очередь, значительно увеличило расходы. Лошади также, весь годъ находившіяся въ работѣ, требуютъ бóльшихъ издержекъ на фуражное довольствіе".

„По этому краткому описанію Вы видите, что издержки эти—временнаго характера и вызваны самымъ завоеваніемъ Кавказа, и что не въ моей власти ихъ уменьшить или отложить, не рискуя лишиться тѣхъ преимуществъ, которыя достались намъ такою дорогою цѣною".

„Отсутствіе 18-й дивизіи, которую я отправлю, согласно желанію Вашего Величества, въ Маѣ, лишитъ меня значительныхъ средствъ и, безъ сомнѣнія, сдѣлаетъ большую брешь въ начатыхъ работахъ, которыя должны будутъ придти въ полный упадокъ, чтò приведетъ къ самымъ непріятнымъ послѣдствіямъ несовершеннаго и плохо исполненнаго труда".

„Само собою разумѣется, что я не прошу у васъ оставленія 18-й дивизіи, такъ какъ это Ваша воля, чтобы она оставила Кавказъ въ началѣ будущей весны. Я только что окончилъ всѣ распоряженія для исполненія этого приказанія; но, надѣясь на Ваше снисхожденіе, я позволю себѣ высказать мой взглядъ на это дѣло. Я не могу себѣ представить тѣхъ экономическихъ выгодъ, которыхъ мы достигли бы черезъ это перемѣщеніе дивизіи, въ особенности въ такое время, когда наше финансовое положеніе требуетъ прежде всего экономіи. Не говоря уже о существенной пользѣ съ точки зрѣнія экономической, приносимой въ настоящее время этою дивизіею Кавказу, она весьма благопріятно содѣйствуетъ будущему экономическому положенію его, обезпечивая миръ и хорошее состояніе путей сообщенія и представляя выгодный исходъ тѣмъ богатствамъ страны, которыя, благодаря промышленно-торговому движенію, впослѣдствіи обогатили бы государственную казну; теперь же эта дивизія будетъ вполнѣ парализована въ своихъ дѣйствіяхъ по Августъ мѣсяцъ, когда она расположится на своихъ постоянныхъ квартирахъ и, не смотря на это, содержаніе ея будетъ требовать тѣхъ же расходовъ, какъ и здѣсь, не считая усиленныхъ расходовъ на передвиженіе ея и издержекъ по передвиженію другихъ войскъ на мѣсто ушедшей дивизіи. Я знаю, что большая часть составляющихъ ее людей остается у насъ; но по этому поводу я позволю себѣ представить Вашему Величеству слѣдующій, чисто-практическій взглядъ на это дѣло: какъ бы слабы ни были тактическія единицы войскъ въ количественномъ отношеніи и фиктивны въ сравненіи съ нормальной ихъ численностью, онѣ все-таки представляютъ силы, по значенію почти равныя ихъ нормальной численности. Непріятель или страна, покорность которой сомнительна, зная, что имѣютъ противъ себя 17 батальоновъ, не заботятся о ихъ численности; генералъ, командующій ими, согласится лучше имѣть меньше людей въ рядахъ, лишь бы имѣть больше батальоновъ. Батальонъ представляетъ собою нравственную и вещественную военную тактическую единицу; по этому уменьшеніе состава войскъ Кавказской арміи на 17 батальоновъ произведетъ самое невыгодное впечатлѣніе.

Во время моего послѣдняго пребыванія въ Петербургѣ Вы передали Вашу волю объ отозваніи 18-й дивизіи; тогда это не показалось мнѣ препятствіемъ къ успѣху нашихъ дѣйствій на Кавказѣ, но тогда я не расчитывалъ на враждебное къ намъ настроеніе Чеченцевъ. Я сознаюсь, что ошибся въ чувствахъ этого народа къ намъ. Ваше Величество изволили видѣть изъ донесеній нынѣшняго года, сколько заботъ причинилъ мнѣ этотъ мятежный народъ. Вашему Величеству также не безъизвѣстно, что Чечня покорялась намъ нѣсколько разъ и всякій разъ снова возставала, увлекая за собою Дагестанскихъ горцевъ, поэтому я принужденъ поставить Чечню въ полную невозможность возстать. И теперь меньше, чѣмъ когда либо, я могу сократить въ этой мѣстности численный составъ войскъ; поэтому, для замѣщенія 18 дивизіи, я долженъ буду передвинуть туда войска съ Кубани и, слѣдовательно, ослабить тамъ свои силы. Сверхъ того я вижу себя вынужденнымъ бросить часть тѣхъ прекрасныхъ сооруженій по главнымъ нашимъ коммерческимъ и военнымъ артеріямъ Военно-Грузинской и Военно-Имеретинской дорогъ, постройка которыхъ была начата съ такою энергіею".

„Я долженъ буду также отказаться отъ постройки предполагаемыхъ дорогъ въ Абхазіи и Сванетіи, Мингреліи, Гуріи; дорогъ, которыя, въ случаѣ внѣшней войны, могли бы представить свободное сообщеніе для подвоза подкрѣпленій и провіанта войскамъ этихъ провинцій, чтобы не быть поставленными въ печальную необходимость очистить страну при первомъ пушечномъ выстрѣлѣ. Кавказъ, наслаждаясь миромъ, долженъ стать, по моему мнѣнію, передовымъ бастіономъ нашего могущества на Востокѣ, и съ этой точки зрѣнія, основанной на моемъ искреннемъ и глубокомъ убѣжденіи, я смотрю на это дѣло, долженствующее прославить царствованіе Вашего Императорскаго Величества".

„Я снова долженъ предупредить Ваше Величество, что наше положеніе въ краѣ не таково, какъ въ началѣ прошлой войны. Въ то время мы твердою ногою стояли въ странѣ, опираясь на наши старыя линіи; привычка къ этому самого непріятеля обезпечивала намъ господство въ краѣ; тогда какъ теперь, послѣ сдѣланныхъ нами рѣшительныхъ шаговъ, при-

ведшихъ насъ къ самому сердцу горъ, Вы знаете, Государь, сколько намъ предстоитъ впереди, чтобы достичь утвержденія нашего господства здѣсь и притомъ съ незначительными силами".

„Во всѣхъ своихъ дѣйствіяхъ и соображеніяхъ я до сихъ поръ руководствовался идеею, удостоившеюся одобренія и Вашего Величества: оставить несостоятельную систему частныхъ экспедицій, вести *постоянную* наступательную войну, предѣлъ которой положила бы только полная побѣда и окончательное завоеваніе всего края; эту войну нельзя прекратить по своему желанію, точно также, какъ нельзя препятствовать непріятельскимъ вторженіямъ, когда руки связаны внѣшней войной. Въ такихъ случаяхъ не задумываются надъ милліонными расходами, и жертва эта часто приносится только для того, чтобы охранить цѣлость естественныхъ границъ страны, тогда какъ теперь намъ остается только завершить завоеваніе, большая часть котораго уже совершена. Настало время оправдать всѣ жертвы, принесенныя Россіею за послѣднее полстолѣтіе; все это потребуетъ только сравнительно-незначительныхъ расходовъ и нѣкотораго увеличенія численности войскъ, а въ замѣнъ дастъ намъ новые источники обогащенія Россіи и первенствующее положеніе въ Азіи".

„Сообразуясь съ ходомъ политики, становится болѣе чѣмъ вѣроятно, да и ваше Величество также понимаете это, что Востокъ въ скоромъ времени станетъ театромъ, на которомъ будутъ окончательно рѣшаться великіе спорные вопросы, и если къ тому времени Кавказъ не будетъ совершенно покоренъ, а стало быть наши мосты, укрѣпленія и дороги не будутъ окончены, то мы не посмѣемъ располагать ни однимъ человѣкомъ изо всей этой славной арміи, чтобы перейти границу".

До какой степени князь Барятинскій предусматривалъ грядущія событія, можно видѣть, какъ изъ разсказанныхъ уже мною неоднократныхъ упоминаній его о Закаспійскомъ краѣ, такъ и изъ вышеприведенныхъ словъ. Еще 16 Февраля 1857 года, описывая дѣла Армянской церкви и ея значеніе въ дѣлахъ Востока, онъ прибавилъ: „Предложенныя

мною мѣры, въ случаѣ войны, будутъ имѣть неоспоримые шансы для успѣха. Каспійское море—базисъ военныхъ дѣйствій—въ настоящее время недоступный непріятельскому нападенію, ближе къ театру войны, чѣмъ тѣ пункты, которые могли бы служить Англичанамъ базою. Каспій далъ бы намъ возможность вторгнуться съ оружіемъ въ рукахъ въ Среднюю Азію. Слѣдовательно, надо было бы лишь увеличить въ весьма значительной степени наши морскія и рѣчныя силы и сосредоточить на Волгѣ — въ видѣ резерва — достаточно войскъ и снарядовъ для уравновѣшенія съ силами, которыя непріятель можетъ намъ противуставить. Мнѣ кажется, что слѣдовало бы вступить въ дипломатическія сношенія съ владѣтелями центральной Азіи, особенно съ Бухарскимъ, который впослѣдствіи можетъ быть намъ очень полезенъ. Теперь только настало время для Россіи сторицею вернуть все потерянное нами въ послѣднюю войну и нанести смертельный ударъ Англіи, которая неминуемо должна истощиться въ этой борьбѣ. Но для этого пришлось бы сосредоточить всѣ наши средства и пожертвовать ими единственно для этой цѣли. *Я не говорю подъ впечатлѣніемъ минуты; я не разъ говорилъ объ этомъ вопросѣ, ставшемъ теперь на положительную почву*"...

Если бы возможно было опубликовать всѣ документы, то нагляднѣйшимъ образомъ была бы доказана вся ширь и положительность государственнаго взгляда покойнаго фельдмаршала на политику въ Восточномъ вопросѣ, впрочемъ, не только на нее, но и на многое другое...

Кто знакомъ съ обстоятельствами войны 1877—1878 г. и вспомнитъ, между прочимъ, происходившее тогда въ Средней Азіи, тотъ согласится, что осуществленіе мыслей князя Барятинскаго до 1877 г., а не послѣ печальной памяти Берлинскаго конгресса, дало бы совершенно другой оборотъ событіямъ. Всѣ указанія на финансовое положеніе государства, на невозможность нести большія матеріальныя затраты, вовлекаться въ предпріятія, повидимому, не имѣющія подъ собою твердой почвы, приписываемыя даже личнымъ честолюбивымъ побужденіямъ, въ сущности не выдерживаютъ критики: сами событія это доказали, и финансы ихъ не задерживали, и за-

траты оказались такія, о которыхъ никто даже не воображалъ; только, увы, результаты ихъ не оправдали!...

Конечно, если бы жизнь и дѣятельность государства можно было ввести въ рамки жизни и дѣятельности единичнаго человѣка, или даже небольшаго общества, то посвященіе всѣхъ своихъ матеріальныхъ и нравственныхъ усилій исключительно на прогрессивное умственное развитіе, на улучшеніе благосостоянія и т. п. было бы вполнѣ естественнымъ закономъ; но въ томъ-то и разница между государствомъ, особенно великимъ, и частнымъ обществомъ, что первое противъ воли вынуждается къ предпріятіямъ, сопряженнымъ съ громадными затратами деньгами и кровью, съ громаднымъ рискомъ, даже безъ полной увѣренности въ непремѣнномъ успѣхѣ. За примѣрами ходить не далеко: достаточно взглянуть на нынѣшнее положеніе всѣхъ государствъ, превратившихся чуть ли не въ сплошной военный станъ. Спрашивается: если таково положеніе Европы, если историческія условія предшествовавшихъ вѣковъ создали сцѣпленіе обстоятельствъ, при которыхъ, не взирая на всѣ проповѣди гуманистовъ, апостоловъ вѣчнаго мира и проч., возможны еще изрѣченія, что „великія дѣла совершаются лишь кровью и желѣзомъ“, изреченія, оправданныя фактически событіями, вызвавшими рукоплесканія тѣхъ же гуманистовъ; спрашивается: — не совершаетъ ли государственный человѣкъ, къ тому же военный, великую заслугу, предупреждая о грядущихъ опасностяхъ, указывая на мѣры, могущія принести пользу намъ и вредъ противнику и не стѣсняясь требовать для этого затраты милліоновъ теперь, вмѣсто миліардовъ въ будущемъ? Именно къ такимъ людямъ и принадлежалъ князь Барятинскій, и вовсе неправы тѣ (назовемъ ихъ, пожалуй, идеалистами), которые говорятъ: на что намъ завоеватели, иниціаторы громкихъ дѣлъ, оплачиваемыхъ столькими жертвами, отвлекающими отъ мирнаго труда по развитію преуспѣянія, по разрѣшенію культурныхъ задачъ?

Покойный А. В. Головнинъ, въ одномъ изъ писемъ къ князю Барятинскому, 18 Декабря 1857 года, очевидно исходя изъ такихъ мыслей, писалъ, между прочимъ, что „исторія нашего времени очень мало говоритъ о проигранныхъ или

выигранныхъ сраженіяхъ и не увлекается, какъ нѣкогда, славою военныхъ дѣлъ, а судитъ правителей по ихъ дѣяніямъ законодательнымъ и административнымъ. Очень быть можетъ, господа военные не придадутъ настоящему обстоятельству (рѣчь идетъ о положеніи для управленія Мингреліею) столько важности, сколько люди гражданскіе; но не военные вѣдь будутъ писать исторію управленія Кавказомъ". Тѣже мысли проводились и въ письмѣ другаго, высшаго лица, ставившаго роль скромнаго губернатора выше блестящаго главнокомандующаго. Все это прекрасно въ теоріи; но ходъ событій говоритъ другое. Освободите государство отъ необходимости въ арміяхъ, главнокомандующихъ отъ предпріятій, въ которыхъ побѣды или пораженія на поляхъ сраженій суть главнѣйшіе рѣшающіе факторы, и тогда, конечно, настанетъ золотой вѣкъ исключительнаго царствованія мирныхъ, гражданскихъ дѣяній, и исторія займется единственно повѣствованіемъ объ нихъ. Чтó помогли бы самые лучшіе законы, самыя удачныя административныя мѣры, напримѣръ, за Кавказомъ, если бы окружающій хищный, мусульманскій міръ не былъ сломленъ? Какія мирныя дѣянія могли отвратить насъ отъ роковой необходимости двигаться въ Среднюю Азію? Разъ мы это сдѣлали, какими законами или администраціею предотвратили бы мы экспедицію Скобелева въ Ахалъ-Теке и т. д.? А весь, стоящій предъ нами, во всеоружіи колоссальныхъ политическихъ осложненій, восточный вопросъ, разрѣшится онъ мирными, культурными дѣяніями, безъ „крови и желѣза"? Гдѣ въ исторіи примѣры подобныхъ рѣшеній? Ихъ нѣтъ; и потому мы еще долго будемъ нуждаться въ людяхъ, подобныхъ князю Барятинскому. Далъ бы только Богъ, чтобы ихъ было по больше!—Вмѣстѣ съ тѣмъ, неоспоримо, нужны и тѣ мирные гражданскіе дѣятели, которые на почвѣ мудраго законодательства и разумной администраціи ведутъ государство по пути развитія народнаго просвѣщенія и благосостоянія (къ чему и князь Барятинскій вовсе не относился съ равнодушіемъ), и ихъ слава на страницахъ исторіи должна сіять полнымъ блескомъ. Suum cuique.

Все это не ново; но тѣмъ не менѣе приходится повторять...

ПРИЛОЖЕНІЕ.

Письма А. В. Головнина.

1.

Рязанская губ., село Гулынки, 1 Іюля 1860 г.

Здѣсь, во владѣніи мнѣ принадлежащемъ, я имѣлъ честь получить ваше письмо на счетъ Тифлисскаго банка. Примите мою искреннюю благодарность за ту благосклонность, которою вы меня удостоиваете. Я былъ очень счастливъ видѣть высокое мнѣніе ваше по отношенію къ Харитонову, одному изъ моихъ „дѣдовъ" Царскосельскаго Лицея. Я не сомнѣваюсь, что онъ, руководимый вами, успѣетъ въ томъ великомъ дѣлѣ, которое ему довѣрено. Что касается до прежнихъ компаніоновъ Штиглица, я сомнѣваюсь, чтобы они могли вамъ быть полезны, такъ какъ, со времени назначенія Штиглица въ управленіе Государственнымъ Банкомъ, вѣроятно онъ ихъ пригласитъ быть его помощниками въ своей новой должности.

Я пріѣхалъ сюда на нѣсколько недѣль сдѣлать распоряженія, необходимыя въ виду освобожденія крѣпостныхъ. Никогда я не былъ такъ тронутъ необходимостью этой мѣры. Крестьяне, хотя и спокойны, ожидаютъ ее съ нетерпѣніемъ; но они перестали возить навозъ на свои поля, не зная навѣрное, кому эти поля будутъ принадлежать. Если это будетъ такъ продолжаться, у насъ настанутъ неурожаи, также умышленно подготовленные, какъ это было 18 лѣтъ тому назадъ, во время полюбовнаго межеванія чрезполосныхъ земель. Господа не смѣютъ предпринимать никакихъ мѣръ улучшенія въ своихъ имѣніяхъ, не смѣютъ производить никакого употребленія изъ капитала, находясь въ невѣдѣніи относительно того, что́ ихъ ожидаетъ. Полный застой въ экономическихъ дѣлахъ и видъ этого громаднаго количества господскихъ земель долженъ дѣйствовать на всю Имперію и остановить развитіе ея денежныхъ средствъ. Страна не благоденствуетъ, какъ она должна была бы благоденствовать въ дни внѣшняго мира и внутренняго спокойствія. Я нашелъ громадную разницу между старыми крестьянами, которые, по моему мнѣнію, могли бы, въ силу привычки, окончить свои преклонные дни въ крѣпостномъ состояніи, и между молодыми, для которыхъ это было бы совершенно невозможно. Но старые съ каждымъ днемъ уменьшаются, а число молодыхъ увеличивается; правительству и господамъ съ этимъ-то молодымъ поколѣніемъ и придется имѣть дѣло.

Прошу у васъ извиненія за чрезмѣрную длинноту этого письма. Я думалъ, что могу долго говорить съ вами объ освобожденіи крестьянъ, прекрасной мѣрѣ, которая пойдетъ въ исторіи рядомъ съ покореніемъ Кавказа и покроетъ славою настоящее царствованіе. Разница между этими двумя историческими событіями состоитъ въ томъ, что одно уже свершилось, а другое находится еще на пути къ исполненію.

2.

24 Іюля 1860 года.

Благосклонность, которою вы меня удостоиваете, поощряетъ меня писать вамъ подъ впечатлѣніями двухъ-мѣсячнаго моего пребыванія въ деревнѣ, въ срединѣ Россіи, поощряетъ тѣмъ болѣе, что я не думаю, чтобы вы вели переписку съ внутренними мѣстностями. Три мысли меня болѣе всего озабочиваютъ въ настоящее время. 1) Новое поколѣніе крѣпостныхъ крестьянъ, составленное изъ нынѣшнихъ молодыхъ людей и достигающее почти 3-хъ милліонной цифры, поднимается, слушая каждый день говоръ о свободѣ. Это единственная тема для разговора у крестьянъ повсюду, гдѣ бы они ни сходились. Не трудно понять, какое вліяніе она должна имѣть на эти молодыя головы и на ихъ молодыя воображенія. У насъ, въ центрѣ Россіи, среди этихъ трехъ милліоновъ людей приготовляется въ очень близкомъ будущемъ воспламеняющійся матеріалъ, тѣмъ болѣе опасный, что онъ вполнѣ для насъ неизвѣстенъ и что наши администраторы въ губерніяхъ никогда не уважали крестьянъ. 2) Вслѣдъ за этимъ поколѣніемъ, которое будетъ буйно и которымъ станетъ тяжело управлять—слѣдуетъ другое, еще болѣе молодое, составляющееся изъ крестьянскихъ дѣтей, бѣгающихъ теперь около избъ, играющихъ и купающихся въ грязи. Это маленькое народонаселеніе, еще изъ трехъ милліоновъ, конечно, со временемъ будетъ подъ вліяніемъ своихъ старшихъ братьевъ, въ особенности не получая никакого направленія съ другой стороны. Дѣйствительно ужасно видѣть, что ни духовенство, ни министерство народнаго просвѣщенія ничего положительно не дѣлаютъ для начальнаго наученія народа, оставляя рости эту массу дѣтей безъ малѣйшаго понятія объ ихъ обязанностяхъ по отношенію къ Богу и людямъ. Какое будетъ послѣдствіе отъ этой небрежности? Цивилизація идетъ впередъ, необходимость въ просвѣщеніи даетъ себя чувствовать, а извѣстныя идеи распространяются въ воздухѣ, не смотря на всѣ полиціи и всѣ цензуры. Признаюсь, что будущее кажется мнѣ крайне безпокойнымъ? Я провелъ это лѣто въ центрѣ Россіи, среди населенія истинно-Русскихъ людей, которое, составляя сжатую колоссальную массу, говоритъ на одномъ языкѣ, исповѣдуетъ одну и туже вѣру, имѣя одни интересы, составляя истинную силу Россіи и представляя само по себѣ цѣлое могущество. Разсматривая вблизи состояніе страны и вспоминая бюджеты государства, я нахожу, что за послѣднія 40 лѣтъ правительство много брало у этого народа, а дало ему очень мало. Оно брало людьми, прямыми и косвенными налогами, тяжелыми работами и т. д.—брало большую часть его доходовъ, и затѣмъ народъ, благодаря дурной администраціи, платилъ гораздо болѣе, нежели казна получала. Что́ же дѣлало правительство въ тоже самое время, для этихъ же мѣстъ, взамѣнъ всѣхъ податей? Ничего для церкви, которая существовала народными приношеніями (свѣчной сборъ); ничего для народнаго просвѣщенія, такъ какъ наши несчастныя окружныя гимназіи и школы представ-

ляютъ изъ себя менѣе, чѣмъ ничего; ничего для дорогъ, такъ какъ онѣ находятся въ томъ же состояніи, въ какомъ онѣ находились во времена вашего предка Рюрика. Правительство содержало, съ незначительными издержками, суды, несправедливость которыхъ вошла въ пословицу, и полицію, которая грабитъ народъ, такъ что чѣмъ деревня болѣе удалена отъ дѣятельности чиновъ этой полиціи, тѣмъ она болѣе благоденствуетъ. Государственный доходъ, половина котораго основана на безнравственности народа или, вѣрнѣе, на его развращенности (винный откупъ) тратилась на уплату процентовъ долга, на армію, флотъ и на этотъ далекій Петербургъ, который въ своихъ теперешнихъ размѣрахъ очень мало полезенъ для настоящей Россіи. Итакъ, деньги, получаемыя съ податей, не тратились на ихъ настоящія потребности, наиболѣе необходимыя. Все это было большою несправедливостью; а такъ какъ каждая несправедливость всегда наказывается, то я увѣренъ, что наказаніе это не заставитъ себя ждать. Оно настанетъ, когда крестьянскія дѣти, которыя теперь еще только грудные младенцы, выростутъ и поймутъ все то, о чемъ я только что говорилъ. Это можетъ случиться въ царствованіе внука настоящаго Государя.

Часто я думалъ о васъ и о вашемъ прекрасномъ рѣшеніи тратить только для Кавказа и на Кавказѣ всѣ его доходы. Также дѣлается въ Финляндіи съ 1809 года, и страна счастлива. Разумѣется, невозможно прикладывать это правило къ каждому управленію и къ каждому округу; но было бы желательно, чтобы насущныя потребности народа были сперва удовлетворены, а затѣмъ излишки могутъ быть отправляемы въ Петербургъ. Содержаніе арміи, конечно, потребность необходимая, если только расходы не переходятъ за предѣлъ дѣйствительной нужды. Императоръ прекратитъ одну изъ наибольшихъ несправедливостей, которая длилась цѣлые вѣка — крѣпостную зависимость, и этой прекрасной мѣрою онъ стяжаетъ себѣ безсмертіе во всемірной исторіи и величайшее имя въ исторіи народной цивилизаціи. Благодаря этой мѣрѣ и покоренію Кавказа, слава уже пріобрѣтена; онъ приготовляетъ мирное царствованіе для своего сына. Онъ могъ бы удвоить славу и завѣщать внутренній миръ своему внуку, если бы захотѣлъ уничтожить другую несправедливость, о которой я только что говорилъ.

Простите, князь, что письмо такъ длинно. Оно было написано подъ впечатлѣніемъ, которое оставила мнѣ эта сторона, и я былъ ободренъ воспоминаніями нашихъ долгихъ разговоровъ въ Николаевѣ и на Милліонной въ 1855 – 1856 годахъ. Я совершенно съ вами открененъ. Это лучшее доказательство глубины моего уваженія. Чрезъ нѣсколько дней я отправляюсь совершить поѣздку въ Крымъ и расчитываю прибыть въ Петербургъ около конца Августа.

3.

Царское Село, 21 Сентября 1860 г.

Пробывъ четыре лѣтнихъ мѣсяца въ путешествіи внутри Россіи, я составилъ маленькую записку, которая содержитъ краткій очеркъ моихъ на-

теперь довольно дорого, въ состояніи дать странѣ продолжительный и плодотворный миръ".

„Дорóги, мосты, укрѣпленія, просѣки и, главнымъ образомъ, колонизація края казаками—условія sine qua non нашего господства въ странѣ; онѣ твердо упрочатъ наше положеніе здѣсь и сдѣлаютъ наше господство постояннымъ. Точно также всѣ довѣренныя мнѣ Вами войска, до малѣйшей части, включая сюда и 18-ю дивизію, были употреблены, какъ Вы изволите увидѣть изъ квартирнаго росписанія, въ продолженіе всего года, на эти работы. Съ тѣхъ поръ какъ наши военныя линіи приблизились къ самому центру горъ, разстоянія значительно возрасли, а это влечетъ, при плохомъ состояніи дорогъ, ведущихъ къ выдающимся пунктамъ этой линіи (большая часть ихъ еще не приведена въ настоящій видъ), увеличеніе цѣнъ на провозъ провіанта и строительныхъ матеріаловъ. Солдаты, принимающіе участіе въ вышеупомянутыхъ работахъ, изнемогли бы отъ тяжести труда, еслибы не позаботиться о подкрѣпленіи ихъ силъ. Итакъ, они должны получать лучшую пищу и больше водки, чѣмъ получали прежде войска, расположенныя на своихъ квартирахъ; поэтому я былъ принужденъ почти цѣлый годъ давать имъ усиленныя винныя и мясныя порціи, что̀, въ свою очередь, значительно увеличило расходы. Лошади также, весь годъ находившіяся въ работѣ, требуютъ бóльшихъ издержекъ на фуражное довольствіе".

„По этому краткому описанію Вы видите, что издержки эти—временнаго характера и вызваны самымъ завоеваніемъ Кавказа, и что не въ моей власти ихъ уменьшить или отложить, не рискуя лишиться тѣхъ преимуществъ, которыя достались намъ такою дорогою цѣною".

„Отсутствіе 18-й дивизіи, которую я отправлю, согласно желанію Вашего Величества, въ Маѣ, лишитъ меня значительныхъ средствъ и, безъ сомнѣнія, сдѣлаетъ большую брешь въ начатыхъ работахъ, которыя должны будутъ придти въ полный упадокъ, что̀ приведетъ къ самымъ непріятнымъ послѣдствіямъ несовершеннаго и плохо исполненнаго труда".

„Само собою разумѣется, что я не прошу у васъ оставленія 18-й дивизіи, такъ какъ это Ваша воля, чтобы она оставила Кавказъ въ началѣ будущей весны. Я только что окончилъ всѣ распоряженія для исполненія этого приказанія; но, надѣясь на Ваше снисхожденіе, я позволю себѣ высказать мой взглядъ на это дѣло. Я не могу себѣ представить тѣхъ экономическихъ выгодъ, которыхъ мы достигли бы черезъ это перемѣщеніе дивизіи, въ особенности въ такое время, когда наше финансовое положеніе требуетъ прежде всего экономіи. Не говоря уже о существенной пользѣ съ точки зрѣнія экономической, приносимой въ настоящее время этою дивизіею Кавказу, она весьма благопріятно содѣйствуетъ будущему экономическому положенію его, обезпечивая миръ и хорошее состояніе путей сообщенія и представляя выгодный исходъ тѣмъ богатствамъ страны, которыя, благодаря промышленно-торговому движенію, впослѣдствіи обогатили бы государственную казну; теперь же эта дивизія будетъ вполнѣ парализована въ своихъ дѣйствіяхъ по Августъ мѣсяцъ, когда она расположится на своихъ постоянныхъ квартирахъ и, не смотря на это, содержаніе ея будетъ требовать тѣхъ же расходовъ, какъ и здѣсь, не считая усиленныхъ расходовъ на передвиженіе ея и издержекъ по передвиженію другихъ войскъ на мѣсто ушедшей дивизіи. Я знаю, что большая часть составляющихъ ее людей остается у насъ; но по этому поводу я позволю себѣ представить Вашему Величеству слѣдующій, чисто-практическій взглядъ на это дѣло: какъ бы слабы ни были тактическія единицы войскъ въ количественномъ отношеніи и фиктивны въ сравненіи съ нормальной ихъ численностью, онѣ все-таки представляютъ силы, по значенію почти равныя ихъ нормальной численности. Непріятель или страна, покорность которой сомнительна, зная, что имѣютъ противъ себя 17 батальоновъ, не заботятся о ихъ численности; генералъ, командующій ими, согласится лучше имѣть меньше людей въ рядахъ, лишь бы имѣть больше батальоновъ. Батальонъ представляетъ собою нравственную и вещественную военную тактическую единицу; по этому уменьшеніе состава войскъ Кавказской арміи на 17 батальоновъ произведетъ самое невыгодное впечатлѣніе.

теперь довольно дорого, въ состояніи дать странѣ продолжительный и плодотворный миръ".

„Дорóги, мосты, укрѣпленія, просѣки и, главнымъ образомъ, колонизація края казаками—условія sine qua non нашего господства въ странѣ; онѣ твердо упрочатъ наше положеніе здѣсь и сдѣлаютъ наше господство постояннымъ. Точно также всѣ довѣренныя мнѣ Вами войска, до малѣйшей части, включая сюда и 18-ю дивизію, были употреблены, какъ Вы изволите увидѣть изъ квартирнаго росписанія, въ продолженіе всего года, на эти работы. Съ тѣхъ поръ какъ наши военныя линіи приблизились къ самому центру горъ, разстоянія значительно возрасли, а это влечетъ, при плохомъ состояніи дорогъ, ведущихъ къ выдающимся пунктамъ этой линіи (большая часть ихъ еще не приведена въ настоящій видъ), увеличеніе цѣнъ на провозъ провіанта и строительныхъ матеріаловъ. Солдаты, принимающіе участіе въ вышеупомянутыхъ работахъ, изнемогли бы отъ тяжести труда, еслибы не позаботиться о подкрѣпленіи ихъ силъ. Итакъ, они должны получать лучшую пищу и больше водки, чѣмъ получали прежде войска, расположенныя на своихъ квартирахъ; поэтому я былъ принужденъ почти цѣлый годъ давать имъ усиленныя винныя и мясныя порціи, чтò, въ свою очередь, значительно увеличило расходы. Лошади также, весь годъ находившіяся въ работѣ, требуютъ бóльшихъ издержекъ на фуражное довольствіе".

„По этому краткому описанію Вы видите, что издержки эти—временнаго характера и вызваны самымъ завоеваніемъ Кавказа, и что не въ моей власти ихъ уменьшить или отложить, не рискуя лишиться тѣхъ преимуществъ, которыя достались намъ такою дорогою цѣною".

„Отсутствіе 18-й дивизіи, которую я отправлю, согласно желанію Вашего Величества, въ Маѣ, лишитъ меня значительныхъ средствъ и, безъ сомнѣнія, сдѣлаетъ большую брешь въ начатыхъ работахъ, которыя должны будутъ придти въ полный упадокъ, чтò приведетъ къ самымъ непріятнымъ послѣдствіямъ несовершеннаго и плохо исполненнаго труда".

„Само собою разумѣется, что я не прошу у васъ оставленія 18-й дивизіи, такъ какъ это Ваша воля, чтобы она оставила Кавказъ въ началѣ будущей весны. Я только что окончилъ всѣ распоряженія для исполненія этого приказанія; но, надѣясь на Ваше снисхожденіе, я позволю себѣ высказать мой взглядъ на это дѣло. Я не могу себѣ представить тѣхъ экономическихъ выгодъ, которыхъ мы достигли бы черезъ это перемѣщеніе дивизіи, въ особенности въ такое время, когда наше финансовое положеніе требуетъ прежде всего экономіи. Не говоря уже о существенной пользѣ съ точки зрѣнія экономической, приносимой въ настоящее время этою дивизіею Кавказу, она весьма благопріятно содѣйствуетъ будущему экономическому положенію его, обезпечивая миръ и хорошее состояніе путей сообщенія и представляя выгодный исходъ тѣмъ богатствамъ страны, которыя, благодаря промышленно-торговому движенію, впослѣдствіи обогатили бы государственную казну; теперь же эта дивизія будетъ вполнѣ парализована въ своихъ дѣйствіяхъ по Августъ мѣсяцъ, когда она расположится на своихъ постоянныхъ квартирахъ и, не смотря на это, содержаніе ея будетъ требовать тѣхъ же расходовъ, какъ и здѣсь, не считая усиленныхъ расходовъ на передвиженіе ея и издержекъ по передвиженію другихъ войскъ на мѣсто ушедшей дивизіи. Я знаю, что большая часть составляющихъ ее людей остается у насъ; но по этому поводу я позволю себѣ представить Вашему Величеству слѣдующій, чисто-практическій взглядъ на это дѣло: какъ бы слабы ни были тактическія единицы войскъ въ количественномъ отношеніи и фиктивны въ сравненіи съ нормальной ихъ численностью, онѣ все-таки представляютъ силы, по значенію почти равныя ихъ нормальной численности. Непріятель или страна, покорность которой сомнительна, зная, что имѣютъ противъ себя 17 батальоновъ, не заботятся о ихъ численности; генералъ, командующій ими, согласится лучше имѣть меньше людей въ рядахъ, лишь бы имѣть больше батальоновъ. Батальонъ представляетъ собою нравственную и вещественную военную тактическую единицу; по этому уменьшеніе состава войскъ Кавказской арміи на 17 батальоновъ произведетъ самое невыгодное впечатлѣніе.

теперь довольно дорого, въ состояніи дать странѣ продолжительный и плодотворный миръ".

„Дорóги, мосты, укрѣпленія, просѣки и, главнымъ образомъ, колонизація края казаками—условія sine qua non нашего господства въ странѣ; онѣ твердо упрочатъ наше положеніе здѣсь и сдѣлаютъ наше господство постояннымъ. Точно также всѣ довѣренныя мнѣ Вами войска, до малѣйшей части, включая сюда и 18-ю дивизію, были употреблены, какъ Вы изволите увидѣть изъ квартирнаго росписанія, въ продолженіе всего года, на эти работы. Съ тѣхъ поръ какъ наши военныя линіи приблизились къ самому центру горъ, разстоянія значительно возрасли, а это влечетъ, при плохомъ состояніи дорогъ, ведущихъ къ выдающимся пунктамъ этой линіи (большая часть ихъ еще не приведена въ настоящій видъ), увеличеніе цѣнъ на провозъ провіанта и строительныхъ матеріаловъ. Солдаты, принимающіе участіе въ вышеупомянутыхъ работахъ, изнемогли бы отъ тяжести труда, еслибы не позаботиться о подкрѣпленіи ихъ силъ. Итакъ, они должны получать лучшую пищу и больше водки, чѣмъ получали прежде войска, расположенныя на своихъ квартирахъ; поэтому я былъ принужденъ почти цѣлый годъ давать имъ усиленныя винныя и мясныя порціи, чтò, въ свою очередь, значительно увеличило расходы. Лошади также, весь годъ находившіяся въ работѣ, требуютъ бóльшихъ издержекъ на фуражное довольствіе".

„По этому краткому описанію Вы видите, что издержки эти—временнаго характера и вызваны самымъ завоеваніемъ Кавказа, и что не въ моей власти ихъ уменьшить или отложить, не рискуя лишиться тѣхъ преимуществъ, которыя достались намъ такою дорогою цѣною".

„Отсутствіе 18-й дивизіи, которую я отправлю, согласно желанію Вашего Величества, въ Маѣ, лишитъ меня значительныхъ средствъ и, безъ сомнѣнія, сдѣлаетъ большую брешь въ начатыхъ работахъ, которыя должны будутъ придти въ полный упадокъ, чтò приведетъ къ самымъ непріятнымъ послѣдствіямъ несовершеннаго и плохо исполненнаго труда".

„Само собою разумѣется, что я не прошу у васъ оставленія 18-й дивизіи, такъ какъ это Ваша воля, чтобы она оставила Кавказъ въ началѣ будущей весны. Я только что окончилъ всѣ распоряженія для исполненія этого приказанія; но, надѣясь на Ваше снисхожденіе, я позволю себѣ высказать мой взглядъ на это дѣло. Я не могу себѣ представить тѣхъ экономическихъ выгодъ, которыхъ мы достигли бы черезъ это перемѣщеніе дивизіи, въ особенности въ такое время, когда наше финансовое положеніе требуетъ прежде всего экономіи. Не говоря уже о существенной пользѣ съ точки зрѣнія экономической, приносимой въ настоящее время этою дивизіею Кавказу, она весьма благопріятно содѣйствуетъ будущему экономическому положенію его, обезпечивая миръ и хорошее состояніе путей сообщенія и представляя выгодный исходъ тѣмъ богатствамъ страны, которыя, благодаря промышленно-торговому движенію, впослѣдствіи обогатили бы государственную казну; теперь же эта дивизія будетъ вполнѣ парализована въ своихъ дѣйствіяхъ по Августъ мѣсяцъ, когда она расположится на своихъ постоянныхъ квартирахъ и, не смотря на это, содержаніе ея будетъ требовать тѣхъ же расходовъ, какъ и здѣсь, не считая усиленныхъ расходовъ на передвиженіе ея и издержекъ по передвиженію другихъ войскъ на мѣсто ушедшей дивизіи. Я знаю, что большая часть составляющихъ ее людей остается у насъ; но по этому поводу я позволю себѣ представить Вашему Величеству слѣдующій, чисто-практическій взглядъ на это дѣло: какъ бы слабы ни были тактическія единицы войскъ въ количественномъ отношеніи и фиктивны въ сравненіи съ нормальной ихъ численностью, онѣ все-таки представляютъ силы, по значенію почти равныя ихъ нормальной численности. Непріятель или страна, покорность которой сомнительна, зная, что имѣютъ противъ себя 17 батальоновъ, не заботятся о ихъ численности; генералъ, командующій ими, согласится лучше имѣть меньше людей въ рядахъ, лишь бы имѣть больше батальоновъ. Батальонъ представляетъ собою нравственную и вещественную военную тактическую единицу; по этому уменьшеніе состава войскъ Кавказской арміи на 17 батальоновъ произведетъ самое невыгодное впечатлѣніе.

теперь довольно дорого, въ состояніи дать странѣ продолжительный и плодотворный миръ".

„Дорóги, мосты, укрѣпленія, просѣки и, главнымъ образомъ, колонизація края казаками—условія sine qua non нашего господства въ странѣ; онѣ твердо упрочатъ наше положеніе здѣсь и сдѣлаютъ наше господство постояннымъ. Точно также всѣ довѣренныя мнѣ Вами войска, до малѣйшей части, включая сюда и 18-ю дивизію, были употреблены, какъ Вы изволите увидѣть изъ квартирнаго росписанія, въ продолженіе всего года, на эти работы. Съ тѣхъ поръ какъ наши военныя линіи приблизились къ самому центру горъ, разстоянія значительно возрасли, а это влечетъ, при плохомъ состояніи дорогъ, ведущихъ къ выдающимся пунктамъ этой линіи (большая часть ихъ еще не приведена въ настоящій видъ), увеличеніе цѣнъ на провозъ провіанта и строительныхъ матеріаловъ. Солдаты, принимающіе участіе въ вышеупомянутыхъ работахъ, изнемогли бы отъ тяжести труда, еслибы не позаботиться о подкрѣпленіи ихъ силъ. Итакъ, они должны получать лучшую пищу и больше водки, чѣмъ получали прежде войска, расположенныя на своихъ квартирахъ; поэтому я былъ принужденъ почти цѣлый годъ давать имъ усиленныя винныя и мясныя порціи, чтò, въ свою очередь, значительно увеличило расходы. Лошади также, весь годъ находившіяся въ работѣ, требуютъ бóльшихъ издержекъ на фуражное довольствіе".

„По этому краткому описанію Вы видите, что издержки эти—временнаго характера и вызваны самымъ завоеваніемъ Кавказа, и что не въ моей власти ихъ уменьшить или отложить, не рискуя лишиться тѣхъ преимуществъ, которыя достались намъ такою дорогою цѣною".

„Отсутствіе 18-й дивизіи, которую я отправлю, согласно желанію Вашего Величества, въ Маѣ, лишитъ меня значительныхъ средствъ и, безъ сомнѣнія, сдѣлаетъ большую брешь въ начатыхъ работахъ, которыя должны будутъ придти въ полный упадокъ, чтò приведетъ къ самымъ непріятнымъ послѣдствіямъ несовершеннаго и плохо исполненнаго труда".

„Само собою разумѣется, что я не прошу у васъ оставленія 18-й дивизіи, такъ какъ это Ваша воля, чтобы она оставила Кавказъ въ началѣ будущей весны. Я только что окончилъ всѣ распоряженія для исполненія этого приказанія; но, надѣясь на Ваше снисхожденіе, я позволю себѣ высказать мой взглядъ на это дѣло. Я не могу себѣ представить тѣхъ экономическихъ выгодъ, которыхъ мы достигли бы черезъ это перемѣщеніе дивизіи, въ особенности въ такое время, когда наше финансовое положеніе требуетъ прежде всего экономіи. Не говоря уже о существенной пользѣ съ точки зрѣнія экономической, приносимой въ настоящее время этою дивизіею Кавказу, она весьма благопріятно содѣйствуетъ будущему экономическому положенію его, обезпечивая миръ и хорошее состояніе путей сообщенія и представляя выгодный исходъ тѣмъ богатствамъ страны, которыя, благодаря промышленно-торговому движенію, впослѣдствіи обогатили бы государственную казну; теперь же эта дивизія будетъ вполнѣ парализована въ своихъ дѣйствіяхъ по Августъ мѣсяцъ, когда она расположится на своихъ постоянныхъ квартирахъ и, не смотря на это, содержаніе ея будетъ требовать тѣхъ же расходовъ, какъ и здѣсь, не считая усиленныхъ расходовъ на передвиженіе ея и издержекъ по передвиженію другихъ войскъ на мѣсто ушедшей дивизіи. Я знаю, что большая часть составляющихъ ее людей остается у насъ; но по этому поводу я позволю себѣ представить Вашему Величеству слѣдующій, чисто-практическій взглядъ на это дѣло: какъ бы слабы ни были тактическія единицы войскъ въ количественномъ отношеніи и фиктивны въ сравненіи съ нормальной ихъ численностью, онѣ все-таки представляютъ силы, по значенію почти равныя ихъ нормальной численности. Непріятель или страна, покорность которой сомнительна, зная, что имѣютъ противъ себя 17 батальоновъ, не заботятся о ихъ численности; генералъ, командующій ими, согласится лучше имѣть меньше людей въ рядахъ, лишь бы имѣть больше батальоновъ. Батальонъ представляетъ собою нравственную и вещественную военную тактическую единицу; по этому уменьшеніе состава войскъ Кавказской арміи на 17 батальоновъ произведетъ самое невыгодное впечатлѣніе.

Во время моего послѣдняго пребыванія въ Петербургѣ Вы передали Вашу волю объ отозваніи 18-й дивизіи; тогда это не показалось мнѣ препятствіемъ къ успѣху нашихъ дѣйствій на Кавказѣ, но тогда я не расчитывалъ на враждебное къ намъ настроеніе Чеченцевъ. Я сознаюсь, что ошибся въ чувствахъ этого народа къ намъ. Ваше Величество изволили видѣть изъ донесеній нынѣшняго года, сколько заботъ причинилъ мнѣ этотъ мятежный народъ. Вашему Величеству также не безъизвѣстно, что Чечня покорялась намъ нѣсколько разъ и всякій разъ снова возставала, увлекая за собою Дагестанскихъ горцевъ, поэтому я принужденъ поставить Чечню въ полную невозможность возстать. И теперь меньше, чѣмъ когда либо, я могу сократить въ этой мѣстности численный составъ войскъ; поэтому, для замѣщенія 18 дивизіи, я долженъ буду передвинуть туда войска съ Кубани и, слѣдовательно, ослабить тамъ свои силы. Сверхъ того я вижу себя вынужденнымъ бросить часть тѣхъ прекрасныхъ сооруженій по главнымъ нашимъ коммерческимъ и военнымъ артеріямъ Военно-Грузинской и Военно-Имеретинской дорогъ, постройка которыхъ была начата съ такою энергіею".

„Я долженъ буду также отказаться отъ постройки предполагаемыхъ дорогъ въ Абхазіи и Сванетіи, Мингреліи, Гуріи; дорогъ, которыя, въ случаѣ внѣшней войны, могли бы представить свободное сообщеніе для подвоза подкрѣпленій и провіанта войскамъ этихъ провинцій, чтобы не быть поставленными въ печальную необходимость очистить страну при первомъ пушечномъ выстрѣлѣ. Кавказъ, наслаждаясь миромъ, долженъ стать, по моему мнѣнію, передовымъ бастіономъ нашего могущества на Востокѣ, и съ этой точки зрѣнія, основанной на моемъ искреннемъ и глубокомъ убѣжденіи, я смотрю на это дѣло, долженствующее прославить царствованіе Вашего Императорскаго Величества".

„Я снова долженъ предупредить Ваше Величество, что наше положеніе въ краѣ не таково, какъ въ началѣ прошлой войны. Въ то время мы твердою ногою стояли въ странѣ, опираясь на наши старыя линіи; привычка къ этому самого непріятеля обезпечивала намъ господство въ краѣ; тогда какъ теперь, послѣ сдѣланныхъ нами рѣшительныхъ шаговъ, при-

ведшихъ насъ къ самому сердцу горъ, Вы знаете, Государь, сколько намъ предстоитъ впереди, чтобы достичь утвержденія нашего господства здѣсь и притомъ съ незначительными силами".

„Во всѣхъ своихъ дѣйствіяхъ и соображеніяхъ я до сихъ поръ руководствовался идеею, удостоившеюся одобренія и Вашего Величества: оставить несостоятельную систему частныхъ экспедицій, вести *постоянную* наступательную войну, предѣлъ которой положила бы только полная побѣда и окончательное завоеваніе всего края; эту войну нельзя прекратить по своему желанію, точно также, какъ нельзя препятствовать непріятельскимъ вторженіямъ, когда руки связаны внѣшней войной. Въ такихъ случаяхъ не задумываются надъ милліонными расходами, и жертва эта часто приносится только для того, чтобы охранить цѣлость естественныхъ границъ страны, тогда какъ теперь намъ остается только завершить завоеваніе, большая часть котораго уже совершена. Настало время оправдать всѣ жертвы, принесенныя Россіею за послѣднее полстолѣтіе; все это потребуетъ только сравнительно-незначительныхъ расходовъ и нѣкотораго увеличенія численности войскъ, а въ замѣнъ дастъ намъ новые источники обогащенія Россіи и первенствующее положеніе въ Азіи".

„Сообразуясь съ ходомъ политики, становится болѣе чѣмъ вѣроятно, да и ваше Величество также понимаете это, что Востокъ въ скоромъ времени станетъ театромъ, на которомъ будутъ окончательно рѣшаться великіе спорные вопросы, и если къ тому времени Кавказъ не будетъ совершенно покоренъ, а стало быть наши мосты, укрѣпленія и дороги не будутъ окончены, то мы не посмѣемъ располагать ни однимъ человѣкомъ изо всей этой славной арміи, чтобы перейти границу".

До какой степени князь Барятинскій предусматривалъ грядущія событія, можно видѣть, какъ изъ разсказанныхъ уже мною неоднократныхъ упоминаній его о Закаспійскомъ краѣ, такъ и изъ вышеприведенныхъ словъ. Еще 16 Февраля 1857 года, описывая дѣла Армянской церкви и ея значеніе въ дѣлахъ Востока, онъ прибавилъ: „Предложенныя

мною мѣры, въ случаѣ войны, будутъ имѣть неоспоримые шансы для успѣха. Каспійское море—базисъ военныхъ дѣйствій—въ настоящее время недоступный непріятельскому нападенію, ближе къ театру войны, чѣмъ тѣ пункты, которые могли бы служить Англичанамъ базою. Каспій далъ бы намъ возможность вторгнуться съ оружіемъ въ рукахъ въ Среднюю Азію. Слѣдовательно, надо было бы лишь увеличить въ весьма значительной степени наши морскія и рѣчныя силы и сосредоточить на Волгѣ — въ видѣ резерва — достаточно войскъ и снарядовъ для уравновѣшенія съ силами, которыя непріятель можетъ намъ противуставить. Мнѣ кажется, что слѣдовало бы вступить въ дипломатическія сношенія съ владѣтелями центральной Азіи, особенно съ Бухарскимъ, который впослѣдствіи можетъ быть намъ очень полезенъ. Теперь только настало время для Россіи сторицею вернуть все потерянное нами въ послѣднюю войну и нанести смертельный ударъ Англіи, которая неминуемо должна истощиться въ этой борьбѣ. Но для этого пришлось бы сосредоточить всѣ наши средства и пожертвовать ими единственно для этой цѣли. *Я не говорю подъ впечатлѣніемъ минуты; я не разъ говорилъ объ этомъ вопросѣ, ставшемъ теперь на положительную почву*"...

Если бы возможно было опубликовать всѣ документы, то нагляднѣйшимъ образомъ была бы доказана вся ширь и положительность государственнаго взгляда покойнаго фельдмаршала на политику въ Восточномъ вопросѣ, впрочемъ, не только на нее, но и на многое другое...

Кто знакомъ съ обстоятельствами войны 1877—1878 г. и вспомнитъ, между прочимъ, происходившее тогда въ Средней Азіи, тотъ согласится, что осуществленіе мыслей князя Барятинскаго до 1877 г., а не послѣ печальной памяти Берлинскаго конгресса, дало бы совершенно другой оборотъ событіямъ. Всѣ указанія на финансовое положеніе государства, на невозможность нести большія матеріальныя затраты, вовлекаться въ предпріятія, повидимому, не имѣющія подъ собою твердой почвы, приписываемыя даже личнымъ честолюбивымъ побужденіямъ, въ сущности не выдерживаютъ критики: сами событія это доказали, и финансы ихъ не задерживали, и за-

нія физическія, не менѣе мучительныя нравственныя. 21 Февраля 1861 г. изъ Тифлиса онъ писалъ Государю:

„Ваше Величество! Съ глубокою печалью я долженъ сообщить Вамъ сегодня о плачевномъ состояніи моего здоровья. Всѣ усилія, которыя я употреблялъ въ теченіе нѣсколькихъ лѣтъ, дабы поддержать его расшатанныя основы, ни къ чему не повели. Я долженъ былъ принимать сильныя средства, чтобы быть въ состояніи совершить походъ и обѣ мои поѣздки въ Петербургъ въ 1859 году; но онѣ-то меня и сломили. Я совершенно потерялъ способность владѣть лѣвой ногой, и постоянныя боли, испытываемыя мною, въ особенности по начамъ, которыя я провожу безъ сна, истощили все мое терпѣніе. Единственная остающаяся мнѣ надежда— удалившись отъ дѣлъ на четыре или шесть мѣсяцевъ, отдохнуть и полѣчиться по системѣ Шрота въ Силезіи; это лѣченіе прежде принесло мнѣ большую пользу, и я ему вполнѣ довѣряю. Въ этой знакомой мнѣ странѣ, я буду вдали отъ свѣта и отъ всѣхъ тревогъ, имѣющихъ великое вліяніе, въ особенности въ настоящее время, на мой изнуренный организмъ; если это лѣченіе не будетъ достаточнымъ, то я отправлюсь въ Швейцарію, гдѣ буду лѣчиться виноградомъ. Только послѣ всего этого, я рѣшусь вновь отдаться въ руки докторовъ, къ которымъ, какъ вы знаете, я питаю рѣшительное отвращеніе. Я слишкомъ много страдалъ отъ этихъ господъ въ первые годы моей молодости и, стало быть, имѣю основаніе бояться ихъ больше чумы. Въ тотъ день, когда я увижу хоть одного изъ нихъ у себя, я буду увѣренъ, что мой послѣдній часъ пробилъ, такъ какъ они всѣ ни болѣе ни менѣе какъ патентованные убійцы, не подвергающіеся никакой отвѣтственности. Такъ или иначе, я обѣщаю вамъ посовѣтоваться съ ними за границею, но не позволю имъ пичкать меня лѣкарствами“.

„Самое большое мое несчастье, заставляющее меня испытывать страданія сильнѣе физическихъ, это чувствовать себя вынужденнымъ къ бездѣятельности въ такое время, когда Вы болѣе всего, быть можетъ, нуждаетесь во мнѣ. Жду съ нетерпѣніемъ Вашего отвѣта, чтобы отправиться, какъ только буду въ состояніи, въ дорогу; я хотѣлъ бы не терять вре-

выигранныхъ сраженіяхъ и не увлекается, какъ нѣкогда, славою военныхъ дѣлъ, а судитъ правителей по ихъ дѣяніямъ законодательнымъ и административнымъ. Очень быть можетъ, господа военные не придадутъ настоящему обстоятельству (рѣчь идетъ о положеніи для управленія Мингреліею) столько важности, сколько люди гражданскіе; но не военные вѣдь будутъ писать исторію управленія Кавказомъ". Тѣже мысли проводились и въ письмѣ другаго, высшаго лица, ставившаго роль скромнаго губернатора выше блестящаго главнокомандующаго. Все это прекрасно въ теоріи; но ходъ событій говоритъ другое. Освободите государство отъ необходимости въ арміяхъ, главнокомандующихъ отъ предпріятій, въ которыхъ побѣды или пораженія на поляхъ сраженій суть главнѣйшіе рѣшающіе факторы, и тогда, конечно, настанетъ золотой вѣкъ исключительнаго царствованія мирныхъ, гражданскихъ дѣяній, и исторія займется единственно повѣствованіемъ объ нихъ. Чтó помогли бы самые лучшіе законы, самыя удачныя административныя мѣры, напримѣръ, за Кавказомъ, если бы окружающій хищный, мусульманскій міръ не былъ сломленъ? Какія мирныя дѣянія могли отвратить насъ отъ роковой необходимости двигаться въ Среднюю Азію? Разъ мы это сдѣлали, какими законами или администраціею предотвратили бы мы экспедицію Скобелева въ Ахалъ-Теке и т. д.? А весь, стоящій предъ нами, во всеоружіи колоссальныхъ политическихъ осложненій, восточный вопросъ, разрѣшится онъ мирными, культурными дѣяніями, безъ „крови и желѣза"? Гдѣ въ исторіи примѣры подобныхъ рѣшеній? Ихъ нѣтъ; и потому мы еще долго будемъ нуждаться въ людяхъ, подобныхъ князю Барятинскому. Далъ бы только Богъ, чтобы ихъ было по больше!—Вмѣстѣ съ тѣмъ, неоспоримо, нужны и тѣ мирные гражданскіе дѣятели, которые на почвѣ мудраго законодательства и разумной администраціи ведутъ государство по пути развитія народнаго просвѣщенія и благосостоянія (къ чему и князь Барятинскій вовсе не относился съ равнодушіемъ), и ихъ слава на страницахъ исторіи должна сіять полнымъ блескомъ. Suum cuique.

Все это не ново; но тѣмъ не менѣе приходится повторять...

ПРИЛОЖЕНІЕ.

Письма А. В. Головнина.

1.

Рязанская губ., село Гулынки, 1 Іюля 1860 г.

Здѣсь, во владѣніи мнѣ принадлежащемъ, я имѣлъ честь получить ваше письмо на счетъ Тифлисскаго банка. Примите мою искреннюю благодарность за ту благосклонность, которою вы меня удостоиваете. Я былъ очень счастливъ видѣть высокое мнѣніе ваше по отношенію къ Харитонову, одному изъ моихъ „дѣдовъ" Царскосельскаго Лицея. Я не сомнѣваюсь, что онъ, руководимый вами, успѣетъ въ томъ великомъ дѣлѣ, которое ему довѣрено. Что касается до прежнихъ компаніоновъ Штиглица, я сомнѣваюсь, чтобы они могли вамъ быть полезны, такъ какъ, со времени назначенія Штиглица въ управленіе Государственнымъ Банкомъ, вѣроятно онъ ихъ пригласитъ быть его помощниками въ своей новой должности.

Я пріѣхалъ сюда на нѣсколько недѣль сдѣлать распоряженія, необходимыя въ виду освобожденія крѣпостныхъ. Никогда я не былъ такъ тронутъ необходимостью этой мѣры. Крестьяне, хотя и спокойны, ожидаютъ ее съ нетерпѣніемъ; но они перестали возить навозъ на свои поля, не зная навѣрное, кому эти поля будутъ принадлежать. Если это будетъ такъ продолжаться, у насъ настанутъ неурожаи, также умышленно подготовленные, какъ это было 18 лѣтъ тому назадъ, во время полюбовнаго межеванія чрезполосныхъ земель. Господа не смѣютъ предпринимать никакихъ мѣръ улучшенія въ своихъ имѣніяхъ, не смѣютъ производить никакого употребленія изъ капитала, находясь въ невѣдѣніи относительно того, что́ ихъ ожидаетъ. Полный застой въ экономическихъ дѣлахъ и видъ этого громаднаго количества господскихъ земель долженъ дѣйствовать на всю Имперію и остановить развитіе ея денежныхъ средствъ. Страна не благоденствуетъ, какъ она должна была бы благоденствовать въ дни внѣшняго мира и внутренняго спокойствія. Я нашелъ громадную разницу между старыми крестьянами, которые, по моему мнѣнію, могли бы, въ силу привычки, окончить свои преклонные дни въ крѣпостномъ состояніи, и между молодыми, для которыхъ это было бы совершенно невозможно. Но старые съ каждымъ днемъ уменьшаются, а число молодыхъ увеличивается; правительству и господамъ съ этимъ-то молодымъ поколѣніемъ и придется имѣть дѣло.

Прошу у васъ извиненія за чрезмѣрную длинноту этого письма. Я думалъ, что могу долго говорить съ вами объ освобожденіи крестьянъ, прекрасной мѣрѣ, которая пойдетъ въ исторіи рядомъ съ покореніемъ Кавказа и покроетъ славою настоящее царствованіе. Разница между этими двумя историческими событіями состоитъ въ томъ, что одно уже свершилось, а другое находится еще на пути къ исполненію.

Такимъ образомъ, съ осени 1860 года въ Закубанскомъ краѣ начались наступательныя дѣйствія, съ тою усиленною энергіею и настойчивостью, которыя были свойственны графу Евдокимову и уже достаточно проявились въ блистательныхъ результатахъ на Восточномъ Кавказѣ.

Одною изъ важнѣйшихъ мѣръ, какъ уже сказано, было отправленіе на Правое крыло изъ Дагестана, Лѣваго крыла и Закавказья подкрѣпленія въ составѣ 12 батальоновъ, 12 эскадроновъ и двухъ батарей. Между тѣмъ, заготовленное за Кубанью количество провіанта и фуража не могло быть достаточнымъ для такой новой массы войска, а позднее время года уже не давало возможности доставить припасы посредствомъ подрядовъ или закупокъ въ Русскихъ губерніяхъ. Возникалъ, такимъ образомъ, трудно разрѣшимый вопросъ, тѣмъ болѣе, что отсутствіе благоустроенныхъ путей сообщенія, особенно осенью, не допускало даже мысли о подвозкѣ провіанта изъ другихъ отдаленныхъ отъ предстоявшаго театра дѣйствій магазиновъ. Бывшій тогда Кавказскій генералъ-интендантъ Колосовскій нашелъ выходъ изъ этого затруднительнаго положенія: онъ предложилъ забрать хлѣбъ изъ всѣхъ запасныхъ магазиновъ въ Прикубанскихъ казачьихъ станицахъ, выдавъ имъ взамѣнъ деньги для постепеннаго пріобрѣтенія зерна изъ дальнихъ селъ Ставропольской губерніи. Фельдмаршалъ одобрилъ это предположеніе, были сдѣланы соотвѣтствующія распоряженія, и прибывшія на Правое крыло войска не встрѣтили задержекъ въ снабженіи продовольствіемъ.

По возвращеніи изъ Владикавказа въ Тифлисъ, князь получилъ отъ Государя письмо, съ выраженіемъ неудовольствія за представленную смѣту расходовъ, значительно увеличенныхъ противу предшествовавшаго года. Отвѣтъ князя Барятинскаго, отъ 18 Декабря 1860 года, приводится здѣсь вполнѣ: считаю это необходимымъ въ виду тѣхъ настойчивыхъ упрековъ, которымъ подвергался князь за широкіе расходы казенныхъ денегъ, безъ соображенія съ общимъ финансовымъ положеніемъ государства.

„Письмо Вашего Величества отъ 11-го Ноября повергло меня въ глубокую печаль выраженнымъ въ немъ Вашимъ

неудовольствіемъ по поводу представленной мною смѣты на будущій годъ. Я принужденъ почтительнѣйше просить Ваше Величество пожертвовать минутою вниманія къ изложенію этого дѣла, которое я беру на себя смѣлость представить Вамъ въ общихъ чертахъ, чтобы Вы могли убѣдиться въ независимости отъ меня причинъ, вынуждавшихъ этотъ излишекъ въ расходахъ. Дороговизна хлѣба во всей Россіи въ продолженіе послѣднихъ четырехъ лѣтъ постепенно увеличивала бюджетъ арміи. Пудъ муки стоитъ 1 рублемъ 25 копѣйками дороже прежняго, а войска потребляютъ 1,600,000 четвертей въ годъ; это вмѣстѣ съ *категорическимъ довольствіемъ* [1]), пожалованнымъ Вашимъ Величествомъ, увеличило нашъ расходъ на 2,800,000 рубл. сравнительно съ прежнимъ".

„Я въ скоромъ времени отправлю генералъ-интенданта арміи къ военному министру для подробнаго разъясненія всего дѣла. Если Ваше Величество удостоите разсмотрѣть остальную часть бюджета, имѣющаго отношеніе къ нашимъ дѣйствіямъ въ будущемъ году, то убѣдитесь, что это издержки совсѣмъ другаго рода, чѣмъ прошлогоднія. Онѣ временны и предназначены къ упроченію завоеванія края; эта денежная жертва, разъ принесенная, не должна будетъ повторяться. Слѣдуетъ смотрѣть на нее, какъ на неизбѣжное слѣдствіе прошлогодней кампаніи, издержки на которую она заключитъ въ себѣ".

„Еслибы принесеніе этой денежной жертвы было признано невозможнымъ, то мы были бы вынуждены испытать всѣ невыгоды, вытекающія изъ пренебреженія побѣдой и тѣми преимуществами, которыя она даетъ".

„Прошлая война [2]) доставила намъ печальный примѣръ послѣдствій такого завоеванія, когда, благодаря недостатку путей сообщенія, войска наши принуждены были быстро очистить побережье Чернаго моря, гдѣ мы и до сихъ поръ не успѣли утвердить наше вліяніе. Смѣю увѣрить, что только мѣры, предлагаемыя мною въ этомъ письмѣ, правда, стóящія

---

[1]) Довольствіе мясомъ и водкой, названное категорическимъ по нѣсколькимъ категоріямъ, на которыя были раздѣлены войска.

[2]) То-есть Крымская.

казаковъ. Поэтому, я въ особенности почелъ долгомъ слить ихъ въ одно, по возможности скорѣе, съ прекраснымъ нашимъ казачьимъ Русскимъ элементомъ на Кавказѣ. Я, конечно, предвидѣлъ, что найду противодѣйствіе единственно въ панахъ; но пугаться было нечего, и давать теперь послабленіе—значило бы только укрѣпить этотъ враждебный элементъ. Поэтому, я убѣдительно прошу васъ испросить себѣ Высочайшее разрѣшеніе написать секретно графу Евдокимову, чтобы онъ сдѣлалъ строжайшее дознаніе зачинщикамъ и сочинителямъ просьбъ и дозволить ему ссылать ихъ тотчасъ же, по мѣрѣ открытія, административнымъ порядкомъ на неопредѣленное время внутрь Россіи, по предварительному вашему назначенію. Для устраненія ихъ отъ всякаго вреднаго вліянія во время предстоящаго преобразованія, должно бы содержать ихъ тамъ подъ строжайшимъ надзоромъ полиціи. Натурально, что эта мѣра должна быть временною и равно касаться и 1-го Хоперскаго полка. Если же между зачинщиками найдутся такіе люди, которые слишкомъ ясно уличены будутъ въ подстрекательствѣ и незаконныхъ дѣйствіяхъ, то для примѣра предать ихъ тотчасъ же суду, поступивъ съ ними по всей строгости законовъ. Вообще, на это дѣло не должно смотрѣть равнодушно, особенно въ теперешнее безпокойное время, и надо его кончить какъ можно скорѣе. Я полагалъ бы также необходимымъ вызвать тотчасъ же, подъ предлогомъ объясненія, въ Петербургъ генерала Кухаренко и удалить его также на нѣкоторое время отъ вліянія на своихъ соотечественниковъ. Онъ и Порохня кажутся весьма безпокойными людьми, домогающимися посредствомъ домашнихъ интригъ и постороннихъ протекцій достиженія своихъ видовъ. Я знаю навѣрное, что Кухаренко старается быть атаманомъ; онъ составилъ сильную партію на Кавказѣ, на Дону и въ Петербургѣ, убѣждающую въ необходимости назначенія отдѣльнаго лица для управленія Черноморцами, видимо для усложненія препятствій къ желаемому нами соединенію двухъ войскъ. Я полагалъ бы въ теперешнемъ положеніи дѣла согласиться на назначеніе атаманомъ Кубанскаго войска особеннаго лица, вмѣсто графа Евдокимова, который не имѣетъ времени исключительно

заняться казаками. Я нахожу всего лучше, если Государю Императору угодно будетъ, для избѣжанія издержекъ казны, назначить атаманомъ помощника командующаго войсками Кубанской области. Такимъ образомъ всякія претензіи на это мѣсто рушатся; генералъ Ивановъ исключительно можетъ заняться этимъ дѣломъ, и мысль о сліяніи войска останется ненарушимою".

Въ Германіи, передавъ себя въ руки столь противныхъ ему докторовъ, князь Барятинскій не переставалъ однако заботиться о ходѣ важнѣйшихъ дѣлъ на Кавказѣ. Изъ переписки его съ Государемъ, генераломъ Карцевымъ и другими лицами видно, что всѣ главнѣйшія дѣйствія 1861 и 1862 годовъ происходили по его мысли и указаніямъ.

Не ускользали отъ его вниманія и общія государственныя дѣла, особенно въ связи съ начавшимися тогда безпорядками въ Польшѣ. Воспользовавшись нѣсколькими днями улучшеннаго здоровья, князь Александръ Ивановичъ въ Іюлѣ 1861 года ѣздилъ въ Петербургъ и изложилъ Государю свои взгляды на положеніе политическихъ дѣлъ въ Европѣ и на нѣкоторыя мѣры, которыя онъ считалъ полезными въ интересахъ Россіи. Затѣмъ онъ возвратился въ Дрезденъ продолжать лѣченіе. Привожу здѣсь три письма его къ Государю изъ Дрездена.

29 Августа (10 Сентября) 1861 года.

„По моему разсчету Вы получите это письмо въ то время, когда ступите ногою на Кавказскую землю".

„Позвольте мнѣ присоединить и мой радостный голосъ къ шумнымъ и горячимъ привѣтствіямъ, несущимся къ Вамъ на встрѣчу. У меня сжимается сердце при мысли, что въ эту дорогую для меня торжественную минуту, я далеко отъ Васъ, вмѣсто того, чтобы въ избыткѣ счастья выйдти къ Вамъ на встрѣчу. Вы легко поймете, какія чувства я теперь переживаю здѣсь, въ Дрезденѣ. Завтра, въ день Вашего тезоименитства, я вознесу къ Небу мои горячія молитвы. Мнѣ грустно, что въ этотъ великій день я не буду на Кавказѣ, гдѣ я такъ любилъ чествовать его въ кругу своихъ.

Адъютантъ Вашего Величества князь Мирскій *) возвращается на Кавказъ, чтобы принять участіе въ этомъ достопамятномъ событіи; пользуясь его отъѣздомъ, я пишу Вамъ".

„Дѣло Кубанскихъ казаковъ, какъ меня увѣдомили, кажется, совершенно улеглось. До меня дошли слухи, что оказанная Вами имъ милость возбудила нѣкоторую зависть въ Терскихъ, Азовскихъ и Донскихъ казакахъ. Строго говоря, они столько же, если не болѣе, помогали намъ въ Кавказской войнѣ, и было бы справедливѣе распространить даваемыя льготы и на нихъ при колонизаціи Закубанскаго предгорья, съ тѣмъ чтобы дѣйствіе этой милости остановить, когда Вамъ будетъ угодно; ибо мы должны имѣть въ виду, что настанетъ день, когда земель не достанетъ. Тѣмъ не менѣе до того времени мы успѣемъ усилить военную колонизацію, такъ какъ это представляется крайне-необходимымъ для окончательнаго успѣха покоренія Праваго крыла. Я только что написалъ обо всемъ этомъ генералу Милютину, приглашая его повергнуть это предложеніе на Ваше усмотрѣніе, пока Вы находитесь еще вблизи казаковъ. Я не сомнѣваюсь, что они примутъ эту монаршую милость съ полною признательностью".

„Возвратясь въ Германію, я могъ провести паралель между впечатлѣніями минувшими и настоящими, и въ этомъ сравненіи я нашелъ новые поводы, чтобы остаться при тѣхъ мысляхъ, которыя я позволилъ себѣ повергнуть на Ваше усмотрѣніе. Въ скоромъ времени я напишу Вамъ объ этомъ, и письмо будетъ Вамъ доставлено однимъ изъ моихъ племянниковъ, Орловымъ-Давыдовымъ. Они оба возвращаются къ князю Орбеліану, такъ какъ я не хочу лишать ихъ счастія имѣть возможность раздѣлить всеобщую радость. Я буду здѣсь ожидать извѣстій о Вашемъ пребываніи на Кавказѣ. Г-нъ Новосельскій обѣщалъ мнѣ пріѣхать прямо изъ Поти въ Дрезденъ, и не могу Вамъ выразить, съ какимъ нетерпѣніемъ я его ожидаю".

*

*) Князь Николай Ивановичъ Мирскій, нынѣ атаманъ Донскаго войска.

3 (15) Сентября 1861 г.

„Съ чувствомъ глубокаго нетерпѣнія я ожидаю извѣстій о Вашемъ пребываніи на Кавказѣ. Молю Бога, чтобы переживаемыя Вами впечатлѣнія вознаградили Васъ за всѣ понесенныя въ теченіе столь долгаго времени заботы“.

„Получивъ изъ Николаева телеграмму Вашего Величества, я съ радостію вижу, что до сихъ поръ Вы изволите быть совершенно довольны Вашимъ пребываніемъ на Кавказѣ, и горячо желаю счастливаго окончанія Вашего дальнѣйшаго тамъ путешествія“.

„Дѣла Польши находятся, къ несчастью, далеко не въ удовлетворительномъ состояніи. Позвольте мнѣ повторить Вамъ въ нѣсколькихъ словахъ тѣ соображенія, которыя я имѣлъ уже счастіе высказать Вамъ лично въ Петергофѣ. Возвратясь въ Германію, я послѣ всего, что̀ видѣлъ и слышалъ, перебралъ свои взгляды и нашелъ въ нихъ нѣкоторыя измѣненія, которыя и считаю своею обязанностью повергнуть на Ваше усмотрѣніе. Я тѣмъ болѣе чувствую желаніе сдѣлать это, что Ваше Величество изволили меня спросить, какимъ образомъ мысль, разъ уже принятую, я думалъ бы привести въ исполненіе“...

Далѣе слѣдуютъ основанія, на которыхъ князь Барятинскій основывалъ свои предположенія къ лучшему устройству дѣлъ въ Польшѣ.

*

10 Октября 1861 г.

„Я ожидалъ Вашего возвращенія, чтобы поблагодарить васъ за милостивое письмо, доставленное мнѣ Новосельскимъ“.

„Дѣловыя бумаги, которыя я долженъ былъ въ тоже время отослать при вѣрномъ случаѣ въ Петербургъ, задержали отправку курьера, что̀ причинило мнѣ большое огорченіе, такъ какъ я горю нетерпѣніемъ повергнуть къ стопамъ Вашего Величества мою признательность, радость и счастіе, однимъ словомъ все, чѣмъ полно мое сердце. Полученные мною цѣлые томы заключаютъ въ себѣ самое точное описаніе Вашего пребыванія на Кавказѣ, и мнѣ извѣстны теперь всѣ его мельчайшія подробности. Вы легко себѣ представите, Государь, какое живое волненіе я пережилъ при этомъ чте-

ніи. Позвольте мнѣ сослаться на одну фразу князя Орбеліана, характеризующую произведенное Вами на армію впечатлѣніе. Эта фраза показываетъ то довѣріе, съ какимъ войска отнеслись къ Вашему чувству, что́ по моему мнѣнію составляетъ лучшій залогъ истинной преданности. „Можно сказать съ увѣренностью, пишетъ князь Орбельянъ, что Государь, остался на столько же очарованнымъ своимъ путешествіемъ по Кубанской области, на сколько онъ очаровалъ своимъ присутствіемъ и словами Кавказскую армію“. Ни у кого нѣтъ этой способности быть до такой степени ласковымъ и такъ умѣть сердечно говорить съ людьми, какъ у Васъ; офицеры, солдаты, казаки и все Грузинское дворянство до сихъ поръ остаются въ восторгѣ отъ всего, что́ вы имъ говорили; ваши слова проникли имъ въ сердце и, однимъ словомъ, результатъ путешествія и вашего появленія въ этой странѣ, среди доблестнаго войска, положительно неизмѣримъ; тамъ не знаютъ какъ благословлять Небо, пославшее Вамъ эту мысль“.

„Позвольте мнѣ поблагодарить Васъ также за всѣ щедророзданныя Вами милости и отличія; вѣрьте, Государь, что никто не принималъ ихъ какъ награду за свои заслуги, а каждый видѣлъ только въ этомъ доброту Вашего Величества. Въ довершеніе всѣхъ Вашихъ благодѣяній ко мнѣ Вы изволили пить за мое здоровье; я никогда не буду въ состояніи высказать всего, что́ я перечувствовалъ, когда узналъ объ этой высокой милости. Меня огорчало одно, что я не могъ присутствовать при Вашемъ торжествѣ, и я утѣшусь только въ тотъ день, когда буду имѣть счастіе видѣть Вашъ слѣдующій пріѣздъ на Кавказъ вмѣстѣ съ Государыней. Я хотѣлъ бы какъ можно скорѣе выздоровѣть, такъ какъ мое нетерпѣніе вернуться на Кавказъ становится непреодолимымъ и, судя потому, что́ до меня доходитъ, я вижу, какъ мнѣ необходимо, во что бы то ни стало, быть тамъ къ будущей веснѣ. Хотя лучшаго замѣстителя на время моего отсутствія, какъ князь Григорій Орбеліанъ, я не могъ бы желать; но такое положеніе вещей не можетъ долго продолжаться, такъ какъ многіе надѣются и желаютъ замѣстить меня, а это обстоятельство можетъ породить безпорядки въ дѣлахъ. Му-

равьевъ - Амурскій, какъ говорятъ, имѣетъ болѣе всѣхъ правъ на это мѣсто; но смѣю просить Ваше Величество, на случай, если бы вы не пожелали оставить меня, постараться выбрать личность, хотя, быть можетъ и менѣе просвѣщенную, но за то болѣе преданную: это послѣднее качество есть и будетъ всегда главнымъ и наиболѣе необходимымъ для Вашего представителя на Кавказѣ".

„Мое здоровье замѣтно поправляется, благодаря дѣйствительно трогательнымъ заботамъ г-на Вальтера; я слѣдую всѣмъ его предписаніямъ, хотя подчасъ они очень тяжелы для меня. Онъ заставилъ меня отказаться отъ моей поѣздки на берега Нила, говоря, что это путешествіе въ настоящемъ году представляется вреднымъ, а совѣтуетъ мнѣ проѣхаться по морю на Азорскіе и Канарскіе острова и возвратиться весною черезъ Гибралтаръ и Средиземное море. Благодаря этому, онъ думаетъ, возвратятся ко мнѣ сонъ и аппетитъ, единственныя вещи, которыхъ я въ настоящее время лишенъ. Можетъ быть, полнѣйшій отдыхъ отъ дѣлъ, перемѣна мѣста и качка волнъ отгонятъ безсонницу, приводящую меня въ невыносимое раздраженіе. Моя нога совершенно ожила; боль незначительна, но слабость большая".

„Я очень радъ, что Ваше Величество вполнѣ одобряете предложенную Евдокимовымъ систему для окончательнаго умиротворенія Западнаго Кавказа. Я рѣшительно надѣюсь, что умиротвореніе Лѣваго крыла совершенно закончено; тѣмъ не менѣе, если когда нибудь Чеченцы вздумаютъ возстать, то, по моему мнѣнію, тутъ никакого несчастья для насъ не будетъ; мы можемъ приняться тамъ за туже систему колонизаціи казаками, и это обстоятельство навѣрное послужитъ къ полнѣйшему успѣху. Я Вамъ говорю объ этой случайности не потому, чтобы я ее предвидѣлъ; но, зная буйный, лѣнивый, воинственный и фанатичный характеръ Чеченцевъ, необходимо всегда быть готовымъ къ встрѣчѣ непредвидѣнныхъ случайностей".

„Прежде чѣмъ окончить это письмо, я долженъ еще разъ обратить Ваше особенное вниманіе на два важныхъ пункта, крайне-необходимыхъ для нашего первенства на Востокѣ и для развитія нашихъ средствъ на Кавказѣ. Я подразумѣваю

здѣсь установленіе навигаціи на Каспійскомъ морѣ и постройку желѣзной дороги между этимъ моремъ и Чернымъ. Вотъ краеугольные камни зданія цивилизаціи, которая вполнѣ оправдаетъ какъ Ваши, Государь, усилія, такъ и усилія всѣхъ Вашихъ предшественниковъ".

„Еще разъ усиленно и почтительно прошу Ваше Величество, если понадобится, то идти на перекоръ всѣмъ и не переставать покровительствовать этимъ двумъ задачамъ, выполненіе которыхъ необходимо для совершеннаго успѣха. Въ настоящее время я составляю представленіе въ Кавказскій Комитетъ, испрашивая для компаніи Новосельскаго „Кавказъ и Меркурій" денежное пособіе; было бы очень досадно дать ей упасть вслѣдствіе отсутствія средствъ. Желѣзныя дороги въ Россіи были въ томъ же положеніи, но тутъ не колебались придти къ нимъ на помощь".

ПРИЛОЖЕНІЕ.

Письма князя А. И. Барятинскаго къ военному министру Д. А. Милютину.

1.

Дрезденъ, 1861 года 24 Октября (5 Ноября).

Я имѣлъ удовольствіе, многоуважаемый Дмитрій Алексѣевичъ, получить письмо ваше съ препровожденіемъ весьма интереснаго журнала Шамиля и записки Франкини о Магометъ-Эминѣ *). Начну съ перваго. Я не перестаю думать, что по преданности Шамиля Государю и по новому воззрѣнію его на Россію и на всѣ выгоды Европейскаго просвѣщенія, которыя, какъ замѣтно, производятъ на него глубокое впечатлѣніе, можно бы извлечь изъ него пользу относительно поощренія Кавказскаго переселенія. Если бы ловкими дипломатическими дѣйствіями внушить мысль султану дать Шамилю въ своемъ владѣніи пустопорожнія земли для колонизаціи Кавказскихъ выходцевъ, и вмѣстѣ съ тѣмъ, при отпускѣ Шамиля, обязать его словомъ помогать, а не вредить власти Государевой на Кавказѣ, то я почти увѣренъ, что онъ всѣми мѣрами будетъ стараться исполнить обѣщанія и затѣмъ съ радостію устроитъ Крымскихъ и Кавказскихъ переселенцевъ въ

---

*) Журналъ Шамиля—это, сколько мнѣ помнится, нѣчто въ родѣ дневника, веденнаго приставомъ при Шамилѣ, капитаномъ Руновскимъ. Къ сожалѣнію, въ архивѣ князя Барятинскаго я не нашелъ этого журнала. А. З.

Анатоліи или т. п. Онъ непремѣнно съумѣетъ привлечь къ себѣ большое переселеніе. Исполненіе этой мысли имѣло бы тройную или четверную цѣль: во 1-хъ, избавить Кавказское плоскогоріе отъ населенія, всегда враждебнаго, и открыть этимъ самымъ прекрасныя и плодородныя мѣста для нашего казачьяго поселенія; во 2-хъ, дать самимъ выходцамъ лучшее положеніе, обезпечивъ ихъ будущность, чего они теперь не имѣютъ, ибо по мѣрѣ прибытія въ Турцію ихъ оставляли на произволъ судьбы (съ Шамилемъ этого не случится; имъ будетъ куда пристать и кому повиноваться, а онъ, изъ привычки къ дѣлу и по воспоминанію о своей 30 лѣтней власти, съумѣетъ и тамъ пріучить ихъ къ повиновенію и порядку); въ 3-хъ, это устроитъ судьбу и займетъ самого Шамиля, которому пока уже обѣщано будущее пребываніе въ Меккѣ; и наконецъ, въ 4-хъ, въ обще-человѣческихъ видахъ прогресса, мы дадимъ прекрасное и сильное населеніе пустыннымъ странамъ. Я передаю вамъ эту мысль въ самомъ зародышѣ и, слѣдовательно, недостаточно зрѣлую.

Доложите это воззрѣніе Государю Императору и переговорите съ княземъ Горчаковымъ; можетъ быть, онъ найдетъ возможнымъ снестись объ этомъ съ княземъ Лобановымъ.

Перейдемъ теперь къ Магометъ-Эмину, которымъ я вовсе не дорожу. Плохое его положеніе между Абадзехами заставило его тогда передаться намъ; онъ давно уже, по моему мнѣнію, отжилъ свой вѣкъ между Черкесами и невозвратно утратилъ свое значеніе между ними. Но желательно было бы на счетъ этого имѣть мнѣніе графа Николая Ивановича (Евдокимова), такъ какъ онъ воюетъ въ этомъ краѣ, гдѣ мы опасаемся вліянія Магометъ-Эмина; онъ лучше всякаго другаго можетъ подать въ этомъ дѣлѣ голосъ.

2.

2 Февраля 1862 года.

Какъ вамъ, можетъ быть, уже извѣстно, вмѣсто путешествія моего на Тенерифъ, я отправился прямо въ Испанію, гдѣ нахожусь уже болѣе двухъ мѣсяцевъ съ половиною, изъ которыхъ половину пролежалъ въ постели. Три первыя недѣли я видимо сталъ поправляться, но около 5 недѣль тому назадъ, мои страданія возвратились съ большею силою и хотя лѣвая нога моя значительно поправилась, такъ что я двигаюсь и могу ходить уже безъ всякой посторонней помощи, но боль раздѣлилась теперь между двумя бедрами и иногда дѣлаетъ буквально мое положеніе невыносимымъ. Я нахожусь безпрестанно въ томъ самомъ положеніи, какъ въ 1859 г. при переправахъ нашихъ въ Тлохъ и т. п., гдѣ, можетъ быть, вы одни могли быть цѣнителемъ и полнымъ свидѣтелемъ моей страдальческой жизни. Возвращаться мнѣ въ Апрѣлѣ мѣсяцѣ на Кавказъ, какъ я располагалъ, было бы безразсуднымъ; а потому, какъ сердцу моему ни тяжело, а совѣсти ни трудно, но я рѣшаюсь въ началѣ Апрѣля новаго стиля предпринять возвратный путь à petites journées чрезъ Марсель и Женеву въ Дрезденъ, чтобы опять посовѣтываться тамъ съ Вальтеромъ и, можетъ быть, предпринять новое лѣченіе будущимъ лѣтомъ.

Не угодно ли вамъ будетъ, любезный и многоуважаемый Дмитрій Алексѣевичъ, повергнуть на Всемилостивѣйшее разрѣшеніе Государя Императора мое предложеніе и увѣдомить меня, не могу ли я предпринять лѣченіе лѣтомъ. Повторяю, мнѣ трудно и жалко разставаться съ Кавказомъ; mais à l'impossible nul n'est tenu.

Я много надѣялся на спокойную зиму, и хотя съ большимъ трудомъ, но успѣлъ совершенно отстранить всякую житейскую суетность: я отсюда не написалъ ни одного письма, жилъ и живу, не обнаруживая своего имени *) и въ особенности своего званія, и этимъ однимъ достигъ я, хотя на слишкомъ малое время, того нравственнаго спокойствія, за которымъ, какъ вы знаете, я такъ жадно и такъ давно гоняюсь, потому что вижу въ томъ sine qua non или лучше сказать единственную основу, если возможно, моего исцѣленія. Страданія мои усилили мою раздражительность до того, что я въ теперешнемъ состояніи здоровья ни на что не гожусь. Затворническая моя жизнь была причиною, что я до сихъ поръ не отвѣчалъ вамъ на любезное ваше письмо, которымъ вы извѣщаете меня о своемъ назначеніи военнымъ министромъ. Я рѣшительно не писалъ никому и этимъ однимъ способомъ достигъ того incognito, котораго домогательство такъ сильно встревожило кн. Горчакова. Не смотря на мое молчаніе, вы однакожъ увѣрены, что день, въ который я узналъ, что Государь имѣетъ васъ своимъ военнымъ министромъ, былъ для меня торжественнымъ. Я знаю вашу привязанность и глубокую преданность къ его особѣ, знаю ваши правила и все то, чѣмъ щедро Богъ васъ наградилъ и что вы посвятите на славу его арміи и царствованія,—могъ ли я не быть въ восторгѣ? Если будете писать, то адресуйте ваши письма ко мнѣ „poste restante" полковнику Зиновьеву, *не приписывая* вовсе моего имени на конвертѣ и считая мое пребываніе, по разсчету новаго стиля, до 15 Марта въ Севильи, а къ 1-му Апрѣля въ Марсели или Женевѣ; я въ этихъ городахъ буду справляться на почтѣ. Прошу васъ, любезный и многоуважаемый Дмитрій Алексѣевичъ, доложить Его Величеству, что, по совѣщаніи моемъ съ д-мъ Вальтеромъ, я буду имѣть честь немедленно писать Его Величеству.

3.

28 Апрѣля 1862. Замокъ Зайнъ, близъ Кобленца.

Въ письмѣ отъ 7-го Апрѣля, которое я имѣлъ честь получить, вы увѣдомляете меня объ отмѣнѣ экспедиціи въ Псху и о томъ, что, вслѣдствіе жалобъ на поведеніе владѣтеля Абхазіи генералъ-адъютанта князя Шервашидзе, Его Императорское Величество не изволилъ дать еще никакихъ повелѣній, желая сперва знать мое по этому предмету мнѣніе.

Такъ какъ экспедиція въ Псху волею Государя Императора уже отмѣнена, то мнѣ остается сообщить вамъ мое мнѣніе только относительно князя Шервашидзе.

---

*) Даже Штакельбергъ (нашъ посолъ во Франціи) не подозрѣваетъ моего пребыванія здѣсь.

1-е. Что онъ взялъ отпускъ въ Константинополь, которымъ въ прочемъ не воспользовался 2). Что онъ не любитъ Колюбакина и сказалъ объ этомъ въ разговорѣ г-ну Зотову. 3) Что онъ просилъ избранія другаго лица для командованія экспедиціею, употребивъ въ письмѣ къ начальнику главнаго штаба несоотвѣтственное выраженіе.

Изъ всѣхъ этихъ вышеупомянутыхъ обвиненій заслуживаетъ, по мнѣнію моему, вниманія только одно его *неловкое* выраженіе. „Предоставляю господину командующему арміею", но оно произошло отъ незнанія Русскаго языка и неумѣнія употребить въ письмѣ болѣе соотвѣтственную фразу (тѣмъ болѣе, что самъ князь Шервашидзе, какъ вамъ извѣстно, писемъ не пишетъ).

Притомъ, принимая въ соображеніе всѣмъ извѣстный гордый и самолюбивый характеръ князя Шервашидзе, 17-ти лѣтнее старшинство въ генералъ-лейтенантскомъ чинѣ, раздраженіе отъ постояннаго подчиненія младшимъ по службѣ, оскорбленіе отъ недостатка къ нему довѣрія, распространеніе обидныхъ для его чести и самолюбія слуховъ, въ особенности при высокомъ и лестномъ званіи имъ носимомъ *), а также перетолковыванія каждаго его дѣйствія въ дурную сторону, я, по внимательномъ прочтеніи копіи съ письма князя Орбеліяна отъ 23-го Марта за № 361, не могу придать словамъ князя Шервашидзе никакого политическаго значенія и скорѣе принимаю ихъ, какъ слѣдствіе мѣстныхъ личныхъ столкновеній, происшедшихъ подъ вліяніемъ разнообразныхъ причинъ.

Вашему превосходительству давно уже извѣстенъ мой образъ дѣйствій относительно владѣтеля Абхазіи, въ дѣлѣ котораго, по моему мнѣнію, могутъ быть только два исхода: или у князя Шервашидзе и его потомства должно отнять владѣнія совсѣмъ (къ чему по настоящее время я не вижу достаточныхъ причинъ, безъ явнаго нарушенія справедливости и достоинства правительства), или-же слѣдуетъ держаться въ отношеніи этого владѣтеля такой системы, чтобы хорошимъ съ нимъ обхожденіемъ приласкать его и заставить быть намъ пожизненно полезнымъ. Мысли мои о будущей судьбѣ Абхазіи извѣстны также и князю Шервашидзе, которому при личныхъ свиданіяхъ я откровенно говорилъ, чтобы онъ, соображаясь съ тѣмъ, приготовлялъ своего сына къ новой будущности; самъ же онъ, чтобы былъ увѣренъ, что до конца жизни своей будетъ пользоваться своими правами и милостями Государя Императора, если только будетъ приносить пользу Русскому правительству.

Таково и въ настоящее время мое мнѣніе. Въ преслѣдованіи князя Шервашидзе я не вижу никакой надобности, а скорѣе вредъ. Вліяніе его въ Абхазіи и на сосѣднія племена, какъ мнѣ извѣстно, еще очень важно, чему лучшимъ доказательствомъ служитъ то, что всю причину неуспѣха послѣдней экспедиціи генерала Колюбакина приписываютъ единственно отсутствію князя Шервашидзе. Поэтому, расположить этого человѣка къ намъ считаю очень полезнымъ, какъ относительно разъ уже принятой еще при моихъ предшественникахъ къ нему системы (хотя въ на-

*) Т. е. генералъ-адъютанта императора Николая. А. З.

стоящее время не много поколебавшейся), такъ и потому, что я остаюсь все-таки при томъ непреклонномъ убѣжденіи, что, повѣривъ ему экспедицію, онъ окажетъ намъ услуги при исполненіи общаго плана покоренія Праваго крыла, когда наступитъ надобность дѣйствовать со стороны Абхазіи. Князь Шервашидзе, если будетъ преданъ нашему дѣлу, можетъ привлечь къ себѣ многихъ самыхъ вліятельныхъ людей изъ сосѣднихъ ему племенъ и тѣмъ облегчить наши сношенія съ народомъ.

Въ началѣ прошлаго года генералъ Колюбакинъ самъ убѣждалъ меня и просилъ поручить командованіе отрядомъ владѣтелю Абхазіи, представляя къ этому очень много уважительныхъ причинъ и находя, что только давъ князю Шервашидзе самостоятельность дѣйствій можно отстранить всѣ тѣ неудобства, какія въ прежнія времена существовали отъ отношеній его къ генералъ-губернатору, при чемъ изъявилъ готовность, въ случаѣ надобности, идти на это время къ князю Шервашидзе въ начальники штаба. Объ этомъ я, въ бытность мою прошлаго года въ Царскомъ Селѣ, имѣлъ счастіе докладывать Государю Императору.

Какъ ни трудно въ настоящее время, при сложившихся между владѣтелемъ Абхазіи и Кутаисскимъ генералъ-губернаторомъ непріятныхъ личныхъ отношеніяхъ, надѣяться на искренную готовность князя Шервашидзе, но я увѣренъ, что, дѣйствуя на его самолюбіе отстраненіемъ оскорбляющихъ и раздражающихъ его достоинство обстоятельствъ, можно достигнуть хорошаго результата, а именно того, что самъ онъ пожелаетъ выказать полную преданность Государю Императору, содѣйствуя вполнѣ своимъ вниманіемъ исполненію въ томъ краѣ Высочайше указанныхъ предположеній, въ чемъ легко будетъ убѣдиться, если не поручать никому другому командованія предполагаемой экспедиціей.

4.

28 Апрѣля (10 Мая) 1862. Замокъ Зайнъ, близъ Кобленца, на Рейнѣ.

Вслѣдствіе письма вашего превосходительства отъ 7-го Апрѣля, въ которомъ вы увѣдомляете меня, что Государю Императору угодно, дабы я далъ безотлагательно отъ себя князю Орбеліяну надлежащія указанія и полномочія какъ относительно возможности приведенія въ исполненіе предполагаемыхъ вами мѣръ, такъ и изысканія другихъ еще способовъ къ возможно - большему уменьшенію расходуемыхъ на Кавказскую армію суммъ, я вмѣстѣ съ симъ пишу князю Орбеліяну употребить всѣ возможныя средства къ удовлетворенію столь важнаго предмета. Я знаю, что государство наше требуетъ нынѣ болѣе, чѣмъ когда-либо, сбереженія казны, и сбереженіе это можетъ быть достигнуто во ввѣренномъ мнѣ краѣ только уменьшеніемъ средствъ строительныхъ какъ деньгами, такъ и людьми. Поэтому мною внушено ограничить эти средства до того предѣла, сколько это возможно, безъ нарушенія порядка и Русской власти. Опредѣлить же крайній размѣръ ограниченія или уменьшенія этихъ средствъ, безъ пред-

варительнаго соглашенія съ командующими войсками, которые суть прямые отвѣтчики за ввѣренныя имъ части края, даже князю Орбеліяну изъ Тифлиса невозможно, а мнѣ (уже болѣе года въ отсутствіи съ Кавказа и не имѣющему подъ рукою ни квартирнаго росписанія войскамъ, ни положительныхъ и подробныхъ свѣдѣній о положеніи и состояніи дѣлъ вообще и о работахъ въ подробности) еще труднѣе дать вамъ какой-либо положительный отвѣтъ.

Желая однако, сколько это мнѣ возможно, исполнить волю Его Величества и содѣйствовать всѣми мѣрами государственной потребности, я, по прочтеніи копіи съ отношенія вашего къ князю Орбеліяну за № 3.057, имѣю честь сообщить мое мнѣніе: — *По первому пункту.* Вашему превосходительству, какъ близко знакомому съ неотлагательными потребностями края и знающему всѣ мои предположенія, извѣстно, что уменьшеніе войскъ на Кавказѣ давно составляетъ предметъ моихъ искреннихъ желаній. Но, при всемъ томъ, время исполненія этого желанія еще не наступило. Кромѣ военной потребности, нужныя работы, начатыя и такъ успѣшно производящіяся, необходимыя для сохраненія вновь покореннаго края, требуютъ, какъ вы сами очень хорошо знаете, значительныхъ средствъ, которыя ежели будутъ отняты, то обратятъ ни во что̀ прежніе труды, расходы и даже помѣшаютъ исполненію задуманныхъ и уже осуществляющихся плановъ. По этимъ причинамъ расформированіе *четвертыхъ и пятыхъ* баталіоновъ *во всѣхъ* полкахъ Кавказской арміи я считаю при настоящихъ обстоятельствахъ *рѣшительно-невозможнымъ* и полагалъ бы въ замѣнъ этого, въ случаѣ ежели резервная дивизія будетъ оставлена на Кавказѣ, *4-ые и 5-ые баталіоны* гренадерской и *21-ой дивизіи обратить въ кадровый составъ*, продавъ *и подъемныхъ лошадей* имъ принадлежащихъ. Это составитъ очень значительное сбереженіе и дастъ возможность имѣть по три баталіона въ каждомъ полку комплектныхъ, готовыхъ во всякую минуту двинуться, куда надобность укажетъ; въ случаѣ же войны укомплектованіе кадровъ не представитъ ни малѣйшихъ затрудненій. Мнѣніе это я полагалъ бы исполнить не иначе, какъ по предварительномъ сношеніи о возможности исполненія его князя Орбеліяна съ генералъ-адъютантомъ княземъ Меликовымъ.—*По 2-му пункту.* На приведеніе четырехъ драгунскихъ полковъ въ четырехъ-эскадронный составъ *я согласенъ.—По 3-му пункту.* Предписано мною разсмотрѣть и уменьшить *военно-рабочія роты* въ такой степени, въ какой по ближайшему сношенію съ командующими войсками и начальникомъ инженеровъ Кавказской арміи признано будетъ возможнымъ.—*По 4-му пункту.* Желаніе мое, какъ вамъ извѣстно, было уничтожить существующіе *транспорты* и замѣнить ихъ ежегоднымъ отпускомъ примѣрной суммы, подобно тому какъ это заведено въ Дагестанѣ; но въ какой степени и мѣрѣ, при нынѣшнихъ необходимыхъ работахъ въ Кубанской области, это возможно, опредѣлиться можетъ только по ближайшемъ сношеніи и указаніи графа Евдокимова. — *По 5-му пункту.*

Уменьшить въ будущемъ году *размѣръ переселеній за Кубань*, разсрочивъ все заселеніе на большее число лѣтъ, я не считаю себя въ правѣ, потому что отъ этого зависитъ вѣрное покореніе неусмиренной еще части Кавказа. Подобное распоряженіе я считаю очень важнымъ и опаснымъ; потому что, въ случаѣ какихъ-либо неблагопріятныхъ обстоятельствъ, какъ напримѣръ внѣшней войны или съ значительнымъ уменьшеніемъ войскъ, мы вмѣсто вѣрнаго достиженія цѣли отдалимся отъ нея на неопредѣленное число лѣтъ. А потому измѣненіе это можетъ быть исполнено не иначе какъ только съ особаго Государя Императора повелѣнія; брать же на себя отвѣтственность подобнаго представленія я не могу.—*По 6-му пункту*. Относительно инженерныхъ работъ предписано мною ограничиться только тѣми работами, которыя по самомъ строгомъ разборѣ и засвидѣтельствованіи самихъ начальниковъ отдѣловъ, какъ отвѣтчиковъ за ввѣренныя имъ части края, могутъ имѣть вліяніе на сохраненіе и спокойствіе края, какъ то: самые необходимые въ военномъ значеніи оборонительные и наблюдательные пункты и въ особенности мосты и сообщенія; всѣ же постройки, выходящія изъ разряда крайней и самой экстренной необходимости, отложить.—*По 7-му пункту*. Предписано исполнить, сколько это возможно.—*По 8-му пункту*. Такъ какъ отъ уменьшенія и сокращенія работъ уменьшится потребность числа рукъ, а слѣдовательно и войска, то произойдетъ и сбереженіе провіанта, цифра котораго только по приведеніи всѣхъ этихъ мѣръ въ исполненіе можетъ быть опредѣлена интендантомъ Кавказской арміи.—*По 9-му и 10-му пунктамъ*. Предписано мною исполнить. Мнѣ пишутъ съ Кавказа, что смѣты на 1862 годъ уже сокращены на 2.000.000 рублей.

5.

6 Декабря 1863. Combe Royal Kingsbridge. Devon, England.

Трудно выразить удовольствіе, доставляемое мнѣ видомъ вашего почерка: столько прекрасныхъ воспоминаній возбудила во мнѣ эта знакомая рука! Благодарю васъ сердечно за ваше поздравленіе; жена также проситъ передать свой усердный поклонъ и очень тронута вашей памятью. Наконецъ, ожилъ я душевно. За то только теперь, при совершенномъ нравственномъ покоѣ, могло ясно выразиться, до какой степени потрясены мои физическія силы и сколько утрачено здоровья во время длившихся ожиданій и всѣхъ посѣтившихъ меня вмѣстѣ съ тѣмъ скорбей душевныхъ *). Грустно задумываюсь при вопросѣ, буду ли я когда-нибудь опять годиться на дѣйствительную службу и на труды подобные тѣмъ, которые мы нѣкогда такъ радостно съ вами дѣлили. Вы продолжаете неутомимо работать, и силы вамъ покуда не измѣняютъ; не менѣе того, не могу скрыть свое

*) Намекъ на періодъ, предшествовавшій супружеству князя Барятинскаго. А. З.

безпокойство и за васъ. Вашимъ страданіямъ въ послѣдніе дни моего пребыванія въ Петербургѣ я горячо сочувствовалъ и, хотя вы тогда въ нихъ не признавались, а можетъ быть и теперь не признаете началъ подагрическихъ, но не менѣе того позвольте вамъ дать искренно-дружескій совѣтъ— принимать теперь же всѣ возможныя мѣры и предосторожности противъ этого недуга: я увѣренъ, что онъ никогда бы не развился у меня до такой степени, еслибы я съ самаго начала не пренебрегъ имъ. Горькая опытность, пріобрѣтенная мною въ теченіе столькихъ лѣтъ, привела меня къ заключенію, что въ предупрежденіе припадка преимущественно всему другому слѣдуетъ избѣгать усталости; чрезмѣрное усиліе сколько нравственное, столько физическое, мгновенно возмущаетъ кровь и разражается пораженіемъ суставовъ, слѣдовательно и главная изъ мѣръ предупредительныхъ противъ болѣзни состоитъ прежде всего въ полномъ опредѣленіи силъ и соразмѣрнаго труда. Я увѣренъ, что самыя причины, возродившія болѣзнь, чаще всего находятся въ насильственномъ нарушеніи этой соразмѣрности. Я такъ сильно проникнутъ этимъ сознаніемъ, что теперь стараюсь найти требуемое равновѣсіе. Теперешняя жизнь моя, надѣюсь, дозволяетъ строго наблюдать за собою и, можетъ быть, достигнуть желаемыхъ силъ и здоровья. Страшно было бы для меня потерять всю надежду на исцѣленіе и еще при жизни быть лишеннымъ возможности дѣятельно участвовать во всемъ, что̀ можетъ предстоять еще вскорѣ Россіи. Кажется мнѣ однакоже, что нашъ политическій горизонтъ очищается и что *Голштинцы*, надъ которыми такъ смѣются въ Россіи, въ этотъ разъ не на шутку будутъ намъ весьма полезны.

Глава XI.

Военныя дѣйствія по указаніямъ фельдмаршала. — Возстаніе Абадзеховъ.—Борьба съ ними и Убыхами.— Вытѣсненіе горцевъ къ морю.—Уходъ ихъ въ Турцію.—Усиленіе болѣзни фельдмаршала и остановка на пути въ Вильнѣ.—Письмо къ Государю о Польскихъ дѣлахъ и перенесеніи столицы въ Кіевъ.—Просьба объ увольненіи съ Кавказа.— Рескриптъ при увольненіи отъ должностей.—Благодарственное письмо къ Государю.

Военныя дѣйствія на Западномъ Кавказѣ, между тѣмъ, шли своимъ порядкомъ, по разъ начертанному плану, и съ каждымъ днемъ мы очевидно приближались къ цѣли. Различныя Черкесскія племена, въ прежнее время то изъявлявшія покорность, то вновь открывавшія противъ насъ враждебныя дѣйствія, встрѣтили въ лицѣ графа Евдокимова человѣка, умѣвшаго хорошо оцѣнивать ихъ дипломатію и ни на минуту не забывавшаго основной мысли—вытѣснить горцевъ совсѣмъ изъ Сѣверо-Западной части Кавказа. Онъ ни въ какіе компромисы съ ними не входилъ; удары слѣдовали одинъ за другимъ. Абадзехи, какъ было разсказано выше, долго считавшіе себя въ совершенной безопасности и земли свои недоступными для Русскихъ войскъ, въ 1859 году, при появленіи, наконецъ, отряда въ ихъ мѣстахъ, изъявили условную покорность, почти ни къ чему ихъ не обязывавшую, но остановившую разореніе ихъ страны. Не прошло нѣсколькихъ мѣсяцевъ, и, не взирая даже на старанія Магометъ-Эмина удерживать Абадзеховъ отъ всякихъ враждебныхъ дѣйствій, изъ за р. Бѣлой опять стали появляться партіи и дѣлать набѣги на наши поселенія. Видя свое безсиліе, Магометъ-Эминъ удалился въ Турцію.

Весна 1861 г. застала отношенія наши къ сильнѣйшему Черкескому племени — Абадзехамъ въ самомъ неопредѣленномъ, натянутомъ положеніи: они требовали, чтобы Русскія войска не ходили въ ихъ земли, не рубили просѣкъ, не прокладывали дорогъ и т. д., въ противномъ случаѣ грозили войной, набѣгами; но, вмѣстѣ съ тѣмъ, увѣряли въ покорности. Вообще, всѣ Черкесскія племена, благодаря тайнымъ

подстрекательствамъ и поддержкѣ Турціи и Англо-французскихъ агентовъ, никакъ не рѣшались признать свое положеніе безнадежнымъ и колебались между изъявленіемъ призрачной покорности и открытой борьбой съ нами. Наконецъ, имъ было категорически объявлено—или выселяться всѣмъ на плоскость, на мѣста, какія имъ будутъ указаны, подъ Русское управленіе, съ тѣмъ, что на ихъ мѣста будутъ поселены казачьи станицы, или война будетъ продолжена безпощадно. Никакіе переговоры, условныя соглашенія и обѣщанія ни къ чему не вели: все разбилось о непоколебимую твердость и настойчивость графа Евдокимова. Личная просьба Черкесскихъ старшинъ, представленныхъ Государю, въ пріѣздъ Его Величества въ Закубанскій край, тоже не имѣла никакого результата: Государь ихъ милостиво принялъ, но повелѣлъ подчиниться требованіямъ главнаго мѣстнаго начальства.

Въ 1861 году мы успѣли поселить 11-ть новыхъ станицъ (1908 семей) и, такимъ образомъ, окончательно упрочить линіи по Кубани и Лабѣ, на лѣвомъ берегу которой водворены первыя четыре станицы. Въ Январѣ и Февралѣ предпринята была экспедиція противъ Шапсуговъ, обитавшихъ въ верховьяхъ р. Шебшъ. Въ походѣ этомъ принялъ участіе пріѣхавшій на Кавказъ принцъ Вильгельмъ Баденскій, супругъ великой княгини Маріи Максимиліановны. Много ауловъ было разорено, надежды на недоступность мѣстности потрясены, населеніе вынуждено спасаться дальше.

Успѣхъ водворенія Русскаго населенія зависѣлъ отъ успѣшнаго дѣйствія войскъ, которыя должны были очищать край отъ враждебнаго населенія между станицами, строить имъ ограды и обезпечивать отъ нападеній горцевъ. Благодаря значительному числу батальоновъ, можно было составить нѣсколько отрядовъ, самостоятельно дѣйствовавшихъ одновременно въ землѣ Шапсуговъ и Натухайцевъ—со стороны Адагума, и въ землѣ Абадзеховъ — со стороны Лабы. Часть туземцевъ отказалась отъ надежды отстоять свое положеніе и уходила въ Турцію: большинство продолжало

вооруженное сопротивленіе и, конечно, напрасно лишь терпѣло раззореніе, теряло людей,—все равно, и имъ другаго исхода не было. Главная масса Абадзеховъ съ Махошевцами и Егерукаевцами еще оставалась на своихъ мѣстахъ, продолжая увѣрять въ покорности и миролюбіи. Войска наши пользовались этимъ положеніемъ, прорубали просѣки, прокладывали дороги, устроили укрѣпленные посты и ограды для будущихъ станицъ. Въ концѣ Февраля графъ Евдокимовъ съ отрядомъ самъ перешелъ на лѣвый берегъ Бѣлой и двинулся къ Пшехѣ для разработки дороги. Движеніе это вызвало открытое возстаніе Абадзеховъ и ихъ ближайшихъ сосѣдей. Часть ихъ встрѣтила наступавшій отрядъ, а другая атаковала стрѣлковый батальонъ Апшеронскаго полка, двигавшійся съ казачьею сотнею изъ Майкопа къ устью рѣки Фюнфта. Атаки Абадзеховъ были отбиты, а графъ Евдокимовъ воспользовался этимъ случаемъ уничтожить условія номинальной покорности 1859 года: всѣмъ племенамъ, обитавшимъ между рѣками Ходзъ и Бѣлой, приказано было немедленно выселяться на Кубань и Лабу. Приказаніе не было исполнено, и войска въ теченіи 20 дней прошли всю эту мѣстность съ огнемъ и мечемъ, преодолѣвая неимовѣрныя трудности въ изрытой глубокими оврагами лѣсистой мѣстности. Около 90 ауловъ было раззорено; населеніе большею частью бѣжало дальше въ горы, за Бѣлую.

Въ концѣ Апрѣля войска наши прошли еще далѣе по лѣвому берегу Бѣлой и заняли самое трудно-доступное общество Дахо, гдѣ и водворена станица, довершившая Бѣлорѣченскую линію.

Не менѣе успѣшны были дѣйствія и со стороны Адагума, гдѣ въ 1861 году все было приготовлено для водворенія 11 новыхъ станицъ, которыя весною 1862 года и были заняты прибывшими поселенцами.

Въ 1862 году продолжались тѣ же дѣйствія и съ тѣми же цѣлями—подготовлять и обезпечивать все необходимое для заселенія страны казаками. Въ Іюнѣ Абадзехи и Шапсуги еще разъ попытались остановить нашъ напоръ: собрав-

шись въ огромное скопище, они дали клятву не пропускать Русскій отрядъ на Пшеху. Произошелъ довольно жаркій бой, но результатомъ его было занятіе нами предназначеннаго пункта; всѣ усилія горцевъ остались тщетными. Видя такой ходъ дѣла и опасаясь, чтобы Русскіе окончательно не вытѣснили всѣхъ горцевъ Западнаго Кавказа, населеніе южнаго склона хребта и восточнаго берега Чернаго моря рѣшилось принять участіе въ защитѣ Закубанскаго края. Значительныя толпы, особенно Убыховъ, перешли хребетъ и соединились съ Абадзехами. Завязалась упорная борьба: горцы отчаянно бросались не только на отдѣльные наши команды и посты, но даже на станицы и укрѣпленія. 14 и 15-го Іюня они атаковали укрѣпленіе Хамкеты, а 26 Іюня и 8-го Іюля станицу Псеменскую. Послѣ жестокаго побоища, горцы съ большимъ урономъ должны были отступить. Это ихъ однако еще не охладило; они продолжали нападенія, гдѣ только представлялся малѣйшій случай. Одно ихъ предпріятіе увѣнчалось успѣхомъ: они овладѣли однимъ изъ постовъ на Адагумской линіи, причемъ погибъ весь гарнизонъ, состоявшій изъ 35 человѣкъ казаковъ. Это ободрило горцевъ, и въ Октябрѣ они вздумали достигнуть бо́льшихъ результатовъ. Собравшись въ числѣ 7-ми тысячъ человѣкъ, они напали на станицы Неберджайскую и Баканскую; но гарнизоны защищались упорно, а съ прибытіемъ резервовъ непріятель былъ прогнанъ съ урономъ.

Не вдаваясь въ дальнѣйшія подробности, достаточно сказать, что къ концу 1862 года весь Закубанскій край до хребта былъ уже тоже въ нашихъ рукахъ и подготовленъ къ заселенію станицами. Никакихъ сомнѣній въ окончательномъ успѣхѣ уже не могло быть. Вытѣсняемое шагъ за шагомъ съ плоскости въ предгорія, съ предгорій въ горы, съ горъ къ морскому берегу, полумилліонное населеніе горцевъ перенесло всѣ ужасы истребительной войны, страшныя лишенія, голодъ, повальныя болѣзни, а очутившись на берегу— должно было искать спасенія въ переселеніи въ Турцію. Результатъ этотъ былъ окончательно достигнутъ лишь въ началѣ 1864 г., когда князь Барятинскій уже не былъ главнокомандующимъ на Кавказѣ; но я упомянулъ здѣсь объ этомъ,

потому что результатъ былъ послѣдствіемъ его плановъ и предположеній, изъ которыхъ одно порученіе графу Евдокимову дѣйствій въ Закубанскомъ краѣ уже не малая заслуга. Преемникъ князя Барятинскаго, Его Императорское Высочество Великій Князь Михаилъ Николаевичъ вполнѣ оцѣнилъ цѣлесообразность плана и распоряженій своего предшественника и съ замѣчательной энергіей довершилъ ихъ. Въ Маѣ 1864 г. борьба съ непокорными горцами на Кавказѣ окончилась: край, обильно политый Русскою кровью, усѣянный Русскими костями, почти сто лѣтъ боровшійся съ нами, превратился въ Русскую область, неотъемлемую часть Русскаго государства, и, несомнѣнно, со временемъ станетъ одною изъ лучшихъ его частей. Мысль князя Барятинскаго, что съ Кавказа должно упрочиться наше вліяніе и могущество на Востокѣ, что Кавказъ дастъ при надобности отличный военный резервъ Русской арміи, осуществляется; его замѣчательная проницательность, широта его военныхъ взглядовъ воплощаются теперь въ живыя формы. Онъ, къ сожалѣнію, не дожилъ до нихъ; но люди мыслящіе, люди слѣдящіе за событіями и чаемою будущностью Россіи, не могутъ не признать за нимъ великой заслуги, оказанной государству.

Всѣ старанія и познанія докторовъ не могли излѣчить больнаго, и улучшенія являлись только временныя. Такъ, осенью 1862 г., почувствовавъ облегченіе, князь уѣхалъ въ Петербургъ, въ надеждѣ оттуда возвратиться на Кавказъ; но припадки вдругъ такъ усилились, что онъ вынужденъ былъ поспѣшно оставить столицу и уѣхать уже за границу. На пути, въ Вильнѣ, страданія заставили больнаго остановиться, и тутъ пришлось ему пролежать нѣсколько недѣль. Въ Вильнѣ, больной, одинокій князь, само собою, жестоко скорбѣлъ о своемъ положеніи: всѣми помыслами стремился онъ къ Кавказу, къ дѣятельности, долженствовавшей увѣнчать начатое имъ дѣло покоренія всего Кавказа и совершеннаго обновленія этой окраины; а болѣзнь приковала его къ постели, къ бездѣйствію, тѣмъ болѣе тягостному, что Россія переживала тогда вообще тяжелое время. Студенческіе безпорядки, страшные пожары Симбирска и Апраксина рынка, явное усиленіе соціальныхъ, анархическихъ идей, безпорядки

въ Польшѣ, принимавшіе все болѣе и болѣе угрожающій характеръ, не могли не возбуждать серьезныхъ опасеній за будущее. Намѣстникъ въ Варшавѣ, князь Горчаковъ, выказалъ непостижимую слабость, допустивъ развитіе различныхъ демонстративныхъ выходокъ со стороны населенія до неслыханной дерзости; изъ Петербурга тоже не давалось никакихъ указаній къ болѣе энергическому, строгому образу дѣйствій противъ развившагося зла.

Здѣсь кстати привести одно обстоятельство, въ сотый разъ доказывающее, какъ иногда самый мелкій, повидимому, случай можетъ вести къ очень важнымъ послѣдствіямъ. Князь Михаилъ Дмитріевичъ Горчаковъ, желая установить удобный способъ сообщаться съ Государемъ частнымъ образомъ, а также имѣть сильную поддержку при лицѣ Императора, писалъ къ своему родственнику - канцлеру, министру иностранныхъ дѣлъ, письма о положеніи Польши. Министръ, при докладахъ своихъ по иностраннымъ дѣламъ, говорилъ Государю о получаемыхъ изъ Варшавы письмахъ и, удовлетворяя любопытству, читалъ ихъ. При возникшихъ въ царствѣ безпорядкахъ, среди которыхъ намѣстникъ князь Горчаковъ часто самъ не зналъ, что́ ему дѣлать, вліяніе канцлера на Польскія дѣла становилось все болѣе значительнымъ. А такъ какъ Государь говорилъ съ нимъ о дѣлахъ этихъ во время доклада по дѣламъ внѣшней политики, то вопросъ Польскій сталъ незамѣтно какъ бы въ связи съ внѣшними сношеніями. Особенно оказалось это при частой смѣнѣ намѣстниковъ—Горчакова Сухозанетомъ, этого Лидерсомъ, затѣмъ Ламбертомъ и т. д. Князь Александръ Михайловичъ Горчаковъ, чтобы удержать свое значеніе по Польскимъ дѣламъ, узаконилъ этотъ неправильный порядокъ и, съ вѣдома Государя, сталъ въ депешахъ къ иностраннымъ дворамъ извѣщать о каждомъ преобразованіи, новомъ законѣ, даже о намѣреніяхъ, касающихся Царства Польскаго, и всѣ эти дѣла, вмѣсто того чтобы разрѣшаться, подобно дѣламъ всякой внутренней области Россіи, министрами, за исключеніемъ именно министра иностранныхъ дѣлъ, очутились подъ опекою послѣдняго: онъ сталъ самымъ важнымъ лицомъ для нихъ и, наконецъ, вызвалъ вмѣшательство иностранныхъ державъ въ вопросѣ, считавшемся уже

давно ими самими за неподлежащій ихъ вмѣшательству.... Намъ грозила чуть ли не новая война съ Западно-Европейскою коалиціею, и хорошо еще, что канцлеръ князь Горчаковъ, по крайней мѣрѣ, загладилъ свой промахъ блистательнымъ, полнымъ достоинства отклоненіемъ непрошеннаго вмѣшательства....

Въ Европѣ у насъ, по обыкновенію, не было союзниковъ, но за то много враговъ и явныхъ и, подъ личиною дружбы, тайныхъ, всегда готовыхъ воспользоваться удобнымъ случаемъ нанести намъ вредъ, если не матеріальный, то хоть нравственный, что́ и оправдали послѣдующія событія. Симпатіи Славянскихъ народностей къ Россіи охлаждались, вслѣдствіе ея отношеній къ Польскому вопросу; а поднятый Наполеономъ принципъ національностей все болѣе и болѣе разжигалъ страсти въ разныхъ странахъ.

Такой пламенный патріотъ, какъ князь Александръ Ивановичъ Барятинскій, могъ ли равнодушно относиться къ подобному положенію дѣлъ? Онъ, ставившій идеаломъ Русскаго государства политическое главенство надъ Славянскимъ міромъ, прочное вліяніе на Востокѣ и чрезъ это первенствующую роль въ Европѣ, не взирая на физическія страданія, приковывавшія его къ постели, обдумывалъ выходъ изъ спутывавшагося все болѣе и болѣе положенія. Результатомъ было слѣдующее письмо къ Государю отъ 21 Ноября 1862 г.

Два прошедшіе года дали много такихъ явленій на политическомъ горизонтѣ Европы и такъ много указаній въ будущемъ, хотя быть можетъ еще и отдаленномъ, къ совершенному измѣненію системъ государственнаго устройства, что я, по долгу вѣрноподданнаго и чувству преданности моей къ Вамъ, счелъ для себя обязанностію не ограничиваться однимъ только наблюденіемъ совершавшихся событій и готовящихся преобразованій, но изыскивать и привести въ систему тѣ средства, принятіе и развитіе которыхъ, по моему мнѣнію, обезпечило бы Вашу Имперію отъ наплыва анархіи съ Запада.

Посему, прибывъ къ Вамъ, Государь, въ Іюлѣ прошлаго года, я изложилъ Вашему Величеству свои предположенія о возстановленіи независимой Польши и о постановленіи Россіи во главѣ Славянскаго

движенія. Ваше Величество, удостоивъ выслушать мой докладъ по сему предмету, повелѣли мнѣ совѣщаться объ этомъ дѣлѣ съ нѣкоторыми государственными сановниками. Мнѣ казалось, что въ этихъ совѣщаніяхъ, соглашаясь съ истиною моихъ мыслей, они затруднялись однако въ принятіи иниціативы такого знаменательнаго дѣла. Послѣ первыхъ совѣщаній, и Ваше Величество уже не возобновляли со мною разговоровъ до отъѣзда Вашего въ Крымъ и на Кавказъ; но тогда, Государь, Вы соблаговолили ясно замѣтить, что рѣшились остаться при своихъ прежнихъ убѣжденіяхъ, свято ихъ сохраняя. Затѣмъ, въ Сентябрѣ мѣсяцѣ, я счелъ долгомъ письменно заявить Вашему Величеству свои мысли по тому же предмету, и смѣлость, съ которою я рѣшился вновь безпокоить Васъ, Государь, дѣломъ, повидимому Вами уже рѣшеннымъ, была слѣдствіемъ сознанія моего болѣзненнаго состоянія, которое, быть можетъ, вскорѣ и не позволило бы мнѣ исполнить священную обязанность изложенія обстоятельствъ, могущихъ, по моему мнѣнію, имѣть роковое вліяніе на судьбы Россіи.

Годъ прошелъ съ того времени, и дѣла пошли такъ, что нельзя ручаться за дальнѣйшее продолженіе настоящаго порядка вещей. Движеніе элементовъ возстановленія національностей и измѣненія нынѣшнихъ формъ государственнаго управленія и самихъ династій охватило Италію, земли Славянскія и Грецію; паденіе Бурбоновъ въ Неаполѣ, возстаніе Черногоріи и дѣла Сербскія не могли не отразиться въ Польшѣ и нашихъ западныхъ провинціяхъ, а можетъ быть и во всей Россіи.

Въ тотъ же періодъ времени, по указаніямъ Вашего Величества, былъ предпринятъ рядъ мѣръ, клонившихся къ развитію благосостоянія Польши, и съ этою цѣлью произведены коренныя реформы во всемъ управленіи Царства, и при томъ на началахъ либеральныхъ, вполнѣ долженствовавшихъ удовлетворить требованіямъ націи; въ заключеніе же этихъ реформъ, и какъ бы въ залогъ монаршаго довѣрія къ Полякамъ, Великій Князь Константинъ Николаевичъ является въ Варшавѣ, какъ Намѣстникъ Вашего Императорскаго и Царскаго Величества. Но ни высокое довѣріе Ваше, ни совершившіяся преобразованія въ управленіи Царствомъ не удовлетворяютъ Поляковъ; положеніе западныхъ губерній не измѣнилось, и вопросъ возстановленія національностей до такой степени искаженъ, что автономія царства немыслима уже безъ Литвы, Волыни, безъ Кіева и чуть ли не безъ Смоленска, Малороссіи и даже Одессы.

Такимъ образомъ, пагубныя идеи начинаютъ охватывать наши предѣлы, и мѣры противу того, казавшіяся годъ назадъ достаточными и удовлетворяющими національнымъ требованіямъ Поляковъ, теперь

совершенно ничтожны; послѣдніе полтора года поставили Россію, относительно политическаго движенія Польши и западныхъ губерній, почти въ безвыходное положеніе. Такъ называетъ его общій голосъ, и такимъ оно останется до радикальнаго разрѣшенія въ ту или другую сторону.

Вы, Государь, согласитесь, что такой приговоръ общественнаго мнѣнія съ избыткомъ достаточенъ, чтобы каждый вѣрноподданный Вашего Величества обратилъ всѣ способности, всю энергію своихъ мыслей къ выходу изъ настоящаго положенія. Медлить далѣе, кажется, будетъ большой ошибкой; ибо движеніе этого вопроса, соединившагося въ нѣкоторыхъ мѣстностяхъ съ вопросомъ о династіяхъ, быстро направляется и къ намъ. Съ сознаніемъ своихъ обязанностей и преданный Вашему Императорскому Величеству и всей Августѣйшей Фамиліи Вашей, я посвятилъ пребываніе свое, по болѣзни, въ Вильнѣ размышленіямъ о всемъ вышеизложенномъ, и мысли свои по этому предмету считаю долгомъ совѣсти повергнуть на благовоззрѣніе Ваше, Государь.

Въ послѣднее время Русская литература довольно пространно обсуждала вопросъ возстановленія Царства въ извѣстныхъ границахъ и притязанія Поляковъ на включеніе въ эти границы Литвы, Подоліи, Волыни и даже Кіева. Самыя логическія разсужденія, подкрѣпленныя исторіею, ничего не могли сдѣлать: или Поляки не читаютъ ихъ, или же умы ихъ стали выше пониманія истины и только преданы восторженному созерцанію совершившихся возлѣ нихъ, на Юго-Западѣ, фактовъ, измѣняющихъ границы государствъ и политическое устройство ихъ. Нельзя не предполагать, чтобы на эти событія не возлагались всѣ надежды Поляковъ, видящихъ недавніе примѣры, что совершившійся фактъ въ измѣненіи политическаго государственнаго устройства легко признается даже первоклассными державами. Въ виду такого настроеніи умовъ и совершающихся событій, безсильны всѣ попытки литературы, всѣ историческіе доводы. Движенію, родившемуся и постоянно укрѣпляющемуся на примѣрахъ совершившихся фактовъ, можно съ успѣхомъ противопоставить только равносильное.

Такимъ событіемъ, могущимъ парализовать слишкомъ широкія притязанія Поляковъ, было бы, смѣю думать, перенесеніе резиденціи Вашего Величества въ Кіевъ, сей, по справедливому выраженію Жуковскаго, пращуръ Русскихъ городовъ *). Такой фактъ не можетъ быть не признанъ послѣдовательнымъ. Онъ доказалъ бы всѣмъ на дѣлѣ, что Кіевъ столица Россіи и всѣ притязанія на него ни что иное, какъ

*) Князь Барятинскій ошибся: это стихъ Пушкина.

бредни умовъ, не знакомыхъ съ исторіею, но увлеченныхъ наитіемъ идей Запада. И эти идеи, и эти бредни, и самое движеніе Славянъ, все остановится передъ неожиданнымъ событіемъ—перенесеніемъ Вашей столицы въ Кіевъ, какъ бы въ ожиданіи великихъ указаній къ дальнѣйшему развитію, направленію и упроченію идей либерально-благодѣтельнаго государственнаго устройства и политическаго возстановленія всѣхъ Славянскихъ національностей. Такимъ образомъ придется уже не принимать на себя тяжелый толчекъ движенія сего, а, ставъ на встрѣчу, дать ему истинное направленіе. Этимъ только путемъ, полагаю, и могутъ рѣшиться въ монархическомъ смыслѣ вопросы автономіи не только различныхъ земель Славянскихъ, но и прочихъ народностей.

Рѣшимость Вашего Величества стать на сторону моего предложенія и приведеніе его въ исполненіе явятъ Вамъ, Государь, слѣдующія послѣдствія. Государь Россійскій сдѣлается опять ближайшимъ сосѣдомъ всѣхъ Славянскихъ племенъ и легко можетъ возстановить угасающую нынѣ надежду Славянъ на Россію. Отдавая Кіеву долгъ, Вы явите тѣмъ примѣръ исторической справедливости; самыя нынѣ безпокойныя партіи въ Россіи получатъ удовлетвореніе лучшихъ своихъ желаній и направятъ тогда свою дѣятельность къ развитію и осуществленію видовъ Вашего Величества; государство покроется новыми путями сообщеній, а отсюда развитіе народнаго благосостоянія и пріобрѣтеніе милліоновъ благодарныхъ сердецъ. А когда, Государь, Ваше рѣшеніе будетъ имѣть столько сторонниковъ и фактовъ за себя, то никакія усилія ума человѣческаго не докажутъ, что Литва, Волынь и Подолія не принадлежатъ Россіи; тогда и Польша возстановится, уже по волѣ Вашего Величества, въ границахъ историческихъ, и станетъ сама подъ высокій протекторатъ Вашъ.

Утвердивъ, такимъ образомъ, политическое значеніе Ваше, какъ главы царствующей въ Россіи династіи, упроченіе которой является необходимымъ слѣдствіемъ всего мною высказаннаго, Вы, Государь, свободно и спокойно предадитесь развитію, столь близкаго вашему сердцу благоустройства Богомъ ввѣренной вамъ Монархіи.

Я постигаю вполнѣ ту смѣлость, съ которою высказалъ Вашему Величеству свое мнѣніе, быть можетъ, Вами совершенно не раздѣляемое; но моею рѣшимостью руководило одно желаніе блага моему Отечеству и величія моему Государю. Одержимый неизлѣчимою болѣзнію, а вслѣдствіе того не слишкомъ разсчитывая на будущее для болѣе тщательной обработки моихъ мыслей, я излагаю ихъ только что родившимися, безъ прикрасъ, развитія и отдѣлки въ мелочахъ. Если все, что я сказалъ сегодня, противно Вашимъ собственнымъ взглядамъ, то про-

стите, Государь, что считаю для себя священнымъ долгомъ всѣ мои убѣжденія откровенно повергать на воззрѣніе Ваше».

На подобный вопросъ, какъ перенесеніе столицы въ Кіевъ, могутъ быть различные взгляды. Можно сказать многое за и противъ; вопросъ долженъ быть обсужденъ не только съ политической, но и съ экономической точки зрѣнія. Во всякомъ случаѣ, самое поднятіе вопроса, въ связи съ другими, развивавшимися въ письмѣ соображеніями, хотя мы бы и не соглашались съ ихъ основаніями, доказываетъ широко объемлющій государственный умъ и замѣчательный даръ предвидѣнія князя *).

Не встрѣтивъ въ Петербургѣ сочувствія своимъ идеямъ, князь не возобновлялъ о нихъ переписки, очень быть можетъ самъ сознавъ и трудность исполненія подобнаго предпріятія, и возможность совершенно-противнаго исхода, чѣмъ ожидавшійся имъ.

*

По поводу многихъ предпріятій и расходовъ на Кавказѣ доходившихъ до Петербурга, какъ водится, въ преувеличенныхъ слухахъ и представлявшихъ князя Барятинскаго стремящимся къ блестящей обстановкѣ и чрезмѣрно щедрымъ на трату казенныхъ денегъ, Великій Князь Константинъ Николаевичъ послалъ ему письмо, отъ 24 Іюня 1857 года, которое уже было помѣщено у насъ выше (въ приложеніяхъ къ III-й главѣ). Князь Барятинскій отвѣчалъ Его Императорскому Высочеству слѣдующее.

31 Іюля 1857 года. Коджоры.

Письмо Вашего Высочества, о невозможности удостоить въ нынѣшнемъ году Вашимъ посѣщеніемъ ввѣренный мнѣ край, я получилъ. Оставляя ожиданія столь счастливаго для Кавказа событія до того времени, когда Ваше Высочество изволите найти возможнымъ удѣлить и для него часть благотворнаго Вашего вниманія, я долженъ сказать, что съ этими ожиданіями у меня постоянно соединялась надежда лично передать Вашему Высочеству, какъ настоящее положеніе Кавказа, такъ и тѣ начала, которыя я принялъ въ основаніе при управленіи этою

*) Покойный М. Н. Катковъ раздѣлялъ взглядъ князя Барятинскаго на Кіевъ, но не могъ проводить его въ печати. А. З.

страною и вообще, по выраженію Вашему, обмѣняться мыслями по тѣмъ важнымъ вопросамъ, которыхъ Вамъ угодно было коснуться.

Лишившись надежды воспользоваться въ нынѣшнемъ году утѣшительною для меня бесѣдою Вашего Высочества, я тѣмъ болѣе проникнутъ живою признательностью за эти драгоцѣнныя строки, въ которыхъ Ваше Высочество такъ милостиво изволите предлагать мнѣ случай къ письменному объясненію по многимъ важнымъ вопросамъ, меня занимающимъ. Не скрою отъ Вашего Императорскаго Высочества, что, при всей радости, которую доставило мнѣ Ваше письмо, я однакожъ глубоко огорченъ содержаніемъ его; ибо въ благосклонныхъ совѣтахъ Вашихъ ясно выражаются тяжкіе, и смѣю сказать, незаслуженные упреки. Ваше Высочество, указывая на необходимость бережливости, изволите противопоставлять ей славолюбіе, громкія экспедиціи въ горы, содержаніе многочисленной арміи, пышную жизнь и блескъ намѣстника. Но что́ же могло подать поводъ къ подобнымъ упрекамъ? Кто осмѣлился явиться предъ Ваше Высочество съ подобными клеветами? Я слишкомъ дорожу милостивымъ вниманіемъ, которымъ Ваше Высочество удостоивали меня до сихъ поръ, чтобы не скорбѣть всѣмъ сердцемъ, видя перемѣну въ мнѣніи Вашемъ обо мнѣ.

Относительно бережливости въ государственныхъ расходахъ и изысканіи новыхъ источниковъ богатства, нельзя несочувствовать вполнѣ убѣжденіямъ Вашего Высочества и не понимать всей важности этихъ началъ настоящаго государственнаго управленія. Но примѣненіе этихъ началъ можетъ быть различно. Тѣ сокращенія, которыя допускаются въ общемъ управленіи, по случаю наступленія мирнаго времени, не примѣнимы къ Кавказу—краю, состоящему постоянно на военномъ положеніи. Обезоружиться можетъ тотъ, кто не имѣетъ передъ собою вооруженнаго врага; но какъ требовать этого отъ человѣка, ежеминутно ожидающаго вражескаго удара?

Кавказъ находится въ этомъ послѣднемъ положеніи: здѣсь нельзя еще помышлять о сокращеніяхъ въ средствахъ правительственныхъ; все еще находится въ переходномъ положеніи, въ ожиданіи результатовъ полувѣковой борьбы. Усилія и пожертвованія, сдѣланныя доселѣ государствомъ для покоренія края, не привели еще дѣла къ окончанію; и по моему мнѣнію, нѣтъ возможности остановиться на полупути, особенно въ настоящій моментъ, когда все благопріятствуетъ достиженію цѣли. Уменьшить наши силы на Кавказѣ для временнаго сбереженія самой незначительной суммы *), значитъ отдалять отъ себя результаты,

*) Войска, которыя предполагается вывести съ Кавказа, потребовали бы въ Россіи содержанія едва ли болѣе экономическаго чѣмъ здѣсь; но тамъ они останутся празд-

разстроить всѣ начатыя предпріятія и истребить всѣ положенныя сѣмена. Напротивъ того, умиротвореніе края—цѣль нашихъ стремленій—ведетъ именно къ достиженію тѣхъ началъ, которыя столь вѣрно опредѣлены Вашимъ Высочествомъ, т. е. къ сокращенію расходовъ въ будущемъ и къ открытію новыхъ источниковъ богатства. Только съ совершеннымъ покореніемъ этой страны и подчиненіемъ ея мирному устройству, можно будетъ уменьшить всѣ тѣ усиленныя и дорого стоющія средства, которыя необходимы въ настоящее время, а вмѣстѣ съ тѣмъ осуществить многія мѣры, долженствующія утвердить столь важное для насъ преобладаніе на Востокѣ и не только возвысить собственное значеніе здѣшняго края, но и развить силы цѣлой Россіи. Выражаясь собственными словами Вашего Высочества, скажу, что нынѣ мы должны воздѣлывать, очищать и удобрять почву для нашихъ потомковъ. Мы будемъ неправы и предъ ними, и передъ нашими отцами, если, для временнаго сбереженія, уничтожимъ въ будущемъ всѣ плоды посѣянныхъ до насъ сѣмянъ.

Въ доказательство того, какъ трудно гдѣ-либо сократить войска на Кавказѣ, позвольте представить при семъ на благоусмотрѣніе Вашего Высочества отвѣтъ командующаго войсками Лѣваго крыла Кавказской линіи на сдѣланный ему вопросъ о томъ, можетъ ли онъ на будущій годъ обойтись безъ двухъ полковъ 13-й пѣхотной дивизіи, временно данныхъ ему въ распоряженіе съ осени прошлаго года. Въ этомъ отзывѣ Ваше Высочество, какъ полагаю, изволите признать не какое-либо личное желаніе удержать лишнее число войскъ, но одно глубокое сознаніе важности начатаго дѣла и опасеніе малѣйшаго ослабленія въ напряженныхъ нынѣ усиліяхъ нашихъ. Точно въ томъ же смыслѣ получаю я отзывы отъ всѣхъ главныхъ мѣстныхъ начальниковъ.

Также и въ отношеніи гражданскаго управленія въ краѣ, могу сказать, что едва гдѣ-либо административный составъ можетъ быть ограниченнѣе сравнительно съ лежащими на немъ обязанностями. Притомъ переходномъ состояніи страны, о которомъ я выше говорилъ, надобно здѣсь все созидать и, слѣдовательно, работать въ полномъ смыслѣ слова; ибо никакая часть не можетъ почитаться окончательно устроенною и идти по установленному уже порядку.

Изъ всего сказаннаго однакоже не извольте заключать, чтобы я отвергалъ всякую возможность сбереженій въ здѣшнемъ краѣ. Напротивъ того, я надѣюсь по нѣкоторымъ отраслямъ управленія предложить

ными въ своихъ кантониръ-квартирахъ, тогда какъ здѣсь они дѣятельно работаютъ для блага края и цѣлой Россіи, а вмѣстѣ съ тѣмъ пріобрѣтаютъ ту боевую опытность, которая въ минувшую войну такъ рѣзко отличала у насъ войска 5-го пѣхотнаго корпуса, а во Французской арміи—Африканскія войска.

такія реформы, которыя поведутъ къ значительной экономіи. Но я стараюсь достигнуть этого не разстраивая части, не урѣзывая настоящихъ средствъ, не останавливая развитія, а напротивъ того, вводя лучшую организацію, замѣняя орудія бездѣйственныя другими, болѣе выгодными. Такъ, напримѣръ, я надѣюсь предложить выгодныя перемѣны въ госпитальной части, замѣнить нѣкоторыя казенныя рабочія средства вольнонаемными, и проч. Но все это не можетъ быть сдѣлано вдругъ, къ данному сроку: преобразованія требуютъ предварительныхъ изслѣдованій, сбора частныхъ мнѣній и основательнаго обсужденія ихъ. Поторопиться въ подобномъ дѣлѣ значитъ испортить его.

Въ видахъ экономіи я рѣшаюсь также представить на благоусмотрѣніе Вашего Высочества предположеніе относительно устройства морскихъ средствъ Кавказскаго корпуса на Черномъ морѣ. Содержаніе вдвойнѣ управленія и всѣхъ учрежденій, однихъ для Черноморскаго военнаго флота, другихъ для Кавказскихъ судовъ, есть безъ сомнѣнія излишняя для государства издержка; а потому я считаю въ общихъ интересахъ несравненно болѣе выгоднымъ, чтобы Кавказскія суда были включены въ составъ Черноморскаго флота и командировались временно для службы при Кавказскихъ берегахъ. Мысль эта обстоятельнѣе развита въ представленной при семъ особой запискѣ; и я смѣю надѣяться, что Ваше Высочество изволите признать мой разсчетъ основательнымъ.

Въ отношеніи же морскихъ средствъ на Каспійскомъ морѣ, я вполнѣ согласенъ, что военный флотъ здѣсь не составляетъ первой необходимости, такъ какъ на этомъ морѣ непріятеля встрѣтить пока не можемъ, и что здѣсь необходимо преимущественно развить торговый флотъ, который дастъ намъ способъ, въ случаѣ нужды, перевозить войска во всѣ пункты Каспійскаго прибрежья, гдѣ они могутъ понадобиться; но я полагаю, что первое условіе для поощренія такого развитія состоитъ въ предоставленіи судамъ безопаснаго пристанища, и что по этому оставленіе устройства Прикаспійскихъ портовъ едва ли можно, по мнѣнію моему, признать полезною и соотвѣтствующею цѣли экономіею.

Итакъ, глубоко сочувствуя мудрымъ цѣлямъ, указаннымъ Вашимъ Высочествомъ, я полагаю однакоже, что пути, которые должны вести къ нимъ, не могутъ быть вездѣ одинаковы. Именно, избраніе вѣрнаго и наиболѣе сообразнаго истиннымъ выгодамъ Отечества пути должно составлять важнѣйшую задачу каждаго начальника, преданнаго однимъ лишь государственнымъ интересамъ.

Въ этомъ убѣжденіи, я полагаю, что тѣ сокращенія, которыя теперь дѣлаются, напримѣръ, въ войскахъ внутри Россіи, не могутъ быть

распространены на Кавказскій корпусъ. Но такое мое мнѣніе, основанное на объясненныхъ соображеніяхъ, не даетъ повода предполагать, что я не понимаю необходимости въ настоящее время быть бережливымъ. Я считаю себя обязаннымъ отстаивать выгоды и безопасность края, Высочайше мнѣ довѣреннаго, и, конечно, побуждаетъ меня къ тому не тщеславное желаніе имѣть подъ своимъ начальствомъ многочисленную армію.

Если я ходатайствую иногда настоятельно о денежныхъ пособіяхъ, пенсіяхъ и т. п., то дѣлаю это не по щедрости, а по разсчету; ибо въ здѣшнемъ краѣ, гдѣ мы должны еще пріобрѣтать расположеніе къ себѣ народа, гдѣ первобытныя понятія недоступны еще общимъ идеямъ государственныхъ интересовъ, намъ служатъ только по мѣрѣ тѣхъ денегъ и тѣхъ наградъ, которыя мы раздаемъ. Здѣсь было бы въ высшей степени неполитическою мѣрою высказать наше стѣсненное финансовое положеніе или скупость.

Не знаю также, чѣмъ я заслужилъ упрекъ въ славолюбіи. Гдѣ эти громкія экспедиціи въ горы, которыми я будто бы хочу прославить себя? Только развѣ въ иностранныхъ газетахъ. Все, что до сихъ поръ дѣлается на Кавказѣ со времени моего прибытія, есть ничто иное, какъ работа, разсчитанная впередъ на многіе годы и производимая по общему плану, съ цѣлью прочно утвердиться въ здѣшнемъ краѣ. Всякій, кто видитъ здѣсь на мѣстѣ ходъ дѣлъ, засвидѣтельствуетъ, что я нимало не ищу блестящихъ битвъ и побѣдъ.

До меня доходятъ слухи, что во мнѣ предполагаютъ какія-то романическія стремленія къ завоеванію Индіи. Но Вашему Высочеству извѣстно изъ личныхъ моихъ объясненій, какъ я далекъ отъ мысли о какой-либо военной экспедиціи въ Индію, въ видахъ завоеванія территоріальнаго. По мнѣнію моему, какъ вы изволите знать, мы должны стремиться къ завоеванію торговли центральной Азіи и Персіи, какъ посредствомъ развитія водянаго сообщенія по Волгѣ и Каспійскому морю, такъ и чрезъ направленіе сухопутнаго транзита по прежнему его пути чрезъ Закавказскій край. Торговые эти пути будутъ равно выгодны какъ для насъ, такъ и для Европы и могутъ быть установлены безъ опасенія совмѣстничества окольныхъ путей чрезъ Суэзскій перешеекъ, или по предполагаемой Евфратской желѣзной дорогѣ.

Настоящее время есть самое благопріятное для этихъ мирныхъ и плодотворныхъ завоеваній. Непримиримая вражда, которую Персія питаетъ противъ Англичанъ, еще болѣе усилилась постыднымъ для нея миромъ. Война Англіи съ Китаемъ и возстаніе въ Индіи развлекаютъ ея силы, лишаютъ ее возможности продолжать теперь усиленныя дѣйствія противъ насъ въ этой части свѣта, а намъ указываютъ очевидную

необходимость воспользоваться именно настоящимъ временемъ, чтобы пріобрѣсти здѣсь наибольшіе успѣхи и *устранить будущія затрудненія, которыя можетъ представить намъ война на Востокѣ, война неминуемая и только по случайнымъ обстоятельствамъ отсроченная.*

При столь выгодныхъ для насъ политическихъ обстоятельствахъ, возникаютъ теперь весьма важныя для здѣшняго края частныя предпріятія, обѣщающія связать, посредствомъ желѣзныхъ дорогъ и пароходства, моря Черное, Каспійское и Аральское и, соединивъ ихъ съ внутренними путями Россіи, открыть, съ одной стороны, новые и неизсякаемые источники государственнаго и народнаго богатства, а съ другой средства для быстраго передвиженія нашихъ военныхъ силъ съ одного края царства на другой.

Таковъ мой взглядъ на истинную государственную экономію въ примѣненіи къ Кавказскому краю. Таковы цѣли, достиженіе которыхъ я ставлю себѣ въ обязанность и въ честь. Въ иномъ родѣ славолюбія упрекнуть меня не могутъ.

Что же касается до пышности и блеска, о которыхъ Вашему Высочеству угодно было упомянуть, то я долженъ полагать, что до Вашего Высочества дошли какія-нибудь преувеличенныя, или даже ложныя, извѣстія. Если дѣло идетъ объ образѣ частной моей жизни, то я долженъ конечно подчиняться нѣкоторымъ условіямъ, налагаемымъ на меня самымъ положеніемъ намѣстника царскаго въ Азіатскомъ городѣ; но я стараюсь только въ мѣрѣ крайней необходимости поддержать тотъ санъ, въ который я облеченъ, ни сколько не соревнуя блеску и великолѣпію падишаха. Всѣ мои издержки покрываются назначеннымъ мнѣ содержаніемъ и собственнымъ моимъ доходомъ, а поэтому для государственной экономіи ни малѣйшаго обремененія они причинять не могутъ.

Быть можетъ, до свѣдѣнія Вашего Высочества дошли слухи о какихъ-нибудь расходахъ, дѣлаемыхъ мною для края и предполагаемыхъ излишними. Но, сколько я ни припоминаю, не нахожу другаго расхода, который могъ бы подать поводъ къ толкамъ о прихоти или роскоши, кромѣ развѣ устройства здѣсь театра. Однакоже и въ этомъ случаѣ, смѣю увѣрить, я руководствовался не стремленіемъ къ великолѣпію или забавамъ, а соображеніями весьма достойными вниманія. На Кавказѣ нѣтъ тѣхъ разнообразныхъ развлеченій, которыхъ такъ много въ столицахъ и даже въ большой части губернскихъ городовъ, и слѣдовательно одною изъ первыхъ здѣсь общественныхъ потребностей—было бы возстановить благородный центръ, который, привлекая къ себѣ общество, устранялъ бы другія менѣе благородныя, а иногда и вредныя развлеченія. Съ этою цѣлью я вынужденъ открывать свой соб-

ственный домъ для сліянія здѣшняго разнороднаго общества: Русскаго и туземнаго; таже цѣль, весьма важная въ видахъ правительства, достигается и хорошимъ театромъ, который вмѣстѣ съ тѣмъ имѣетъ самое благотворное вліяніе на нравственное образованіе народа, съ трудомъ скидывающаго съ себя Азіатскую кору. Однимъ словомъ, тѣ незначительныя деньги, которыя я выпросилъ еще въ Москвѣ у Государя Императора, не будутъ брошены на пустую забаву, а принесутъ существенную пользу краю.

Въ заключеніе, я считаю священнымъ долгомъ вѣрноподданнаго сказать, что, прежде примѣненія къ Закавказскому краю какихъ-либо экономическихъ мѣръ, необходимо было бы рѣшить великій государственный вопросъ о томъ: нуженъ ли Кавказъ для будущаго блага Россіи или нѣтъ? Мнѣ кажется, что значеніе этого края въ отношеніи къ торгово-политическому вліянію, которое принадлежитъ нашему Отечеству по праву на дѣла́ Востока, еще не было достаточно оцѣнено. Отъ рѣшенія этого основнаго вопроса должны бы зависѣть всѣ дальнѣйшія дѣйствія наши, и тогда надобно будетъ или обратить усиленныя средства на этотъ край, или бросить его навсегда. *Полумѣрами мы образуемъ только язву, истощающую лучшіе соки государства.*

Я надѣюсь, что Ваше Высочество примите мое прямое и откровенное мнѣніе съ свойственною Вамъ благосклонностію, и счастливымъ себя почту, если Вы и въ будущемъ удостоите меня Вашими совѣтами, которые я всегда такъ глубоко уважаю.

(Изъ письма А. В. Головнина къ князю Александру Ивановичу, отъ 13 Августа изъ Стрѣльны, видно, что Великій Князь остался очень благодарнымъ князю за письмо, выяснившее ему многое, и собирался отвѣчать. «Однакоже, прибавилъ Головнинъ, много личностей, очень высокопоставленныхъ, не понимаютъ здѣсь, чтобы невозможно было, при плачевномъ состояніи нашихъ финансовъ, сдѣлать на Кавказѣ нѣсколько сокращеній расходовъ въ крупныхъ размѣрахъ»).

*

Быстро слѣдовавшіе одни за другими успѣхи въ военныхъ дѣйствіяхъ парализировали всѣ Петербургскіе толки и самою силою вещей вынудили не суживать средствъ на Кавказѣ; а конечный результатъ не замедлилъ выразиться не болѣе какъ чрезъ два года послѣ приведенной переписки. Да и самъ Петербургскій правительственный міръ, такъ настойчиво трактуя о необходимости экономіи въ расходахъ, въ тоже время не переставалъ заботиться и о поддержаніи нашего вліянія на Востокѣ, къ чему главнѣйшимъ образомъ и стремился князь Барятинскій.

Вообще, не могу не повторить, что невозможность опубликованія въ настоящее время большинства документовъ крайне стѣсняетъ рамку картины, могущей изобразить князя Барятинскаго въ надлежащемъ видѣ.

*

Наконецъ, отчаявшись въ скоромъ облегченіи отъ болѣзни, князь Барятинскій рѣшился просить объ увольненіи съ Кавказа. Вотъ что онъ писалъ изъ Вильны въ Декабрѣ 1862 года Государю:

Ваше Величество!

Если когда-нибудь Господь возвратитъ мнѣ здоровье, я буду благодарить Его за счастье отдать всю мою жизнь въ Ваше распоряженіе. Къ несчастью, постоянные возвраты болѣзни совершенно лишаютъ меня въ настоящее время надежды посвятить дѣлу необходимое вниманіе и усердіе, которыя были моими обычными спутниками на службѣ Вашего Величества.

Адлербергъ передастъ вамъ о томъ состояніи, въ которомъ онъ меня нашелъ. Горячо благодарю Васъ за милостивое вниманіе, которое Вы мнѣ оказали, приславъ его ко мнѣ. Я могъ побесѣдовать съ нимъ совершенно откровенно. Позвольте мнѣ подробно отвѣчать на всѣ предложенные Вами вопросы. Во первыхъ, Вы изволите спрашивать, позволяетъ ли мнѣ состояніе здоровья возвратиться въ теченіи этой зимы на Кавказъ и въ какое время? Если я буду вынужденъ пробыть зиму за границей и выдержать еще одинъ курсъ леченія въ теченіе лѣта, то можете ли Вы разсчитывать на мое возвращеніе осенью, и можетъ ли князь Орбеліанъ продолжать замѣщать меня до тѣхъ поръ? Соображаясь съ моими силами и спросивъ мнѣнія Вальтера и одного Виленскаго доктора, я пришелъ къ печальному заключенію, что мое возвращеніе на Кавказъ въ настоящее время невозможно: доктора требуютъ абсолютнаго покоя, такъ какъ это единственная надежда, и они не могутъ точно опредѣлить продолжительность моего леченія. Во всякомъ случаѣ я не могу посовѣтывать Вамъ оставить положеніе дѣлъ такъ, какъ оно есть въ настоящее время; ибо могутъ встрѣтиться нѣсколько такихъ важныхъ вопросовъ, которые князь Орбеліанъ своею властью не будетъ въ состояніи разрѣшить. Затѣмъ, Вы изволите меня спрашивать, кого я хотѣлъ бы видѣть на своемъ мѣстѣ въ случаѣ моего окончательнаго рѣшенія не возвращаться болѣе на Кавказъ? По моему мнѣнію, назначеніе Его Высочества Великаго Князя Михаила послужитъ высшимъ доказательствомъ Вашего благоволенія къ странѣ и къ арміи

которыя найдутъ въ этомъ новый залогъ заслуженнаго расположенія и всегда сумѣютъ его сохранить. Въ силу одного этого соображенія, необходимо отдать ему предпочтеніе предъ всѣми остальными, не говоря уже о личныхъ качествахъ, отличающихъ Великаго Князя; и въ этомъ случаѣ я буду держаться раціональнаго мнѣнія, что подобное замѣщеніе не можетъ быть временнымъ, поэтому возвращаюсь къ своему первому предложенію. Вашему Величеству угодно также знать, должны ли предложенныя мною измѣненія въ командованіяхъ быть сдѣланы сейчасъ, или же они могутъ быть сообщены замѣстившему меня, предоставивъ ему свободный образъ дѣйствій для принятія рѣшеній на мѣстѣ. Я вполнѣ понимаю разумную сущность подобной мысли и если Великій Князь удостоитъ пріѣхать дня на два въ Вильну, я сообщу ему взгляды на положеніе дѣлъ и на личный составъ Кавказа; тогда Его Высочество, разъ пріѣхавши на мѣсто, воспользуется ими, какъ найдетъ удобнѣе. Позвольте мнѣ окончить это письмо, выразивъ Вамъ, съ какимъ сердечнымъ сожалѣніемъ я покидаю постъ, довѣренный мнѣ Вашимъ Величествомъ.

Я никогда не нашелъ бы возможности утѣшиться въ потерѣ счастья продолжать мои труды, если бы не сохранялъ убѣжденія, что утратилъ въ этихъ трудахъ часть своего здоровья. Удостойте, Государь, принять еще разъ чувство моей признательности за доставленное мнѣ Адлербергомъ милостивое письмо Ваше, заключающее въ себѣ столько доброты».

При увольненіи, Государь почтилъ князя Барятинскаго слѣдующимъ рескриптомъ:

Князь Александръ Ивановичъ. Получивъ прискорбное извѣстіе, что тяжкая болѣзнь, постигшая васъ вслѣдствіе неутомимыхъ боевыхъ трудовъ, понесенныхъ вами въ особенности въ блистательную кампанію 1859 года, не дозволяетъ вамъ болѣе продолжать достохвальное служеніе ваше на Кавказѣ, я, согласно просьбѣ вашей, но съ истиннымъ сожалѣніемъ, Всемилостивѣйше увольняю васъ отъ должностей намѣстника моего на Кавказѣ и главнокомандующаго Кавказскою арміею. Возложивъ въ 1856 году на васъ эти важныя обязанности, я былъ увѣренъ, что вы, при пламенномъ усердіи къ пользамъ и славѣ отечества, коимъ постоянно отличалась служебная ваша дѣятельность, преодолѣете предстоящіе обширные труды къ исполненію моихъ предначертаній. Вы вполнѣ оправдали мое довѣріе: шестилѣтнее управленіе вами Кавказомъ было ознаменовано многими важными административными преобразованіями и значительными улучшеніями, упрочившими благоустройство края и благосостояніе жителей, а славное командованіе ваше арміею, въ отличномъ состояніи которой я лично

удостовѣрился въ 1861 году при посѣщеніи моемъ Кубанской области и западной части Закавказскаго края, увѣнчалось, послѣ ряда блестящихъ побѣдъ и подвиговъ, уничтоженіемъ власти Шамиля и покореніемъ страны, въ коей онъ столь долго непріязненно противъ насъ владычествовалъ. Подвиги храброй Кавказской арміи, подъ вашимъ личнымъ предводительствомъ и устройство Кавказскаго края, во время вашего управленія, останутся навсегда въ памяти потомства.

Отдавая полную справедливость блистательнымъ заслугамъ вашимъ, я поставляю себѣ въ особенное душевное удовольствіе выразить вамъ искреннѣйшую мою признательность и чувства сердечнаго благоволенія, въ ознаменованіе коихъ препровождаю къ вамъ алмазные знаки ордена Св. Апостола Андрея Первозваннаго, съ мечами надъ орденомъ. Пребываю къ вамъ навсегда неизмѣнно благосклоннымъ, искренно любящій и благодарный Александръ».

Князь Барятинскій выразилъ Государю чувства своей признательности въ особомъ письмѣ отъ 10-го Января 1863 г.

Ваше Величество!

Пользуюсь первою минутою облегченія, чтобы, послѣ долгаго промежутка времени, взяться за перо и выразить Вамъ чувство признательности, которою наполнено мое сердце.

Милость, съ какою Вы изволили оцѣнить мои прошлыя заслуги, приславъ мнѣ рескриптъ, сопровождавшій бриллiантовые знаки Андреевскаго ордена, великодушіе, съ какимъ Вы обезпечили мое существованіе и затѣмъ Ваше разрѣшеніе пользоваться безграничнымъ спокойствіемъ для возстановленія моего здоровья, все это еще болѣе усиливаетъ чувства долга и любви, и безъ того питаемыя къ Вамъ. Если когда-нибудь я буду въ состояніи съ новыми силами и новою энергіею возвратиться на стезю дѣятельной службы Вашему Величеству, то это будетъ для меня день величайшаго счастія.

Въ настоящее время постоянная неопредѣленность моего здоровья, иногда улучшающагося, но на весьма короткое время, ставитъ меня въ невозможность предвидѣть выздоровленіе. Въ Вильнѣ я испыталъ три послѣдовательные возврата болѣзни, чему по всей вѣроятности перемѣна погоды и климатъ были главною причиною; кромѣ того увеличеніе временныхъ занятій и мое плачевное нравственное состояніе, вслѣдствіе необходимости покинуть Кавказъ, много тому способствовали. Къ несчастью, я еще не знаю, гдѣ найду себѣ покой, который мнѣ такъ необходимъ. Разумѣется, я не поѣду искать его въ какой нибудь Европейской столицѣ. Италія, принимая во вниманіе ея политическое состояніе и безпорядки, для меня тѣмъ болѣе неудобна, что

изобилующіе тамъ наши дорогіе соотечественники, вмѣшиваясь въ политику, отравятъ мнѣ жизнь. Что̀ касается до Германіи, то множество различныхъ дворовъ, съ неизбѣжно налагаемыми обязательными условіями этикета, не могутъ также соотвѣтствовать тому спокойствію, котораго я ищу. Выборъ остается за Югомъ Франціи, Швейцаріею или Англіею; но окончательное рѣшеніе зависитъ отъ массы случайныхъ обстоятельствъ.

Переписываясь съ Адлербергомъ, я буду извѣщать его обо всемъ, что̀ стану предпринимать. Такимъ образомъ, онъ одинъ будетъ знать, гдѣ отыскать меня, еслибы Вашему Величеству было угодно переслать мнѣ свои приказанія. Въ этомъ случаѣ могу я надѣяться на его скромность, и при этомъ разсчитываю избѣжать множества писемъ и докучливыхъ визитовъ, которымъ я подверженъ, благодаря высокому положенію, созданному для меня Вашимъ Величествомъ.

Завтра думаю уѣхать въ Дрезденъ, глубоко сожалѣя, что не имѣю возможности засвидѣтельствовать свою преданность Его Высочеству Великому Князю Константину.

Позвольте мнѣ, Государь, просить Васъ повергнуть къ стопамъ Ея Величества Императрицы чувство моей преданности и уваженія и не отказать мнѣ въ милостивомъ дозволеніи иногда, когда буду въ состояніи, писать къ Вамъ.

По окончательномъ назначеніи Великаго Князя намѣстникомъ и главнокомандующимъ на Кавказѣ, князь Барятинскій написалъ Его Высочеству, въ Декабрѣ 1862 года изъ Вильны, слѣдующее письмо: *)

При разлукѣ со страною, которой посвятилъ я лучшіе годы моей жизни, разставаясь съ арміею, съ которою дѣлю столько хорошихъ воспоминаній, я утѣшаюсь единственно мыслью, что Кавказъ поступаетъ подъ начальство Вашего Императорскаго Высочества, и вижу въ назначеніи этомъ знакъ великой милости Государя къ краю и храбрымъ его воинамъ.

Чтобы Вашему Императорскому Высочеству скорѣе познакомиться съ настоящимъ положеніемъ дѣлъ, позвольте мнѣ, прежде всего, повергнуть особому вниманію Вашему отчеты мои за 1857, 1858 и 1859 годы и приказать тотчасъ же составить и представить Вамъ таковой же за три послѣдующіе года. Такимъ образомъ, Вы получите точное понятіе обо всѣхъ частяхъ военнаго и гражданскаго управленій. Съ своей стороны почитаю долгомъ представить Вамъ, по крайней

---

*) Печатается съ разрѣшенія Его Императорскаго Высочества. А. З.

мѣрѣ въ главныхъ чертахъ, основныя правила, которыми я руководствовался по тому и другому управленію.

Распространено такъ много критическихъ мнѣній на способъ войны и на все вообще управленіе краемъ, что новому начальнику легко о нихъ составить ложное понятіе. По моему, главная ошибка, даже иногда и правительственныхъ лицъ, заключается въ безсознательной непріязни къ чужой народности и въ невольной наклонности къ насильственному порабощенію ея собственнымъ привычкамъ и обычаямъ. Послѣдствія такого вліянія такъ сильны, что, проникая въ низшіе слои чиновничества, нерѣдко даже отражаются на мелочахъ обыкновенныхъ сношеній, въ быту обыденной жизни, и одинаково оскорбляютъ чувства всѣхъ сословій отъ мала до велика, отъ богатаго до бѣднаго. Спрашивается, можетъ ли такой нравственный гнетъ породить привязанность и любовь народа къ правительству?

Отъ такихъ моихъ наблюденій образовались и убѣжденія, и правила, которыми я руководствовался во все время моего управленія. Они состоятъ въ томъ, чтобы какъ можно болѣе привязать край къ правительству, управляя каждой народностію съ любовію и съ полнымъ почтеніемъ къ завѣтнымъ обычаямъ и преданіямъ. Администраторъ имѣетъ право, по моему мнѣнію, только подготовить почву и указывать на путь, ведущій къ улучшеніямъ, но долженъ предоставить каждой отдѣльной народности, чтобъ она приносила общему государственному усовершенствованію свою долю участія, согласно условіямъ своей особенности. Въ этомъ отношеніи воспитаніе туземныхъ женщинъ занимаетъ, конечно, первое мѣсто; женщина, по вліянію своему на семейство, какъ на хранилище народныхъ нравовъ и обычаевъ, дѣйствуетъ одинаково на привычки дитяти, возмужалаго и старца, а потому ей одной и можно измѣнять къ лучшему домашніе обычаи, въ которыхъ заключается первое условіе усовершенствованія.

Вотъ почему въ краѣ, гдѣ чувствуется потребность перерожденія нравовъ, необходимо, прежде всего, обратить вниманіе на размноженіе женскихъ училищъ. Государь Императоръ, удостоивъ мои мысли относительно сего предмета своимъ одобреніемъ, изволилъ уже изъявить свое согласіе на то, чтобы при первой возможности были основаны новые институты на Кавказѣ и за Кавказомъ, а именно: въ Кутаисѣ и послѣдовательно во Владикавказѣ, Ставрополѣ и Баку.

Задача перорожденія нравовъ труднѣе въ мусульманскихъ народахъ, такъ какъ гражданское ихъ устройство держится на основаніяхъ Магометанства, и всѣ ихъ постановленія поэтому въ противоборствѣ гражданскимъ началамъ христіанскаго правительства.

Въ этомъ смыслѣ уничтоженіе вліянія духовныхъ лицъ должно предшествовать всякой другой мѣрѣ, наше же прямое дѣйствіе можетъ только усилить фанатизмъ народовъ. А потому и здѣсь надобно было изыскать средство, въ средѣ ихъ же образованное, которое, ослабляя постепенно значеніе муллъ, уничтожило бы со временемъ значеніе Корана.

Въ этихъ видахъ я и возстановилъ ханскую власть, какъ враждебную теократическому началу. Она, хотя и признаетъ Шаріатъ, но старается дать преобладаніе Адату, закону, основанному на обычаѣ, и, слѣдовательно, допускающему измѣненія. Адатъ, основанный на различіи сословныхъ правъ, чрезвычайно тягостенъ, и если народъ, съ паденіемъ Шаріата, не будетъ уже болѣе имѣть огражденія противъ насилій хановъ, то предпочтетъ, конечно, введеніе нашихъ гражданскихъ законовъ.

Затѣмъ, въ предвидѣніи паденія у мусульманъ элемента духовнаго (безъ коего, однако, нигдѣ человѣчество не можетъ обходиться) создано было въ Іюнѣ 1860 года Общество Возстановленія Христіанства на Кавказѣ. Оно должно возвысить значеніе нашего духовенства, давъ ему нравственныя и матеріальныя средства, соотвѣтственныя его великому призванію. Такимъ образомъ, въ то время какъ ханская власть и Адатъ уничтожатъ значеніе мусульманскаго духовенства— наше возвысится на желаемую степень и привлечетъ къ себѣ, примѣромъ и проповѣдью, отпадающихъ дѣтей Ислама.

Изложивъ главные и единственные пути къ нравственному преобразованію края, позволяю себѣ обратить Ваше вниманіе и на главные матеріальные способы къ тому. Размножайте въ краѣ, по возможности, пути сообщенія и рынки: край будетъ всегда въ Вашей власти, торговля процвѣтетъ и съ нею—общественное благосостояніе. Не менѣе важно — преобразовать почву въ источникъ неисчерпаемаго богатства края. Палящее, знойное солнце Кавказа тогда только принесетъ благодатное дѣйствіе, когда предположенная система орошенія окончательно осуществится: тогда цѣлыя толпы трудолюбивыхъ переселенцевъ наполнятъ рынки государства нашего и всей Европы произведеніями своего труда, между которыми будутъ и неизвѣстныя доселѣ въ производительности нашей Имперіи.

Въ заключеніе моего обзора, позвольте, для большей ясности, представить Вашему Императорскому Высочеству краткій перечень тѣмъ предметамъ, по которымъ я высказалъ свои убѣжденія и которые считаю краеугольными камнями для счастія и процвѣтанія ввѣренныхъ Вамъ народовъ.

1. Воспитаніе женщинъ.
2. Уничтоженіе Шаріата.

3. Возстановленіе Христіанства.
4. Пути сообщенія.
5. Орошеніе.
6. Колонизація.

Теперь обращаюсь къ системѣ военныхъ дѣйствій, предпринятой мною на Кавказѣ. Ваше Императорское Высочество, вѣроятно, слѣдили за прежними дѣйствіями нашихъ войскъ. Временныя эти экспедиціи не приносили особой пользы, а предпочтительно служили школою для нашихъ офицеровъ и средствомъ повышенія по службѣ; результатовъ же рѣшительныхъ къ умиротворенію края не было. Непріятель, зная на сколько времени приготовлено у насъ фуражу и провіанта, оставлялъ свои жилища на такое же время, а остальное проводилъ дóма въ хозяйственныхъ занятіяхъ. Преимущество постоянныхъ войскъ на Кавказѣ, казалось мнѣ, заключается именно въ томъ, чтобы вести войну постоянно до разрѣшенія задачи; впрочемъ умиротвореніе Восточнаго Кавказа служитъ лучшимъ подкрѣпленіемъ предпринятой мною системы и сдѣлалось именно вслѣдствіе моего рѣшенія: не оставлять поля до окончательнаго изнеможенія жизненныхъ средствъ непріятеля.

Такимъ образомъ мы покорили Шамиля, а съ нимъ и весь Восточный Кавказъ. Покореніе же Западнаго различествуетъ въ томъ, что здѣсь мы не боремся съ устроеннымъ обществомъ и административною іерархіею. Черкесскія племена не покоряются никакимъ общественнымъ законамъ; у нихъ лишь святы личная независимость, честь и храбрость; имѣть дѣло съ ними—значитъ имѣть дѣло отдѣльно съ каждымъ лицемъ. Вотъ почему отрѣзать ихъ отъ моря и вытѣснить въ нѣдра Западнаго хребта составляетъ sine qua non покоренія, а затѣмъ усиленная колонизація Закубанскихъ земель довершаетъ всю прочность его.

Нѣтъ сомнѣнія, что вытѣсняемый непріятель будетъ защищаться съ упорнымъ ожесточеніемъ; но можно, по моему мнѣнію, облегчить столь желанную развязку, если бы условиться съ Портою о водвореніи Шамиля на земляхъ Турецкихъ, съ дозволеніемъ ему колонизировать добровольныхъ Кавказскихъ выходцевъ. Этимъ способомъ мы освободимся скоро отъ недовольныхъ, отъ фанатиковъ и всей теократической партіи, одновременно успокоимъ и Европейскихъ филантроповъ, и нашу собственную совѣсть, предоставляя Черкесамъ исходъ изъ настоящаго отчаяннаго положенія. Мы избѣгнемъ кровопролитія, Турція пріобрѣтетъ превосходное населеніе, а Шамиль, вмѣстѣ съ благодарностью къ Государю Императору, получитъ удовлетвореніе завѣтнымъ своимъ желаніямъ.

И такъ соображенія для военныхъ дѣйствій въ Кубанской области заключаются:

1. Въ постоянной войнѣ.

2. Въ усиленной казачьей колонизаціи.

Вашему Императорскому Высочеству выпадаетъ славный жребій нанести конечный ударъ сопротивленію Западныхъ горцевъ. Тогда Вамъ останется осчастливить цѣлый край, оживленный новою жизнію, дарами мира и просвѣщенія.

Молю Всевышняго, чтобъ Онъ благословилъ Ваши дѣйствія и чтобъ Вашимъ высокимъ именемъ началась для Кавказа, послѣ 15-ти вѣковъ истязаній и 60-ти лѣтней трудной войны, эпоха благоденствія и гражданскаго развитія.

ПРИЛОЖЕНІЕ.

Письма начальника главнаго штаба Кавказской арміи А. П. Карцова къ князю А. И. Барятинскому.

1.

8 Марта 1862. Тифлисъ.

Письма ваши изъ Малаги получены здѣсь 5 Марта. Время, которое еще осенью вы для своего возвращенія назначили, приближалось и, по мѣрѣ его приближенія, возрастало общее нетерпѣніе видѣть васъ. Пріѣздъ вашъ сдѣлался постояннымъ и почти единственнымъ предметомъ разговоровъ всего общества, а тѣмъ болѣе всѣхъ служащихъ. Съ какимъ-то особеннымъ удовольствіемъ каждый изъ насъ откладывалъ въ особый портфель тѣ дѣла, на которыхъ была резолюція „доложить по возвращеніи фельдмаршала". Мы каждый день, каждый часъ ждали окончательнаго отъ васъ увѣдомленія, чтобъ ѣхать въ Поти; князь Григорій Дмитріевичъ уже рѣшилъ отправиться туда къ 1-му числу, еслибъ даже и не было отъ васъ новыхъ приказаній. Объ этомъ именно говорилъ я съ княземъ Лев. Ив. Меликовымъ, когда принесли мнѣ отъ князя Григорія Дмитріевича ваше письмо. Оба мы вскрикнули отъ радости... Судите же, каковы были наши чувства, когда мы прочитали письмо. Я не считаю себя въ правѣ говорить вамъ о тѣхъ ощущеніяхъ, которыя произвело въ насъ совершенно неожиданное извѣстіе о возобновившихся болѣзненныхъ припадкахъ вашихъ, о страданіяхъ, которыя вы переносите... но уже одной отсрочки вашего пріѣзда было довольно, чтобы поразить насъ въ полномъ значеніи этого слова. Столько дѣлъ, столько вопросовъ откладывалось до вашего возвращенія! Казалось, что такъ легко будетъ работать, когда эти вопросы рѣшатся, когда ваше „да" или „нѣтъ" будетъ давать направленіе каждому дѣлу...

Тѣ дѣла, о которыхъ мнѣнія вашего сіятельства извѣстны, я старался не задерживать. Такимъ образомъ, представлены на Высочайшее утвержденіе: а) штаты Кутаисскаго конно-иррегулярнаго полка, б) штатъ училища военныхъ воспитанниковъ, в) проектъ положенія о заселеніи Западнаго Кавказа, г) положеніе и штаты народныхъ управленій Терской области, устройства въ ней охранной народной стражи и особой мѣстной полиціи въ округахъ, населенныхъ Чеченскимъ племенемъ. Главныя основанія положенія для управленія Терской областью тѣже, что̀ и въ Дагестанѣ, съ небольшими только отступленіями. Но для полицейскаго надзора предложены мѣры болѣе строгія, собственно въ округахъ Чеченскомъ, Аргунскомъ, Ичкеринскомъ и Ингушевскомъ. Тутъ предположено учредить пятисотенныхъ и сотенныхъ старшинъ, съ жалованьемъ отъ казны, и десятниковъ, чтобы постояннымъ надзоромъ самихъ жителей прекратить вкоренившееся въ этомъ племени бродяжничество и воровство. Мѣру эту князь Мирскій считаетъ временною, но тѣмъ не менѣе крайне необходимою. Издержки, которыхъ потребуетъ устройство новыхъ управленій, считая охранную стражу и мѣстную полицію, съ избыткомъ покрываются уничтоженіемъ отпуска на содержаніе временныхъ милицій и спускомъ на Донъ двухъ казачьихъ полковъ. Очень желательно, чтобы положеніе это утвердили какъ можно скорѣе, потому что Терская область все еще отчасти въ какомъ-то переходномъ состояніи, весьма вредномъ для ея спокойствія и для развитія въ ней гражданственности. Князь Мирскій уже писалъ вашему сіятельству о взятіи Уммы и Атабая; первый изъ нихъ теперь въ Смоленскѣ, а послѣдній въ Порховѣ. Взятіе ихъ стоило большихъ усилій, и нужно отдать полную справедливость князю Мирскому,— онъ выказалъ при этомъ много энергіи. Дѣятельность его въ Терской области обѣщаетъ самые благотворные результаты; дай Богъ только, чтобы онъ выдержалъ до конца такъ, какъ началъ. Въ одномъ только приходится часто противодѣйствовать ему—въ денежныхъ расходахъ, на которые онъ еще щедрѣе нежели князь Меликовъ. Помня ваши приказанія беречь деньги, я останавливаю его порывы, сколько могу; къ сожалѣнію, это не обходится безъ нѣкотораго неудовольствія.

Въ Дагестанѣ по прежнему все спокойно. Въ началѣ зимы въ Ункратлѣ появилась было снова шайка разбойниковъ, состоявшая изъ 10-ти человѣкъ; но на дняхъ всѣ они взяты Ункратльскимъ наибомъ съ помощью одной милиціи. Есть однакоже и въ этой области нѣкоторыя затрудненія, для рѣшенія которыхъ необходимо личное указаніе вашего сіятельства. Затрудненія эти возбуждены поведеніемъ хановъ Аварскаго и особенно Кюринскаго. Прошедшимъ лѣтомъ, когда Лазаревъ пошелъ въ Ункратль для усмиренія Хваршинцевъ, въ Аваріи, какъ и вездѣ, начались разные въ народѣ толки. Ибрагимъ-ханъ тогда лѣчился въ Петровскѣ, а въ Хунзахѣ оставался его помощникъ. Говоръ, бывшій въ народѣ, молва довела до свѣдѣнія хана въ видѣ заговора противъ него и его семейства. Онъ пріѣхалъ въ Хунзахъ и многихъ арестовалъ; иные успѣли скрыться

и прибѣжали въ Шуру къ Лазареву, прося его заступничества и суда. Князь Меликовъ тогда былъ въ Кубанской области. Лазаревъ съ однимъ изъ явившихся къ нему Аварцевъ послалъ къ Ибрагимъ-хану письмо, прося его пріостановиться наказаніемъ обвиняемыхъ до разбора этого дѣла слѣдствіемъ. Ханъ, вѣроятно раздраженный такою просьбою, приказалъ тотчасъ же подателя письма связать и сбросилъ его съ Хунзахской скалы. Слѣдствіе показало, что онъ казнилъ человѣка совершенно невиннаго. За это звѣрское злоупотребленіе власти объявленъ Ибрагимъ-хану Высочайшій выговоръ. Ограниченность Ибрагимъ-хана и болѣзненное раздраженіе, въ которомъ, говорятъ, онъ постоянно находится, мало подаютъ надежды на достиженіе той цѣли, которую ваше сіятельство имѣли, возводя его въ ханы Аварскіе.

Кюринскій ханъ жестокостями своими, непростительнымъ корыстолюбіемъ и разнаго рода несправедливостями довелъ народъ почти до открытаго возстанія противъ себя. Начиная съ 1860 г. поступали на него къ начальнику Южнаго Дагестана и къ самому князю Меликову безпрестанныя частныя жалобы. Наконецъ, въ прошедшую осень народъ открыто и единодушно отказался ему повиноваться: не прибѣгая еще къ оружію, Кюринцы выбрали до 200 человѣкъ повѣренныхъ и отправили ихъ въ Шуру съ жалобой, которая была выражена такими словами: „Государь такъ милостивъ, что бывшимъ врагамъ своимъ, которые служили Шамилю, далъ судъ и приставилъ начальниковъ, которые берегутъ народъ, какъ добрые пастухи стадо. За что́ же насъ, никогда не враждовавшихъ противъ Русскихъ, отдали вмѣсто пастуховъ злому волку, который насъ грабитъ?“ Ханъ такъ испугался народной демонстраціи, что подалъ просьбу объ увольненіи навсегда въ Мекку, съ тѣмъ только, чтобы семейству его дали обезпеченіе. Князь Меликовъ, зная виды вашего сіятельства и вполнѣ сознавая всю пользу, которую могло бы принести намъ утвердившееся на прочныхъ началахъ ханское управленіе, уговорилъ хана остаться до вашего возвращенія (т. е. до Апрѣля), а чтобы успокоить народъ, назначилъ ему сотрудника—маіора Гиренка. Озлобленіе народа противъ Юсуфъ-хана, по словамъ князя Меликова, такъ велико, что только надежда на скорый его отъѣздъ и особенно благоразумныя дѣйствія маіора Гиренка поддерживаютъ спокойствіе. По мнѣнію князя Меликова, для поддержанія здѣсь Юсуфъ-хана мало будетъ 4-хъ батальоновъ, тогда какъ по отъѣздѣ его не будетъ надобности и въ одной ротѣ. Главнымъ врагомъ ханскаго управленія въ Дагестанѣ прежде былъ мюридизмъ, а теперь—нашъ образъ управленія, народные суды и счастливый выборъ лицъ, управляющихъ сосѣдними округами. Безъ сомнѣнія Кюринцы перенесли бы и несправедливости и насиліе хана (какъ прежде переносили Казикумухцы), еслибъ возлѣ себя не видѣли управленія болѣе кроткаго и справедливаго, еслибы не видѣли, что благосостояніе въ сосѣднихъ обществахъ развивается гораздо быстрѣе, а жизнь и собственность тамъ безопаснѣе, нежели подъ управленіемъ ханскимъ. Другая причина, препятствующая упроченію хан-

ской власти—мирное положеніе края. Прекращеніе войны вездѣ и всегда наносило смертельный ударъ мусульманскимъ правительствамъ, не исключая Турецкаго султана и Персидскаго шаха, которыхъ существованіе поддерживается только искусственно. Война давала ханамъ и блескъ, и случаи къ подвигамъ, за которые народъ прощалъ имъ насилія; война сдерживала самихъ хановъ, заставляя ихъ дорожить мнѣніемъ и любовью народною. Теперь, подъ покровительствомъ Русской власти, ни народъ не дорожитъ значеніемъ своего хана, ни ханъ не нуждается въ расположеніи народа. Всѣ эти обстоятельства, подрывающія ханскую власть, могли бы быть устранены, до нѣкоторой степени, личными доблестями хановъ. Къ сожалѣнію должно сознаться, что и съ этой стороны ханская власть не находитъ поддержки: ни одинъ изъ нынѣшнихъ хановъ не имѣетъ тѣхъ достоинствъ, какія нужны для управленія народомъ; ни одинъ изъ нихъ не понимаетъ значенія мирной дѣятельности правителя *). — Прошу извиненія вашего сіятельства за это отступленіе отъ сущности дѣла и ожидаю приказаній вашихъ: угодно ли будетъ разрѣшить увольненіе Кюринскаго хана въ Мекку, или прикажете отложить рѣшеніе этого вопроса до вашего возвращенія?

Въ Кубанской области начались военныя дѣйствія противъ Абадзеховъ, которые дерзостію своихъ нападеній напомнили прошлыя времена Кавказской войны. Они сдѣлали даже нападеніе на старую станицу Лабинской линіи и возобновляли свою атаку въ теченіе 6-ти часовъ. Теперь вся линія р. Бѣлой до Каменнаго моста уже занята, построены на Бѣлой ограды для станицъ и линія постовъ; въ началѣ Мая должно войти въ эти станицы населеніе. Необычайно-суровая зима, ежедневныя мятели и глубокіе снѣга замедлили нѣсколько дѣйствія графа Евдокимова; но тѣмъ не менѣе онъ надѣется къ Апрѣлю занять все теченіе Бѣлой и выше Каменнаго моста, который оказался вовсе не такимъ чудомъ какъ его описывали и выше котораго есть такія мѣста, гдѣ очень удобно могутъ быть поселены наши станицы. Въ нынѣшнемъ году предположено водворить за Кубанью 4000 семействъ въ 20-ти станицахъ. Переселенцы уже назначены большею частію все охотники, которыхъ въ Черноморіи оказалось больше чѣмъ нужно. Станицами этими будетъ занятъ весь берегъ Натухайскаго округа (отъ устья Кубани до Константиновскаго укрѣпленія), Адагумская линія и все пространство между Лабой и Бѣлой. Вообще дѣла въ Кубанской области двинулись уже по указанному вашимъ сіятельствомъ направленію и если не уменьшатъ настоящихъ нашихъ средствъ, то можно надѣяться, что, чрезъ два или три года напряженныхъ усилій, Западный Кавказъ сдѣлается Русскимъ.

Гораздо больше затрудненій и запутанности представляютъ дѣла въ Кутаисскомъ генералъ-губернаторствѣ, и потому я позволяю себѣ изложить ихъ нѣсколько подробнѣе. Вашему сіятельству извѣстно, что владѣтель

---

*) Какія убѣдительныя доказательства несостоятельности системы управленія Азіятцами посредствомъ ихъ мусульманскихъ соотечественниковъ! А. З.

Абхазіи, принявъ на себя возложенное Государемъ порученіе, вслѣдъ затѣмъ просился въ отпускъ въ Константинополь. Ему посланъ былъ паспортъ; но въ половинѣ Ноября получено отъ него письмо, въ которомъ онъ увѣдомлялъ князя Григорія Дмитріевича о смерти своей жены и о томъ, что отложилъ свою поѣздку заграницу, а потому и просилъ князя прислать инструкцію для предстоящихъ дѣйствій. Князь Григорій Дмитріевичъ отвѣчалъ ему самымъ любезнымъ письмомъ, въ которомъ (послѣ подробнаго и откровеннаго изложенія всѣхъ нашихъ предположеній и объясненія причинъ, по которымъ для насъ желательно было бы имѣть прямое сообщеніе Сухума съ Кубанской областью) было сказано слѣдующее: „Для рѣшенія вопроса какъ вести дорогу необходимы предварительныя и подробныя изслѣдованія, которыя желательно было бы произвести безъ непосредственной помощи регулярныхъ войскъ. Если ваша свѣтлость признаете возможнымъ это, то я прикажу назначить особую коммиссію изъ трехъ или четырехъ опытныхъ офицеровъ, которые должны будутъ вмѣстѣ произвести подробный осмотръ мѣстности и рѣшить вопросъ—возможна ли дорога изъ Сухума черезъ главный хребетъ и какихъ средствъ потребуетъ ея разработка. Членамъ этой коммиссіи я полагалъ бы приказать явиться къ вамъ въ то время, какое вы сами назначите и дѣйствовать по непосредственнымъ вашимъ указаніямъ. Еслибы ваша свѣтлость сочли нужнымъ сформировать въ помощь коммиссіи отрядъ и занять имъ какой либо пунктъ, то я готовъ приказать отдать въ ваше распоряженіе всѣ силы, какія только генералъ-губернаторъ признаетъ возможнымъ отдѣлить, не обижая другихъ частей края. Мнѣ очень было бы желательно, чтобы ваша свѣтлость вошли по этому предмету въ прямыя сношенія съ генералъ-губернаторомъ“... Копія съ этого письма была отправлена г.-л. Кулебякину. Тотъ, не ожидая вопросовъ владѣтеля, тотчасъ же сообщилъ ему о войскахъ, какія можетъ назначить въ его распоряженіе. Владѣтель получилъ письмо генерала Колюбакина прежде чѣмъ письмо князя Григорія Дмитріевича и, не отвѣчая Колюбакину, написалъ мнѣ слѣдующее: „Не получивъ подлиннаго письма командующаго арміей, не могу ничего рѣшить; но считаю необходимымъ выразить откровенно, что я нахожу съ своей стороны неловкимъ, хотя бы только по лѣтамъ моимъ, входить въ прямыя сношенія съ генералъ-губернаторомъ. И поэтому если невозможно устранить эти сношенія съ генералъ-губернаторствомъ, то я предоставлю г-ну командующему арміей для исполненія возлагаемаго на меня порученія назначить кого будетъ угодно его сіятельству“... Не обращая вниманія на эту выходку владѣтеля Абхазіи и желая испробовать всѣ средства къ соглашенію съ нимъ, чтобы только исполнить волю Государя, князь Григорій Дмитріевичъ командировалъ въ Абхазію генерала Зотова для личныхъ объясненій съ княземъ Шервашидзе. Зотовъ доноситъ, что владѣтель (уже получившій письмо князя Григорія Дмитріевича) принялъ его очень любезно, выказалъ большую готовность приняться за исполненіе возлагаемаго на него порученія, но для этого требуетъ: 8 комплектныхъ

батальоновъ со стрѣлковыми ротами, роту саперъ, 1000 человѣкъ милиціи, 350 черводарскихъ лошадей и особый штабъ, независимый отъ генералъ-губернатора. Для удовлетворенія этихъ требованій пришлось бы взять у генералъ-губернатора всѣ войска и сверхъ того направить въ Абхазію часть гренадерской дивизіи, которая имѣетъ уже свое назначеніе:—работы въ Верхнемъ Дагестанѣ. Пришлось бы сдѣлать значительную сверхсмѣтную издержку; наконецъ, такимъ образомъ отнять у генералъ-губернатора всѣ военныя средства, въ которыхъ ему можетъ встрѣтиться надобность и въ Цебельдѣ, и въ другихъ пунктахъ. Ненависть владѣтеля къ генералу Колюбакину такъ велика, что онъ сказалъ Зотову: „Со всякимъ генералъ-губернаторомъ можно ладить, но съ нимъ никогда. Я почелъ бы величайшею для себя милостію, ежелибъ Кулебякину запрещено было произносить мое имя". Какая причина этой ненависти, не знаю. При такомъ положеніи дѣлъ, не обѣщающемъ никакой надежды на успѣхъ военныхъ предпріятій нашихъ въ этомъ краѣ, я взялъ на себя смѣлость испросить у князя Григорія Дмитріевича разрѣшеніе отложить дѣйствія со стороны Абхазіи въ нынѣшнемъ году, а относительно будущаго года ожидать приказаній вашего сіятельства. По моему мнѣнію, намъ нѣтъ и особенной надобности предпринимать со стороны Абхазіи что либо серьезное до тѣхъ поръ, пока на Сѣверномъ Кавказѣ графъ Евдокимовъ не сломитъ окончательно Абадзеховъ и Шапсуговъ. Мнѣніе это раздѣляетъ и графъ Евдокимовъ. Къ сожалѣнію, военный министръ, и Государь даже, считаютъ дѣйствія со стороны Абхазіи, важными и я опасаюсь, что Государь будетъ недоволенъ отмѣною предположенной экспедиціи; но считаю, что трата людей и денегъ, безъ надежды на успѣхъ, будетъ еще непріятнѣе Государю. Изъ прилагаемой печатной записки Н. П. Колюбакина, которую по просьбѣ его имѣю честь препроводить къ вашему сіятельству, вы изволите усмотрѣть затрудненія, съ которыми можетъ быть сопряжено устройство дороги. Хотя въ запискѣ этой многое преувеличено, но есть много правды. Не видавъ прежде Сухума и судя по картѣ, я тоже считалъ этотъ пунктъ очень важнымъ; но съ перваго же взгляда на него я убѣдился, что военнымъ пунктомъ его считать невозможно. Двѣ канонерскія лодки могутъ безнаказанно сжечь и срыть его до основанія. Если Богъ поможетъ намъ занять береговую линію поселеніями, то Сухумъ долженъ быть обращенъ въ гражданскій городъ; а слѣдовательно нѣтъ надобности строить дорогу, которая поспѣетъ только тогда, когда въ ней не будетъ нужды. Дорога черезъ главный хребетъ гораздо удобнѣе можетъ быть проведена съ сѣверной стороны, гдѣ уже нѣтъ непріязненнаго населенія; выдетъ ли она въ Сухумъ или въ другой пунктъ, мнѣ кажется все равно. Не знаю, одобрите ли ваше сіятельство это мнѣніе, и не смѣю писать доводовъ въ подкрѣпленіе его, опасаясь утомить васъ письмомъ и безъ того уже слишкомъ длиннымъ.

Дѣйствія наши въ Кубанской области приняли такое напряженное положеніе, что требуютъ всего вниманія и всѣхъ средствъ, какими только

мы можемъ располагать. Между тѣмъ предположено осенью взять отъ насъ резервную дивизію. Князь Григорій Дмитріевичъ полагаетъ сдѣлать представленіе, чтобы ее оставили еще на годъ. Нѣсколько словъ вашего сіятельства къ военному министру конечно будутъ самымъ вѣрнымъ средствомъ къ тому, чтобы ходатайство это было уважено. Если резервная дивизія будетъ оставлена, то осенью можно будетъ всѣ батальоны ея собрать въ Кубанской области и тѣмъ ускорить гигантскія работы тамъ предстоящія. Положеніе Терской области дозволяетъ это и теперь сдѣлать; но, имѣя въ виду обѣщаніе Государя посѣтить осенью снова здѣшній край, князь Григорій Дмитріевичъ разрѣшилъ 4 батальона назначить на перевалъ Военно-грузинской дороги, чтобы кончить шоссе отъ Креста до Коби. Причиною, по которой военный министръ полагаетъ нужнымъ отозвать резервную дивизію, служитъ желаніе сократить расходы. Чтобы удовлетворить этому требованію, я полагалъ бы возможнымъ теперь же 4-й и 5-й батальоны гренадерской и 21-й дивизій привести въ кадровый составъ, продавъ и подъемныхъ лошадей имъ принадлежащихъ. Это составитъ весьма значительное сбереженіе и дастъ возможность имѣть по 3 батальона въ каждомъ полку комплектныхъ, готовыхъ во всякую минуту двинуться, куда надобность укажетъ. Въ случаѣ же войны укомплектованіе кадровъ 4-хъ и 5-хъ батальоновъ не представитъ никакихъ затрудненій.

Если ваше сіятельство изволите одобрить это предположеніе, вызываемое настоятельными требованіями о сокращеніи смѣтъ (не смотря на то, что смѣта на 1862 г. сокращена уже на 2.000.000 рубл.), то не изволите ли разрѣшить представить объ этомъ въ подкрѣпленіе просьбы объ оставленіи на Кавказѣ резервной дивизіи?

Много еще остается такихъ вопросовъ и дѣлъ, о которыхъ необходимо знать мнѣніе вашего сіятельства; но я не смѣю и касаться ихъ въ этомъ письмѣ, чтобы не утомить васъ. Нѣсколько часовъ личнаго доклада и нѣсколько словъ вашихъ распутали бы всѣ узлы; но объ этомъ пока остается только мечтать.

2.

8 Мая 1862 года.

Приказаніе, совершенно неожиданно полученное Кузнецовымъ о высылкѣ къ вамъ въ Петербургъ мундира, даетъ право надѣяться на скорое ваше прибытіе туда и побуждаетъ меня вторично безпокоить васъ различными вопросами, которые могутъ быть рѣшены не иначе, какъ по указаніямъ вашимъ.

24 Апрѣля князь Григорій Дмитріевичъ получилъ отъ военнаго министра Высочайшее повелѣніе произвести сокращенія въ составѣ арміи и во всѣхъ расходахъ по ея управленію, съ тѣмъ, чтобы соображенія объ этомъ были представлены въ Петербургъ къ 1 Мая. Требованія, предложенныя военнымъ министромъ, вѣроятно вашему сіятельству извѣстны.

Удовлетвореніе этихъ требованій въ томъ размѣрѣ, въ какомъ они предложены, рѣшительно невозможно, а потому князь Григорій Дмитріевичъ имѣетъ въ виду ходатайствовать объ ограниченіи сокращеній слѣдующими размѣрами:

а) Въ пѣхотѣ. Расформировать 5-ые баталіоны въ полкахъ гренадерской 20-й и 21-й дивизій, а 4-ые баталіоны этихъ полковъ привести въ кадровый составъ (496 рядовыхъ). Въ Кубанской же области, гдѣ война приняла уже ожесточенный характеръ, никакое уменьшеніе пѣхоты рѣшительно невозможно; иначе пришлось бы снять всѣ станицы, только что водворенныя на р. Бѣлой и въ Натухайскомъ округѣ. Крайне было бы невыгодно расформировать теперь вдругъ по два баталіона и въ полкахъ 20-й и 21-й и гренадерской дивизій. Такая крутая мѣра, кромѣ уменьшенія матеріальныхъ средствъ арміи, имѣла бы весьма опасное нравственное вліяніе и на армію, и на весь край. Даже расформированіе однихъ пятыхъ батальоновъ въ трехъ дивизіяхъ лишаетъ мѣстъ 24-хъ штабъ-офицеровъ и до 250 оберъ-офицеровъ. Съ расформированіемъ четвертыхъ батальоновъ число это удвоилось бы. Каждый изъ этихъ людей конечно будетъ недовольнымъ, каждый изъ нихъ имѣетъ здѣсь своихъ родственниковъ и друзей, которые не могутъ ему не сочувствовать. Внутри Россіи, гдѣ армія раскинута на огромномъ пространствѣ, гдѣ народъ имѣетъ много другихъ интересовъ, такая мѣра не опасна. Здѣсь армія собрана на пространствѣ болѣе тѣсномъ, и все населеніе привыкло смотрѣть на нее, какъ на представительницу и могущества, и цивилизаціи Россіи; а потому необходимо обращаться съ нею гораздо осторожнѣе.

б) Въ кавалеріи. Драгунскіе полки привести въ составъ четырехъ дѣйствующихъ и одного резервнаго эскадрона каждый полкъ, Донскіе полки съ Сѣвернаго Кавказа спустить, а въ Закавказскомъ краѣ оставить только 6 полковъ. Въ Терскомъ казачьемъ войскѣ спустить на льготу по двѣ сотни съ каждаго полка.

в) Въ артиллеріи. Упразднить крѣпостныя роты: Эриванскую, Дербентскую, Закатальскую и Хасавъ-Юртовскую. Батареи гренадерской 20-й и 21-й бригады привести по числу лошадей въ такое положеніе, чтобы онѣ имѣли по четыре запряженныя орудія съ полнымъ числомъ зарядныхъ ящиковъ, а казачьи батареи привести всѣ въ 4-хъ-орудійный составъ. 19-ю артилерійскую бригаду привести въ тотъ составъ, который былъ утвержденъ для прочихъ батарей Кавказской арміи въ 1860 году.

г) По инженерному вѣдомству. Упразднить $2^1/_2$ военно-рабочія роты и отложить всѣ тѣ постройки, въ которыхъ не предстоитъ крайней необходимости.

Такимъ образомъ командующій арміей соглашается на уменьшеніе пѣхоты 18.000, кавалеріи 8 эскадроновъ и 50 сотенъ, артиллеріи на 48 пѣшихъ и 28 конныхъ орудій. Эти сокращенія должны уменьшить смѣту свыше нежели на полтора милліона рублей, и болѣе этой жертвы едва ли можно требовать.

Требованіе остановить заселеніе Закубанскаго края рѣшительно невозможно. На это можно было согласиться въ прошедшемъ году, пока Абадзехи еще не начали войны; теперь же всякая остановка нашихъ дѣйствій и переселеніе будутъ приняты горцами за признакъ нашего безсилія продолжать борьбу. Въ Натухайскомъ же округѣ станицы наши въ такомъ положеніи, что если не приселить къ нимъ еще двухъ или трехъ тысячъ семействъ, то при первомъ выстрѣлѣ на Черномъ морѣ придется ихъ опять снимать, какъ было въ минувшую войну..

Представленіе подробныхъ соображеній по предмету требуемыхъ сокращеній теперь приготовляется и дня черезъ три или четыре будетъ отправлено въ Петербургъ. Князь Григорій Дмитріевичъ приказалъ мнѣ просить военнаго министра всѣ его предположенія представить предварительно вашему сіятельству, и только на силу личнаго вашего ходатайства мы надѣемся. Покореніе всего Кавказа такъ близко, такъ вѣрно; неужели у Россіи не стало силы продлить настойчивыя дѣйствія еще три, много четыре года? И неужели война эта должна снова затянуться на десятки лѣтъ?

Въ представляемыхъ при этомъ письмѣ докладныхъ запискахъ я, съ разрѣшенія князя Григорія Дмитріевича, испрашиваю приказаній и ходатайства вашего по нѣкоторымъ частнымъ вопросамъ. Изъ вопросовъ этихъ наибольшую важность представляетъ въ настоящее время утвержденіе штатовъ народныхъ управленій Терской области. Князь Мирскій положительно говоритъ, что если новое управленіе не будетъ введено въ теченіе Іюня и Іюля мѣсяцевъ, то онъ не ручается за спокойствіе края. До сихъ поръ въ Терской области все спокойно и, согласно приказанію вашего сіятельства, приступлено къ размежеванію земель въ Чечнѣ и въ Кабардѣ. Въ Дагестанѣ также спокойно. Объ увольненіи хана Кюринскаго въ Мекку, по возобновленному ходатайству князя Меликова, князь Григорій Дмитріевичъ приказалъ сдѣлать представленіе военному министру. Владѣтель Абхазіи тоже уѣзжаетъ за границу на 4 мѣсяца.

Дѣла съ Новосельскимъ по Кубанскому пароходству приняли крайне запутанное положеніе. Темрюкъ по всѣмъ изслѣдованіямъ оказался невозможнымъ для устройства порта, а работы по соединенію Кубани съ Ахтанизовскимъ лиманомъ требуютъ тоже огромныхъ издержекъ. Все что̀ дѣлалось тамъ при генералѣ Филипсонѣ исчезло безъ слѣда. Теперь отправлена новая коммисія на Кубань для подробнаго составленія всѣхъ смѣтъ по разчисткѣ рѣки. Самъ Новосельскій ничего не знаетъ, что̀ здѣсь дѣлается, а его агенты не внушаютъ большаго довѣрія.

Послѣ завтра въ Кутаисѣ открывается желѣзный мостъ и шоссе до Квирильской станціи.

Телеграфъ до Владикавказа будетъ открытъ лѣтомъ, а къ зимѣ вѣроятно откроется вся линія до Ставрополя. Ремонтъ его отдать строителямъ было убыточно, а потому онъ остается на иждивеніи казеннаго управленія.

На Военно-Грузинской дорогѣ между Папанауромъ и Владикавказомъ работаютъ пять батальоновъ, и можно надѣяться, что осенью шоссе черезъ перевалъ до Коби будетъ готово.

Неужели ваше сіятельство и въ нынѣшнемъ году не взглянете на труды вашихъ подчиненныхъ? Вѣрныхъ и подробныхъ свѣдѣній о здоровьи вашемъ мы не имѣемъ, а слухи и письма Петербургскія то представляютъ васъ совершенно здоровымъ и обѣщаютъ намъ очень скорый пріѣздъ вашъ, то снова пугаютъ, что Вальтеръ будто бы настаиваетъ на продолженіи вашего лѣченія еще зиму.

Такимъ образомъ всѣ мы живемъ между страхомъ и надеждою. Это тяжелое чувство невольно отзывается и на всей дѣятельности нашей, не смотря на всѣ усилія побороть его.

3.

22 Іюля 1862 года.

Изъ письма вашего къ военному министру, копію котораго вамъ угодно было прислать мнѣ, князь Григорій Дмитріевичъ съ огорченіемъ увидѣлъ, что размѣръ представленнаго имъ проекта сокращеній въ войскахъ Кавказской арміи превышаетъ предположеніе вашего сіятельства. Хотя князь и просилъ военнаго министра не приводить въ исполненіе его предположеній до одобренія ихъ вашимъ сіятельствомъ и въ приказѣ по арміи объявилъ только о приведеніи въ кадровый составъ четвертыхъ и пятыхъ батальоновъ, но на прошлой недѣли получено новое Высочайшее повелѣніе расформировать пятые батальоны всѣхъ полковъ, исключая 19-й пѣхотной дивизіи.

Первоначально представленное предположеніе князя Григорія Дмитріевича вызвано было необходимостью. Требованія военнаго министра выражены были отъ Высочайшаго имени такъ настоятельно и такъ убѣдительны были въ частныхъ письмахъ Дмитрія Алексѣевича, что не исполнить ихъ или даже отложить ихъ исполненіе до полученія указаній вашего сіятельства не представлялось никакой возможности. Впрочемъ, считаю долгомъ довести до свѣдѣнія вашего сіятельства, что положеніе Дагестанской и Терской областей не возбуждаетъ теперь никакихъ опасеній и что всѣ сокращенія въ войскахъ Терской области сдѣланы по соглашенію съ княземъ Мирскимъ.

Князь Мирскій пишетъ, что отсутствіе происшествій въ Терской области не должно приписывать случайности, и что это есть слѣдствіе кореннаго поворота въ образѣ мыслей туземцевъ. Чеченцы теперь заняты размежеваніемъ, которое у нихъ производится, и новой азбукой составленной для нихъ. Для составленія этой азбуки были вытребованы въ Тифлисъ два ученыхъ Чеченца, которые подъ руководствомъ Услара, составляя азбуку и граматику, въ тоже время и сами выучились писать. Одинъ изъ нихъ, мулла, пришелъ въ такой восторгъ отъ возможности писать на

своемъ родномъ языкѣ, что сочинилъ и написалъ Чеченскіе стихи въ честь новаго изобрѣтенія и передъ отъѣздомъ просилъ меня выписать ему литографическій станокъ. Возвратившись въ Грозную, онъ тотчасъ же собралъ тридцать учениковъ, большею частію взрослыхъ и уже учившихся у него передъ тѣмъ Арабскому языку, и началъ ихъ учить писать по-чеченски. Такимъ образомъ опасеніе, что духовенство мусульманское будетъ противиться введенію письменности на мѣстныхъ языкахъ въ Чечнѣ не оправдалось, и есть надежда, что Русскій алфавитъ скоро заставитъ забыть Арабскія буквы. Теперь Усларъ занимается составленіемъ азбуки и граматики Кабардинскаго языка.

Въ Кубанской области съ прошлой весны по Май нынѣшняго года поселено 35 новыхъ станицъ, которыми занято съ одной стороны все пространство отъ Лабы до Бѣлой, а съ другой морской берегъ отъ устья Кубани до Константиновскаго укрѣпленія и Адагумская линія. Дѣла тамъ, можетъ быть, шли бы еще успѣшнѣе, еслибы графъ Евдокимовъ былъ здоровъ. Къ сожалѣнію, онъ пролежалъ всю зиму, въ началѣ Марта выѣхалъ на недѣлю въ отрядъ и снова слегъ, въ Апрѣлѣ опять попробовалъ съѣздить въ верховье р. Бѣлой и снова заболѣлъ. Теперь онъ лѣчится въ Есентукахъ и надѣется въ первыхъ числахъ Августа выѣхать оттуда уже здоровымъ. Медики утверждаютъ, что у него подагра; самъ онъ считаетъ свою болѣзнь ревматизмомъ и очень опасается, что не будетъ въ состояніи довести до конца возложенное на него дѣло. Причиною болѣзни его я считаю простуду и нравственныя потрясенія, которыя онъ перенесъ въ прошедшую войну во время волненій, обнаружившихся между казаками. Теперь его, кажется, тревожитъ и обнаружившаяся къ нему ненависть горцевъ, и неожиданное имъ упорство военныхъ дѣйствій. Горцы считаютъ его главнымъ виновникомъ тому, что Государь не принялъ ихъ покорности и поклялись убить его. Война на Бѣлой приняла характеръ самый ожесточенный. Горцы восточнаго прибрежья перешли на сѣверный склонъ хребта и огромными партіями нападаютъ на наши новыя станицы. Ожесточеніе горцевъ, предчувствующихъ свою послѣднюю минуту, дошло до такой степени, что они даже на открытыхъ мѣстахъ атакуютъ наши колонны и густыми массами бросаются на картечь нашихъ батарей. Въ теченіе Іюня мѣсяца они два раза штурмовали укрѣпленіе Хамкеты и нападали на укрѣпленіе Григорьевское среди дня. Всѣ эти нападенія были для нихъ неудачны и стоили имъ потерь огромныхъ. Къ сожалѣнію и на нашу долю выпала одна неудача. 26 Іюня партія въ 4 тыс., пробравшись горами, сдѣлала неожиданное нападеніе на поселенную въ прошедшемъ году станицу Псеменскую. Станица эта находится на Большой Лабѣ, у самыхъ горъ, удалена почти на 50 верстъ отъ театра дѣйствій и была занята только одною сотнею. Горцы ворвались въ нее, зажгли дома и хотя были выбиты оправившимся гарнизономъ и жителями, но успѣли захватить до 40 человѣкъ въ плѣнъ. 8 Іюля они повторили нападеніе на туже станицу, но были отбиты съ огромною потерею. По первому извѣстію о

постигшемъ Псеменскую станицу несчастіи, графъ Евдокимовъ очень встревожился и просилъ подкрѣпленія его казаками Терскаго войска и прислать къ нему остающіеся въ Терской области 7 резервныхъ батальоновъ. Князь Григорій Дмитріевичъ, имѣя въ виду, что въ Кубанской области теперь 61 батальонъ, 24 эскадрона драгунъ и 153 сотни казаковъ, что для удовлетворенія желанія графа Евдокимова пришлось бы пріостановить многія весьма важныя работы, отложилъ до осени исполненіе требованія графа Николая Ивановича, и послѣдній теперь самъ убѣдился, что ему нужнѣе былъ распорядитель нежели войска. Онъ послалъ на мѣсто дѣйствій генерала Забудскаго и пишетъ теперь, что послѣдній привелъ дѣла въ порядокъ. Осенью, по окончаніи работъ въ Терской области, 7 резервныхъ батальоновъ тамъ находящихся приказано направить на Бѣлую, и кромѣ того весною будущаго года князь Мирскій находитъ возможнымъ командировать туда 6 сотенъ Терскихъ казаковъ. Бо́льшаго числа войскъ направить туда невозможно, потому что и теперь для продовольствія войскъ и новыхъ переселенцевъ мы должны заготовить въ магазинахъ Кубанской области 440 тыс. четвертей хлѣба. Болѣе этого количества нѣтъ возможности подвезти въ магазины ни за какую цѣну, потому что перевозочныя средства края будутъ недостаточны.

Чтобы облегчить дѣйствія графа Евдокимова, отвлечь отъ него прибрежныхъ Шапсуговъ и Убыховъ и ускорить завоеваніе западной части горъ, я, съ разрѣшенія князя Григорія Дмитріевича, предложилъ ему сформировать десантный отрядъ, занять имъ устье Джубы или Туапсе и начать разработку дороги черезъ хребетъ: въ первомъ случаѣ на укрѣпленіе Григорьевское, а во второмъ—въ верховье Пшиша, на встрѣчу войскамъ наступающимъ со стороны р. Бѣлой. Графъ Николай Ивановичъ очень обрадованъ этимъ предложеніемъ и пишетъ мнѣ слѣдующее: „Отрядъ въ 5 или 6 батальоновъ лучше всего высадить на Джубу и начать работу дороги въ верховьѣ Шебши. Осенью я ушлю войска со стороны Григорьевскаго и направлю ихъ туда же. Бабичъ будетъ громить аулы, отрѣзываемые этою линіей и приготовлять станицы, а войска со стороны Джубы устроятъ линію на встрѣчу наступающимъ отъ Григорьевскаго. Эта задача можетъ исполниться къ половинѣ или къ концу будущаго Іюня. Тогда отрядъ съ Джубы перевести на Туапсе, ибо къ тому времени войска со стороны Бѣлой будутъ устремлены на перевалъ къ верховью Пшиша и въ долину Туапсе. Если возможно, надо поспѣшить этимъ предпріятіемъ, какъ ускоряющимъ рѣшеніе судьбы всего Западнаго Кавказа“. Позволяю себѣ прибавить, судя по настоящему положенію дѣлъ, что если предположеніе это будетъ исполнено, то въ будущую осень покореніе Западнаго Кавказа, исключая земли Убыховъ, будетъ окончено. Князь Григорій Дмитріевичъ, раздѣляя предположеніе графа Евдокимова, приказалъ мнѣ предварительно испросивъ на это утвержденіе или, по крайней мѣрѣ, разрѣшеніе вашего сіятельства, приступить теперь же къ приготовленію экспедиціи съ тѣмъ, чтобы отправить ее уже по возвращеніи вашемъ въ край. Отрядъ этотъ можно всего удобнѣе сформировать изъ 4-хъ батальоновъ гренадер-

ской дивизіи (по одному отъ каждаго полка) и одного изъ сводныхъ стрѣлковыхъ батальоновъ, находящихся въ Кутаисскомъ генералъ-губернаторствѣ. Сѣвъ на суда въ Поти, онъ можетъ быть во второй половинѣ Сентября въ устьи Джубы и до наступленія зимы успѣетъ разработать дорогу до перевала. Если ваше сіятельство одобрите это предположеніе, то не изволите ли признать возможнымъ извѣстить князя Григорія Дмитріевича о вашемъ согласіи по телеграфу, чрезъ Новочеркаскъ, дабы къ Сентябрю мѣсяцу мы могли успѣть сдѣлать всѣ приготовительныя распоряженія къ снаряженію экспедиціи.

Князь Григорій Дмитріевичъ, поручая мнѣ писать объ этомъ вашему сіятельству, проситъ извиненія вашего, что не пишетъ объ этомъ самъ. У него теперь семейное горе. У двоюроднаго брата его князя Каплана Орбельяна умеръ единственный сынъ, 17-ти лѣтній юноша, котораго князь Григорій Дмитріевичъ очень любилъ; теперь его собираются хоронить, и все семейство въ большомъ горѣ.

Въ Дагестанѣ попрежнему все спокойно. Только Аварскій ханъ приводитъ въ отчаяніе князя Меликова своимъ поведеніемъ, и теперь уже вынуждены были отозвать его въ Шуру до пріѣзда въ край вашего сіятельства. О причинахъ, побудившихъ къ такой мѣрѣ, ваше сіятельство изволите усмотрѣть изъ подлиннаго увѣдомленія князя Меликова, которое при семъ, по приказанію князя Григорія Дмитріевича, имѣю честь представить.

Принимаю смѣлость представить вашему сіятельству полученное мною письмо отъ полковника Ѳадѣева; взглядъ его на положеніе дѣлъ въ Кутаисскомъ генералъ-губернаторствѣ я считаю столь же справедливымъ какъ было справедливо то, что̀ онъ писалъ вашему сіятельству о Терской области весной 1861 года. Въ безполезности дороги изъ Сухума черезъ главный хребетъ я убѣдился также, какъ только побывалъ первый разъ въ Сухумѣ; но рекогносцировку теперь предпринятую нужно было разрѣшить, чтобы этимъ удовлетворить владѣтеля Абхазіи. Подробнымъ изложеніемъ всѣхъ обстоятельствъ этого дѣла теперь не смѣю утруждать ваше сіятельство.

Положеніе объ управленіи Терскою областью утверждено; но при исполненіи его князь Мирскій встрѣчаетъ затрудненія въ выборѣ начальствующихъ лицъ, а потому окончательное рѣшеніе этого дѣла отложено до возвращенія вашего сіятельства, какъ и множество другихъ вопросовъ. Князь Мирскій проситъ между прочимъ и новаго начальника штаба: Радецкій проситъ дать ему боевое назначеніе.

Чѣмъ ближе подходитъ время возвращенія вашего сіятельства, тѣмъ съ бо́льшимъ нетерпѣніемъ всѣ мы ожидаемъ васъ. Если надежды наши наконецъ сбудутся, если въ началѣ Сентября вы прибудете въ Петровскъ, а оттуда пожелаете пріѣхать въ Тифлисъ по Военно-грузинской дорогѣ, то я надѣюсь, что все шоссе отъ Коби черезъ перевалъ до Квишета будетъ уже готово и что мы будемъ имѣть возможность соединить торжественное его открытіе съ празднествомъ вашего возвращенія.

Глава XII.

Обзоръ реформъ по организаціи Кавказской арміи.—По администраціи горцами. — По строевой части.—По частямъ: инженерной, казачьихъ войскъ, военно-медицинской, коммиссаріатской, провіантской, военно-дорожной, военно-судебной, морской и проч.- Увеличеніе расходовъ на потребности арміи.

Въ предыдущей главѣ законченъ обзоръ собственно военныхъ событій за время главнаго командованія князя Барятинскаго; но обзоръ не былъ бы полонъ безъ очерка тѣхъ реформъ, которымъ подверглась самая организація Кавказской арміи, ея разнороднаго управленія и, особенно, администраціи покорными горцами.

Во всеподданнѣйшемъ отчетѣ за 1856—1859 годы князь Барятинскій подробно изложилъ всѣ произведенныя имъ реформы; пользуюсь этимъ матеріаломъ, чтобы передать самую сущность дѣла, выполненнаго скоро и успѣшно, благодаря энергической помощи Д. А. Милютина.

Приступая къ рѣшительнымъ дѣйствіямъ для покоренія горцевъ, надобно было окончательно опредѣлить цѣль, къ которой должно стремиться управленіе покорными. Мы разъ уже владѣли Чечней и Аваріей; непосредственно, или чрезъ подчиненныхъ Россіи хановъ, наше вліяніе простиралось на всю восточную половину горъ, за исключеніемъ нѣсколькихъ обществъ въ глубинѣ Лезгистана, гдѣ укрывался мюридизмъ. Все это мы утратили чрезъ неустройство нашего управленія и злоупотребленія, истекавшія изъ этого неустройства. Бунтъ Чечни въ 1840 году, вызванный цѣлымъ рядомъ необдуманныхъ и притѣснительныхъ мѣръ, сдѣлался сигналомъ общаго возстанія на Восточномъ Кавказѣ и началомъ двадцатилѣтней борьбы, стоившей неисчислимыхъ жертвъ деньгами, людьми, временемъ, имѣвшей вредное вліяніе даже на политическое могущество государства. Въ настоящее время, говорилось въ отчетѣ, Кавказъ покорился. Но, чтобы покореніе на этотъ разъ было окончательнымъ, необходимо осно-

вать народное управленіе на новыхъ началахъ. Нѣтъ сомнѣнія, что, чрезъ нѣсколько времени, пользуясь мирною жизнію, горцы утратятъ свою воинственность, скинутъ оружіе и обратятся въ поселянъ. Это не предположеніе, но убѣжденіе опыта. Чеченцы не только воинственное племя, они люди, поголовно взросшіе на войнѣ, и однакожъ разница между выходившими къ намъ Чеченцами, поселенными въ различномъ разстояніи отъ бывшаго непріятельскаго края, бросается въ глаза. До нынѣшняго лѣта (1860 г.) люди, жившіе на передовой линіи, были вполнѣ еще абреками; а жители Сунженскихъ ауловъ ревностно обрабатывали свои поля и во время самаго разгара войны неохотно шли въ дѣло; старые же поселенцы на Терекѣ продали большую часть оружія козакамъ за половинную цѣну, и съ нихъ приходилось брать штрафъ за то, что они ѣздили въ опасную сторону безъ оружія. Кабардинцы, славившіеся первыми наѣздниками на Кавказѣ, презираются теперь другими племенами за ихъ изнѣженность. Воинственность покорнаго населенія слабѣетъ такъ быстро, что, чрезъ нѣсколько лѣтъ послѣ замиренія, оно уже не въ состояніи мѣряться съ враждебными горцами, недавними своими односельцами. Замѣняя оружіе плугомъ, горцы съ жадностью бросаются на все что́ можетъ имъ принести выгоду и въ непродолжительное время изъ нищихъ становятся зажиточными людьми. Безопасность и обезпеченный трудъ передѣлываютъ ихъ. Чтобы замирить Кавказское населеніе на вѣки, нуженъ, послѣ покоренія его, двадцатилѣтній періодъ совершенно мирной жизни, въ продолженіе котораго горскія общества не имѣли бы ни средствъ, ни побудительной причины къ возстанію *). Для этого есть одно средство: смотрѣть на управленіе горцами, какъ на продолженіе ихъ покоренія, и считать еще нѣсколько лѣтъ не-

*) Къ сожалѣнію, до истеченія этого срока, правду говоря, слишкомъ короткаго для перерожденія дико-воинственныхъ племенъ Кавказа, война съ Турціей 1877 года была поводомъ возстанія въ Чечнѣ и Дагестанѣ. Эмиссары и подстрекатели находили еще удобную почву для своихъ дѣйствій. Но съ тѣхъ поръ, въ теченіи 12 лѣтъ, спокойствіе уже не нарушалось и если управленіе будетъ стоять на высотѣ своей задачи, можно надѣяться, что въ наступающемъ XX столѣтіи Кавказскіе горцы дѣйствительно обратятся въ мирныхъ гражданъ. А. З.

обходимые для того расходы издержками Кавказской войны. Устройство управленія покорными горцами составляетъ главную задачу текущаго періода. Дѣло это почти вездѣ приходилось начать съизнова, потому что все прежнее управленіе, кромѣ учрежденнаго въ 1852 году для Чеченскаго народа, было основано на уничтоженіи властей, созданныхъ народною жизнью, и на владычествѣ шаріата, необходимо соединеннаго съ преобладаніемъ мусульманскаго духовенства. По странному сочетанію обстоятельствъ, это начало было общимъ и Русской власти, и враждебному намъ мюридизму. Шамиль и его предшественники не щадили ничего, чтобы вездѣ стереть родовыя отличія, уничтожить народное законодательство и поставить на его мѣсто чистый шаріатъ; для мюридовъ это было необходимо, потому что такимъ средствомъ они могли подчинить народъ своей духовной опекѣ. Но Кавказское начальство, съ самаго начала нашего владычества здѣсь, очевидно увлекалось ложною системою: оно стремилось пріобрѣсти скорое сочувствіе большинства населенія и, пренебрегая родовыми интересами, старалось возстановить мусульманское духовенство, въ предположеніи, что духовенство есть лучшее орудіе къ сближенію съ массами, такъ какъ народъ всегда проявлялъ болѣе сочувствія къ шаріату, уравнивающему всѣхъ, нежели къ адату, устанавливающему исключительное вліяніе и могущество отдѣльныхъ родовыхъ личностей. Въ настоящее время главная цѣль горскаго управленія должна будетъ состоять въ томъ, чтобы обезсилить самое это начало, изъ котораго сложился мюридизмъ, т.-е. возстановлять высшія сословія тамъ, гдѣ сохраняются еще слѣды его, и создать таковыя вновь въ тѣхъ мѣстахъ, гдѣ они не существуютъ. Между тѣмъ, предоставивъ суду шаріата только вопросы исключительно-духовные, ввести въ народѣ словесное судопроизводство, основанное на ихъ обычаяхъ, адатѣ, который, по мѣрѣ установленія дворянства, самъ собою будетъ укрѣпляться въ ущербъ шаріату и тѣмъ дастъ средства ввести въ судилища сколько можно болѣе началъ гражданскихъ и сблизить ихъ исподволь съ порядкомъ нашего судопроизводства: ибо адатъ, не имѣя начала духовнаго, безпрепятственно можетъ покоряться измѣненіямъ,

тогда какъ измѣненіе въ шаріатѣ, по самому смыслу его, составляетъ уже вопросъ совѣсти и вѣрованія мусульманина. Первымъ шагомъ къ дѣлу должно быть письменное изложеніе адата для каждаго народа, съ настоящими понятіями о собственности и вмѣстѣ съ тѣмъ согласно съ потребностями Русской власти.

Одновременно съ этими мѣрами необходимо позаботиться о развитіи торговли, промышленности и народнаго образованія, въ особенности воспитанія женщинъ, въ высшихъ мусульманскихъ сословіяхъ, закоренѣлые предразсудки которыхъ составляютъ главное препятствіе къ взаимному сближенію. Очевидно, предстоитъ трудъ огромный и по сложности матеріала, подлежащаго обработкѣ, и по трудности найти достаточное число людей, которые могли бы стать во главѣ отдѣльныхъ управленій и самостоятельно развить сводъ народныхъ учрежденій. Безъ сомнѣнія, при этомъ должны быть значительно возвышены мѣста управляющихъ туземнымъ населеніемъ; но даже съ этимъ условіемъ чрезвычайно трудно находить людей для подобнаго дѣла. Причина— несуществованіе въ Россіи какихъ бы то ни было заведеній для юношей, какихъ бы то ни было пособій для взрослыхъ, для того, чтобы приготовлять офицеровъ, спеціально знакомыхъ съ Кавказскимъ населеніемъ и вообще съ оріентальною частью, несмотря на чрезвычайную важность для Россіи всего восточнаго вопроса.

При такомъ состояніи дѣла устраивать Кавказскія племена можно только постепенно. Положеніе о Кавказской арміи удовлетворило первому основному условію. Оно не установило еще народнаго управленія; но, разграничивъ районы по дѣйствительнымъ племеннымъ дѣленіямъ и подраздѣленіямъ, будетъ служить вѣрною рамкою, въ которую удобно уложатся особенности мѣстныхъ учрежденій.

Примѣняясь къ этой идеѣ, были учреждаемы и управленія туземцами; районы округовъ опредѣлялись по возможности на основаніи однороднаго племеннаго состава населенія, или по географическому положенію мѣстности; окруж-

нымъ начальникамъ даны были достаточныя права и средства для привлеченія лучшихъ туземцевъ къ службѣ, сравнивалось ихъ содержаніе съ получаемымъ офицерами регулярныхъ войскъ, а командующимъ войсками предоставлено назначать при себѣ, или въ округахъ, вліятельныхъ людей, съ опредѣленнымъ содержаніемъ. Въ Прикаспійскомъ краѣ управленіе требовало нѣсколько особаго устройства, сообразованнаго съ господствующею тамъ ханскою властію. Выше уже было упомянуто о назначеніи Ибрагимъ-хана Мехтулинскаго Аварскимъ ханомъ; Кюринскимъ ханомъ назначенъ ген.-маіоръ Юсуфъ-бекъ *); въ Казикумыхскомъ ханствѣ, за смертію тамошняго управителя, былъ назначенъ Русскій начальникъ; послѣ завоеванія въ 1859 году Восточныхъ горъ, общества ихъ, не составившія особыхъ округовъ, были распредѣлены подъ власть хановъ: такъ, Аварскому подчинены Карата, Цунта-Ахвахъ, верхніе Койсубулинскіе аулы, Казикумыкскому Дусраратскій и Мукурлинскій магалы и т. п. Округи раздѣлились на наибства.

Такимъ образомъ, бывшій независимый Дагестанъ, немедленно послѣ покоренія, раздѣленъ между тремя главными отдѣлами: къ Лѣвому крылу присоединена полоса между Сѣвернымъ хребтомъ и Андійскимъ Койсу; къ Лезгинской линіи общества, населяющія страну на Югъ отъ Богоскаго хребта, и Ункрантль; все остальное къ Прикаспійскому краю. Впослѣдствіи Лезгинская линія была упразднена, и въ 1860 году сдѣланы сообразныя измѣненія въ раздѣленіи управленія. На Западномъ же Кавказѣ владѣтель Абхазіи устроилъ на опредѣленныхъ основаніяхъ управленіе и судъ; въ Цебельдѣ и Сванетіи, послѣ прекращенія владѣльческихъ правъ кн. Дадешкеліяновъ, учреждены приставства, тоже съ народными судами. Образцами для всѣхъ этихъ управленій, видоизмѣняя конечно образецъ по мѣстнымъ обстоятельствамъ, имѣя

*) Эти два хана далеко не оправдали возлагавшихся на нихъ надеждъ, какъ видно изъ письма ген. Карцова къ фельдмаршалу отъ 8 Марта 1862 г. Вообще, система управленія посредствомъ туземцевъ оказалась несостоятельною; самый плохой начальникъ изъ Русскихъ офицеровъ былъ народной массѣ предпочтительнѣе мусульманскихъ аристократовъ. А. З.

всегда въ виду дѣйствительное соглашеніе потребностей населенія и Русской власти, князь Барятинскій принялъ Чеченское управленіе, основанное имъ въ 1852 году и уже оправданное опытомъ. Тамошнее мэхкемэ (судъ и расправа) внушило такое довѣріе населенію, что даже женщины приходили изъ отдаленныхъ мѣстъ жаловаться по своимъ домашнимъ дѣламъ. Безъ всякаго принужденія, адатъ взялъ уже перевѣсъ надъ шаріатомъ въ этомъ судѣ.

Чеченцевъ поселяли большими аулами въ нѣсколько сотъ до тысячи домовъ, подъ управленіемъ старшинъ; необходимость такого сосредоточеннаго горскаго населенія истекала изъ его обычаевъ. Кавказскіе горцы дѣлятся на роды, иногда весьма многочисленные; всѣ члены рода связаны взаимною отвѣтственностью и порукою. Пока они жили мелкими хуторами, надзоръ былъ невозможенъ; родичи водворялись вмѣстѣ, старшины были семейными начальниками; все происходившее въ родѣ и въ цѣломъ племени оставалось тайною для Русской власти. Когда же роды разбились по селеніямъ, старшина сталъ общественнымъ начальникомъ; собственный родъ, поддерживая его, тѣмъ самымъ поддерживалъ оффиціальную власть, а между тѣмъ соперничество между родами раскрывало ихъ тайны, и земское управленіе, по возможности, достигало цѣли. Разительный примѣръ подобнаго скораго результата представляло сравненіе безопасности въ разныхъ частяхъ края: между тѣмъ какъ въ мѣстахъ, болѣе полувѣка уже занятыхъ нами, нельзя было проѣзжать безъ военнаго конвоя, а мѣстное начальство не могло настигнуть ни одного виновнаго среди населенія, преданнаго всевозможнымъ безпорядкамъ,—въ Чечнѣ, еще до 1859 года устилаемой Русскими костями, господствовала при основаніи княземъ Барятинскимъ управленій относительная безопасность, абреки преслѣдовались жителями, и народъ, едва остывшій отъ 20-лѣтней борьбы, обратился къ мирному труду, возстановляя свое благосостояніе.

Изъ мѣръ къ внутреннему благоустройству туземцевъ важнѣйшею было опредѣленіе поземельной собственности,

какъ первое условіе довольствія и спокойствія народнаго. Привязанность къ родной почвѣ составляетъ главную черту въ характерѣ горцевъ; но кровавая борьба 40-хъ и 50-хъ годовъ превратила многія страны въ пустыни, выводя въ другія новое пришлое населеніе, и постоянная вражда горскихъ обществъ между собою перепутала всѣ поземельныя разграниченія. Для разъясненія этого важнаго вопроса, князь Барятинскій приказалъ учредить въ округахъ особые комитеты, имѣвшіе разсмотрѣть поземельныя права и опредѣлить личныя права сословій и преимущества, которыми должны пользоваться высшія сословія. До опредѣленія этихъ правъ, были допущены къ поступленію на военную службу, на правахъ вольноопредѣляющихся перваго разряда, лица принадлежащія къ сословію князей или сословію соотвѣтствующему дворянству. Кромѣ того, было приступлено къ составленію уголовнаго положенія для горцевъ, чтобы устранить отсутствіе въ этомъ отношеніи единства, причемъ преступленія въ разныхъ отдѣлахъ наказывались различно. Правила о пенсіяхъ Азіятцамъ были приведены въ систематическій порядокъ. Составлены правила для наградъ Азіятцевъ за военныя отличія, причемъ обращено главное вниманіе на происхожденіе награждаемыхъ лицъ.

До 1860-го года постоянная война, опустошавшая наши предѣлы, препятствовала мирному населенію достигнуть той степени зажиточности, какъ это было бы возможно по естественнымъ богатствамъ края; тѣмъ не менѣе, разница въ благосостояніи покорныхъ и враждебныхъ горцевъ поразительна, давно была имъ извѣстна, составляла и составляетъ одну изъ причинъ, привлекающихъ непріязненныя племена къ покорности. Между тѣмъ какъ подчиненное намъ населеніе безъ труда удовлетворяло своимъ немногочисленнымъ потребностямъ, немирные горцы питались чѣмъ Богъ послалъ и, кромѣ немногихъ семействъ, находились постоянно на рубежѣ голодной смерти. Несмотря на дикость своихъ нравовъ, загрубѣвшихъ до послѣдней степени въ продолженіе почти полувѣковой отчаянной борьбы, Кавказскіе горцы, по крайней мѣрѣ большая часть ихъ, богато одарены природою,

далеко не лѣнивы, если видятъ вознагражденіе своему труду, и требуютъ только благопріятныхъ обстоятельствъ, чтобы устроить свое благосостояніе. Покуда на Восточномъ Кавказѣ гремѣли пушки, матеріальный трудъ мирнаго населенія можно было развивать только однимъ способомъ—ограждая его безопасность. Теперь, съ успокоеніемъ страны, какъ только она получаетъ правильное административное устройство, можно развивать полную систему экономическихъ мѣръ, для устройства народнаго благосостоянія *). Огромное число переселенцевъ изъ горъ, выходившее въ продолженіе трехъ лѣтъ, требовало значительныхъ пособій отъ казны. Недавняя осѣдлость, хищничества немирныхъ, безпокойное положеніе края на всемъ протяженіи Праваго и большей части Лѣваго крыла, иногда естественныя бѣдствія, какъ засуха и саранча,—были причиною нужды, которую по временамъ терпѣло туземное населеніе. Покуда нѣкоторое пособіе отъ правительства составляло для него необходимость. Съ разрѣшенія князя Барятинскаго, ежегодно отдѣлялся запасъ хлѣба, для раздачи нуждающимся, и допускалась, взамѣнъ провіанта, выдача денежныхъ ссудъ.

Въ число повинностей, наложенныхъ на покорныхъ туземцевъ, входилъ нарядъ милиціи, исполняемый ими охотно. Иррегулярная военная служба сродна всѣмъ жителямъ Кавказа. Милиціонеры вездѣ служили вѣрно и дрались храбро. Для привлеченія туземнаго населенія къ постоянной боевой службѣ, были сформированы, въ видѣ опыта, Дагестанскій конно-иррегулярный полкъ и Анапско - горскій полуэскадронъ. Всегда отличная боевая служба, какъ полка, такъ и полуэскадрона, доказала пользу формированія постоянныхъ частей изъ покорныхъ горцевъ; а потому князь ходатайствовалъ объ утвержденіи ихъ на постоянной службѣ въ увеличенномъ составѣ, а на Лѣвомъ крылѣ просилъ учредить тоже конно-иррегулярный полкъ.

Съ совершившимся покореніемъ Восточнаго Кавказа и приближавшимся покореніемъ Западнаго, вопросъ о сформированіи постоянныхъ войскъ изъ горцевъ, о количествѣ и

*) Излагая эти мысли, князь Барятинскій не думалъ, что чрезъ нѣсколько мѣсяцевъ вмѣсто развитія экономической системы, придется усмирять возстаніе. А. З.

назначенiи этихъ войскъ, прiобрѣлъ первостепенную важность. Послѣ вѣковъ боевой жизни, послѣ многолѣтней безпощадной борьбы горскихъ племенъ противъ Россiи, при огромномъ количествѣ людей, привыкшихъ съ малолѣтства кормиться однимъ оружiемъ, не знавшихъ никогда другаго орудiя промышленности, кромѣ ружья, закрыть разомъ всякiй исходъ воинственному духу этихъ племенъ, заставить голодать тысячи отважныхъ разбойниковъ, пользующихся по своей храбрости рѣшительнымъ влiянiемъ въ народѣ, было бы дѣломъ весьма опаснымъ. Такое насильственное внезапное затишье непремѣнно приготовило бы новый взрывъ. Всѣ разбойники, всѣ пылкiе люди, вся молодежь,—обреченные на вѣчное бездѣйствiе, а многiе и на голодъ, стали бы въ тиши точить оружiе противъ насъ, между тѣмъ какъ оно съ такою пользою можетъ быть обращено противъ враговъ отечества. Слышны были жалобы многихъ горскихъ обществъ, что они не могутъ существовать безъ грабежа подгорнаго края; это значило только то, что между ними развился многочисленный классъ людей, который умѣетъ жить однимъ оружiемъ и долженъ или продавать намъ свое мужество, или обратить его противъ насъ. Со временемъ такое анормальное положенiе общества придетъ въ порядокъ. Но въ продолженiе еще многихъ лѣтъ мы должны держать открытымъ, если можно такъ сказать, клапанъ этого котла, всегда готоваго взлетѣть на воздухъ *).

Съ другой стороны, для удержанiя въ повиновенiи горскаго населенiя, нѣтъ ничего могущественнѣе постоянныхъ дружинъ, составленныхъ изъ самыхъ горцевъ. Получая достаточное содержанiе, при хорошемъ обхожденiи, пользуясь правомъ всякiй день разсчитаться и выйти изъ дружины, горцы служатъ вѣрно и не щадятъ своихъ земляковъ. Населенiе же видитъ въ нихъ своихъ отборныхъ людей и боится имъ противиться, потому что убiйство одного изъ своихъ влечетъ, по горскимъ обычаямъ, месть за кровь, даже со стороны семейства, дѣйствовавшаго въ этомъ случаѣ за одно

*) Это писано княземъ Барятинскимъ 29 лѣтъ тому назадъ, но и до сихъ поръ не утратило своего значенiя. А. З.

съ убійцей. Противъ населенія горъ сотня конно-Дагестанскаго полка гораздо надежнѣе баталіона *). Съ небольшимъ числомъ мѣстныхъ дружинъ можно удерживать горы въ повиновеніи вѣрнѣе, чѣмъ съ многочисленными Русскими полками.

Какъ войска для внѣшней войны подъ предводительствомъ хорошихъ офицеровъ, горскія дружины, безъ малѣйшаго сомнѣнія, будутъ превосходны и чрезвычайно полезны. Въ этихъ видахъ князь Барятинскій сталъ замѣнять постепенно горцами Донскіе казачьи полки, стоявшіе въ предѣлахъ Кавказскаго края. Сформированіе постоянныхъ частей войскъ изъ горцевъ, въ довольно обширныхъ размѣрахъ, составляло необходимую и неотлагательную мѣру, непремѣнное послѣдствіе совершившагося покоренія горъ.

Князь Барятинскій не упускалъ изъ виду и религіозный вопросъ, имѣвшій тѣсную связь съ положеніемъ горцевъ. Объ его проектѣ общества возстановленія Православія я буду говорить подробно, когда перейду къ очерку его гражданской дѣятельности. До осуществленія этаго, онъ однако, самъ принималъ нѣкоторыя мѣры, а именно: на иждивеніе казны построилъ въ горахъ нѣсколько церквей и священно-служителямъ опредѣлилъ добавочное содержаніе, если они заведутъ при своихъ церквахъ школы. Для противодѣйствія разливу мусульманства въ Осетіи, сочтено необходимымъ отдѣлить христіанское населеніе отъ магометанскаго, въ числѣ котораго находится весь высшій классъ; но привести въ исполненіе эту мѣру нельзя было прежде разбора поземельныхъ правъ всѣхъ сословій Осетинскаго и Тагаурскаго племенъ, къ чему уже и было приступлено. Въ ожиданіи того, князь воспретилъ слишкомъ тѣсныя отношенія между людьми двухъ вѣръ; такимъ образомъ, возбранялось Осетинамъ христіанскаго исповѣданія не только выдавать своихъ дочерей или родственницъ въ замужество мусульманамъ, но даже отдавать ихъ въ услуженіе къ нимъ.

Князь надѣялся, что ненависть, выказанная къ мюридизму горскими обществами, бывшими первыми его поборниками и потомъ съ такою радостію вырывавшимися изъ-подъ его

*) Конечно, только въ смыслѣ полицейскомъ. А. З.

гнета, послужитъ благодѣтельнымъ урокомъ для мирныхъ племенъ. Эти послѣднія, зная мюридизмъ только по наслышкѣ, до сихъ поръ видѣли еще въ немъ идеалъ мусульманской святости. Недавнее завоеваніе горъ раскрыло завѣсу, за которою скрывался этотъ чудовищный и неслыханный до сихъ поръ деспотизмъ; близкое знакомство съ нимъ, казалось, образумило многихъ и, конечно, должно было нанести чувствительный ударъ мусульманскому изувѣрству на Кавказѣ. Но вылѣчить окончательно магометанское населеніе горъ отъ кровожаднаго фанатизма можетъ только благоденствіе мирной жизни, которымъ подарятъ его христіанскіе завоеватели.

До войны 1853—1856 годовъ отдѣльный Кавказскій корпусъ состоялъ изъ трехъ дивизій, гренадерской бригады, баталіона стрѣлковъ и полка драгунъ; кромѣ того 47 бат. линейныхъ, Кавказское и Черноморское казачьи войска, 20 Донскихъ полковъ, Грузинская пѣшая дружина, полуэскадронъ горцевъ въ Анапѣ и сотня Гурійцевъ. По случаю войны съ Турціею, эти войска были усилены 13 и 18 пѣх. дивизіями, съ ихъ артилеріей и двумя полками драгунъ. Въ концѣ 1856 г. корпусъ, примѣняясь къ новому дѣленію края на четыре главные отдѣла, приведенъ въ слѣдующій составъ:

1) Изъ гренадерской бригады сформирована дивизія, для чего взяты два полка 21-й дивизіи—Тифлисскій и Мингрельскій и прежній Кавказскій стрѣлковый баталіонъ.

2) 19-я пѣхотная дивизія составлена изъ 2-й бригады этой дивизіи—Ставропольскаго и Кубанскаго и двухъ новыхъ полковъ, Крымскаго и Севастопольскаго, сформированныхъ изъ десяти упраздненныхъ Черноморскихъ линейныхъ батальоновъ.

3-е) 20-я дивизія составлена изъ 1-й бригады 19-й дивизіи, Тенгинскаго и Навагинскаго, и 2-й бригады прежней 20-й дивизіи, Куринскаго и Кабардинскаго полковъ.

4) 21-я дивизія изъ прежней 1-й бригады 20-й дивизіи Апшеронскаго и Дагестаннаго и 1-й же бригады 21-й Самурскаго и Ширванскаго.

Въ 1857 г. для каждой дивизіи былъ сформированъ стрѣлковый батальонъ, преимущественно изъ полковыхъ штуцер-

никовъ, и къ каждой причисленъ драгунскій полкъ 6-ти эскадроннаго состава.

Такимъ образомъ, начальникъ каждаго изъ четырехъ главныхъ военныхъ отдѣловъ имѣлъ въ своемъ распоряженіи дивизію пѣхоты съ стрѣлковымъ бат. (21 бат.), полкъ драгунъ (6 эскад.), съ соотвѣтственнымъ числомъ артилеріи. Начальники Лѣваго и Праваго крыльевъ имѣли кромѣ того массу казаковъ Терскаго и Кубанскаго войска, а въ Прикаспійскомъ краѣ и на Лезгинской линіи Донскіе полки, постоянные и временные иррегулярные полки. Такое распредѣленіе ставило каждаго командующаго войсками въ независимое положеніе на счетъ средствъ.

13 и 18 дивизіи были оставлены до осени 1859 года на Кавказѣ; батальоны ихъ были распредѣлены для усиленія войскъ по главнымъ отдѣламъ. 13-я дивизія возращена въ 1859 году въ Россію, а 18 оставлена еще до 1861 года и укомплектована до 4-хъ батальоннаго состава. Резервная дивизія Кавказскаго корпуса была послѣ войны передана въ вѣдѣніе начальника резервовъ, но въ Январѣ 1859 г. опять подчинена главнокомандующему и усилила Кавказскія войска на Сѣверномъ Кавказѣ.

Линейныхъ баталіоновъ было оставлено 37. Артилерія раздѣлена согласно новому устройству края на четыре бригады, съ неодинаковымъ числомъ батарей, и распредѣлена по соотвѣтствующимъ частямъ пѣхоты.

Особенное вниманіе князя Барятинскаго было обращено на скорѣйшее вооруженіе Кавказскихъ войскъ ударными и нарѣзными ружьями, вмѣсто старыхъ гладкоствольныхъ, никуда негодныхъ. Кромѣ офиціальныхъ бумагъ, онъ велъ по этому поводу настойчивую переписку съ Военнымъ Министромъ, съ Его Высочествомъ генералъ-фельдцейхмейстеромъ, съ герцогомъ Мекленбургъ-Стрѣлицкимъ (бывшимъ инспекторомъ стрѣлковыхъ баталіоновъ) и съ самимъ Государемъ. Князь настаивалъ на учрежденіи особаго инспектора стрѣлковой части, который могъ бы посвятить себя исключительно этому важному дѣлу, тогда какъ подчиненіе начальнику артилеріи на Кавказѣ, и безъ того заваленному массою занятій, мало знакомому съ нововведеніями ружейной стрѣльбы,

было бы безполезнымъ, даже вреднымъ. Въ Петербургѣ должны были согласиться съ такимъ взглядомъ.

Въ ожиданіи доставки ружей, Эриванскій гренадерскій полкъ былъ вооруженъ ружьями Французскаго образца, взятыми въ 1855 г. въ Карсѣ. Въ теченіе трехъ лѣтъ было всего доставлено около 120 тысячъ ружей ударныхъ, т. е. капсюльныхъ, и 40 тысячъ нарѣзныхъ. Князь приказалъ вооружить ими, вмѣсто предположенныхъ къ сформированію вторыхъ стрѣлковыхъ ротъ, весь Дагестанскій пѣхотный полкъ; а остальныя ружья распредѣлены поровну во всѣ полки и во всѣ роты, для вооруженія ими унтеръ-офицеровъ и нѣсколькихъ рядовыхъ, обученныхъ стрѣлковому дѣлу. Такимъ образомъ нарѣзное оружіе попадало въ хорошія руки, боевое достоинство всѣхъ ротъ становилось одинаковымъ, а нѣсколько стрѣлковъ въ каждой ротѣ, для усовершенствованія въ своемъ дѣлѣ, могли легко, безъ обремененія своихъ частей, быть избавлены отъ работъ и другихъ обыкновенныхъ занятій войскъ; между тѣмъ какъ указанное изъ Петербурга сформированіе вторыхъ стрѣлковыхъ ротъ значительно бы ослабило и безъ того слабыя, некомплектныя остальныя роты въ батальонахъ. Не оставилъ князь безъ вниманія и вооруженія казаковъ. Бельгійскому фабриканту Таннеру были заказаны 12 тысячъ винтовокъ (по 16 р. 25 к. за штуку). Въ девяти разныхъ пунктахъ были учреждены мастерскія и собраны команды для приготовленія Бельгійской пули и обученія какъ употреблять ее; затѣмъ была введена пуля Минье и устроена обширная постоянная мастерская для выдѣлки желѣзныхъ чашечекъ къ этимъ пулямъ.

По части инженерной. По мѣрѣ расширенія нашихъ предѣловъ со стороны покоренныхъ горцевъ, само собою, увеличивались и возведенія новыхъ оборонительныхъ штабъ-квартиръ, укрѣпленій и другихъ военныхъ сооруженій. Всѣ эти сооруженія производились почти исключительно войсками изъ матеріаловъ, которые можно было найти подъ руками, съ покупкою только тѣхъ строительныхъ предметовъ, которыхъ войска заготовить не могли. Не вычисляя массы произведенныхъ на Кавказѣ инженерныхъ работъ, скорое исполненіе которыхъ облегчалось реформою управленія, введенною

кн. Барятинскимъ (когда каждый военный отдѣлъ имѣлъ свое инженерное управленіе и не было надобности въ безконечной перепискѣ съ центральными вѣдомствами), нужно упомянуть о главномъ предметѣ по инженерной части, на который князь обратилъ вниманіе, именно—на состояніе крѣпостей по границамъ Закавказскаго края и оборону Тифлиса, какъ важнѣйшаго центральнаго пункта. Александрополь, Ахалцыхъ и Эривань, въ тогдашнемъ видѣ, далеко не соотвѣтствовали значенію самостоятельныхъ крѣпостей, могущихъ выдержать осаду хорошо снабженныхъ Европейскихъ войскъ. Князь Барятинскій поручилъ начальнику инженеровъ арміи осмотрѣть какъ крѣпости, такъ и другіе пограничные пункты, важные въ оборонительномъ положеніи. Изъ представленныхъ соображеній по этому предмету оказалось, что Александрополь, какъ крѣпость не оконченная, требовала усиленія обороны отдѣльными фортами съ восточной и сѣверозападной сторонъ, и также возведенія различныхъ помѣщеній и складовъ. Ахалцыхъ, по невыгодному положенію между высотами, командующими всею крѣпостью, тоже требовалъ усиленія тремя отдѣльными укрѣпленіями; а Эривань, по невыгодности самой постройки и по причинѣ командующихъ ею высотъ, на разстояніи менѣе пушечнаго выстрѣла, и—главное—по причинѣ вреднаго климата, предполагалась къ упраздненію, съ тѣмъ чтобы возвести новую крѣпость въ меньшихъ размѣрахъ, на возвышенной открытой мѣстности, въ 3-хъ верстахъ отъ центра города. Затѣмъ, въ Делижанѣ, гдѣ сходятся дороги изъ Эривани и Александрополя, найдено полезнымъ возвести укрѣпленіе, въ видѣ военной станціи, для склада военныхъ запасовъ; а чтобы преградить движеніе непріятеля во внутрь страны чрезъ Гурію и Мингрелію и обезпечить военные склады для войскъ, обороняющихъ съ этой стороны край, сочтено необходимымъ построить крѣпость.

Въ случаѣ войны съ Европейскими державами въ союзѣ съ Турціею, Тифлисъ естественно будетъ служить цѣлью непріятеля, стремящагося овладѣть Закавказскимъ краемъ. По положенію своему, городъ представляетъ выгоднѣйшій пунктъ для сосредоточенія въ военное время нашихъ резервовъ. Для предохраненія Тифлиса отъ занятія его открытою силою,

князь Барятинскій рѣшилъ перенести всѣ артилерійскія зданія на лѣвый возвышенный берегъ Куры и расположить ихъ въ оборонительномъ видѣ, а высоты, окружающія городъ, предполагалъ занять отдѣльными фортами, образуя такимъ образомъ въ долинѣ Куры обширный укрѣпленный лагерь, сохраняющій постоянное сообщеніе съ внутренностью края и представляющій большія выгоды обороняющемуся. Впослѣдствіи князь предполагалъ всѣ вообще воинскія зданія, разбросанныя въ разныхъ частяхъ города, перенести на лѣвый берегъ Куры, въ черту предположенныхъ укрѣпленій.

Степень необходимости и обширности означенныхъ работъ стояла въ непосредственной связи съ предположенною Закавказскою желѣзною дорогою, относясь къ ней въ обратной пропорціи: при разбросанности и безсвязности пунктовъ, которые Закавказскія войска должны охранять, въ случаѣ внѣшней войны, инженерныя работы должны были быть обширны и многостоющи, съ проведеніемъ же рельсоваго пути ихъ можно было ограничить лишь необходимѣйшимъ.

Желѣзная дорога, прорѣзывающая нынѣ Закавказье отъ Поти въ Баку, осуществила идею князя Барятинскаго и, безъ сомнѣнія, въ случаѣ войны, окажетъ громадную пользу войскамъ, не говоря о той пользѣ, которую она приноситъ развитію благосостоянія края. *). Что же касается остальныхъ вышеприведенныхъ его инженерныхъ предположеній, то результатъ ихъ мнѣ неизвѣстенъ.

По строевой части: были составлены особыя правила объ утвержденіи списковъ неспособныхъ нижнихъ чиновъ, также о назначеніи офицеровъ въ Казказскіе полки.

Въ отношеніи обученія войскъ, при безпрерывныхъ походахъ, не дозволявшихъ ввести постоянное систематическое обученіе во всѣхъ частяхъ, князь Барятинскій, чтобы положить основаніе новому образованію, счелъ за лучшее начать съ учебнаго батальона, который прежде былъ лишь школою выправки, маршировки и построеній; онъ приказалъ

*) Проведенная въ послѣднее время желѣзнодорожная вѣтвь къ Черному морю (Новороссійскъ) пополнила въ значительной степени мысль князя Барятинскаго; но еще болѣе необходимо довершить связь Каспія съ Чернымъ моремъ на Сѣверномъ Кавказѣ проведеніемъ вѣтви до Петровска и даже далѣе до Баку. А. З.

вооружить его нарѣзными ружьями и все вниманіе обратить на цѣльную стрѣльбу, гимнастику, фехтованіе, примѣнительно къ дѣйствіямъ въ разсыпномъ строѣ. Учебный батальонъ въ короткое время достигъ полнаго развитія и давалъ хорошихъ инструкторовъ во всѣ части, какъ изъ офицеровъ, такъ и изъ нижнихъ чиновъ. Неимовѣрно-быстрые успѣхи людей въ новомъ для нихъ родѣ требованій блестящимъ образомъ высказали врожденныя способности Русскаго солдата; прежняя принужденность, натяжка, механизмъ въ движеніяхъ уступили мѣсто смѣтливости, развязности, умѣнью примѣняться къ обстоятельствамъ. Впослѣдствіи батальонъ былъ обращенъ въ учебную стрѣлковую роту, съ офицерскою стрѣлковою школою.

Въ отношеніи казачьихъ войскъ уже было упомянуто, что главная реформа заключалась въ упраздненіи Черноморскихъ, слитію ихъ съ 6-ю бригадами Кавказскихъ, подъ наименованіемъ Кубанскаго войска и образованію изъ остальныхъ особаго Терскаго войска. Князь Барятинскій обратилъ особое вниманіе на положеніе казаковъ, несшихъ обременительную службу на кордонахъ по громадному протяженію Кавказской линіи. Льготные казаки призывались нерѣдко на службу съ нарушеніемъ основныхъ правилъ, хозяйства ихъ разстраивались, служба офицеровъ изъ казачьяго сословія стала крайне неблагодарною, ихъ часто зачисляли противъ желанія на льготу, командованія полками и бригадами распредѣлялись исключительно между офицерами регулярныхъ войскъ, хорошіе офицеры изъ казаковъ не имѣли предъ собою никакой будущности. По ходатайству князя Барятинскаго, послѣдовало въ Мартѣ 1857 года высочайшее повелѣніе: 1) наблюдать, чтобы безъ крайней надобности не вызывали на службу льготныхъ казаковъ и, послѣ строгой повѣрки потребностей кордонной линіи, уменьшить по возможности число постовъ и людей; 2) для увеличенія казачьяго населенія, особенно на передовыхъ линіяхъ, возобновить прерванное во время войны водвореніе женатыхъ нижнихъ чиновъ; 3) при увеличеніи населенія въ войскѣ раздѣлить людей относительно службы на двѣ или три очереди; 4) прекратить переводъ офицеровъ регулярныхъ войскъ въ казачьи

конные полки; 5) на должности бригадныхъ и полковыхъ командировъ назначать штабъ-офицеровъ казачьяго сословія.

Кромѣ того, князь ходатайствовалъ о сравненіи окладовъ офицерскаго жалованья въ казачьемъ войскѣ съ окладами въ регулярной кавалеріи, на назначеніе казачьимъ офицерамъ, хотя бы и не раненнымъ, пенсій.

Донскіе казачьи полки, находившіеся на Кавказѣ, смѣнялись, по истеченіи трехъ лѣтъ службы, въ полномъ составѣ. Такой порядокъ оказывался весьма неудобнымъ. Полки, приходившіе съ Дона, въ началѣ пребыванія на Кавказѣ, приносили мало пользы и сами подвергались большимъ лишеніямъ; только въ продолженіе трехлѣтняго пребыванія въ краѣ они пріобрѣтали необходимую опытность и могли прочно устроить свое хозяйство. Поэтому, были изданы новыя правила, смѣна производилась ежегодно только третьею частью полка, т.-е. двумя сотнями. Каждый годъ приходили на смѣну двѣ сотни, обязанныя пробыть на Кавказѣ три года; онѣ распредѣлялись по всѣмъ 6-ти сотнямъ полка, такъ что въ каждой части находилась треть прослужившихъ два, треть прослужившая годъ и треть вновь прибывшая. Такая соразмѣрность по третямъ соблюдалась и при всѣхъ служебныхъ нарядахъ. Командировъ и офицеровъ также смѣняли чрезъ три года, а знамя, суммы и все хозяйство полка оставались постоянными, переходя отъ одной смѣны къ другой. Эта система имѣла отличные результаты и для службы, и для хозяйства полковъ, пока они находились на Кавказѣ.

Военно-судная часть тоже не была оставлена безъ вниманія, какъ въ отношеніи ея штатовъ и организаціи, такъ и въ отношеніи нѣкоторыхъ измѣненій военно-уголовнаго устава примѣнительно къ Кавказскому краю. Лицъ женскаго пола и малолѣтнихъ казачьяго сословія положено было судить гражданскимъ судомъ. Дезертировъ, совершающихъ побѣги съ занимаемыхъ постовъ, карауловъ или секретовъ, служащихъ горцамъ проводниками на наши посты, равно всѣхъ лицъ безъ различія званія, которыя послѣ побѣга къ горцамъ участвуютъ во враждебныхъ противу насъ дѣйствіяхъ, повелѣно было судить по полевымъ уголовнымъ законамъ. Нѣкоторыя лица гражданскаго вѣдомства за убій-

ства и т. п. предавались военному суду; князь Барятинскій призналъ полезнымъ подобныя преступленія, обычныя на Кавказѣ, передавать судамъ гражданскимъ. По существовавшимъ законамъ, унтеръ-офицеры и нижніе чины, имѣвшіе нашивки за безпорочную службу, подвергались тѣлеснымъ наказаніямъ какъ по суду, такъ и по приказу полковыхъ командировъ, и въ такомъ случаѣ лишались званія или нашивокъ. Князь находилъ несправедливымъ подвергать людей двойному наказанію, единственно по произволу полковыхъ командировъ, и потому положилъ сравнять этихъ людей съ имѣющими знаки военнаго ордена Св. Анны и медали за усердіе и спасеніе погибавшихъ, не подвергающихся за первый проступокъ тѣлеснымъ наказаніямъ, а только лишаемыхъ знаковъ отличія.

По военно-медицинской части, на которую князь Барятинскій обращалъ особое вниманіе, тоже были приняты многія полезныя мѣры. Нѣсколько лишнихъ госпиталей было упразднено, нѣсколько, по ходу военныхъ дѣйствій, вновь учреждено; при войскахъ усилены лазареты и отпускъ добавочныхъ денегъ на улучшеніе довольствія больныхъ; къ минеральнымъ водамъ отправлялись нижніе чины и офицеры. Всѣ мѣры имѣли результатомъ уменьшеніе смертности въ войскахъ. Такъ, въ 1857 году, не смотря на продолжительные походы и большіе труды, больныхъ и умершихъ было меньше, чѣмъ въ 1856 году, когда не было ни военныхъ дѣйствій, ни особыхъ работъ; а въ 1858 году, при еще болѣе продолжительныхъ походахъ, число больныхъ и умершихъ оказалось еще менѣе.

По коммиссаріатской части главное улучшеніе заключалось въ пополненіи и благоустройствѣ склада въ Петровскѣ, изъ котораго снабжались вещами войска Лѣваго крыла, Прикаспійскаго края и части Закавказья. Были измѣнены сроки поставки вещей, во избѣжаніе постоянно случавшейся до того медленности въ обмундированіи войска; способъ доставки, вмѣсто сухопутнаго, былъ принятъ водяной — въ Петровскъ, Баку и Ростовъ или Ейскъ. Оборотные запасы въ коммиссіяхъ Ставропольской и Тифлисской были удвоены. Перевозка вещей войсками отъ коммиссій до мѣстъ ихъ расположенія принята на счетъ казны.

По провіантской части князь Барятинскій исходатайствовалъ раздѣленіе довольствія войскъ, вмѣсто пяти категорій, на три, съ увеличеніемъ отпускаемой суммы на 540 т. рубл. въ годъ. Расходъ былъ неизбѣженъ не только для улучшенія продовольствія людей, при усиленныхъ походахъ и трудахъ, но и въ слѣдствіе возросшихъ въ послѣдніе годы цѣнъ на всѣ продукты. Довольствіе войскъ винными порціями со временъ князя Воронцова было на Кавказѣ подрядное; эта система причиняла и казнѣ, и войскамъ значительные убытки: ибо первая теряла доходъ отъ акцизной пошлины на ввозимый для Кавказа спиртъ, а войска были обязаны брать положенное количество порцій вина, хотя бы въ немъ вовсе не имѣли надобности. Князь Барятинскій отмѣнилъ этотъ порядокъ, предоставивъ самимъ войскамъ пріобрѣтать вино чрезъ маркитантовъ.—Заготовленіе хлѣба и зерноваго фуража для войскъ Закавказья, около 600 тысячъ четв., производилось посредствомъ мѣстныхъ жителей, но съ постоянными отступленіями отъ установленныхъ законами правилъ, съ льготами, изъятіями, пособіями, отсрочками и т. п., само собою, въ ущербъ казнѣ. Съ 1857 года законтрактованіе поставочныхъ подрядовъ стало совершаться уже не иначе какъ съ торговъ, безъ отступленія отъ законныхъ постановленій и, если представлялась крайняя необходимость отсрочки, то не иначе она допускалась какъ съ разрѣшенія главнокомандующаго. Тоже было сдѣлано и въ отношеніи развозки хлѣба по магазинамъ. Все шло подрядными способами по утвержденнымъ кондиціямъ, исключая, конечно, нѣкоторыхъ перевозокъ на передовыхъ горныхъ, операціонныхъ линіяхъ, гдѣ вовсе наемныхъ перевозчиковъ не было, и дѣлалось это, по распоряженіямъ мѣстныхъ начальниковъ, способами, какіе они находили возможнымъ найти.

Провіантскіе запасы, по распоряженію князя Барятинскаго, были значительно увеличены; а въ Тифлисѣ, принимая во вниманіе частое колебаніе цѣнъ на хлѣбъ и значеніе этого центральнаго рынка, приказано было имѣть запасъ въ 20 т. четвертей, и при вздорожаніи хлѣба выпускать въ продажу часть его съ разрѣшенія главнокомандующаго.

Правила объ установленіи цѣнъ на торгахъ, пересмотръ

сроковъ и дача фуражнаго довольствія. пересмотръ табели раціонныхъ денегъ, упраздненіе постоянныхъ казенныхъ транспортовъ, все это тоже вошло въ общія реформы по провіантской части, во время главнаго командованія князя Александра Ивановича.

По военно-дорожной части. Необходимость устройства прочныхъ и безопасныхъ путей составляла одну изъ самыхъ неотлагательныхъ потребностей всего Кавказа, въ которомъ, по чрезвычайно-пересѣченной мѣстности, естественныхъ колесныхъ путей почти вовсе не существуетъ; а между тѣмъ для движенія войскъ, снабженія арміи и развитія края нужда въ нихъ чувствовалась съ каждымъ днемъ сильнѣе и сильнѣе.

Вступивъ въ управленіе краемъ, князь Барятинскій обратилъ особенное вниманіе на внутреннія и внѣшнія сообщенія, предположивъ устройство капитальнымъ образомъ важнѣйшихъ путей. Для приведенія мысли этой въ исполненіе необходимо было измѣнить прежде существовавшій порядокъ устройства дорогъ, состоявшій преимущественно въ ремонтированіи путей, проложенныхъ по жительскимъ тропамъ или старорѣчьямъ. Работы эти поглощали ежегодно ассигновавшійся рабочій капиталъ и труды солдатъ безъ всякаго видимаго улучшенія.

Въ раіонѣ VIII (Кавказскаго) округа путей сообщенія, кромѣ нѣсколькихъ сооруженій, не было ни одного прочнаго; а попытки устроить части новыхъ дорогъ, для улучшенія старыхъ, оказались неудачными отъ недостатка полныхъ предварительныхъ изысканій. Торговый путь по топямъ Мингрельскихъ болотъ дѣлалъ сообщеніе приморскихъ пунктовъ съ Кутаисомъ чрезвычайно-труднымъ и возвышалъ цѣны на Европейскіе товары. Сообщеніе съ Россіею по Военно-Грузинской дорогѣ, особенно зимою, было непостоянно и часто опасно. Военныхъ сообщеній на Правомъ и Лѣвомъ крыльяхъ Кавказской линіи, бывшей Лезгинской кордонной линіи и въ Прикаспійскомъ краѣ существовало весьма мало, и тѣ были едва разработаны.

Убѣдившись, что ежегодный рабочій капиталъ, опредѣленный для VIII округа путей сообщенія въ 100 тысячахъ рублей, не соотвѣтствовалъ потребности, князь Барятинскій испросилъ увеличить его до 300 тысячъ рублей. Кромѣ этой

суммы, назначенной на постоянныя годовыя работы, былъ ассигнованъ особый капиталъ на устройство государственныхъ дорогъ. При такихъ средствахъ необходимыя для Кавказа дорожныя работы быстро двинулись впередъ.

Прежде всего было предпринято прочное устройство трехъ главныхъ путей: Военно-Грузинскаго, Военно-Осетинскаго и Военно-Имеретинскаго.

О Военно-Грузинской дорогѣ уже упомянуто было выше; она до сихъ поръ остается однимъ изъ замѣчательныхъ памятниковъ управленія князя Барятинскаго.

Военно-Осетинская и Военно-Имеретинская дороги, имѣвшія тогда важное значеніе, были доведены до отличнаго состоянія въ сравненіи съ тѣмъ, какими ихъ засталъ князь Барятинскій. Въ военныхъ отдѣлахъ производилась цѣлая масса дорожныхъ работъ по разнымъ направленіямъ, а съ покореніемъ Восточнаго Кавказа приступлено было къ разработкѣ въ горахъ обширной системы стратегическихъ дорогъ.

Князь обратилъ не меньшее вниманіе на водяные пути.

Для опредѣленія возможности пароходства по четыремъ главнымъ рѣкамъ Кавказа: Тереку, Кубани, Курѣ и Ріону было командировано нѣсколько офицеровъ морскаго вѣдомства, съ тѣмъ чтобы сдѣлать надлежащіе промѣры и описать фарватеры рѣкъ.

Буксирное пароходство по Курѣ отъ устья до Мингечаура существовало съ 1852 до 1857 года, но не оправдало разсчетовъ своихъ учредителей, почему и прекратилось. По новѣйшимъ изслѣдованіямъ для пароходовъ, сидящихъ не болѣе 3 футовъ въ водѣ, плаваніе оказывалось возможно до Самуха (деревня при впаденіи Алазани въ Куру), но по случаю проектированія желѣзной дороги отъ Тифлиса до Баку этотъ водяной путь терялъ все свое значеніе, и къ его возобновленію князь мѣръ не принималъ.

Общество Русскаго пароходства и торговли взяло на себя содержаніе пароходовъ по Ріону. Для приведенія этой рѣки вполнѣ въ судоходное состояніе, найдено было необходимымъ углубить ложе ея на хрящеватыхъ перекатахъ и фарватеръ при впаденіи въ море.

Фарватеръ Терека былъ изслѣдованъ въ 1857 году. Рѣка эта развѣтвлялась въ концѣ своего теченія и въ такомъ видѣ не представляла удобствъ для плаванія пароходовъ.

Къ числу важныхъ предпріятій, совершившихся въ то время на Кавказѣ, должно быть причислено открытіе пароходства на Кубани, которое обѣщало самыя благопріятныя послѣдствія въ военномъ, торговомъ и промышленномъ отношеніяхъ. Лѣвый берегъ Кубани, ниже впаденія Лабы, населенъ горцами, отчасти непокорными; а потому ни одна частная компанія не хотѣла взять на себя развитіе пароходства по рѣкѣ, подверженной нападенію непріятеля. Предпріятіе это было исполнено изъ суммъ Кавказскаго края. Заказанный въ Англіи и привезенный по частямъ пароходъ былъ собранъ въ Темрюкѣ и въ Апрѣлѣ 1859 года въ первый разъ поднялся по Кубани до станицы Тифлисской, а съ нѣкоторыми улучшеніями фарватера полагали, что можетъ подняться еще выше. Пароходство по Кубани должно было продолжаться около 9-ти мѣсяцевъ въ году, и для его развитія приступлено было къ расчисткѣ фарватера и устройству пристаней въ главныхъ складочныхъ пунктахъ. Но, къ сожалѣнію, изъ всего этого благаго предпріятія ничего не вышло: рѣка съ извилистымъ, быстрымъ теченіемъ, засоренная карчами, требовала предварительной очистки и урегулированія; за тѣмъ купленный въ Англіи пароходъ оказался для Кубани слишкомъ большимъ и вообще малогоднымъ; поднялся онъ до ст. Тифлисской съ большимъ трудомъ, при помощи прибрежныхъ козаковъ, сталкивавшихъ его съ мелей. Вскорѣ пароходство было прекращено; казенный пароходъ долго стоялъ въ Темрюкѣ безъ всякаго употребленія и, наконецъ, проданъ за безцѣнокъ. А чрезъ нѣсколько лѣтъ появились на Кубани пароходы, но уже частныхъ лицъ и не ходившіе выше г. Екатеринодара.

Составленъ былъ проектъ канала, который предполагалось прорыть для снабженія Тифлиса водою и для орошенія до 50 т. десятинъ въ Караязской степи, совершенно безплодныхъ по безводности.

По морской части. Охраненіе длинной прибрежной полосы отъ устья Кубани до Абхазіи, занятой враждебными гор-

скими племенами и недоступной съ суши, требовало присутствія постоянныхъ морскихъ силъ.

Существовавшая до войны Черноморская береговая линія не могла быть возобновлена, какъ потому, что ея чрезвычайно дорогое содержаніе никогда не достигало вполнѣ своей цѣли, такъ и потому, что самое существованіе ея зависѣло отъ одного непремѣннаго условія—полнаго нашего владычества на Черномъ морѣ. Послѣ Парижскаго трактата нечего было и думать строить на морскомъ берегу слабыя укрѣпленія, которымъ со стороны суши нельзя подать никакой помощи. Тѣмъ не менѣе, надобно было принять мѣры противъ незаконной торговли, развившейся въ большихъ размѣрахъ въ продолженіе истекшей войны на Кавказскомъ прибрежьѣ, такъ какъ единственными статьями ея были: вывозъ—невольники, ввозъ—военная контрабанда.

Изъ бывшей Черноморской береговой линіи предположено было занять только тѣ части, которыя доступны съ сухаго пути, а именно сѣверную часть и южную; наблюденіе же за незанятою частью морскаго прибрежья, между Гаграми и Константиновскимъ укрѣпленіемъ, предоставлено морскимъ силамъ.

Берегъ Чернаго моря былъ раздѣленъ на двѣ части, подчиненныя командующимъ войсками Праваго крыла и Кутаисскому генералъ-губернатору и, согласно съ этимъ, учреждены двѣ морскія станціи въ Константиновскомъ укрѣпленіи (Новороссійскъ) и въ Сухумѣ. Для службы на Кавказскомъ берегу командировалось нѣсколько паровыхъ судовъ Черноморскаго флота, а для облегченія десантныхъ экспедицій и содѣйствія при выгрузкѣ и нагрузкѣ учреждена гребная флотилія Азовскихъ баркасовъ, числомъ до 20.

Имѣя въ виду, что по Кавказскому прибрежью Чернаго моря тянется страна малодоступная, главную промышленность которой тогда составляла торговля людьми, князь Барятинскій, для развитія комерческаго флота, обратилъ главное вниманіе на Каспійское море. Весь западный берегъ сего послѣдняго занятъ Русскими поселеніями или туземцами, понявшими уже выгоды гражданскаго устройства; важность сообщенія Закавказья по Каспію съ плодороднѣйшими губер-

ніями Россіи выказалась вполнѣ во время войны 1853—56 годовъ, когда мы вынуждены были пользоваться единственными, ненадежными сухопутными сообщеніями чрезъ горы. Чтобы прочно утвердить владычество наше въ загорномъ краѣ, не подвергая его никакимъ случайностямъ, нужно было основаться на Каспійскомъ морѣ и считать его главнымъ военнымъ базисомъ недоступнаго непріятелю Каспійскаго бассейна и Волги; Закавказскій край долженъ сдѣлаться неразрывнымъ продолженіемъ собственной Россіи. Но эта мысль могла осуществиться только при большемъ развитіи Каспійскаго пароходства. Для осуществленія этой цѣли князь считалъ полезнѣе всего обратиться къ частной предпріимчивости, и 15 Апрѣля 1858 года состоялось учрежденіе общества „Кавказъ и Меркурій". Плодотворность этихъ соображеній князя Барятинскаго уже достаточно обнаружилась, чтобы нужно было распространяться объ этомъ. Баку, Петровскъ обязаны ему своимъ теперешнимъ положеніемъ. По его же распоряженію на прибрежьяхъ Баку и Ленкорани, гдѣ волненіе чрезвычайно бурно, были устроены на оборонительныхъ башняхъ маячные приборы.

На Кавказѣ совсѣмъ не было военно-учебныхъ заведеній; между тѣмъ туземцы уже поняли превосходство Русскаго образованія и охотно отдавали своихъ дѣтей на воспитаніе намъ; съ другой стороны и служившіе на Кавказѣ Русскіе не имѣли средствъ дать образованіе дѣтямъ. Существовавшія при различныхъ частяхъ войскъ школы военныхъ воспитанниковъ не удовлетворяли цѣли. Командиры объ нихъ не заботились и считали ихъ тягостью; офицеры и унтеръ-офицеры назначались въ школы такіе, которые сами не имѣли даже элементарнаго образованія, да и не получая вознагражденія, исполняли свои обязанности неохотно. А эти школы на 580 мальчиковъ были единственными образовательными заведеніями для мирныхъ горцевъ и бѣдныхъ Русскихъ офицеровъ. Была еще гражданская школа межевщиковъ, но въ весьма маломъ комплектѣ воспитанниковъ. Князь Барятинскій увеличилъ ее до 50, передавъ въ вѣдѣніе главнаго штаба арміи, который не жалѣлъ усилій и средствъ для ея улучшенія, и результатъ оказался прекрасный. Образованіе и воспитаніе

было значительно поднято, и школа дала немало полезныхъ людей для важнаго дѣла межеванія.

Для удовлетворенія потребностямъ въ образованіи горцевъ и дѣтей бѣдныхъ Русскихъ князь представилъ особый проектъ. Предполагалось открыть шесть училищъ, съ пансіонами на 420 чел., въ главныхъ военныхъ центрахъ, подъ надзоромъ военнымъ, но въ вѣдѣніи учебнаго округа; кромѣ того, въ Тифлисѣ учреждено особое военное училище для приготовленія топографовъ, кондукторовъ, писарей и учителей гимнастики для войскъ.

Межевыя работы, особенно въ казачьихъ войскахъ, были усилены; тоже должно сказать и о топографическихъ, сѣтью которыхъ былъ покрытъ весь Кавказъ. Съ 1860 года предпринята тріангуляція покоренныхъ горъ, которая связывала съемки Закавказскаго края съ работами по Россіи. Кромѣ того, при всѣхъ военныхъ движеніяхъ дѣлались съемки, въ нѣкоторыхъ мѣстахъ сняты подробные планы цѣлыхъ округовъ и т. п. Вмѣстѣ съ тѣмъ составлялись и описанія разныхъ частей края. Производились также метеорологическія наблюденія и не только на мѣстахъ гдѣ устроены станціи, но иногда даже при движеніи отрядовъ въ глубь горъ.

Однако расходы на Кавказскую армію были весьма значительны и возрастали въ значительной прогрессіи. Такъ въ 1847 году на 224.003 человѣка отпущено деньгами и продуктами въ натурѣ 5.681.492 р. 19 к., а въ 1857 на 294.337 человѣкъ 13.730.352, т. е. въ 1847 году содержаніе человѣка обходилось 25 р. 36 $^{2}/_{7}$ к., а въ 1857 году — 46 р. 64 $^{6}/_{7}$ к. Въ этотъ расходъ не входило еще обмундированіе и вооруженіе.

Князь Барятинскій вполнѣ сознавалъ обременительность этихъ расходовъ для государства, но сокращеніе или даже предѣлъ увеличенія предвидѣлъ отъ одного только средства: отъ прекращенія войны; а чтобы достигнуть этого результата, онъ считалъ необходимымъ употребить и продолжать тѣ усилія, какія имъ были приведены въ дѣйствіе въ первые три года его командованія. Усиленіе средствъ къ завоеванію, само собою, не могло обойтись безъ увеличенія расходовъ, не говоря о возрастаніи цѣнъ во всемъ государствѣ; но временные эти расходы должны были вознаградиться отъ резуль-

татовъ самыхъ усилій. Несомнѣнность такого предположенія обнаружилась съ перваго шага умиротворенія въ 1859 году Восточнаго Кавказа: не смотря на то, что число войскъ осталось безъ убавки и было направлено для усиленія дѣйствій противъ Западнаго Кавказа, по смѣтѣ на 1860 годъ уже было достигнуто, противъ прежняго, экономіи въ 570 тысячъ рублей.

При всемъ сознаніи справедливости этихъ доводовъ, нельзя однако скрыть, что въ нѣкоторыхъ случаяхъ князь Барятинскій, по врожденной ему добротѣ и щедрости, допускалъ отчасти излишніе расходы, особенно для пособій разнымъ лицамъ или на предметы, невызывавшіеся крайнею надобностью. Отпуски на подъемы нѣкоторыхъ генераловъ, при переводахъ съ однаго мѣста на другое, на устройство ихъ помѣщеній, на поѣздки на воды, при выступленіи въ походъ *) и т. п., если по суммѣ не могли, конечно, имѣть особаго значенія относительно милліоновъ, расходуемыхъ государствомъ на Кавказскій край, все же служили, такъ сказать, принципомъ нарушенія правила о строгой экономіи, при плачевномъ состояніи тогда государственныхъ финансовъ, о чемъ такъ постоянно напоминали изъ Петербурга.

Еще нѣкоторые расходы дѣлались княземъ въ убѣжденіи необходимости импонировать богатствомъ и щедростью восточному Азіатскому населенію; напримѣръ, въ походѣ 1859 года, при проѣздѣ чрезъ только что покоренные горскіе аулы, бросались въ народъ походнымъ казначеемъ и адъютантами казенные серебряные рубли изъ особаго мѣшка. Такихъ рублей и раздаренныхъ разнымъ туземцамъ полуимперіаловъ, очень можетъ быть, ушло и немного, нѣсколько тысячъ; но должно сказать, что это была совершенно лишняя трата денегъ и даже вовсе не соотвѣтствовала духу гор-

*) Не могу не вспомнить здѣсь, что выдачи „на подъемы" дали поводъ извѣстному въ тѣ времена Кавказскому остряку Іедлинскому явиться къ кн. Барятинскому въ 1859 году на Андійскихъ высотахъ, съ слѣдующей просьбою: „Ваше сіятельство, я получилъ приказаніе спуститься съ моими козачьими сотнями на плоскость".—Да; здѣсь намъ уже не нужно столько конницы„.—„Имѣю покорную просьбу къ вашему сіятельству: всѣ получили деньги на подъемъ; позвольте мнѣ получить на спускъ".—Князь очень много смѣялся этой остротѣ и, какъ Іедлинскій пользовался его особымъ расположеніемъ, то, кажется, просьба не осталась безъ удовлетворенія. А. З.

цевъ, ничего общаго съ восточнымъ міромъ (въ родѣ Персіи или Индіи) не имѣющихъ; напротивъ, горцы могли думать, что мы ихъ стараемся задобрить, ихъ боимся. Вспоминая теперь этотъ проѣздъ князя, не могу забыть впѣчатлѣнія произведеннаго на меня жителями аула Ашильта: они не только не спѣшили поднимать бросаемые новые рублевики, но, плюнувъ, отворачивались и скрывались въ сакли... Я указалъ это тогда же ѣхавшему рядомъ со мною, походному казначею Ѳ. Е. Булатову.

Но не будемъ забывать, что нѣтъ и не было великихъ людей безъ недостатковъ или ошибочныхъ взглядовъ. При величіи совершеннаго дѣла, при значеніи оказанныхъ государству услугъ, подобныя частности не должны имѣть вѣса въ оцѣнкѣ дѣятельности людей, подобныхъ князю А. И. Барятинскому. Если я упомянулъ объ этомъ, то только ради безпристрастія. Съ полнымъ, искреннимъ убѣжденіемъ поклоняюсь заслугамъ его и многимъ прекраснымъ качествамъ, какъ главнокомандующаго и человѣка; но не желаю скрывать и недостатковъ, которые были у него, какъ и у всякаго смертнаго.

Въ числѣ усвоенныхъ княземъ Барятинскимъ взглядовъ на порядки военной службы, нельзя не обратить вниманія на то, какъ онъ относился къ назначеніямъ или переводамъ офицеровъ; онъ считалъ неизмѣннымъ, чтобы каждый начальникъ пользовался полной свободою избирать себѣ помощниковъ и найти подчиненныхъ. Привожу здѣсь характерное въ этомъ отношеніи письмо его къ барону Врангелю, командовавшему войсками въ Дагестанѣ.

Въ письмѣ отъ 16-го Декабря ваше превосходительство объясняете, что, имѣя въ виду многихъ отличныхъ штабъ-офицеровъ, желающихъ перейти во ввѣренныя вамъ войска, вы встрѣчаете затрудненіе воспользоваться ихъ службою потому собственно, что считаете для себя щекотливымъ входить въ предварительныя сношенія съ полковыми командирами о томъ, согласны ли они на зачисленіе тѣхъ штабъ-офицеровъ въ ихъ полки, и вслѣдствіе этого просите разрѣшенія моего переводить, не испрашивая согласія полковыхъ командировъ.

Вашему превосходительству вполнѣ извѣстно изъ личныхъ нашихъ разговоровъ, по какимъ соображеніямъ я считаю необходимымъ строго держаться означеннаго порядка, не допуская въ ономъ ни въ какомъ случаѣ ни малѣйшаго исключенія.

Будучи убѣжденъ, что каждый начальникъ тогда только можетъ отвѣчать за исправное состояніе ввѣренной части, когда ему предоставлена полная свобода избирать себѣ помощниковъ и всѣхъ подчиненныхъ лицъ, я самъ первый твердо держусь этого правила, предоставляя себѣ выборъ только тѣхъ лицъ, кои непосредственно мнѣ подчинены; на всѣ же остальныя должности не иначе назначаю, какъ по предварительному сношенію съ командующими войсками или другими главными начальниками, и не только не нахожу этотъ порядокъ для себя щекотливымъ, но даже бываю радъ, когда предложеніе мое встрѣчаетъ не одно безусловное согласіе: ибо вижу въ томъ лучшее доказательство самостоятельности и заботливости начальника объ управленіи ему подчиненномъ.

Этому же порядку строго держится и относительно ко мнѣ Военное Министерство, и даже Ихъ Императорскія Высочества Великіе Князья.

Поэтому упомянутое ваше письмо, къ крайнему сожалѣнію, ставитъ меня въ необходимость подтвердить вашему превосходительству, что я никакъ не соглашаюсь, чтобы ослабленъ былъ въ чемъ-бы то ни было выборъ, предоставляемый полковымъ командирамъ, офицеровъ во ввѣренныя имъ части, и надѣюсь, что вы сами, вникнувъ ближе въ принятую мною систему, убѣдитесь на опытѣ въ ея выгодахъ, оставляя за каждымъ частнымъ начальникомъ лежащую на немъ отвѣтственность въ выборѣ подчиненныхъ, отъ чего зависитъ и благосостояніе его части. Вы однакоже чрезъ это никогда не можете встрѣтить препятствія въ пріобрѣтеніи для службы офицеровъ истинно-хорошихъ и полезныхъ.

9-го Января 1859 г. Тифлисъ.

*

Заканчивая обзоръ военной дѣятельности князя Барятинскаго и вмѣстѣ съ тѣмъ второй томъ его біографіи, я долженъ повторить, что болѣе полная обрисовка характера этого государственнаго человѣка будетъ возможна только впослѣдствіи, когда, по выраженію Грановскаго, событія удалятся отъ насъ на историческій выстрѣлъ.

Въ слѣдующемъ томѣ будетъ изложена его дѣятельность гражданская, какъ намѣстника Кавказскаго, съ заключительными главами о послѣднихъ годахъ жизни фельдмаршала.

АЗБУЧНЫЙ УКАЗАТЕЛЬ.

Абадзехи 314, 315, 317, 322, 323, 324, 326, 339, 350, 387, 394, 396, 397, 421, 423, 426.
Абданъ-Забудилъ-Зане гора 262.
Абинское укрѣпленіе 34.
Абхазія 13, 29, 32—35, 41, 42, 85, 193, 202, 319, 345—348, 356, 389, 390, 422, 423, 426, 430, 435, 452.
Аварія 141, 223, 225, 267, 273, 280, 431, 435.
Аварское Койсу 257, 259, 260, 265, 266, 271, 274, 275, 280.
Авлабаръ 296.
Автуръ 100.
Адагумская л. 172, 318, 350, 421.
Адагумскій отрядъ 143.
Адагумъ р. 34, 66, 68, 78, 99, 127, 170, 313, 315, 316, 372, 395—397.
Адлербергъ графъ Владим. Өедор. 180, 411, 414.
Адыги (Черкесы) 95.
Азорскіе острова 385.
Айвазовскій 157, 166.
Аймяки укрѣпл. 85.
Аки-юртъ 132.
Аксай р. 138, 341.
Акуша 296.
Алазань 84, 256, 451.
Александра Іосифовна великая княгиня 111, 114, 174, 180, 183, 235.
Александра Өеодоровна императрица 115, 148, 149, 235, 239, 325.
Александровская станица 31.
Александровъ 373.
Александрополь 444.
Александръ I-й 174, 337, 369.
Александръ II-й 1—458.
Алжиръ 180.
Алистанжи аулъ 136, 137.
Алиханъ 282.
Альбрандтъ 124.
Альтенбургъ 61.
Аму-Дарья р. 45, 49, 154.
Амуръ р. 116, 206.
Анапа 31—35, 72, 83, 151, 155, 168, 197, 200, 203, 350, 441.
Анатолія 387.
Андаляль 141, 257, 267, 269, 272.
Анди 256.
Андійскія высоты 456.
Андійскій хребетъ 84, 130, 135, 137, 138, 140, 141.
Андійское Койсу 140, 141, 223—225, 227, 228, 255—257, 259—261, 264, 265, 272, 311, 435.
Андія 224, 262, 264, 271.
Андрониковъ князь 4, 15, 71, 81.
Аникратль 133.
Анненковъ Н. Н. 159, 232, 234.
Ансіюта селеніе 263.
Анцросо 132.
Анцухъ 132.
Арагва р. 153.
Аракчеевъ графъ 369.
Аральское море 45, 48, 64, 65, 77, 79, 336, 409.
Арахъ-тау 280.
Аргуань 224, 261, 263.
Аргунская л. 261.
Аргунское ущелье 100, 125, 128, 130,

131, 134, 210—213, 219, 220, 256, 263, 341, 344.
Аргунъ р. 84, 85, 129, 132, 170, 419.
Аргутинскій князь 272.
Арханизовскій лиманъ 426.
Арцбецкое ущелье 261.
Асса 135.
Астрабадъ 154, 167, 234.
Асѣевъ 15.
Атабай 345, 419.
Атрекъ р. 122.
Аухъ 99, 110, 126, 212.
Афганистанъ 120, 121.
Ахалцыхъ 66, 194, 195, 444.
Ахалъ-Текке 49, 360.
Ахвахъ 275.
Ахкентъ 280, 311.
Ахты 85.
Ахульго 216, 217, 274, 276, 280, 283, 284, 311.
Ачхой 131, 248.
Ашильта 274, 280.

*

Бабичъ 429.
Бабкинъ 237.
Баженовъ 214.
Баиловъ мысъ 110.
Баканская станица 397.
Баканъ р. 318.
Бакинскій портъ 110, 241.
Баклановъ 4, 213.
Баку 46, 48, 52, 61, 106, 107, 147, 166, 180, 415, 445, 448, 451, 454.
Баракаевцы 318, 323.
Барановъ графъ 149.
Баранцевъ 148, 158, 160, 164.
Барреръ 176.
Барятинскій князь Викторъ Ивановичъ 106.
Барятинскій князь Владим. Ив. 149, 238, 322.
Бассъ р. 99, 136, 137, 219.
Башильбеевцы 315, 317.
Баязетъ 6.
Бебутовъ князь 73, 192.
Бей-булатъ 275.
Бейрутъ 177.
Бейстъ (фонъ) 337.
Бенкендорфъ графъ 60.
Беноевцы 341.
Беной аулъ 222.
Бердыкель 99, 125, 137.
Берингъ 55.
Бесленеевцы 318.
Бетлинскія высоты 223, 225, 226, 265, 266, 280.
Бжедухи 317, 318.
Бланшаръ 44.
Блудовъ графъ 229, 234.
Баговцы 318.
Богосскій хребетъ 261, 435.
Богулялъ 261.
Богуславскій 326.
Богушевичъ 123.
Большой Зеленчукъ р. 314, 317.
Бомборы 35.
Боржомъ 327, 344, 351.
Ботлихъ сел. 263.
Браггіоти 200.
Брокъ 56, 57, 161, 196, 231, 232, 234, 237, 238.
Бруновъ бар. 48, 49, 200—203.
Бугазскій лиманъ 34.
Булатовъ Ѳ. Е. 457.
Буртунай 129, 130, 132, 134, 255, 256, 261.
Бурундукъ-Кале 272.
Бутаковъ В. П. 49, 54.
Бутеневъ 63, 64.
Бутковъ В. П. 41, 149, 156, 159, 163, 165, 229—249, 365.
Бухара 49.
Бѣлая р. 84, 99, 127, 170, 190, 313—318, 350, 394, 396, 421, 425, 428, 429.
Бѣлорѣченская л. 396.
Бѣлорѣченское укр. 314.

Бѣлый Ключь 55.
Бюжо 116.

*

Вагнеръ 15.
Валевская графиня 181.
Вальтеръ 385, 388, 411, 427.
Вареникова пристань 35.
Васильевъ 46, 47, 51, 52, 61, 64, 66, 71, 73, 107, 110, 121, 151, 233, 236, 237.
Васильчиковъ князь Викт. Ил. 148, 150, 153, 160, 162, 164, 240.
Ведень 128, 135, 137—141, 173, 206, 210, 216, 220, 222, 255, 256, 259, 261, 266, 267, 271, 311.
Веймаръ 61.
Верягинъ 148, 165.
Виллафранка 268.
Вильгельмъ принцъ Баденскій 395.
Вильдбадъ 12, 13.
Виртембергскій принцъ 51, 52.
Витгенштейнъ княгиня 44.
Витгенштейнъ князь Эмиль 44, 279.
Витязева станица 31.
Владикавказскій округъ 15, 21, 24, 32.
Владикавказъ 85, 110, 124, 127, 129, 132, 135, 148, 415, 427.
Внезапная крѣпость 85.
Военно-Грузинская дорога 15, 16, 19, 25, 112, 123, 144, 148, 156, 206, 211, 249, 276, 277, 279, 281, 298, 304, 356, 424, 450, 451.
Военно-Имеретинская дорога 356, 451.
Военно-Осетинская дорога 320, 451.
Военно-Осетинскій округъ 131, 132, 134—136.
Воздвиженская крѣп. 85, 99, 128, 137, 210, 211.
Волконскій князь 57, 230, 233, 236.
Волоцкой 15.
Вольфъ 11, 26—28, 80, 88, 160, 164.
Воронцова княгиня Елис. Ксав. 8.
Воронцовъ князь М. С. 2, 5, 8, 11, 13, 38, 42, 87, 97, 140, 216, 217, 221, 449.
Воронцовъ князь С. М. 5.
Врангель баронъ А. Е. 47, 48, 87, 132, 134, 135, 141, 154, 155, 157, 160, 192, 223—226, 255, 258—262, 265—267, 247, 285, 291—293, 302, 311, 457.
Вревскій баронъ Ип. Ал. 15, 131, 133, 187, 248.
Вырубовъ 42.
Вѣра р. 153.
Вяземскій князь П. А. 237, 325, 332—334.

*

Габаевъ 303.
Гагаринъ князь 78, 231.
Гагры 31—33, 35, 201, 212, 320, 347, 453.
Гакстгаузенъ баронъ 60.
Галатъ-ханъ 55.
Галашевскія земли 135.
Галашевцы 131.
Геденіусъ врачъ 5.
Геленджикъ 200, 319.
Гельдыгенъ 125.
Гератъ 120, 122.
Гергебиль 38, 86, 137, 140, 141, 311, 336.
Герзель-аулъ 85, 125.
Герштенцвейгъ 142, 143, 150, 156, 160, 164.
Гибралтаръ 336, 385.
Гидатль аулъ 280.
Гималайскія горы 336, 337.
Гимры 44, 274—276, 280.
Гиренка 420.
Гіага 314.
Глѣбовъ 364.
Гойта 128.
Гойтемировскіе ворота 126.
Гойтемиръ-Капу 99.
Голицынъ князь 179.
Головинъ 216.

Головнинъ А. В. 48, 59, 111—118, 146, 148, 156, 158, 167, 177—184, 307, 361—369, 410.
Голотль 275.
Гопе 55.
Гордѣенко 237.
Горійскій мостъ 230.
Горчаковъ князь А. М. 197,200—203, 232, 234, 240, 242, 244, 268, 270, 308, 387, 388, 399, 400.
Горчаковъ князь М. Д. 399.
Горчаковы князья, 47, 48, 63, 64, 71, 72, 107, 119, 150, 151, 155.
Горшельтъ художн. 293.
Гостогаевское укрѣпленіе 34, 66.
Граббе графъ П. Х. 216, 224, 274, 295.
Граматинъ 15, 71.
Грановскій 458.
Греве 107.
Гренвиль лордъ 42.
Григорьевское укр. 372, 428, 429.
Грозная крѣп. 38—40, 44, 110, 124, 129, 139, 210, 219, 258—261, 428.
Грузія 86.
Губсъ р. 314, 317.
Гудовичъ графиня 181.
Гулькевичъ 233, 234, 244.
Гумбетъ 141, 256, 258, 259, 261, 265, 271.
Гунибъ 266, 267, 271, 275, 276, 280—290, 294—298, 301—304, 321, 336.
Гунимееръ уроч. 281.
Гургень р. 122.
Гурдалой аулъ 221.
Гурія 193, 346, 356, 444.

*

Давлуи 168.
Дагестанъ 3, 14, 19, 20, 22—25, 84, 85, 90, 97, 99, 126, 129, 132, 133, 140—142, 185, 207, 227, 228; 253—255, 257, 261, 265—267, 272, 281, 284, 306, 339, 341, 348, 352, 391, 419, 420, 423, 426, 427, 430, 432, 435, 457.
Дадешкеліани князь Ал-дръ 82, 155, 161, 162.
Дадешкиліани князь Константинъ 82, 161, 185.
Дадешкиліани князья 320, 435.
Дадьянъ княгиня 54, 144, 239, 244.
Даніель-бекъ 272, 280, 282, 292.
Даргинъ-Дука 130, 131.
Дарго 38, 216, 217, 221, 222, 261, 336.
Дарьяльскій мостъ 230.
Датыхъ аулъ 341.
Дашлагаръ 296.
Дахо 396.
Дачу-Барзой 130, 210.
Дебу 15.
Девель 149.
Дюкруасси 238.
Делижанъ 444.
Де-Линь князь 42.
Дербентъ 45, 285, 296.
Джансухъ 82.
Джаро-Бѣлоканская область 187, 311.
Джафаръ-ага 303.
Джевахи 229.
Джеметеевское укрѣпленіе 31, 35.
Дженгутай 296.
Джераховское ущелье 127.
Джига р. 31, 35.
Джигеты 84, 347.
Джуба 429, 430.
Дидо 130, 133, 141, 223, 256.
Длинный Лѣсъ 314, 315.
Долгоруковъ князь Вас. Андр. 149.
Долгоруковы князья 5, 59, 72, 88, 365, 369.
Достъ-Магометъ-ханъ 109.
Дуба 210.
Дурново 324.
Дусраратскій магалъ 435.

*

Евгеніевское укрѣпл. 85, 130.
Евгенія императрица 114, 181.
Евдокимовъ графъ Н. Н. 15, 32, 44, 50—52, 92, 99—101, 124, 126—128, 130—139, 162, 189, 192, 196, 199, 212—222, 227, 228, 248, 250, 252, 256, 257, 261, 274, 285, 294, 311, 328, 331, 341, 351, 372, 374, 377—379, 387, 391, 394—396, 421, 423, 428, 429.
Евфратъ 121.
Егерукаевцы 318.
Егоровъ 302.
Ейскъ 448.
Екатерина II-я 337, 373.
Екатериноградъ 16, 110.
Екатеринодаръ 452.
Ермоловъ А. П. 9, 44, 77, 85, 325.

*

Желѣзноводскъ 210.
Жуковскій В. А. 402.

*

Завойко адмир. 116.
Закавказскій край 102, 123, 158.
Закаспійскій край 45, 52.
Закаталы 4.
Закубанскій край 310.
Затлеръ 196.
Зиновьевъ 388.
Зонахъ 132.
Зотовъ П. Д. 214, 389, 422, 423.

*

Ибрагимъ-ханъ 187, 188, 260, 273, 280, 419, 420, 435.
Иваницкій 230.
Ивановъ 381.
Игали 274, 276, 280.
Игнатьевъ 154, 155.
Идиль 210.
Иланхеви 132, 223, 261, 262.
Илья царевичъ Грузинскій 57.
Ингурское ущелье 346.
Ингуши 131, 419.
Индреніусъ 15, 50, 51, 105.
Инсарскій Вас. Ант. 229, 230.
Ираклій царевичъ Грузинск. 57.
Ираклій царь 297.
Ирибъ укр. 272, 280.
Исидоръ митр. Петерб. 171.
Исмаилъ 292.
Ичичали аулъ 262.
Ичкерія 14, 128, 130, 134, 136, 138, 210, 221, 222, 254, 261, 341, 344, 419.
Ишкарты укрѣпленіе 44, 85, 223, 259, 260, 263.

*

Іедлинскій 456.
Іерусалимъ 175—177, 196, 307.

*

Кабарда 63, 344, 426.
Кабардинцы 38, 318.
Кабулъ 120, 122.
Казбій урядникъ 290.
Казикумыкское ханство 55, 85, 435.
Кази-Мулла 275, 283.
Кайтахъ 14.
Каладжинское укр. 322.
Каменный мостъ 421.
Канарскіе острова 385.
Кандагаръ 122.
Канингъ 337.
Кантакузенъ княжна 44.
Капгеръ 15, 241, 243.
Капуча 131.
Карабахъ 20, 25.
Карабулаки 131, 135.
Кара-Койсу 134, 141, 257, 280, 281, 287.
Каранаевскія высоты 280.
Каратà 225, 226, 266, 276, 280, 435.
Караязская степь 452.
Карлгофъ 15, 155, 161, 187.
Карлъ герцогъ Баварскій 248.
Карсъ 73, 443.
Карцовъ Ал-дръ Петр. 105, 378, 381, 418—430, 435.

Костельчикала принцъ 184.
Катковъ М. Н. 404.
Кауфманъ 154, 160, 214.
Кахетія 4, 14, 86, 100, 130, 133, 310.
Качкалыковскій хребетъ 85, 125.
Квишетъ 430.
Кегерскія высоты 276.
Кегеръ аулъ 269, 279—281, 301.
Керченскій проливъ 72.
Керчъ 127, 166.
Кесслеръ 287, 290, 302, 304.
Кибитъ-Магома 272, 275, 280.
Кизильбековцы 317.
Киль 182.
Килятль гора 262, 265.
Кипіани 233, 300.
Кирки 224.
Киселевъ графъ П. Д. 111, 114, 181, 203, 308, 369.
Кисловодскъ 127.
Китури аулъ 131, 132.
Кишень-Аухъ 126.
Княжевичъ 364, 365, 369.
Коби 123, 124, 424, 427, 430.
Ковалевскій 48, 155, 162.
Козловскій 15, 32, 73, 188, 190, 192.
Козровъ 248.
Койсубу 141, 257, 259, 265, 267, 271, 282, 435.
Коканъ 49.
Кокоревъ В. А. 102, 145, 149, 152, 154, 161, 234, 239.
Колиньонъ 102.
Колобатова Могила 316.
Колосовскій 15, 189, 196, 352.
Колюбакинъ Н. П. 15, 389, 390, 423.
Кундуховъ Муса 101.
Конно врачъ 60.
Кононовичъ 302, 303.
Константиновскій портъ 241.
Константиновское укр. 316, 421, 428, 453.
Константинъ Николаевичъ великій князь 45—52, 60—63, 82, 94, 106—118, 145, 146, 150—152, 155—158, 161, 167, 169—184, 206, 231—234, 238—240, 305—308, 364—368, 401, 404, 410, 414.
Конхидатль 259, 260, 272, 273.
Коргановъ 133.
Костырко 194.
Коцебу П. Е. 11, 26, 27, 191, 246, 247.
Коцебу Ѳедоръ Евстаф. 58, 80.
Кошелевъ А. И. 334.
Краббе 151.
Красноводскъ 49.
Крестъ 424.
Крузенштернъ 2, 237, 247, 249.
Крукъ 258.
Крымское укр. 372.
Крюднеръ 106.
Кубань 84, 85, 89, 90, 110, 127, 165, 190, 192, 202, 312—318, 348—352, 356, 373, 392, 395, 396, 420—429, 451, 452.
Кубаревъ Ал-ѣй Мих. 335.
Кузьминъ 194, 195.
Кузнецовъ 424.
Кумтуръ-Кале 296.
Кумыкская плоскость 85, 100, 125.
Кура р. 68, 78, 445, 451.
Курды 2.
Куринское укрѣпл. 85, 99, 125, 128 131.
Курчали аулъ 221.
Кусаковъ 15.
Кушнеревъ 302.
Кутаисъ 66, 124, 157, 159—161, 185, 320, 415.
Кутиши 296.
Кухаренко 380.
Куяды 281.
Кюринское ханство 55.
Кюрюкъ-Дара 43.

*

Лаба р. 84, 85, 99, 127, 202, 312—318, 348, 350, 395, 396, 421, 428, 452.
Лабинская линія 190, 421.
Лагодехи 133.
Лазаревъ 291—293, 296, 345, 420.
Ламбертъ 399.
Ландгурстъ лордъ 337.
Ланской 56, 57, 166, 369.
Лезгинская кордонная линія 4, 14, 15, 22, 23, 81, 84, 86, 89, 97—99, 110, 130, 133, 134, 140, 141, 187, 194, 256, 257, 280, 310, 339, 431, 435, 442, 450.
Ленкорань 454.
Ливенъ баронъ В. 5, 6, 48, 142, 148, 160, 162, 165.
Лидерсъ 399.
Лихачевъ 240.
Лобановъ - Ростовскій князь А-й Б. 267—269, 343, 387.
Лорійская степь 229.
Лорисъ-Меликовъ 71, 81, 82, 177, 343.
Лутковскій 148, 160, 163, 165.
Львовъ князь 326.

*

Магометъ-Эминъ 188, 314, 315, 322, 323, 326, 339, 386, 387, 394.
Макардъ 180.
Майкопъ 99, 127, 192, 314 — 316, 396.
Мало-Лабинская л. 314, 315, 317.
Малроти (де) 111.
Мальисбюри 202.
Мальта 174.
Мальцовъ 151.
Мамисонское ущелье 320.
Манискалка 184.
Мантейфель 111.
Манюкинъ 15.
Мараиба 31, 33, 35.
Марія Александровна императрица 13, 113, 145, 162, 239.
Марія Максимиліановна великая княгиня 395.
Марія Николаевна великая княгиня 152.
Марія царица Грузинская 57.
Мартанъ 128.
Марткоби 221.
Маршани 346, 348.
Махмутъ 64.
Махошевцы 318, 396.
Маццини 184.
Мейендорфъ баронъ 364, 366, 368.
Мекка 387, 420, 421, 426.
Мекленбургъ-Стрѣлицкій герцогъ 442.
Меликовъ князь Леванъ Ив. 4, 15, 187, 194, 223, 257, 261, 272, 391, 418, 420, 426, 430.
Меншиковъ князь 197, 232.
Мертвый Култукъ заливъ 45,
Мескенъ-Дукъ 131.
Метлинъ 106, 148, 151, 156.
Меттернихъ 337.
Мехельта 262.
Мехтулинскій ханъ 54.
Мешхедъ 122.
Микеладзе 303.
Милютинъ графъ Д. А. 2, 10, 11, 59, 87, 88, 91, 92, 101 —106, 110, 115—118, 128, 135—138, 142—169, 177, 185, 188—191, 196, 209, 214, 227, 228, 237, 255, 258, 260, 274, 276, 285, 324, 327, 328, 331, 342, 343, 348—351, 371, 377, 382, 386, 427, 431.
Мингичауръ 451.
Мингрелія 33, 42, 81, 117, 118, 144, 202, 238, 239, 249, 300, 346, 356, 360, 444.
Минквицъ 186.
Мирежди 135.
Мирскіе князья 101, 136, 214, 224 225, 341, 345, 351, 419, 426—430.
Мирскій князь Д. И. 274, 286, 291.
Мирскій князь Никол. Ив. 382.

Михаилъ Николаевичъ великій князь 103, 124, 145, 149, 158, 168, 215, 218, 247, 398, 411.
Михаилъ царевичъ Грузинскій 57.
Мичикале 224, 261.
Мичикъ р. 44, 99, 132, 210.
Мищенко 15, 132.
Міарса сел. 263.
Міатлы 134.
Млетскій подъемъ 124.
Молчанова 57.
Монсенисъ 61.
Морисъ 200.
Мукурлинскій магалъ 435.
Муравьевъ Мих. Н. 369.
Муравьевъ-Амурскій графъ Н. Н. 206, 385.
Муравьевъ Н. Н. 2, 4, 6, 11, 13, 18. 19, 21 — 29, 38, 41, 44, 58, 73, 81, 88, 116, 123, 127, 142, 180, 232, 365, 369.
Мухранскій князь Гр. 15.
Муштаидъ 297.
Мцхетъ 153, 221.
Мюратъ принцъ 60.

*

Назимовъ 142, 163.
Назрановцы 131.
Назранъ 135.
Нальчикъ 230.
Наполеонъ I-й 335.
Наполеонъ III-й 59, 60, 102, 113, 114, 120, 180, 181, 205, 209, 237, 337, 335, 400.
Наполеонъ принцъ 248.
Натухайскій округъ 421, 425, 426.
Натухайцы 315, 316, 318, 395.
Нашебургскій редутъ 31.
Неберджай р. 318.
Неберджайская станица 397.
Невскій 62, 67, 75.
Невѣровскій 11, 162.
Нейдгардъ 216.
Непокойчицкій 160, 164, 165.
Нерсесъ Армянск. патріархъ 57.
Нижне-Адагумское укрѣпл. 190, 316.
Николаевская станица 31.
Николаевскій постъ 31.
Николаевскій фортъ 35.
Николаи баронъ Ал-дръ Павл. 15, 50, 51, 114, 115, 125, 213, 300, 369.
Николай I-й 10, 206, 337, 389.
Николай Константиновичъ вел. князь 174, 182.
Николай Николаевичъ великій князь 145, 158, 168, 215, 247.
Ново-Петровское укрѣпл. 48, 54, 61, 66, 106.
Новороссійскъ 31 — 34, 66, 201 — 203, 453.
Новосельскій 145, 149, 156, 157, 161, 166, 382, 383, 386, 426.
Новочеркаскъ 82, 143.
Ностицъ графъ 214, 253.
Нуха 4, 84.

*

Обезьяниновъ 146, 151, 152, 161.
Оболенскій князь Дм. 179.
Озургеты 31.
Окропиръ царевичъ Грузинск. 57.
Ольгинское укрѣпленіе 35.
Ольшевскій 15.
Орбельяни князь Григ. Дм. 15, 44, 50, 51, 71, 82, 109, 129, 132, 160, 192, 298, 351, 378, 382, 384 389 — 391, 411, 418, 422—430.
Орбельяновы 229, 242.
Орбельянъ князь Капланъ 430.
Орбельянъ князь Мамука 325, 327.
Ори-Цхале 256.
Орловскій К. 299.
Орловъ князь А. Ѳ. 55, 57, 147, 171, 181, 229, 232, 234, 239—241, 298, 365.
Орловъ Никол. 181.
Орловъ-Давыдовъ графъ 5, 246, 294, 382.

Орто-Коло 262, 263.
Осетинскій округъ 101, 440.
Офенбергъ 7.

*

Палестина 176, 307.
Пальмерстонъ лордъ 3, 335.
Панасевичъ 300.
Панинъ графъ В. Н. 180, 229, 365, 369.
Паркей 159.
Пасанауръ 427.
Патмосъ 177.
Пензулаевъ Алибекъ 295.
Перекопъ 6.
Перовскій графъ 48, 53, 54, 61, 106.
Петровское укрѣпл. 43, 46, 48, 50—52, 107, 166, 296, 419, 430, 445, 448, 454.
Пицунда 29, 31.
Погодинъ М. П. 325, 334—338.
Подполье 65.
Порохня 380.
Поти 31, 66, 68, 70, 78, 103, 143, 197, 200, 203, 241, 248, 336, 382, 418, 430, 445.
Преображенское укр. 273.
Придоновъ Е. 300.
Прикаспійскій край 15, 21, 24, 97—99, 133, 134, 141, 254, 256, 257, 280, 310, 435.
Прочный окопъ 230.
Псебайское укр. 314, 317.
Псеменская станица 397, 428, 429.
Псху 346, 388.
Пулло 213.
Путятинъ графъ 116, 364.
Пушкинъ А. С. 336, 402.
Пфортенъ (фонъ) 337.
Пшеха 396, 397.
Пшишъ 429.
Пятигорскъ 41, 210.

*

Радецкій 289, 303, 430.
Раевскій фортъ 31, 66.
Райсъ 300.
Ракусса 224.
Редклифъ лордъ 119, 120.
Редутъ-Кале 31, 68.
Рейтернъ 181, 308.
Ретло озеро 261—264.
Рехбергъ графъ 337.
Ризенкампфъ 155, 157.
Ришелье 116.
Ріонъ р. 68, 78, 143, 451.
Родосъ 177.
Романовскій 105.
Россель лордъ 337.
Ростовцовъ 159, 240, 246.
Ругджа 275, 280, 281.
Рунницкій 258.
Румянцовъ графъ П. А. 336.
Руновскій 386.
Руссовъ 65.
Рылѣевъ 262.

*

Сагиновъ 195.
Сагрытло 223—225, 255, 271, 274.
Сагрытлоскій мостъ 268.
Садръ-Азамъ 121.
Саксенъ-Веймарскій герцогъ 248.
Салатавія 97, 99, 110, 126, 133—138, 141, 154, 254, 256, 259, 271.
Салты 86, 137, 140, 311.
Саадулла наибъ 275.
Самосъ 177.
Самуръ р. 84, 85.
Самухъ 451.
Сараджевъ 45.
Саркисъ 157.
Сванетія 82, 84, 100, 144, 185, 319, 320, 346, 347, 356.
Свидерусъ 67, 77.
Свѣчинъ 323.
Севастополь 1, 8, 69, 336, 337.
Северниковъ 152, 189, 196.
Семякинъ 161, 252.
Сенъ-Клу 60.
Серебряковъ 15, 107, 161.

Сеферъ-бей 75, 188, 314, 318.
Сиверсъ графъ 166.
Сивухъ 260.
Сидней Гербертъ 337.
Симферополь 5, 6, 72, 208.
Сіукъ 262.
Скворцовъ 302.
Слинько 71.
Слѣпцовъ 87.
Смирна 178.
Смиттенъ 232.
Сологубъ графъ 44.
Сперанскій графъ 118.
Ставрополь 15, 21, 22, 24, 110, 127, 208, 230, 415.
Старицкій Ив. Мих. 11, 165, 230.
Статковскій 123, 124.
Стеценковъ 64, 107, 108, 146, 152.
Стратфордъ-Редклифъ лордъ 337.
Строгоновъ графъ 56, 65, 146, 187.
Струве 71.
Суворовская станица 31.
Суворовъ князь А. В. 336.
Сулакъ р. 84, 85, 259.
Сунжа р. 85, 99, 129, 275, 313.
Сунжинская линія 124, 128.
Супсъ р. 372.
Сурамскій хребетъ 90, 319, 320.
Сусловъ 15, 213.
Сухозанетъ Н. О. 35 — 37, 48, 53, 61—83, 93, 143, 147, 151, 158, 167, 184, 199, 215, 240, 249 — 255, 268, 399.
Сухумъ-Кале 20, 31, 33, 35, 68, 72, 107, 241, 320, 345, 346, 422, 423, 430, 453.
Сыръ-Дарья 45.

*

Табасарань 14, 230.
Тагаурцы 440.
Таганрогъ 210.
Талгикъ 210.
Талейранъ 337.
Тамовцы 317.
Тандо сел. 258, 263.
Таннеръ 443.
Танусъ-балъ 260, 275, 280.
Танѣевъ 234.
Тарковскій шамхалъ 42, 54.
Тарская долина 344.
Тарханъ-Моуравовъ князь 289, 301, 303.
Таузень р. 136, 137.
Таузень укрѣпл. 220, 261.
Тегень р. 314.
Тегеранъ 63, 65.
Темиргоевцы 318.
Темиръ-Ханъ-Шура 43—45, 50—52, 85, 126, 129, 228, 259, 264, 265, 272, 285, 295, 295, 296, 420, 430.
Темрюкъ 452.
Тергукасовъ 289, 301—303.
Теренъ 23, 25, 84, 89, 127, 170, 211, 228, 275, 432, 451, 452.
Теренгульскій оврагъ 129.
Терская область 340, 426—430.
Теріевъ 303.
Технуцалъ 226, 256, 261, 266, 271.
Тизенгаузенъ 68, 107.
Тилитль 272, 275, 276.
Тимашевъ 369.
Типпо-Саибъ 42.
Тлапсовы 347.
Тлохъ аулъ 274, 276, 280, 387.
Толстой графъ 151, 152, 162, 189, 196.
Толстой Як. 60.
Торнау бар. Никол. Егор. 106, 149, 152, 161, 167.
Тремуйль герцогиня 181.
Тромповскій 139, 209, 227, 296.
Трубецкая княжна Ек. Ник. 181.
Трубецкой князь Никол. 181.
Трувиль 180.
Туапсе 200, 319, 429.
Туркестанъ 120.
Турчидагъ 264, 265, 272.
Тушетія 256.

Убыхи 35, 318, 347, 397, 429.
Улу-Кале крѣпость 141, 255, 257, 265.
Ума-наибъ 341, 345, 419.
Умалатъ 210.
Ункратль 256, 261, 419, 435.
Унцукуль 274, 276, 280.
Урупъ р. 84, 99, 314, 317.
Урусъ-Мартанъ 131, 248.
Усларъ 15, 161, 162, 427, 428.
Усть-Уртъ 45, 52, 53, 64.
Учардіевы 347.

*

Фарсъ р. 314, 315, 317.
Ферзенъ графъ 139.
Филаретъ митр. Моск. 42, 368.
Филипсонъ Г. И. 15, 56, 64, 72, 83, 165, 187, 188, 190, 200, 318, 322, 323, 328, 350, 351, 378, 426.
Фортъ-Раевскій 34.
Франкини 63, 349, 386.
Фридрихъ II-й 7.
Фроловъ 157.
Фюнфтъ р. 317, 396.

*

Хаджи-Муратъ 274.
Хамкеты уроч. 317, 322, 397, 428.
Ханыковъ Н. В. 102, 109, 115, 117, 4—156, 158, 331.
Харачи аулъ 274.
Харитоновъ А. А. 233, 235, 236, 238—240, 361.
51**Хасавъ-Юртъ** 85, 125, 126.
Хасай Уцміевъ князь 100, 101.
Хевсурія 133.
Хива 49, 53.
Хинды 281.
Хіосъ 178.
Хоби-Шавдонское укрѣпл. 99, 100, 125, 222.
Ходза р. 314, 317, 396.
Ходжалъ Махи укрѣпл. 85, 296.
Хомутовъ 143, 332, 349, 377.
Хорасанъ 156.
Хорочой аулъ 222, 262.
Христиничъ 234.
Хрулевъ С. А. 149, 194.
Хулхулау р. 137, 220, 222.
Хунзахъ 275, 276, 280, 419.

*

Царскіе Колодцы 133.
Цебельда 13, 33, 35, 84, 319, 320, 347, 348, 423, 435.
Цемесская бухта 315.
Цинондалы 4.
Цонтери аулъ 221.
Цунта-Ахвахъ 435.

*

Чавчавадзе княгини 86.
Чанта р. 130.
Чанты-Аргунъ 133, 211.
Чарбили 256.
Чеберлой 261, 271.
Чевкинъ 47, 48, 50, 51, 55, 61, 106, 144, 148, 156, 365.
Челекень островъ 121.
Чельтистави урочище 261.
Червленная 110.
Чермоевъ 253.
Черноморія 15, 20, 21, 30—32, 34, 35, 89, 107, 127, 192, 313, 317, 370, 373, 378, 421.
Чернышовъ князь Ал-дръ Ив. 235.
Чертковъ М. И. 81, 214, 238, 239.
Чечня 14, 38—40, 50, 52, 85, 92, 97, 99—101, 124—131, 135—142, 173, 189, 210—214, 253—255, 261, 266, 275, 284, 310, 342, 344, 348, 356, 419, 428, 431, 432, 436.
Чиркатъ 223, 225, 226, 259, 260, 274, 280.
Чиръ-Юртъ 21, 85, 110, 280.
Чохъ 86, 137, 140, 265, 272, 276, 280, 311.

*

Шавердовъ 237.
Шалинское укрѣпл. 100, 125, 136, 219, 261.
Шамбери 61.

Шамиль 3, 4, 38, 86, 96, 97, 128—135, 138, 140, 141, 206—211, 216, 220, 227, 228, 257, 261, 265—276, 281—297, 301—304, 311, 312, 320, 322—326, 329, 340, 342, 386, 387, 413, 417, 420, 433.
Шапсуги 317, 318, 323, 326, 350, 351, 372, 395, 396, 423, 429.
Шаро-Аргунъ р. 130, 132, 211.
Шатоевская долина 131.
Шатоевское укрѣпл. 132, 135, 136, 211, 219.
Шахгиреевцы 315, 318.
Шаховской 247.
Шварценбергъ 337.
Шебшъ р. 395, 429.
Шемаха 45—47, 60.
Шервашидзе князь **Мих.** 41, 64, 388—390, 422.
Шереметевъ 162, 233.
Шолле 72.
Шротъ 375.
Штакельбергъ 388.
Штиглицъ 361.
Шубутъ 248.
Шуваловъ графъ **Андр.** 8.

*

Эзенъ-аиъ озеро 261, 262.
Эльборусъ 336, 337.
Эльстонъ графъ 157.
Энгеликъ 128.
Эривань 444.
Эристовъ князь **Евстафій** 15, 58, 192, 193, 230, 233.
Эрсеной 221, 261.
Эски 210.
Эспинасъ 180.

*

Юнусъ 285, 291—293.
Юсуфъ-бекъ 55, 435.
Юсуфъ-ханъ 420.

*

Яманъ-Су 222, 341.
Яни-аиъ озеро 264.
Ярыкъ-Су р. 126.

*

Ѳадѣевъ 223—227, 258—260, 266, 430.
Ѳедотовъ 63, 65.

Acme
Bookbinding Co., Inc.
300 Summer Street
Boston, Mass. 02210

3 2044 015 700 719

The borrower must return this item on or before the last date stamped below. If another user places a recall for this item, the borrower will be notified of the need for an earlier return.

*Non-receipt of overdue notices does **not** exempt the borrower from overdue fines.*

Harvard College Widener Library
Cambridge, MA 02138 617-495-2413

WIDENER
SEP 2 9 2004
BOOK DUE
CANCELLED

Please handle with care.
Thank you for helping to preserve library collections at Harvard.